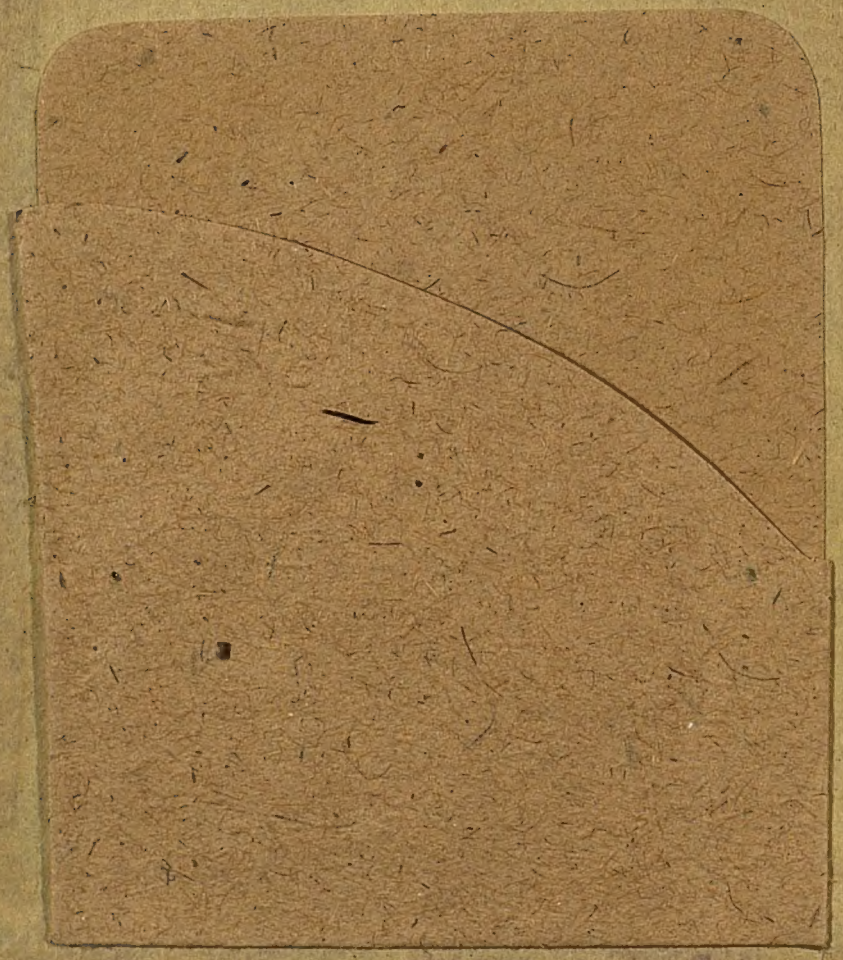
E57
1220



GE
661

УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ ДЛЯ СОВПАРТШКОЛ И РАБФАКОВ

E57 1220

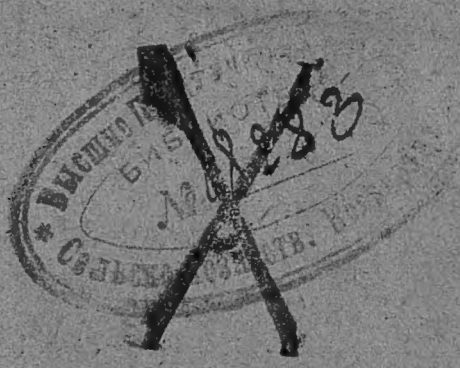
Л. СЕГАЛЬ и Б. ТАЛЬ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

ОБЪЕДИНЕННАЯ БИБЛИОТЕКА И. К. П.

ИЗДАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ, ПЕРЕРАБОТАННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ

Допущено методическими комиссиями Главпрофобра и Главполитпросвета Наркомпроса РСФСР



ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1930 ★ ЛЕНИНГРАД

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
675783 V

БИБЛИОТЕКА
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ИСКЛЮЧЕНА
ИНСТИТУТА

ОТПЕЧАТАНО
в 1-й Образцовой типографии
Гиза. Москва, Баловая, 28.
Главлит А-50295. А-62. Гиз 35973.
Зак. 3209. Тир. 125 000. 29¹/₂ п. л.

ПРЕДИСЛОВИЕ К IV ИЗДАНИЮ.

Выход в свет настоящего, четвертого издания нашего учебника спустя год с небольшим после выхода первого издания авторы рассматривают, как подтверждение правильности того плана построения книги, которое им пришлось в предисловии к первому изданию подробно обосновывать и защищать. В настоящее время необходимость такого построения курса экономической политики СССР общепризнана.

При переработке книги авторы приняли во внимание ряд указаний критики, за исключением одного, а именно указания насчет необходимости освещения в книге теоретических проблем советского хозяйства.

Разумеется, на современном этапе развития основательное изучение экономической политики СССР невозможно вне связи с теорией советского хозяйства, как конкретного типа переходного хозяйства. Но изучение экономики и экономической политики СССР представляет собой, по нашему мнению, процесс, развивающийся через ряд этапов. Одним из этапов к теоретическому анализу советской экономики является подробное изучение всей системы хозяйственной политики пролетарской диктатуры в целом и принципов и методов социалистического строительства в отдельных отраслях хозяйства. Наша книга и ставит себе задачу дать широким слоям учащихся возможность пройти этот подготовительный к теории советского хозяйства этап. Нельзя заниматься теоретическим анализом переходной советской экономики, не ознакомившись достаточно подробно с самим об'ектом анализа. Теоретический анализ советской экономики и освещение на основе этого анализа основных п р о б л е м экономполитики являются задачей самостоятельной работы, необходимость которой ощущается с большой остротой.

Все изменения, внесенные нами в настоящее издание, обусловливаются в первую очередь тем, что текст первого издания был написан в 1926/27 гг. (второе и третье издания — стереотипные с первого), а переработка книги для четвертого издания произведена в сентябре — октябре 1929 г.

Переработка произведена по линии обоснования политики партии, проводимой в борьбе на два фронта, в особенности в борьбе

с правым уклоном и примиренчеством. Все кардинальные вопросы и целый ряд частных вопросов даны в книге в такой именно постановке. Существеннейшим моментом о б о с н о в а н и я линии партии является самая к р и т и к а уклонов от партийной линии.

В одной из своих статей по теории рынка Ленин писал: «Остаются и будут оставаться неудачными все попытки усвоить «систему Маркса», не усваивая ее «полемического характера» (Ленин, т. II, изд. 1-е, стр. 489). Это относится ко всем областям марксизма-ленинизма, в особенности к экономической политике пролетарской диктатуры.

Особой переработке подверглась глава IV первого издания, которая в настоящем издании разбита на две главы (IV и V). Почти заново написана глава о сельском хозяйстве. В отличие от первого издания, в котором глава о труде шла непосредственно после промышленности, в новом издании проблемы труда изучаются после сельского хозяйства.

В книге, разумеется, обновлен и освежен весь статистический материал.

Весь план и материал книги, методическая и методологическая постановка и трактовка основных проблем проработаны обоими авторами. Тов. Б. Талем написана бóльшая часть «Введения», весь § 3 гл. 4 и часть § 2. Остальное написано тов. Л. Сегалем.

А в т о р ы.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВВЕДЕНИЕ.

МАРКС И ЭНГЕЛЬС ОБ ЭКОНОМИКЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА.

Международный характер нашей революции.

Октябрьская революция 1917 г. является началом мировой социалистической революции, необходимость и неизбежность которой были научно обоснованы и предсказаны Марксом и Энгельсом. В «Коммунистическом манифесте» (1848 г.) ими впервые было наиболее полно формулировано и доказано то положение, что капиталистический строй, развиваясь и вытесняя все остальные формы хозяйства, подчиняя себе весь мир, расширяет и развивает присущие ему внутренние противоречия. Рост капитализма есть одновременно и рост пролетариата — могильщика капитализма. Развивая производительные силы, капитализм увеличивает власть общества над природой, но он достигает этого путем обострения классовых противоречий внутри общества. Когда капитализм превратил весь мир в единое хозяйственное целое, когда он создал колоссальные по своей мощности средства производства и предприятия, которые по степени своей технической обобществленности требуют и общественного управления процессом производства, — капитализм, основанный на частной собственности на общественные средства производства, сам становится препятствием для дальнейшего развития производительных сил.

«На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества впадают в противоречие с существующими производственными отношениями, или, употребляя юридическое выражение, с имущественными отношениями, внутри которых они до сих пор действовали. Из формы развития производительных сил эти отношения становятся их оковами. Тогда наступает эпоха социальной революции» (Маркс).

Ленин доказал, что империализм и есть канун предсказанной Марксом эпохи пролетарской революции, которая должна сорвать с выросших производительных сил буржуазно-капиталистические оковы. Именно империализм с его «загниванием», с его обостряющейся борьбой за передел мира, с его войнами и всеми вытекающими

отсюда бедствиями для огромнейшего большинства человечества показывает вполне отчетливо, что капиталистическая система не в состоянии справиться с созданными ею производительными силами. Империализм — новейший и последний этап капитализма — не только углубляет анархию производства в мировом хозяйстве, но в небывалой еще мере усиливает классовые противоречия. Все это в своей совокупности приводит к пролетарской революции. Коммунизм — единственный выход из того тупика, к которому привело развитие капитализма.

Пролетарская революция есть мировая революция. Все мировое хозяйство представляет собой единое целое, в котором все отдельные составные части связаны друг с другом и зависят друг от друга. С другой стороны, хотя мировая буржуазия находится в постоянной конкурентной борьбе, но, поскольку дело касается классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией, последняя стремится выступать единым фронтом. Поэтому борьба рабочего класса против капитализма, борьба за коммунизм не может не быть мировой. «Коммунистический манифест», наметивший путь к коммунизму, и заканчивается лозунгом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Ибо коммунизм может одержать о к о н ч а т е л ь н у ю победу только в международном масштабе, и самый коммунистический строй будет единым строем, охватывающим весь мир.

Но из того, что социалистическая революция не может не быть мировой, не следует, что она должна начаться сразу во всем мире. «Неравномерность экономического развития, — говорит Ленин, — есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы против остального капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая, в случае необходимости, даже с военной силой против эксплоататорских слоев и их государств». Эпоха социалистической революции есть длительный период непосредственной борьбы пролетариата за власть и за социалистическое переустройство общества, причем первые свои победы рабочий класс одерживает на том участке фронта, где империализм имеет наиболее слабые и уязвимые позиции. Именно этим следует об'яснить, почему мировая социалистическая революция началась в России. И обратно, — из всего сказанного вытекает, что Октябрьская революция 1917 г. приведет к окончательной победе социализма (в смысле полной гарантии от реставрации капитализма) только как часть революции мировой.

Подобно тому как завоевание пролетариатом государственной власти не происходит одновременно во всем мире, так и строительство социализма начинается не сразу в мировом масштабе. Проле-

тариат, победивший в одной стране, должен приступить к созданию социалистического строя, не дожидаясь победы в других странах. Нельзя рассматривать борьбу за власть и социалистическое строительство, как два не связанных друг с другом фронта борьбы пролетариата. Это не два различных фронта, а только два участка единого фронта. После первой победы пролетариата в одной стране единый фронт социалистической революции проходит по двум линиям: 1) линия борьбы за власть в тех странах, где еще господствует буржуазия, 2) линия социалистического строительства в стране победившего пролетариата. Ослабление и неудачи социалистического строительства в СССР усиливают капиталистические элементы внутри страны и позиции мирового капитала, ослабляя тем самым позиции международного пролетариата, борющегося за власть. А ослабление позиций мирового пролетариата ведет к затруднениям в нашем социалистическом строительстве. Поэтому мы должны рассматривать наше социалистическое строительство и следовательно нашу экономическую политику, как составную часть всего процесса разворачивающейся мировой социалистической революции.

Мы строим социализм в нашей стране, отчетливо сознавая, что наше социалистическое строительство является базой мировой революции.

Маркс и Энгельс о переходе к коммунизму.

Совершенно естественно возникает вопрос: если наша революция, наше хозяйственное строительство, наша экономическая политика являются началом и частью мировой пролетарской революции; если мировая революция была предсказана и путь к ней был указан Марксом и Энгельсом 75 с лишним лет тому назад; если их предвидение оправдалось, и путь, намеченный ими, оказался правильным, ведущим к победе, — то какие именно вытекают из учения Маркса и Энгельса выводы об экономической политике пролетариата, ставшего у власти? Какие указания для нашей экономической политики находим мы в учении Маркса и Энгельса, в том учении, которое развито, продолжено и претворено в жизнь величайшим революционным марксистом нашей эпохи и вождем пролетарской революции — В. И. Лениным.

Наша экономическая политика в основной своей линии определяется не случайно, а в соответствии с принципами, провозглашенными авторами «Коммунистического манифеста», в частности с теми его положениями, которыми намечаются главные вехи на пути к коммунизму после завоевания власти пролетариатом. Позже, в «Критике Готской программы» (1875 г.) Маркс еще раз останавливается на вопросе о тех отношениях, которые будут существовать в период перехода от капитализма к коммунизму. Внимательно изучая оба эти документа вместе с рядом других работ Маркса и Энгельса, мы можем проследить основные принципы экономической политики пролетарского государства, как они были бегло

намечены Марксом и Энгельсом и впоследствии глубоко и всесторонне развиты В. И. Лениным применительно к конкретным условиям социалистического строительства в советской России.

Исходным моментом является пролетарская революция, победа рабочего класса над буржуазией. «Первым шагом рабочей революции должно быть возвышение пролетариата на степень господствующего класса, завоевание демократии», — писали Маркс и Энгельс в «Коммунистическом манифесте».

Далее они говорят о политике пролетариата, завоевавшего государственную власть:

«Пролетариат воспользуется своим политическим господством, чтобы постепенно отнять у буржуазии весь капитал, чтобы централизовать все орудия труда в руках государства, т. е. организованного в качестве господствующего класса пролетариата, и чтобы по возможности скорее увеличить массу производительных сил»[1].

Здесь Маркс и Энгельс отмечают, что, захватив власть, пролетариат постепенно должен отнять у буржуазии «весь капитал».

И дальше Маркс и Энгельс делают замечание, имеющее огромное значение для понимания сущности перехода к социализму:

«Конечно сначала это может совершиться только путем деспотических вторжений в право собственности и в буржуазные условия производства, следовательно путем мероприятий, которые с экономической точки зрения кажутся недостаточными, ненадежными, но которые в ходе движения перерастут самих себя и неизбежны как средства для преобразования всего способа производства»[2].

Маркс и Энгельс, касаясь вопроса о переходе от капитализма к социализму, о политике пролетариата, овладевшего государственной властью, намечали ряд основных принципов этой политики[3]:

1. Овладев государственной властью, установив свою диктатуру, пролетариат, имея задачей осуществление социалистического переустройства общества, должен:

а) сначала «путем деспотических вторжений в право собственности» («экспроприация экспроприаторов») овладеть командными хозяйственными высотами (земля, транспорт, банки, «увеличение числа государственных фабрик и орудий производства»);

б) «по возможности скорее увеличить массу производительных сил», без чего невозможен переход к социалистическому строю;

в) «постепенно отнять у буржуазии весь капитал», иначе говоря, постепенно полностью вытеснить капиталистические элементы из экономики.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Коммунистический манифест, «Московский рабочий», 1923 г., стр. 71.

[2] Там же. Выделено нами. — *Авт.*

[3] См. «Коммунистический манифест», гл. II.

Все эти принципы политики пролетариата в переходный к социализму период могут быть коротко сформулированы, как развитие производительных сил и их обобществление.

Но это еще не дает исчерпывающего представления о принципах экономической политики пролетарской диктатуры в представлении Маркса и Энгельса. Здесь освещено отношение пролетариата к буржуазии и капиталистической собственности. Остается еще:

2. Важнейший вопрос об отношении пролетариата к некапиталистическому хозяйству.

«Каково наше отношение к мелкому крестьянству? И как нам придется с ним поступить, когда государственная власть очутится в наших руках?» — спрашивает Энгельс [1]. И отвечает: «Обладая государственной властью, мы не будем думать о том, чтобы насильно экспроприировать мелких крестьян (с вознаграждением или нет — это безразлично)». «Мы решительно стоим на стороне мелкого крестьянина; мы будем делать все возможное, чтобы ему было сноснее жить, чтобы облегчить ему переход к товариществу, в случае, если он на это решится; в том же случае, если он не будет в состоянии принять это решение, мы постараемся предоставить ему возможно больше времени подумать об этом на своем клочке». Задача пролетарского государства по отношению к мелким крестьянам должна состоять в том, чтобы «их частное производство и частную собственность перевести в товарищескую, но не насильно, а посредством примера и предложения общественной помощи для этой цели». Наконец Энгельс отмечает, что «орган, заведующий делами всего общества, будет иметь на них влияние, необходимое для того, чтобы постепенно перевести крестьянское товарищество в высшую форму и сравнять в правах и обязанностях как все товарищество в его целом, так и отдельных его членов с остальными разветвлениями социалистического общества». Здесь Энгельс прямо и точно говорит о постепенной «переделке» мелкотоварных крестьянских хозяйств (а отнюдь не об их «пожирании»!). Это и есть сущность ленинского плана социалистического преобразования мелкотоварной советской деревни через кооперацию и коллективизацию, руководимую социалистической госпромышленностью.

Таким образом Маркс и Энгельс, говоря о политике пролетариата, овладевшего государственной властью и строящего социализм, подчеркивали, что его политика по отношению к буржуазии и трудящемуся крестьянству будет неодинакова.

Политика пролетариата по отношению к буржуазии — насильственная экспроприация, преодоление и окончательное вытеснение

---

[1] Энгельс, Крестьянский вопрос во Франции и Германии, Гиз, 1922 г., стр. 63—66.

по мере роста производительных сил и их обобществления. По отношению же к трудящемуся крестьянству — союз с ним, руководство крестьянством, постепенная коллективизация мелких крестьянских хозяйств под руководством и при помощи пролетарского государства.

Пролетариат не может вести дело социалистического строительства, не считаясь с характером крестьянского хозяйства.

Еще ярче и яснее о политике пролетарской диктатуры по отношению к трудящемуся крестьянству говорил Маркс в 1874 г. в критических замечаниях на книгу Бакунина «Государство и анархия»[1].

«Там, где крестьянин в массе своей является частным земельным собственником, где он даже образует более или менее значительное большинство, как во всех континентальных государствах Западной Европы, где он не исчез и не заменен в сельском хозяйстве батраками, как например в Англии, там будет следующее: либо он станет препятствовать и приведет к крушению всякую рабочую революцию, как это было до сих пор во Франции, или же пролетариат (ибо крестьянин-собственник не принадлежит к пролетариату; даже тогда, когда по своему положению он к нему принадлежит, он не думает, что принадлежит к нему) должен в качестве правительства принимать меры, вследствие которых положение крестьянина непосредственно улучшится, и он сам перейдет на сторону революции; меры, заключающие в себе зародыш перехода от частной собственности на землю к собственности коллективной и этот переход облегчающие, так что крестьянин сам до этого дойдет хозяйственным путем; однако нельзя ставить крестьянина вступик, провозглашая например отмену права наследования или отмену его собственности; последнее возможно только тогда, когда арендатор-капиталист вытесняет крестьянина и настоящий земледелец становится таким же пролетарием, трудящимся за заработную плату, как и городской рабочий, и следовательно имеет одни с ним интересы непосредственно, а не только посредственно».

Эта политика пролетариата по отношению к крестьянству предполагает не немедленное, а лишь постепенное уничтожение классов.

В тесной связи с этим стоит и вопрос о постепенном отмирании неравенства по мере социалистического развития. Маркс различал две фазы коммунистического общества — низшую и высшую (т. Ленин, анализируя взгляды Маркса, называл низшую фазу коммунизма социализмом), через которые неизбежно проходит его развитие.

Социализм и коммунизм.

Само собой понятно, что в классовом обществе (поскольку существуют классы) существует также и неравенство. Но даже после того как все средства производства будут обобществлены, как совершенно исчезнет частная собственность на средства производства и

[1] См. журнал Института Маркса и Энгельса «Летописи марксизма» за 1927 г., № 2, стр. 92—94.

вместе с ней классовое разделение общества, т. е. когда уже полностью будет осуществлен социалистический строй, — даже тогда, при социализме, неравенство между отдельными членами социалистического общества еще будет существовать. Но это будет другое неравенство — не классовое.

Социализм и коммунизм — это не одно и то же. Социализм есть только первая фаза коммунистического общества. В социалистическом обществе каждый работник будет получать от общества то количество предметов потребления, которое соответствует степени его участия в общественном производстве. В социалистическом обществе самый труд для каждого члена этого общества еще является «средством к жизни», а не «первой жизненной потребностью», еще существует деление работников на профессии и специальности, на разные степени квалификации, еще существует противоречие между умственным и физическим трудом. При социализме еще необходимо индивидуальное поощрение к труду, выражающееся в принципе удовлетворения потребностей каждого работника сообразно его трудовым затратам. Но так как индивидуальные способности (физические и умственные) не одинаковы у всех людей, то и участие их в потреблении общественного продукта будет неодинаковым, неравным. Анализируя основные черты социалистического общества, Ленин писал:

«Средства производства принадлежат всему обществу. Каждый член общества, выполняя известную долю общественно необходимой работы, получает удостоверение от общества, что он такое-то количество работы отработал. По этому удостоверению он получает из общественных складов предметов потребления соответственное количество продуктов» [1]. Маркс следующим образом характеризует основы хозяйства социалистического общества: «общество распределяет рабочую силу и средства производства между различными отраслями труда. Производители (граждане социалистического общества. — *Авт.*) могут пожалуй получать бумажные удостоверения, по которым они извлекают из общественных потребительских запасов то количество продуктов, которое соответствует их рабочему времени. Эти удостоверения отнюдь не деньги. Они не совершают обращения» [2]. Каждый получает применительно к особенностям своего труда. И это «равное право» все еще остается «буржуазным правом», т. е. на деле предполагает неравенство, так как означает «применение одинакового масштаба к различным людям». Каждый, отработав равную с другими долю общественного труда, получает по своему труду равную долю общественного производства. «А между тем отдельные люди не равны: один сильнее, другой слабее; один женат, другой нет, у одного больше детей, у другого меньше и т. д.».

Полного равенства таким образом социализм еще дать не может. Но это неравенство в потреблении конечно совсем не то классовое неравенство эксплоататора и эксплоатируемого, которое имеет место в классовом капиталистическом обществе. Это неизбежно в обществе, вышедшем из капитализма. В тесной связи с принципом распределения при социализме находится и вопрос о государстве. Как отмечает т. Ленин, в первой, низшей фазе коммунизма:

«Государство отмирает, поскольку капиталистов уже нет, классов уже нет, подавлять поэтому какой бы то ни было класс нельзя».

«Но государство еще не отмерло, ибо остается охрана «буржуазного права», освящающего фактическое неравенство. Для полного отмирания государства нужен полный коммунизм».

При социализме остаются еще пережитки государства. Это не классовое государство, присущее классовому обществу и являющееся орудием

---

[1] Ленин, Государство и революция, гл. 5. Экономические основы отмирания государства, т. XIV, ч. 2, стр. 364—381. Все последующие в этой главе выдержки приведены из этой работы.

[2] К. Маркс, Капитал, том II, гл. 18, стр. 263, «Пролетарий», 1923 г.

классового подавления. Такого государства уже нет. Но «государство еще не отмерло совсем».

Тов. Ленин поясняет это положение: «До тех пор пока наступит высшая фаза коммунизма, социалисты требуют строжайшего контроля со стороны общества и со стороны государства над мерой труда и мерой потребления, но только контроль этот должен начинаться с экспроприации капиталистов, контроля рабочих за капиталистами и проводиться не государством чиновников, а государством вооруженных рабочих». «Учет и контроль — вот главное, что требуется для налаженья, для правильного функционирования первой фазы коммунистического общества. Все граждане превращаются здесь в служащих по найму у государства, каковым являются вооруженные рабочие. Все граждане становятся служащими и рабочими одного всенародного государственного «синдиката». Здесь попутно т. Ленин разрешает и вопрос об «армии» при социализме. Эта «армия» — не классовая армия классового общества, а поголовно вооруженный народ. О том же говорит и программа ВКП(б), отмечающая, что:

«Красная армия как орудие пролетарской диктатуры должна по необходимости иметь открыто классовый характер, т. е. формироваться исключительно из пролетариата и близких ему полупролетарских слоев крестьянства. Лишь в связи с уничтожением классов подобная классовая армия превратится во всенародную социалистическую милицию».

Вот каковы основные отличительные черты социализма (низшей фазы коммунизма). Только тщательный анализ, следующий принципам марксистской диалектики, дает правильное понимание пути развития общества от капитализма к коммунизму. Именно эту низшую фазу — социализм — неизбежно первоначально проходит общество, выходящее из недр капитализма через пролетарскую революцию.

Говоря об особенностях низшей формы коммунизма (иначе говоря о социализме), Маркс писал:

«Здесь мы имеем дело с коммунистическим обществом не в том виде, в каком оно развилось на своей собственной основе, а, наоборот, в каком оно еще только выходит из капиталистического общества, значит еще покрытым во всех отношениях — экономическом, нравственном, умственном — родимыми пятнами старого общества, из лона которого оно выходит».

Если это верно применительно к социалистическому строю, то в еще большей мере это относится к строю переходного периода от капитализма к социализму, когда частная собственность еще не отмерла, когда еще существуют товарно-денежные отношения.

Каково же будет дальнейшее развитие общества, развитие его уже на социалистической основе роста производительных сил?

Энгельс писал по этому вопросу в 1890 г. (в письме к Конраду Шмидту), высмеивая формальные, недиалектические рассуждения о будущем обществе: «Удивительно, как это никому не пришло в голову, что способ распределения существенным образом зависит от количества вещей, подлежащих распределению, и что это количество конечно меняется вместе с прогрессом производства и общественной организации, а следовательно и способ распределения может меняться. Но для всех участников обсуждения повидимому социалистическое общество представляется раз навсегда установленной, определенной, неизменной вещью, а не чем-то таким, что постоянно меняется и прогрессирует» [1].

Маркс показал, что социалистическое общество (низшая фаза коммунизма), по мере дальнейшего мощного роста производительных сил, будет развиваться

[1] Маркс и Энгельс, Письма, «Московский рабочий», 1923 г., стр. 301.

в коммунистическое (высшая фаза), где принципом распределения будет: «с каждого по способностям, каждому по потребностям». Здесь уже исчезнут последние остатки неравенства, труд станет не средством для жизни, а первой жизненной потребностью.

«Экономической основой полного отмирания государства является такое высокое развитие коммунизма, при котором исчезает противоположность умственного и физического труда, исчезает следовательно один из важнейших источников современного общественного неравенства, и притом такой источник, которого одним переходом средств производства в общественную собственность, одной экспроприацией капиталистов сразу устранить никак нельзя.

«Эта экспроприация даст возможность гигантского развития производительных сил. И видя, как теперь уже капитализм невероятно задерживает это развитие, как многое можно было бы двинуть вперед на базе современной, уже достигнутой техники, мы вправе с полнейшей уверенностью сказать, что экспроприация капиталистов неизбежно даст гигантское развитие производительных сил человеческого общества. Но как скоро пойдет это развитие дальше, как скоро дойдет оно до разрыва с разделением труда, до уничтожения противоположности между умственным и физическим трудом, до превращения труда в «первую жизненную потребность», — этого мы не знаем и знать не можем» (Ленин).

* * *

Вот вкратце основные положения об экономике и экономической политике переходного периода, формулированные еще Марксом и Энгельсом. Может показаться, что эти положения представляют собой простое изложение основных принципов экономической политики СССР, — настолько велико сходство основных принципов экономической политики СССР с учением Маркса и Энгельса о переходном периоде. Но это сходство свидетельствует только о том, что тот путь, по которому мы идем в строительстве социализма, нами намечен правильно.

Само собой разумеется, что Маркс и Энгельс, деятельность которых протекала не в эпоху крушения капитализма и начала социальной революции, могли дать лишь самые основные принципы экономической политики пролетарского государства; детальных указаний они конечно дать не могли и они вовсе и не ставили себе эту задачу, так как способ и формы осуществления основных принципов зависят от тех конкретных условий, в которых происходит крушение капитализма, и от конкретной экономической обстановки той страны, где происходит процесс социалистического строительства. Выполнение этой задачи выпало на долю т. Ленина. Владимир Ильич накануне Октябрьской революции, на основе тщательного изучения всего того, что говорили Маркс и Энгельс о переходном периоде, и, исходя из конкретных экономических условий России и мирового хозяйства, наметил более подробно и конкретно линию экономической политики пролетарской диктатуры.

Наша экономполитика в том виде, в каком она проводится нами сейчас, — новая экономическая политика, — сложилась не сразу. Непосредственно после Октябрьской революции мы взяли ли-

нию, в основном напоминающую нэп. Но начавшаяся гражданская война заставила нас отойти от намеченной линии, и в течение 2½ лет мы жили в условиях военного коммунизма. Лишь с 1921 г., после окончания гражданской войны, мы вступили на путь нэпа. Для того чтобы лучше понять сущность нашей нынешней экономической политики, необходимо поэтому предварительно ознакомиться с историей экономической политики до нэпа.

ГЛАВА I.

ПРОГРАММА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ, НАМЕЧЕННАЯ ПАРТИЕЙ НАКАНУНЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Важнейшие экономические мероприятия, осуществленные советской властью непосредственно после Октябрьского переворота, были в основном намечены Лениным еще в его «тезисах» 4 апреля 1917 г. и в «Задачах пролетариата в нашей революции» (апрель 1917 г.). Всероссийская конференция партии в апреле 1917 г. в своей резолюции «О текущем моменте» и VI с'езд партии (август 1917 г.), в резолюции «Об экономическом положении» выдвигают уже платформу экономической политики, которая затем была раз'яснена и подробно обоснована т. Лениным в брошюре «Грозящая катастрофа». Уже в этих документах было дано основное содержание декретов, изданных советским правительством в первые дни его существования.

Экономическая программа партии накануне Октября строго учитывает состояние народного хозяйства и предлагает целый ряд мероприятий, направленных к выходу из того состояния разрухи, в котором находилась тогда Россия. Характерной особенностью этой программы является то, что предлагавшиеся в ней мероприятия были единственными, которые могли спасти страну, стоявшую на краю гибели, и что все эти мероприятия, взятые вместе, представляли собой первый шаг к социализму. Другими словами, — капитализм в России оказался не в состоянии справиться с глубоким расстройством народного хозяйства, и единственной силой, которая могла спасти страну, был пролетариат, а единственным выходом из положения был первый шаг к социализму.

В то же время этот первый шаг к социализму и вся программа дальнейших мероприятий, выдвинутая партией в ходе развития революции, в основном совпадали и не могли не совпадать с политикой пролетарской диктатуры, намеченной еще Марксом и Энгельсом. Но это никоим образом не означает, что социалистическая революция была «навязана» народному хозяйству России извне «доктринерами-большевиками», как об этом упорно говорили и говорят контрреволюционеры всех мастей и оттенков, начиная от представителей круп-

ной буржуазии и помещиков и кончая меньшевиками. Это совпадение мероприятий Октябрьской революции, открывших единственный выход их положения, созданного войной, с прогнозом Маркса и Энгельса, доказывает только правильность этого прогноза, установившего общие пути всякой социалистической революции.

Чтобы убедиться в том, что социалистическая революция в России **выросла** из всей совокупности сложившихся в 1917 г. экономических и политических условий, необходимо присмотреться к состоянию народного хозяйства России накануне Октябрьской революции.

Влияние империалистической войны на народное хозяйство России.

Россия была и до войны 1914 г. экономически отсталой страной. В силу целого ряда исторических условий крупное капиталистическое производство стало сколько-нибудь широко развиваться в России лишь в конце XIX столетия. Развитие капитализма шло у нас очень быстро, и, при участии иностранного капитала, русская промышленность к началу войны достигла высокой степени концентрации. Но несмотря на это, все хозяйство страны носило преимущественно аграрный характер, так как сельскохозяйственное производство все же преобладало в значительной мере над промышленным. Само сельское хозяйство, вследствие сохранившихся в деревне полукрепостнических отношений, было по своей производительности одним из самых отсталых в Европе.

Империалистическая война 1914—1917 гг. пред'явила огромные требования к народному хозяйству России. Весь ход хозяйственной жизни был резко нарушен, и производительные силы страны все больше и больше приходили в упадок. Из деревни были мобилизованы миллионы крестьян, и **крестьянское хозяйство** теряло лучшую часть своей рабочей силы. Так как почти вся промышленность работала на снабжение фронта, крестьянское хозяйство лишилось возможности не только расширять и улучшать, но и возобновлять и ремонтировать свой износившийся мертвый инвентарь. Ввоз с.-х. орудий из-за границы был прекращен. Живой инвентарь также значительно сократился вследствие непрерывных мобилизаций лошадей. В результате всего этого уменьшилась посевная площадь с 96,8 млн. *га* в 1914 г. до 85,2 млн. *га* в 1917 г., и понизилась урожайность.

Война потребовала также небывалого напряжения производительных сил **промышленности**. Все заводы, какие только возможно было, были переведены на выработку орудий, снарядов и т. д., на так называемую «оборону». Промышленность и транспорт работали сверх всякой нормы, и так как из-за резкого сокращения торговли с Западной Европой промышленность лишилась привоза необходимого оборудования, то наличное оборудование, основной капитал промышленности — быстро изнашивались. Так, выплавка чугуна уменьшилась с 4,2 млн. *т* в 1913 г. до 3,1 млн. *т* в 1917 г.,

производство железных и стальных полупродуктов — с 4,3 млн. *т* до 3,3 млн. *т*, выработка готового железа и стали — с 3,6 млн. *т* до 2,5 млн. *т*, переработка хлопка — с 426,2 тыс. *т* до 295 тыс. *т*. Наряду с падением производительных сил увеличивалась и эксплоатация рабочего класса.

Война требовала колоссальных денежных средств, — и царское правительство выпускало все больше и больше бумажных денег. Золотые запасы уходили из страны в обеспечение поставок «союзных» государств, на снабжение фронта; из обращения золотые деньги исчезли, и рынок наводнялся бумажными деньгами, которые при сокращающемся товарообороте все больше теряли в своей покупательной способности. Количество денежных знаков в обращении выросло с 2 335 млн. руб. в июле 1914 г. до 13 228 млн. руб. в июле 1917 г. Дороговизна росла, и вместе с ней росла и спекуляция. Понизился реальный уровень заработной платы рабочего класса. Вследствие прекращения нормального снабжения деревни необходимыми ей продуктами промышленности крестьянское хозяйство все меньше стало выбрасывать на рынок своих продуктов. Этому содействовало также обесценение денег, и, обратно, сокращение товарооборота между городом и деревней приводило к дальнейшему росту дороговизны и обесценению денег.

В результате всех перечисленных причин страна очутилась в начале 1917 г. перед острым продовольственным и топливным кризисом. Но Февральская революция 1917 г., одним из ближайших поводов к которой и был продовольственный кризис, ни в малейшей степени не помогла устранить разруху. Единственным выходом было прекращение войны. Война была совершенно непосильна для народного хозяйства; каждый день продолжения войны стоил огромных средств и еще больше расстраивал экономическую жизнь страны. А буржуазия и поддерживающие ее эсеры и меньшевики и думать не хотели о действительном прекращении войны.

Другой причиной усиления разрухи после Февральской революции был сознательный саботаж буржуазии. Рабочий класс и крестьянство совершили Февральскую революцию не только для того, чтобы покончить с империалистической войной, но и для того, чтобы добиться лучших условий существования. Сейчас же после переворота явочным порядком был введен восьмичасовой рабочий день и началась борьба за повышение заработной платы. Стала развертываться борьба за землю. Рабочий класс и трудовое крестьянство в ходе борьбы за осуществление демократической республики и против опасности контрреволюции быстро высвобождались из-под влияния соглашательских партий. Подлинно революционные лозунги большевиков стали завоевывать все большие и большие массы. В ответ на это народное движение буржуазия под прикрытием меньшевистско-эсеровской коалиции проводила политику саботажа всех мероприятий, направленных к оздоровле-

нию хозяйственной жизни. «Задушить революцию костлявой рукой голода» — вот лозунг буржуазии в 1917 г.

При таких условиях единственным выходом из создавшегося положения могло быть только установление диктатуры пролетариата. Только вырвав всю полноту власти из рук буржуазии, можно было вывести Россию из войны, приступить к организации производства не для войны и не для создания прибылей для капиталистов, а для удовлетворения потребностей трудящихся масс.

Экономическая программа большевиков.

Какие же мероприятия в области экономической политики выдвигались большевиками накануне Октябрьского переворота?

Национализация земли.

Одним из основных вопросов революции был вопрос о земле. Для того чтобы вырвать корни царизма, необходимо было в первую очередь ликвидировать его экономическую основу — крупное помещичье землевладение и уничтожить полукрепостнические отношения, тяжелым бременем лежавшие на крестьянском хозяйстве и тормозившие его развитие. В своей речи на I Всероссийском с'езде крестьянских депутатов в мае 1917 г. т. Ленин приводит следующие данные о землевладении в Европейской России: у крупнейших помещиков числом около 30 тыс. человек находится 76 млн. *га* земли, а беднейшее крестьянство (10 млн. дворов) имеет 76—82 млн. *га*. Такое распределение земли создавало огромную зависимость бедняков от крупного землевладения и было основой непосильных арендных платежей. Конфискация всей помещичьей, удельной и церковной земли без всякого выкупа — вот основной лозунг большевиков по земельному вопросу в эпоху 1917 г. В этом вопросе большевики были наиболее полными выразителями и защитниками интересов крестьянства в целом.

Но конфискованную землю надо наиболее целесообразно использовать с точки зрения социалистического развития сельского хозяйства, — и программа нашей партии выдвигала требование национализации земли.

Вся земля должна быть собственностью государства, а всякий, желающий пользоваться землею, должен получить ее у государства во временное пользование, а не в собственность. Сама по себе национализация земли не является еще социалистическим мероприятием, будучи направлена против остатков феодализма. Национализация земли, уничтожая все полукрепостнические отношения в деревне, может дать сильнейший толчок развитию производительных сил в сельском хозяйстве на основе капиталистических производственных отношений. «Национализация земли, — говорит резолюция апрельской (1917 г.) партконференции по аграрному вопросу, — будучи буржуазной мерой, означает наибольшую возможность и мыслимую в капиталистическом обществе свободу классовой борьбы и свободу землепользования от всех не-

буржуазных придатков». Пролетариат заинтересован в том, чтобы уничтожить все остатки феодализма, которые объединяют все социальные слои деревни в их борьбе против помещичьего землевладения, и создать условия для свободного развития классовой борьбы внутри крестьянства, борьбы пролетариев и полупролетариев деревни (батраков, бедняков и маломощных крестьян) против его капиталистических элементов (кулаков и примыкающих к ним зажиточных крестьян). «Кроме того, — говорится дальше в той же резолюции, — национализация земли, как отмена частной собственности на землю, означала бы на практике такой могучий удар частной собственности на все средства производства вообще, что партия пролетариата должна оказать всякое содействие подобному преобразованию». Будучи таким образом буржуазной мерой, национализация земли в обстановке начавшегося перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую неизбежно должна была облегчить это перерастание.

Всероссийская апрельская (1917 г.) конференция партии постановляет «немедленно и повсеместно приступить к отдельной самостоятельной организации сельскохозяйственного пролетариата». Для того чтобы наилучшим образом обеспечить подъем производительных сил сельского хозяйства и его социалистическое развитие, конференция советует «пролетариям и полупролетариям деревни, чтобы они добивались образования из каждого помещичьего имения достаточно крупного образцового хозяйства, которое бы велось на общественный счет советами депутатов от сельскохозяйственных рабочих под руководством агрономов и с применением наилучших технических средств».

Как известно, партия социалистов-революционеров (с.-р.) выдвигала, как основной пункт своей аграрной программы, уравнительное землепользование с запрещением наемного труда и аренды земли; предполагалось при этом, что этого достаточно для того, чтобы предотвратить неравенство и развитие капитализма в сельском хозяйстве.

Тов. Ленин в упомянутой речи 22 мая 1917 г. указывает, что никакое уравнительное землепользование или распределение земли по каким бы то ни было другим нормам не поможет бедняку и батраку, у которых нет инвентаря для обработки земли, так как «землю есть нельзя». Уравнительное землепользование при отсутствии инвентаря у одних и наличии его у других крестьян и при сохранении промышленности, банков и т. д. в руках капиталистов будет вести не к уничтожению неравенства и эксплоатации среди крестьянства, а к росту капитализма в деревне.

Для действительного обеспечения интересов батраков и бедноты, т. е. с.-х. пролетариев и полупролетариев, необходимо организовать эти слои для борьбы с деревенской буржуазией, необходимо им помочь организовать объединенные крупные хозяйства,

ибо только по этому пути крупного обобществленного хозяйства они смогут непосредственно улучшить свое положение и уничтожить всякую возможность возрождения эксплоатации. Но все это возможно осуществить лишь при условии национализации земли пролетарским государством, экспроприирующим буржуазию и вступающим на путь социалистического строительства.

Таким образом, выступая в своем предложении о безвозмездной конфискации помещичьей земли в качестве защитника интересов всего крестьянства в целом, партия большевиков остальными требованиями своей аграрной программы (национализация земли и создание крупных государственных хозяйств) выражает интересы пролетарских и полупролетарских слоев деревни, опираясь на которые рабочий класс шел к социалистической революции.

Национализацию земли апрельская (1917 г.) партконференция поэтому рассматривала как один из «ряда практически назревших шагов к социализму».

Однако как бы ни важен был этот шаг, центр тяжести экономической программы большевиков накануне Октября лежал не в области земельного вопроса, так как: 1) социалистический характер революции обеспечивался прежде всего экспроприацией капиталистов пролетарским государством и 2) именно в промышленности в 1917 г. положение было таково, что без решительного революционного шага к социализму нельзя было спасти страну и вывести ее из критического состояния, в котором она находилась.

Тов. Ленин развивает накануне Октября программу действий, имеющую задачей указать единственный выход из хозяйственного кризиса и вместе с тем создать предпосылки для дальнейшего (после пролетарской революции) социалистического переустройства общества. Это еще не программа непосредственного социалистического строительства. Эта программа, намечающая предварительные шаги по пути к социализму, помогала в то же время революционной мобилизации масс и указывала единственный выход из экономического тупика. Здесь отчетливо видно, что в 1917 г. пролетарская революция и переход к социалистическому переустройству общества полностью созрели и являлись исторической необходимостью. С этой программой шла наша партия к Октябрьской революции. Эта же программа легла в основу первых мероприятий победившего пролетариата после Октября. В чем же она заключалась?

Национализация банков.

Развитие капитализма приводит наряду с концентрацией промышленности также и к концентрации банковского капитала, который, сращиваясь с промышленным и торговым капиталом, образует систему финансового капитализма. К 1917 г. банки в России уже достигли значительной степени концентрации, и процесс образования финансового капитала уже был в полном ходу. Национализация банков

должна была дать государству мощное орудие регулирования всей хозяйственной жизни. В банках сосредоточивается как бы все счетоводство капиталистического общества и, будучи национализованными, они могут стать орудием учета. Далее путем проведения определенной кредитной политики банки могут поддерживать те отрасли промышленности и те предприятия, в работе которых наиболее нуждается страна в данное время.

Путем установления тех или иных условий кредита банки могут диктовать свою волю отдельным капиталистам и заставить их работать сообразно с нуждами всего народного хозяйства. В банках сосредоточиваются все излишние и временно бездействующие капиталы общества. При национализации банков все эти капиталы могут быть использованы планомерно в целях опять-таки удовлетворения неотложных нужд народного хозяйства. Нечего и говорить о том, что при изъятии банковского дела из рук частных лиц и обществ затрудняется спекуляция. Таким образом объединение всего банковского дела в руках «действительно революционно-демократического государства», под которым Владимир Ильич подразумевал республику Советов, дает опорную точку для регулирования всей народно-хозяйственной жизни и следовательно для преодоления разрухи, вызванной войной и свободным хозяйничаньем капиталистов. Вместе с тем национализация банков создает предпосылку социализма.

Национализация банков, которую предлагала партия большевиков в 1917 г., не означала конфискации хранившихся в банках капиталов. Ни вкладчики как мелкие, так и крупные, ни владельцы акций и других ценных бумаг, не лишались своей собственности. Речь шла лишь о том, чтобы, об'единив все банки в один банк и подчинив последний революционно-демократическому государству, создать единое руководство со стороны этого государства всем кредитным делом с целью организации и регулирования всей хозяйственной жизни. Требование конфискации собственности выдвигалось лишь по отношению к тем крупным банковским чиновникам и совладельцам банков, которые оказали бы сопротивление национализации. Клиенты банка (лица, пользующиеся услугами банка) только выиграли бы от национализации, так как были бы упрощены и удешевлены операции банков. Тов. Ленин указывал также на то, что осуществление национализации с технической стороны ничего трудного и невозможного собой не представляет, так как дело заключается только в об'единении банков в руках действительно революционно-демократической государственной власти и регулировании деятельности этих банков.

Национализация синдикатов.

Столь же необходимой для преодоления разрухи являлась и национализация синдикатов. Поскольку некоторые (и притом важнейшие) отрасли промышленности (например сахарная, нефтяная, угольная) достигли высокой степени концентрации и еще до войны стали объединяться в синдикаты, сосредоточивающие в своих руках почти всю продукцию этих отраслей, — постольку необходимо эти синдикаты подчинить действительно революционно-демократическому

государству для того, чтобы не дать небольшой кучке капиталистов по своему усмотрению распоряжаться массами продуктов, от которых зависит жизнь многомиллионных масс. Национализация синдикатов была необходима, как дополнение к национализации банков, так как синдикаты сами по себе являлись настолько мощными организациями, что могли бы оказывать сопротивление кредитной политике и регулирующей деятельности единого национального банка. Но национализация синдикатов, как и национализация банков, не предполагала еще непосредственной экспроприации (лишения собственности) владельцев предприятий, входящих в состав синдикатов. Речь шла опять-таки только о том, чтобы ограничить волчьи аппетиты крупных промышленников и заставить их работать над восстановлением хозяйства для удовлетворения первоочередных потребностей населения.

Наряду с этим наша партия выдвигала требование принудительного синдицирования еще необ'единенных в синдикаты отраслей промышленности и предприятий. В условиях тяжелого кризиса и необычайного упадка производительных сил, вызванных империалистической войной, необходимо было организовать все предприятия для того, чтобы планомерно и экономно использовать производительные силы. Принудительное синдицирование мыслилось с сохранением частной собственности синдицируемых капиталистов на свои предприятия. Национализации подлежат лишь самые синдикаты. Об'единение всей промышленности и подчинение ее государству дало бы действительную возможность быстро наладить хозяйственную жизнь.

Для доказательства возможности проведения этих мероприятий т. Ленин ссылается на пример империалистической Германии, которая во время войны ввела у себя государственный капитализм, выразившийся в подчинении деятельности синдикатов государственным задачам и в принудительном синдицировании. Германское буржуазное государство сделало это для успешного ведения войны, в интересах буржуазии и с целью усилить эксплоатацию рабочего класса. В революционно-демократической России национализация синдикатов должна быть проведена в интересах огромнейшего большинства населения. Но уже тот факт, что предлагавшиеся большевиками мероприятия уже были осуществлены буржуазной Германией (хотя и в интересах буржуазного меньшинства), показывает, что такого рода мероприятия вполне возможно провести и в России и в интересах большинства населения. Предшествовавшее развитие капитализма создало эту возможность, а создавшаяся в результате трех лет империалистической войны обстановка сделала осуществление национализации необходимой.

Рабочий контроль.

Национализация банков и синдикатов не достигла бы своей цели без установленя рабочего контроля. Руководство банками и промышленными объединениями превратилось бы в бюрократическое управление, если бы оно проводилось только чиновничьим аппаратом государства.

При таком условии капиталисты имели бы много возможностей обойти все регулирующие мероприятия государства. Поэтому наша партия выдвигает одновременно требование установления контроля за капиталистами со стороны широких рабочих масс снизу. С этой целью должна быть отменена коммерческая тайна, и представители рабочих должны получить возможность следить за тем, как ведут предприниматели свои предприятия, не обходят ли они государственных постановлений, не ведут ли они свои дела вразрез с интересами организации народного хозяйства. Только при условии массового, низового рабочего контроля государственная власть будет в состоянии регулировать все производство в стране и направлять его сообразно интересам большинства населения, т. е. всех трудящихся.

Наряду с проведением основных экономических мероприятий по национализации банков и синдикатов и введению рабочего контроля, партия большевиков выдвигала еще следующие требования:

Регулирование потребления. В условиях острого недостатка продовольствия и остальных предметов первой необходимости, недостатка, вызванного империалистической войной, необходимо чрезвычайно экономно расходовать имеющиеся в стране средства существования. Необходимо провести ряд таких мероприятий, которые воспрепятствовали бы буржуазии и примыкающим к ней зажиточным слоям населения скоплять в своих руках запасы продовольствия, в то время как пролетариат и неимущие слои живут впроголодь. Необходимо также воспрепятствовать спекуляции продовольствием и предметами широкого потребления путем жесткого проведения действительной государственной хлебной монополии. Для того же, чтобы регулирование потребления путем введения планового (по карточкам) распределения продовольствия не было обойдено буржуазией, это регулирование должно проводиться при участии массы рабочего класса. Здесь должен быть установлен такой же низовой массовый контроль, как рабочий контроль в предприятиях.

Всеобщая трудовая повинность. Война вырвала из рядов рабочего класса массу квалифицированной рабочей силы. Основной капитал промышленности и сельского хозяйства был подорван войной. Требовалось огромное напряжение усилий для того, чтобы наладить хозяйство. В таких условиях привлечение всего населения к восстановлению хозяйства и правильное использование рабочей силы приобретало первенствующее значение, иначе вся тяжесть работы по восстановлению легла бы исключительно на плечи рабочего класса. Всеобщая трудовая повинность должна была значительно ускорить выход из кризиса и разрухи.

Наконец последнее требование партии большевиков накануне Октябрьской революции — это решительная борьба с финансовым кризисом. Выше было уже указано, каким образом империалистическая война привела к обесценению денег и финансовому развалу. Падающая валюта есть по существу скрытый налог на рабочий класс и беднейшее и среднее крестьянство. Давая населению обесценивающиеся деньги, государство извлекает с рынка рабочую силу и товары, т. е. действительные, реальные ценности. Только промышленная и торговая буржуазия ничего не теряет на падении денег, так как соответственно повышает цены на свои

товары. Прекращение войны уменьшило бы непроизводительные расходы государства, увеличило бы товарооборот, и обесценение денег задержалось бы. Но этого конечно мало, — необходимо было добиться восстановления устойчивых денег. Партия большевиков предложила наряду с прекращением выпуска новых денег переложить всю тяжесть восстановления денежной системы на плечи буржуазии путем аннулирования государственных долгов и введения высокого налогового обложения буржуазии.

Государственный капитализм как шаг к социализму.

Такова, в общих чертах, программа экономической политики, выдвинутая нашей партией перед Октябрьским переворотом. Подытоживая эту программу в целом, мы находим, что все предложенные ею мероприятия имели своей непосредственной целью приостановить разрушение хозяйства и наладить производство. Но как указано было выше, все вместе взятые эти мероприятия представляли собой первый шаг к социализму. Программа эта еще не является программой немедленного и непосредственного осуществления социализма.

Национализация банков, принудительное синдицирование и национализация синдикатов, рабочий контроль,—все это еще не означало непосредственной и немедленной экспроприации капиталистов. Все эти мероприятия мыслились в виде подчинения капиталистических предприятий революционно-демократическому государству, которое должно направить деятельность этих предприятий на пользу трудящихся. «Не в конфискации имущества капиталистов будет даже «гвоздь» дела, а именно во всенародном, всеобъемлющем рабочем контроле над капиталистами и за их возможными сторонниками. Одной конфискацией ничего не сделаешь, ибо в ней нет элемента организации, учета, правильного распределения. Конфискацию мы легко заменим взиманием справедливого налога (хотя бы в Шингаревских ставках), только бы исключить возможность какого-либо уклонения от подотчетности, сокрытия правды, обхода закона. А эту возможность устранит только рабочий контроль рабочего государства.

Конечно мы ни капли не впадем в утопизм, мы не покинем почвы самого трезвого, практического расчета, если скажем: весь класс капиталистов окажет самое упорное сопротивление, но организацией всего населения в советы это сопротивление будет сломлено, причем особенно упорных и неповинующихся капиталистов придется разумеется наказывать конфискацией всего имущества и тюрьмой» (Ленин, том XIV, ч. 2, стр. 233—235).

Эта система организации хозяйства, когда капиталистические предприятия подчинены государству, называется государственным капитализмом.

В организационном отношении многие из перечисленных выше экономических мероприятий (за исключением национализации земли и разумеется рабочего контроля) уже были осуществлены во

время войны в одной из наиболее передовых капиталистических стран — в Германии. Это был государственный капитализм в форме подчинения деятельности отдельных капиталистов буржуазному государству, государственный капитализм, необычайно усиливший власть капиталистов и капиталистическую эксплоатацию.

Война необычайно ускорила «превращение монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм» (Ленин). У нас в России еще до войны начал складываться монополистический капитализм, но он не достиг еще такой степени развития, как на Западе и в Америке. Превращение же монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм во время войны происходило в России медленно и слабо.

Сложившаяся в 1917 г. обстановка в России сделала необходимым ускорение этого процесса превращения монополистического капитализма в государственный капитализм, т. е. национализацию банков, синдикатов и т. д. в том виде, как это изложено выше. Однако это должен был быть уже не государственный капитализм, усиливающий власть буржуазии, а «государственно-монополистический капитализм при действительно революционно-демократическом государстве», который при этом условии «неминуемо, неизбежно означает шаг к социализму» (Ленин, т. XIV, ч. 2, стр. 207).

«Империалистическая война есть канун социалистической революции. И это не только потому, что война своими ужасами порождает пролетарское восстание, — никакое восстание не создаст социализма, если он не созрел экономически, — а потому, что государственно-монополистический капитализм есть полнейшая материальная подготовка социализма, есть преддверие его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, никаких промежуточных ступеней нет» (там же, стр. 209).

В 1917 г. обстановка в России сложилась так, что итти вперед можно было, лишь сделав этот первый шаг к социализму. «Погибнуть или на всех парах устремиться вперед», — так ставил вопрос т. Ленин.

ГЛАВА II.

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ.

(От октября 1917 г. до периода «военного коммунизма».)

Взяв власть в свои руки в октябре 1917 г., пролетариат под руководством большевиков приступил к проведению экономических мероприятий, направленных на преодоление хозяйственного кризиса и представлявших собой вместе с тем начало социалистического переустройства общества. Первый период экономической политики советской власти, продолжавшийся с октября 1917 г. и до развертывания гражданской войны (середина 1918 г.), характерен стремлением партии и советской власти проводить в жизнь ту линию экономической политики, которая была намечена до Октябрьского переворота. Однако развернувшаяся в 1918 г. почти трехлетняя борьба со всеми силами контрреволюции, поддержанными иностранными империалистическими державами, заставила вскоре партию отступить от этой линии и вступить на путь так называемого «военного коммунизма», прежде чем первые декреты советской власти могли на практике дать все свои положительные для народного хозяйства и для продвижения к социализму результаты.

Тем не менее этот первый, чрезвычайно кратковременный период экономической политики заслуживает внимательного изучения. В 1921 г. в самом начале новой экономической политики т. Ленин в ряде своих статей и речей ссылался на линию экономической политики 1917—1918 гг., как на единственно правильную и обеспечивающую переход к социализму. Правда, политическая и хозяйственная обстановка 1917—1918 гг. и 1921 г. существенно отличаются друг от друга, и поэтому не могут не отличаться друг от друга и системы экономических мероприятий этих периодов. Но главный принцип, легший в основу экономической политики 1917—1918 гг. и новой экономической политики, один и тот же. По существу «новая экономическая политика», проводимая нами с 1921 г., не является в полном смысле этого слова «новой». Именно в такой связи и перспективе необходимо исследовать ос-

новы экономической политики партии и советской власти в этот первый период.

Декрет о земле. Первым шагом советской власти была отмена помещичьей собственности на землю, провозглашенная декретом II съезда советов 26 октября 1917 г. В этом декрете получила свое отражение историческая особенность Октябрьского переворота, а именно та особенность, что, являясь началом социалистической революции, Октябрьская революция была в то же время завершением буржуазно-демократической революции, направленной на уничтожение остатков феодализма.

Буржуазное Временное правительство, пользовавшееся поддержкой меньшевиков и социалистов-революционеров (и имевшее даже в своем составе их представителей), в течение 8 месяцев своего существования всячески задерживало разрешение вопроса о земле в пользу крестьянства. Этой своей политикой контрреволюционная буржуазия фактически осуществляла союз с дворянством и монархией. С другой стороны, огромное количество помещичьих земель было заложено в банках и фактически им принадлежало, и конфискация этих земель явилась бы не только уничтожением пережитков феодализма, но и экспроприацией буржуазной собственности. Пойти на это буржуазия разумеется не имела никакой склонности.

Как бы то ни было, но к октябрю 1917 г. остатки феодализма и полукрепостнических отношений в деревне еще не были уничтожены. Именно это обстоятельство явилось основной причиной того соединения крестьянской войны с рабочей революцией, о котором говорил Маркс в 1856 г. Крестьянство в целом шло в Октябрьскую революцию под лозунгом: «Земля — трудовому народу»; но этот лозунг оно могло осуществить только в союзе с пролетариатом и под руководством пролетариата.

Крестьянство, добиваясь земли, должно было неизбежно примкнуть к пролетариату, который был единственным классом, последовательно и до конца боровшимся за уничтожение феодальных остатков в деревне. Но конфискация помещичьей земли означала одновременно удар частной собственности на все средства производства вообще.

Борьба крестьянства против войны об'ективно превратилась в борьбу против империализма, и следовательно против капитализма. Единственным выходом из империалистической войны было свержение буржуазии, т. е. социалистическая революция, а единственным средством уничтожить возможность будущих войн является уничтожение источника этих войн, т. е. капитализма. Но окончательно уничтожить капитализм — значит уничтожить ту почву, из которой он растет, т. е. товарное хозяйство.

Таким образом и в борьбе за мир и в борьбе за землю крестьянство очутилось в двойственном положении: стремясь к укреп-

лению своего мелкого самостоятельного товарного хозяйства, крестьянство должно было вступить на путь, который в конечном итоге ведет к уничтожению товарного хозяйства вообще. Это противоречие, являющееся лишь следствием противоречивого характера крестьянства как класса, стоящего между пролетариатом и буржуазией, не могло не отразиться на отношениях пролетариата с отдельными социально-классовыми группами крестьянства.

Рабочий класс и крестьянство в Октябрьской революции.

Рабочий класс не мог бы совершить социалистическую революцию, не обеспечив нейтрализации среднего крестьянства.

Еще в 1905 г. т. Ленин писал (в книге «Две тактики социал-демократии»): «Пролетариат должен провести до конца демократический переворот (т. е. буржуазно-демократическую революцию.—*Авт.*), присоединяя к себе массу крестьянства, чтобы раздавить силой сопротивление самодержавия и парализовать неустойчивость буржуазии. Пролетариат должен совершить социалистический переворот, присоединяя к себе массу полупролетарских элементов населения, чтобы сломить силой сопротивление буржуазии и парализовать неустойчивость крестьянства и мелкой буржуазии».

Октябрьская революция, как уже сказано, совмещала в себе и социалистическую революцию пролетариата и завершение буржуазно-демократической революции крестьянства против остатков феодализма. Именно это соединение и обеспечило успех Октябрьской революции и явилось одной из причин того обстоятельства, что пролетарская революция началась в стране отсталой по сравнению с Европой и Америкой.

Но это же совпадение делало невозможным как завершение буржуазно-демократической революции без социалистической революции, так и социалистическую революцию без завершения буржуазно-демократической революции.

Но может ли в с е крестьянство пойти вместе с пролетариатом в его (пролетариата) социалистической революции? Нет, не может. Пролетариат на этом этапе может рассчитывать на активную поддержку только со стороны полупролетарских элементов населения, т. е. главным образом деревенской бедноты, непосредственно эксплоатируемой буржуазными и полубуржуазными элементами деревни. Эти последние, само собой понятно, могут выступить только ярыми противниками социалистической революции. Что же касается среднего крестьянства, т. е. крестьянства в собственном смысле этого слова, то, с одной стороны, у него нет причин выступать против социалистической революции, поскольку эта революция направлена непосредственно против буржуазии, а с другой стороны, — в среднем крестьянстве укрепляется влияние буржуазии, поскольку пролетарская революция в процессе борьбы с буржуазией может притти к необходимости нарушить некоторые условия товарного

хозяйства вообще (как это было у нас в период военного коммунизма). Социалистическая революция потерпела бы неудачу, «если бы большевистский пролетариат попробовал сразу, в октябре — ноябре 1917 г., не сумев выждать классового расслоения деревни, не сумев подготовить и провести его, попробовал «декретировать» гражданскую войну или «введение социализма» в деревне, попробовал обойтись без временного блока (союза) с крестьянством вообще, без ряда уступок среднему крестьянину и т. д.» (Ленин, т. XV, стр. 476).

Нейтрализация среднего крестьянства.

Чем могла быть и чем была обеспечена нейтрализация среднего крестьянства по отношению к социалистической революции октября 1917 г.? Тем, что большевистский пролетариат, в лице его партии, рассматривал крестьянское движение против помещиков как завершение буржуазно-демократической революции, а не как социалистическую революцию; тем, что он не навязывал крестьянству немедленного социалистического преобразования сельского хозяйства.

Крестьянство на опыте 8 месяцев от февраля до октября, на опыте управления буржуазии в коалиции с меньшевиками и эсерами поняло, что без диктатуры пролетариата оно не сможет победить «помещика, соединившегося с капиталистом» (Ленин). Но победить помещика среднее крестьянство хотело для того, чтобы укрепить свое единоличное товарное хозяйство, а вовсе не для того, чтобы итти к социализму. Поэтому, если крестьянство (как отражали его настроение левые эсеры) поддерживало конфискацию помещичьих, церковных и т. п. земель, конфискацию, которую наиболее решительно отстаивала только партия большевиков, — то в остальных вопросах аграрной политики крестьянство в целом за большевиками не пошло.

Левые эсеры, эти «наиболее радикальные, наиболее революционные, наиболее близкие пролетариату из буржуазно-демократических идеологов крестьянства» (Ленин, т. XV, стр. 484), были за отмену частной собственности на землю, но против государственной собственности на землю. «Земля... обращается во всенародное достояние и переходит в пользование всех трудящихся на ней» сказано в крестьянском наказе о земле, составленном левыми эсерами накануне октября 1917 г.

Основным лозунгом крестьянства было уравнительное землепользование, в котором оно видело не только «справедливый» раздел земли и которое идеологи его считали гарантией против развития капитализма в сельском хозяйстве. Среднее крестьянство не видело непосредственной для себя выгоды в образовании из каждого помещичьего имения крупного советского хозяйства, оно стремилось прежде всего разделить все помещичьи земли, получить возможно большие земельные наделы.

И деревенская беднота и батрачество вследствие своей отсталости были мало подготовлены к пониманию того, что только пролетарская аграрная программа указывает им действительный путь к избавлению от нищеты; эти слои деревни считали, что, получив землю, они смогут стать действительными самостоятельными хозяевами; они были проникнуты мелкобуржуазными иллюзиями и шли вместе со средним крестьянством под лозунгом раздела помещичьих, церковных и т. п. земель по уравнительному принципу.

Зажиточному крестьянству и кулацкому конечно не улыбался уравнительный передел земли, но оно ничего не имело против разгрома помещичьих имений и раздела земли, поскольку и оно участвовало в советах крестьянских депутатов и надеялось от ликвидации помещичьего строя увеличить свою землю, инвентарь и пр. и оказаться единственным эксплоататором деревни.

Мы видим таким образом, что все крестьянство шло объединенным фронтом против помещиков и что подавляющая часть крестьянства была за уравнительное землепользование. Для того чтобы обеспечить победу антибуржуазной, социалистической революции, пролетариат должен был отказаться от немедленного ее проведения в деревне, должен был в вопросе о земле пойти на уступку огромному большинству крестьянства. В декрете о земле, принятом II с'ездом советов 26 октября 1917 г., получила свое законодательное выражение эта уступка трудящемуся крестьянству. Мы не находим в этом декрете упоминания о государственной собственности на землю, там говорится об образовании государственных хозяйств не из каждого помещичьего имения, а только из земельных участков с высококультурными хозяйствами: сады, плантации, рассадники, питомники, оранжереи и т. п.; это ничего общего не имеет с обобществлением основных отраслей сельского хозяйства. И наконец декрет о земле устанавливает принцип уравнительного землепользования.

Все эти уступки были необходимы, для того чтобы обеспечить нейтрализацию среднего крестьянства по отношению к социалистическому перевороту, который пролетариат совершал в городе. Нейтральным же к захвату власти пролетариатом и к социалистическому характеру революции это крестьянство оказалось потому, что одновременно с этим и вследствие этого социалистического переворота пролетариат и «только пролетариат довел действительно до конца буржуазно-демократическую революцию». Декрет о земле заложил основу союза рабочего класса и основной массы крестьянства, союза, являющегося необходимым условием диктатуры пролетариата. Поэтому уступки крестьянству в виде согласия на принятие лево-эсеровской аграрной программы были не только неизбежны, но и по существу приемлемы в качестве переходных мер.

Во-первых, хотя декрет о земле и не устанавливал официально исключительного права собственности государства на землю, но он

отменяет частную собственность на землю, что является фактической национализацией. «Большевики прежде всего помогли наиболее радикальным, наиболее революционным, наиболее близким к пролетариату из буржуазно-демократических идеологов крестьянства, именно левым эсерам, провести то, что фактически явилось национализацией земли. Частная собственность на землю в России с 26/X 1917 г., т. е. с первого дня пролетарской, социалистической революции, отменена» (Ленин, т. XV, стр. 484).

Во-вторых, «при согласии левых эсеров (а равно стоящих на их стороне крестьян) на рабочий контроль, на национализацию банков и т. д., уравнительное землепользование было бы лишь одной из переходных мер к полному социализму». «Ибо при условии победы социализма (рабочий контроль над фабриками, следующая за этим экспроприация, национализация банков, создание Высшего экономического совета, регулирующего все народное хозяйство страны), при таком условии рабочие обязаны согласиться на переходные меры, предлагаемые трудящимися и эксплоатируемыми крестьянами, если эти меры не вредят делу социализма» (Ленин, т. XV, стр. 34).

Уравнительное землепользование и его переходный характер.

В чем заключается этот переходный характер уравнительного землепользования? Во-первых, при отмене частной собственности на землю уравнительное землепользование, предполагающее передел всей земли, означает действительное уничтожение и искоренение помещичьего землевладения и всех остатков полукрепостнических отношений.

Далее уравнительное землепользование, являющееся буржуазно-демократическим мероприятием (ибо оно делает всех крестьян как бы равными), должно на практике показать подавляющей части крестьянства недостаточность этого мероприятия, мнимый характер равенства, создаваемого уравнительным землепользованием. «Идея уравнительности имеет прогрессивное и революционное значение в буржуазно-демократическом перевороте. Дальше этот переворот итти не может. Доходя до конца, он тем яснее, тем скорее, тем легче обнаруживает перед массами недостаточность буржуазно-демократических решений, необходимость выйти за их рамки, перейти к социализму» (Ленин, т. XV, стр. 480).

Недостаточность уравнительного землепользования ощущается прежде всего беднотой и маломощным крестьянством, которые имеют мало средств и инвентаря. Классовые противоречия внутри крестьянства, которые до завершения буржуазно-демократической революции в известной мере были скрыты, должны были обнаружиться, обостриться и принять острые формы классовой борьбы, после того как общий враг всего крестьянства — помещичий строй — был уничтожен. Уравнительное землепользование таким образом является переходной ступенью от «общекрестьянской», т. е.

мелкобуржуазной, или буржуазно-демократической революции, к революции социалистической.

Вот почему уравнительное землепользование было неизбежно как уступка всему трудящемуся крестьянству с целью привлечения его на свою сторону для завершения буржуазной революции и с целью нейтрализации среднего крестьянства по отношению к социалистической революции (пока только против городской буржуазии).

«Завершив буржуазно-демократическую революцию вместе с крестьянством вообще, пролетариат России перешел окончательно к революции социалистической, когда ему удалось расколоть деревню, присоединить к себе ее пролетариев и полупролетариев, объединить их против кулаков и буржуазии, в том числе и крестьянской буржуазии» (Ленин, т. XV, стр. 475). Этот раскол крестьянства, начало социалистической революции в деревне относится к середине 1918 г. (см. следующую главу), но уже в феврале 1918 г. был издан декрет о социализации земли, в котором уравнительное землепользование узаконяется, но наряду с этим выдвигается задача развития коллективного земледелия. А в феврале 1919 г. издается декрет о национализации земли, в котором земля официально объявляется исключительной собственностью государства, а коллективное хозяйство получает целый ряд льгот и содействие со стороны государства. Без ряда предварительных переходных ступеней, как декрет о земле 1917 г. и декрет о социализации земли 1918 г., был бы невозможен и декрет о национализации земли 1919 г.

Декрет о земле заложил основу союза пролетариата и основной массы крестьянства и тем самым создал условия, позволившие советской власти приступить к осуществлению мероприятий, диктуемых социалистическим характером Октябрьской революции.

Декрет о рабочем контроле.

Первым в ряду этих мероприятий был декрет о рабочем контроле (14 ноября 1917 г.), которым был введен контроль рабочих «над производством, куплей, продажей продуктов и сырых материалов, хранением их, а также над финансовой стороной» всех решительно предприятий, «промышленных, торговых, банковых, сельскохозяйственных, транспортных, кооперативных» и т. д. Рабочий контроль имел своей ближайшей целью не допустить остановок предприятий, к которым прибегали предприниматели, ссылаясь на недостаток сырья и топлива, но на самом деле желая прекращением производства создать затруднения пролетарской власти, для того чтобы легче было ее свергнуть. Основное же значение низового массового рабочего контроля заключалось в том, что его введение было необходимым предварительным условием, без которого нельзя было приступить к регулированию и организации народного хозяйства.

Учреждение ВСНХ.

Вслед за декретом о рабочем контроле было издано «Положение о Высшем совете народного хозяйства» (1 декабря 1917 г.). Вновь учрежденный орган имел своей задачей осуществлять и руководить осуществлением всех мероприятий по регулированию и организации народного хозяйства. Первоначально ВСНХ был не комиссариатом наряду с остальными комиссариатами, а учреждением, руководящим всей хозяйственной политикой. ВСНХ было предоставлено «право конфискации, реквизиции, секвестра, принудительного синдицирования различных отраслей промышленности и торговли и прочих мероприятий в области производства, распределения и государственных финансов».

ВСНХ получил право национализации, но ему национализация не была вменена в обязанность. Политика советской власти в это время была направлена не на немедленную национализацию всей промышленности и торговли, а на то, чтобы, овладев командными высотами хозяйства, заставить капиталистов подчиниться регулированию пролетарской власти. Декрет о всеобщей национализации всей промышленности был издан только 28 июня 1918 г., т. е. спустя 8 месяцев после перехода власти к советам.

Для регулирования хозяйственной жизни необходимо было сосредоточить в руках государства всю кредитную систему, — и 14 декабря 1917 г. был издан декрет о национализации банков.

Национализация банков.

При национализации банков пришлось отступить от того способа осуществления национализации, который намечался т. Лениным до Октябрьской революции, а именно от слияния банков путем соглашения с ними без конфискации банковских капиталов. На заседании ВЦИК 14 декабря 1917 г. т. Ленин в своей речи о национализации банков заявил: «Мы хотели итти по пути соглашения с банками, мы давали им ссуды на финансирование предприятий, но они затеяли саботаж небывалого размера, и практика привела нас к тому, чтобы провести контроль иными мерами».

Если к перечисленным трем законодательным актам прибавить еще декреты об аннулировании государственных долгов и национализации внешней торговли, мы получим систему основных мероприятий, которые характеризуют линию экономической политики рассматриваемого периода. Эта линия была рассчитана на то, что после того как будет сломлено первое сопротивление капиталистов, они подчинятся новой власти и будут проводить ее мероприятия по организации хозяйства. В этом была основная задача экономической политики — превратить частнокапиталистическое хозяйство в организованное государственно-капиталистическое хозяйство, подчиненное пролетарскому государству, овладевающему командными хозяйственными высотами.

Национализация промышленности.

Но в процессе борьбы с капиталистами с первых же дней существования советской власти начался процесс стихийной национализации промышленности на местах. Поводы национализации были разные: и отказ предпринимателей подчиниться декрету о рабочем контроле, и злонамеренная остановка предприятий, и финансовая несостоятельность предприятий. Были также случаи, когда владельцы или правления предприятий скрывались или уходили к белым, оставляя предприятия на произвол судьбы. Чрезвычайно интересны в этом отношении следующие документы.

Общее собрание Петроградсокго общества заводчиков и фабрикантов, обсудив 22 ноября 1917 года изданное Советом народных комиссаров «Положение о рабочем контроле» — «стоя на точке зрения необходимости во время войны участия государственной власти в направлении и контроле промышленности, и в полной уверенности, что законная власть, которая будет создана всенародным учредительным собранием, авторитетно разрешит все вопросы промышленной жизни России, и предвидя, что русский пролетариат совершенно не подготовлен для руководительства чрезвычайно сложным механизмом промышленности, неминуемо своим решающим вмешательством приведет эту жизненную отрасль государства, уже потрясенную в своих основах, к гибели ...категорически отвергает классовый негосударственный контроль рабочих над промышленной жизнью страны, декретированный властью, не преследующей в своей деятельности государственных целей и не признанной большею частью населения России».

Этот документ достаточно красноречиво говорит о том, как предприниматели отнеслись к декрету о рабочем контроле над промышленностью. В обстановке разгорающейся гражданской войны они использовали закрытие предприятий, как оружие политической борьбы с советской властью.

Еще ярче в этом отношении лаконическая резолюция представителей всероссийских торгово-промышленных организаций и петроградского о-ва заводчиков и фабрикантов, принятая 23 ноября 1917 г.: «Обсудив изданное Советом народных комиссаров положение о рабочем контроле, собрание признало необходимым, в случае предъявления в предприятиях требований о введении рабочего контроля, такие предприятия закрывать».

Такие же резолюции вынесли и Московский торгово-промышленный комитет, и целый ряд других объединений предпринимателей.

В такой обстановке органам советской власти в центре и на местах приходилось широко итти по пути массовой национализации промышленности. Это было неизбежно и обязательно в процессе закрепления и углубления завоеваний Октябрьской революции.

Не только на местах, но и в центре Совет народных комиссаров и ВСНХ национализировали ряд предприятий общегосударственного значения по тем же самым причинам. Но в то же время центр дал директиву воздерживаться от массовой национализации, когда нет угрозы остановки предприятия.

Сам по себе факт перехода фабрик и заводов в руки пролетарского государства означал постепенное уничтожение частной собственности на крупные средства производства и подрыв власти капитала в хозяйственной жизни. В этом смысле процесс национализации промышленности был процессом создания новых, социалистических отношений. Но в 1917—1918 гг. вся трудность заключалась в том, что молодое Советское государство и рабочий класс не были подготовлены еще к организации собственными силами управления всей массой национализированных предприятий. «Мы национализировали гораздо больше, чем успели подсчитать», — говорил т. Ленин.

Такой быстрый темп национализации был нам тогда не по силам, и производство не могло не пострадать от этого. Конечно поскольку ход революции навязывал нам такой темп национализации, ничего другого не оставалось делать, как забирать предприятия в свои руки. И если производившаяся без достаточной подготовки национализация была одной из причин временного упадка промышленности, то в этом виновны те капиталисты, которые, отказываясь итти на соглашение с нами, сознательно стремились к разрушению производительных сил и к удушению революции «костлявой рукой голода».

Наряду с капиталистами, которые не подчинялись советской власти, были и такие, которые предпочитали получать хоть какую-нибудь прибыль, нежели рисковать потерей своих капиталов. Эта (правда немногочисленная) часть буржуазии и примыкавшая к ней часть технического персонала пошли на соглашение с советской властью. Например в состав организованного при ВСНХ в феврале 1918 г. Центрального комитета по текстильной промышленности (Центротекстиль) входило первоначально 15 представителей от владельцев текстильных предприятий. Это было началом синдицирования текстильной промышленности. Еще раньше (в январе) был организован Главный комитет по кожевенной промышленности также с участием представителей от предпринимателей. Правда, таких случаев соглашения буржуазии с Советским государством было немного. Но эти факты указывали на то, что привлечение капиталистов и высших служащих к организации хозяйства под руководством пролетариата возможно. Поэтому совершенно прав был т. Ленин, когда он предупреждал против увлечения национализацией и указывал на необходимость использования организационного опыта капиталистов в интересах поднятия производительных сил советской страны.

Спор с «левыми коммунистами».

Однако в самой партии нашлась группа товарищей (так называемых «левых коммунистов»), которая выступила с требованием отказа от попытки осуществления системы государственного капитализма в пролетарском государстве и предлагала перейти к решительной национализации всей крупной промышленности, к непосредственному строительству социализма. Своим выступлением группа «левых коммунистов» подняла принципиальный вопрос о пути к социализму и об основах экономической политики партии в переходный период. Если вспомним слова Маркса и Энгельса в «Коммунистическом манифесте» о том, что «пролетариат воспользуется своим политическим господством, чтобы постепенно (подчеркнуто нами. — *Авт.*) отнять у буржуазии весь капитал», что необходимо «по возможности скорее увеличить массу производственных сил», если вспомним далее, как т. Ленин обосновывал в брошюре «Грозящая катастрофа» то положение, что государственный капитализм при диктатуре пролетариата есть шаг к социализму, — то станет очевидным, что, предлагая перейти к немедленной национализации всей промышленности, «левые коммунисты» по существу предлагали политическую линию, отличную от линии партии.

Экономическая программа партии, принятая VI съездом и обоснованная т. Лениным, была намечена до Октябрьской революции, когда у нас не могло быть полного представления о конкретных условиях, в которых придется эту программу осуществлять. Спустя 5 месяцев после завоевания власти, в апреле 1918 г., эти условия выявились как условия первой одержанной победы над внутренней контрреволюцией и передышки в международном масштабе, купленной ценой Брестского мира. (Не надо упускать из виду, что гражданская война широко развернулась только в июне 1918 г.) Поэтому естественно встает вопрос: оправдывает ли в основном опыт советской власти ту линию экономической политики, которая была намечена до образования советской власти?

Тов. Ленин дает на этот вопрос утвердительный ответ.

Для построения социализма требуется не разрушение производительных сил, а их подъем и обобществление. В 1918 г. после разрушительной империалистической войны, хозяйство Советской республики находилось в таком состоянии, что без строжайшего «общественного учета и контроля за производством и распределением продуктов» невозможны были приостановка разрушения производительных сил и их дальнейший рост. Но что мешает осуществлению общенародного учета и контроля?

Во-первых, этому мешает слишком быстрый темп национализации, за которой не поспевает учет. Поэтому надо укрепиться на завоеванных позициях, действительно овладеть национализированным хозяйством.

Во-вторых, осуществлению общенародного учета и контроля мешает преобладание в нашей стране мелкобуржуазного хозяйства.

Пять экономических укладов в хозяйстве советской страны.

Переходный период в Советской России отличается той особенностью, что происходит борьба не только между капитализмом и социализмом, а между капитализмом и мелким товарным хозяйством, с одной стороны, и социализмом, — с другой. Тов. Ленин перечисляет 5 элементов, из которых состоит народно-хозяйственный организм Советской республики:

«1) патриархальное, т. е. в значительной степени натуральное, крестьянское хозяйство;

2) мелкое товарное производство (сюда относится большинство крестьян из тех, кто продает хлеб);

3) частнохозяйственный капитализм;

4) государственный капитализм;

5) социализм».

Под частнохозяйственным капитализмом здесь имеются в виду те частнокапиталистические предприятия, которые никакими договорными отношениями с государством не связаны и вступают в связь с государственным хозяйством только через рынок. Но если частнокапиталистическое предприятие вступает например в трест или синдикат, находящийся под руководством государства, и план работы этого предприятия включается в план треста или синдиката (см. выше пример Центротекстиля), мы здесь имеем уже государственно-капиталистическое предприятие. Пятый из перечисленных элементов (социализм) — это государственные предприятия, в которых не принимает никакого участия частный капитал, предприятия национализированные.

Уже при финансовом капитализме капиталистические монополии (тресты, синдикаты, картели), являющиеся ступенью, непосредственно предшествующей государственному капитализму, в своей борьбе с неорганизованными капиталистами за обладание рынком заинтересованы в учете и регулировании рыночного спроса и производства. Без этого учета они не могут овладеть рынком и стать действительными монополистами. «В России, — писал Ленин весной 1918 г., — преобладает сейчас как раз мелкобуржуазный капитализм, от которого *и* к государственному крупному капитализму *и* к социализму ведет о д н а *и* т а ж е д о р о г а, ведет путь ч е р е з о д н у *и* т у ж е промежуточную станцию, называемую «общенародный учет и контроль за производством и распределением продуктов» (Л е н и н, т. XV, стр. 247).

Если обратиться к таким двум элементам нашего хозяйства, как частнохозяйственный капитализм и мелкое товарное хозяйство, то именно с их стороны учет и контроль встречают наибольшие трудности и препятствия. Еще при буржуазном строе отдельные, неорганизованные в тресты капиталисты борются против круп-

ного монополистического капитала, против того учета и организации сбыта товаров, при помощи которого капиталистические монополии вытесняют более мелких капиталистов с рынка. В этой борьбе, в условиях капиталистического хозяйства, неорганизованный капиталист ищет опоры в мелком товарном хозяйстве и в значительной мере находит ее там, так как мелкий товаропроизводитель не может мириться с господством грабящего и разоряющего его монополистического капитализма.

В пролетарском государстве в борьбе между учетом и плановым началом, в борьбе между социализмом, с одной стороны, и рыночной стихией, — с другой, силы распределяются так, что первоначально на одной стороне находятся социалистические и госкапиталистические элементы хозяйства, а на другой — частнохозяйственный капитализм и мелкое товарное производство.

«Не государственный капитализм борется здесь с социализмом, а мелкая буржуазия плюс частнохозяйственный капитализм борются вместе, заодно — и против государственного капитализма, и против социализма. Мелкая буржуазия сопротивляется против всякого государственного вмешательства, учета и контроля как государственно-капиталистического, так и государственно-социалистического. Это совершенно непререкаемый факт действительности, в непонимании которого и лежит корень экономической ошибки «левых коммунистов» (Ленин, т. XV, стр. 244).

Необходимо всемерно использовать госкапитализм в борьбе за общенародный учет и контроль. Если от этого отказаться и приступить к «решительной национализации», то мы неминуемо «национализируем больше, чем успеем подсчитать», никакого учета наладить не сможем, и тогда рыночная стихия нас захлестнет. «Либо, — говорит т. Ленин, — мы подчиним своему контролю и учету этого мелкого буржуа, либо он скинет нашу рабочую власть неизбежно и неминуемо».

Это вовсе однако не означает, что политика Советского государства по отношению к частнохозяйственному капитализму и мелкотоварному производству одинакова. Тут есть принципиальное различие, которое подробно будет выяснено ниже. Основа этого различия заключается в следующем: в то время как на пути социалистического развития капиталистические элементы в хозяйстве советской страны должны быть преодолены и вытеснены, в отношении мелкотоварного крестьянского производства речь идет не о «пожирании», а о перестройке, о коллективизации его под руководством социалистического государственного хозяйства.

Курс на государственный капитализм как непосредственную ступень к социализму однако не означает, что пролетарское государство вступает в политический союз с крупным капиталом и делает уступки в социалистическом строительстве. Здесь речь идет об использовании политически побежденного крупного

капитала для организации хозяйства в интересах рабочего класса и трудового крестьянства. Здесь рабочий класс, как говорит Ленин, платит за выучку «культурным капиталистам», для того чтобы тем легче было сломить сопротивление и обуздать «некультурных капиталистов». По мере того как это будет достигаться, когда будет налажен учет и контроль, и когда вырастут и окрепнут социалистические предприятия, можно будет совершить дальнейший шаг — отказаться от государственного капитализма и превратить государственно-капиталистические предприятия в социалистические. Для такого перехода не потребуется второй революции, так как речь идет о государственном капитализме, уже подчиненном пролетарскому государству и работающем под его контролем и руководством.

Борьба между госкапитализмом и социализмом, с одной стороны, и частнохозяйственным капитализмом и мелким товарным производством, — с другой, также ни в малой мере не означает, что пролетарское государство вступило в союз с крупным капиталом для борьбы с крестьянством.

Если при господстве финансового капитала капиталистические монополии используют всю свою силу на эксплоатацию и разорение крестьянства, то в условиях пролетарского государства государственно-капиталистические монополии «обращаются на пользу всего народа и постольку перестают быть капиталистической монополией» (Ленин). Именно путем государственного капитализма пролетариат уменьшает эксплоататорские аппетиты крупного капитала, который использует неорганизованное крестьянское хозяйство для срыва общенародного учета и организации хозяйства, для укрепления своих позиций против позиций пролетарского государства. Подчинение распыленного мелкотоварного хозяйства пролетарскому учету и контролю должно осуществиться не только в результате вытеснения частнохозяйственного капитализма госкапитализмом и социализмом, но и путем «организации бедноты, т. е. большинства населения или полупролетариев, вокруг сознательного пролетарского авангарда».

Вот в кратких чертах ход мыслей т. Ленина в его полемике против «левых коммунистов». Основное соображение здесь заключается в том, что при преобладании мелкотоварного производства прямой переход к социализму невозможен и что здесь нужны переходные, промежуточные ступени. Эта же мысль легла позже, в 1921 г., в основу новой экономической политики.

Оценивая сейчас, спустя 11—12 лет, экономическую политику 1917—1918 гг., мы должны притти к тому выводу, что поскольку эта политика исходила из расчета наступающего периода мирного строительства она была совершенно правильна. «Правильным было то, — говорил Ленин, — что государственная власть — пролетариат — сделала попытку осуществить переход к новым обществен-

ным отношениям с наибольшим так сказать приспособлением к существовавшим тогда отношениям, по возможности постепенно и без особой ломки» (речь на Московской партконференции 29 октября 1921 г.).

Однако нам эту линию в 1918 г. осуществить не удалось. После того как к весне 1918 г. внутренние силы контрреволюции были разбиты, нам казалось, что наступила передышка, позволяющая приступить к мирному хозяйственному строительству. Но события пошли иначе: международная буржуазия стала оказывать финансовую и прямую военную поддержку остаткам разбитых сил российской буржуазии, и с июня 1918 г. начинается длительная полоса гражданской войны, ожесточенной борьбы и с внутренней контрреволюцией и с интервенциями иностранных капиталистов. При таких условиях необходимо было перейти в наступление на капитал по всей линии. Этого требовала обстановка развернувшейся со всей силой гражданской войны. 28 июня был издан декрет о всеобщей национализации; несколько раньше (11 июня) издается декрет об образовании комитетов сельской бедноты. Начинается бешеная вооруженная борьба за самое существование Советской республики, и вся организация производства и распределения подчиняется потребностям этой борьбы.

ГЛАВА III.

ПЕРИОД ВОЕННОГО КОММУНИЗМА.

Экономическая политика периода гражданской войны уже после окончания гражданской войны была названа политикой «военного коммунизма». Теперь мы знаем, что военный коммунизм был вызван именно условиями гражданской войны и что с окончанием ее военный коммунизм перестал быть необходимостью. Но в 1919—1920 гг. очень многим казалось, что проводимая нами экономическая политика и есть политика прямого перехода к коммунизму, независимо от условий гражданской войны.

Гражданская война и упадок хозяйства.

Для того чтобы стала ясна неизбежность политики военного коммунизма и обусловленность ее обстановкой той борьбы за существование, которую мы вели в течение 2½ лет, необходимо ознакомиться с экономическими и политическими условиями, при которых началась и развивалась гражданская война.

После октября 1917 г. упадок хозяйства продолжался. Одной из главных причин продолжающегося упадка являлся саботаж и открытое сопротивление, которые буржуазия и буржуазные специалисты оказывали мероприятиям советской власти. Хотя военные действия на фронтах империалистической войны уже были прекращены, но до подписания Брестского договора германская армия вела наступление с целью заставить советское правительство подписать тяжелые условия мира. Происходила военная борьба красногвардейских частей с белыми отрядами (Краснов, Дутов и т. д.) на окраинах Советской республики. В 1918 г. Украина совершенно отделилась от РСФСР, и фактическим ее хозяином стал германский империализм. С лета же 1918 г. началась союзническая интервенция, сначала в виде выступления чехо-словаков, а затем в форме прямой поддержки образовавшихся на окраинах «демократических правительств».

Если взглянуть на географическую карту РСФСР 1918—1919 гг. (см. стр. 42 и 43), то сразу выявится тяжелое экономическое положение, в котором очутилось молодое пролетарское государство. В самом деле РСФСР тогда представляла собой лишь меньшую часть территории бывшей Европейской России. В ее состав входили

Добывающая промышленность в районах, отрезанных фронтами гражданской воины (1918—1919 гг.)

Обрабатывающая промышленность в районах, отрезанных фронтами гражданской войны (1918—1919 гг.)

главным образом потребляющие губернии, отрезанные фронтами гражданской войны от основных источников продовольствия и сырья. Вследствие отрыва Украины, Поволжья, Сибири прекратилось снабжение городов и деревенского населения потребляющих губерний хлебом из этих районов. Будучи оторваны от Донецкого бассейна, Урала, Кавказа и Туркестана, промышленность и железные дороги Советской России лишились топлива и металла, а текстильная промышленность, сосредоточенная в Центральной России, лишилась еще и своего сырья — хлопка. Возместить этот недостаток продовольствия, сырья и топлива привозом из-за границы не было возможности вследствие блокады, установленной против нас мировым капиталом. Для того чтобы дополнить всю картину, необходимо еще принять во внимание состояние транспорта, который был уже достаточно подорван империалистической войной, который немало пострадал и от стихийной демобилизации старой армии и в таком полуразрушенном состоянии должен был выполнять задачи по обслуживанию фронтов гражданской войны.

Таким образом с первых же месяцев интервенции и блокады Советская республика сразу оказалась в положении осажденной крепости, которой приходилось с величайшим напряжением отбиваться от многочисленных врагов, окружавших ее со всех сторон. К тому же враг пытался нападать на советскую власть с тыла: постоянно подготовлялись и вспыхивали белогвардейские восстания внутри советской страны. При таких условиях задача, подчиняющая себе все остальные, могла быть только одна: направить все силы и все имеющиеся средства на скорейшее достижение победы. И в соответствии с этим определялась тогда вся система экономических мероприятий.

Продовольственная разверстка.

Главным и самым острым вопросом был вопрос продовольственный. Еще в 1916 г. царское правительство ввело «твердые цены» на хлеб, так как вследствие начавшегося расстройства хозяйственной жизни, рыночные цены на хлеб быстро росли, а крестьянство все меньше выпускало хлеба на рынок. Установление твердых цен было нарушением принципов «свободной» торговли, необходимым для успешного вдения империалистической войны. В этом отношении царское правительство прибегло к методу, который проводили все воюющие страны. Но пылавшая «патриотизмом и любовью к отечеству» русская буржуазия первая выступила против попыток государства регулировать хлебную торговлю. Крупные хлеботорговцы всячески обходили закон, спекулировали хлебом, цены на хлеб быстро подымались, и заготовка хлеба по твердым ценам для городов оказалась к началу 1917 г. невозможной.

Правительство Керенского вынуждено было для предотвращения надвигающегося голода об'явить государственную хлебную

монополию (закон 25 марта 1917 г.). Но осуществить этот закон правительство Керенского конечно не могло: для этого необходимо было регулировать не только торговлю хлебом, но и торговлю всеми товарами, которые идут в обмен на хлеб в деревню. Нельзя требовать от крестьянства продажи излишков по твердым ценам, в то время как на рынке промышленных товаров господствует никем не сдерживаемая спекуляция. А лозунг российской буржуазии на второй день после Февральской революции гласил: «Да здравствует свободная торговля в свободной России». Хлебная монополия фактически была сорвана буржуазией.

Хлебная монополия могла быть осуществлена только тем классом, для которого наивысшими являются интересы эксплоатируемых. Необходимость введения хлебной монополии стала еще более острой при советской власти, так как хлеба в Советской России осталось гораздо меньше, чем при Временном правительстве. Оставить при таких условиях свободную торговлю хлебом — значило обречь на голод пролетариат, значило укрепить позиции контрреволюционной буржуазии, борющейся с советской властью. Декретом 13 мая 1918 г. была объявлена продовольственная диктатура Наркомпрода (Народного комиссариата продовольствия), которому предоставлялись широкие полномочия действительного проведения в жизнь хлебной монополии.

Первоначально предполагалось производить принудительное изъятие излишков хлеба на основе товарообмена, и с этой целью были заготовлены товарные фонды. Но при состоянии, в котором находилась промышленность, нельзя было конечно рассчитывать на то, чтобы все имеющиеся излишки хлеба получить путем товарообмена, хотя бы и принудительного. Кроме того надо принять во внимание, что эти излишки были сосредоточены преимущественно в руках богатых крестьян. Кулацкая часть крестьянства прежде всего стремилась к наживе и вовсе не имела в виду заняться снабжением города. С другой стороны, начавшаяся интервенция приободрила деревенскую буржуазию и сделала ее более активным врагом советской власти.

Вопрос о действительном проведении хлебной монополии был связан с общим огромным вопросом о закреплении позиций советской власти в деревне, о преодолении сопротивления деревенской буржуазии — кулачества, о перераспределении земли и средств производства внутри крестьянства, об укреплении позиций батрачества и деревенской бедноты за счет кулачества. Разворачивалась классовая борьба в деревне, имевшая задачей укрепить и завершить Октябрьскую революцию на основе закрепления прочного союза пролетариата и деревенской бедноты в борьбе против кулака (при нейтрализации середняка). Эта борьба являлась условием победы пролетарской революции, победы в гражданской войне и создания основы для широкого социалистического строительства.

Комитеты бедноты.

Борьба за хлеб теснейшим образом переплелась с классовой борьбой пролетариата и беднейшего крестьянства против деревенской буржуазии—кулачества. 11 июня 1918 г. был издан декрет о комитетах сельской бедноты. Если самый Октябрьский переворот был для крестьянства завершением буржуазной революции, то с лета 1918 г. в деревне развертывается классовая борьба против буржуазии, т. е. в деревню переносится пролетарская революция. Здесь уже стоит задача подавить буржуазию, опираясь на беднейшее крестьянство и нейтрализуя неустойчивое, колеблющееся среднее крестьянство. Борьба за хлеб, т. е. борьба за существование Советской республики, сплелась с необходимостью экспроприации деревенской буржуазии.

Комитеты бедноты — опорные, боевые организации пролетариата и беднейшего крестьянства в деревне — были призваны помочь городским рабочим обнаружить и изъять скрытые кулаками запасы хлеба. Для того чтобы заинтересовать комбеды в этом, часть реквизированного хлеба отпускалась для распределения среди самой бедноты. С другой стороны, промышленные продукты направлялись в первую очередь в те деревни, в которых комбеды успели собрать все хлебные излишки. В этом методе изъятия хлеба из деревни мы уже видим основные черты будущей продовольственной разверстки. Здесь нет индивидуального изъятия хлеба государством у отдельных хозяев, за сдачу излишков ответственна деревня в целом, снабжение деревни имеющимися промышленными продуктами также производится коллективно.

По мере того как советская власть укреплялась на местах, по мере того как задача преодоления сопротивления деревенской буржуазии в общем была осуществлена и позиции Октябрьской революции в деревне были закреплены, необходимо было заменить комбеды избираемыми на основе конституции сельскими советами. Здесь уже в условиях закрепления пролетарской диктатуры — этой основной предпосылки социалистического строительства — встает вопрос не о нейтрализации среднего крестьянства, а о прочном союзе пролетариата и деревенской бедноты с середняком на путях строительства социализма. Именно так ставил и разрешил вопрос VIII съезд партии (март 1919 г.) по докладу т. Ленина об отношении к среднему крестьянству. Эта линия получила свое организационное выражение в ликвидации комбедов (ноябрь 1918 г.) и в переходе власти от комбедов к сельсоветам, об'единяющим вокруг себя всю основную массу трудящегося крестьянства — бедноту и середняков.

Весь этот переход прямым образом повлиял на характер продовольственной политики советской власти, тесно переплетающейся с обстановкой классовой борьбы в деревне. К этому времени задача организации разветвленного продовольственного аппарата была близка к своему завершению. Были созданы предпосылки полного

осуществления продовольственной разверстки, которая заключалась в том, что необходимое для прокормления армии, рабочих, служащих и неимущих крестьян количество продовольствия разверстывалось между отдельными губерниями, уездами, волостями и деревнями соответственно имевшимся в них излишкам. За сдачу причитающегося хлеба и других видов продовольствия отвечали не отдельные крестьяне, а все село или деревня в целом. Несмотря однако на установленную таким образом круговую поруку по выполнению разверстки, от нее освобождалось беднейшее крестьянство, а маломощные хозяйства получали те или иные льготы.

Снабжение деревни продуктами промышленности, хотя и имело место во время гражданской войны, но, за недостатком этих продуктов, оно было в общем столь незначительным, что собираемый по разверстке хлеб государство получало фактически без всякого возмещения.

Значение продразверстки.

Продразверстка была таким образом мерой, вызванной исключительно теми тяжелыми условиями, в которых мы вели гражданскую войну. Если в 1918 г. и в начале 1919 г. советской власти пришлось встретиться с сопротивлением деревенской буржуазии, за которой в отдельных случаях шло и среднее крестьянство, то с дальнейшим развитием гражданской войны основная масса трудящегося крестьянства стала сознавать, что в лице советской власти она имеет единственного защитника отнятой у помещиков земли, и в форме продразверстки оказывала, по выражению т. Ленина, материальную ссуду пролетарской диктатуре. Военно-политический союз пролетариата и крестьянства в условиях военной борьбы за основные завоевания Октябрьской революции создавал возможность осуществления этой политики.

Продразверстка означала запрещение свободной торговли хлебом и другими сельскохозяйственными продуктами. Как увидим ниже, отсюда вытекала необходимость ликвидации вообще свободной торговли важнейшими продуктами. Взамен рыночного распределения необходимо было создать аппарат планового и централизованного распределения продовольствия и предметов массового потребления. Этот аппарат был создан в лице Народного комиссариата продовольствия (Наркомпрод), которому была подчинена кооперация. Эта последняя была превращена из добровольной организации в составную часть государственного распределительного аппарата. Всякий гражданин должен быть приписан к потребительской коммуне (так назывались тогда потребительские общества), через которую он получал по карточкам распределяемые продукты, которые никто не мог получить, не будучи приписанным к коммуне.

В кооперацию (потребительскую) таким образом вошло все городское население.

Во время гражданской войны ощущался сильный недостаток не только продуктов сельского хозяйства, но и продуктов промышленности. Вследствие недостатка сырья и топлива нужно было все имеющиеся запасы расходовать чрезвычайно экономно и снабжать ими в первую очередь предприятия, работавшие на оборону республики. А для этого естественно нужно было запретить свободную торговлю и основными продуктами промышленности как продуктами личного потребления, так и производственного потребления. Вместо свободной торговли необходимо было ввести плановое распределение.

Национализация всей промышленности.

Но осуществить плановое распределение продуктов в условиях ожесточенной борьбы с буржуазией нельзя было, оставляя в руках этой буржуазии фабрики и заводы. Как только иностранный капитал выступил открыто с поддержкой контрреволюции, необходимо было вырвать из рук буржуазии все ее экономические позиции. В противном случае буржуазия оказалась бы силой, которая внутри Советской республики подрывала бы силы пролетарской диктатуры. Уничтожить буржуазию экономически, для того чтобы окончательно лишить ее политического влияния, — в этом заключалась основная задача в борьбе с контрреволюцией. Эта задача была решена национализацией почти всей промышленности, не только крупной, но также и средней и части мелкой. К концу 1918 г. Советское государство владело всеми фабриками и заводами, находившимися на его территории. Национализация промышленности позволила приступить к осуществлению планового распределения продуктов промышленности.

Уничтожение внутрипромышленного товарооборота, свободного товарооборота между промышленностью и сельским хозяйством и замена их плановым распределением является самой характерной и определяющей чертой всей экономической системы военного коммунизма.

Отсутствие свободного рыночного оборота[1] и необходимость приспособить все народное хозяйство к задачам обороны республики определили собой организацию всех областей народного хозяйства.

Главкизм.

В области промышленности военный коммунизм проявился в форме так называемого «главкизма». Сущность последнего заключалась в том, что каждая отрасль промышленности находилась в ведении одного какого-либо Главного или Центрального правления (Главка или Центра) при ВСНХ. Права и поле деятельности местных советов народного хо-

[1] А поскольку торговля существовала во время военного коммунизма, она была или торговлей так называемыми «ненормированными», не имеющими сколько-нибудь крупного значения продуктами, или нелегальной торговлей из-под полы.

зяйства были сильно ограничены. Отдельные предприятия не имели почти никакой оперативной самостоятельности. В самом деле, если нельзя заготовить сырья и топлива рыночным путем, если этих средств производства в стране мало и их приходится сугубо экономно тратить, то распределение должно производиться о д н и м центром. Точно так же и готовая продукция не может поступить в вольный оборот, а должна сдаваться по нарядам того же единого распределяющего центра. Но поскольку были централизованы снабжение и распределение, не могло не быть централизованным и само управление промышленностью. Правда, в этой жесткой централизации были увлечения, вредно влиявшие на работу национализированной промышленности. Система управления промышленностью была очень сложна и громоздка и, при отсутствии достаточно квалифицированных кадров служащих, это не могло не приводить к волоките и бюрократизму. Но при всех своих недостатках система главков и центров, созданная для овладения национализированной промышленностью, своим центральным аппаратом снабжения и распределения в сильной мере способствовала экономному использованию незначительных ресурсов, имевшихся в стране.

Нормирование зарплаты.

В области п о л и т и к и з а р а б о т н о й п л а т ы военный коммунизм характеризуется натурализацией и централизованным нормированием заработной платы. Денежная часть заработной платы не могла играть существенной роли в бюджете рабочего, поскольку основные средства существования были изъяты из легального рыночного оборота и поскольку покупательная сила дензнаков быстро падала. Зарплата в большей своей части выдавалась натурой («пайки»). Но в условиях нехватки продовольствия, когда выдаваемые рабочим продукты не могли возместить затраченной рабочей силы, необходимо было стремиться к более или менее равномерному поддержанию физических сил всего рабочего класса в целом и к правильному распределению имевшихся фондов.

Поэтому установление обязательных «ставок», или норм выдачи для всех категорий рабочих и для всех степеней квалификации, производилось в центре Всероссийским центральным советом профсоюзов.

При этом не могло быть существенной разницы в снабжении рабочих различной квалификации. Исключения делались для рабочих предприятий, работавших на оборону, и вообще для предприятий «ударных», имеющих особо важное значение; они снабжались по повышенным нормам. По таким же повышенным нормам снабжались и рабочие, работавшие в особо тяжелых условиях. Но в основе зарплата была уравнительной. Такая уравнительная зарплата имела своим результатом падение трудовой дисциплины более квалифицированных рабочих. Если еще учесть то обстоятельство, что голод и холод в городах вообще подрывали работоспособ-

ность рабочих, что много рабочих ушло из города в деревню, то станет совершенно понятной необходимость всеобщей трудовой повинности. Все население должно было быть использовано для выполнения неотложных работ. Ряд заводов был милитаризован, и на них была введена строгая трудовая дисциплина. Рабочие были прикреплены к предприятию.

Наряду с такими мерами принуждения проводились и меры поощрительного характера: индивидуальное и коллективное премирование за успешно выполненные работы. Передовая, наиболее сознательная часть рабочего класса подавала пример самоотверженной работы по поднятию хозяйства путем массовых коммунистических субботников. Но все эти мероприятия не могли устранить необходимости принудительного поддержания трудовой дисциплины. Рабочий класс в целом должен был перед лицом смертельной опасности, угрожавшей существованию его государства, силой заставлять отдельные свои отряды выполнять возложенные на них классом задачи. Трудовая повинность была установлена и для нерабочего населения городов и для крестьянства.

Милитаризация труда и всеобщая трудовая повинность таким образом непосредственно вытекали из условий, созданных гражданской войной.

Падение роли денег.

Система военного коммунизма была в основном системой натурального хозяйства. Поскольку распределение средств потребления производилось в главнейшей части не путем рыночного товарооборота, а в порядке планового снабжения через систему органов Наркомпрода и подчиненной ей кооперации, поскольку средства производства также распределялись централизованным путем, поскольку зарплата выдавалась натурой, — роль денег все больше и больше падала. Государство выпускало деньги для покрытия своих потребностей в виде дополнения к натуральному бюджету. Выпуском денег государство как бы признавало те рыночные отношения, которые оно стремилось в основном ликвидировать. Это «признание» вызывалось недостаточной налаженностью государственного снабжения. Выдавая рабочим и служащим денежные знаки в дополнение к натуральному снабжению, государство тем самым как бы говорило им: «достаньте сами то, чего мы в порядке планового снабжения вам доставить не можем». Но натурализация всего хозяйства эмиссией бумажных денег не приостанавливалась. Наоборот, падающие бумажные деньги скорее способствовали этой натурализации, и фактически роль денег на «нелегальном» местном рынке выполняли не эти бумажки, а хлеб, соль, ситец и т. д. Перед советской властью тогда не могла стоять задача стабилизации валюты, поскольку не предполагалось развитие рыночных отношений. Печатный станок служил единственно для извлечения из народного хозяйства дополнительных средств.

Попытка принудительного регулирования сельского хозяйства.

Для того чтобы закончить характеристику системы военного коммунизма, необходимо остановиться еще на мерах по регулированию сельского хозяйства, которые были предприняты уже в конце 1920 г., т. е. на исходе гражданской войны. Эти меры не были осуществлены, так как через несколько месяцев был совершен коренной поворот в экономической политике, но тем не менее меры, о которых идет речь, чрезвычайно важны для понимания системы военного коммунизма в целом.

Начавшийся под влиянием империалистической войны процесс упадка сельского хозяйства не приостановился во время гражданской войны. Гражданская война, какие бы цели ни разрешались ею, все же есть война, истощающая производительные силы страны. У нас же, в Советской России, в силу указанных уже выше причин она протекала в особо тяжелых для нас экономических условиях. Система продразверстки, продиктованная советской власти условиями ведения гражданской войны, ускорила этот процесс упадка сельского хозяйства. Изъятие излишков с.-х. продукции без соответствующего снабжения крестьянства промышленными продуктами приводило постепенно к тому, что крестьянство все меньше производило этих излишков.

К концу 1920 г. сокращение посевной площади приняло катастрофические размеры. Стало ясно, что крестьянское хозяйство недалеко от превращения в замкнутое, самодовлеющее хозяйство потребительского характера.

Учитывая эту опасность, VIII с'езд советов (декабрь 1920 г.) принял постановление о регулировании сельского хозяйства, в котором, в качестве основных мероприятий, предлагалось установление обязательных норм засева полей и организация посевных комитетов (посевкомов). Установлением обязательных норм засева сельское хозяйство как бы признается уже не частным делом отдельных крестьянских хозяйств. Подобно тому как рабочий своей работой на общегосударственных предприятиях выполняет общую задачу по укреплению своего государства, так и крестьянство не должно рассматривать ведение своего хозяйства как деятельность, оторванную от выполнения общегосударственных задач. Крестьянин должен засеять столько земли, сколько требуется для пропитания его и его семьи и кроме того произвести также посев на своем же поле для общегосударственных нужд.

Для установления обязательного плана засева и для выполнения этого плана организуются посевные комитеты (на местах с участием представителей крестьянства), которые должны также заботиться о предоставлении недостающего инвентаря и посевного материала, об организации ремонта инвентаря, об организации общественной обработки полей тех хозяйств, в которых недостает рабочей силы и т. п.

Закон об обязательном засеве был попыткой планового регулирования крестьянского хозяйства, попыткой включения последнего в общий единый план народного хозяйства. Как и все остальные мероприятия в период военного коммунизма, попытка принудительного регулирования крестьянского хозяйства была сделана под влиянием острой необходимости приостановления процесса разрушения производительных сил. Совершенно естественно, что при отсутствии рыночных связей и рыночного регулятора единственным средством регулирования было установление своего рода трудовой повинности крестьянства в его же собственном хозяйстве. Но такая своеобразная трудовая повинность означала в то же время начало превращения самостоятельного мелкого и раздробленного крестьянского хозяйства в часть организованного единого советского хозяйства, превращения, опирающегося не на непосредственную заинтересованность крестьянина, а на методы принудительного характера.

Сущность и значение военного коммунизма.

Из данного нами краткого описания основных экономических мероприятий периода гражданской войны можно сделать следующий вывод о политике военного коммунизма. Будучи вызвана условиями гражданской войны, политика военного коммунизма развивалась по линии: 1) ликвидации рыночных отношений и замены их плановым распределением, 2) национализации всей промышленности и единой организации всего народного хозяйства.

С внешней стороны мы видим в строе военного коммунизма черты, напоминающие как будто бы тот коммунистический строй будущего, который должен притти на смену капитализму. Основная причина анархии производства — товарное хозяйство — постепенно ликвидировалась; деньги казалось умирают естественной смертью, распределение труда и средств производства по отдельным отраслям производства производилось по определенному плану. Правда, планы часто срывались, но причиной этого казалось были недостаточный организационный опыт и гражданская война. В то время могло казаться, что с окончанием гражданской войны все вытекающие из нее трудности отпадут и что применяемые методы организации хозяйства оправдают себя полностью.

Но была ли система военного коммунизма действительно началом осуществления коммунизма? Можно ли было действительно совершить прямой переход к коммунизму тем путем, которым мы шли во время гражданской войны?

В настоящее время отрицательный ответ на этот вопрос напрашивается сам собой. Военный коммунизм не мог стать путем к коммунизму уже потому только, что мелкое хозяйство оставалось мелким, раздробленным хозяйством с чрезвычайно отсталой техникой производства. Коммунизм не может быть построен на базе мелкого производства; действительное обобществление производства

может произойти только на основе крупной, развитой техники, на основе укрупнения и обобществления мелких хозяйств. Коммунистическая организация хозяйства предполагает далее действительную (а не кажущуюся) замену индивидуальной заинтересованности в труде общественным коллективным интересом.

Среднее крестьянство в общем и целом, под руководством пролетариата, пошло на жертвы экономического характера, для того чтобы отстоять землю, завоеванную революцией у помещиков. Но диктовавшиеся обстановкой гражданской войны методы организации хозяйства и формы взаимоотношений между промышленностью и сельским хозяйством (продразверстка), естественно, не могли оказывать поощряющего воздействия на мелко-товарное в основной массе крестьянское хозяйство. При наличии продразверстки крестьянин не был экономически непосредственно заинтересован в расширении своего хозяйства.

Коммунизм не может быть построен на основе падающего уровня производительных сил и понижающейся производительности труда, между тем мы имели оба эти явления в период военного коммунизма.

Если военный коммунизм не был началом коммунистического строя, то чем он фактически был? Каков исторический смысл политики военного коммунизма?

Можно было бы называть период военного коммунизма «военно потребительским коммунизмом», так как основная задача в условиях гражданской войны, когда промышленное и сельскохозяйственное производство сократились до минимума, заключалась в организации экономного потребления незначительных запасов средств потребления, сырья и топлива. И самая организация потребления и принципы распределения подчинялись требованиям успешного окончания гражданской войны. Когда подавляющая часть промышленных предприятий не работала, организация промышленности сводилась в гораздо большей мере к организации у п р а в л е н и я предприятиями, чем к организации процесса п р о и з в о д с т в а, так как процесс производства в целом шел по нисходящей линии.

Уравнительная тенденция в снабжении рабочих и система нормированных пайков в снабжении остального населения порождали представление о коммунистическом характере распределения, но это был коммунизм бедности, а не коммунизм, разворачивающийся на основе мощного развития производительных сил.

Военный коммунизм, — говорит программа Коммунистического Интернационала, — «есть не что иное, как организация рационального потребления в целях военной обороны при системе усиленного нажима на капиталистические группы (конфискации, реквизиции и т. д.) при более или менее полной ликвидации свободной торговли и рыночных отношений, при резком нарушении индивидуа-

листических хозяйственных стимулов мелкого производителя, что связано с падением производительных сил страны. Эта политика «военного коммунизма», подрывая материальный базис враждебных рабочему классу слоев внутри страны, обеспечивая рациональное распределение уже имеющихся в наличии запасов, способствуя военной борьбе пролетарской диктатуры и находя в этом свое историческое обоснование, не может быть тем не менее рассматриваема как система «нормальной» хозяйственной политики диктатуры пролетариата».

Можно ли говорить об ошибочности политики военного коммунизма.

Возникнув в результате гражданской войны, в условиях успешного наступления на внутреннюю буржуазию и развиваясь в условиях подъема мировой революции и успешной борьбы на фронтах гражданской войны, экономполитика 1919—1920 гг. не могла не породить иллюзий о том, что мы находимся на пути прямого, непосредственного перехода к коммунизму.

Что представление о военном коммунизме как о первом этапе коммунистического строя было иллюзией, свидетельствует тот факт, что как только Советская Россия в конце 1920 г. по окончании гражданской войны вступила в полосу мирного строительства, методы военного коммунизма оказались непригодными для организации производства и не могли предупредить надвинувшегося топливного голода начала 1921 г. С окончанием гражданской войны эти методы были исчерпаны, так как исчезла обстановка, вызвавшая их к жизни.

Но из того, что со строем военного коммунизма были связаны неправильные взгляды о сущности этого строя, нельзя сделать вывода об ошибочности политики военного коммунизма. Неправильным было бы также выводить ошибочность политики военного коммунизма из факта отказа от этой политики в 1921 г. и перехода к новой экономической политике. Оценивая период гражданской войны и военного коммунизма, т. Ленин говорил в 1921 г.: «Мы жили до сих пор в условиях такой бешеной, неслыханно тяжелой войны, когда ничего, кроме как действия по-военному, нам не оставалось и в области экономической». Как отмечал т. Ленин, «военный коммунизм был вынужден войной и разорением. Он не был и не мог быть отвечающей хозяйственным задачам пролетариата политикой. Он был временной мерой».

Политика военного коммунизма не была ошибочной сама по себе. Ошибочными были представления о том, что военный коммунизм есть непосредственный переход к настоящему коммунизму. Ошибочным было также то, что мы применяли методы военного коммунизма более широко, чем это было политически и экономически необходимо. Но политику военного коммунизма в целом ошибочной признать нельзя. Она была естественным продуктом гражданской войны, единственно возможным в тогдашних усло-

виях ответом восставшего и завоевавшего власть пролетариата на попытку буржуазии уничтожить первое в мире пролетарское государство.

Положительные итоги военного коммунизма.

Военный коммунизм был вынужденной политикой, организующей народное хозяйство для отпора контрреволюции; военный коммунизм не был и не мог быть политикой, направленной к подъему производительных сил народного хозяйства и обобществлению мелкого производства. Но оценивая историческое значение военного коммунизма, нельзя видеть это значение только в том, что благодаря политике военного коммунизма мы продержались в течение 2½ лет тяжелой борьбы и что именно при помощи этой политики мы отстояли основные завоевания Октября и сделали незыблемой диктатуру пролетариата. Военный коммунизм создал не только политические, но и экономические предпосылки, без которых невозможно было бы строительство социализма после окончания гражданской войны.

Важнейшим из экономических результатов периода военного коммунизма является экспроприация буржуазии, переход всей промышленности — этого важнейшего участка народного хозяйства — в руки пролетарского государства. В период военного коммунизма пролетариат успел организационно овладеть национализированной промышленностью, выдвинуть из своей среды кадр управляющих промышленностью, перетянуть на свою сторону лучшую часть технического персонала и совершенно уничтожить влияние буржуазии в области промышленного производства. Национализация банков, торговли, монополия внешней торговли, все это наряду с национализацией промышленности уничтожило крупную и среднюю буржуазию не только политически, но и экономически.

Правда, этим еще не была уничтожена возможность возрождения буржуазии, поскольку не было и не могло быть уничтожено товарное производство; после перехода к нэпу мы видим образование новых слоев буржуазии. Но эта нэповская буржуазия представляет собой социальный слой, не имеющий и не могущий иметь того значения и той силы, которые имела буржуазия до гражданской войны. Военный коммунизм передал важнейшие экономические позиции в руки пролетариата. Тем самым были созданы не только политические, но и экономические условия для строительства социализма на основе новой экономической политики.

ГЛАВА IV.

НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА.

§ 1. Переход к новой экономической политике.

В экономическом отношении военный коммунизм был особой формой организации хозяйства, приспособленной к задачам ведения гражданской войны. С политической же стороны военный коммунизм был выражением военно-политического союза рабочего класса и крестьянства. Перед рабочим классом и крестьянством стоял общий враг — непосредственная угроза контрреволюции. Если бы в гражданской войне победила контрреволюция, то с гибелью советской власти неминуем был бы возврат в той или иной форме к дореволюционным отношениям в деревне, возврат помещика, превращение России в колонию иностранного капитала и усиленная эксплоатация рабочего класса и крестьянства своей, «отечественной», и международной буржуазией. Наличие общей опасности в первую очередь сплачивало пролетариат и трудовое крестьянство в боевой союз под руководством пролетариата и его партии. Во имя преодоления этой опасности крестьянство шло на экономические жертвы в виде продразверстки и ликвидации рыночных отношений.

Политические и экономические причины перехода к нэпу.

Но с победоносным окончанием гражданской войны непосредственная военная опасность исчезла, и военно-политический союз должен был быть дополнен союзом хозяйственным, союзом для восстановления народного хозяйства и его социалистического переустройства.

Между тем уже в конце 1920 г. стали обнаруживаться признаки острого недовольства крестьянства сохранением системы продразверстки. Стало ясно, что крестьянство больше не соглашается на несение тех жертв, которые были вызваны военной обстановкой и именно ею оправдывались. Союз рабочих и основных масс крестьянства, являющийся необходимейшей предпосылкой социалистического строительства, был поставлен таким образом под угрозу.

С другой стороны, с окончанием гражданской войны, выдвинувшей на первый план вопросы социалистического строительства, встала задача восстановления крупной промышленности.

Но восстановление крупной промышленности, этой основы социализма, невозможно без восстановления нарушенных во время войны связей между промышленностью и сельским хозяйством. Война, как было указано выше, была причиной не просто упадка, но и натурализации крестьянского хозяйства, его стремления превратиться в замкнутое потребительское хозяйство. Приступая к восстановлению крупной промышленности, необходимо было создать заинтересованность крестьянства в снабжении города продовольствием, а фабрик и заводов сырьем (лен, шерсть, кожа и т. п.) и топливом. Таким образом необходимость отмены продразверстки вызывалась не только интересами крестьянства, но и интересами государственной промышленности, интересами строительства социализма.

Промышленность и сельское хозяйство при переходе к нэпу.

Промышленность и сельское хозяйство представляют две отрасли единого целого — народного хозяйства — и без взаимной и тесной связи друг с другом развиваться не могут. Как промышленность нуждается в сельскохозяйственном сырье и продовольствии, в крестьянском рынке сбыта, так и сельское хозяйство не может существовать и развиваться без снабжения его вырабатываемыми промышленностью сельскохозяйственными машинами и орудиями, удобрениями и предметами потребления для крестьянства.

Но при этой тесной связи и взаимозависимости промышленности и сельского хозяйства промышленность играет руководящую роль и по отношению к сельскому хозяйству и к хозяйству всей страны. Без развития промышленности невозможно развитие сельского хозяйства. Ведь хозяйственное развитие неразрывно связано с повышением технического уровня, улучшением орудий труда. А их источником является крупная концентрированная промышленность. Основным условием социалистического развития советской страны является мощное развитие крупной промышленности, которая может повести за собой отсталое, распыленное крестьянское хозяйство.

Но в 1921 г. обстановка в Советской России сложилась так, что сама промышленность не могла двинуться вперед по пути восстановления без подъема сельского хозяйства. Прежде всего нельзя было развернуть работу промышленности без продовольственного фонда — его наличие было условием поднятия производительности труда и пуска стоявших фабрик и заводов, иначе процесс распыления рабочих неизбежно продолжался бы. Но восстановление промышленности было связано с сельским хозяйством не только по линии продовольствия. И вопрос топливный, и вопрос сырьевой, непосредственно упирающиеся в транспорт, были тесно связаны с крестьянским хозяйством. К концу гражданской войны, когда запасы угля и нефти были полностью исчерпаны и производство их было разрушено белогвардейцами, основным видом топ-

лива были дрова. Но и заготовка дров и их подвоз к железным дорогам и промышленным предприятиям были совершенно немыслимы без крестьянского хозяйства — и рабочая сила для заготовок (крестьянский топор и пила) и гужевой транспорт (крестьянская коняга!) для перевозки поставлялись деревней. Поэтому топливный фонд и сырьевые ресурсы, без которых не могло быть и речи о поднятии промышленности, непосредственно зависели от восстановления крестьянского хозяйства. В силу сложившейся обстановки необходимо было при переходе к нэпу в первую очередь восстановление сельского хозяйства как условие и предпосылка для восстановления промышленности. Для того чтобы двинуть вперед всю народнохозяйственную цепь, руководящей силой которой является промышленность, необходимо было в первую очередь «ухватиться» за крестьянское звено. Восстановление сельского хозяйства нужно было именно для восстановления и развертывания промышленности. А потом, когда подымающееся сельское хозяйство создаст необходимые условия для пуска фабрик и заводов, тогда развивающаяся промышленность — ведущая сила во всем хозяйстве — поведет за собой и деревню.

Восстановить связи между промышленностью и сельским хозяйством, для того чтобы двинуть вперед производительные силы народного хозяйства в целом с целью его обобществления, — вот основная задача, которая встала перед пролетариатом после победы над контрреволюцией.

Но приступить к решению этой задачи необходимо было именно, выдвинув в первую очередь задачу восстановления сельского хозяйства. Чтобы пустить в ход стоявшие фабрики и заводы, нужно было в первую очередь снабдить продовольствием изголодавшихся за время войны рабочих, нужно было снабдить фабрики сырьем и топливом. А это возможно было сделать, лишь создав у крестьянства заинтересованность в увеличении посевов. Следовательно восстановление народного хозяйства в 1921 г. надо было начать с создания условий для восстановления сельского хозяйства.

Таким образом отмена продразверстки вызывалась не только политической необходимостью закрепления союза рабочего класса и основной массы крестьянства, но и экономической необходимостью восстановления и социалистического развития народного хозяйства.

Замена разверстки продналогом.

15 марта 1921 г. X съезд ВКП(б) принял резолюцию, а 16 марта ВЦИК издал декрет о замене разверстки натуральным налогом. По продразверстке крестьянин обязан был сдавать государству все излишки хлеба и других продуктов. В порядке натурального налога он обязывался сдавать лишь часть излишков; остальная часть излишков оставалась в полном его распоряжении. Но для того чтобы заинте-

ресовать крестьянство в производстве излишков, т. е. расширении посевов сверх необходимого для самого крестьянского хозяйства, декрет устанавливает право обмена с.-х. продукции на местном рынке и тем самым узаконяет свободную торговлю в пределах местного товарооборота. В этом заключается основное содержание декрета о замене разверстки налогом.

Отменой продразверстки советская власть удовлетворила важнейшее требование трудящегося крестьянства и создала условия восстановления и развития сельского хозяйства. Часто полагают, что единственной причиной перехода к новой экономической политике были рост крестьянских волнений и кронштадтское восстание (март 1921 г.). Такое объяснение перехода к новой экономической политике по существу неправильно.

Основной причиной такого перехода были следующие обстоятельства. Огромное море крестьянских мелкотоварных и даже полутоварных хозяйств, хозяйств разрозненных, распыленных, с чрезвычайно низким уровнем техники, при наличии слабой социалистической промышленности, — промышленности, разрушенной в результате империалистической и гражданской войны, не могло быть непосредственно перестроено на социалистических началах. Для этого у пролетариата в той обстановке не было ни достаточных материальных ресурсов, ни достаточных организационных сил. Такому обобществлению противостояли и хозяйственные навыки стомиллионного крестьянства, не умеющего хозяйствовать «по-новому», не понимающего и не доверяющего этому «новому».

Характеризуя новую экономическую политику, Ленин отмечал: «Военный коммунизм был вынужден войной и разорением. Он не был и не мог быть отвечающей хозяйственным задачам пролетариата политикой. Он был временной мерой. Правильной политикой пролетариата, осуществляющего свою диктатуру в мелкокрестьянской стране, является обмен хлеба на продукты промышленности, необходимые крестьянину. Только такая продовольственная политика отвечает задачам пролетариата, только она способна укрепить основы социализма и привести его к полной победе» (т. XVIII, ч. 1, стр. 14). В этом же смысле Ленин говорил при переходе к нэпу о том, что «нам нужно строить нашу экономику применительно к экономике середняка, которую мы за три года не переделали и еще за десять лет не переделаем» (там же, стр. 146). Именно в этом, а не в чем-либо ином, заключались общие причины перехода к новой экономической политике. Крестьянские волнения и кронштадтское восстание лишь ускорили этот переход, они были его внешней причиной, поводом, сигнализирующим опасность и необходимость перемены политики соответственно изменяющейся обстановке. Ведь политика военного коммунизма была вызвана исключительно условиями гражданской войны и сама была отступлением от линии экономической политики, бегло намеченной для

переходного периода еще Марксом и Энгельсом, а затем отчетливо, конкретно разработанной Лениным применительно к условиям послевоенной России. С окончанием гражданской войны ликвидация военного коммунизма была неизбежна независимо от конкретного повода, ускорившего эту ликвидацию, так как в строении экономики Советской России за годы войны не произошло уж таких крупных изменений, которые сделали бы совершенно ненужной линию экономической политики, намеченную до гражданской войны. Доказательством того, что еще задолго до 15 марта 1921 г. встал вопрос об изменении экономической политики, является факт издания в ноябре 1920 г. декрета о сдаче концессий иностранному капиталу.

О том, что переход к нэпу был по существу возвратом к основным принципам, которые мы начали проводить до гражданской войны, свидетельствует еще и то, что, обосновывая необходимость перехода к нэпу и самый нэп, Ленин в своей брошюре о продналоге (1921 г.) целиком воспроизвел значительную часть своей аргументации, которую он в 1918 г. направил против «левых коммунистов» для обоснования необходимости перейти к социализму через ряд переходных ступеней в соответствии с состоянием экономики страны. Также и IX съезд советов РСФСР (декабрь 1921 г.), первый съезд советов после перехода к нэпу, в своей резолюции «по вопросам новой экономической политики и промышленности» указывает: «так называемая «новая экономическая политика», основные начала которой были точно определены еще во время первой «передышки» весной 1918 г., основывается на строгом учете экономических сил Советской России. Осуществление этой политики, прерванное комбинированным нападением на рабоче-крестьянское государство контрреволюционных сил русских помещиков и буржуазии и европейского империализма, стало возможно лишь после военной ликвидации попыток контрреволюции к началу 1921 г.».

Но, разумеется, переход к новой экономической политике ни в коей мере не означал, что советская власть полностью и целиком переходит на позиции 1918 г. и восстанавливает существовавшее тогда соотношение классовых сил. Между 1918 г. и 1921 г. лежит период острой гражданской войны, в течение которой пролетарская диктатура полностью экспроприировала буржуазию, а в 1918 г. буржуазия еще не была экспроприирована. За те же годы гражданской войны изменились отношения между пролетариатом и крестьянством: во-первых, значительно была урезана капиталистическая верхушка деревни, во-вторых, произошел процесс нивелировки крестьянства и, в-третьих, если до развертывания гражданской войны и в ее начале задача пролетариата в отношении среднего крестьянства заключалась в его нейтрализации, то уже с 1919 г. (VIII съезд партии) советская власть перешла к установлению союза с средним крестьянством, а к концу граждан-

ской войны этот союз был совершенно упрочен в качестве военно-политического союза. Дальнейшая задача свелась к установлению и упрочению хозяйственного союза с средним крестьянством, — смычки.

Уже в силу этого совершенно иного соотношения классовых сил в стране, совершенно иного положения пролетарской диктатуры не могло быть и речи о возврате на позиции 1918 г. Переход к нэпу означал лишь возврат к принципам политики 1918 г., основной тактический смысл которых заключается, по словам Ленина, в том, «что государственная власть — пролетариат — сделала попытку осуществить переход к новым общественным отношениям с наибольшим, так сказать, приспособлением к существовавшим тогда отношениям, по возможности постепенно и без особой ломки» (см. выше, стр. 40).

Это различие условий 1918 г. и 1921 г. и необходимо иметь в виду при рассмотрении экономических мероприятий, сопровождавших переход от военного коммунизма к нэпу.

Замена разверстки налогом—исходный момент нэпа.

Замена продразверстки налогом была лишь первым шагом новой экономической политики, за которым должны были последовать дальнейшие шаги. В предыдущей главе было показано, каким образом из запрещения свободной торговли в 1918 г. вытекал ряд мероприятий (главкизм в промышленности, натурализация зарплаты и т. д.), составивших в совокупности систему военного коммунизма. Точно так же и отмена продразверстки диктовала советской власти ряд мероприятий, вытекавших из возврата к рыночным отношениям и составивших в совокупности систему новой экономической политики.

Замена разверстки налогом имела своей непосредственной целью создать у крестьян — мелко-товарных производителей — личную заинтересованность в расширении посевной площади. Поэтому и издание декрета о натуральном произошло с такой поспешностью: необходимо было, чтобы крестьянство было оповещено о новом законе до начала полевых работ.

Но крестьянство могло быть заинтересовано в расширении запашек только при наличии уверенности в том, что в обмен за вынесенные на рынок хлебные излишки, оно действительно найдет необходимые ему промышленные товары. Между тем крупная государственная промышленность за время гражданской войны пострадала гораздо сильнее сельского хозяйства, а в момент перехода к нэпу почти не имела товарных запасов в количестве, достаточном для проведения товарообмена с крестьянством. Для того же, чтобы пустить в ход крупную промышленность и довести ее до уровня, на котором она была бы в состоянии удовлетворить крестьянский спрос, требовалось значительное время. Поэтому декретом 7 июля 1921 г. были созданы условия развития мелкой и

кустарной промышленности, с которой были сняты ограничения периода военного коммунизма. Мелкая и кустарная промышленность рассматривается как подсобная к крупной государственной промышленности и крестьянскому хозяйству и призвана восполнить существующий на рынке недостаток промышленных товаров.

С этой же целью увеличения массы обращающихся на рынке промышленных товаров издается декрет о праве советов народного хозяйства денационализировать мелкие предприятия и возвращать их прежним собственникам и декрет о сдаче в аренду частным лицам, а также государственным и кооперативным организациям мелких и средних предприятий. Так как государство не обладало достаточным количеством средств для пуска всех своих предприятий, то было целесообразнее сосредоточить наличные средства на крупных предприятиях, вместо того чтобы распылять их по бесчисленному множеству мелких и средних. Таким способом концентрации производства можно было быстрее восстановить крупную госпромышленность. А к восстановлению мелких и части средних предприятий привлекался частный капитал.

Привлечение крупного иностранного капитала в виде концессий, с одной стороны, преследует ту же цель, что и привлечение внутреннего частного капитала в форме аренды для наиболее быстрого снабжения рынка промышленными товарами. С другой стороны, привлечение иностранного капитала преследует цель использования его для ускорения развития производительных сил советской страны.

В связи с переходом к рыночным отношениям должна была подвергнуться существенным изменениям и организация государственной промышленности. Постепенно изживался главкизм в управлении промышленностью, было уничтожено централизованное натуральное снабжение промышленности, госпредприятия были переведены на принципы коммерческого расчета с целью наилучшего приспособления к рыночным условиям.

Само собою разумеется, что переход к рыночным отношениям сделал необходимым и восстановление денежной и кредитной системы.

Моменты отступления в переходе к нэпу.

Ниже мы более подробно остановимся на характеристике всех перечисленных мероприятий в связи с рассмотрением экономической политики в отдельных областях народного хозяйства. Сейчас перед нами стоит вопрос о самом переходе к новой экономической политике. Рассматривая перечисленные мероприятия именно с этой точки зрения, т. е. с точки зрения перехода от одной системы экономической политики к другой, необходимо решить вопрос о том, в какой мере этот переход явился отступлением пролетариата на хозяйственном фронте, а если переход к новой экономической политике был отступлением, то является ли только отступлением и сама новая экономическая политика, как это утверждала в свое время оппозиция в период XIV с'езда партии. Этот вопрос имеет не только исторический интерес, он тесно связан с пониманием самой сущности нэпа и принципов социалистического строительства. Если отступлением был

не только переход к нэпу, но и самый нэп, тогда наступление, т. е. развернутое социалистическое строительство, должно происходить не на основе принципов новой экономической политики, а на основе каких-то других принципов, — следовательно нэп еще не является политикой непосредственного социалистического строительства, а только создает предпосылки для социалистического строительства. Переход от создания этих предпосылок к самому социалистическому строительству должен в таком случае произойти в виде скачка, в форме какой-то новой революции. Мы ниже увидим, что оценка нэпа как только отступления составляет неотъемлемую часть идеологии троцкизма.

Для того чтобы получить правильный ответ на поставленный вопрос, необходимо отличать период самого перехода к нэпу, в течение которого происходила ликвидация системы военного коммунизма и создание системы новой экономической политики (1921/22 г.), от того периода, когда сложившаяся система политики в общем и целом уже освободилась от элементов военного коммунизма и начала функционировать в своем развернутом виде.

Несомненно, что самый переход от военного коммунизма к нэпу был отступлением. Но при этом необходимо отчетливо уяснить самый характер этого отступления, выяснить, в какой именно мере это было отступлением. Бывают отступления, равносильные разгрому и вынуждающие к капитуляции перед противником, бывают, наоборот, временные стратегические отступления, имеющие своей целью создать возможность перестройки рядов для перехода в наступление. В таком случае мы имеем дело с частным отступлением, являющимся лишь переходящим этапом в общем наступательном движении.

В гражданской войне пролетариат одержал крупнейшую победу над буржуазией. Буржуазия как класс была уничтожена политически и экономически, все средства производства, которые до революции составляли монополию капиталистов, перешли в руки пролетариата, организовавшегося в государственную власть. Совершенно ясно, что при таких условиях переход к нэпу не был и не мог быть капитуляцией перед капитализмом. Пролетариат победил буржуазию и после этой победы и на основе этой победы совершил переход к новой экономической политике. Поэтому заранее должно быть отвергнуто представление о переходе к нэпу как о капитуляции перед капитализмом.

Смысл перехода к нэпу заключается в установлении иных, нормальных экономических связей между пролетариатом и крестьянством для успешного социалистического строительства. В этом суть вопроса. Переход к нэпу не был отказом от строительства социализма, не был отступлением от основной задачи революции. Этот переход был лишь отказом, отступлением от методов строительства социализма, применявшихся нами в период гражданской войны, отступлением от методов прямого перехода к коммунизму. Буржуазия была разбита политически и экономически, но мелкое хозяйство, питающее капитализм, осталось. В попытке прямым путем, не опираясь на непосредственный экономический интерес мелкого производителя, перевести его хозяйство в коммунистическое, — в этой попытке пролетариат потерпел поражение. Пришлось отступить перед экономическим сопротивлением этого мелкого хозяйства, но отступить не в том смысле, чтобы вообще отказаться от социалистического переустройства мелкого хозяйства, а в том только смысле, чтобы отказаться от его переустройства методами военного коммунизма и перейти к достижению поставленной цели другими более целесообразными, более соответствующими природе крестьянского хозяйства методами.

«В нэпе, — говорит Ленин, — мы сделали уступку крестьянину как торговцу, принципу частной торговли; именно из этого вытекает (обратно тому, что думают) гигантское значение кооперации» (Ленин, О кооперации). Это значит — мы сделали уступку крестьянину в том отношении, что перешли к социалистическому переустройству крестьянского хозяйства путем более медленным, более простым и более доступным крестьянину. Почему мы вынуждены

были сделать эту уступку, это отступление от прямого перехода к коммунизму? «Чем было вызвано это своеобразное и для нас, разумеется, очень неприятное положение? Причина была та, что мы в своем экономическом наступлении слишком далеко продвинулись вперед, не обеспечив себе достаточной базы. Массы почувствовали то, чего мы тогда еще не умели сознательно формулировать, но что и мы вскоре, через несколько недель, признали, а именно: что непосредственный переход к чисто социалистическим формам, к чисто социалистическому распределению превышает наши наличные силы, и что если мы окажемся не в состоянии произвести отступление и ограничиться более легкими задачами, то нам угрожает гибель» (Ленин, т. XVIII, ч. 2, стр. 84).

Своеобразие этого отступления заключается в том, что оно было произведено в рамках общей наступательной линии, в условиях, когда мы «в наступлении слишком далеко продвинулись вперед». Отсюда вытекает и своеобразие уступки, сделанной крестьянству в нэпе,— это уступка не на основе отказа от социализма, а на основе создания более прочных, более действительных методов построения социализма.

Такое понимание отступления при переходе к нэпу и уступки крестьянству в нэпе находится в неразрывной связи с общим учением Ленина о союзе пролетариата и крестьянства. Этот союз не является самоцелью, а лишь средством к достижению цели. «Диктатура пролетариата есть особая форма классового союза между пролетариатом, авангардом трудящихся, и многочисленными непролетарскими слоями трудящихся (мелкая буржуазия, мелкие хозяйчики, крестьянство, интеллигенция и т. д.), или большинством их, союза против капитала, союза в целях полного свержения капитала, полного подавления сопротивления буржуазии и попыток реставрации с ее стороны, союза в целях окончательного создания и упрочения социализма» (Ленин, т. XVI, стр. 241; выделено нами.—*Авт.*). И поэтому «мы на всякие уступки пойдем в пределах того, что поддерживает и укрепляет власть пролетариата, который неуклонно, несмотря на трудности и препятствия, идет к уничтожению классов и коммунизму» (Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 251; выделено нами.—*Авт.*). Уступка со стороны пролетариата, поддерживающая и укрепляющая его власть, отступление, имеющее целью создание более прочных и более действительных методов социалистического строительства,— таковы характер и смысл отступления, проделанного в связи с переходом к нэпу. «Мы сейчас отступаем назад, но мы это делаем, чтобы сначала отступить, а потом разбежаться и сильнее прыгнуть вперед. Только под одним этим условием мы отступили назад в проведении нашей новой экономической политики» (Ленин, т. XVIII, ч. 2, стр. 96).

Критика теории уступок.

Ничего общего с этой ленинской постановкой вопроса об уступке среднему крестьянству и об отступлении не имеет точка зрения, видящая причину и смысл перехода к нэпу в том, что середняк весной 1921 г. стал колебаться в сторону кулака. Так т. Лядов на сентябрьском (1928 г.) пленуме Московского комитета ВКП(б) говорил: «У нас имеются классы и между этими классами болтается середняк... Каждый раз в зависимости от того, в какую сторону середняк колеблется, определяется тактика партии. На этом построено учение о смычке. Уловить, чутко прислушиваться, в какую сторону середняк колеблется,— в этом большевистская тактика должна заключаться. Не пропустить того момента, когда середняк начнет резко колебаться в сторону кулака. Ильич в 1921 г. уловил это и пошел на уступки середняку» (цитировано из сборника «Против правой опасности и примиренчества», Гиз, 1929, стр. 184).

Верно, что в 1921 г. середняк стал колебаться и что это послужило поводом для ускорения уже назревшего перехода к нэпу. Мы уже выше показали, что действительной причиной перехода к нэпу была необходимость под'ема производительных сил страны через восстановление связей между промышленностью и сельским хозяйством, связей, обеспечивающих успех

социалистического строительства. Методы военного коммунизма оказались несостоятельными в деле под'ема не только сельского хозяйства, но и промышленности — материальной базы диктатуры пролетариата. Помимо того, что промышленность не могла получать от сельского хозяйства необходимое количество сырья и продовольствия, мы имели упадок производительности вследствие вынужденной натурализации и нивелировки зарплаты, вследствие того, что стимулирование производительности труда не опиралось на личную заинтересованность рабочего. Если быть последовательным в изложенной «теории уступок», надо бы сказать, что переход к нэпу был «уступкой» и рабочему классу. Но уступкой с чьей стороны? Со стороны очевидно рабочего класса же. Нелепость этого вывода, покоящегося на неправильной исходной точке зрения, совершенно очевидна.

Понимание перехода к нэпу только как уступки коренится в ошибочном представлении о смычке, о характере взаимоотношений между рабочим классом и средним крестьянством. Верно, что середняк подвержен колебаниям (что отнюдь не значит, что он «болтается»), но наша тактика определяется не этими колебаниями, а тем, чтобы уничтожить самый корень этих колебаний путем установления прочного союза, смычки с середняком для построения социализма, для уничтожения классов. Большевистская тактика заключается не в том, чтобы «уловить, чутко прислушиваться, в какую сторону середняк колеблется» и «не пропустить момента». Это была бы пассивная тактика, обрекающая диктатуру пролетариата на непрерывные уступки кулаку под видом «уступок» середняку и в конечном итоге на сдачу всех своих позиций. Большевистская тактика должна заключаться и заключается в том, чтобы, опираясь на бедноту, вести вместе с середняком организованное наступление на кулака. А для этого необходимо втягивать середняка в активное социалистическое строительство и активно (материально и организационно) помогать ему и руководить им в деле социалистического переустройства. Ибо диктатура пролетариата есть особая форма союза между пролетариатом и средним крестьянством «в целях окончательного создания и упрочения социализма» (Ленин). Именно это — самое главное — упускается из виду авторами «теории уступок», для которых союз с средним крестьянством превращается в самоцель. Смычка заключается не в уступках, а в руководстве, в строительстве социализма. Теория уступок, считающая, что на колебаниях середняка «построено учение о смычке», есть теория правого уклона, теория уступок кулаку, и полностью увязывается в единое целое со всеми остальными воззрениями правых.

Переход к нэпу в отношениях между рабочим классом и крестьянством таким образом не был отступлением от коммунизма, потому что политика военного коммунизма, хоть и вызванная войной и оправданная победой над контрреволюцией, все же вела к упадку производительных сил народного хозяйства. А разрушение производительных сил с экономической точки зрения никак нельзя считать приближением к коммунизму. Поэтому ликвидация военного коммунизма и переход к нэпу об'ективно не были удалением от нашей основной цели и в этом смысле не были отступлением. Переход к нэпу был только стратегическим отступлением преходящего характера для перегруппировки сил и перехода в новое дальнейшее наступление.

Переход к нэпу был вызван необходимостью укрепления крупной промышленности на основе хозяйственной смычки с средним крестьянством. Но, как мы видели, допуская рыночные отношения, советская власть дала возможность развития в известных пределах и капиталистических отношений и роста частного капитала. В связи с этим встает вопрос, был ли переход к нэпу уступкой капитализму?

Несомненно, что отказ от немедленного полного устранения частного капитала из народно-хозяйственной жизни явился частичным экономическим отступлением в сравнении с той политикой наступления на частный капитал, которую мы вели в течение почти трех лет в условиях военного коммунизма. От

попытки обойтись полностью без частного капитала в нашем хозяйственном строительстве мы вынуждены были на время отказаться. Но самое допущение частного капитала вызвано было не тем, что капитал оказался сильнее нас (в открытой борьбе мы его победили), а тем, что этого требовали интересы мелкого крестьянского хозяйства, интересы социалистического строительства на данном этапе его развития. Основной *смысл* изменения экономической политики заключался не в привлечении частного капитала, а в создании материальной заинтересованности мелкотоварного производителя — трудящегося крестьянства — без которой невозможно было развитие сельского хозяйства.

Но и это отступление имеет чрезвычайно условный и относительный характер. Вспомним первый период экономической политики 1917/18 г. Тогда частный капитал еще владел большей частью крупной промышленности. Тогда задача заключалась в привлечении *этого*, еще не признавшего пролетарской диктатуры, частного капитала к организации народного хозяйства под руководством пролетарского государства, в превращении частнохозяйственного капитализма в государственный капитализм. Тогда пролетарское государство владело только частью крупной промышленности и не успело еще в достаточной мере наладить управление этой частью. Тогда наконец борьба между пролетариатом и буржуазией за государственную власть еще не была решена окончательно в пользу пролетариата.

Совсем иное положение и соотношение сил между пролетариатом и буржуазией мы имели после окончания гражданской войны. Внутренняя буржуазия политически была побеждена полностью. Наступление мирового капитала на Советскую республику окончилось неудачей, и фактически мировая буржуазия, раздираемая внутренними противоречиями, отступила перед мощью и героическим под'емом рабочего класса и крестьянства. Далее, в момент перехода к новой экономической политике российская буржуазия была уничтожена не только политически, но и экономически, — вся крупная и средняя промышленность находилась в руках пролетариата, который успел за годы гражданской войны организационно овладеть ею и наладить аппарат управления.

Поэтому привлечение в известных пределах частного капитала к участию в хозяйственных отношениях между пролетариатом и крестьянством при условии сохранения в руках пролетарского государства командных хозяйственных высот хоть и является некоторым отступлением, но это — отступление на основе политической победы над буржуазией. Переход к нэпу был «уступкой» не буржуазии, не капитализму, а имел целью закрепление смычки с трудящимся крестьянством на пути строительства социализма.

Из всего сказанного нами о моментах отступления в переходе к нэпу вытекает, что хотя самый переход был в известной мере отступлением, но нэп как система экономической политики пролетариата, строящего социализм, не является отступлением. Это вытекает из самого характера отступления при переходе к нэпу и из целей этого перехода (отступить, чтобы перестроиться и перейти в новое наступление). Нэп — политика социалистического строительства, т. е. наступления на капитализм. Что это действительно так, станет совершенно ясно после того, как мы в следующих параграфах этой главы ознакомимся с основными принципами социалистического строительства на пути нэпа и в следующей главе с итогами развития за время нэпа.

§ 2. Новая экономическая политика—путь к социализму.

Сущность социалистического строительства.

Процесс социалистического строительства складывается из двух, неразрывно связанных в единое целое процессов: 1) рост производительных сил и 2) их обобществление. Если выкинуть один из этих моментов, то от социалистического строительства ничего не останется.

Социализм представляет собой новую, более высокую форму организации производительных сил, нежели капитализм. Но одной только организации мало. Необходимо, чтобы самый уровень производительных сил, техника производства была при социализме выше, чем при капитализме. Ведь капитализм обречен на гибель и неизбежно должен уступить свое место коммунизму в конечном счете именно потому, что он является фактором, тормозящим развитие производительных сил.

Следовательно задача социализма заключается в том, чтобы поднять производительные силы на более высокую ступень, чем они находились при капитализме.

С другой стороны, социализм не может окончательно победить на низком уровне производительных сил потому, что всякий общественный строй определяется не сознанием отдельных членов общества, а наоборот, — это сознание само определяется в конечном счете производственными отношениями и производительными силами. Для того чтобы построить социализм, мало одного только желания, необходимо создать такие условия, при которых иного сознания кроме социалистического не могло бы и быть.

Возьмем следующий пример. Много сельскохозяйственных коммун, образованных в период военного коммунизма, распалось при переходе к новой экономической политике. Распадение коммун происходило и до последнего времени. Не касаясь здесь частных причин отдельных случаев распада коммун, зададим себе общий вопрос: почему м о г у т распадаться коммуны? Представим себе большую коммуну, в которой все процессы производства электрифицированы, где применяется электрическая или тракторная пахота и т. д. Можно ли из такой коммуны образовать целый ряд отдельных частных хозяйств и разделить для этого между всеми участниками коммуны поровну электрическую станцию, электрические провода, части трактора и т. д.? Ответ может быть только один — конечно нет. Точно так же нельзя превратить рабочих крупной фабрики в мелких самостоятельных ремесленников, раздав им по частям отдельные машины или части машин, применяемых на фабрике. Теперь возьмем земледельческую коммуну, в которой применяются такие же орудия производства, как и в отдельных крестьянских хозяйствах, — лошадь, плуг и т. д. Такую коммуну вполне можно раздробить на отдельные хозяйства.

Мы видим, что уровень производительных сил в обобществленном хозяйстве (а коммуна есть форма организованного общественного хозяйства) имеет первенствующее значение для судеб этого хозяйства. В нашем первом примере уровень производительных сил настолько высок, что он н е п о з в о л я е т вернуться к мелкому единоличному хозяйству, здесь сама техника коллективная. Во втором примере уровень производительных сил низкий, здесь состояние техники п о з в о л я е т вернуться к мелкому хозяйству.

Из всего сказанного должно быть ясно, что победа социалистического производства требует создания таких крупных средств производства и такой технической связи между отдельными частями народного хозяйства (электрификация), при которых существование частной собственности было бы не только не нужно, но и невозможно. Поэтому социалистическое строительство, не сопровождающееся ростом производительных сил, фактически не является подлинным социалистическим строительством, ибо оно не обеспечивает достижения такого уровня производительных сил, без которого невозможно прочное существование социализма.

С другой стороны, не требует особых пояснений та истина, что рост производительных сил сам по себе, рост в форме развития частного хозяйства не является социалистическим строительством. Необходимо, чтобы растущие производительные силы о б о б щ е с т в л я л и с ь, в противном случае этот рост пойдет на пользу капитализму, а не социализму.

Из данного определения процесса социалистического строительства («рост производительных сил и их обобществление» или «обобществление растущих производительных сил») нельзя еще вывести принципов и задач социалистического строительства в СССР. Социалистическое строительство происходит не в каком-то безвоздушном пространстве, а развертывается в совершенно конкретной экономической и политической обстановке, процесс этого строительства заключается в преобразовании с у щ е с т в у ю щ и х отношений. Для того чтобы выяснить принципы, план социалистического строительства, необходимо следовательно заняться анализом всей совокупности существующих в советской стране производственных отношений, анализом существующих типов (укладов) хозяйства и их взаимоотношений. Только на основе такого анализа возможно установить, каким путем мы должны итти, для того чтобы по-социалистически преобразовать существующие у нас хозяйственные отношения, какими методами мы должны пользоваться, для того чтобы при существующих условиях развивать и обобществлять производительные силы.

Для того чтобы обосновать линию экономической политики как в 1918 г., так и в 1921 г., при переходе к нэпу, Ленин прежде всего рассматривает и тщательно анализирует имеющиеся в советском хозяйстве социально-экономические уклады, или формы хозяйства.

Напомним здесь еще раз эти формы:

«1) патриархальное, т. е. в значительной степени натуральное, крестьянское хозяйство;

2) мелкое товарное производство (сюда относится большинство крестьян из тех, кто продает хлеб);

3) частнохозяйственный капитализм;

4) государственный капитализм;

5) социализм».

При анализе этих форм мы должны рассмотреть не только тип производственных отношений, свойственный каждому из этих укладов, — мы должны также исследовать роль и значение каждого из них во всем народном хозяйстве в целом и его отношение к социалистическому строительству. Процесс социалистического строительства не есть «мирный» процесс, — это процесс классовой борьбы, и анализ социально-экономических укладов СССР в их взаимодействии является одновременно анализом классовых отношений в стране. Наконец последнее, что мы должны иметь в виду при этом анализе и при рассмотрении основных принципов и путей социалистического строительства, — это процесс развития. Социалистическое строительство — это процесс преобразования нашего хозяйства; отсюда ясно, что имеющиеся сейчас в нашем хозяйстве социально-экономические уклады и взаимоотношения между ними должны изменяться; они не могут оставаться теми же самыми в начале, в середине и в конце этого процесса. В настоящей главе мы должны поэтому наметить и основные линии, по которым происходит и будет происходить изменение существующих отношений.

Основным и решающим с точки зрения строительства социализма укладом, рычагом социалистического преобразования, является пятый из перечисленных Лениным укладов — социализм, или предприятия последовательно-социалистического типа. Мы поэтому начнем анализ именно с этого уклада и исследуем сначала тип производственных отношений, свойственный этому укладу, а затем его роль в процессе социалистического строительства.

Предприятия последовательно социалистического типа.

В советских госпредприятиях отсутствует характернейший, решающий, определяющий признак капиталистического предприятия — отсутствует частный собственник, отсутствует капиталист. Именно принадлежность предприятия капиталисту делает предприятия капиталистическими, является основой капиталистического общества и основой эксплоатации пролетариата классом капиталистов. Программа нашей партии так и определяет «природу капитализма и буржуазного общества»: «Главную особенность такого (капиталистического. — *Авт.*) общества составляет товарное производство на основе капиталистических производственных отношений, при которых самая важная и значительная часть средств производства и обращения товаров принадлежит небольшому по своей численности классу лиц, между тем как огромное большинство населения состоит из пролетариев и полупролетариев, вынужденных своим экономическим положением постоянно или периодически продавать свою рабочую силу, т. е. поступать в наемники к капита-

листам и своим трудом создавать доход высших классов общества».

Вот каковы основные признаки капиталистического производства.

Наличие капиталистических отношений собственности является основным признаком капиталистического предприятия.

Собственником предприятия или группы предприятий может быть и не один капиталист, а группа капиталистов. Может быть наконец и такая картина, когда капиталистическое предприятие берет в свои руки или контролирует буржуазное государство (такое явление в особенности можно было наблюдать во время мировой империалистической войны 1914 г.), — это и является формой государственного капитализма в капиталистическом государстве. Но во всех этих случаях сущность таких отношений остается неизменной. Один ли капиталист, группа ли капиталистов или капиталистическое государство (другими словами — класс капиталистов в целом, так как капиталистическое государство представляет собою «орган классового господства», исполнительный комитет по делам буржуазии) является собственником предприятий, — все равно в силе остается основной закон, главнейшая черта, основа капиталистической системы: «самая важная и значительная часть средств производства и обращения принадлежит небольшому по своей численности классу лиц», которые эксплоатируют нанимающихся к ним рабочих. Предприятиями капиталистического или государственно-капиталистического типа мы можем назвать только такие, в которых противостоят друг другу два класса: с одной стороны, — капиталисты-собственники, а с другой, — лишенные собственности рабочие, продукт прибавочного труда которых присваивается классом капиталистов.

Именно имущественные отношения, отношения собственности Маркс и Энгельс считали основной чертой, характеризующей ту или иную хозяйственную систему, тот либо иной общественно-экономический строй.

В этом смысле и писали они в 1848 г. в «Коммунистическом манифесте», что «современная (буржуазная.—*Авт.*) частная собственность есть последнее и самое полное выражение способа производства и присвоения продуктов, основанного на антагонизме классов, на эксплоатации одних другими»[1].

О том же совершенно ясно писал Маркс в 1875 г. в «Критике Готской программы»: «Всякий раздел средств потребления есть

---

[1] См. Маркс и Энгельс, Коммунистический манифест, изд. «Московский рабочий», 1923 г., стр. 60.

только результат данного раздела самих средств производства. Последний же (т. е. «раздел средств производства», — иначе говоря, принадлежность средств производства тому или иному классу. — *Авт.*) обусловливает характер способа производства. Так, капиталистический способ производства зиждется на том, что вещественные условия производства (т. е. фабрики, заводы и т. д. — *Авт.*) находятся в руках не рабочих, тогда как масса является собственником только личного условия производства — рабочей силы». Маркс здесь отчетливо подчеркивает, что основой капиталистического способа производства является именно частная собственность капиталистов («не-рабочих») на средства производства. И дальше Маркс продолжает: «Если вещественные условия производства будут составлять товарищескую собственность самих рабочих, то... получится само собою отличное от нынешнего (капиталистического. — *Авт.*) распределение средств потребления»[1].

После выяснения того, что именно нужно понимать под капиталистическими отношениями, под капиталистическим предприятием, нетрудно видеть, каким злостным вымыслом являются всякие попытки подвести наши советские госпредприятия под капиталистический или государственно-капиталистический тип.

В самом деле: есть разве у нас в госпромышленности частные собственники, капиталисты? Государственные наши предприятия — фабрики, заводы, шахты, рудники, промысла, железные дороги и т. д. и т. п. — безвозвратно отняты Октябрьской революцией у старых их частных владельцев и являются собственностью пролетарского Советского государства. А Советское государство есть, как говорил Ленин, повторяя слова Маркса, не что иное, как «организованный в господствующий класс пролетариат». Собственником наших госпредприятий является таким образом рабочий класс, организованный в государственную власть, т. е. тот класс, представители которого на этих предприятиях работают. Эти «отношения собственности» не только ничего общего не имеют с капиталистическими отношениями, но они прямо противоположны буржуазным отношениям, когда предприятия принадлежат именно не работающему на них классу капиталистов. В этом переходе частной собственности на средства производства от буржуазии к пролетариату, в этой «экспроприации экспроприаторов» и заключается сущность социалистического переворота, уничтожающего капиталистическую частную собственность и тем самым основу эксплоатации рабочих.

---

[1] К. Маркс, Критика Готской программы, Гиз 1923 г., стр. 57.

Поэтому мы говорим, следуя за т. Лениным, что наши госпредприятия являются предприятиями «последовательно-социалистического типа (в которых и средства производства принадлежат государству, и земля, на которой стоит предприятие, и все предприятие в целом)».

Так называемая «новая оппозиция» на XIV партсъезде, впоследствии примкнувшая к троцкизму, считала, что госпредприятия СССР являются социалистическими лишь в том отношении, что они являются собственностью пролетарского государства, что они работают для социализма.

Но поскольку в этих предприятиях применяются еще старые капиталистические формы (ценностный счет, деньги, зарплата, кредит и т. д.), эти предприятия являются не социалистическими, а государственно-капиталистическими. Что предприятия последовательно-социалистического типа при развернутом социализме будут значительно отличаться по своей технике и внутренней организации от наших современных предприятий, не подлежит никакому сомнению

Совершенно бесспорно также, что наши современные госпредприятия не представляют собой полного развернутого социализма, — таковыми они станут лишь после обобществления и переустройства всего народного хозяйства.

Но из того, что в наших госпредприятиях в связи с наличием рыночных отношений еще применяются «по внешности капиталистические формы и методы хозяйственной деятельности» (программа Коминтерна), ни в малейшей мере не следует, что это госкапиталистические предприятия. Дело в том, что формы и методы хозяйственной деятельности лишь по внешности являются капиталистическими, но не по существу. В старой форме мы уже сейчас имеем совершенно новое содержание — иные производственные отношения.

Совершенно неправильно противопоставлять отношения собственности отношениям между людьми, производственным отношениям, как это сделал на XIV съезде т. Каменев, который говорил: «По отношениям собственности они (госпредприятия.—*Авт.*)— социалистичны, по отношениям людей — еще нет». Отношения собственности, имущественные отношения — это и есть отношения между людьми, производственные отношения [1].

С переходом предприятий из рук капиталистов в руки рабочего класса (в лице его государства) изменились отношения не только между рабочими и капиталистами, но и внутри рабочего

---

[1] В своем знаменитом предисловии «К критике политической экономии» Маркс считает имущественные отношения, т. е. отношения собственности, только юридическим выражением производственных отношений.

класса между его членами. Ведь пролетариат не как какое-то бестелесное, абстрактное существо владеет предприятиями последовательно-социалистического типа. Рабочий класс в целом является здесь коллективным собственником. Раньше, при капитализме, каждый рабочий в отдельности не относился к членам своего же класса и к своему классу в целом как к коллективному собственнику средств производства, а теперь относится. Изменилось по существу и содержание понятия «пролетариат». Пролетариат вообще — это класс, лишенный средств производства и продающий свою рабочую силу другому, эксплоататорскому классу. В СССР же пролетариат держит в своих руках основные средства производства и в госпредприятиях «продает» свою рабочую силу... себе же. Ясно, что изменения собственности повели за собой и изменения отношений между людьми. Формы же этих отношений еще старые (зарплата, деньги и т. д.). Но это отмирающие формы переходного периода, которые не изменяют скрывающихся за ними новых производственных отношений. Ведь и при развернутом социализме (низшей фазе коммунизма) общество будет еще покрыто «во всех отношениях — экономическом, нравственном и умственном — родимыми пятнами старого общества, из лона которого оно выходит» (Маркс), там еще есть остатки «буржуазного права» — за равный труд равный продукт. Но тем не менее никому в голову не придет назвать из-за этого социалистическое общество капиталистическим и госкапиталистическим. Дело в типе производственных отношений. Именно поэтому Ленин и называет госпредприятия предприятиями последовательно-социалистическими. Считать их госкапиталистическими из-за формы зарплаты и т. п. значит считать их несоциалистическими, значит полностью отрицать их социалистический характер, ибо госкапитализм предполагает наличие двух классов и отношений эксплоатации.

Все сказанное относительно социалистического характера госпредприятий в промышленности полностью сохраняет свою силу и по отношению ко всем остальным госпредприятиям (транспорт, госторговля, госбанки и т. д.), т. е. ко всей системе так называемых командных высот.

Уяснив себе тип производственных отношений в государственных предприятиях последовательно-социалистического типа, мы должны перейти к рассмотрению роли этих предприятий в процессе социалистического строительства.

Поскольку значительная часть народного хозяйства уже находится в руках государства (крупная промышленность, транспорт, внешняя торговля, банки), мы имеем распространение социалистических производственных отношений на довольно значительном участке хозяйства. Дальнейший количественный и качественный рост предприятий последовательно-социалистического типа будет

означать расширение сферы господства социалистических производственных отношений. Но не только в этом заключается роль государственного сектора нашего хозяйства, она заключается еще в том, чтобы преобразовать по-социалистически все народное хозяйство в целом.

Если бы капитализм оставил нам в наследство народное хозяйство, построенное сплошь на основе высокой техники, хотя бы такой техники, какая имеется сейчас в наших лучших государственных предприятиях, тогда разумеется переход к социализму можно было бы осуществить легко и быстро. Но этого нет. Мы имеем преобладание в нашем хозяйстве мелкого крестьянского производства. Наша крупная государственная, социалистическая промышленность не может строить социализм, замкнувшись в себе. Следовательно перед нами встает большая задача обобществления многомиллионного крестьянского хозяйства.

Наша крупная промышленность и все государственное хозяйство играют роль «ведущего начала» во всей нашей экономике.

Командные высоты и их роль.

Само собой разумеется, что основным условием социалистического строительства является наличие диктатуры пролетариата, ведущего за собой основную массу крестьянства. Но это только условие. Пролетариат должен иметь в своих руках экономические средства, достаточные для воздействия на рыночную стихию и на мелкое крестьянское хозяйство.

Таким орудием является прежде всего крупная социалистическая промышленность. Если судить о роли социалистической промышленности по количеству занятых в ней рабочих, то окажется, что относительно роль ее как будто невелика, так как в сельском хозяйстве занято гораздо больше работников (считая и работающих в своем хозяйстве). Точно так же нельзя судить о роли крупной промышленности по количеству выпускаемой ею продукции: крестьянское хозяйство в нашей стране еще до 1928/29 г. производило значительно больше, чем вся промышленность. Роль социалистической госпромышленности, ее командное положение в народном хозяйстве определяется не этим; она определяется тем фактом, что в руках государства сосредоточены важнейшие и крупнейшие средства производства. Целый ряд промышленных продуктов вырабатывается почти исключительно национализированной промышленностью (нефть, уголь, чугун, сахар, хлопчатобумажные ткани, крупное и среднее машиностроение и т. д.), т. е. в руках государства сосредоточены такие отрасли производства, без которых народное хозяйство не может существовать и развиваться. В современном обществе развитие хозяйства зависит главным образом от развития промышленности и в первую очередь от развития отраслей промышленности, вырабатывающих средства производства. Пролетарское государ-

ство, владея производством средств производства, тяжелой индустрией, держит в своих руках основной рычаг к развитию всего народного хозяйства и получает возможность постепенно перестроить его техническую базу.

Но для того чтобы социалистическая промышленность действительно вела народное хозяйство к социализму, необходимы еще два условия.

Первое условие: социалистическая промышленность должна занимать господствующее положение внутри всей промышленности. Необходимо, чтобы частный капитал, допускаемый в известной мере советской властью в промышленность, занимал в ней лишь подчиненное положение, необходимо, чтобы решающие позиции в промышленности принадлежали государству.

Важнейшие приводные ремни между социалистической промышленностью и крестьянским хозяйством должны находиться в руках государства непосредственно или в руках организации, находящейся под руководством пролетариата (кооперации). Представим себе, что вся промышленность национализирована, но транспорт, кредит и вся торговля находится в руках частного капитала.

Ясно, что при таком положении социалистическая промышленность не могла бы осуществить социалистического преобразования крестьянского хозяйства.

Эти командные высоты (транспорт, кредит и оптовая торговля) являются также орудием связи самой промышленности и руководства ею, поэтому решающие позиции в этих областях народнохозяйственной жизни также должны принадлежать государству.

Железнодорожный и воздушный транспорт целиком и водный транспорт в подавляющей своей части у нас национализированы и представляют собой мощное орудие регулирования народного хозяйства, — орудие, пользуясь которым государство может содействовать развитию социалистических элементов и задерживать развитие капиталистических.

Кредитная система является третьей командной высотой социализма. Функции кредита в СССР заключаются в собирании имеющихся в стране временно-свободных средств и сбережений и в направлении их в те отрасли хозяйства, в развитии которых государство в данный момент особенно заинтересовано. Организуя сельскохозяйственный кредит, государство получает новое орудие влияния на крестьянское хозяйство, орудие его преобразования. Системой кредита государство может воздействовать и на частный капитал и вводить его в рамки государственного капитализма.

Четвертая командная высота — это оптовая торговля. Поскольку для развития товарооборота в настоящее время еще

неизбежно в известных пределах привлечение частного капитала, не может быть конечно и речи о полной национализации торговли. Но важно соблюдать такое отношение, чтобы и в товарообороте государство занимало командное положение. Это достигается прежде всего сосредоточением большей части оптовой торговли в руках государства и кооперации. Не оптовая торговля зависит от розничной, а розничная зависит от оптовой, поэтому в оптовой торговле государство имеет средство воздействия на частную розничную торговлю в желательном для него направлении. В розничной же торговле задача заключается в том, чтобы сами заинтересованные потребители, объединенные в кооперацию, опираясь на поддержку государства и устанавливая непосредственную связь с социалистической промышленностью, постепенно вытесняли и сделали ненужным существование частной торговли.

Пятая командная высота — это монополия внешней торговли. Связь с мировым рынком необходима для развития производительных сил и должна служить делу индустриализации СССР. СССР не может отделиться китайской стеной от мирового хозяйства и отказаться от использования заграничной техники. Внешняя торговля нужна нам для ввоза недостающих средств производства и для вывоза продуктов, имеющихся у нас в избытке. Для того чтобы мировой капитал не мог оказывать желательного ему влияния на развитие нашего хозяйства, внешняя торговля объявлена монополией государства, которое ведет ее в направлении, выгодном для социалистического строительства.

Вот система основных экономических рычагов, которые находятся непосредственно в руках советского государства и совместным, комбинированным действием которых пролетариат в борьбе против капиталистических элементов, преодолевая и вытесняя их, опираясь на деревенскую бедноту, ведет за собой и преобразовывает мелкое крестьянское хозяйство. Развивая и укрепляя свое хозяйство, государство тем самым увеличивает силу своего воздействия на крестьянское хозяйство, ускоряет процесс его преобразования и вытеснения капиталистических элементов.

Но вопрос о том, как, какими методами преобразовать крестьянское хозяйство и преодолевать капитализм, еще не предрешен тем, что в руках пролетариата имеется система командных высот. Этими командными высотами пролетариат владел также и в период военного коммунизма. Для того чтобы ответить на вопрос, как применять и использовать имеющиеся у пролетарской диктатуры средства социалистического преобразования, необходимо еще рассмотреть природу того объекта, который подлежит этому преобразованию, природу крестьянского хозяйства. Мы таким образом переходим к анализу первого и второго укладов, перечисленных Лениным в его характеристике советского хозяйства.

Природа крестьянского хозяйства и метод его обобществления.

Мы видели выше, каким образом методы военного коммунизма (правда, навязанные нам гражданской войной) в виде продразверстки и вытекавшего из нее обязательного плана засева привели не к росту, а к упадку производительных сил сельского хозяйства. В чем заключаются коренные причины этого явления? Помимо «издержек» войны, основная причина упадка сельского хозяйства заключалась в том, что проводившийся метод обобществления оказался в непримиримом противоречии с самой сущностью мелкого крестьянского хозяйства. Это последнее можно было бы прямым путем привести к социализму, если бы рядом с ним существовала «великолепная крупная машинная индустрия с сетью электрических проводов, индустрия, способная и по своей технической мощи, и по своим организационным «надстройкам» и сопутствующим явлениям снабдить мелких земледельцев лучшими продуктами в большем количестве, быстрее и дешевле, чем прежде» (Ленин). Такая индустрия могла бы быстро подвести под сельское хозяйство новую базу крупной техники, при которой коллективное хозяйствование гораздо выгоднее для каждого крестьянина, нежели хозяйствование индивидуальное. При таких условиях крестьянин сам был бы непосредственно заинтересован в переходе к коллективному хозяйству, и этот переход был бы прочным.

Поскольку этих условий у нас не было и не могло быть, всякая попытка обобществления крестьянского хозяйства, не дающая ему непосредственных и вполне ощутимых материальных результатов, а лишь обещающая ему эти выгоды в будущем, не могла быть приемлема для него. Крестьянское хозяйство, как хозяйство мелкособственническое, охотно пойдет за теми мероприятиями государства и партии, которые сулят ему непосредственную выгоду. Вот за эту особенность крестьянского хозяйства и надо «ухватиться», для того чтобы повести его к подъему производительных сил и обобществлению. «Торговля есть единственно возможная экономическая связь между десятками миллионов мелких земледельцев и крупной промышленностью, если... если нет рядом с этими земледельцами великолепной крупной машинной индустрии» (Ленин).

Крестьянин в тех условиях только в том случае стал бы развивать свое хозяйство, т. е. производить больше продуктов, чем это нужно для собственного потребления, если бы он получил возможность, во-первых, свободно распоряжаться своими излишками и, во-вторых, обменивать эти излишки на нужные ему для повышения уровня своего существования и улучшения хозяйства предметы потребления и средства производства. Следовательно для подъема производительных сил требовалось всемерное развитие товарооборота.

В довоенной России крестьянское хозяйство приблизительно только одну треть производимых им продуктов выбрасывало на рынок, остальные две трети потреблялись внутри крестьянского же хозяйства. Эта незначительная степень товарности (около 30%) показывает, в какой значительной мере крестьянское хозяйство было «патриархальным, т. е. в значительной степени натуральным». Империалистическая и гражданская войны еще больше усилили натуральный характер крестьянского хозяйства.

Но оставаясь в значительной мере натуральным, крестьянское хозяйство остается тем самым оторванным от крупной государственной промышленности и обречено на застой в техническом отношении. Поскольку товарооборот в стране слабо развит, нельзя превратить натуральное хозяйство в товарное. Для того чтобы крестьянин перестал заниматься выделкой домашнего холста, полотна и т. п. для собственных нужд, необходимо, чтобы промышленность производила эти предметы потребления и давала их по доступной цене крестьянину. Только в этом случае крестьянин перестанет быть «специалистом» на все руки и получит возможность сосредоточить все свои силы на улучшении самого сельского хозяйства. Специализация и разделение труда повышают производительность труда; это приложимо не только к промышленности, но и к сельскому хозяйству. А превращение натурального мелкого хозяйства в товарное и есть углубление разделения труда в народном хозяйстве. Вот почему всемерное развитие товарооборота в стране содействует росту производительных сил и включает (через рынок) крестьянское хозяйство в общую систему народного хозяйства, вследствие чего государственная промышленность получает «зацепку» (рыночную связь), за которую оно может ухватиться и влиять на крестьянское хозяйство. Кроме того рост товарности крестьянского хозяйства увеличивает емкость рынка для государственной промышленности и содействует таким образом ее развитию.

Капиталистическая тенденция развития крестьянского хозяйства.

Предоставляя крестьянскому хозяйству известную свободу хозяйственного оборота, принимая меры для развития товарооборота с целью подъема производительных сил сельского хозяйства и втягивания (через товарооборот) крестьянского хозяйства в сферу влияния социалистического государственного хозяйства, государство тем самым развязывает и предоставляет известные возможности развития силам, враждебным социализму, ибо из мелкого товарного хозяйства растет и не может не расти капитализм.

Если взять самую основу товарного хозяйства — мелкое земледелие, — то история показывает, что развитие рыночных отношений разлагает мелкое земледелие, крестьянское хозяйство и выделяет из крестьянства буржуазию, кулаков, с одной стороны, и бедняков полупролетариев и пролетариев, — с другой. Ниже,

в главе о сельскохозяйственной политике, мы покажем подробно, какие особенности имеет процесс расслоения крестьянства в условиях Советского государства, в условиях диктатуры пролетариата. Пока же нам важно отметить неизбежность этого процесса.

Даже в том случае, если бы все крестьянские хозяйства были совершенно одинаковы по своей силе, по имеющимся у них средствам производства, по уровню зажиточности, т. е. если бы все крестьянство в социальном отношении представляло собой совершенно однородную массу, д а ж е в этом случае неизбежен процесс расслоения, рост неравенства между отдельными хозяйствами, так как условия рынка, условия, при которых земледелец продает продукты своего производства, настолько разнообразны и неустойчивы, что они не могут дать совершенно одинаковых результатов всем выступающим на рынке крестьянам. Один будет продавать свои продукты более выгодно, другой — менее выгодно. Анархия производства и конкуренция, господствующие в мелкотоварном крестьянском хозяйстве, приводят к тому, что один крестьянин возвращается с рынка с прибылью, другой — с убытком; следовательно в рыночных условиях одни хозяйства будут развиваться быстрее, другие медленнее или будут падать. Хозяйства, приходящие в упадок, попадают в зависимость от хозяйств поднимающихся, которые благодаря этому получают добавочный источник роста и превращаются постепенно из трудового хозяйства в хозяйство эксплоататорское, т. е. капиталистическое.

После перехода к нэпу процесс расслоения, приостановленный во время гражданской войны, вновь возобновился. Поскольку государство не обладало достаточными материальными средствами для оказания решающей помощи маломощному хозяйству, сфера эксплоатации для кулака расширилась, и капитализм в деревне получил возможность роста. Другим фактором, благоприятствующим капиталистической тенденции развития крестьянского хозяйства, явилось допущение при переходе к нэпу частного капитала в промышленность и в торговлю.

Мы видели, что во время самого перехода от военного коммунизма к нэпу необходимо было прибегнуть к оживлению мелкой кустарной промышленности и к привлечению частного капитала в промышленность. В не меньшей мере частный капитал нужен был и для развития товарооборота в узком смысле этого слова, т. е. торговли. Наш торговый аппарат был еще недостаточно развит, а средства, которые государство и кооперация могли вложить в торговлю, были еще недостаточно велики, и если бы мы вздумали совершенно отказаться от привлечения частного капитала, товарооборот сильно сузился бы, и крестьянское хозяйство, а вместе с ним и государственная промышленность развивались бы гораздо медленнее. Поэтому частный капитал допускается на известных усло-

виях к обслуживанию хозяйственных связей между крестьянством и рабочим классом.

Частно-хозяйственный и государственный капитализм.

Участие частного капитала в народнохозяйственной жизни происходит в двух формах — в форме частнохозяйственного капитализма и в форме государственного капитализма. В главе о первом периоде экономической политики советской власти мы уже останавливались на различии, существующем между этими двумя формами. Здесь мы должны еще раз характеризовать частнохозяйственный и государственный капитализм, но уже в связи с той ролью, которую они призваны играть в социалистическом строительстве на основе новой экономической политики.

Под частнохозяйственным капитализмом надо понимать все те капиталистические предприятия (промышленные, сельскохозяйственные и торговые), которые никакими договорными отношениями с государством не связаны. Частнохозяйственный капитализм, поскольку он в определенных границах увеличивает промышленное производство и развивает товарооборот, несомненно содействует росту производительных сил и в этом отношении способствует социалистическому строительству, так как последнее предполагает развитие производительных сил.

Но, с другой стороны, частный капитал мешает социалистическому строительству, поскольку он неорганизован и не находится под прямым влиянием государства. Без этого прямого влияния государство может воздействовать на него главным образом налоговой политикой, путем кредита и т. д., но не может непосредственно устанавливать для него обязательных цен, обязательных норм выработки и условий сбыта и т. д. Частнохозяйственный капитализм является поэтому фактором, могущим нарушать намеченные государством хозяйственные планы. Нашей задачей является использование, преодоление и наконец вытеснение капиталистических элементов. Для облегчения задачи регулирования частнохозяйственного капитализма мы стремимся ввести его в русло государственного капитализма, т. е. такого рода хозяйственных предприятий, когда частный капиталист заключает договор с советским государством (например, когда частный торговец берет у государства товар для продажи его населению и обязуется при этом продавать товар не выше определенной цены) или когда частное лицо берет у государства предприятие в аренду. Обычные условия советского арендного (и концессионного) договора следующие: 1) арендатор или концессионер обязуется вложить в предприятие определенной, заранее оговоренной величины, основной и оборотный капиталы; 2) арендатор или концессионер обязуется довести выработку до определенного в договоре уровня к определенному сроку; 3) определяются условия продажи продукта на внутреннем и внешнем рынках и 4) по истечении срока арендного или концессионного до-

говора все имущество предприятия поступает в собственность государства. Устанавливается также порядок досрочного выкупа Советским государством имущества концессионного предприятия.

В аренде и концессии мы имеем таким образом соединение государственных средств производства (фабрики, земли и т. п.) и частного капитала и определенные обязательства, которые берет на себя капиталист. Здесь государство не косвенно только (налоговой системой, кредитом, общей политикой цен и т. д.), а и прямым путем влияет на частный капитал и заранее включает производство на государственно-капиталистическом предприятии в план государственного хозяйства. Здесь частный капитал развивает производительные силы страны, но развивает их организованно, сообразно задачам, которые ставит само пролетарское государство. Мы можем без всякого преувеличения сказать, что государственный капитализм в СССР — это капитализм, поставленный на службу социалистическому строительству.

Кто кого?

Допущение в известных пределах развития капитала в промышленности и в торговле, как сказано, усиливает капиталистическую тенденцию развития крестьянского хозяйства. Правда, капитализм (как частнохозяйственный, так и государственный) в условиях СССР не обладает и не может обладать той силой, которой он обладает в капиталистической стране при диктатуре буржуазии. Но в начале нэпа, когда государственная промышленность находилась в состоянии сильного упадка, когда государство не имело своего торгового аппарата, своих банков и т. д., развитие капитализма представляло собой довольно серьезную опасность.

Главная опасность роста капитализма заключается не в каждом отдельном капиталисте и не в каждой отдельной группе капиталистов, самой по себе (торговый, промышленный, ростовщический капитал); эта опасность заключается главным образом в той связи, которую капитал стремится установить с крестьянским хозяйством, для того чтобы повести его по пути капиталистического развития. Связываясь с нарождающейся деревенской буржуазией (кулаком, торговцем), городской капитал (промышленный, ростовщический, торговый) приобретает возможность экономического влияния на массу среднего крестьянства, поскольку существует зависимость этого последнего от деревенской буржуазии. Таким образом появляется угроза разрыва смычки между основной массой крестьянства и пролетариата. С ростом частного капитала внутри страны неизбежно стремление его к установлению связи с крупным иностранным капиталом, занятым в концессионных (промышленных и торговых) предприятиях. Мировой капитал в своей борьбе с советской властью и социалистическим строительством в СССР ставит свою ставку на развитие и рост частного капитала; борьба иностранного капитала против монополии внешней торговли и вызвана

стремлением установить непосредственную связь с нашим внутренним частным капиталом и экономически, а затем политически оторвать крестьянство от пролетариата, т. е. разрушить самую основу Советского государства, смычку, и добиться капиталистической реставрации. Поэтому, рассматривая силы, противодействующие социалистическому строительству, мы должны принять во внимание и мировое капиталистическое окружение.

Получается таким образом следующее противоречие: рост производительных сил сельского хозяйства, связанный с развитием его товарности, долженствующий служить предпосылкой социализма, порождает силу, враждебную социализму, — капитализм.

Тов. Ленин в своей речи на II Всероссийском с'езде политпросветов 17 октября 1921 г. так поставил вопрос: «Весь вопрос — кто кого опередит? Успеют капиталисты раньше сорганизоваться, — и тогда они коммунистов прогонят, и уже тут никаких разговоров быть не может. Нужно смотреть на эти вещи трезво: кто кого?» И дальше: «Организуем ли мы мелкое крестьянство на основе развития его производительных сил, поддерживая это развитие пролетарской властью, или подчинят его капиталисты, — от этого зависит исход борьбы».

Допущение частного капитала и концессий есть следовательно не мир с капитализмом, а острейшая классовая борьба между пролетариатом и буржуазией за овладение мелкотоварным крестьянским хозяйством. Отсюда видно, что и социалистическое строительство является не каким-то идиллическим мирным процессом, а особой формой классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией, борьбы между социализмом и капитализмом.

Но поддается ли вообще мелкое крестьянское хозяйство обобществлению, социалистическому переустройству на пути развития товарооборота? Можно ли вообще преодолеть капиталистическую тенденцию развития крестьянского хозяйства при наличии рыночных отношений? При определенных условиях это достижимо, ибо капиталистическая тенденция развития крестьянского хозяйства не является абсолютным законом. «Такова тенденция в обществе, в котором господствует капиталистический способ производства» (Маркс, Теории прибавочной стоимости, том I).

Социалистическая тенденция развития крестьянского хозяйства.

Крестьянское трудовое хозяйство не есть капиталистическое хозяйство, хотя из него и на его почве растет капитализм; это — мелкобуржуазное хозяйство или то, что в политической экономии называется простым товарным хозяйством. Но оно не может развиваться самостоятельно и вечно оставаться мелкобуржуазным.

Крестьянин-середняк имеет, так сказать, двойственную природу: с одной стороны — он мелкий собственник и тяготеет вследствие этого к буржуазии, стремится развить свое хозяйство в крупное капиталистическое. С другой же стороны — он труженик, нахо-

дится под гнетом капиталистической эксплоатации (тресты, банки, вся организация финансового капитала и буржуазного государства), и в этом отношении он стоит ближе к пролетариату. Именно из этой, второй, стороны природы крестьянского хозяйства вытекает возможность диктатуры пролетариата как особой формы союза между пролетариатом и средним крестьянством для уничтожения капитализма и построения социализма.

В условиях господства капитализма крестьянское хозяйство может развиваться только по капиталистическому пути, путем разорения и пролетаризации огромной массы крестьянства и концентрации средств сельскохозяйственного производства в руках капиталистов. Но если основные средства производства находятся в руках пролетарского государства, то нет ничего невозможного в том, чтобы при активной помощи пролетариата переводить крестьянское хозяйство на рельсы крупного обобществленного социалистического хозяйства. Ибо об'ективно среднее крестьянство само заинтересовано в уничтожении возможности капиталистической эксплоатации. Сплошная иллюзия полагать, что можно сохранить мелкое товарное производство и избегнуть при этом капиталистического развития. Не только теория, но и исторический опыт всех стран доказывает, что при сохранении товарного производства неизбежно развитие капитализма. А развитие капитализма означает неизбежно нищету, разорение и гибель «самостоятельного» крестьянского хозяйства. Отсюда вытекает, что средний крестьянин об'ективно, сам того может быть и не сознавая, заинтересован в победе социализма.

Но как довести этот об'ективный интерес среднего крестьянина до его сознания и побудить его перейти к коллективному хозяйству, если крестьянин привык к индивидуальному хозяйствованию? «Если бы мы могли, — говорил Ленин, — дать завтра сто тысяч первоклассных тракторов, снабдить их бензином, снабдить их машинистами (вы прекрасно знаете, что пока это — фантазия), то средний крестьянин сказал бы: «я за коммунию» (т. е. за коммунизм)» (т. XVI, стр. 153). Но как быть, когда этого еще нет? Тогда надо найти такие формы и методы, которые позволяли бы нам в течение периода подготовки производства «первоклассных тракторов», т. е. крупной машинной техники для сельского хозяйства, все же вести крестьянское хозяйство по социалистическому пути и отрывать его от капитализма. Необходимо только найти форму связи непосредственных интересов крестьянина с интересами строящегося социализма.

«Теперь мы нашли ту степень соединения частного интереса, частного торгового интереса, проверки и контроля его государством, степень подчинения его общим интересам, которая раньше составляла камень преткновения для многих и многих социалистов» (Ленин, О кооперации). Форма этого соединения и есть коопера-

ция, имеющая исключительное значение «со стороны перехода к новым порядкам путем возможно более простым, легким и доступным для крестьянина... Надо научиться строить социализм так, чтобы всякий мелкий крестьянин мог участвовать в этом построении». Гигантское значение кооперации вытекает именно из того, что «в нэпе мы сделали уступку крестьянину, как торговцу, принципу частной торговли» (там же).

Кооперация—путь крестьянского хозяйства к социализму.

Формально кооперация есть об'единение мелких товаропроизводителей[1], т. е. мелких собственников. Но социальная сущность и значение кооперации определяется не только социальным составом ее членов, но и социальной сущностью той экономической силы, с которой кооперация связывается и которая руководит кооперацией. Кооперация сама по себе не может развиваться самостоятельно, как не может развиваться самостоятельно и мелкое товарное производство при наличии более высоких форм хозяйства. В том и заключается утопичность и реакционность мелкобуржуазного социализма (и наших народников в том числе), что он полагает возможным без пролетарской революции, сохраняя крупные средства производства, кредит, государственную власть и т. д. в руках буржуазии, построить социализм при помощи кооперации. В капиталистических странах кооперация «смыкается» неизбежно с капиталистической промышленностью, получает кредит в капиталистических банках и т. д. и находится под контролем капиталистического же государства. Естественно также и то, что в самой кооперации получают перевес наиболее зажиточные, капиталистические элементы. Таким образом при капитализме кооперация вовсе не является орудием социалистического развития мелкого производства, а, наоборот, превращается в средство его капиталистического развития.

Совершенно иначе обстоит дело в СССР, где основные средства производства — промышленность, транспорт, банки и т. д. — находятся в руках пролетарского государства, строящего социализм. Здесь организатором и руководителем кооперации является система предприятий последовательно социалистического типа. «В самом деле, власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д., — разве это не все, что нужно, для того чтобы из кооперации, из одной только кооперации, которую мы прежде третировали, как торгашескую и которую с известной стороны имеем право третировать теперь при нэпе так же, разве

---

[1] Мы здесь имеем в виду преимущественно сельскохозяйственную кооперацию.

это не все, необходимое для построения полного социалистического общества? Это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения» (Ленин. О кооперации).

Пролетарское государство всей силой своего экономического влияния оказывает поддержку бедняцким и середняцким хозяйствам. С ростом хозяйственной мощи Советского государства такая поддержка неизменно растет. Чем больше крепнет наша госпромышленность, чем больше укрепляется и расширяется государственная торговля и государственный кредит, тем все более мощной становится поддержка бедняцких и середняцких слоев крестьянства. Эти слои деревни, при помощи своих кооперативных организаций, пользующихся особой поддержкой пролетарского государства, все больше укрепляют свое хозяйство, переводя его на коллективные начала. Социалистические госпредприятия ведут за собой кооперативную систему, поддерживая, укрепляя ее, смыкаясь через нее со всей массой бедняцко-середняцких крестьянских хозяйств, переводя их на коллективные начала.

Нельзя однако думать, что одно только срастание с государственным, социалистическим хозяйством обеспечивает за всяким кооперативом его превращение в социалистическую форму хозяйства. «Если выделить особо концессии, которые, кстати сказать, не получили у нас сколько-нибудь значительного развития, то кооперация в наших условиях сплошь да рядом совершенно совпадает с социализмом», — говорит Ленин, — но с другой стороны «это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения». «При нашем существующем строе предприятия кооперативные... не отличаются от предприятий социалистических, если они основаны на земле, при средствах производства, принадлежащих государству, т. е. рабочему классу».

Существуют различные ступени кооперативного об'единения крестьянства, кооперативы, об'единяющие только процессы обращения (закупка и сбыт), об'единяющие только некоторые стороны процесса производства в сельском хозяйстве (машинные товарищества, товарищества по переработке продуктов и т. п.) и наконец об'единяющие весь процесс производства с полным обобществлением всех средств производства (коммуны). Строй социализма — это «строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства» (Ленин). Но если этой общественной собственности на средства производства еще нет, то соответствующий кооператив не является социалистическим предприятием. Иное дело в госпредприятии, где все средства производства обобществлены полностью, или в коммуне, организационно и материально связанной с государственным хозяйством.

Таким образом неправильным является взгляд, видящий во всякой форме кооперативного об'единения социализм, если только

оно срослось с государственным хозяйством и находится под его руководством. Кооперация в целом является путем к социализму, формой перехода через ряд ступеней простого товарного хозяйства в социалистическое, но в социализм она превращается на своей высшей ступени, доведя процесс преобразования до обобществления всех средств производства и самого процесса труда.

Было бы, с другой стороны, ошибочным причислить все виды кооперации, в которых нет обобществления процесса производства и процесса труда, к госкапитализму. Госкапиталистическим предприятием в условиях СССР является предприятие, в котором участвует частный капитал на определенных договорных отношениях с государством. Но середняцкое и бедняцкое хозяйство, об'единяемое кооперацией, не является капиталистическим хозяйством, это мелко-товарное хозяйство. Кооперация в данном случае представляет собой организацию мелких производителей, находящихся на пути превращения в членов социалистического коллектива.

Иное дело с теми кооперативными об'единениями, которые состоят из кулацких элементов или находятся под их руководством. Такие кооперативы, вернее лжекооперативы, являются формой, маскирующей капитализм, использовываемой капиталистическими элементами деревни для эксплоатации бедняка и середняка или для разложения действительной кооперации. Такие «кооперативы» ведут борьбу против руководства государства, против социалистического строительства, и сколько бы и как бы они ни «сращивались» с государственным социалистическим хозяйством, они от этого не становятся формой или путем развития кулацкого хозяйства к социализму. Нельзя эти лжекооперативы приравнивать и к государственно-капиталистическим предприятиям, как концессия, аренда и т. д. Эти последние государство сознательно организует по причинам и для целей, которые уже изложены выше. Через концессии мы получаем передовую технику, через аренду ослабляем дезорганизующее влияние «отечественного» частного капитала. Но в деревне совершенно иное положение: дать здесь возможность капиталистическим элементам экономически организоваться — значило бы отдать под их влияние середняка, т. е. содействовать решению вопроса «кто кого?» в пользу капитализма. Поэтому мы ведем борьбу против таких, так сказать, «нелегальных форм государственного капитализма», какими являются кулацкие кооперативы или лжекооперативы.

Коллективизация крестьянского хозяйства — основная цель кооперативного плана Ленина.

Кооперативная сеть в целом об'единяет бедняцкие и середняцкие хозяйства, задача которых заключается в вытеснении из нее капиталистических элементов и в их преодолении. Это — необходимое условие для того, чтобы кооперация была п у т е м крестьянского хозяйства к социализму. Путь означает изменение, и, проходя через кооперативный путь,

крестьянское хозяйство должно подвергнуться коренному преобразованию. Но крестьянин должен быть непосредственно заинтересован в этом изменении, и кооперация должна так вести крестьянское хозяйство к социализму, чтобы каждый шаг к социализму, каждый переход к высшей форме кооперативного об'единения, обобществления хозяйственных процессов был связан с непосредственной материальной выгодой для крестьянина. Ниже, в главе о сельском хозяйстве, мы подробно разберем различные формы и ступени обобществления крестьянского хозяйства. Пока наметим лишь общую линию этого пути и сформулируем ее словами Ленина: «Оптовая торговля (это писано в 1921 г., когда только еще нащупывались формы руководства крестьянским хозяйством; позже этой формой стала кооперация, и то, что здесь Ленин говорит об оптовой торговле, вполне применимо к кооперации, тоже являющейся своего рода «оптовой», т. е. массовой организованной торговлей. — *Авт.*) — оптовая торговля об'единяет миллионы мелких крестьян экономически, заинтересовывая их, связывая их, подводя их к дальнейшей ступени: к разным формам связи и об'единения в самом производстве» (Ленин, т. XVIII, 1, стр. 340). Смысл кооперативного пути — в этой «дальнейшей ступени» — в обобществлении производства. Это самое основное в кооперативном плане Ленина: «путем возможно более простым, легким и доступным для крестьянина» вести его «к новым порядкам», «строить этот социализм так, чтобы всякий мелкий крестьянин мог участвовать в этом построении», и довести крестьянина через ряд ступеней, опираясь на его непосредственной заинтересованности, к созданию крупного обобществленного сельского хозяйства, к изгнанию капитализма из его последнего убежища — из сельского хозяйства.

Завершение кооперативного пути — это коллективизация крестьянского хозяйства. Без этого кооперативный план перестает быть планом социалистического строительства, ленинским кооперативным планом [1].

Кооперативный план и индустриализация.

Кооперативный план, т. е. план социалистического преобразования крестьянского хозяйства, является только составной частью общего плана социалистического строительства и в том именно смысле, что одна только кооперация, даже при экономическом и организационном

---

[1] Неправильным было включение в предыдущие издания книги (на стр. 102) цитаты из книги т. Бухарина «Путь к социализму» о том, что «в общей системе кооперативных организаций мы будем иметь и кулацкие ячейки» и толкование «кулацких кооперативных организаций» как госкапиталистических элементов в общей системе кооперации. Как видно из всего текста, эти цитаты из «Пути к социализму» находятся в прямом противоречии с развиваемым на той же 102 стр. взглядом, что необходимо «вести борьбу с кулацкими кооперативными организациями», вытеснять их.

руководстве со стороны пролетарского государства, не может достичь своей основной цели сама, своими силами. Доведя крестьянское хозяйство до необходимости обобществления производства, кооперация не в состоянии выполнить этой задачи без материальной помощи пролетарского государства. Для того, чтобы действительно обобществить сельское хозяйство, необходимо подвести под него базу крупной машинной техники, а эту последнюю крестьянское хозяйство создать не может. Какие бы крупные коллективы крестьяне ни создавали, но если в них будут те же орудия производства, что и в индивидуальном хозяйстве, то никакой новой, крупной, усовершенствованной техники из этого не получится. Нужны качественно иные орудия производства для сельского хозяйства, которые могут быть созданы только крупной промышленностью. А это в свою очередь требует определенной ступени развития крупной социалистической промышленности.

Мы видели уже, что при переходе к нэпу и в начале нэпа промышленность была очень слаба. Если бы она была тогда в таком состоянии, чтобы снабдить сельское хозяйство усовершенствованными средствами производства, то крестьянин уже тогда сказал бы: «я за коммунию», не потребовался бы тогда такой длительный путь кооперирования, а кооперативный план социалистического переустройства крестьянского хозяйства выглядел бы иначе. Поскольку всего этого не было, необходимо было наряду с кооперативным планом иметь и план подготовки промышленности к переводу кооперируемого крестьянского хозяйства на базу обобществленной техники. Индустриализация является поэтому одним из центральных моментов новой экономической политики. Без развития крупной промышленности, подводящей под сельское хозяйство базу крупной техники, никакое даже стопроцентное кооперирование не приведет нас к социализму. «Если не электрификация, — писал Ленин в 1921 г., — все равно неизбежен возврат к капитализму» (Ленинский сборник, IV, стр. 374); и далее в 1922 г. на IV конгрессе Коминтерна: «Мы знаем, что спасением для России (Советской России. — *Авт.*) является не только хороший урожай в крестьянском хозяйстве — этого еще мало, — не только хорошее состояние легкой промышленности, поставляющей крестьянству предметы потребления, — этого тоже еще мало, — нам необходима также тяжелая индустрия» (Ленин, т. XVIII, 2, стр. 88).

План индустриализации в основном был намечен VIII с'ездом советов (декабрь 1920 г., т. е. еще до перехода к нэпу) в виде плана электрификации. Было бы грубейшей ошибкой думать, что с переходом к нэпу мы отказались от индустриализации и поставили ставку на кооперацию. Так могут думать только те, кто считает возможным врастание кулака в социализм. При переходе к нэпу основным вопросом был вопрос, как осуществить восстановление и развитие промышленности. И здесь мы подходим к вы-

явлению основной стратегической линии нэпа, плана социалистического строительства в целом.

При существовавшем экономическом положении надо было начать восстановление народного хозяйства с восстановления сельского хозяйства. Для этого дать возможность развития товарооборота. Одновременно с этим и на базе растущего товарооборота восстанавливать и развивать крупную социалистическую промышленность. Растущие на основе рыночных отношений капиталистические элементы представляют опасность для социализма. Но в этой борьбе между социализмом и капитализмом последний ограничивается и регулируется всей системой командных высот, а крестьянское хозяйство через кооперацию постепенно втягивается в сферу влияния пролетарского государства и социалистического хозяйства, которое постепенно ограничивает роль капиталистических элементов и вытесняет их из народного хозяйства. По достижении социалистической промышленностью необходимой ступени развития начать обобществление процесса производства в сельском хозяйстве и уничтожить таким образом самую почву роста капитализма, — мелкое отсталое крестьянское хозяйство.

Мы видим, что основным рычагом осуществления всего этого плана является индустриализация. Без этого нэп не был бы политикой социалистического строительства. Вопрос о сущности и значении индустриализации будет нами разобран подробно в следующей главе, в связи с переходом от восстановительного периода к реконструктивному. В данной же связи, при рассмотрении основ плана социалистического строительства, мы можем ограничиться уяснением того, что индустриализация является одним из основных решающих элементов этого плана.

Для того чтобы дать полную характеристику основ новой экономической политики, необходимо остановиться еще на одном весьма существенном условии, без которого осуществление плана социалистического строительства невозможно. Это плановое хозяйство.

Плановое хозяйство.

Сила государственной промышленности, ее преимущества перед частной промышленностью определяются не только тем, что она включает в себе крупные, наилучше оборудованные предприятия и что в важнейших отраслях она является монополистом, — степень влияния национализированной промышленности на все народное хозяйство и успешность ее борьбы с частным капиталом зависит еще и от согласованности ее отдельных частей. Все государственное хозяйство — национализированная промышленность, транспорт, кредит, бюджет, государственная торговля и кооперация представляют собой единое целое, и вся работа отдельных отраслей государственного хозяйства должна протекать по единому плану. Если работа отдельных отраслей государственной промышленности не будет со-

гласована, если, скажем, кредитная политика не будет согласована с нуждами промышленности, если каждая отрасль государственного хозяйства будет предоставлена сама себе, — то все государственное хозяйство в целом не сможет руководить крестьянским хозяйством и в борьбе с частным капиталом оно будет очень слабо. В таком случае государственное хозяйство оказалось бы разбитым на ряд отдельных самодовлеющих предприятий, каждое из которых не смогло бы в отдельности учитывать нужды и интересы социалистического строительства и руководствовалось бы в своей работе исключительно стремлением к наибольшей прибыли. Иными словами, при отсутствии планового хозяйства господствовала бы анархия производства, со всеми ее последствиями, кризисами, растратой производительных сил и т. д.

Основной причиной анархии производства является товарное производство и рыночная связь между отдельными хозяйствами. Поэтому многим казалось, что с ликвидацией военного коммунизма с его натуральными отношениями и с переходом к свободной торговле плановое хозяйство окажется невозможным. Но при этом забывалось одно весьма существенное обстоятельство: товарное хозяйство неминуемо ведет к анархии производства только в том случае, когда все средства производства, в том числе и крупная промышленность, находятся в частной собственности. А если промышленность, и в особенности крупная, играющая по своему значению руководящую роль в народном хозяйстве, обобществлена и принадлежит единому хозяину — Советскому государству, — положение коренным образом меняется: руководимое единым планом, государственное хозяйство может значительно ослабить анархию производства. Не случайно то обстоятельство, что одновременно с переходом к нэпу (весной 1921 г.) был создан Госплан (Государственная плановая комиссия), на которую и возложена задача планирования хозяйства.

Социализм — это плановое хозяйство, и самое строительство социализма не может не быть плановым. Однако на пути планового хозяйства существует целый ряд трудностей.

Было бы сравнительно легко установить план одного только государственного хозяйства, если бы оно существовало и развивалось независимо от развития имеющихся в советской стране десятков миллионов крестьянских хозяйств. Но государственное хозяйство является частью всего народного хозяйства, следовательно его план должен быть построен, как часть плана всего народного хозяйства. Именно в этом и заключается главное затруднение. Не говоря уже о том, что сельское хозяйство подвержено влиянию климатических условий, которые невозможно заранее предвидеть, учет сельскохозяйственного производства затрудняется еще вследствие того, что это есть производство миллионов мелких и мельчайших самостоятельных крестьянских хозяйств. Поэтому здесь совершенно не-

избежны ошибки в предвидении развития сельского хозяйства в данный период времени, на который составляется план народного хозяйства. План промышленного производства должен учитывать предполагаемый спрос на промышленные изделия со стороны городского и сельского населения, а спрос этого последнего зависит от результатов сельскохозяйственного производства, которое трудно, по указанным сейчас причинам, точно предвидеть. Поэтому и план промышленности и остальных отраслей государственного хозяйства может быть составлен только приблизительно, и известные ошибки в этом плане также неизбежны.

Другое обстоятельство, затрудняющее ведение планового хозяйства, заключается во все растущих связях хозяйства СССР с мировым хозяйством. На мировом рынке господствует анархия производства; если на внутреннем рынке государство может регулировать цены, спрос и предложение, то оно совершенно не в состоянии делать это по отношению к мировому рынку. А колебания мировых цен еще труднее предвидеть, чем колебания цен на внутреннем рынке. Поэтому составление точных планов внешней торговли, имеющих большое значение для внутреннего хозяйства, является также трудной задачей. Монополия внешней торговли позволяет уменьшить влияние на наше хозяйство анархических колебаний мирового рынка, но сама по себе она все же не дает возможности уничтожить это влияние.

Говоря о трудностях планового хозяйства, необходимо указать еще на сравнительную новизну этого дела, на отсутствие опыта, на который можно было бы опираться, на несовершенство методов статистики, на организационные недочеты и т. п. Но все эти недостатки устраняются по мере культурного роста страны, накопления опыта и общего улучшения государственного аппарата. Каким путем должны преодолеваться трудности, вытекающие из существования мелкого товарного производства и рыночных отношений внутри страны и внешнего капиталистического окружения?

Главной опорой планового хозяйства является то единство государственного хозяйства, о котором мы уже говорили выше. Не надо забывать, что государственное хозяйство охватывает значительную, ведущую часть всего народного хозяйства, следовательно оно само является фактором, в значительной мере определяющим состояние и развитие народного хозяйства.

Если промышленность зависит от сельского хозяйства, то и сельское хозяйство в свою очередь зависит от промышленности.

Государственное хозяйство должно «приспособляться» к крестьянскому, но это не пассивное, а активное приспособление: приспособляясь, оно в то же время переделывает крестьянское хозяйство. Например, государство не может предписать крестьянству план посева технических культур, но, устанавливая то более высокие, то более низкие цены на лен, хлопок, масличные семена и

т. д., государство поощряет крестьянство расширить посевы именно этих культур, или заставляет сократить их. Крестьянин руководствуется своим «частным торговым интересом», а этот интерес руководится рынком и рыночными ценами. Государство, выступая на рынке в качестве крупнейшего производителя и крупнейшего торговца, может своей политикой цен регулировать крестьянское хозяйство.

Правда, между государственным хозяйством и крестьянским вклинивается частно-хозяйственный капитализм, но и его государство может той же политикой цен и налоговой политикой направлять в нужную для осуществления плана сторону.

Для успешного ведения планового хозяйства величайшее значение имеет накопление резервов (товарных и денежных). Даже самый идеальный план может потерпеть крушение из-за всевозможных неожиданностей (например, войны). Здесь (условно конечно) можно провести сравнение с планом ведения военных действий. Никакой стратегический и тактический план наступления не может предвидеть всех условий хода сражения. Если в наступление будут брошены все силы, то поражение даже небольшого участка на фронте наступающей армии может при известных условиях привести к прорыву и общему поражению. Но наличие резервов позволяет быстро заместить уставшую или разбитую часть другой. То же самое и с планом народного хозяйства, — и здесь наличие резервов дает возможность довести до конца осуществление намеченного плана.

Ясно, что по мере роста государственного хозяйства, вытеснения и преодоления капиталистических элементов из народного хозяйства, по мере охвата крестьянского хозяйства кооперацией и развития самой кооперации с низших ступеней до высших, — должно укрепляться плановое начало в советском хозяйстве, должны совершенствоваться самые методы планирования, плановые органы должны решать все более крупные и сложные задачи, а самые планы должны охватывать все более широкую область народного хозяйства и все более длительные периоды времени.

* * *

Мы изложили в основных чертах линию экономической пролетарской диктатуры в том виде, в каком она была развита Лениным и оформлена партией и Советским государством на основе хода действительного развития. Эту линию партия выковала в борьбе как против буржуазных и мелкобуржуазных идеологов, открыто выступавших и выступающих против социализма, так и против тех уклонов внутри партии, которые формально признают генеральную линию партии, заявляют себя сторонниками ленинского плана строительства социализма, а на деле подменяют ленинизм мелкобуржуазной идеологией.

Ленинский план социалистического строительства в представлении правых.

XVI партийная конференция следующим образом характеризует корни правого уклона: «Проведение генеральной линии партии в крестьянском вопросе, требующее напряжения всех сил рабочего класса на протяжении долгого ряда лет, встречает трудности, вытекающие из условий капиталистического окружения, технико-экономической отсталости страны, численного преобладания мелкобуржуазного населения и роста сопротивления капиталистических элементов социалистическому наступлению. В этих условиях рост социалистического строительства неизбежно сопровождается известными колебаниями в мелкобуржуазных слоях, а также в некоторых прослойках рабочего класса. Эти колебания находят свое выражение и в отдельных прослойках партии, поддающихся воздействию мелкобуржуазной стихии и отходящих от генеральной линии партии в сторону приспособления политики партии к буржуазной идеологии. Отсюда шатания и ошибки правых элементов партии, особо опасные в настоящих условиях» (из резолюции «О путях под'ема сельского хозяйства»).

Взгляды правых выкристаллизовались в законченную систему в первый год осуществления пятилетнего плана, поставившего вновь во весь рост и ребром все основные вопросы социалистического строительства. Полная характеристика этих взглядов может быть дана лишь в связи с рассмотрением некоторых основных вопросов периода реконструкции, чем мы займемся в следующей главе. Но основы воззрений правых, поскольку они затрагивают коренные вопросы ленинского плана социалистического строительства, в частности кооперативный план Ленина, мы можем и должны разобрать сейчас, хотя эти взгляды выявились и окончательно оформились в начале периода реконструкции, они однако имеют отношение не только к особым задачам реконструкции, а связаны и исходят из неправильного понимания самой сущности нэпа.

Природа крестьянского хозяйства в представлении правых.

Основная проблема нэпа, как мы видели, заключается в том, чтобы найти форму и способ переделки крестьянского хозяйства, «зацепляясь» за его личный непосредственный интерес. В связи с этим встает вопрос о социальной природе мелкого крестьянского хозяйства. В зависимости от понимания этой природы, характера крестьянского хозяйства решается вопрос о возможности его социалистического преобразования пролетариатом. Ленинизм отвечает, что пролетарская диктатура, развивающая и укрепляющая всю систему командных высот, может решить эту задачу. Троцкизм, как увидим ниже, отрицает эту возможность. Правые также счи-

тают это возможным, но при постановке вопроса о том, как произвести это преобразование, и при решении этого вопроса правыми сразу обнаруживается, что их понимание природы крестьянского хозяйства, способов его обобществления, их понимание самой сущности социализма коренным образом отличаются от ленинских взглядов и на деле представляют отказ от социализма; сразу обнаруживается, что их взгляды по этим вопросам на деле являются теоретическим выражением напора мелкобуржуазной стихии, под воздействием которой правые скатываются «в сторону приспособления политики партии к буржуазной идеологии».

Основным в понимании правыми природы мелкого крестьянского хозяйства является их взгляд, что основным двигателем развития крестьянского хозяйства является стремление крестьянина к «наживе», к «богатству». Так, например, мы читаем у т. Айхенвальда[1]: «Большинство крестьян вступило в борьбу не за социалистический строй, а за возможность наживаться, богатеть, развивать свое собственническое, частное товарное хозяйство» (стр. 11). Крестьянин «проделал революцию и претерпел (?!) гражданскую войну как раз для того, чтобы спокойно богатеть, развивать хозяйство, торговать и т. д.» (стр. 28. Выделено нами. — *Авт.*).

Бесспорно, что рядовой крестьянин вступил в революцию не из-за стремления осуществить социализм. Но отсюда не следует, что двигателем развития мелкого крестьянского хозяйства является его стремление к «наживе», к «обогащению». Поднимать свое хозяйство, создать для себя сносные условия существования, выбраться из нищеты и отсталости, — все это, совсем не то же самое, что «обогащаться». Обогащение, нажива возможны только путем эксплоатации, присвоения чужого труда. Ленин, говоря о необходимости установления смычки с крестьянином, уцепившись за его «частный торговый интерес», имеет в виду не «богатеющую» и «наживающуюся» часть крестьянства, а того крестьянина, который работает, «выбиваясь из нужды, не мудрствуя (потому что где ему мудрствовать, для того чтобы вылезти и спастись из прямой опасности мучительнейшей голодной смерти)». (Т. XVIII, ч. 2, стр. 26, доклад на XI с'езде партии.) Правые стирают грань между кулаком и середняком в том смысле, что характерные черты кулацкого хозяйства они переносят на середняцкое, для того чтобы потом предоставить кулаку возможность вместе с середняком «врасти в социализм», а на деле, для того чтобы маскировать кулака и приспособить политику партии к интересам кулака.

Из этой оценки природы мелкого крестьянского хозяйства вытекает определенный «путь» середняка к социализму. «Поскольку

---

[1] А. Айхенвальд, Советская экономика. С предисловием Н. И. Бухарина, Гиз, 1927. (Цитируем по 1-му изданию.)

середняка и бедняка мы будем хозяйственно поднимать, постольку мы все больше будем приближаться к тому, что уровень жизни середняка и бедняка будет приближаться к уровню более зажиточного хозяйства; а затем на основе этого под'ема мы достигнем еще более высокой ступени, когда крестьянство будет исчезать и по отношению к пролетариату, как особый класс» (Бухарин, О новой экономической политике и наших задачах. «Большевик», 1925 г., № 9—10, стр. 14. Выделено нами. — *Авт.*). Сначала поднять бедняцкое и середняцкое хозяйство до уровня «зажиточного», а затем поднять его на более высокую ступень коллективного хозяйства. Но разве бедняцкое и середняцкое крестьянство может подняться до уровня «зажиточного» хозяйства помимо коллективизации? Ведь основой более высокого уровня жизни «зажиточного» является то, что он имеет достаточно средств производства. Может ли середняк (не говоря уже о бедняке) в своей массе создать такое же хозяйство, как у «зажиточного» путем «наживы» от участия в закупочно-сбытовой кооперации? Нет. Из всего предшествующего изложения ленинского кооперативного плана ясно, что кооперирование процессов обращения только толкает, подводит массу мелких крестьян к кооперированию процессов производства, только на этой более высокой ступени кооперирования, на которой середняк уже частично перестает быть середняком, мелким собственником, он достигает более высокого уровня жизни.

Итальянский оппортунист Серра, исключенный за свой оппортунизм из коммунистической партии, открыто высказывает то, что не договорено его единомышленниками в ВКП(б):

«Если русское сельское хозяйство должно прогрессировать, если оно не должно остаться на «отсталой» стадии, на которой оно пребывает уже четыре года, если оно должно подняться до уровня развития сельского хозяйства капиталистических стран (тоже не очень сильно развитого), — необходимо, чтобы «середняк» получал доход, соответствующий доходу наших (т. е. итальянских — *Авт.*) крестьян, доход, на основании которого середняк в современной России был бы квалифицирован как «кулак». Минимальный доход кулака должен стать средним доходом подавляющей массы крестьян — вот центральная проблема русского сельского хозяйства». (Подчеркнуто Серра.)

Такой путь развития крестьянского хозяйства есть путь его капиталистического, а не социалистического развития. На деле «зажиточный» имеет более высокий уровень хозяйства не просто потому, что у него больше усовершенствованных орудий производства, а потому, что он эти орудия производства применяет для эксплоатации наемного труда в своем хозяйстве и для закабаления бедняка и середняка. Поэтому довести уровень бедняка и середняка до уровня зажиточного означает на деле, с одной стороны, необхо-

димость дальнейшего усиления расслоения крестьянства, пролетаризацию большинства и капиталистическое обогащение меньшинства его, а с другой стороны, поскольку предполагается, что можно довести бедняка и середняка до уровня «зажиточного» без расслоения, это означает прикрашивать кулацкое хозяйство, выставлять его безобидным, не эксплоататорским хозяйством, находящимся на более высоком уровне только потому, что оно обладает лучшими средствами производства.

«Мы не должны мешать этому перерастанию среднего крестьянского хозяйства в крепкое и зажиточное», — заявляет соратник Бухарина, тов. А. Слепков («Комсомольская правда», № 75 за 1928 г.).

Если так вести бедняка и середняка к социализму, чтобы он поднялся сначала до уровня «зажиточного» крестьянина, то спрашивается, почему нельзя тогда и «зажиточного» ввести в социализм, ибо ведь поскольку середняк превратился в зажиточного, то исчезает совершенно различие между середняком и зажиточным. Если можно врасти в социализм зажиточному, бывшему середняку или бедняку, то почему нельзя «врасти» исконному «зажиточному».

Правые остаются последовательными и вовсе не отрицают этой возможности.

«Врастание кулака в социализм».

Если двигателем развития мелкого крестьянского хозяйства является «нажива», «обогащение», если бедняк и середняк должны сначала превратиться в «зажиточного» и затем врасти в социализм, то «ввести» его в социализм можно очевидно, лишь ухватившись за его стремление к наживе[1]. «Стихийную мелкобуржуазную экономическую силу, напор 22—24 млн. крестьянских хозяйств, стремящихся к богатству, к наживе, к торговому интересу, необходимо не уничтожать, а направить по новому руслу и использовать эту силу, этот напор, это стремление к наживе, как основу и двигатель (!) социалистического развития. Если удастся стихийный напор мелкотоварного массива направить в такие формы и в такие каналы, чтобы он лился на социалистическую мельницу, тогда силы социалистического сектора колоссально увеличатся, ибо за его делом будет мощь мелкобуржуазной стихии» (Айхенвальд, там же, стр. 274. Выделено нами. — *Авт.*).

---

[1] Для характеристики идеологии правых мы вынуждены приводить ряд иногда несколько длинных цитат, во-первых, потому, что правая опасность является в настоящее время главной опасностью для социализма и поэтому необходима более подробная критика правых, во-вторых, потому, что выявить оппортунизм правых можно, лишь показав оппортунистическое содержание их высказываний, и в-третьих, потому, что необходимо заранее лишить правых возможности утверждать, что против них выдвигаются голословные обвинения.

Итак крестьянство, которое пролетариат — этот единственный двигатель социалистического развития — должен двигать и двигает к социализму, само превращается в основу и двигатель этого развития и превращается оно в двигатель социалистического развития благодаря своему стремлению к наживе, стремлению капиталистическому. Всякий мало-мальски политически грамотный читатель поймет, что эта теория двигателя социалистического развития правых, как небо от земли, далека от ленинского учения о смычке, выраженного им в следующих словах: «Мы должны... устроить так, чтобы была смычка между нашей социалистической работой по крупной промышленности и сельскому хозяйству и той работой, которой занят каждый крестьянин и которую он ведет так, как он может, выбиваясь из нужды... Надо показать эту смычку, чтобы... вся крестьянская масса видела, что между ее тяжелой, неслыханно разоренной, неслыханно нищенской, мучительной жизнью теперь и той работой, которую ведут во имя отдаленных социалистических идеалов, есть связь» (т. XVIII, 2, стр. 26. Выделено нами. — *Авт.*). И дальше: «тогда рядовой крестьянин будет видеть: они мне помогают, и он тогда пойдет за нами так, что если эта поступь и будет в сто раз медленнее, зато будет в миллион раз прочнее и крепче» (там же, стр. 37. Выделено нами. — *Авт.*). Одно дело, когда по Ленину рядовой крестьянин идет за нами, совершенно другое дело, когда капиталистическое стремление к наживе становится по Айхенвальду «двигателем» социалистического развития. По Ленину движущей силой социализма является организованный в государство пролетариат, который, опираясь на бедноту и в борьбе против кулака, ведет за собой середняка, по Айхенвальду же движущей силой социалистического строительства является мелкобуржуазная стихия. По Ленину «мы станем абсолютно непобедимой силой», «если мы капитализм побьем и смычку с крестьянской экономикой создадим», потому что поступь рядового крестьянина, идущего за нами, «будет в миллион раз прочнее и крепче», а по Айхенвальду «силы социалистического сектора колоссально увеличатся, ибо за его делом будет мощь мелкобуржуазной стихии» крестьянина, стремящегося к наживе, каковое стремление призвано двигать социализм.

Сразу возникает вопрос: а как же должен выглядеть этот социализм, «опирающийся» на мощь мелкобуржуазной стихии? Это может быть каким угодно «социализмом», но во всяком случае не социализмом Маркса, Энгельса и Ленина. В самом деле: «Почти все нити, соединяющие мелких сельскохозяйственных капиталистов с широким рынком (переработка, транспорт, хранение, торговля), собраны в государственных руках. Так же обстоит дело с кредитным рычагом. Наконец новую технику капиталисты получают из социалистических предприятий. В частности электрическая энергия

государственных станций окончательно превратит всякое капиталистическое производство в продолжение государственного хозяйства» (Айхенвальд, стр. 275. Выделено нами. — *Авт.*). А как быть с теми капиталистами, которые не имеют производства, с торговым капитализмом? Ответ тот же: «Вместе с укреплением государственно-кооперативного торгового аппарата частный торговец будет терять позицию за позицией и превратится из сильного соперника в лицо, зависимое от наших торгующих организаций. Этим самым проблема частного капитала будет полностью разрешена» (там же, стр. 192. Выделено нами. — *Авт.*).

Непонятно только одно, чем собственно отличается такой «социализм» от «социализма» социал-демократии, которая устами Гильфердинга просто-напросто окрестила капитализм социализмом.

Ревизия кооперативного плана Ленина правыми.

Понятно только то, что в такой «социализм» кулак может совершенно спокойно врастать. Но для этого ленинский кооперативный план не годится, и т. Бухарин подменяет ленинский кооперативный план своим. По Ленину — середняк через кооперацию должен быть переделан, он не может прямо врасти в социализм. Вспомним слова Ленина, что у нас кооперативные предприятия «не отличаются от предприятий социалистических, если они основаны на земле, при средствах производства, принадлежащих государству, т. е. рабочему классу». Нужен следовательно длительный процесс преобразования, переделки середняцкого хозяйства. Как таковое, т. е. как мелкое, индивидуальное хозяйство, оно не может стать частью или звеном единой цепи социалистического хозяйства. По т. Бухарину дело обстоит совсем не так: «Основная сеть наших крестьянских кооперативных организаций будет состоять из кооперативных ячеек не кулацкого, а «трудового» типа, ячеек, врастающих в систему наших общегосударственных органов и становящихся таким путем звеньями единой цепи социалистического хозяйства». (Бухарин, Путь к социализму, изд. 1925 г., стр. 49. Выделено т. Бухариным). Выходит, что если «трудовое» крестьянское хозяйство состоит членом товарищества по сбыту картофеля (кооперативной ячейки «трудового» типа), если это товарищество через свое центральное объединение состоит в договорных отношениях и зависит от государственного треста, скажем Мосселыпрома или учреждения Главселыпрома, занятого переработкой картофеля («врастает в систему наших общегосударственных органов»), то тем самым оно, это мелкое индивидуальное хозяйство становится звеном единой цепи социалистического хозяйства. Ясно, во-первых, что в таком случае эта цепь не будет единой, во-вторых, что если она все же по мнению т. Бухарина остается единой, она уже перестает быть единой цепью социалистического хозяйства, ясно,

в-третьих, что социализм Айхенвальда мало чем отличается от социализма т. Бухарина.

Что т. Бухарин имеет в виду именно такое прямое, без переделки врастание середняцкого хозяйства в социализм, видно из следующей цитаты: «В конце концов на этом самом своем хозяйственном росте крестьянин будет продвигаться по пути превращения самого себя и своего хозяйства в частицу нашей общегосударственной социалистической системы, так же, как в капиталистическом режиме он врастает в систему капиталистических отношений («Большевик», 1925 г., № 9—10, стр. 12. Выделено нами. — *Авт.*). Из примеров, приводимых т. Бухариным вслед за этим утверждением, видно, что он имеет в виду «врастание» в социалистическую систему этого мелкого хозяйства, остающегося мелким. А т. Айхенвальд, называя вещи своими именами, вслед за т. Бухариным заявляет: «Мощь социалистического сектора обеспечивает возможность прямого (выделено т. Айхенвальдом) «врастания» мелкого товарного хозяйства в социализм» (Айхенвальд, стр. 278).

Остается опять-таки непонятным, чем в данном случае развитые взгляды отличаются от мелкобуржуазного социализма народников и «кооперативных социалистов», считавших возможным построить «социализм» на базе мелкого производства.

Ничем. Ведь заявляет же т. Бухарин, что «нельзя утверждать, что это (колхозы) есть столбовая дорога, по которой массы крестьянства пойдут к социализму» («Правда», 1925 г., № 99).

Таков «путь» мелкого крестьянского хозяйства к социализму по кооперативному плану тт. Бухарина и Айхенвальда. Мы видели уже, что по их мнению принципиально не исключена возможность врастания и кулацких хозяйств в социализм. Как же выглядит кооперативный план в этой части, в части врастания кулака в социализм?

Ввиду особой общеполитической и непосредственно практической (в борьбе против кулацких лжекооперативов) важности этого вопроса, позволим себе привести несколько длинноватую цитату из брошюры т. Бухарина «Путь к социализму» (стр. 49—50):

«Кулацкие кооперативные гнезда будут точно так же, через банки и т. д. врастать в эту же систему (т. е. систему наших общегосударственных органов. — *Авт.*), но они будут до известной степени чужеродным телом, подобно, например, концессионным предприятиям» (Выделено нами. — *Авт.*). Если кулацкий кооператив только «до известной степени» является чужеродным телом наших общегосударственных органов и следовательно только до известной степени чужеродным звеном единой цепи социалистического хозяйства, то он может при определенных условиях врасти в социализм. В самом деле: «Что будет с этого рода кулацкими кооперациями в дальнейшем?.. Кулаку и кулацким

организациям все равно некуда будет поддаться... Если кулак является волей-неволей вкладчиком в наши банки, если он волей-неволей начинает быть связанным целым рядом отношений с нашими хозяйственными органами, то он неизбежно будет втиснут в определенные границы». А что же будет, спросим мы в свою очередь, с этого рода кулацкими кооперациями, уже «втиснутыми в определенные границы» в дальнейшем?

«Пролетарское государство, которое заинтересовано в росте «некапиталистических», т. е. социалистических форм хозяйства, само собою разумеется, не может относиться одинаково к кооперативам трудовым и к кооперативам кулацкого типа; оно будет, как мы уже упоминали выше, всемерно поддерживать кооперативы бедноты и середняков. В этом между прочим будет выражаться классовая борьба, классовая помощь пролетариата наиболее близким к нему слоям в борьбе этих слоев против кулаков или сельскохозяйственной буржуазии» (Бухарин, Путь к социализму, стр. 50). Значит государство не будет вести никакой борьбы против кулацких кооперативов, оно удовлетворится тем, что кулак будет втиснут в определенные границы, оно только будет поддерживать бедноту и середняков в их борьбе против кулака. А как будет выглядеть эта борьба, можно себе уже представить из следующих слов т. Бухарина: «Если мы ходим голенькими, то кулак нас побеждает экономически, а если он является вкладчиком наших банков, он нас не победит. Мы ему оказываем помощь, но и он нам. В конце концов может быть и внук кулака скажет нам спасибо, что мы с ним так обошлись» («Большевик», 1925 г. № 8, стр. 14).

А т. Айхенвальд в книге, снабженной предисловием т. Бухарина, прямо заявляет: «Концессионеры помогают советскому государству переводить наше хозяйство на новую техническую базу и этим путем по-социалистически переделывать нашу внутреннюю капиталистическую мелкоту». (Айхенвальд, стр. 277. Выделено нами. — *Авт.*).

Итак крестьянин-середняк может прямо врасти в социализм, а кулак может врасти в социализм путем его переделки, причем это будет такая переделка, за которую нас будет благодарить внук кулака.

Классовый смысл право-оппортунистической идеологии.

Мы видим, что все эти взгляды правых не являются случайными, друг от друга оторванными мыслями, — они тесно увязываются в единую систему, в цельную, законченную идеологию, в «теорию». Основой основ этой теории являются: 1) антиленинское понимание природы крестьянского хозяйства, 2) ничего общего с марксизмом и ленинизмом не имеющее «мелкобуржуазное» представление о социализме и 3) недопустимое извращение, полнейшее искажение ленинского кооперативного плана.

Совершенно ясно, что при таких взглядах на коренные во-

просы социализма у правых не может не быть и своего оппортунистического, антиленинского понимания сущности нэпа и следовательно своей линии во всех практических вопросах советской экономической политики, в частности в таких важнейших вопросах, как темп индустриализации, коллективизация, отношение к кулаку и т. д.

Выяснить взгляды правых на сущность нэпа и на классовую борьбу в переходный период мы сможем лишь после того, как рассмотрим изменения, происшедшие в хозяйстве СССР на начальном этапе реконструкции, ибо именно своей оценкой этих изменений, равно как и своими предложениями о методах преодоления хозяйственных затруднений правые показали, что у них есть свое оппортунистическое антиленинское понимание нэпа, целиком вытекающее из их только что разобранных нами взглядов. Поэтому мы вынуждены отложить рассмотрение этого вопроса до следующей главы.

А пока поставим вопрос, какое классово-политическое значение имеет теория «мирного врастания кулака в социализм». После всего сказанного нетрудно ответить на этот вопрос.

Представление правых о социализме есть отказ от социализма, ибо социализм, в «единой цепи» которого уживаются мелкие крестьянские хозяйства, кулацкие гнезда, капиталистические предприятия, получающие энергию от государственных электрических станций, и частный торговец, — это не социализм. Стирая грань между середняком и кулаком, проповедуя «мирное врастание кулака в социализм», правые фактически отказываются от классовой борьбы против кулака, ибо зачем его вытеснять, зачем бороться с ним, если он может мирно врасти в социализм? Но отказ от борьбы с кулаком на деле означает усиление кулака и ослабление позиций пролетариата. Ведь недаром кулак применяет всяческие методы маскировки, прикидываясь «трудовым» середняком, стремясь таким путем избегнуть налогового обложения и целого ряда подобных мероприятий советской власти, направленных против кулака; получить ссуду, машину, трактор на льготных условиях через узаконенный Бухариным кулацкий кооператив, врастающий в социализм. Теория врастания кулака в социализм является теорией, только помогающей кулаку маскироваться, кулак только обрадовался бы, если бы партия сделала ее своей теорией. В наших условиях эта теория является идеологическим выражением классовых требований кулака, а сторонники этой теории, хотят они этого или не хотят, являются глашатаями кулака. Они, по словам XVI партконференции, поддаются «воздействию мелкобуржуазной стихии» и отходят «от генеральной линии партии в сторону приспособления политики партии к буржуазной идеологии». Поэтому «партия решительно о т в е р г а е т а н т и л е н и н с к у ю т е о р и ю в р а с т а н и я к у л а к а в с о ц и а л и з м, к а к т е о р и ю, в е д у-

щую к разоружению рабочего класса перед классовыми врагами, к усыплению его революционной бдительности, к ослаблению его боеспособности в борьбе за преодоление хозяйственных трудностей на основе генеральной линии партии». Поэтому, добавим мы, борьба за социализм включает в себе и борьбу против антиленинской теории врастания кулака в социализм.

В то время как правый, открыто оппортунистический уклон в партии, прикрываясь ленинизмом, доходит до мелкобуржуазного понимания социализма и отсюда до теории врастания кулака в социализм, видит социализм там, где его еще на деле нет, — троцкизм, ныне стоящий вне пределов партии и уже превратившийся в прямое контрреволюционное течение, отрицает социалистический характер Октябрьской революции, отрицает социалистический характер наших государственных предприятий последовательно-социалистического типа, считает невозможным победоносное социалистическое строительство в СССР.

Пусть у нас будут какие угодно прекрасные планы социалистического строительства, но если об'ективно построение социализма в СССР невозможно, тогда меняется все содержание нашей революции, всей нашей строительной работы, тогда нэп имеет совершенно иное значение.

Вопрос о сущности нэпа, следовательно, неразрывно связан с вопросом о возможности победы социализма в СССР, который пока еще остается единственным пролетарским государством в мире.

Без ответа на этот основной вопрос нельзя ответить и на вопрос, действительно ли нэп является путем строительства социализма, а не временной политикой, вызванной замедленным темпом мировой революции и экономической отсталостью Союза советских социалистических республик.

Поэтому прежде чем перейти к рассмотрению итогов нашего социалистического строительства в течение нэпа, нам необходимо заняться разбором этого коренного для нашей революции вопроса, — вопроса о возможности победоносного социалистического строительства в СССР.

§ 3. О возможности победоносного социалистического строительства в СССР.

Вопрос о возможности победы социализма — основной вопрос развития революции.

Вопрос о возможности победы социализма в СССР, это — вопрос о характере нашей революции и ее перспективах, вопрос о том, является ли Октябрьская революция действительно пролетарско-социалистической революцией, или же она представляет собой разновидность революции буржуазно-демократической.

Совершенно ясно, что вопрос о перспективах революции непосредственно упирается в оценку возможностей революции, ее движущих сил. Одной из основных особенностей нашей революции является осуществленный в ней союз пролетариата и трудящихся масс крестьянства под руководством рабочего класса. Вопрос о революционных возможностях основной массы крестьянства, с одной стороны, и об исключительном значении поддержки крестьянством пролетарской революции, с другой, — с полной очевидностью разрешен был революционным марксизмом. Недаром Маркс писал (в письме к Энгельсу) еще в 1856 году, говоря о перспективах революции в Германии и возможности ее победы, что «весь ход дела» — «будет зависеть от возможности оказать поддержку пролетарской революции, так сказать, вторым изданием крестьянской войны». Недаром Энгельс в 1894 году, говоря о перспективах победы пролетарской революции, отметил: «Завоевание политической власти социалистической партией стало делом близкого будущего. Но для того чтобы завоевать ее, партия эта должна сначала пойти из города в деревню, должна сделаться сильной в деревне». Это коренное положение, с исчерпывающей полнотой примененное большевизмом к развитию революции в России, нашло свое блестящее подтверждение в Октябрьской революции 1917 г. — в победоносной пролетарской (социалистической) революции.

Самую формулировку понятия «диктатура пролетариата», — а установление пролетарской диктатуры и является первым делом пролетарской революции, — т. Ленин давал, как мы видели выше (см. стр. 64), включая в нее вопрос о союзе рабочего класса с основной массой крестьянства и привлечении его к социалистическому строительству.

От Февраля к Октябрю пролетариат шел, ведя за собой многомиллионную массу крестьянства. Опираясь на союз с деревенской беднотой, рабочий класс победил, прочно установил свою диктатуру, в союзе с трудящимся крестьянством он развивает и завершает дело революции, идя по пути социалистического переустройства общества. Именно в построении социализма заключается цель пролетарской революции, и к осуществлению этой цели пролетариат идет в союзе с основной массой крестьянства. Неправильная оценка движущих сил революции, отрицание революционной роли крестьянства (присущее русскому и международному меньшевизму, а также и троцкизму) приводит к полному непониманию действительных сил и возможностей нашей революции, к неправильной постановке вопроса о ее перспективах — о возможности победоносного социалистического строительства в СССР.

Другой основной особенностью Октябрьской революции явился тот факт, что «диктатура пролетариата утвердилась у нас, как результат победы социализма в одной стране, капиталистически мало развитой, при сохранении капитализма в других странах,

капиталистически более развитых» (Сталин). Это обстоятельство и подводит к непосредственной постановке вопроса о возможности победы социализма в СССР. Весь мир социал-соглашателей самым настойчивым и ожесточенным образом отрицал и отрицает эту возможность, отрицая тем самым социалистический характер нашей революции, обрекая ее на гибель, ибо «изолированный», «слабый», окруженный «антисоциалистическим крестьянством» (только так оценивают крестьянство меньшевики) наш рабочий класс конечно не может и помышлять о строительстве социализма.

Все социал-демократы сходятся на признании неизбежности победы капитализма в нашей стране, отрицая социалистический характер нашей революции и считая крестьянство реакционной силой, неизбежно развивающейся по капиталистическому пути и толкающей на этот путь всю Советскую страну.

Ответ на вопрос о возможности победоносного социалистического строительства в СССР зависит таким образом от оценки движущих сил нашей революции.

Вопрос о победе социализма в СССР и встал со всей остротой и непосредственностью в 1925 г., в связи с окончанием восстановительного периода, но для нашей партии эта проблема сама по себе не была новой. Ленинская партия была вполне подготовлена к решению этой проблемы предыдущими своими боями — прежде всего борьбой против теории перманентной революции Парвуса-Троцкого, выдвинутой ими еще в эпоху революции 1905 года. Эта теория, на правильности которой Троцкий настаивал и после Октября, явилась одним из тех ошибочных течений, в борьбе с которыми окреп и закалился большевизм, выковывая свое острое революционное оружие.

Троцкизм о пути и перспективах нашей революции.

Сущность и основа троцкистской теории перманентной революции заключается в отрицании возможности победы пролетарской революции в России, если только она не была бы немедленно поддержана победоносными пролетарскими революциями в западно-европейских государствах. Это утверждение упирается в отрицание революционной роли крестьянства.

Вот как сам Троцкий формулирует свою теорию:

«Революция не сможет разрешить свои ближайшие буржуазные задачи иначе, как поставив у власти пролетариат. А этот последний, взявши в руки власть, не сможет ограничить себя буржуазными рамками в революции. Наоборот, именно для обеспечения своей победы пролетарскому авангарду придется на первых же порах своего господства совершать глубочайшие вторжения не только в феодальную, но и буржуазную собственность. При этом он придет во враждебные столкновения не только со всеми группировками буржуазии, которые поддерживали его на первых порах революционной борьбы, но и с широкими массами крестьянства,

при содействии которых он пришел к власти. Противоречия в положении рабочего правительства в отсталой стране, с подавляющим большинством крестьянского населения, смогут найти свое разрешение только в международном масштабе, на арене мировой революции пролетариата» [1].

Здесь совершенно ясно и с полной отчетливостью сказано, что в революционной борьбе русский пролетариат, придя к власти, окажется внутри страны полностью изолированным. Против него выступит сплошная реакционная масса — не только буржуазия, но и все крестьянство. При таких условиях русский рабочий класс, естественно, сумеет победить только при прямой, непосредственной и немедленной поддержке со стороны пролетариата западно-европейских государств. Иначе гибель русской революции неизбежна.

Характерно, что приведенная выше цитата взята не из дореволюционного произведения Троцкого, а из написанного в 1922 г. Это показывает, что в нашу партию в 1917 г. Троцкий пришел, сохранив свои старые, небольшевистские взгляды.

Эту мысль о неизбежности гибели пролетарской революции в России без поддержки ее с Запада Троцкий подчеркивал постоянно. Так, в брошюре «Наша революция» (1906 г.) он писал:

«Без прямой государственной поддержки европейского пролетариата рабочий класс России не сможет удержаться у власти и превратить свое временное господство в длительную социалистическую диктатуру. В этом нельзя сомневаться ни минуты» [2].

Здесь прямо говорится, что победа социализма в России невозможна без прямой, даже «государственной», поддержки победившего иностранного пролетариата.

Более того, Троцкий доказывал, полемизируя с т. Лениным, что победа революции в одной стране вообще невозможна. Так, в брошюре «Программа мира» (вышедшей в 1917 г. перед Октябрем) он писал:

«Не дожидаясь других, мы начинаем и продолжаем борьбу на национальной почве, в полной уверенности, что наша инициатива даст толчок к борьбе в других странах; а если бы этого не произошло, то безнадежно думать, — так свидетельствуют и опыт истории и теоретические соображения, — что, например, революционная Россия могла бы устоять перед лицом консервативной Европы или социалистическая Германия могла бы остаться изолированной в капиталистическом мире» [3].

Здесь теория безнадежности победы пролетарской революции в России обосновывается очень «внушительно». Троцкий грозно

---

[1] Л. Троцкий, Предисловие к книге «1905 год».
[2] Л. Троцкий, Наша революция, стр. 278.
[3] Л. Троцкий, Собр. соч., т. III, 1917, стр. 90.

ссылается и на «опыт истории» и на «теоретические соображения». Но как известно эти «теоретические соображения» оказались более чем сомнительными, ибо именно «опыт истории» — богатейший опыт истории нашей Октябрьской революции — целиком и полностью опроверг эту теорию перманентного неверия в возможность победы пролетарской революции в России. Российский рабочий класс, ведя за собой крестьянство и опираясь на основную его массу, взял власть, закрепил ее в борьбе со всем капиталистическим миром и успешно развертывает социалистическое строительство, хотя он пока не получил «государственной поддержки» со стороны иностранных рабочих (поддержку не государственную наша революция получила огромную, но это совсем не то, о чем говорит Троцкий, — ведь он связывал судьбу русской революции исключительно с немедленной победоносной пролетарской революцией на Западе, а этого пока не случилось, причем, вопреки троцкистской теории, наша революция, составляющая часть революции мировой, не погибла). История «не согласилась» с теорией перманентной революции. Действительное развитие пошло по диаметрально противоположному пути. Перед лицом совершенно очевидных фактов Троцкому пришлось «задним числом» писать раз'яснение. В 1922 г. он написал специальное «послесловие» к брошюре «Программа мира», в котором отмечает:

«Несколько раз повторявшееся в «Программе мира» утверждение, что пролетарская революция не может победоносно завершиться в национальных рамках, покажется пожалуй некоторым читателям опровергнутым почти пятилетним опытом нашей Советской республики»[1].

Учитывая неопровержимые факты истории нашей революции, Троцкий «раз'ясняет» свою пресловутую теорию:

«Отстояв себя в политическом и военном смысле, как государство, мы к созданию социалистического общества не пришли и даже не подошли... До тех пор пока в остальных европейских государствах у власти стоит буржуазия, мы вынуждены, в борьбе с экономической изолированностью, искать соглашения с капиталистическим миром; в то же время можно с уверенностью сказать, что эти соглашения в лучшем случае могут помочь нам залечить те или другие экономические раны, сделать тот или иной шаг вперед, но что подлинный под'ем социалистического хозяйства в России станет возможным только после победы пролетариата в ближайших странах Европы»[2].

Вот здесь дан совершенно прямой, недвусмысленный и ясный ответ — успешное строительство социализма в нашей Советской

---

[1] Л. Троцкий, Собр. соч., т. III, ч. 1, стр. 92.

[2] Там же, стр. 92—93.

стране невозможно. В этом основной вывод теории перманентной революции.

Таков смысл взглядов Троцкого (изложенных здесь собственными его словами), взглядов, борьбу с которыми большевизм вел еще со времен революции 1905 года.

Суть троцкистской теории сводится:

1) К неверию в революционные возможности крестьянства; к непониманию роли крестьянства в революции, «присоединению» его к реакционной буржуазии; к отрицанию возможности длительного революционного союза пролетариата с основной массой крестьянства под пролетарским руководством.

2) К неверию в революционные силы пролетариата, неспособного (по Троцкому) повести за собой крестьянство к социализму, неспособного одержать победу, если только не восстанут одновременно рабочие ряда стран.

3) К вытекающему из обеих этих предпосылок решительному отрицанию возможности успешного строительства социализма в СССР, без прямой и непосредственной «государственной» помощи победившего пролетариата развитых капиталистических государств.

Нэп в оценке троцкизма.

Если победоносное социалистическое строительство в СССР невозможно до тех пор пока не подоспеет государственная помощь западно-европейского пролетариата, если еще в 1922 г. «мы к созданию социалистического общества (не к самому этому обществу, но даже к созданию, т. е. к строительству социализма. — *Авт.*) не пришли и даже не подошли», тогда спрашивается, чем же является нэп, как он может при таких условиях явиться путем социалистического строительства? Вполне естественно, что троцкистская оппозиция совершенно иначе, чем партия, оценивала сущность нэпа.

Мы уже видели, что «новая оппозиция» на XIV съезде, сейчас же после с'езда слившаяся с троцкистской оппозицией, отрицала социалистический характер наших государственных предприятий и считала их госкапиталистическими. Это полностью вытекает из теории невозможности победоносного социалистического строительства в СССР. Мы уже вскрыли неправильность такой оценки советских госпредприятий и не будем сейчас еще раз останавливаться на этом вопросе, а займемся той оценкой, которую троцкизм дает кооперации, этой основной форме социалистического преобразования мелкого крестьянского хозяйства.

Если правый открыто оппортунистический уклон считает возможным не только прямое врастание середняка через кооперацию в социализм, но и врастание кулака в социализм, то троцкизм

совершенно отрицает роль кооперации как пути мелкого крестьянского хозяйства к социализму.

Троцкистская оппозиция разумеется нигде не говорила открыто об отказе от ленинского кооперативного плана. Но стоит внимательно изучить заявления и выступления оппозиции по данному вопросу, чтобы убедиться в правильности этого обвинения.

В своих контртезисах, представленных оппозицией к XV с'езду партии, по вопросу о работе в деревне, троцкистская оппозиция заявляла: «наша с.-х. кооперация, поскольку она не обобществляет процесса производства, — не ослабляет, а усиливает процесс расслоения деревни». Констатируя этот якобы «факт», оппозиция выдает с головой свой «кооперативный план».

В самом деле, если кооперирование процессов обращения (сбыта и снабжения), поскольку оно не обобществляет процесса производства, ведет к расслоению, тогда спрашивается: как же вообще возможно подвести к производственному кооперированию широкие массы крестьянства? Производственное кооперирование является гораздо менее доступным, простым, понятным и близким для большинства крестьянства, чем кооперирование процессов обращения.

«На кооперацию у нас смотрят пренебрежительно, не понимая того, какое исключительное значение имеет эта кооперация, во-первых, с принципиальной стороны (собственность на средства производства в руках государства), во-вторых — со стороны перехода к новым порядкам путем возможно более п р о с т ы м, л е г к и м и д о с т у п н ы м д л я к р е с т ь я н и н а.

А ведь в этом опять-таки главное. Одно дело фантазировать насчет всяких рабочих об'единений для построения социализма, другое дело научиться практически строить этот социализм так, чтобы в с я к и й мелкий крестьянин мог участвовать в этом построении» (Л е н и н, О кооперации).

Поскольку пролетарское государство еще не в состоянии подвести под все сельское хозяйство базу крупной усовершенствованной техники, постольку кооперирование процессов обращения и представляет собой возможно более простой, легкий и доступный способ участия всякого мелкого крестьянина в строительстве социализма. Это и есть ленинский план вовлечения всей широкой м а с с ы крестьянства в социалистическое строительство. Только идя э т и м л е н и н с к и м путем, мы можем вовлечь действительно, а не на словах, крестьянство в более сложный и более трудный процесс производственного кооперирования.

Но если «наша с.-х. кооперация, поскольку она не обобществляет процесса производства (а она в большинстве своем е щ е н е обобществляет производства. — *Авт.*), не ослабляет, а усиливает процесс расслоения деревни», как это утверждает оппозиция, тогда надо признать, что вообще для основной массы крестьянства к производственному кооперированию путь з а к р ы т. Ибо к об-

обществлению производства основная масса среднего крестьянства идет через кооперирование обращения, но если, вступив на этот путь, крестьянство идет к капитализму (расслаивается), то ясно, что никакое производственное кооперирование невозможно по пути, указанному Лениным.

Вся эта установка троцкизма в вопросе о кооперации является прямым выводом из теории перманентной революции, теории, «душой» которой является отрицание революционной роли крестьянства. Если по своей природе все крестьянство представляет собой сплошную реакционную массу, если пролетариат на второй день после революции неизбежно «придет во враждебные столкновения... с широкими массами крестьянства, при содействии которых он пришел к власти», то очевидно никакая кооперация не сможет повести мелкое крестьянское хозяйство к социализму. И XV с'езд ВКП(б) совершенно правильно отметил, что «характерной чертой оппозиция является ее неверие в возможность вовлечения основной массы крестьянства в русло социалистического строительства через кооперацию. Это есть отказ от ленинского кооперативного плана и стало быть прямой отход оппозиции от ленинизма. Отход этот является неизбежным результатом общей ликвидаторской установки оппозиции, отрицающей возможность строительства социализма в нашей стране».

Но если социалистическая госпромышленность, долженствующая быть рычагом социалистического преобразования сельского хозяйства, вовсе не социалистическая, если кооперация в СССР не есть путь основной массы крестьянства к социализму, — что же тогда представляет наш хозяйственный строй в целом и чем тогда является нэп?

Еще до XIV с'езда т. Зиновьев, а затем на с'езде вся оппозиция вместе с ним рассматривали хозяйственный строй, сложившийся после перехода к нэпу, как строй государственного капитализма (Зиновьев, Ленинизм, гл. XI). При этом т. Зиновьев пытался полностью отожествить хозяйственный строй в условиях уже сложившейся новой экономической политики с тем хозяйственным строем госкапитализма, который намечался Лениным в 1918 г (до военного коммунизма) как переходная ступень к социализму (см. I и II главы настоящей книги). Между тем между этими двумя периодами существует, как уже не раз указано, огромное различие. Тогда, в 1917 г., буржуазия еще не была экспроприирована и речь шла о том, чтобы создать промежуточную ступень к социализации основных средств производства в виде государственного капитализма в пролетарском государстве. Теперь же, при нэпе, после экспроприации буржуазии, после перехода фабрик и заводов в собственность рабочего класса, после превращения их в предприятия последовательно-социалистического типа, промышленность и все командные высоты, являющиеся ведущим началом всей эконо-

мики, не являются госкапиталистическими предприятиями. Если в самом начале нэпа, в период отступления и перестройки рядов, казалось, что у нас широкое развитие получат концессии, этот, так сказать, классический вид госкапитализма, то уже в 1923 г. стало ясно, что мы можем сами восстановить промышленность, что концессии играют и будут играть незначительную роль в хозяйстве страны. При таких условиях переносить характеристику хозяйственного строя первого периода советской власти на хозяйственный строй при нэпе значит не видеть тех колоссальных перемен, которые мы имеем сейчас в сравнении с 1918 г.

Наш хозяйственный строй в целом уже не может быть назван госкапитализмом, но он еще не может быть назван социализмом, ибо социализм предполагает полное обобществление всего народного хозяйства. Это строй переходный от капитализма к социализму, строй, в котором социалистический сектор играет все более и более руководящую роль, но в котором он еще не охватил всего народного хозяйства, строй, в котором социализм еще борется с капитализмом.

Характеристика нашего хозяйственного строя, как строя госкапитализма, опять-таки полностью увязывается с теорией перманентной революции, по которой мы к социалистическому строительству (в 1922 г.) «даже не подошли».

А если так, то нэп является не чем иным, как отступлением; не только переход к нэпу содержит в себе элементы отступления, но и самый нэп является только отступлением. «Нэп является отступлением к государственному капитализму», — заявляет т. Зиновьев (Зиновьев, Ленинизм, стр. 215).

Ленинизм дает совершенно другую оценку движущих сил революции, сущности пролетарской диктатуры и самого хода социалистической революции.

Ленинизм против троцкизма в вопросе о пути и движущих силах пролетарской революции.

Каждому известно, что большевизм, на основании четкого и глубокого исторического анализа, установил неизбежность, необходимость революционного союза пролетариата с основной массой крестьянства. Борясь за гегемонию пролетариата, большевизм неизменно подчеркивал огромнейшее значение рабоче-крестьянского блока, как условия победы социалистической революции.

Со всем крестьянством против помещиков и царизма — в буржуазно-демократической революции; с крестьянской беднотой при нейтрализации середняка в борьбе против буржуазии за пролетарскую диктатуру; прочный союз пролетариата и деревенской бедноты с середняком (т. е. союз рабочего класса с подавляющей массой крестьянства) на пути со-

циалистического строительства — таковы лозунги нашей партии, на различных исторических этапах обеспечивающие пролетариату революционную поддержку основной массы крестьянства. Весь ход развития революционного движения всецело оправдал ленинскую оценку крестьянства и тактику по отношению к нему. А Троцкий отрицает революционную роль крестьянства, относит его в пролетарской революции к реакционным силам вместе с буржуазией, изолирует пролетариат, обессиливает его и сам же пугается этого бессилия, утверждая о невозможности победы пролетариата в одной стране.

Троцкий «перепрыгивает» через крестьянство. Характеризуя его теорию перманентной революции, т. Ленин писал: «Оригинальная теория Троцкого берет у большевиков призыв к решительной революционной борьбе пролетариата и к завоеванию им политической власти, а у меньшевиков — «отрицание» роли крестьянства»[1].

Троцкий отрицает революционную роль крестьянства, а т. Ленин пишет, говоря о возможностях и условиях победоносного завершения пролетарской революции: «10—20 лет правильных соотношений с крестьянством — и обеспеченная победа в всемирном масштабе (даже при затяжке пролетарских революций, кои растут), иначе 20—40 лет мучений белогвардейского террора»[2].

Ленин подчеркивал необходимость союза пролетариата с основной массой крестьянства не только для успешной борьбы рабочего класса за власть, но и для успешного построения социализма, доказывая, что, при правильной политике, трудящееся крестьянство (бедняк и середняк) может быть вовлечено и будет вовлечено пролетариатом на социалистический путь развития. А Троцкий полностью отрицает революционную роль крестьянства.

Ленин недаром подчеркивал, что самое понятие диктатуры пролетариата включает в себя не только подавление эксплоататорских классов, но и руководство со стороны пролетариата огромнейшими массами трудящихся (прежде всего крестьянства) на пути к социалистическому переустройству общества.

«Диктатура пролетариата, — говорит Ленин, — если перевести это латинское, научное, историко-философское выражение на более простой язык, означает вот что: только определенный класс,

---

[1] Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 213.

[2] «Ленинский сборник», IV, стр. 374.

именно городские и вообще фабрично-заводские промышленные рабочие, в состоянии руководить всей массой трудящихся и эксплоатируемых в борьбе за свержение ига капитала, в ходе самого свержения, в борьбе за удержание и укрепление победы, в деле создания нового социалистического общественного строя, во всей борьбе за полное уничтожение классов»[1].

Эту постановку вопроса о роли крестьянства в пролетарской революции Ленин считал обязательной не только в условиях России, не только для русского пролетариата, но и для рабочего класса всего мира, для всего Коминтерна.

Корни неверия в возможность победы социализма в СССР у Троцкого заключаются в непонимании революционной роли крестьянства и неверии в силы рабочего класса. Вместе с тем Троцкий абсолютно неправильно ставит вопрос о самом ходе пролетарской революции. По его теории получается, что победа революции возможна только при условии, что одновременно или почти одновременно восстают и побеждают рабочие ряда стран, иначе «безнадежно думать» об успешной борьбе.

В. И. Ленин в 1915 г., полемизируя с Троцким, рисует совершенно иную картину хода пролетарской революции, подготовляемой империалистической фазой развития капитализма:

«Неравномерность экономического и политического развития,— говорит Ленин,— есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы против остального капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая, в случае необходимости, даже с военной силой против эксплоататорских слоев и их государств»[2].

Эта мысль т. Ленина имеет исключительно важное значение. Здесь он прямо говорит о возможности победы социализма в «отдельно взятой» капиталистической стране. Больше того, он указывает, что, захватив власть в своей стране, пролетариат может и должен организовать «у себя социалистическое производство». А организовать, после взятия пролетарской власти, социалистическое производство — это значит, как отмечает т. Сталин, построить социалистическое общество[3]. И именно это социалистическое строительство пролетариата, победившего в одной стране, играет исключительную роль в деле развертывания мировой революции, в деле помощи революционной борьбе пролетариата других стран.

---

[1] Ленин, Собр. соч., т. XVI, стр. 248.
[2] В. И. Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 133.
[3] См. И. Сталин, К вопросам ленинизма, стр. 47.

Именно так, по этому намеченному т. Лениным плану и развернулась Октябрьская революция в России, являющаяся победой пролетариата в одной стране (победой, которая завершается победоносным строительством социализма) и в то же время являющаяся началом и опорой мировой пролетарской революции. Вместе с тем рабочий класс других стран своей революционной борьбой оказывает поддержку стране победившего пролетариата.

Только по этому пути и может развернуться пролетарская революция. Схема Троцкого, при своей внешней сверх-революционности (как часто сверх-революционные схемы оказываются анти-революционными!), требующая одновременной революции в ряде стран, по существу ведет к отказу от революции. Ведь недаром именно подобного рода аргументы приводили герои II Интернационала, каутскианцы всех наций во время войны: немецкие социалисты говорили, что не могут начать революцию, если ее не начнут раньше французские и русские; французские и русские меньшевики, в свою очередь, говорили, что они готовы действовать, если только начнут дело немцы и австрийцы, и т. д. и т. п. Получался безвыходный заколдованный круг, на почве которого революция никак «произрасти» не могла, а расцветали пышным желтым цветом социал-предательство и поддержка империалистической бойни.

Мы видим таким образом, что в борьбе с троцкистской теорией перманентной революции большевизм с достаточной отчетливостью осветил и определил принципиальные основы вопроса о построении социализма в одной стране.

Поэтому, когда, в силу сложившейся к 1925 г. обстановки, этот вопрос вплотную встал перед нами во всей конкретности, наша партия была подготовлена к тому, чтобы дать на него ясный, четкий ответ, преодолевая различные антиленинские шатания и колебания по этому поводу.

Какова сущность этого ответа, сформулированного в решениях XIV партконференции, XIV партс'езда, XV конференции и XV с'езда?

Сущность вопроса о возможности победы социализма в СССР.

Для правильного ответа на вопрос о возможности победоносного социалистического строительства в СССР необходимо прежде всего четко установить самую суть проблемы. Необходимо с полнейшей ясностью определить методологию вопроса, его постановку.

Постановка вопроса — и вместе с тем подлинно ленинское разрешение его — дана еще XIV Всесоюзной партконференцией (апрель 1925 г.). В резолюции «о задачах Коминтерна и ВКП(б) в связи с расширенным пленумом ИККИ» (принятой по докладу т. Зиновьева) конференция, говоря о судьбах социализма в СССР, окруженного капиталистическими странами, отметила: «наличие

двух прямо противоположных общественных систем вызывает постоянную угрозу капиталистической блокады, других форм экономического давления, вооруженной интервенции, реставрации. Единственной гарантией окончательной победы социализма, т. е. гарантией от реставрации, является следовательно победоносная социалистическая революция в ряде стран. Из этого отнюдь не вытекает, что невозможна постройка полного социалистического общества в такой отсталой стране, как Россия, без «государственной помощи» (Троцкий) более развитых в технико-экономическом отношении стран». «Страна рабочей диктатуры, являющаяся основной базой международной революции, должна рассматривать себя как ее могущественный рычаг и подспорье; с другой стороны, господствующая в ней партия пролетариата должна прилагать все усилия к тому, чтобы строить социалистическое общество в уверенности, что это строительство может быть и наверняка будет победоносным, если удастся отстоять страну от всяких попыток реставрации»[1].

Необходимо отчетливо различать две группы, два ряда противоречий и трудностей, стоящих на пути социалистического развития Советской страны[2].

Первый ряд, первая группа — противоречия «внутренние», заключающиеся внутри системы пролетарского государства, внутри Советской страны. Сюда относятся наличие в нашем хозяйстве капиталистических элементов, противоречие между социалистическим и капиталистическим секторами советской экономики (противоречия между пролетариатом и буржуазией в нашей стране) и — основное — наличие в СССР значительных по удельному весу мелкотоварных и патриархальных хозяйств, противоречия между рабочим классом и крестьянством. Эти основные моменты охватывают «внутренние» трудности нашего развития.

Второй ряд, вторая группа — противоречия «внешние», вытекающие из факта капиталистического окружения СССР, противоречия между пролетарской страной и миром буржуазии, основное — опасность военного нападения на нас капиталистических государств, угроза военной интервенции.

Каждая из этих двух групп противоречий и трудностей, стоящих на нашем пути, имеет свои особенности, требует различных сил для их преодоления. Ни в коем случае нельзя смешивать, спутывать эти две группы, так как подобное смешение делает совершенно невозможным решение вопроса, искажает оценку наших сил, возможностей, путей развития, мешает правильно определить действительные стоящие перед нами трудности.

---

[1] Стенографический отчет XIV Всесоюзной партконференции, стр. 312, 313.
[2] Сталин, Вопросы ленинизма. К итогам XIV партконференции.

Необходимо разобрать оба ряда противоречий, тщательно взвешивая особенности каждого из них, и возможности их преодоления силами революции.

Вопрос о возможности победы социализма в СССР связан с возможностью разрешения первого ряда противоречий, с возможностью преодоления внутренних трудностей нашего развития силами пролетариата, ведущего за собой по пути социалистического строительства основную массу крестьянства.

Партия, следуя ленинскому учению, дает на этот вопрос положительный ответ. Оппозиция же утверждала, что мы не сумеем преодолеть внутренние противоречия, если нас не поддержит победоносная революция в ряде развитых капиталистических стран.

Эти разногласия и составляют существо споров о возможности построения социализма в СССР.

Вопрос же о преодолении второго ряда трудностей, создаваемых фактом капиталистического окружения Советской страны, постоянной опасностью военной интервенции со стороны капиталистических государств, вообще не может вызывать споров. Совершенно ясно, что полную гарантию от реставрации, полное устранение опасности нападения на Советскую страну извне может дать только мировая революция, только совместные усилия пролетариата ряда крупнейших капиталистических стран, овладевающих властью.

Следующие формулировки т. Сталина дают четкое освещение сущности вопроса:

«Что такое возможность победы социализма в одной стране?

Это есть возможность разрешения противоречий между пролетариатом и крестьянством внутренними силами нашей страны, возможность взятия власти пролетариатом и использования этой власти для построения полного социалистического общества в нашей стране, при сочувствии и поддержке пролетариев других стран, но без предварительной победы пролетарской революции в других странах» [1].

В нашей стране диктатуры пролетариата нет непреодолимых препятствий для победоносного социалистического строительства. Но можем ли мы своими силами добиться окончательной и бесповоротной победы социализма, полной гарантии от капиталистической реставрации?

«Окончательная победа социализма есть полная гарантия от попыток интервенции, а значит, и реставрации, ибо сколько-нибудь серьезная попытка реставрации может иметь место лишь при серьезной поддержке извне, лишь при поддержке международного капитала. Поэтому поддержка нашей революции со стороны рабочих всех стран, а тем более победа этих рабочих хотя бы в несколь-

[1] Сталин, К вопросам ленинизма, стр. 41.

ких странах является необходимым условием полной гарантии первой победившей страны от попыток интервенции и реставрации, необходимым условием окончательной победы социализма».

«Что такое невозможность полной окончательной победы социализма в одной стране без победы революций в других странах? Это есть невозможность полной гарантии от интервенции, а значит, и реставрации буржуазных порядков без победы революции, по крайней мере, в ряде стран. Отрицание этого бесспорного положения есть отход от интернационализма, отход от ленинизма» [1].

Так разрешает вопрос партия. Нетрудно видеть, что наша уверенность в возможности победы социализма в нашей стране, в возможности преодоления внутренних трудностей и противоречий нашего строительства основывается на ясном, четком анализе сил и путей развития Советской страны.

Наше хозяйство является переходным от капитализма к социализму. Оно включает в себя различные социально-экономические уклады, в основном — три сектора: социалистический, капиталистический (госкапитализм и частно-хозяйственный капитализм) и докапиталистический (мелкотоварные и полунатуральные экономической формы). Процесс строительства социализма в нашей стране и заключается в неуклонном росте социалистических элементов, непрерывном вытеснении ими капиталистических элементов и социалистической перестройке, переделке докапиталистических хозяйственных формаций. Окончательное устранение — на основе роста производительных сил — капиталистических элементов в нашей экономике, установление прямого и непосредственного воздействия социалистических форм на распыленное крестьянское хозяйство, воздействия, мощно влекущего крестьянские хозяйства на социалистический путь посредством их кооперирования и индустриализации — это и является построением фундамента социализма в СССР. Недаром Ленин писал, говоря о сути нэпа:

«Замена разверстки налогом, его принципиальное значение: от «военного» коммунизма к правильному социалистическому фундаменту. Ни разверстки, ни налога, а обмен продуктов крупной («социализированной») промышленности на крестьянские продукты — такова экономическая суть социализма, его база» [2].

Как отмечал т. Ленин на XI партс'езде (март 1922 г.): «экономической силы в руках пролетарского государства России совершенно достаточно, для того чтобы обеспечить переход к коммунизму» [3].

Смысл этого ленинского утверждения станет вполне ясным, если вспомнить ленинский план социалистического преобразования

---

[1] Сталин, К вопросам ленинизма, стр. 43—44, 45.

[2] Ленинский сборник, IV. «План брошюры о продналоге», изд. 2-е, стр. 372.

[3] Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 2-я, стр. 43.

крестьянского хозяйства в Советской стране. Тесная смычка города и деревни, руководящая роль социалистических госпредприятий, об'единяющих распыленные крестьянские хозяйства, содействующих их кооперированию и индустриализации, обеспечивает возможность развития советской деревни по социалистическому пути.

Какая сила внутри Советской страны может остановить мощный процесс социалистического развития, процесс роста социалистических элементов, вытеснения капиталистических и преобразования докапиталистических? Капиталистическому сектору, внутренней буржуазии самой по себе этого развития не остановить: она слишком слаба. Может быть непобедимые трудности, непреодолимая опасность грозит со стороны отсталых, распыленных мелкобуржуазных крестьянских хозяйств? На этот вопрос дал достаточно ясный ответ Ленин: «Страшен ли социализму «индивидуализм» крестьянина? Его «свободная торговля»? Нет. Если электрификация через 10—20 лет — ни капли не страшен индивидуализм мелкого земледельца и свободная торговля его в местном обороте. Если не электрификация — все равно неизбежен возврат к капитализму»[1]. Ленин с исчерпывающей ясностью подчеркивал, что при правильной политике мы можем преодолеть внутренние трудности и противоречия нашего развития.

Именно этих взглядов и придерживается наша партия. Именно против этих взглядов выступала бывшая оппозиция. Эти утверждения бывшей оппозиции свидетельствуют только об ее отходе от ленинизма. Ленин неоднократно и до Октябрьской революции, и в различные ее этапы с категорической ясностью доказывал, исходя из анализа особенностей неравномерности капиталистического развития в эпоху империализма, возможность победы социализма в одной стране (и в СССР в частности).

Выше была уже приведена выдержка из статьи Ленина, написанная в 1915 г., в которой он доказывал, исходя из анализа неравномерного развития капитализма, «что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране».

В этой статье Ленин совершенно отчетливо говорил о том, что пролетариат, победивший в одной стране, может организовать у себя социалистическое производство.

В ноябре 1918 г., уже после Октябрьской революции в России, Ленин в речи на VI с'езде советов, говоря о задачах и перспективах строительства социализма, подчеркнул: «теперь вся рабочая масса, а не только вожди и передовики, а действительно широчайшие слои знают, что они сами собственной рукой строят социализм, фундамент построили, и никакая сила

---

[1] Ленинский сборник, IV, изд. 2-е, стр. 374.

внутри страны не помешает довести это дело до конца»[1].

В 1919 г. в статье «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата» Ленин подчеркивает ту же мысль:

«Как бы ни лгали, ни клеветали буржуа всех стран и их прямые и прикрытые пособники («социалисты» II Интернационала), остается несомненным: с точки зрения основной экономической проблемы диктатуре пролетариата у нас обеспечена победа коммунизма над капитализмом. Буржуазия всего мира именно потому бешенствует и неистовствует против большевизма, организует военные нашествия, заговоры и пр. против большевиков, что она превосходно понимает неизбежность нашей победы в перестройке общественного хозяйства, если нас не задавить военной силой. А задавить нас таким образом ей не удастся!»[2].

После 1921 г., по окончании гражданской войны, с переходом к мирному строительству, Ленин часто повторяет эту же мысль, говоря, что «мы социализм протащили в повседневную жизнь», что «из России нэповской будет Россия социалистическая».

Наконец в 1923 г. в программной статье «о кооперации» Ленин с исчерпывающей ясностью подчеркивает:

«В самом деле власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д., — разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации, которую мы прежде третировали как торгашескую и которую с известной стороны имеем право третировать теперь при нэпе так же, — разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества? Это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения»[3].

Таковы взгляды Ленина по вопросу о возможности победы социализма в нашей стране. Эти взгляды изложены им с исчерпывающей ясностью и четкостью, не оставляющими никакой почвы для сомнений и кривотолков. И весьма жалко и уродливо выглядят попытки оппозиции изобразить подлинно-ленинские взгляды партии, как уклон в национальную ограниченность, как «национал-реформизм». В пылу борьбы руководители оппозиции и не подумали, куда бьют их «обвинения» и куда скатываются они сами!

---

[1] Ленин, Собр. соч., т. XV, стр. 500; выделено нами. — *Авт.*
[2] Ленин, Собр. соч., т. XVI, стр. 350.
[3] Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 2-я, стр. 140.

В полном соответствии с ленинскими взглядами XIV парт'езд отметил в резолюции по докладу ЦК:

«В области экономического строительства с'езд исходит из того, что наша страна, страна диктатуры пролетариата, имеет все «необходимое для построения полного социалистического общества» (Ленин). С'езд считает, что борьба за победу социалистического строительства в СССР является основной задачей нашей партии. Отчетный год вполне доказал правильность этих положений. До захвата власти в других странах со стороны пролетариата, но при несомненной поддержке, без так называемой «помощи» со стороны иностранного капитала и в непрерывной борьбе с частным капиталом в нашей стране рабочий класс в союзе с основной массой крестьянства уже достиг первых серьезных успехов в социалистическом строительстве».

Ленин ни на минуту не забывал об огромных трудностях нашего строительства, о сложности стоящих перед нами задач. Но он не превращал трудности в невозможность, оценивая действительные силы нашей революции.

Ленин не забывал и о международном капиталистическом окружении.

Он отмечает, что «мы живем не только в государстве, но и в системе государств, и существование Советской республики рядом с империалистическими государствами продолжительное время немыслимо. В конце концов либо одно, либо другое победит. А пока это наступит, ряд самых ужасных столкновений между Советской республикой и буржуазными государствами неизбежен. Это значит, что пролетариат, как господствующий класс, если только он хочет и будет господствовать, должен доказать это также своей военной организацией» [1].

Рассматривая взаимоотношения СССР — страны строящегося социализма — с капиталистическим миром, Ленин говорит:

«Мы имеем перед собою в высшей степени неустойчивое, но все же несомненное, неоспоримое известное равновесие. Надолго ли это, не знаю и думаю, что этого знать нельзя. И поэтому с нашей стороны нужна величайшая осторожность, и первой заповедью нашей политики, первым уроком, уроком, вытекающим из нашей правительственной деятельности за год, уроком, который должны усвоить себе все рабочие и крестьяне, это — быть на-чеку, помнить, что мы окружены людьми, классами, правительствами, которые открыто выражают величайшую ненависть к нам. Надо помнить, что от всякого нашествия мы всегда на волоске» [2].

Октябрьская революция — начало и составная часть мировой революции, революция пролетарско-социалистическая — может и

---

[1] Ленин, т. XV, стр. 102.

[2] Ленин, т. XVIII, ч. 1-я, стр. 391.

должна быть завершена победой социализма в СССР, силы революции достаточны для преодоления внутренних трудностей и противоречий. В то же время о к о н ч а т е л ь н а я победа социализма, полная гарантия от реставрации, от капиталистической интервенции, может быть обеспечена только победоносной революцией в ряде передовых стран. Это ленинское решение вопроса, органически вытекающее из оценки нашей революции, как социалистической, осуществляемой пролетариатом, ведущим за собой основную массу крестьянства, противоположно троцкистским (а также и социал-демократическим) взглядам, отрицающим возможность победоносной социалистической революции в России без непосредственной поддержки победоносной пролетарской революции в ряде крупнейших капиталистических государств.

Строительство социализма в СССР и мировая революция.

Бывшая оппозиция громко кричала о своем интернационализме. Она обвиняла партию в уклоне к «национальной ограниченности», в забвении дела мировой революции. Она договорилась даже до обвинения ленинской партии в «национал-реформизме» — так охарактеризовала бывшая оппозиция на VII пленуме ИККИ уверенность партии в возможности победоносного социалистического строительства в нашей стране.

Здесь особенно отчетливо и выпукло выступает еще одна ошибка бывшей оппозиции: она п р о т и в о п о с т а в л я л а социалистическое строительство в СССР и дело мировой революции. Между тем строительство социализма в СССР не только не «противостоит» мировой революции, но наоборот — является ее неот'емлемой составной частью, ее мощным двигателем, ее рычагом, ее силой.

СССР — пока единственное в мире государство пролетарской диктатуры, страна строящегося социализма — является базой и рычагом мировой пролетарской революции. Этот участок — крепость мировой революции. Успехи нашего социалистического строительства играют огромнейшую роль в деле развития международной социалистической революции. Недаром Ленин подчеркивал, что:

«Сейчас главное свое воздействие на международную революцию мы оказываем своей хозяйственной политикой. Все на Советскую российскую республику смотрят, все трудящиеся во всех странах мира, без всякого исключения и без всякого преувеличения... На этом поприще борьба перенесена во всемирном масштабе. Решим мы эту задачу, — и тогда мы выиграли в международном масштабе наверняка и окончательно. Поэтому вопросы хозяйственного строительства приобретают для нас значение совершенно исключительное. На этом фронте мы должны одержать победу медленным, постепенным, — быстрым нельзя, — но неуклонным повышением и движением вперед»[1].

---

[1] Л е н и н, т. XVIII, ч. 1-я, стр. 282.

Это постоянно помнят наша партия и рабочий класс. Мы строим социализм в неразрывном союзе с мировым пролетариатом.

Мировая пролетарская революция, разрывающая цепь мирового империализма в самом слабом его звене, представляет собою не мгновенную всемирную победу, а развивающийся процесс боев на различных фронтах. В силу особенностей неравномерности, скачкообразности, обостренной противоречивости капиталистического развития в эпоху империализма пролетариат побеждает сначала в одной стране[1]. Об этом говорил Ленин еще в 1915 г. Он подчеркивал это неоднократно.

«Я знаю, — писал Ленин, — что есть мудрецы, считающие себя очень умными и даже называющие себя социалистами, которые уверяют, что не следовало брать власти до тех пор, пока не разразится революция во всех странах. Они не подозревают, что, говоря так, они отходят от революции и переходят на сторону буржуазии. Ждать, пока трудящиеся классы совершат революцию в международном масштабе, это значит всем застыть в ожидании. Это — бессмыслица»[2].

Пролетариат, победивший в одной стране, «организовав у себя социалистическое производство, встал бы против остального капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае надобности даже с военной силой против эксплоататорских классов и их государств» (Ленин). Победа социализма в одной стране не противостоит мировой революции, а является ее началом и составной частью. С другой стороны, пролетарии других государств борьбой против своих капиталистов оказывают помощь и поддержку пролетариату, уже овладевшему властью в одной стране и отбивающему натиск капиталистических держав. Так, революции в Германии и Австро-Венгрии и т. д. помогали пролетариату России закрепить свою победу, отстоять свою диктатуру.

Это единый процесс мировой революции. В него вплетается и разворачивающееся мощное революционно-освободительное движение в колониальных и полуколониальных странах.

«Сила нашей революции и сила революционного движения капиталистических стран состоит в этой взаимной поддержке и в этом союзе пролетариев всех стран»[3].

Само собою разумеется, что победа пролетариата еще в какой-либо стране чрезвычайно ускорит и ход мировой революции и темп социалистического строительства в СССР. Этой победе пролетариата в других странах мы оказываем и окажем всемерную помощь и поддержку. Рассматривая перспективы социалистического

---

[1] См. по этому вопросу Сталина. Доклад на XV партконференции и на VII расширенном пленуме ИККИ.

[2] Ленин, Собр. соч., т. XV, стр. 287.

[3] Сталин, Заключ. слово на VII пленуме ИККИ, Гиз, 1927 г., стр. 170.

развития передовых стран после победы в них пролетариата, мы учитываем, что, как неоднократно говорил Ленин: «по сравнению с передовыми странами русским было легче начать великую пролетарскую революцию, но им труднее будет продолжать ее и довести до окончательной победы в смысле полной организации социалистического общества»[1].

Вздорность обвинений нашей партии в забвении перспективы мировой революции совершенно ясна. ВКП(б) ясно видит пути мировой революции и рассматривает строительство социализма в СССР именно, как важнейший элемент мировой революции, решительно борясь со всеми уклонами от правильной линии.

XIV Всесоюзная партконференция специально подчеркнула в резолюции «О задачах Коминтерна и ВКП(б)» (в которой был сформулирован вопрос о возможности победы социализма в нашей стране):

«В связи с сложившимся на международной арене положением, нашей партии в данный период могут угрожать две опасности: 1) уклон к пассивности, вытекающей из чрезмерно расширительного толкования наметившейся кое-где стабилизации капитализма и замедленного темпа международной революции, отсутствие достаточного импульса к энергичной и систематической работе над построением социалистического общества в СССР, несмотря на замедленный темп международной революции, и 2) уклон к национальной ограниченности, забвение обязанностей международных пролетарских революционеров, бессознательное пренебрежение к теснейшей зависимости судеб СССР от развивающейся, хотя и медленно, международной пролетарской революции, непонимание того, что не только международное движение нуждается в существовании, упрочении и усилении мощи первого в мире пролетарского государства, но и диктатура пролетариата в СССР нуждается в помощи со стороны международного пролетариата».

С обоими этими уклонами борется наша партия. Строя социализм в нашей стране, мы ни на мгновение не забываем великого международного значения нашей работы, мы сознаем, что победоносное социалистическое строительство является одним из крупнейших факторов, ускоряющих распад мирового капитализма и развязывающих и организующих силы мировой пролетарской революции.

«Разбив русский империализм и раскрепостив все бывшие колонии и угнетенные нации царской империи; систематически подводя прочный базис их культурно-политического развития путем индустриализации соответствующих территорий; закрепляя в государственной конституции Союза правовую позицию автономных областей, автономных республик и союзных республик и полностью

---

[1] Ленин, Собр. соч., т. XVI, стр. 184—185.

реализуя право наций на самоопределение, — диктатура пролетариата в СССР обеспечивает тем самым не только формальное, но и фактическое равенство различных национальностей Союза.

Являясь страной диктатуры пролетариата и строительства социализма, страной огромных завоеваний рабочего класса, страной союза рабочих и крестьян, страной новой, идущей под знаменем марксизма, культуры, — СССР неизбежно становится базой мирового движения всех угнетенных классов, очагом международной революции, величайшим фактором мировой истории. В СССР мировой пролетариат впервые обретает действительно свое отечество, для колониальных движений он становится центром величайшего притяжения.

Таким образом в условиях общего кризиса капитализма СССР является важнейшим фактором не только потому, что он отпал от мировой капиталистической системы, создав основу новой, социалистической системы хозяйства, но и потому, что он играет вообще исключительно огромную революционную роль, роль международного двигателя пролетарской революции, толкающего пролетариев всех стран к захвату власти; роль живого примера того, что рабочий класс способен не только разрушать капитализм, но и строить социализм; роль прообраза тех братских взаимоотношений между национальностями всех стран в Союзе советских социалистических республик мира и того экономического об'единения трудящихся всех стран в едином мировом хозяйстве социализма, которые должен установить завоевавший государственную власть мировой пролетариат». (Программа Коминтерна.)

ГЛАВА V.

ДВА ПЕРИОДА НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ И ОЧЕРЕДНЫЕ ЗАДАЧИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА.

Возможность победы социализма в СССР вытекает не только из хозяйственного строя Советской страны, из отсутствия неопреодолимых противоречий между пролетариатом и крестьянством и из правильной политики партии и рабочего класса. Эта возможность может быть доказана и действительным ходом нашего экономического развития, крупными успехами социалистического строительства.

В социалистическом строительстве на основе нэпа мы должны различать два периода: 1) период восстановительный и 2) период социалистической реконструкции.

Мы уже выше видели, в каком состоянии упадка находилось все народное хозяйство в момент перехода от гражданской войны к мирному строительству. Совершенно ясно, что основной задачей пролетарского государства в этих условиях должно было быть восстановление разрушенного хозяйства. Если переход к нэпу означал собой отступление с целью перестройки рядов для перехода в дальнейшее наступление, то первые шаги этого наступления на экономическом фронте могли выразиться не в чем ином, как в восстановлении хозяйства, разрушенного империалистической и гражданской войнами. Восстановительный период можно поэтому характеризовать как первый этап наступления строящегося социализма при нэпе. Восстановительный период мог, естественно, быть только первым этапом этого наступления, так как задача социалистической революции заключается в построении нового, социалистического, общества, на гораздо более высоком уровне производительных сил, чем при капитализме. Следовательно с окончанием восстановительного периода пролетарское государство должно было приступить к решению этих новых коренных задач построения социализма.

Этот новый период, в который СССР уже вступил, и есть период развернутой социалистической реконструкции (переустройства) всего народного хозяйства.

Разумеется, что в связи с окончанием восстановительного периода и вступлением в реконструктивный период не могли не претерпеть некоторого изменения задачи и методы нашей экономической политики. Общие задачи и основные принципы советской экономической политики, — построение социализма, смычка с основными слоями крестьянства, борьба с капитализмом, — конечно не могли измениться. Но конкретное их применение, методы смычки, методы воздействия на мелкое хозяйство, методы борьбы с кулаком и с капитализмом в городе не могли не измениться в связи с тем, что в период реконструкции пролетарское государство обладает несравненно более мощной материально-экономической базой, в связи с тем, что произошли значительные сдвиги в соотношении классовых сил в стране, в связи с тем, что социалистическое строительство поднялось на более высокую ступень своего развития.

Нельзя рассматривать новую экономическую политику как раз навсегда, до построения полного социализма, данную, застывшую систему экономических мероприятий. Для того, чтобы действительно понять изложенные выше основы советской экономической политики, необходимо рассмотреть путь, пройденный нами на основе нэпа, и изучить изменения, которые происходят в способах практического, конкретного применения основных принципов и методов нэпа.

§ 1. Восстановительный период.

Достижение довоенного уровня.

Восстановительный период новой экономической политики характеризуется сначала медленным, а затем все более быстрым восстановлением народного хозяйства до уровня, на котором оно находилось до империалистической войны. В начале нэпа казалось, что потребуется не меньше десятилетия для восстановления разрушений, произведенных в народном хозяйстве двумя войнами, империалистической и гражданской.

В самом деле, в 1920 г. промышленность дала только 20,4% выработки по сравнению с довоенным временем (1913 г.). Такая важная в народном хозяйстве отрасль, как металлургия, почти замерла: выплавка чугуна в 1920 г. равнялась 2,4% от выплавки 1913 г. Сельское хозяйство также значительно пострадало, но гораздо меньше, чем промышленность: сельскохозяйственная продукция 1921 г. составляла 54,4% довоенной продукции. При таких условиях трудно было ожидать быстрого восстановления производительных сил сельского хозяйства и еще менее вероятным казалось быстрое восстановление промышленности.

Однако действительность превзошла всякие ожидания. Продукция сельского хозяйства в 1926/27 хозяйственном году составляла 106,5% довоенной, а продукция всей промышлен-

ности — 103,9% довоенной. Такие успехи в деле восстановления народного хозяйства свидетельствуют о правильности новой экономической политики и показывают, что пролетариат, ставший у власти и опирающийся на союз с трудящимся крестьянством, может сам, без помощи буржуазии, руководить хозяйством. Нет никакого сомнения в том, что именно сосредоточение в руках пролетарского государства всей крупной промышленности и транспорта позволило в сравнительно небольшой срок вывести страну из столь глубокой разрухи.

Другим завоеванием восстановительного периода является создание твердой валюты. Денежная реформа 1924 г. содействовала усилению связи между промышленностью и сельским хозяйством и была одной из причин бурного под'ема промышленности в 1924—1926 гг. И здесь опять-таки руководящая роль диктатуры пролетариата в народном хозяйстве обеспечила успех денежной реформы. Именно благодаря наличию планового начала, благодаря отсутствию частной собственности на крупные средства производства, благодаря монополии внешней торговли и национализации кредита нам удалось осуществить денежную реформу в более короткий срок, чем капиталистическим государствам. Советская Россия находилась в состоянии войны дольше, чем воевавшие западно-европейские государства. Империалистическая война окончилась в 1918 г., а мы еще целых два года после этого вели гражданскую войну. Хозяйственное строительство в нормальных условиях у нас началось фактически в 1922 г., а в начале 1924 г. у нас уже была создана твердая валюта. А между тем во Франции денежная реформа была произведена в 1927 г., в Англии — в 1925 г.

Для характеристики основных итогов восстановительного периода укажем еще на то, что на основе под'ема производства произошло и значительное улучшение положения рабочего класса, выразившееся в под'еме средней реальной зарплаты (включая и коммунальные услуги) в 1926/27 г. до 115,3% от довоенной.

Элементы реконструкции в восстановительном периоде.

Мы привели основные показатели, говорящие о том, что 1926/27 г. является последним годом восстановительного процесса. Но было бы, конечно, неправильным думать, что в течение восстановительного периода все отрасли народного хозяйства вернулись к своему довоенному уровню и что никаких реконструктивных изменений за это время не произошло.

Именно так пытался представить содержание восстановительного процесса В. Г. Громан, который в конце восстановительного периода писал (статья «О некоторых закономерностях, эмпирически обнаруживаемых в нашем народном хозяйстве» в журнале «Плановое хозяйство» № 1 за 1925 г., стр. 98): «Мы возрождаемся из хозяйственной катастрофы, и достижения довоенных отношений, в которых выражались условия хозяйственного равновесия, в огромной степени являются регулятивными нормами в об'ективном смысле этого слова и для нашего теперешнего хозяйственного процесса». Это значит, что в про-

цессе восстановления мы об'ективно, независимо от нашей воли и наших усилий, вынуждены восстановить и существовавшие до войны, т. е. при капитализме, отношения между отдельными отраслями хозяйства, это значит, что социалистическое строительство и хозяйственное равновесие в условиях советского хозяйственного строя, «наш теперешний хозяйственный процесс» подчинены законам, регулировавшим хозяйственное равновесие при капитализме.

Действительно ли мы достигли к концу восстановительного периода довоенных отношений между отраслями хозяйства? Вот краткие цифры по этому вопросу.

Внутри промышленности отдельные отрасли давали в 1926/27 г. следующую продукцию в процентах к 1913 г.: уголь—111,1, нефть—90,3, торф — 380,6, чугун — 70,7, мощность районных электростанций — 184,8, длина железнодорожной сети — 130,3. В то же время внешнеторговый оборот — 40,5%, а денежная масса (на 1 октября 1926 г.) — 39,8%. Хотя в 1926/27 г. промышленность в целом и сельское хозяйство в целом и достигли довоенного уровня (промышленность — 103,9%, сельское хозяйство — 106,5%), однако, как видим из приведенных цифр, произошли существенные изменения во взаимоотношениях между отдельными отраслями. Эти изменения и выражают собой те реконструктивные процессы, которые имели место в течение восстановительного периода. Совершенно ясно, что рост мощности районных электростанций на 85% или рост добычи торфа на 280% означает немаловажное техническое изменение, реконструкцию в нашем энергетическом хозяйстве. Рост железнодорожной сети на 30% не может не означать собой роста и оживления хозяйственных связей между районами, известного изменения отношений между ними. Но гораздо интереснее и важнее, чем эти технико-экономические изменения, являются изменения, непосредственно отражающие иное, чем при капитализме, социальное содержание нашей экономики. Разве 40% внешнеторгового оборота в 1926/27 г. при 100 с лишним процентах промышленной и сельскохозяйственной продукции не говорят о том, что мы восстановили наше хозяйство, находясь во враждебном капиталистическом окружении, и что мы, как-то иначе, чем при капитализме, создавали свое равновесие? Разве 40% довоенной денежной массы не говорят о том, что мы восстановили наше хозяйство на основе иных, чем до войны, внутрихозяйственных социально-классовых связей? Все это означает, что восстановительный период не есть только чисто восстановительный процесс. Ибо если ясно, что уже в нэп мы вступили социально переустроенными по сравнению с дооктябрьской экономикой, что первую коренную социальную реконструкцию мы совершили пролетарской революцией, что восстановительный период мы проделываем на основе иных, чем до войны, социально-классовых отношений, то должно быть ясно, что восстановительный период не мог восстановить довоенных отношений. На основе социально-классовых отношений, созданных

Октябрьской революцией, в течение восстановительного периода в нашем хозяйстве произошли изменения и реконструктивного характера, выразившиеся в изменении соотношений между отдельными отраслями хозяйства.

Основное содержание восстановительного периода.

Однако не эти элементы реконструкции характерны для восстановительного периода, не они преобладают в нем. Основной характерной чертой восстановительного периода, то, что делает его именно в о с с т а н о в и т е л ь н ы м, является, в о - п е р в ы х, под'ем материального производства, материальных производительных сил в общем и целом до их довоенного уровня и, в о - в т о р ы х, то, что этот под'ем совершался в общем и целом на базе той техники, того основного капитала, который нам достался от капитализма. Несмотря на отдельные моменты технической реконструкции, значительных коренных изменений в основном капитале не произошло. Рост промышленной продукции происходил главным образом не путем расширения существующих фабрик и заводов или постройки новых, а путем увеличения нагрузки существующего основного капитала, который в начале нэпа использовывался незначительно. Проблема расширения промышленного производства в течение восстановительного периода сводилась главным образом к изысканию новых количеств сырья и топлива, так как было много еще неиспользованного оборудования, т. е. основного капитала. Доведение нагрузки основного капитала до полного его использования и знаменует собой окончание восстановительного периода.

Точно так же и в сельском хозяйстве основной отличительной чертой восстановительного периода является о с в о е н и е крестьянством земель, полученных им в результате аграрной революции, хотя и в сельском хозяйстве начались реконструктивные процессы (переход к многополью, тракторизация и т. п.).

Таким образом, рассматривая восстановительный процесс народного хозяйства с технико-экономической стороны, мы можем сказать, что о с н о в н о й п р о б л е м о й в о с с т а н о в и т е л ь н о г о п е р и о д а б ы л а н е п р о б л е м а р а с ш и р е н и я и н а к о п л е н и я о с н о в н о г о к а п и т а л а, а, г л а в н ы м о б р а з о м, п р о б л е м а р а с ш и р е н и я и н а к о п л е н и я о б о р о т н о г о к а п и т а л а. Лишь к концу восстановительного периода, когда имеющиеся свободные резервы основного капитала стали подходить к концу, проблема расширения основного капитала стала все более выдвигаться на первый план. Эта основная характерная черта восстановительного периода чрезвычайно важна в том отношении, что она дает нам ключ к пониманию целого ряда крупных явлений нашей экономики, — различия темпов развития в восстановительный и на начальном этапе реконструктивного периода, сравнительной легкости ликвидации хозяйственных затруднений в течение восстановительного периода, преобладающей роли

легкой индустрии в восстановительном и тяжелой — в реконструктивном периоде и т. д.

Наш анализ восстановительного периода был бы совершенно недостаточен, если бы мы оставили в стороне социальную сторону восстановительного процесса.

Процесс обобществления в восстановительном периоде.

Под'ем производительных сил сам по себе не дает нам представления о нашем продвижении к социализму, хотя он является одним из основных условий социалистического строительства. Если бы в процессе этого под'ема выросли капиталистические элементы, а социалистические упали в своем значении, тогда восстановительный период не был бы периодом социалистического строительства, тогда развитие производительных сил вело бы нас назад к капитализму. Поэтому при характеристике восстановительного периода необходимо принимать во внимание не только приближение к довоенному уровню производства, но и степень обобществления народного хозяйства.

Вот краткая сводка данных, характеризующих процесс обобществления за восстановительный период. В 1923/24 г. государственная и кооперативная промышленность дали 75,3% всей промышленной продукции, а вся частная (кустарная и капиталистическая) — 24,7%, а в 1926/27 г. — 82,8% и 17,2%. Если взять одну только цензовую промышленность (предприятия с числом рабочих от 15 чел. при наличии механического двигателя и от 30 чел. без механического двигателя), то удельный вес продукции обобществленной промышленности поднялся с 95,7% в 1924/25 г. до 97,5% в 1925/26 г. Эти данные показывают, что уже в начале восстановительного периода промышленное производство было в высокой степени обобществлено и что за восстановительный период предприятия последовательно-социалистического типа еще более расширили свое значение в народном хозяйстве.

Совершенно иной является картина обобществления в сельском хозяйстве. Здесь в 1924/25 г. обобществленный сектор дает 2,1% продукции, а частный — 97,9%, а в 1926/27 г. — 2,7% и 97,3%. Степень обобществления производства как в начале, так и в конце восстановительного периода, здесь ничтожна. Это означает, что в подавляющей степени сельскохозяйственное производство вышло из восстановительного процесса мелким, раздробленным крестьянским хозяйством. Вместе с тем, поскольку в течение восстановительного периода крестьянское хозяйство почти не подверглось сколько-нибудь значительному социалистическому переустройству, в нем не могли не усилиться в известной мере капиталистические элементы. Это, однако, не означает, что в течение восстановительного периода происходила социальная размычка между пролетариатом и основными массами крестьянства, что пролетарская социалистическая промышленность и индивидуальное крестьянское

хозяйство развивались в противоположных направлениях — первая в сторону социализма, а второе — в сторону капитализма. В области взаимоотношений между пролетариатом и крестьянством первый, восстановительный, этап нэпа представляет собой период укрепления, а не ослабления смычки, руководящей роли пролетариата по отношению к основным слоям крестьянства, но выразилось это преимущественно не в сфере производства, а в сфере обращения.

Мы уже выше, в предыдущей главе, говорили о том, что в нэпе Советское государство нашло ту форму связи с крестьянством, при помощи которой пролетариат ведет крестьянство к социалистическому преобразованию, ухватываясь за его, крестьянства, личный «торговый» интерес. И вот в этом отношении восстановительный период нэпа характеризуется вытеснением из области взаимоотношений пролетариата и крестьянства капиталистического посредника, частного торговца. Так во всем посредническом товарообороте государство и кооперация вместе имели в 1923/24 г. 59,2%, а частный капитал — 40,8%, в 1926/27 г. обобществленный сектор имеет 81,9%, а частный — 18,1%. В оптовом обороте роль обобществленного сектора в 1923/24 г. — 78,2%, а частного — 21,8%, в 1926/27 г. соответственно — 94,9% и 5,1%. Еще более велики успехи социалистического наступления в области розничного оборота. здесь обобществленный сектор поднял свой удельный вес с 41,4% в 1923/24 г. до 67,4% в 1926/27 г., а удельный вес частного капитала упал с 58,6% до 32,6%. Эти цифры говорят о том, что в течение восстановительного периода социалистическое хозяйство установило и укрепило торговую смычку с крестьянским хозяйством, что оно повело его за собой через товарооборот.

Наряду с укреплением торговой смычки с основными массами крестьянства пролетариат в течение восстановительного периода создал предпосылки для мощного развития тяжелой индустрии, для производства средств производства и создания таким образом материально-технической базы для обобществления процесса производства в сельском хозяйстве.

В этом смысле восстановительный период был периодом подготовительным к установлению производственной смычки с основными массами крестьянства, к широкому социалистическому переустройству самого сельскохозяйственного производства, к вытеснению капитализма не только из торговли, но и из производства.

Значение восстановительного периода.

Таковы в общих чертах основные итоги восстановительного периода. Мы видим, что это был первый, подготовительный, этап социалистического наступления на рельсах нэпа, выразившийся в доведении материального производства до довоенного уровня, в укреплении ведущей роли обобществленного социалистического хозяйства, в установлении прочной торговой смычки с основными массами кре-

стьянства, в том, что в области товарооборота, этой наиболее слабой и наиболее уязвимой для социализма области, борьба между пролетариатом и буржуазией за простого товаропроизводителя, вопрос «кто кого?» решен в пользу пролетариата.

«Итоги хозяйственного развития с полной отчетливостью обнаруживают, что за период новой экономической политики произошла радикальная перегруппировка в отношениях между обобществленными формами хозяйства (в первую очередь социалистической индустрией), простым товарным хозяйством и хозяйством капиталистическим. Если в начале новой экономической политики государственная промышленность почти бездействовала, в области товарооборота государственные и кооперативные органы сами прибегали к частному посредничеству, а частный капитал, имея все преимущества быстрого оборота, играл относительно крупную роль, то на пороге перехода от восстановительного к реконструктивному периоду социалистическая промышленность и другие командные высоты играют уже решающую и ведущую роль во всем народном хозяйстве, государственная и кооперативная торговля обнимает собой подавляющую часть общего товарооборота страны, обобществленный сектор народного хозяйства определяет собой общее направление развития, вытесняя частный капитал, беря на буксир и постепенно преобразуя хозяйство простых товаропроизводителей-крестьян.

При таких условиях, несмотря на некоторый рост частника в абсолютных цифрах, гораздо более быстрый рост обобществленной части хозяйства, уменьшая во много раз опасность растущего на мелкобуржуазной основе частного капитала, создает прочные предпосылки для окончательной победы социализма. С точки зрения социально-классовой это означает, что, несмотря на всю противоречивость процесса развития, несмотря на рост буржуазии города и деревни (кулак, нэпман), удельный вес рабочего класса повысился, его связь с основной массой крестьянства возросла, диктатура пролетариата укрепилась» (из директив XV с'езда ВКП(б) по составлению пятилетнего плана).

Вместе с тем победивший пролетариат показал, что он может не только восстановить хозяйство своими силами, без помощи «извне», но что он может это сделать быстрее, чем капитализм. Советское государство окончило военную борьбу только в 1921 г. Империалистическая война окончилась в 1918 г. Между тем мы довели производство до довоенного уровня одновременно с воевавшими капиталистическими государствами Европы, в 1926/27 г. Нам для восстановления своего хозяйства потребовалось на три года меньше, несмотря на то, что наше хозяйство было гораздо более разрушено и что мы имели гораздо меньше чисто хозяйственного опыта. Этим самым восставший пролетариат у ж е показал всему миру колоссальные преимущества социализма над капитализмом.

В этом заключается историческое значение восстановительного периода.

«Итоги истекшего со дня Октябрьской революции десятилетия раскрывают огромное международное значение этой революции как составной части великого международного революционного процесса, преображающего капиталистическое общество в общество социалистическое. Диктатура пролетариата, пролетарская национализация средств производства, транспорта, кредита, внешней торговли, национализация земли — все эти предпосылки обусловили развитие экономики СССР на принципиально иных — социалистических — началах. Принципиально иным стало социально-классовое содержание командных экономических высот, определяющих развитие всего народного хозяйства в его целом. Принципиально иным стало соотношение между городом и деревней, ибо индустрия обратилась «лицом к деревне», ставши могучим фактором ее социалистического преобразования, и рост внутреннего рынка начал выражать собою, в отличие от капитализма, не процесс разорения деревни, а рост ее благосостояния. Принципиально иной стала организационная форма народного хозяйства, поскольку — на основе национализации крупной промышленности и других командных высот — стало возможным плановое хозяйственное руководство, все более вытесняющее анархию товарно-капиталистического рынка. Принципиально иным стало и распределение национального дохода в силу почти полной ликвидации прежде господствовавших классов и связанного с этим уничтожения значительной доли непроизводительного потребления вообще. Эти отличительные черты хозяйства СССР сделали возможным гораздо более быстрый, по сравнению со странами капитализма, темп восстановительного процесса, а также и гораздо более быстрый процесс хозяйственного роста вообще» (там же).

Необходимость перехода к реконструкции.

Итоги восстановительного периода представляют собой величайшее завоевание пролетариата на пути к социализму. Но, как сказано, это только первый подготовительный этап. Социализм должен поднять производительные силы на недосягаемую для капитализма высоту, но в этом отношении мы еще значительно отстаем от передовых капиталистических стран. Социализм означает уничтожение классов и классовой эксплоатации, а у нас еще сохранились остатки капитализма и еще не уничтожена почва его роста — мелкое, отсталое товарное хозяйство. Социализм означает плановое хозяйство, а у нас плановое хозяйство, несмотря на все его крупные успехи, еще ведет напряженную борьбу с рыночной стихией, борьбу, в которой плановое хозяйство еще терпит частичные поражения. Социализм означает уничтожение противоположности между городом и деревней, освобождение человеческого разума от тьмы и невежества, от

нищеты и власти стихийных сил природы, а у нас еще море нищеты, невежества, отсталости. И наконец окончательная победа социализма означает победу его во всем мире, а мы еще находимся во враждебном капиталистическом окружении, наш рост возбуждает все большую тревогу мирового капитала и заставляет его усиленно готовиться к насильственному сокрушению строящегося социализма, прежде чем он превратится в несокрушимое смертоносное орудие в руках мирового пролетариата против своих вековых поработителей. Мы видим, что достижения восстановительного периода совершенно недостаточны для решения этих основных, коренных задач социализма, что на основе этих достижений пролетариат СССР должен был приступить к решению гораздо более сложных, гораздо более трудных задач социалистического строительства, к созданию нового хозяйства, нового общества, к широкой и решительной социалистической реконструкции СССР.

§ 2. Реконструктивный период.

Реконструктивный период—это период создания материально-технической базы социализма, переустройства на этой основе производственных отношений во всем народном хозяйстве и, в особенности, в сельском хозяйстве и полного преодоления капиталистических элементов, еще имеющихся в нашем хозяйстве. Основным и решающим моментом во всем этом сложном процессе является построение новой материально-технической базы, этого важнейшего в руках пролетарской диктатуры рычага переустройства всех социальных отношений. Само собой разумеется, что речь идет о новой материально-технической базе для всех отраслей народного хозяйства, не только для промышленности, но и для сельского хозяйства. Но создание новой материально-технической базы для всего народного хозяйства означает в первую очередь всемерное развитие крупной социалистической промышленности — ведущего начала нашего народного хозяйства. Именно развитие и реконструкция промышленности являются основным рычагом переустройства и сельского хозяйства. Отсюда вытекает, что основным орудием социалистической реконструкции является индустриализация.

Индустриализация.

Проблема индустриализации как очередная практическая задача экономической политики была выдвинута XIV с'ездом ВКП(б) и апрельским (1926 г.) пленумом ЦК. Но как общая задача социалистического строительства эта проблема не является чем-то новым. Уже в «Коммунистическом манифесте» говорится о том, что одной из задач переходного периода является «увеличение числа государственных фабрик и орудий производства». Программа электрификации, принятая VIII и IX с'ездами советов (1920 г. и 1921 г.),

есть по существу программа индустриализации. Мы уже говорили выше, что необходимость индустриализации вытекает из самой сущности социалистического строительства. Но как практическая, злободневная задача проблема индустриализации могла встать только в конце восстановительного периода, когда дальнейшее развитие хозяйства стало невозможным без расширения промышленности и увеличения ее удельного веса в народном хозяйстве.

Конечно можно было бы добиться роста ежегодного производства и без индустриализации, этого можно было бы достигнуть и путем всемерного расширения сельского хозяйства и ввоза промышленных товаров из-за границы. Такой путь развития фактически и выдвигался в период XIV с'езда партии (взгляд тт. Сокольникова и Шанина, см. ниже), но это путь не социалистического, а капиталистического роста производительных сил, путь превращения СССР в аграрный придаток мирового капиталистического хозяйства. Когда мы говорим о дальнейшем росте производства и производительных сил, мы имеем в виду их социалистический рост. Основным средством этого роста является поэтому социалистическая индустриализация.

Политика индустриализации заключается в том, чтобы постоянно увеличивать удельный вес промышленности во всем народном хозяйстве. Это требует, чтобы промышленность развивалась быстрее сельского хозяйства, ибо промышленность должна обслуживать не только потребление масс и не только свое собственное производственное потребление, но и доставлять средства производства для развития и социалистической реконструкции сельского хозяйства, ибо индустриализация всего народного хозяйства означает также и индустриализацию сельского хозяйства. Из более быстрого роста индустрии, чем сельского хозяйства, и из увеличения ее удельного веса в народном хозяйстве вытекает другая существенная черта индустриализации, — мы имеем в виду более быстрый рост тяжелой промышленности, чем легкой, ибо без ускоренного роста производства средств производства немыслимы ни расширение производства предметов потребления, ни подведение базы крупной машинной техники под сельское хозяйство для его социалистического переустройства.

Индустриализация означает рост рабочего класса, рост и укрепление материальной и следовательно политической мощи пролетарской диктатуры. Расширяя промышленность и в первую очередь тяжелую, мы втягиваем в предприятия последовательно-социалистического типа новые кадры людей, увеличиваем численность класса-носителя пролетарской диктатуры. Индустриализация означает уничтожение одного из основных противоречий, оставшихся от восстановительного периода — противоречия между нашим социально-политическим строем и его материальной базой. «С одной стороны, мы имеем в нашей стране наиболее передовую

власть во всем мире, советскую власть, с другой стороны, мы имеем чрезвычайно отсталую технику промышленности, представляющей базу социализма и советской власти» (Сталин, Об индустриализации страны и о правом уклоне, стр. 8).

Почти все наши фабрики и заводы, которые мы имели к концу восстановительного периода, достались нам от капитализма. Устранением буржуазии мы изменили коренным образом производственные отношения в промышленности, создав госпромышленность последовательно-социалистического типа. Правда, уже в процессе восстановления хозяйства мы начали его реконструкцию (например — электростроительство, первые шаги в области технической реконструкции в ряде отраслей промышленности, особенно в добыче нефти и т. д.). С другой стороны, самое «восстановление» в разрушенной промышленности являлось в известной мере ее «воссозданием». Но в основном созданные нами новые производственные отношения, обеспечивающие движение всего народного хозяйства к социализму, существовали до сих пор на старой технической базе.

Индустриализация таким образом означает, что вместе с ростом пролетариата создается новая материальная база социализма, соответствующая задачам пролетарской диктатуры, наиболее передовой власти во всем мире.

Индустриализация означает, далее, создание средств производства для расширения сельского хозяйства, которое после окончания восстановительного периода не может дальше развиваться без расширения всего основного капитала. Но вместе с тем это уже на данном этапе нашего развития означает создание материально-технических средств для социалистического переустройства сельского хозяйства, создание материальной базы социализма в сельском хозяйстве. Создаются таким образом материальные условия для того, чтобы уже сейчас начать работу по уничтожению созданной капитализмом противоположности между городом и деревней. Введение крупной машинной техники в сельское хозяйство (тракторные станции, электрификация) означает начало конца вековой отсталости раздробленного «ремесленного» производства в сельском хозяйстве. Это означает превращение сельскохозяйственного производства в крупное машинное производство, индустриализацию самого сельского хозяйства, создающую в условиях пролетарской диктатуры и строящегося социализма новые, социалистические, производственные отношения в сельском хозяйстве.

Отсюда вытекает другой момент в значении индустриализации, а именно перевод отношений между пролетариатом и крестьянством на новые рельсы. Само собой разумеется, что рост рабочего класса и его материальной мощи, рост промышленного производства и, в связи с этим, снабжения основных масс крестьян-

ства промышленными товарами расширяют и укрепляют смычку и ведущую роль пролетариата в ней. Но не укрепление смычки вообще характерно для нового реконструктивного периода, в который мы вступили. Характерным является то, что на базе растущей индустриализации самая смычка вступила в новую фазу, мы имеем новые формы смычки. «Наряду со старыми формами смычки с основными массами крестьянства путем развития и усиления товарооборота промышленности с сельским хозяйством, развития торгово-кооперативных форм связи между городом и деревней, выдвигаются новые формы смычки, развивающиеся на базе производственной связи рабочего класса с крестьянством» (резолюция XVI конференции ВКП(б) о путях под'ема сельского хозяйства). «В настоящее время в огромной степени возросла возможность для рабочего класса его революционизирующего воздействия как на технику сельскохозяйственного производства, так и на реконструкцию экономических отношений в деревне в сторону их обобществления» (резолюция ноябрьского (1928 г.) пленума ЦК ВКП(б) о контрольных цифрах народного хозяйства на 1928/29 г.).

Пролетариат стал вести за собой крестьянство не только в области товарооборота, но и в области производства Но это значит, что индустриализация ведет через новые формы смычки и социалистическое переустройство сельского хозяйства к окончательному преодолению капиталистических элементов в деревне.

Рост индустриализации также означает начало широкого культурного преобразования нашей страны. Индустриализация является могучим фактором культурной революции. В первую очередь это относится к деревне, где новая техника должна коренным образом изменить весь культурно-бытовой уклад. Новая техника требует новых процессов и новой организации труда, требует грамотности и знаний, она несет с собой науку в массы, тем самым превращая ее (науку) в мощное орудие для построения нового общества.

И наконец индустриализация означает рост нашей независимости от мирового капитализма и рост международного революционного значения СССР. Индустриализация, имеющая своей основной предпосылкой развитие тяжелой индустрии, укрепляет нашу военную обороноспособность. Развивая производство средств производства, мы превращаемся в страну, самостоятельно строящуюся по-социалистически, и становимся все более и более важным фактором расшатывания стабилизации капитализма и роста революционного движения во всем мире, усиливающегося в наступившем «третьем периоде».

Индустриализация и реконструкция.

Таковы сущность и значение политики индустриализации. Мы видим, что индустриализация является основным сред-

ством, ключом к социалистической реконструкции народного хозяйства.

Социалистическая реконструкция представляет собой сложный процесс, включающий следующие основные моменты:

1. Реконструкция техники. Сюда относится введение в процесс производства наиболее усовершенствованных машин и орудий, обеспечивающих наиболее высокую степень производительности труда. Ключом к этому является развитие тяжелой индустрии, в особенности машиностроения, и электростроительства. При этом особое значение приобретает строительство крупных, по последним достижениям науки оборудованных и рационализированных фабрик и заводов тяжелой промышленности, в которых процесс производства достигает наивысшей ступени своего обобществления и наивысшей производительности, обеспечивающей под'ем уровня существования трудящихся масс. Следовательно индустриализация является основным средством технической реконструкции.

2. Реконструкция экономическая. Распределение производительных сил между отдельными отраслями хозяйства при капитализме происходит на основе капиталистических социальных отношений. При капитализме вообще и в России в частности потребление рабочего класса было ограничено низким уровнем заработной платы, а уровень жизни большей части крестьянства у нас был также очень низкий. Следовательно, поскольку одним из моментов равновесия хозяйства является соответствие между производством и потреблением, — мы имели при капитализме распределение производительных сил, соответствующее низкому уровню существования трудящихся масс.

А распределение производительных сил связано с распределением основного капитала между отдельными отраслями производства. Поэтому тот основной капитал, который мы получили от капитализма и который мы уже целиком используем, не может не отражать в себе в известной мере предшествующего социалистическому строительству капиталистического развития промышленности и сельского хозяйства. Кроме того анархия производства, господствовавшая при капитализме, привела к такому распределению фабрик и заводов по территории России, которое с точки зрения целесообразного и экономного использования природных богатств страны является невыгодным. Такое географическое размещение основного капитала вызывает при настоящих условиях большие непроизводительные расходы для народного хозяйства. Поэтому изменение соотношений между отдельными отраслями народного хозяйства, в первую очередь между промышленностью и сельским хозяйством и внутри промышленности между тяжелой и легкой ее отраслями, а также изменение отношений между отдельными районами страны с целью наилучшего, наиболее экономного

и целесообразного использования естественных богатств страны (районирование) являются одними из основных задач социалистической реконструкции. И эта сторона реконструкции немыслима без индустриализации.

3. Реконструкция социально-классовая — классовая переделка основных масс крестьянства путем преобразования мелкого индивидуального крестьянского хозяйства в крупное коллективное; выкорчевывание корней капитализма и окончательное его преодоление; уничтожение противоположности между городом и деревней; курс на уничтожение классов, — все эти изменения опять-таки невозможны без решительной политики индустриализации.

Мы видим таким образом, что с какой бы стороны ни подойти к задачам социалистической реконструкции, — все они упираются в индустриализацию. Индустриализация является основой основ реконструкции.

Темп индустриализации.

Генеральная линия политики ВКП(б) и пролетарской диктатуры — это социалистическая индустриализация; она практически определяет собой все экономические мероприятия в разных отраслях нашего хозяйства. Но не менее важным, в качестве определяющего момента для всей политики, является темп индустриализации, т. е. вопрос о том, медленно или быстро, а если быстро, то с какой именно быстротой мы можем и должны проводить индустриализацию. Если проводить, скажем, медленный или умеренный темп индустриализации, то распределение совокупного народного дохода между отдельными отраслями хозяйства, отношения с отдельными слоями крестьянства, отношения с мировым рынком, налоговая политика, в известной мере политика цен и т. д., — все это сложится иначе, чем в случае быстрой индустриализации. Отсюда ясно, почему вопрос о темпе индустриализации является одним из центральных вопросов нашей политики, почему именно вокруг этого вопроса разгораются такие горячие споры. Противники индустриализации почти никогда не выступают открыто против самой политики индустриализации, они направляют свои стрелы против быстрого темпа индустриализации, прекрасно понимая, что вопрос о темпе является центральным и решающим для всей политики индустриализации.

Существует ряд общих условий как международного, так и внутреннего характера, которые диктуют нам темп индустриализации определенной быстроты, условий, которые не позволяют нам замедлить этот темп. Первым в ряду этих общих условий является международная обстановка, то обстоятельство, что мы должны догнать и перегнать капитализм, без чего может создаться величайшая опасность всему процессу социалистического строительства, самому существованию проле-

тарской диктатуры. СССР является пока единственной страной диктатуры пролетариата, находящейся во враждебном капиталистическом окружении. При этом не только мы растем, но и капитализм растет в технико-экономическом отношении. «Мы имеем вокруг себя целый ряд капиталистических стран, обладающих гораздо более развитой и совершенной промышленной техникой, чем наша страна. Посмотрите на капиталистические страны, и вы увидите, что там техника не только идет, но прямо бежит вперед, перегоняя старые формы промышленной техники» (Сталин). При таких условиях мы должны развивать нашу тяжелую промышленность таким образом, чтобы не только не отставать от развития капиталистических стран, но и догнать и перегнать их, ибо только так мы сможем укрепить нашу обороноспособность и превратить СССР в один из важнейших факторов в предстоящих решающих боях мирового пролетариата и угнетенных народов колоний и полуколоний против империализма. Необходимость быстрого темпа индустриализации вытекает также из того, что социализм и капитализм ведут острую борьбу не только в пределах нашей страны, но и на международной арене: СССР должен на практике показать пролетариату всего мира, что победивший пролетариат умеет не только использовывать производственный аппарат, созданный капитализмом, но и строить новое, что социализм не только в политическом, но и в экономическом отношении имеет все преимущества перед капитализмом, что пролетарская диктатура обеспечивает наиболее быстрый рост производительных сил и под'ем благосостояния масс. Если мы этого не сумеем доказать своим строительством, мы тем самым ослабим фронт мировой революции. Но сделать это мы можем, опять-таки только проводя быстрый темп индустриализации, дающий нам возможность в кратчайший исторический срок догнать и перегнать в технико-экономическом отношении передовые капиталистические страны.

«Вопрос о том, чтобы догнать и перегнать передовые капиталистические страны в технико-экономическом отношении, — этот вопрос не представляет для нас, большевиков, чего-либо нового и неожиданного. Этот вопрос ставился у нас еще в 1917 г. в период перед Октябрьской революцией. Его ставил Ленин еще в сентябре 1917 г., накануне Октябрьской революции, в период империалистической войны, в своей брошюре «Грозящая катастрофа и как с ней бороться».

Вот что говорил Ленин на этот счет:

«Революция сделала то, что в несколько месяцев Россия по своему политическому строю догнала передовые страны. Но этого мало. Война неумолима, она ставит вопрос с беспощадной резкостью: либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их также экономически... Погибнуть или на всех парах

устремиться вперед. Так поставлен вопрос историей» (Ленин, т. XIV, ч. 2, стр. 213). Вот как круто ставил Ленин вопрос о ликвидации нашей технико-экономической отсталости.

Ленин писал все это накануне Октябрьской революции, в период до взятия власти пролетариатом, когда у большевиков не было еще ни власти, ни социализированной промышленности, ни широко разветвленной сети кооперации, охватывающей миллионы крестьянства, ни колхозов, ни совхозов. Теперь, когда мы уже имеем кое-что существенное для того, чтобы ликвидировать в корне нашу технико-экономическую отсталость, мы могли бы перефразировать слова Ленина примерно таким образом: «Мы догнали и перегнали передовые капиталистические страны в политическом отношении, построив диктатуру пролетариата. Но этого мало. Мы должны использовать диктатуру пролетариата, нашу социализированную промышленность, транспорт, кредитную систему и т. д., кооперацию, колхозы, совхозы и т. д. для того, чтобы догнать и перегнать передовые капиталистические страны также и экономически» (Сталин, там же).

В особенности острой становится необходимость догнать и перегнать передовые страны именно теперь, в так называемый «третий период» развития послевоенного капитализма, период нового революционного под'ема, обострения всех противоречий капитализма и подготовки мирового империализма к войне против СССР.

Необходимость быстрого темпа индустриализации диктуется также и внутренними условиями. Уже из всего предыдущего изложения вытекает, что основной вопрос — «кто кого?» — может быть решен в пользу социализма только в том случае, если обобществленное хозяйство и в первую очередь крупная промышленность — это ведущее начало всего хозяйства, будут развиваться быстрее частного хозяйства. Но этого мало. Это имеет одинаковую силу как для современного, реконструктивного, так и для предыдущего, восстановительного, периодов. Между тем именно в теперешнем этапе реконструкции существует ряд причин, которые ставят вопрос о темпе развития иначе, чем раньше. Если не учесть этих специфических причин, может показаться, что правы те, которые ставят вопрос следующим образом: «Государственное хозяйство и кооперация уже сейчас имеют значительный перевес в народном хозяйстве. Роль капиталистических элементов чрезвычайно ограничена, и мы ее все более ограничиваем. В руках пролетарской диктатуры имеются значительные средства для того, чтобы не позволить капиталистическим элементам достигнуть перевеса. Мы имеем возможность победоносного социалистического строительства. Социализм мы все равно построим, раньше или позже. Поэтому не так уж важно проводить индустриализацию наиболее быстрым темпом, тем более, что быстрый темп индустриализации связан со значительными трудностями, с напряжением всей хозяй-

ственной обстановки и классовых отношений. Можно поэтому замедлить темп индустриализации, ибо мы все равно имеем «все необходимое и достаточное» для построения социализма». С первого взгляда может показаться, что рассуждающие так действительно заботятся об индустриализации и победе социализма, что они только за ослабление напряженности и трудностей, связанных с быстрой индустриализацией, что они только за более плавный, совершающийся без трений, ход индустриализации. На самом же деле, об'ективно, эти рассуждения служат прикрытием идеологии противников индустриализации и направлены против последней. Ибо конкретная хозяйственно-политическая обстановка текущего этапа нашего развития ставит вопрос так: или быстрый напряженный темп индустриализации — или победа капитализма. Самое осуществление индустриализации возможно только на пути быстрого и напряженного темпа индустриализации.

В чем заключаются эти особенности текущего периода в области международной, мы только что видели. Перейдем к рассмотрению особенностей внутреннего характера, которые диктуют нам быстрый и напряженный темп индустриализации.

Темп индустриализации и товарный голод.

Уже к концу восстановительного периода стала обнаруживаться одна из основных диспропорций нашего хозяйства, известная под названием товарного голода, т. е. несоответствие между спросом на промышленные товары и их предложением. Это несоответствие является одним из наиболее резких проявлений трудностей и напряженности процесса социалистического строительства. Было бы глубоко ошибочным рассматривать явление товарного голода как признак неудачи нашей хозяйственной политики, как признак нашего движения назад или упадка производительных сил. Товарный голод обнаружился в периоде наиболее интенсивного роста как производства, так и потребления широких масс. Он имеет особые причины, коренящиеся, с одной стороны, в том, что революция, уничтожив помещичье-капиталистическую эксплоатацию, создала условия для быстрого роста потребления широких масс, а с другой стороны в том, что мы получили в наследство от капитализма отсталую по сравнению с «передовыми» капиталистическими странами технику.

Пролетарская революция уничтожила помещичье-капиталистический строй и коренным образом изменила социальные отношения в стране. Зарплата рабочего класса достигла уже в 1926/27 г. 115% довоенной и в дальнейшем растет и будет расти, следовательно потребление рабочего класса увеличивается. Крестьянство уже в 1924/25 хозяйственном году уплачивало налогов на 800 млн. золотых руб. меньше, чем в довоенные годы, и освободилось от 200 млн. руб. ежегодной арендной платы за землю. Следова-

тельно уничтожение эксплоатации крестьянства должно было привести к повышению его потребления. Кроме того наличие крупного помещичьего землевладения и кабальных арендных отношений задерживало рост крестьянского хозяйства. Национализация земли пролетарским государством и передача крестьянству помещичьих земель дали сильнейший толчок развитию крестьянского хозяйства и увеличили его потребность в сельскохозяйственных машинах и орудиях. Поэтому значительно вырос и спрос крестьянства на средства производства. Увеличилась также численность населения. Поднялся культурный уровень, и выросли культурные запросы рабочих и основных масс крестьянства.

При капитализме отношение производства и потребления принимает форму отношения между предложением и платежеспособным спросом, причем платежеспособный спрос трудовых масс стоит на много ниже их действительных потребностей. В условиях советского строя платежеспособный спрос трудовых масс все больше приближается к уровню их потребностей, а эти последние должны все время расти. Таким образом уничтожение капиталистической и полукрепостнической эксплоатации при отсталости нашей промышленности неизбежно должно было привести к несоответствию между предложением и спросом вообще. Но эта диспропорция не проявлялась в течение восстановительного периода главным образом потому, что восстановление сельского хозяйства в первое время не могло привести к быстрому увеличению товарной массы сельскохозяйственной продукции. В первую очередь крестьянство увеличило собственное потребление сельскохозяйственной продукции и накопило минимальные запасы. Лишь после удовлетворения собственных потребностей крестьянство стало выбрасывать на рынок все большую массу продуктов, в особенности к концу восстановительного периода.

Кроме того удовлетворения постепенно растущего спроса города и деревни в известной мере можно было в течение восстановительного периода достигнуть путем вовлечения в работу неиспользованных резервов основного капитала промышленности.

Диспропорция между спросом на промышленные товары и их предложением скрадывалась также непомерно высоким уровнем цен на эти товары (приведшим в 1923 г. даже к кризису сбыта промтоваров) и отсутствием устойчивых денег.

Таким образом окончание восстановительного периода обнаружило в форме товарного голода всю глубину несоответствия между нашим передовым социально-политическим строем, ставящим одной из своих основных задач неуклонное и систематическое улучшение положения рабочего класса и бедняцко-середняцких масс крестьянства, и отсталостью нашей материально-технической базы, полученной нами от капитализма и «приспособленной» капитализмом не к удовлетворению потребностей широких масс, а

к производству ради получения прибыли путем наибольшей эксплоатации масс при систематическом недопотреблении этих последних.

Можно предполагать, что вплоть до установления полного коммунистического строя, т. е. до осуществления принципа «от каждого по способностям, каждому по его потребностям», потребности масс всегда будут расти быстрее, чем возможности их удовлетворения. Но было бы смешным сделать отсюда вывод, что товарный голод неизбежен на протяжении всего переходного периода, и на этом успокоиться. Конечно будет некоторое несоответствие между ростом потребностей и ростом возможностей их удовлетворения. Но то, что мы имеем сейчас — товарный голод — это не просто некоторое несоответствие между спросом и предложением, а несоответствие довольно о с т р о е. Острое потому, что оно имеет место в условиях неизжитой н и щ е т ы, доставшейся нам от капитализма, когда сплошь и рядом остаются неудовлетворенными насущные потребности. Такое положение рабочий класс, установивший свою диктатуру, у себя терпеть не может и не должен. Вот почему мы должны поставить своей задачей в н а и к р а т ч а й ш и й исторический срок изжить это явление. Но как? Ответ может быть только один: ликвидацией нашей технико-экономической отсталости, быстрым темпом индустриализации. Совершенно ясно, что медленный или умеренный темп индустриализации еще более углубил бы несоответствие между потребностями масс и их удовлетворением, ибо потребности освобожденного от капиталистической эксплоатации рабочего класса и бедняцко-середняцкого крестьянства колоссальны, ибо, как сказано, мы имеем дело сплошь и рядом с неудовлетворенными насущными потребностями, несмотря на быстрый рост потребления масс, уже перегнавший уровень их потребления при капитализме. Ведь надо иметь в виду, что при капитализме потребление масс стояло на необычайно низком уровне. Вопрос поэтому стоит так: или быстрый темп индустриализации для ликвидации нашей технической отсталости или обострение товарного голода со всеми вытекающими отсюда социальными и политическими последствиями.

Но, — говорит правая оппозиция, — быстрый темп индустриализации, призванный ослабить и затем ликвидировать товарный голод, дает совершенно обратный результат, а именно усиливает товарный голод, поэтому надо замедлить темп индустриализации. Что вообще капитальное строительство, через которое мы осуществляем индустриализацию, и в особенности усиленное капитальное строительство, необходимое для быстрого темпа индустриализации, в известной мере и на известный промежуток времени усиливает несоответствие между платежеспособным спросом и предложением, — это утверждение само по себе, конечно, верно. Строящиеся новые фабрики пред'являют рынку большой спрос на строи-

тельные материалы всякого рода, на машины, оборудование и т. д. Вовлеченные в капитальное строительство массы рабочих пред'являют добавочный спрос на предметы потребления. Между тем новые фабрики строятся несколько лет, в течение которых они взамен пред'являемого ими спроса не дают рынку никакой новой продукции. Это новое предложение с их стороны начнется только по окончании постройки этих фабрик и заводов. К тому же при условии более быстрого капитального строительства в тяжелой индустрии, чем в легкой, значительное число вновь выстроенных фабрик будет производить не предметы массового потребления, а средства производства для производства средств производства. Иначе обстояло дело в восстановительный период, когда для расширения производства промышленность пред'являла спрос главным образом на сырье, топливо и рабочую силу и могла быстро взамен этого дать рынку готовый товар. Поэтому на начальной стадии реконструкции и индустриализации, когда вновь выстроенных работающих фабрик и заводов еще сравнительно мало, неизбежно, вследствие самого факта крупного капитального строительства, усиление несоответствия между предложением промышленных товаров и спросом на них.

Но вытекает ли из этого, что замедление темпа капитального строительства привело бы к ослаблению товарного голода? Ни в коем случае. Оно, может быть, уменьшило бы несоответствие между платежеспособным спросом и предложением на рынке, но это никоим образом не означало бы уменьшения несоответствия между потребностями масс и их удовлетворением и не содействовало бы уничтожению основной причины товарного голода, нашей технической отсталости.

Весь вопрос заключается в том, что понимать под товарным голодом в условиях советского строя. Если под этим понимать только несоответствие между платежеспособным спросом и предложением, тогда конечно при ослаблении темпа индустриализации и нового крупного капитального строительства, особенно в тяжелой индустрии, разрыв между спросом и предложением уменьшился бы, на рынке наступила бы менее напряженная обстановка, сравнительное «спокойствие», «равновесие». Но могут ли, имеют ли право партия, рабочий класс, советская власть сосредоточить свое внимание исключительно на соотношении между платежеспособным спросом и предложением? А что будет с неплатежеспособным спросом, т. е. с колоссальными неудовлетворенными потребностями широких масс, которые сейчас не могут быть оплачены? Неужели они будут удовлетворены тем, что на рынке установится равновесие между платежеспособным спросом и предложением?

Рабочий класс и его партия подходят к явлению товарного голода не с точки зрения буржуазно-капиталистического понима-

ния потребностей масс. Пусть усиленное капитальное строительство, связанное с быстрым темпом индустриализации, и вызовет на время (до того, как в работу вступит значительное число новых предприятий) некоторое усиление товарного голода в смысле отношения предложения к платежеспособному спросу, но зато мы приближаем изживание несоответствия между потребностями масс (как тех потребностей, которые сейчас выступают в виде платежеспособного спроса, так и тех, которые пока еще не могут быть оплачены) и их удовлетворением. Ведь от некоторого увеличения несоответствия между платежеспособным спросом и предложением при одновременном росте как того, так и другого, положение масс не ухудшается. Тем самым, что мы втягиваем в капитальное строительство новые слои рабочих, мы ведь улучшаем, а не ухудшаем их положение, ибо при ослаблении капитального строительства значительная часть из них оказалась бы безработными. Правда, в этом случае платежеспособный спрос уменьшился бы и более соответствовал предложению, наступило бы, может быть, рыночное «равновесие». Но ценой чего? Из всего сказанного совершенно ясно, что ценой ухудшения положения массы рабочих, как работающих, так и тех, которые пока являются безработными.

Этот пример совершенно достаточен для понимания того, как партия подходит к проблеме товарного голода и к его решению с точки зрения пролетарско-классовой, с точки зрения длительных интересов всего рабочего класса, и как, в противоположность партии, правая оппозиция скатывается к точке зрения цеховых, временных интересов отдельных групп рабочего класса, к точке зрения идеологов буржуазно-капиталистического понимания «платежеспособного» спроса и рыночного равновесия, идеологов, выражающих интересы нэпманской буржуазии и кулачества.

Но и «равновесие», созданное на рынке путем сокращения капитальных работ, было бы кратковременным и иллюзорным, ибо при сокращении капитального строительства, которое является основным условием расширения производства предметов потребления, должен был бы наступить момент еще большего обострения товарного голода.

Можно было бы конечно, замедлив темп индустриализации, форсировать взамен этого развитие сельского хозяйства, развитие экспорта и импорта и т. д. Но мы уже отчасти видели и ниже более подробно покажем, что это есть в конечном итоге путь капиталистического развития, путь ликвидации социалистического строительства и, в конечном счете, пролетарской диктатуры. Поэтому: или ослабление и ликвидация товарного голода (т. е. острого несоответствия между растущими потребностями освобожденных масс и технической отсталостью, созданной капита-

лизмом) путем быстрого темпа индустриализации, пусть ценой временного напряжения рыночной обстановки, или замедление индустриализации для достижения временного рыночного равновесия с перспективой усиления нашей зависимости от мирового капитализма, ослабления диктатуры пролетариата и ее ликвидации в конечном счете.

Диспропорция между промышленностью и сельским хозяйством и темп индустриализации.

Из данной нами характеристики товарного голода видно, что причины его кроются не в рыночной сфере, не в области товарооборота, а в области производства, в технической отсталости нашего хозяйства при наличии неудовлетворенных и растущих потребностей масс. Рассматриваемый с этой точки зрения товарный голод является выражением другой основной диспропорции, доставшейся нам также «в наследство» от капитализма, — диспропорции между промышленностью и сельским хозяйством. Эта диспропорция имеет двусторонний характер, заключающийся на данном этапе нашего развития в том, что, с одной стороны, промышленность не в состоянии удовлетворить полностью спрос основных масс крестьянства на промышленные товары, а с другой стороны — сельское хозяйство не в состоянии удовлетворить в достаточной мере спрос городского населения на предметы питания и спрос промышленности на сырье. Первая сторона рассматриваемой диспропорции выявилась к концу восстановительного периода, а вторая — на начальном этапе начавшегося реконструктивного периода.

В свое время троцкистская оппозиция утверждала, что отставание промышленности от сельского хозяйства является следствием неправильной политики партии, что своей политикой партия якобы сознательно задерживает темп развития промышленности («промышленность, не забегай вперед!»). Это утверждение троцкистов является прямой клеветой на политику партии и советской власти, в чем нетрудно убедиться на основании данных о развитии промышленности и сельского хозяйства, представленных в следующей табличке (см. стр. 147).

Мы видим, что, за исключением 1922/23 г., когда сельское хозяйство дало больший темп прироста, чем промышленность, ибо предшествующий 1921/22 г. был годом крупнейшего неурожая, за все остальные годы промышленность увеличивала свое производство значительно быстрее, чем сельское хозяйство. Еще нагляднее будет вся вздорность утверждений троцкистов, если сопоставить итоги развития за весь восстановительный период с 1920/21 г. по 1926/27 г. Продукция всего сельского хозяйства по отношению к 1920/21 г. увеличилась на 67%, а всей промышленности — на 321%. Если взять одну только фабрично-заводскую промышленность, то темп ее прироста за это же время выразится в 522%. Это значит, что за весь указанный период темп роста всей промышленности

Валовая продукция народного хозяйства СССР

(в миллиардах рублей по довоенным ценам [1])

Годы	Вся промышленность			Все сельское хозяйство		
	В млрд. руб.	В % к 1913 г.	В % к предшеств. году	В млрд. руб.	В % к 1913 г.	В % к предшеств. году
1913	8,43	100,0	—	11,61	100,0	—
1920/21 . . .	2,08	24,7	—	7,42	68,9	—
1921/22 . . .	2,54	30,1	122,1	6,31	54,4	85,0
1922/23 . . .	3,33	39,5	131,1	8,54	73,6	135,3
1923/24 . . .	4,05	48,0	121,6	9,28	79,9	108,6
1924/25 . . .	5,65	67,0	139,5	9,75	84,0	105,1
1925/26 . . .	7,58	89,9	134,2	11,76	101,3	120,6
1926/27 . . .	8,76	103,9	115,5	12,37	106,5	105,2
1927/28 . . .	10,08	119,6	115,1	12,26	105,6	99,1

был в 5 раз больше, а фабрично-заводской промышленности — в 8 раз больше темпа роста сельского хозяйства.

Казалось бы, что в свете этих данных не приходится говорить об отставании промышленности от сельского хозяйства, а что следует, наоборот, констатировать непомерное отставание сельского хозяйства от промышленности. Тем не менее мы все же имеем отставание промышленности от потребностей развивающегося сельского хозяйства. Дело в том, что, несмотря на более быстрый темп роста промышленности, общая масса сельскохозяйственной продукции за все указанные годы все же превышала общую массу промышленной продукции. Это и понятно, так как вследствие исторических условий экономического развития России сельскохозяйственное производство количественно преобладало над промышленным. В этом и выражался отсталый аграрный характер экономики России. Довоенная продукция сельского хозяйства (1913 г.) составляла 11,61 млрд. руб., а промышленности — 8,43 млрд. руб. При этом надо иметь в виду, что значительная доля промышленной продукции потреблялась городским населением и самой промышленностью. С другой стороны, подавляющая часть крестьянства значительную часть своей выручки за продаваемые сельскохозяйственные продукты отдавала в виде налогов и арендной платы за землю и соответственно уменьшала свой спрос на промышленные товары. Поскольку все же российская промышленность своим собственным производством не в состоянии

[1] Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР, т. I, изд. «Плановое хозяйство», 1929 г., стр. 15.

была удовлетворить спрос сельского хозяйства, это превышение спроса покрывалось ввозом промышленных товаров из-за границы. Все это приводило к тому, что диспропорция между промышленностью и сельским хозяйством была скрыта, или, вернее, не была диспропорцией в условиях дореволюционной России. Усиленная эксплоатация бедняцко-середняцкого крестьянства и связь с мировым рынком создавали относительное равновесие между промышленностью и сельским хозяйством, поскольку вообще возможно равновесие при капитализме. Но в других социально-политических условиях, в советских условиях, это же количественное отношение между промышленностью и сельскохозяйственной продукцией превратилось в явную диспропорцию, выразившуюся в том, что промышленность не в состоянии достаточно удовлетворить потребности сельского хозяйства. Отсюда, как мы уже показали выше, одна из причин товарного голода. В связи с этим мы также показали, почему эта диспропорция могла обнаружиться лишь к концу восстановительного периода.

Отсюда, между прочим, видна вся неправильность вышеприведенного утверждения В. Г. Громана (см. стр. 126), что «достижения довоенных отношений, в которых выражались условия хозяйственного равновесия, в огромной степени являются регулятивными нормами... и для нашего теперешнего хозяйственного процесса». Как раз наоборот, — те хозяйственные пропорции, которые поддерживали «равновесие» в условиях капитализма, являются источником нарушения равновесия в условиях советского хозяйственного строя. Взгляд Громана в данном случае выражает собой непонимание коренного различия между хозяйственным строем, переходным к социализму, и капитализмом, или, вернее, отожествление советского хозяйственного строя с капиталистическим с вытекающим из этого отожествления нашим перерождением в «нормальный» капиталистический строй.

Ясно, что эта историческая диспропорция нашего народного хозяйства может быть преодолена лишь на пути быстрого темпа индустриализации, ибо медленный темп индустриализации, медленный темп удовлетворения растущих потребностей бедняцко-середняцкого крестьянства и сельского хозяйства угрожает ослаблением смычки. Но еще более необходимость быстрого темпа индустриализации вытекает из другой стороны диспропорции между промышленностью и сельским хозяйством, а именно из того, что на современном начальном этапе реконструктивного периода мы, кроме неизжитой еще диспропорции в смысле отставания промышленности от сельского хозяйства, имеем еще чрезмерное отставание сельского хозяйства от потребностей процесса индустриализации.

То обстоятельство, что сельское хозяйство вообще растет у нас темпом более медленным, чем промышленность, вытекает из самой сущности процесса индустриализации. Поэтому в самом факте отставания т е м п а роста сельского хозяйства от промышленности нет ничего отрицательного. Только таким именно сочетанием темпов промышленности и сельского хозяйства мы сможем

решить основные задачи реконструкции, в том числе и задачу под'ема самого сельского хозяйства. Но при всем том необходимо, чтобы сельское хозяйство не росло слишком медленно, чтобы отставание темпа развития сельского хозяйства от темпа развития промышленности не было чрезмерным. Иначе создалось бы такое нарушение равновесия всего народного хозяйства, которое серьезно угрожало бы всему социалистическому строительству. «Сельское хозяйство есть база промышленности, и его рост есть рост продовольственной и сырьевой базы индустриализации. Длительный рост индустрии становится об'ективной невозможностью без соответственного роста сельского хозяйства» (резолюция ноябрьского (1928 г.) пленума ЦК ВКП(б)).

Между тем уже на первом этапе реконструктивного периода (а именно в 1928 г.) обнаружилось, что рост сельского хозяйства не соответствует росту промышленности. Мы еще ниже, в главе о сельском хозяйстве, остановимся на вопросе об особых конъюнктурных и чисто климатических неблагоприятных для сельского хозяйства условиях 1928 г. Но если этих условий и не было бы, то все же нельзя было признать темп роста сельского хозяйства достаточно соответствующим потребностям индустриализации. Всем известны переживаемые продовольственные затруднения и частичные затруднения в снабжении промышленности сырьем сельскохозяйственного происхождения

Эти затруднения ни в коей мере не свидетельствуют об упадке или «деградации» сельского хозяйства, как пыталась представить дело правая оппозиция. Наоборот, мы имеем неуклонный рост сельского хозяйства, за исключением тех случаев, когда оно подвергалось влиянию стихийных бедствий, как это было в 1928 г.[1]. Но рост этот происходит на базе крайне отсталой техники. Пока сельское хозяйство проделывало свой восстановительный процесс, оно росло сравнительно быстро, так как этот процесс совершался главным образом на основе освоения бывших помещичьих, казенных и кулацких земель. С другой стороны, в течение восстановительного периода основные массы городского населения и промышленность не пред'являли повышенного спроса на сельскохозяйственные продукты. Иначе обстоит дело теперь, когда зарплата перешагнула за довоенный уровень и когда пущено в ход несколько десятков вновь выстроенных советской властью предприятий. Все это ведет — и с дальнейшим развитием индустриализации должно еще больше вести — к повышенному спросу на сельскохозяйственные продукты. Вот перед лицом этого повышающегося спроса промышленности и городской потребительской массы с неизбежностью должна была обнаружиться недостаточ-

[1] Ниже, в главе о сельском хозяйстве, мы подробно остановимся на разборе так называемой теории «деградации».

ность нашей сельскохозяйственной базы в том виде, в каком она сложилась к концу восстановительного периода, ибо дальнейший рост сельского хозяйства за пределы довоенного уровня упирается в необычайную технико-экономическую отсталость сельского хозяйства.

В экономическом отношении сельское хозяйство восстановилось как мелкое и мельчайшее сельское хозяйство. Крупные, высокотоварные помещичьи хозяйства уничтожены революцией, сильнейшим образом революцией были урезаны и кулацкие хозяйства. Колхозы и совхозы к концу восстановительного периода играли чрезвычайно незначительную роль во всем сельском хозяйстве. Число крестьянских хозяйств (дворов) увеличилось за время революции с 16 млн. до 25 млн. Это означает измельчание крестьянского хозяйства, в результате чего мы имеем падение товарности сельского хозяйства в сравнении с довоенной. Если до войны сельское хозяйство отдавало внедеревенскому рынку 36% всей своей валовой продукции и 26% продукции хлеба, то в 1926/27 г., т. е. в последний год восстановительного периода, вследствие дробления крестьянского хозяйства и повышенного в сравнении с дореволюционным потребления основных крестьянских масс, товарность сельскохозяйственной продукции составляла 16,6%, а хлеба — 13,3%. В условиях индустриализации и вытекающего из них повышенного спроса на сельскохозяйственные продукты это означает чрезмерное отставание сельского хозяйства от промышленности.

Освоив в основном завоеванную революцией землю, крестьянское хозяйство — это море 25 млн. мелких и мельчайших хозяйств — осталось в общем и целом при старой отсталой технике. А перестроить свою технику в соответствии со своими собственными потребностями и в особенности в соответствии с развивающимися потребностями промышленности и городского потребления крестьянское хозяйство не может без помощи индустрии (в первую очередь — тяжелой) и поскольку оно остается мелким индивидуальным хозяйством. Подвести под сельское хозяйство базу новой техники значит подвести под него базу крупной техники, а крупная техника не вмещается, не укладывается в рамки мелкого хозяйства. Отсюда — задача технической реконструкции сельского хозяйства в неразрывной, органической связи с его социально-экономической, социалистической реконструкцией. Без решения этой задачи не может быть преодолена вековая отсталость сельского хозяйства, превратившаяся на современном этапе нашего развития в его чрезмерную отсталость. А «чрезмерное отставание его развития, — указывает ноябрьский (1928 г.) пленум ЦК ВКП(б), — особенно отставание зернового хозяйства, грозит срывом делу социалистической индустриализации страны... Опасность дальнейшего расхождения между развитием промышленности и

развитием сельскохозяйственной базы есть главная опасность текущего момента».

Эта опасность может быть устранена только быстрым темпом индустриализации, ибо ликвидировать технико-экономическую отсталость сельского хозяйства можно, лишь у с и л е н н о снабжая его крупными средствами производства. Медленный или умеренный темп индустриализации означал бы медленное, а не быстрое, как это думают правые, развитие сельского хозяйства. Или же пришлось бы «быстро» развивать сельское хозяйство на пути его капиталистического развития и усиления нашей зависимости от мирового империализма. Но и медленный темп индустриализации был бы поставлен под величайший знак вопроса из-за технической отсталости сельского хозяйства. Взять хотя бы неустойчивость урожаев, совершенно неустойчивый рост продукции сельского хозяйства (см. выше таблицу валовой продукции), коренящиеся именно в его технико-экономической отсталости. Разве эти неожиданные и значительные колебания не наносили бы удар за ударом индустриализации? Разве медленно развивающаяся промышленность была бы в состоянии справиться с этими ударами? Разве это не приводило бы каждый раз к потрясениям всего социалистического сектора народного хозяйства и к укреплению капиталистических элементов?

Вот почему и с точки зрения ликвидации основной диспропорции между промышленностью и сельским хозяйством (в ее двустороннем выражении) вопрос стоит не о быстрой или медленной индустриализации, а о быстром темпе индустриализации как основном условии самого осуществления индустриализации.

Темп индустриализации и обострение классовой борьбы.

Третьим фактором внутреннего характера, диктующим именно на современном этапе нашего развития необходимость быстрой индустриализации, является обострение классовой борьбы в стране. Мы уже в предыдущей главе говорили о том, что социалистическое хозяйственное строительство вовсе не есть «мирное» строительство, что классовая борьба в переходный период, поскольку еще существуют классы и до тех пор, пока они не отомрут, не уничтожается. Но процесс отмирания классов и классовой борьбы не исключает, а наоборот предполагает обострение классовой борьбы на определенных этапах переходного периода. Классы могут быть уничтожены только в процессе классовой борьбы.

В период Октябрьской революции и гражданской войны мы уничтожили господство буржуазии и помещиков посредством самой острой формы классовой борьбы — вооруженного восстания и гражданской войны. Но экономическая база капитализма в виде мелкого товарного производства еще осталась. Нэп дал возможность развития на основе этого остатков разбитой буржуазии как в городе, так и в деревне, и нарождения новой «нэпманской» бур-

жуазии. В течение восстановительного периода мы имели абсолютный рост капиталистических элементов как в торговле, так и в промышленности и сельском хозяйстве. Правда, этот абсолютный рост сопровождался относительным падением удельного веса капиталистических элементов в народном хозяйстве. но в первые годы нэпа это относительное падение было сравнительно медленным. Все это вместе взятое создавало у капиталистических слоев иллюзии насчет возможностей их дальнейшего развития и не вызывало с их стороны особенно усиленного сопротивления мероприятиям советской власти.

Но к концу восстановительного периода и в особенности на первой стадии реконструкции стало ясно, что частному капиталу в торговле нанесен р е ш а ю щ и й удар и что здесь перед ним уже нет никаких перспектив дальнейшего сколько-нибудь значительного развития, а что, наоборот, приближается час его п о л н о г о вытеснения. Пролетарская диктатура в основном блестяще справилась также с задачей восстановления промышленности и приступает решительно к индустриализации, стали появляться уже вновь выстроенные нами крупные предприятия, и для буржуазии стала все более четко вырисовываться реальная перспектива, что в сфере промышленного производства ее ожидает та же участь, что и в сфере товарооборота. В сельском хозяйстве пролетариат, опираясь на бедноту и все более укрепляя союз с середняком, практически приступил к уничтожению самой основы капитализма, к выкорчевыванию его корней, — не только к ограничению эксплоататорских стремлений кулака, как это было в восстановительном периоде, но и к уничтожению самых условий, делающих возможной эксплоатацию, т. е. к ликвидации технико-экономической отсталости крестьянского хозяйства путем его социалистического переустройства. Наконец благодаря первым крупным успехам в этой области не только беднота, но и среднее крестьянство широкой волной потянулось к коллективным формам хозяйства. Начинает осуществляться прогноз (научное предсказание) Ленина: «Если бы мы могли дать завтра сто тысяч первоклассных тракторов, снабдить их бензином, снабдить их машинистами (вы прекрасно знаете, что пока это — фантазия), то средний крестьянин сказал бы: «я за коммунию» (т. е. за коммунизм)» (т. XVI, стр. 153). В. И. Ленин говорил это в 1919 г., но теперь эта фантазия уже начинает претворяться в действительность, мы имели в 1929 г. уже 36 тыс. тракторов, а в 1930 г. будем иметь на полях более 60 тыс. тракторов. Крестьянин-середняк уже сейчас п р а к т и ч е с к и видит преимущества крупного коллективного хозяйства не только перед мелким середняцким, но и перед кулацким и зажиточным хозяйством. Середняк уже и в области производства начинает тянуться к нам.

Мы видим таким образом, что уже на первых шагах реконструктивного периода создается р е а л ь н о о щ у т и м а я угроза

для дальнейшего роста капиталистических элементов и так же реально ощутимая перспектива их полного преодоления. Перед лицом таких перспектив буржуазно-капиталистические элементы во всех их разновидностях не могут оставаться благодушными, они неизбежно должны стать более активными в своем сопротивлении социалистическому наступлению, ибо без боя в классовой борьбе не сдаются. «Диктатура пролетариата, — писал Ленин в «Детской болезни «левизны» в коммунизме», — есть самая свирепая, самая острая, самая беспощадная война нового класса против более могущественного врага, против буржуазии, сопротивление которой удесятерено ее свержением (хотя бы в одной стране) и могущество которой состоит не только в силе международного капитала, в силе и прочности международных связей буржуазии, но и в силе привычки, в силе мелкого производства». Теперь, когда пролетариат практически приступает к тому, чтобы сокрушить это могущество капитализма, сопротивление буржуазии не может не удесятериться. Мы поэтому можем осуществить реконструкцию только в процессе классовой борьбы.

Может показаться, что партия переоценивает опасность, создающуюся в результате обострения классовой борьбы для социалистического строительства. Может показаться, что при наличии больших успехов, достигнутых обобществленным хозяйством, обострение классовой борьбы не представляет серьезной опасности и что поэтому не следует противопоставлять возросшей активности кулака еще более решительную работу по коллективизации сельского хозяйства, требующую быстрого темпа индустриализации. Но такой взгляд в корне ошибочен.

Мы делаем только первые шаги в деле социалистической реконструкции сельского хозяйства, и поэтому каждая наша значительная неудача в этой области еще может быть использована классовым врагом для срыва этой работы. С другой стороны, с окончанием восстановительного периода в сельском хозяйстве мы подвели крестьянство к грани, за которой дальнейшее развитие сельского хозяйства может происходить только при наличии производственной помощи со стороны пролетариата. Более того — первыми шагами реконструкции сельского хозяйства партия и советская власть подняли на ноги и всколыхнули огромные массы бедняцко-середняцкого крестьянства, показав им путь развития к социализму. Этим самым партия и советская власть взяли на себя определенное обязательство перед этими массами вывести их из нищеты и отсталости на пути социалистического переустройства. Поэтому, если выполнять это обязательство недостаточно быстрым темпом, требуемым развитием сельского хозяйства, то волна массового под'ема должна упасть; в связи с этим неизбежно ослабление доверия основных крестьянских масс к руководству пролетариата, что при известных условиях может опять-

таки привести к усилению экономических и политических позиций кулачества и к срыву всего дела реконструкции.

«Если до последнего времени крестьянство шло за пролетариатом прежде всего из доверия к результатам его революционной работы (уничтожение класса помещиков и передача крестьянам помещичьей земли), то на нынешней стадии развития это доверие может быть сохранено и укреплено лишь при условии систематической производственной помощи советской власти бедняцкому и середняцкому крестьянству в деле повышения производительности земледельческого труда» (резолюция XVI конференции ВКП(б) о путях под'ема сельского хозяйства). Поэтому не только вообще, но в особенности для данного периода имеет особо важное значение положение, выдвинутое ноябрьским (1928 г.) пленумом ЦК ВКП(б) в резолюции о контрольных цифрах: «Опасность усиления расхождения между развитием промышленности и развитием сельскохозяйственной базы требует сугубого к себе внимания и потому, что, рассматриваемая с точки зрения соотношения классов, она означает угрозу смычке между рабочим классом и основными массами крестьянства».

Из всего сказанного вытекает, что и с точки зрения обострения классовой борьбы на данном этапе развития нам не дано выбора между быстрым или медленным темпом индустриализации, — конкретные условия классовой борьбы текущей полосы развития с повелительной необходимостью диктуют нам быстрый темп индустриализации.

Быстрый темп индустриализации как центральный пункт политики реконструкции.

Таким образом вся сумма международных и внутренних условий текущего этапа социалистического строительства делает быстрый темп индустриализации центральным пунктом политики партии и советской власти. Но чем измеряется необходимая быстрота этого темпа? Как мы можем определить, какой именно быстрый темп нам нужен? Существует только один определитель быстрого темпа индустриализации — это напряженность его. Мы должны напрягать все силы, делать все возможное, используя все колоссальные возможности советского строя, разбудить и всколыхнуть всю энергию рабочего класса и основных масс крестьянства для осуществления быстрого темпа индустриализации, ибо вне этого невозможно преодоление трудностей, встающих на нашем пути, а без преодоления этих трудностей социалистическое строительство может очутиться перед крупнейшими неудачами. Директива партии о быстром темпе индустриализации легла в основу всей политики и всех практических мероприятий органов советской власти. Она закреплена и в постановлении V с'езда советов СССР по политотчету правительства:

«Отмечая серьезные успехи хозяйственного и культурного строительства Союза ССР, с'езд считает, что дальнейшее продви-

жение вперед по пути к социализму требует преодоления огромных трудностей, стоящих на пути социалистического роста, вызываемых капиталистическим окружением и вытекающей отсюда необходимостью напряженного темпа строительства, технической и культурной отсталостью нашей страны, раздробленностью и крайней отсталостью мелких и мельчайших крестьянских хозяйств и чрезмерным отставанием их развития, а также возросшим противодействием социалистическому строительству со стороны кулацко-нэпманских элементов, со стороны классового врага, смыкающегося с бюрократическими элементами государственного аппарата.

С'езд советов Союза ССР считает, что все эти трудности могут быть преодолены только на основе быстрого темпа индустриализации страны, величайшей активизации пролетарских и полупролетарских масс, при условии пролетарского руководства крестьянством, сплочения и организации всей бедняцко-середняцкой массы деревни для борьбы против кулачества.

С'езд вменяет в обязанность правительству Союза ССР неуклонно продолжать политику быстрого темпа индустриализации страны, под'ема сельского хозяйства и его социалистической реконструкции, преодолевая все и всякие трудности на этом пути. С'езд считает, что только такая политика, проводимая со всем напряжением сил и средств Советской страны, может обеспечить поставленную советской властью задачу — в кратчайший исторический срок догнать и перегнать в технико-экономическом отношении капиталистические страны».

§ 3. Пятилетний план как программа социалистической реконструкции на основе быстрого темпа индустриализации.

На разрешении изложенных задач социалистической реконструкции на основе быстрого темпа индустриализации сосредоточено все внимание рабочего класса и всех его организаций (партии, государства, профсоюзов). В дело разрешения этих задач втягивается также все большая масса основных слоев крестьянства. Но для успешного решения этих задач необходим строго рассчитанный план действий. Мы уже в предыдущей главе говорили о том, что социалистическое строительство вообще является плановым строительством; естественно, что плановый характер социалистического строительства должен играть все более растущую роль по мере укрепления социалистических начал в народном хозяйстве. Роль плана должна быть особенно велика, когда социалистическое строительство подошло к практическому решению коренных сложнейших задач социалистического преобразования общества. Тут одних резолюций и общих директив недостаточно. Здесь нужна мобилизация революционной энергии масс. Для решения

сложных задач реконструкции при напряжении всех сил и средств необходимы точные задания для отдельных отрядов многомиллионной армии строителей социализма, необходима максимальная согласованность усилий на отдельных участках строительства, необходимо каждому боевому участку дать твердое задание, подлежащее выполнению.

Пятилетний план социалистического строительства и представляет собой нашу генеральную линию в области социалистической реконструкции, переведенную так сказать на язык твердых оперативных заданий отдельным наркоматам, отраслям народного хозяйства, районам СССР. На основе этого общего плана получают свои оперативные задания отдельные отрасли, тресты, предприятия, и таким путем создается организованное участие в деле социалистической реконструкции широчайших масс рабочего класса.

Усилия рабочего класса и широких масс крестьянства, внимание всей страны, внимание мирового пролетариата, внимание наших врагов сосредоточены не вообще на нашей реконструктивной работе, а на том, как мы в ближайшее время справимся со стоящими конкретными задачами реконструкции. Наше изложение очередных задач социалистического строительства на начальном этапе реконструкции и самое понимание этих задач были бы недостаточными, если бы мы не ознакомились с основным содержанием пятилетнего плана как плана социалистической реконструкции на ближайший период времени. Без изучения основных установок пятилетки мы не сможем также заняться рассмотрением задач социалистического строительства в отдельных отраслях народного хозяйства.

Но прежде чем перейти к изучению пятилетки в целом, необходимо вкратце ознакомиться с основными методическими вопросами составления пятилетнего плана, ибо вопросы о самом способе составления плана, о сроке плана (один, два или пять лет), о том, чем должен быть план — предвидением, директивой, заданием — все эти вопросы в значительной мере предопределяют самое содержание плана. И не случайно вокруг этих вопросов, связанных с самим составлением плана, разгорелись горячие споры. Борьба за составление пятилетнего плана была одной из стадий борьбы за социалистическую реконструкцию на основе быстрого темпа индустриализации.

Планирование в восстановительном и в реконструктивном периоде.

В связи с переходом от восстановительного периода к реконструктивному не могли не измениться как самые задачи, так и методы планирования. Можно сказать, что пятилетка — детище реконструктивного периода. Пятилетка не была составлена для восстановительного периода не только потому, что дело планирования вообще находилось тогда на первых

этапах развития, что было мало опыта в составлении планов, что был менее налаженный статистический аппарат и т. д. Отсутствие пятилетки для восстановительного периода об'ясняется в основном тем, что тогда, как мы уже знаем, продукция промышленности росла главным образом при помощи увеличения нагрузки имевшегося основного капитала. Пути и размеры восстановления были в значительной мере даны имевшимся неиспользованным основным капиталом в промышленности и неосвоенной еще землей в сельском хозяйстве.

Кроме того в восстановительном периоде, особенно в его начале, обобществленный сектор, — эта наиболее организованная, наиболее поддающаяся планированию часть народного хозяйства, планирование которой является решающим фактором планирования всего народного хозяйства, — обобществленный сектор играл гораздо меньшую роль, чем в реконструктивном периоде. И наоборот гораздо большее значение, чем теперь, имели стихийные рыночные процессы, ибо у нас еще не было развитой кредитной системы, при помощи которой мы сейчас регулируем сельское хозяйство, крестьянское хозяйство не было еще достаточно охвачено кооперативной организацией, не было еще такого мощного средства организационного воздействия на мелкое распыленное крестьянское хозяйство, как контрактация, в области товарного обращения значительную роль играла еще частная торговля. Наконец твердая валюта, без которой вообще невозможно планирование в условиях рыночной связи, была создана только на четвертом году новой экономической политики. В таких условиях речь могла итти только о борьбе за план.

Первый общехозяйственный план был составлен для 1925/26 г. в виде контрольных (ориентировочных) цифр народного хозяйства. Дальше пределов одного года наметки плана не простирались вплоть до 1928/29 г., когда впервые контрольные цифры были составлены как годовой отрезок пятилетнего плана. Больше чем на один хозяйственный год контрольные цифры и не могли составляться в описанных только что условиях, когда в промышленном производстве преобладающую роль играла легкая промышленность и когда поэтому проблема сбыта на широкий потребительский рынок была первостепенным вопросом для промышленности.

Коренным образом изменились условия и задачи планирования в связи с окончанием восстановительного периода. Сила и влияние организованного, обобществленного сектора значительно выросли, укрепились, и развилась вся система командных высот, мощно развилась кооперация во всех ее видах и разветвлениях, товарооборот в целом в основном обобществлен, дезорганизующее влияние частного торгового капитала сведено к минимуму, и наконец плановые органы укрепились, проделав предварительную

работу по учету и изучению отдельных отраслей народного хозяйства в их взаимозависимости (а таковое изучение является предварительным условием правильного планирования).

Составление плана зависит не столько от суб'ективных качеств плановых работников. Какие бы превосходные работники ни сидели в плановых органах, они не смогут создать плана, если нет в наличии необходимых материально-экономических и организационных предпосылок планирования. В том и заключается ошибка троцкистской оппозиции в 1923 г. по вопросу о плане, что она рассматривала план главным образом как администрирование, что она не учитывала необходимости создания соответствующих экономических предпосылок, что она свела кризис сбыта 1923 г. к плановым ошибкам и считала усиление планового начала панацеей против всех бед, не учитывая такого «маленького» обстоятельства, что в 1923 г. у нас еще не было такого элементарного орудия планирования как твердый счет, твердая валюта.

К началу реконструктивного периода были созданы не только предварительные предпосылки, абсолютно необходимые для длительного и прочного планирования; переход к реконструкции превратил длительное планирование (больше чем год) в повелительную необходимость, в условие, без которого невозможно самое социалистическое строительство, вступившее в стадию социалистической реконструкции. В реконструктивном периоде мы занялись в широком масштабе крупным капитальным строительством. А постройка крупного предприятия продолжается не один год, а несколько лет. Поскольку в восстановительный период вновь строящиеся крупные предприятия насчитывались единицами, это не могло иметь существенного значения для всей экономики. Но когда мы перешли к строительству в широком масштабе, то это строительство пред'явило обширные требования ко всем областям народного хозяйства, и задача создания пятилетнего плана всего народнохозяйственного развития стала практической необходимостью.

Раз'ясним это на примере Днепростроя — этого самого крупного строительства в СССР. Окончание Днепростроя требует четырех лет, и мы поэтому должны иметь четырехлетний план этого об'екта строительства. Но одного этого еще мало. Мы должны еще иметь план снабжения Днепростроя строительными материалами — железом, сталью, медью, цементом, машинами для строительных работ, рабочей силой разной квалификации, продовольствием для занятых в этом строительстве рабочих, мы должны иметь план постройки жилищ для этих рабочих, план транспортного обслуживания Днепростроя, план финансирования и т. д. Отсюда вытекает необходимость составления планов на соответственные сроки для тех отраслей народного хозяйства, которые обслуживают

Днепрострой. Теперь представим себе, что у нас имеется не один такой крупный об'ект строительства, как Днепрострой, а целые десятки их. Ясно, что чем больше удельный вес капитального строительства во всем народном хозяйстве, тем меньше мы можем обойтись без длительного плана, охватывающего все отрасли народного хозяйства.

Вернемся опять к примеру Днепростроя. По мере того как работы приближаются к концу, необходимо иметь уже план использования этого гигантского предприятия, необходимо следовательно приступить к составлению и осуществлению плана сооружения тех предприятий, для обслуживания которых и строится Днепровская гидроэлектрическая станция, — плана строительства металлургических и химических заводов, плана развития сельского хозяйства и транспорта в районе действия новой станции и т. д. А это опять-таки рождает новые плановые задания для всей цепи народнохозяйственного целого.

Мы видим, что крупное строительство, при помощи которого осуществляется социалистическая реконструкция, невозможно без плана, рассчитанного на целый ряд лет, что социалистическая реконструкция без пятилетки немыслима, невозможна. Чем крупнее об'екты строительства, чем шире его размах, чем быстрее темп реконструкции, тем более жизненно необходим план на ряд лет.

Первый длительный план реконструктивных работ составлен именно на пять лет потому, что «пятилетний срок является таким сроком, в течение которого новое строительство может быть не только запроектировано, не только осуществлено, но и включено как новая производственная единица в систему нашей хозяйственной работы» (Вайсберг, Проблемы пятилетнего перспективного плана, 1928 г., стр. 33).

В настоящих условиях план является одним из существеннейших условий победы социализма над капитализмом, исхода последнего и решительного боя между пролетариатом и буржуазией.

Вот почему самое составление пятилетнего плана вызвало немало принципиальных споров о самой сущности плана и планирования.

Чем должен быть план — предвидением или директивой.

Основным вопросом при этом был вопрос о том, чем должен быть план — предвидением или директивой. Проф. Кондратьев, возглавлявший группу специалистов, работавших в советских центральных учреждениях, являющихся глашатаями буржуазной идеологии и ставящих ставку на капиталистическое перерождение СССР, выдвинул в целом ряде статей ту точку зрения, что план должен главным образом предвидеть (дать прогноз) те хозяйственные процессы, которые происходят об'ективно, помимо нашей воли и наших активных усилий. Лишь уловив эти процессы и установив перспективу

их развития, можно составить план воздействия на эти процессы. Только такой план может быть реальным планом[1].

Такая постановка вопроса на деле является не чем иным, как замаскированным предложением отказаться от составления пятилетнего плана и следовательно от социалистического строительства. Этот взгляд выражает чаяния и стремления всех враждебных социализму и рабочему классу слоев.

В самом деле, какие это процессы, которые протекают помимо нашей воли и наших сознательных усилий? Это стихийные процессы мелкого товарного хозяйства, процессы капиталистического сектора нашего хозяйства. Но можно ли их предвидеть на ряд лет вперед? Нельзя, ибо на то они стихийные процессы, протекающие вне плана и без плана. Если послушаться Кондратьева и составить план на основе такого «предвидения», пришлось бы совершенно отказаться от плана.

Но главное заключается в том, что эти стихийные процессы в условиях советской экономики, в особенности с переходом к реконструкции (а выступления Кондратьева и его единомышленников относятся к 1927 г.), уже начинают утрачивать свою стихийность. Развитие крестьянского хозяйства зависит от тех мероприятий, которые проводит советская власть, от плана посевных кампаний, кредита, машиноснабжения, политики цен, контрактации, налоговой политики, снабжения промтоварами и т. д. Мы можем предвидеть развитие сельского хозяйства, но как развитие в результате наших усилий, наших плановых мероприятий. Но Кондратьев имеет в виду отнюдь не такое «предвидение», говоря: «Мы должны располагать не только знанием настоящего, но и известным предвидением будущего, так как только при наличии некоторого предвидения мы можем говорить о вероятных тенденциях развития хозяйства, о вероятных возможностях нашего воздействия на него и о вероятных результатах такого воздействия» («Плановое хозяйство» № 4 за 1927 г., стр. 3. — Выделено нами).

Для того чтобы заняться таким предвидением по рецепту Кондратьева, необходимо прежде всего отказаться от воздействия на стихийные процессы, ибо заниматься предвидением хозяйственных процессов, отвлекаясь от всей совокупности плановых мероприятий как одного из важнейших факторов, определяющих ход этих процессов, чистая бессмыслица. Какой смысл может иметь например «предвидение» роста зерновой продукции сельского хозяйства, если мы отвлечемся от такого «пустяка», как строительство крупных совхозов и колхозов, машинотракторных станций, тракторных заводов и т. д.? Это может иметь «смысл» только в том

---

[1] См. подробное изложение и критику этой теории в книге А. Леонтьева, Социалистическое строительство и его критики, гл. III.

случае, если отказаться от всех этих мероприятий, если отказаться от социалистической индустриализации и взять курс на капитализм, — что и составляет суть социальной программы «кондратьевщины». Но тогда, — замечает т. Струмилин в своих «Очерках советской экономики», — не могло бы быть и речи о планах. Нет смысла строить план организации затмения солнца или капиталистического кризиса, ибо они и без всякого плана в свое время наступят... Вот почему, в отличие от Н. Д. Кондратьева и некоторых других наших критиков, мы считаем центральным фокусом всякого плана не предвидение, а задания и предуказания».

Это конечно не значит, что мы можем строить произвольные планы, ни с чем не считаясь. Мы не можем например проектировать произвольных темпов развития, мы должны учитывать об'ективные условия, но в составе этих об'ективных условий немаловажную, все более растущую роль играют те ресурсы, материальные и людские, которыми обладает суб'ект планирования, — организованный в государство рабочий класс.

«Чем меньше удельный вес мелкого хозяйства, чем значительнее доля обобществленного труда, чем могущественнее концентрированные и социализированные массы средств производства, тем меньше об'ем рыночных отношений [1], тем больше значение плана в сравнении со стихией, тем значительнее и универсальнее методы непосредственного планового руководства и в области производства и в области распределения» (программа КИ).

План и кон'юнктурные затруднения.

Другим существенным вопросом, касающимся характера плана, является вопрос об отношении плана к кон'юнктурным затруднениям. В период XV с'езда партии троцкистская оппозиция выдвинула против директив с'езда по составлению пятилетнего плана то возражение, что нельзя составлять пятилетнего плана, не учитывая характера текущих хозяйственных условий (кон'юнктуры), нельзя отрывать план от текущей кон'юнктуры.

По существу в эту же сторону клонит и правая оппозиция, когда она выдвигает свои предложения о способах ликвидации товарного голода (см. стр. 143—145), когда она, как мы в дальнейшем покажем, предлагает равняться на «узкие места» в народном хозяйстве, когда она устами т. Фрумкина выдвигает положение, что «в Советском союзе кризисные явления могут вырастать на почве удовлетворения потребностей без должного учета наших возможностей». Ставить так вопрос — значит не понимать характера и причин текущих кон'юнктурных затруднений, причин неожиданных колебаний кон'юнктуры, задач пятилетнего плана. Об'ективно же это означает отказ от быстрого темпа индустриализации и вме-

[1] Имеется в виду часть товарооборота, протекающая в порядке «вольных» рыночных отношений, неохваченная кооперацией и государством.

сте с этим от самой индустриализации и социалистической реконструкции. Ведь неожиданные колебания кон'юнктуры коренятся в технико-экономической отсталости нашего хозяйства, в том, что еще чрезвычайно большую роль в нашем хозяйстве играет мелкое, распыленное и необычайно отсталое крестьянское хозяйство. Для того чтобы в корне преодолеть самую возможность неожиданных кон'юнктурных колебаний и текущие хозяйственные затруднения, надо не стремиться устанавливать равновесие на основе нашей теперешней отсталой техники. Такой подход привел бы только к увековечению нашей отсталости и к превращению кон'юнктурных колебаний и затруднений в перманентное явление.

Необходимо наоборот в корне преодолеть нашу технико-экономическую отсталость решительным курсом на быстрый темп индустриализации, подводящей под сельское хозяйство базу крупной техники и превращающей его в крупное обобществленное хозяйство, не подверженное колебаниям природных условий и рыночной стихии.

Можно конечно преодолеть отсталость сельского хозяйства другим путем, без плана социалистической индустриализации. Но это был бы путь капиталистического роста сельского хозяйства, для которого пятилетний план действительно не нужен. Не случайно уже перед самым окончанием работ по составлению пятилетки со стороны правой оппозиции раздавались голоса, что вместо пятилетки нужно составить двухлетку. Отказ от пятилетки был бы отказом от крупного капитального строительства, от строительства крупных колхозов и совхозов (ибо для этого тоже нужен план, рассчитанный на р я д л е т), ставкой на «развитие» мелкого индивидуального хозяйства, на «поднятие» бедняка и середняка до уровня «зажиточного», ставкой на капиталистическое развитие сельского хозяйства, что и находится в полной согласованности с потребностями мирного «врастания кулака в социализм».

Нетрудно видеть, что такая постановка вопроса о взаимоотношении между планом и кон'юнктурой является только другим перепевом той же кондратьевской песни о плане как о предвидении. Это еще раз полностью подтверждает всю правильность характеристики, данной XVI партконференцией правым, как отходящим в сторону «приспособления политики партии к буржуазной идеологии».

Понимание правыми равновесия в советском хозяйстве.

В теснейшей связи с вопросом о соотношении плана и кон'юнктурных затруднений стоит вопрос о понимании правыми равновесия в советском хозяйстве.

Тов. Бухарин в «Заметках экономиста» писал: «Крупные ошибки хозяйственного руководства, вызывая нарушение основных хозяйственных пропорций в стране, могут тем самым вызывать к жизни и крайне неблагоприятные для пролетариата перегруппировки

классов. Нарушение необходимых экономических соотношений имеет своей другой стороной нарушения политического равновесия в стране». Чрезвычайную отсталость зернового хозяйства т. Бухарин рассматривает как «грубейшее нарушение основных пропорций», как просчет в планировании, которого можно было бы избежать при правильном хозяйственном руководстве. Как известно, крупнейшей ошибкой хозяйственного руководства т. Бухарин в тех же «заметках» считает быстрый («перенапряженный») темп индустриализации.

Действительно ли быстрый темп индустриализации нарушает «основные хозяйственные пропорции в стране»? Конечно нарушает. Но что это за пропорции — такие ли, которые должны быть сохранены, или же такие, сохранение которых противоречит основным задачам социалистического строительства?

Несмотря на ряд крупных изменений, которые революция произвела в соотношении отдельных отраслей хозяйства, существовавшее к началу реконструктивного периода распределение производительных сил между отраслями производства носит на себе печать дореволюционного капиталистического развития хозяйства. Отношения между тяжелой и легкой промышленностью — это не «основные пропорции», а основные диспропорции, которые должны быть во что бы то ни стало устранены.

С какой точки зрения чрезмерная отсталость зернового хозяйства может быть рассматриваема как «грубейшее нарушение основных пропорций»? Мы уже видели в начале этой главы, что чрезмерная отсталость сельского в особенности зернового хозяйства коренится в технико-экономической отсталости крестьянского хозяйства, являющейся результатом дореволюционного его развития. Основным средством преодоления этой отсталости является быстрая социалистическая реконструкция сельского хозяйства, которая невозможна без быстрого темпа индустриализации. Ослабить темп индустриализации для того, чтобы не нарушать «основных пропорций», — значит на деле отказаться от преодоления диспропорции, от преодоления отсталости сельского хозяйства, это значит увековечить технико-экономическую отсталость сельского хозяйства и сохранить почву, питающую капитализм.

Так же обстоит вопрос с нарушением «основных пропорций» между тяжелой и легкой промышленностью.

Не нарушение «основных пропорций» вызывает к жизни «крайне неблагоприятные для пролетариата перегруппировки классов», а сохранение этих «пропорций». Сохранение «основных пропорций» означало бы отказ от наступления на кулака, отказ от социалистического строительства и капитуляцию перед капитализмом.

Принцип равновесия, который т. Бухарин хочет положить в основу планирования, полностью увязывается с оценкой правыми

природы крестьянского хозяйства, со всей теорией «врастания» кулака в социализм. Этот принцип имеет, как мы видим, определенный об'ективный классовый смысл и ничем по существу не отличается от разобранной нами теории Громана.

Партия составила и проводит план преодоления нашей технической отсталости, преодоления диспропорций и устранения всякой возможности непредвиденных кон'юнктурных колебаний путем решительной и быстрой социалистической индустриализации и реконструкции.

Переходя к обзору содержания пятилетнего плана, мы в настоящей главе ограничимся выявлением тех изменений и тех показателей социалистической реконструкции, которые являются определяющими для в с е г о народного хозяйства в целом. Пятилетний план не есть простая сумма отдельных самостоятельных планов для отдельных отраслей хозяйства, а единый план социалистического преобразования всего народнохозяйственного целого. Только на основе этого общего и единого плана становятся понятными и выполнимыми планы отдельных отраслей хозяйства, которые мы рассмотрим в следующих главах книги.

Необходимо сделать также и ту оговорку, что приводимые нами цифры относятся к плану, утвержденному V Всесоюзным с'ездом советов. Спустя некоторое время после с'езда выяснилось, что для целого ряда отраслей пятилетки план может быть осуществлен в течение более короткого времени и что следовательно в пять лет можно гораздо дальше продвинуться по пути социалистической реконструкции, чем это было намечено V с'ездом советов. Дело в том, что самое принятие пятилетки и мобилизация вокруг нее энергии масс выявили такие колоссальные возможности ускорения социалистической реконструкции в ближайшее время, которые трудно было предвидеть и которые не поддаются полному учету и сейчас. В процессе выполнения пятилетки мы все чаще и все больше перевышаем поставленные задания, расширяем их, вносим крупные поправки в пятилетку. Излагая основы пятилетки по цифрам, утвержденным V с'ездом советов, мы поэтому имеем в виду дать не систему застывших цифр, а выявить в этих цифрах основные установки и линии развития так, как они были намечены XV с'ездом партии и конкретизированы XVI партконференцией и V с'ездом советов СССР.

Внешним показателем роста производительных сил народного хозяйства является рост продукции. По пятилетнему плану вся валовая продукция народного хозяйства составит в 1932/33 г. 69 млрд. руб. (по ценам 1926/27 г.[1]) против 34,9 млрд. руб. в 1927/28 г., т. е. прирост на 198% или удвоение всей народнохо-

[1] В дальнейшем мы всюду будем придерживаться оценки в ценах 1926/27 г.

зяйственной продукции. Но эти цифры не характеризуют направления развития, не выявляют процесса индустриализации народного хозяйства. Необходим поэтому анализ состава этой продукции.

Индустриализация в пятилетнем плане.

Если выделить из общей продукции продукцию промышленности и продукцию сельского хозяйства, мы получим следующее соотношение:

Рост валовой продукции

(в миллиардах рублей)

	1927/28 г.	В % к итогу	1932/33 г.	В % к итогу	Всего за 5 лет	1932/33 г. в % к 1927/28 г.
Промышленность .	18,3	52,0	43,2	63,0	154,6	236,0
Сельское хозяйство	16,6	48,0	25,8	37,0	105,7	155,0
Итого . . .	34,9	100,0	69,0	100,0	260,3	198,0

Если в 1927/28 г. продукция промышленности была почти равна продукции сельского хозяйства, то в 1932/33 г. она должна вдвое превышать сельскохозяйственную продукцию: мы за пятилетку делаем крупнейший шаг вперед по пути превращения СССР из аграрно-промышленной страны в страну индустриально-аграрную, по пути социалистической индустриализации. Это подтверждается также темпами роста промышленного (+136%) и сельскохозяйственного (+55%) производства за пять лет.

Индустриализация определяется не одним только ростом удельного веса промышленного производства вообще. Мы знаем, что характернейшей чертой процесса индустриализации является более быстрый рост производства средств производства, чем предметов потребления. В этом отношении изменение состава промышленной продукции за пятилетие представляется в следующем виде (см. табл. на стр. 166).

Мы видим, что темп роста тяжелой промышленности значительно опережает темп роста легкой и что в связи с этим повышается удельный вес продукции тяжелой промышленности. При этом наибольшие темпы роста продукции в целом и в особенности продукции тяжелой промышленности мы имеем в крупной государственной промышленности, планируемой ВСНХ. Крупная социалистическая промышленность является основным рычагом индустриализации, ведущим началом социалистической реконструкции.

Повышение удельного веса промышленного производства во всем народном хозяйстве и производства средств производства в промышленности зависят от распределения капитальных вложе-

Состав промышленной продукции

(в миллиардах рублей)

	1927/28 г.	В % к итогу	1932/33 г.	В % к итогу	Всего за 5 лет	1932/33 г. в % к 1927/28 г.
1. Вся промышленность						
а) Производство средств производства . . (группа А)	6,0	33,0	18,1	42,0	60,1	304,0
б) Производство предметов потребления . . (группа Б)	12,3	67,0	25,1	58,0	94,5	203,0
в) Итого . . .	18,3	100,0	43,2	100,0	154,6	236,0
2. Цензовая промышленность . .						
а) Группа А . .	5,6	40,0	17,4	45,0	57,3	311,0
б) Группа Б . .	8,3	60,0	19,2	55,0	69,3	232,0
в) Итого . . .	13,9	100,0	36,6	100,0	126,6	263,0
3. Промышленность, планируемая ВСНХ						
а) Группа А . .	4,4	40,0	14,5	48,0	47,2	331,0
б) Группа Б . .	6,5	60,0	15,9	52,0	56,6	244,0
в) Итого . . .	10,9	100,0	30,4	100,0	103,8	279,0

ний в основные фонды и от изменения на основе этого самих основных фондов. Только определенная политика капитальных вложений может обеспечить самую базу индустриализации.

За пятилетие (1928/29—1932/33) капитальные вложения в народное хозяйство увеличиваются в 2½ раза по сравнению с предшествующим пятилетием. Вот распределение капитальных вложений за оба пятилетия (в миллиардах рублей) (см. табл. на стр. 167).

В то время как капитальные вложения в сельское хозяйство увеличиваются за второе пятилетие в 1½ раза по сравнению с первым, капитальные вложения в промышленность увеличиваются в 4 раза, в электрификацию — в 4 раза, а в транспорт — в 3 раза.

Отрасли хозяйства	1923/24—1927/28 г.	В % к итогу	1928/29—1932/33 г.	В % к итогу
Промышленность	4,4	16,6	16,4	25,4
В том числе планируемая:				
Группа А	—	—	9,8	—
Группа Б	—	—	2,9	—
Электрификация	0,8	3,0	3,1	4,8
Транспорт	2,7	10,2	10,0	15,5
Сельское хозяйство [1]	15,0	56,6	23,2	35,9
Прочие [2]	3,6	13,6	11,9	18,4
Всего капитальных вложений	26,5	100,0	64,6	100,0

В связи с таким направлением капитальных вложений происходит значительная передвижка в распределении основных фондов между отраслями хозяйства.

Основные фонды

(в миллиардах рублей, в ценах 1925/26 г.)

	1927/28 г.	В % к итогу	1932/33 г.	В % к итогу
1. Промышленность (без промжилфонда)	8,6	12,3	25,8	20,3
В том числе планируемая:				
Группа А	4,5	—	16,4	—
Группа Б	3,3	—	6,3	—
2. Электрификация (без фабр.-зав. станций)	1,0	1,4	5,3	4,3
3. Ж.-д. транспорт	10,1	14,4	16,9	13,2
4. Сельское хозяйство	28,7	40,9	38,9	30,4
5. Жилищный фонд городов (включая промжилфонд)	13,1	18,6	18,5	14,5
6. Прочие	8,7	12,4	22,4	17,3
Всего	70,2	100,0	127,8	100,0

Мы здесь видим значительный рост капитальных фондов промышленности (в 3 раза) и в особенности крупный рост основ-

[1] В этой цифре преобладающую роль играют вложения самого крестьянства.

[2] Связь, коммунальное и жилищное строительство (без промышленного жилищного фонда, который включен в промышленное строительство).

ных фондов тяжелой промышленности (в 4 раза) — этой основы основ индустриализации.

Индустриализация всего народного хозяйства означает не только рост промышленности, но и перевод сельского хозяйства на новую техническую базу, индустриализацию сельского хозяйства. И в этой области пятилетка намечает крупные сдвиги. В главе о сельском хозяйстве мы приведем более подробные данные об индустриализации и технической реконструкции сельского хозяйства. В настоящей главе ограничимся рассмотрением основных показателей.

Капитальные вложения в мертвый инвентарь (машиноснабжение сельского хозяйства) в 1932/33 г. будут составлять 217,1% по сравнению с 1927/28 г. Основные фонды в мертвом инвентаре вырастут с 3,3 млрд. руб. (в ценах 1925/26 г.) в 1927/28 г. до 6,4 млрд. руб. в 1932/33 г., т. е. удвоятся. Этот рост является прямым следствием развития сельскохозяйственного машиностроения, план которого рассчитан на доведение выпуска сельскохозяйственных машин до 610 млн. руб. в 1932/33 г. против 153 млн. руб. в 1927/28 г., в связи с чем сооружаются такие гиганты тяжелой индустрии, как Сталинградский тракторный завод стоимостью в 77 млн. руб. и производительностью в 50 тыс. тракторов в год и проектируемый аналогичный тракторный завод; кроме того расширяются заводы, занятые сейчас производством тракторов.

Не менее крупное значение для технической реконструкции сельского хозяйства должно иметь развитие химической промышленности, которая к концу пятилетки даст 7 млн. *т* минеральных удобрений вместо 360 тыс. в 1927/28 г.

Центральной осью индустриализации и реконструкции является перевооружение энергетической силовой базы народного хозяйства на основе осуществления широкой электрификации. Строительство крупных районных электростанций должно превратить наше хозяйство в единый производственный организм; осуществление полной электрификации СССР наряду с обобществлением всех отраслей хозяйства и в особенности мелкого крестьянского производства должно обеспечить победу социализма. «Социализм — это советская власть плюс электрификация», — говорил Ленин.

Техническая реконструкция и рационализация в пятилетке.

В деле электрификации страны пятилетка намечает задания, превышающие план электрификации ГОЭЛРО (Государственная комиссия по электрификации России), намеченный под руководством Ленина VIII и IX с'ездами советов РСФСР. Так по пятилетке предусмотрено построить к концу ее 40 районных электростанций с общей мощностью от 2½ до 3 млн. *квт* вместо 30 станций с общей мощностью в 1,7 млн. *квт* по плану

ГОЭЛРО. В результате нового строительства и расширения существующих станций общая мощность всех электростанций СССР выразится в 1932/33 г. в 5,5 млн. *квт* вместо 1,7 млн. 1927/28 г. — прирост больше, чем в 3 раза. Производство электроэнергии всеми станциями увеличится с 5 млн. до 22 млн. *квт-ч.* (увеличение больше, чем в 4 раза). При этом основное и решающее значение для социалистической реконструкции имеет тот факт, что удельный вес крупных районных электростанций в производстве электроэнергии повысится с 37,4% в 1927/28 г. до 63,6%.

В связи с этим значительно увеличится так называемая энерговооруженность рабочего. В промышленности на одного рабочего потреблено энергии в 1927/28 г. — 2 421 *квт-ч.* (в том числе электроэнергии — 1 203), а в 1932/33 г. будет потреблено уже 4 677 (в том числе электроэнергии — 3 600).

В сельском хозяйстве основной энергетической базой к концу пятилетия будет еще скот. Но и здесь мы имеем значительное по темпу увеличение доли механической и электрической энергии. Так на одного работника в сельском хозяйстве приходится энергии (в *квт-ч.*):

	1927/28 г.	1932/33 г.	1932 33 г. в % к 1927/28 г.
Всей энергии	324,0	391,0	120,7
В том числе вся механическая энергия	27,0	74,0	274,1
Из нее электроэнергии	0,54	3,0	555,6

На основе технического перевооружения, осуществляемого путем капитального строительства и электрификации, мы будем иметь усовершенствование, рационализацию процесса производства и значительный рост производительности труда.

В промышленности значительно улучшается использование сырья и топлива. Так нормы расхода сырья промышленного составят в 1932/33 г. 72% к нормам 1927/28 г., сырья сельскохозяйственного — 82%, топлива — 70%. В то время как об'ем продукции цензовой промышленности увеличивается в 2,6 раза, число занятой рабочей силы увеличивается только на одну треть. Это дает прирост производительности труда за 5 лет в 110%, т. е. в среднем удвоение выработки на одного рабочего. В связи с этими изменениями перед промышленностью поставлено задание снижения себестоимости продукции на 35%.

И в сельском хозяйстве процесс технической реконструкции должен сказаться на уровне производительности труда,

рост которой выражается в под'еме урожайности на 35% к концу пятилетия, что наряду с расширением посевной площади ведет почти к удвоению зерновой продукции — с 3,7 млрд. руб. (в ценах 1926/27 г.) в 1927/28 г. до 5,6 млрд. руб. в 1932/33 г.

Изживание диспропорции между промышленностью и сельским хозяйством.

Быстрый темп индустриализации и процесс преодоления отсталости сельского хозяйства приведут в пределах пятилетия к преодолению основной диспропорции между промышленностью и сельским хозяйством, поскольку эта диспропорция находит свое выражение в рыночных явлениях товарного голода и продовольственных затруднений.

С одной стороны, будет полностью решена зерновая и вообще продовольственная проблема, а с другой стороны — будет изжит товарный голод. Так, общий рост потребления городским населением сельскохозяйственных продуктов выразится в 1932/33 г. в среднем на душу: по мясу — в 62,7 *кг* вместо 49,1 *кг* в 1927/28 г., по молочным продуктам — 339,3 *кг* вместо 218 *кг* в 1927/28 г., потребление яиц — 155 штук вместо 91. Потребление хлеба останется таким же, как в 1927/28 г. — 1,79 *ц* (в зерне). Мы имеем следовательно повышение норм питания и улучшение его состава.

За пятилетие должно удвоиться производство сельским хозяйством технических культур, являющихся сырьем для промышленности, — с 0,91 млрд. руб. (в ценах 1926/27 г.) в 1927/28 г. до 1,81 млрд. руб. в 1932/33 г. Таким образом преодолевается чрезмерная отсталость сельского хозяйства как продовольственной и сырьевой базы индустриализации.

С другой стороны, мы имеем коренное изменение в соотношении между спросом на промышленные товары и их предложением: превышение спроса над предложением в сумме 275 млн. руб. в 1927/28 г. сменится превышением предложения над спросом в сумме 1 344 млн. руб. в 1932/33 г. при общей сумме спроса в 38 330 млн. руб. Будет таким образом создан необходимый для регулирования рынка запас товаров.

Все описанные нами изменения в народном хозяйстве знаменуют собой крупнейшие сдвиги реконструктивного характера, но сами по себе они еще ничего не говорят о социалистическом характере реконструкции. Необходимо поэтому заняться особо рассмотрением процессов обобществления в пятилетнем плане и намечаемых им социальных, классовых сдвигов.

Социально-экономическая реконструкция в пятилетке.

Прежде всего повысится удельный вес лиц наемного труда и в частности промышленного пролетариата. Численность лиц наемного труда составит к общей численности лиц рабочего возраста 17,3% в 1932/33 г. вместо 13,7% в 1927/28 г. Удельный вес рабочего класса выразится в 8,8% вместо 6,6% в 1927 г. Более быстрый рост общего числа лиц наемного труда об'ясняется расши-

рением сети учреждений социально-культурного характера (здравоохранение, просвещение). Но одним только повышением удельного веса пролетариата не исчерпываются социальные сдвиги, которые должны произойти в течение пятилетия. Эти сдвиги характеризуются еще тем, что в 1932/33 г. в обобществленном секторе будет занято 30,7% всех занятых лиц вместо 18,3% в 1927/28 г. (в том числе в государственном — 16,3% вместо 15,1% и в кооперативном — 14,4% вместо 3,2%), а в частном — 69,3% вместо 81%. Это значит, что мы будем иметь вовлечение значительного числа мелких производителей (крестьян и ремесленников) в обобществленное хозяйство.

О вытеснении капиталистических элементов из производства говорят следующие цифры. В промышленности лиц наемного труда будет в обобществленном секторе 94% в 1932/33 г. вместо 91,4% в 1927/28 г., а в частном — 6% вместо 8,6%. В сельском хозяйстве в обобществленном секторе — 41,9% вместо 32,7% (в том числе в государственном — 33,7% вместо 28,1%, в кооперативном — 8,2% вместо 4,6%), а в частном — 58,1% вместо 67,2%.

Но роль и значение частного, в особенности частно-капиталистического сектора характеризуются главным образом следующими данными (в % к итогу по строке):

	Обобществленный сектор			Частный сектор
	Государственный	Кооперативный	Итого	
1. Капитальные вложения:				
а) Промышленность:				
1927/28 г.	94,4	1,8	96,2	3,8
1932/33 г.	96,2	2,5	98,7	1,3
б) Сельское хозяйство:				
1927/28 г.	2,6	5,2	7,8	92,2
1932/33 г.	7,0	24,4	31,4	68,6
2. Основные фонды:				
а) Промышленность:				
1927/28 г.	89,2	3,0	92,2	7,8
1932/33 г.	94,5	2,3	96,8	3,2
б) Сельское хозяйство:				
1927/28 г.	2,7	2,2	4,9	95,1
1932/33 г.	4,9	9,4	14,3	85,7
3. Валовая продукция:				
а) Промышленность:				
1927/28 г.	69,2	10,3	79,5	20,5
1932/33 г.	77,5	14,9	92,4	7,6
б) Земледелие:				
1927/28 г.	1,2	0,6	1,8	98,2
1932/33 г.	3,2	11,5	14,7	85,3

Мы видели, что по всем трем показателям (капитальные вложения, основные фонды, валовая продукция) в промышленности центр тяжести все более перемещается главным образом в сторону государственных предприятий, а удельный вес частного сектора, в котором преобладающую роль играют капиталистические элементы, стремительно падает. В сельском же хозяйстве при ярко выраженной тенденции роста государственного сектора (главным образом совхозы) центр тяжести перемещается главным образом к кооперации, что знаменует собой довольно крупный для первого этапа реконструкции рост коллективных форм хозяйства, начало решительного выкорчевывания самых глубоких корней капитализма.

От анализа социальных сдвигов в производстве перейдем к рассмотрению социальных сдвигов в области обращения (в % к итогу по строке):

	Обобществленный сектор			Частный сектор
	Государственный	Кооперативный	Итого	
1. Товарная продукция:				
а) промышленности всей:				
1927/28 г.	66,1	11,3	77,4	22,6
1932/33 г.	75,8	16,0	91,8	8,2
б) земледелия:				
1927/28 г.	3,6	0,8	4,4	95,6
1932/33 г.	8,6	16,7	25,3	75,7
2. Весь торгово-посреднический оборот:				
1927/28 г.	37,6	48,5	86,1	13,9
1932/33 г.	36,9	59,9	96,8	3,2
3. Розничный оборот:				
1927/28 г.	14,8	60,2	75,0	25,0
1932/33 г.	12,2	78,9	91,1	8,9

Тот же ярко выраженный процесс вытеснения капиталистических элементов, что и в производстве. Особенно следует отметить, что к концу пятилетия уже четверть всей рыночной сельскохозяйственной продукции будет итти из обобществленного сектора. Остальная часть этой продукции к концу пятилетия будет в основном (74%) охвачена организованной торговлей и контрактацией. Уже в 1929/30 г. 50% всего плана хлебозаготовок обеспечены поставками по контрактационным договорам. Все это означает, что в течение пятилетия наступит решающий перелом в борьбе

между рыночной стихией и плановым распределением, что преодоление рыночной анархии вступит в решающую фазу своего развития и что уже в течение этого пятилетия будут созданы важнейшие предпосылки для полного преодоления рыночной стихии.

Осуществление заданий пятилетнего плана в области технической и социально-экономической реконструкции СССР по преодолению нашей технико-экономической отсталости должно уже в пределах этого пятилетия привести к значительному под'ему уровня существования масс.

Вот основные показатели этого под'ема.

Повышение жизненного уровня масс в пятилетке.

Все неземледельческое население повысит свой доход в среднем на душу (с учетом снижения цен, в рублях за год) с 313,8 руб. в 1927/28 г. до 537,8 руб. в 1932/33 г., а лица наемного труда в неземледельческом населении — с 366,4 руб. до 647,7 руб. Индекс же реальной зарплаты промышленных рабочих (если уровень зарплаты в 1913 г. принять за 100 руб.) вместо 122,5% в 1927/28 г. составит в 1932/33 г. 208,9% к довоенному. Это значит, что в конце пятилетия рабочий класс будет иметь уровень существования, вдвое превышающий довоенный уровень. Как отметил в своем докладе на XVI партконференции т. Кржижановский, в 1932/33 г. мы для Москвы по уровню реальной зарплаты уже перегоним рабочих Берлина и Парижа и станем приближаться к жизненному уровню лондонских рабочих. К концу пятилетия мы будет также иметь сокращение городской безработицы вдвое (500 тыс. вместо 1 100 тыс. в 1927/28 г.).

Повысится и уровень дохода земледельческого населения в среднем на 1 душу с 116,8 руб. до 195,5 руб. Но в повышении уровня благосостояния индивидуальные хозяйства будут отставать от коллективизированных. В то время как доход на душу в индивидуальных хозяйствах повысится с 116,6 руб. до 172,4 руб., т. е. на 61,8%, доход коллективизированных хозяйств повышается с 132,7 руб. до 218,2 руб., т. е. на 83,7%. Несомненно, что такие результаты коллективизации должны дать еще более мощный толчок к дальнейшему развертыванию коллективизации в следующем пятилетии.

Для характеристики под'ема уровня жизни рабочего класса и основных масс крестьянства следует отметить еще рост расходов по социальному обеспечению и развитие мероприятий по здравоохранению. Затраты на социальное обеспечение вырастают на 23,1%, с 90,2 млн. руб. в 1927/28 г. до 298,5 млн. руб. в 1932/33 г., что означает повышение расхода на душу населения с 0,60 руб. до 1,77 руб. В общем за 5 лет на социальное обеспечение будет израсходовано 951 млн. руб., что позволит охватить около 32% престарелых крестьян в возрасте свыше 60 лет из маломощных слоев крестьянства, которые должны быть охвачены социальным обеспечением согласно манифесту ЦИК СССР к 10-летнему юбилею Октябрьской революции.

В области здравоохранения намечается рост общего числа лечебных коек в городе с 135,3 тыс. до 192,2 тыс. (на 42,1%), а в деревне с 58,8 тыс. до 147,5 тыс. (на 151,9%). Рост числа коек на 10 тыс. населения выражается для города с 49,0 до 57,5 и для деревни с 4,7 до 10,7. Расход на душу населения по всем видам здравоохранения поднимется с 4,04 руб. в 1927/28 г. до 7,48 руб. в 1932/33 г.

Проблема кадров и культурной революции в пятилетке.

Осуществление всех намеченных пятилетним планом грандиозных задач великих работ по социалистическому преобразованию Союза советских социалистических республик невозможно без развертывания целого ряда мероприятий по улучшению существующих и созданию новых кадров социалистического строительства и по под'ему культурного уровня трудящихся. Речь идет не только о подготовке новых инженеров, техников, квалифицированных рабочих, без которых невозможно строить и эксплоатировать новые предприятия, оборудованные по последним достижениям технической науки. Социалистическое строительство вообще, и в особенности строительство на текущем его этапе, невозможно без активного творческого участия широких слоев рабочего класса и основных масс крестьянства. По мере усложнения задач технической реконструкции требуется более высокий культурный уровень работающих у новых машин; в сельском хозяйстве коллективизация, машинизация, переход к интенсивному хозяйству еще неколлективизированных хозяйств требует грамотности и более высокого культурного уровня крестьян. Усложняющиеся задачи организации хозяйства и управления, усложнение классовой борьбы пред'являют к широким слоям рабочего класса и деревенской бедноты требование гораздо более высокой степени сознательности и умения разбираться в сложной социально-экономической обстановке. Для того чтобы рабочий класс и беднота могли еще лучше и быстрее вести за собой среднее крестьянство в борьбе против капитализма, необходим опять-таки более высокий культурный уровень крестьянства.

«При условии полного кооперирования, — говорит Ленин, — мы бы уже стояли обеими ногами на социалистической почве. Но это условие полного кооперирования включает в себе такую культурность крестьянства (именно крестьянства, как громадной массы), что это полное кооперирование невозможно без целой культурной революции» (Ленин, О кооперации — выделено нами). «Для нас достаточно теперь этой культурной революции, для того чтобы оказаться вполне социалистической страной, но для нас эта культурная революция представляет неимоверные трудности и чисто культурного свойства (ибо мы безграмотны) и свойства материального (ибо для того чтобы быть культурными, нужно известное развитие материальных средств производства, нужна известная материальная база)» (там же).

Реконструктивный период не только требует, но и делает возможным начало культурной революции, ибо мы уже имеем известную материальную базу, при помощи которой можно начать культурную революцию.

И культурная революция, подобно технико-экономической, требует целого ряда плановых мероприятий. Под'ем культурного уровня является составной частью социалистической реконструкции и должен быть с ней увязан в едином плане.

Рассмотрим основные перспективы, намечаемые пятилеткой в области культурного строительства.

Сеть учреждений массового общего образования (школы всеобщего обучения, школы ликвидации неграмотности и малограмотности, общеобразовательные курсы и школы всех типов для взрослых и рабочие университеты) должна расшириться с таким расчетом, чтобы в 1932/33 г. иметь контингент учащихся в 20,2 млн. человек вместо 11,4 млн. в 1927/28 г. В частности всеобщее обучение, как выяснилось уже после утверждения пятилетки, возможно осуществить уже в текущем пятилетии, для чего придется расширить сеть сверх намеченного в пятилетнем плане. Учреждения по подготовке рабочей силы средней квалификации должны увеличить контингент учащихся с 1 833 тыс. в 1927/28 г. до 3 888 тыс. в 1932/33 г.; по подготовке рабочей силы выше средней квалификации (техникумы) — с 222 тыс. до 327 тыс., а высшей квалификации (вузы) — с 185 тыс. до 209 тыс.

Намечен значительный рост изб-читален (на 75%), библиотек (на 50%), клубов (на 25%). Сеть киноустановок расширяется с 8,6 тыс. до 48,5 тыс. — шестикратное увеличение, такой же стремительный рост даст сеть радиоприемников. Развитие печати, как непериодической, так и периодической, имеет своим внешним показателем рост потребления бумаги на 75%.

Все приведенные нами данные лишь с внешней стороны рисуют культурный уровень, которого мы должны достигнуть к концу пятилетия. Никакими цифрами нельзя выразить качественную сторону этого процесса. Ясно одно, что этот культурный под'ем должен быть началом массовой культурной революции, без которой социализм вообще невозможен.

Под'ем отсталых районов. В процессе социалистической реконструкции, преодолевающей технико-экономическую отсталость СССР, сугубое внимание должно быть уделено индустриализации экономически отсталых районов, населенных преимущественно народами, находившимися при царизме под особенно сильным гнетом помещичье-капиталистического строя. С одной стороны, наличие этих отсталых районов и составляет один из характернейших признаков технико-экономической отсталости всего Союза ССР, и поэтому преодоление нашей отсталости немыслимо без под'ема отсталых районов. С другой стороны, п о л-

н о е решение национального вопроса, как указывает X с'езд партии, уничтожение «фактического национального неравенства связано с уничтожением исторически сложившегося экономического неравенства, которое выражалось прежде всего в том, что окраины России, находившиеся в положении колоний или полуколоний, насильственно удерживались в роли поставщиков всякого рода сырья, которое обрабатывалось в центре». Огромное большинство населения бывших в угнетении народов составляет крестьянство, следовательно решение национального вопроса пролетарской диктатурой означает укрепление смычки. Братский союз трудящихся всех национальностей, населяющих СССР, наряду со смычкой является таким образом основой пролетарской диктатуры.

В пределах настоящей книги мы не можем остановиться на обзоре проведенного районирования СССР, в результате которого мы имеем организацию территории нашего Союза, обеспечивающую максимальное использование производительных сил страны на основе организованного разделения труда между экономическими районами. Мы отсылаем интересующихся этим вопросом к соответствующим работам по экономической географии. Здесь мы ограничимся обзором основных заданий пятилетки по под'ему и индустриализации отсталых районов.

Наиболее характерны в этом отношении темпы индустриального роста отдельных районов.

Темпы прироста за пятилетие

(в процентах)

	Основные фонды госпромышленности	Валовая продукция госпромышленности	Ж.-д сеть
По СССР в целом	289	270	18,8
» Центр.-пром. району	199	252	4,5
» Ленинградской области	211	244	—
» Закавказью	302 [1]	—	41,0
» УССР	303	260	—
» Ср.-волжскому району	340	—	—
» Центр.-черноз. области	402	—	—
» БССР	422	453	—
» Нижне-волжскому району	488	—	29,0
» Ср. Азии	494	—	34,0
» Казакстану	549	444	70,0
» Вятскому району	588	—	81,0
» Сев. краю	655	434	71,0
» Уралу	700	—	27,0
» Сибири	720	509	—
» Дальне-восточному краю	830	521	—

[1] Без Азнефти.

Мы видим, что темп роста по отсталым районам во много раз превышает темп роста по СССР в целом и по старым развитым районам. Это конечно не значит, что в пределах пятилетия будет полностью преодолена отсталость бывших «окраин». Указанные темпы роста говорят о том, что в течение текущего пятилетия закладываются прочные основы для ликвидации этой отсталости.

Темпы роста в пятилетке.

Выполнение всех изложенных нами заданий по социалистической реконструкции в течение пяти лет возможно только на основе быстрого темпа развития. Сами по себе эти задания и выражают быстрый темп индустриализации.

При переходе к реконструктивному периоду казалось, что темп развития, поскольку он измеряется темпом прироста продукции, должен будет значительно снизиться по сравнению с темпом восстановительного периода, ибо в реконструктивный период прирост продукции зависит главным образом от введения в работу вновь выстроенных предприятий. Кроме того поскольку мы в реконструктивный период уже имеем крупные размеры ежегодной продукции, ежегодный прирост ее, даже если он в абсолютных цифрах во много превышает прирост продукции в восстановительный период, все же составляет меньший процент к продукции предшествующего года.

Если взять темпы развития за период пятилетнего плана и сравнить их с темпами предшествующего пятилетия, то окажется, что во втором случае мы имеем по промышленности более быстрые темпы, чем в первом, по сельскому хозяйству — наоборот.

Темп развития за пятилетие.

(В процентах.)

	1923/24—1927/28	1928/29—1932/33
Прирост:		
1) продукции земледелия	41	55
2) » зерновых	19	45
3) производства электроэнергии	357	340
4) продукции цензовой промышленности	305	159
5) реальной зарплаты промышленных рабочих	126	70
6) народного дохода	214	100

Однако вопрос о темпе роста ведущей отрасли хозяйства — промышленности — и значение запроектированных в пятилетке темпов этого роста предстанет перед нами в совершенно ином свете,

если мы возьмем не общий прирост за все пять лет, а ежегодные темпы прироста.

Первый черновой набросок пятилетнего плана, составленный на период 1926/27 г. по 1930/31 г. и не одобренный партией, исходил из того, что темп роста продукции промышленности должен итти по линии так называемой «потухающей кривой», т. е. падать из года в год. В этом проекте ежегодный прирост для указанного периода выражался по годам в 17,1%, 12,3%, 9,7%, 9,0% и 8,4%. Мы здесь не будем останавливаться на причинах, приведших к составлению такого проекта (среди этих причин одной из основных была чрезмерная роль в составлении проекта экономистов с враждебной пролетариату идеологией). Ясно во всяком случае, что принцип «потухающей кривой» является выражением недооценки сил и возможностей, заложенных в советском хозяйственном строе, недооценки сил и способностей, которые может развернуть освобожденный от капиталистических оков пролетариат.

Проект пятилетки по промышленности, составленный ВСНХ в 1927 г., намечает более высокие темпы, чем первый проект Госплана, но и в проекте ВСНХ темпы тоже идут по нисходящей линии (19,6%, 16,3%, 13,1%, 13,7%, 10,5%). Позднейший проект ВСНХ (1928 г.) дает новое повышение темпов, но опять-таки по принципу «потухающей кривой» (с 1927/28 г. по 1931/32 г. — 18,1%, 16,6%, 17,6%, 13,8%, 12,8%).

Новый ныне действующий пятилетний план исходит из совершенно другого принципа. Вся хозяйственная обстановка первого этапа реконструкции, как изложено выше, повелительно диктует нам быстрый темп индустриализации. Выяснение причин переживаемых с 1928 г. хозяйственных затруднений, обострение международной обстановки и классовой борьбы внутри страны поставили перед сознанием широчайших масс рабочего класса задачу быстрой индустриализации для преодоления нашей отсталости и для того, чтобы в кратчайший исторический срок догнать и перегнать капитализм. Твердая решимость партии и широчайших масс рабочего класса преодолеть все затруднения, стоящие на пути быстрого темпа индустриализации, показали в процессе развития борьбы с правой опасностью, что быстрый темп развития не только необходим, но и осуществим, что мы имеем колоссальные неиспользованные возможности. И новая пятилетка вместо потухающей кривой дает восходящую линию ежегодных темпов: в новой пятилетке растет не только абсолютная масса продукции, но и самый темп прироста из года в год увеличивается, как это видно из следующей таблицы (см. сл. стр.):

Введение в действие из года в год все новых предприятий обеспечивает ежегодное повышение темпов прироста продукции. Это является прямым следствием широкого развертывания строительства и ускорения его, т. е. ускорения темпа капитальных

Темп ежегодного прироста валовой продукции.

(В процентах к предыдущему году.)

	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.	1932/33 г.
Всей промышленности	15,6	18,2	18,5	20,0	21,4
Промышленности, планируемой ВСНХ . .	21,4	21,5	22,1	23,8	25,2

работ. Что повышение ежегодных темпов прироста продукции не представляет собой ничего фантастического, показывает тот факт, что в 1928/29 хозяйственном году фактический прирост продукции крупной промышленности составляет не 21,4%, как намечала пятилетка, а 23,7%. В 1929/30 г. прирост составит не 21,5%, как намечает пятилетка, а 35%! Уже первый год осуществления пятилетки всколыхнул и привел в движение такую колоссальную творческую энергию масс, что мы можем во много раз ускорить темп развития. Мы в реконструктивном периоде приближаемся к темпам восстановительного периода. Мы находимся в таком периоде, когда начинают осуществляться слова Ленина, сказанные им в 1922 г., что «ускорение этого движения в свое время наступит такое, о котором мы сейчас и мечтать не можем» (т. XVIII, ч. 2, стр. 27).

Намеченные пятилеткой темпы развития, ныне уже оказавшиеся недостаточными, оставляют далеко позади себя все темпы развития капитализма как до, так и после войны. Максимальный темп роста промышленности в САСШ составлял 8,7%, а в царской России — 8%. Таким образом по темпу развития мы не только в восстановительном, но и в реконструктивном периоде далеко перегнали капитализм [1].

Мы дали беглый обзор основных линий социалистической реконструкции, намеченных пятилетним планом. Мы видим, на основании этого обзора, что пятилетний план «вполне обеспечивает:

а) максимальное развитие производства средств производства как основы индустриализации страны;

б) решительное усиление социалистического сектора в городе и в деревне за счет капиталистических элементов в народном хозяйстве, вовлечение миллионов масс крестьянства в социалистическое строительство на базе кооперативной общественности и коллективного труда и всемерную помощь бедняцко-середняцким индивидуальным хозяйствам в их борьбе против кулацкой эксплоатации;

[1] Вопрос о повышении роли СССР в мировом хозяйстве будет нами разобран в заключительной главе.

в) изживание чрезмерной отсталости сельского хозяйства от промышленности и разрешение в основном зерновой проблемы;

г) значительный под'ем материального и культурного уровня рабочего класса и трудящихся масс деревни;

д) укрепление руководящей роли рабочего класса на базе развития новых форм смычки с основными массами крестьянства;

е) укрепление экономических и политических позиций пролетарской диктатуры в ее борьбе с классовыми врагами как внутри страны, так и вне ее;

ж) хозяйственный и культурный под'ем национальных республик и отсталых районов и областей;

з) значительное укрепление обороноспособности страны;

и) крупный шаг вперед в деле осуществления лозунга партии: догнать и перегнать в технико-экономическом отношении передовые капиталистические страны» (из резолюции XVI партконференции).

§ 4. Борьба с уклонами от партийной линии, в особенности с правым уклоном — необходимое условие осуществления пятилетнего плана.

Последние годы восстановительного периода, явившиеся переходными к реконструкции, ознаменовались проявлением диспропорции в форме товарного голода, который является показателем отставания промышленности от растущего спроса сельского хозяйства. Первые годы реконструктивного периода обнаружили диспропорцию между сельским хозяйством и промышленностью в форме чрезмерной отсталости сельского хозяйства как продовольственной и сырьевой базы промышленности. В связи с этими диспропорциями мы имеем ряд хозяйственных затруднений. И, как это всегда бывает на трудных переходных этапах революции, в связи с трудностями строительства политика партии и советской власти подвергалась обстрелу со стороны элементов партии, которые хотя и прикрываются знаменем ленинизма, но на деле ничего общего с ленинизмом не имеют. Партия выковала и твердо проводила и проводит свою генеральную линию социалистического переустройства СССР, линию индустриализации в непрерывной и последовательной борьбе с уклонами от ленинского пути. Первым из этих уклонов, пытавшихся и пытающихся свернуть партию с единственно правильного пути к социализму, является троцкизм, ныне уже полностью разоблаченный перед рабочим классом как контрреволюционное течение.

Троцкистская «сверхиндустриализация».

В период острой борьбы с троцкистской оппозицией эта последняя не выступала конечно как открытый противник индустриализации. Наоборот, она рядилась в самые «левые» одежды, обвиняла партию в

«крестьянской, мелкобуржуазной ограниченности», в том, что партия якобы сознательно задерживает индустриализацию, она предлагала быстрый темп индустриализации и т. д. Но на деле этот троцкистский «быстрый» темп индустриализации означал величайшую опасность для самого существования пролетарской диктатуры и ничего общего не имеет с действительным, реальным быстрым темпом индустриализации, проводимым партией.

Линия троцкистской оппозиции в вопросе об индустриализации полностью и целиком вытекает из теории перманентной революции, отрицающей возможность победоносного социалистического строительства в СССР.

Троцкистская оппозиция считала, что развитие капитализма зашло у нас настолько далеко, что уже сейчас оно представляет серьезную опасность для социалистического хозяйства. При этом под социалистическим хозяйством подразумевается только государственное хозяйство, а кооперация как форма обобществления крестьянского хозяйства оппозицией в расчет не принимается. С другой стороны, крестьянское хозяйство зачисляется троцкистами вместе с капиталистическими элементами в единый сектор «частного хозяйства», противостоящего хозяйству государственному. Для преодоления этой опасности необходим «быстрый» темп индустриализации. Хозяйственные затруднения и товарный голод являются — по мнению троцкистской оппозиции — не столько следствием диспропорции, сколько результатом той политики, которую партия ведет с осени 1923 г., политики снижения цен. Если бы мы не вели этой политики, мы смогли бы накопить достаточно средств для того, чтобы еще до исчерпания старого основного капитала начать постройку новых фабрик и заводов и расширять старые. Таким образом к окончанию восстановительного процесса мы имели бы уже новые работающие фабрики, и никакого товарного голода не было бы. Последний искусственно вызывается и обостряется всей нашей политикой, так как снижение цен увеличивает спрос и в то же время, уменьшая прибыль государства, сокращает размеры социалистического накопления и следовательно возможность удовлетворения растущего спроса. Единственно, кто выигрывает от такой политики, — это частный капитал. В условиях товарного голода, когда спрос стоит выше предложения, покупатель соглашается платить за товар высокую цену, лишь бы приобрести его. Частный торговец, естественно, наживается на разнице между продажной розничной ценой и отпускной (оптовой) государственной. Если мы и дальше будем продолжать эту политику, никакая индустриализация у нас не получится, будет развиваться частный капитал, а не социалистическое хозяйство.

Троцкистская оппозиция еще в 1923 г. выступала против политики снижения цен. В 1926 г. в связи с вопросом об изыскании средств для индустриализации она опять выдвинула осужден-

ную еще XIII партконференцией и XIII с'ездом ВКП(б) старую платформу. Что же предлагала оппозиция в 1926 г.?

Прежде всего необходимо, — говорила оппозиция, — повысить отпускные оптовые цены и тем самым урезать прибыли частной торговли, но при этом, — добавляла она, — следует стремиться к тому, чтобы различные цены не повышались. Стоит однако внимательно присмотреться к этому предложению, чтобы увидеть, что фактически оппозиция не возражает и против повышения розничных цен. Ведь речь шла о немедленном повышении отпускных цен в условиях, когда Советское государство еще не могло подчинить полностью частную торговлю своему регулированию. Поэтому частник вслед за повышением оптовых цен неизбежно повысил бы и свои розничные, и он смог бы это сделать с тем большим успехом, что и кооперация, покупая у государства товары по повышенным ценам, вынуждена была бы продавать их дороже. Следовательно повышение розничных цен произошло бы по всей линии розничной торговли.

Говоря об опасности частнокапиталистического накопления, троцкисты совершенно упускали из виду роль кооперации и государства в розничном обороте. Уже в 1925/26 г. 56% розничного оборота проходило через кооперацию и госторговлю и только 44% через частную торговлю. Если кооперация повысила бы свои цены, это вовсе не содействовало бы росту ее авторитета среди крестьянства и не послужило бы ее укреплению. Но оппозицию это мало беспокоило.

По мнению Преображенского, бывшего теоретического вождя троцкистской оппозиции, борьба идет у нас не между частным капиталистическим хозяйством и социалистическим, а между социалистическим государством и частным хозяйством вообще. В группу «частного хозяйства» входят и трудовые крестьянские хозяйства, не эксплоатирующие наемного труда, и все капиталистические хозяйства в городе и деревне. Социализм у нас будет осуществлен в результате победы государственного хозяйства над частным вообще, в результате вытеснения (в 1923 г. Преображенский говорил: «пожирания») второго первым. Вот из каких взглядов на план социалистического строительства исходит оппозиция в своих предложениях по вопросу о темпе индустриализации. Кооперации как основного пути деревни к социализму в схеме оппозиции не существует.

Раз между государственным и крестьянским («частным») хозяйством идет борьба, то нечего бояться повышения розничных цен, которое неизбежно произойдет вслед за повышением оптовых, нечего также бояться и повышения налогов. Раз социалистическим хозяйством является только государственное, то нечего особенно опасаться ослабления кооперации, этой организации частного хозяйства.

В том же направлении шли и другие предложения троцкист-

ской оппозиции, сводившиеся к повышению налогового обложения крестьянства, к из'ятию государственных средств из кооперации и передаче их промышленности, что неминуемо повело бы к усилению частника в торговле и было бы равносильно отказу от борьбы с ним.

Оппозиция предвещала быструю индустриализацию в результате изменения политики по ее рецепту. На самом же деле получилось бы обратное. Рост цен сократил бы платежеспособный спрос со стороны рабочего класса и крестьянства, спрос сократился бы также и в результате усиления налогового обложения. Усиленная перекачка прибавочного продукта из крестьянского хозяйства в госпромышленность повлекла бы за собой задержку в развитии сельского хозяйства, что еще больше сократило бы емкость внутреннего рынка для продуктов промышленности. В результате всего этого промышленность настолько обогнала бы сельское хозяйство, что лишилась бы одного из основных условий своего развития, — растущего сельского хозяйства и растущего спроса городского и деревенского. Кризис сбыта был бы совершенно неизбежен, кризис, далеко провосходящий размеры кризиса 1923 г., так как он произошел бы на более высокой ступени развития народного хозяйства, чем в 1923 г. Таким образом усиленная индустриализация по рецепту троцкистской оппозиции на самом деле превратилась бы в свою противоположность и подорвала бы условия, при которых индустриализация только и возможна, и мы бы не только не имели быстрого темпа индустриализации, — мы бы не имели никакой индустриализации.

Нетрудно видеть, что установка троцкистов в вопросе об источниках и темпе индустриализации целиком вытекает из взглядов троцкизма на отношения между рабочим классом и крестьянством, изложенных нами выше. XV с'езд партии в своих директивах по составлению пятилетнего плана осудил политическую линию троцкистов как подрывающую самые основы диктатуры пролетариата:

«В вопросе о темпе развития... следует исходить не из максимума темпа накопления на б л и ж а й ш и й год или несколько лет, а из такого соотношения элементов народного хозяйства, которое обеспечивало бы д л и т е л ь н о наиболее быстрый темп развития. С этой точки зрения нужно решительно и раз навсегда осудить оппозиционный лозунг повышения цен: этот лозунг не только привел бы к бюрократическому перерождению и монополистическому загниванию промышленности, не только ударил бы по потребителю и в первую очередь по рабочему классу и бедноте города и деревни, не только дал бы величайшие козыри в руки кулаку, — он через некоторое время дал бы резкое снижение темпа развития, сузив внутренний рынок, подорвав сельскохозяйственную базу промышленности и застопорив технический прогресс в индустрии.

В полном противоречии с Лениным, который прямо предостерегал против «сверхиндустриалистической» точки зрения, указывая на необходимость двигаться со всей основной массой крестьянства, отметал легковесные фразы о «крестьянской ограниченности», троцкистская оппозиция предлагает двигаться мимо этой массы, целиком разделяя осмеянный Лениным тезис об «ограниченности» и неизбежно обрекая на провал политику партии».

В борьбе против троцкизма партия проводила и проводит индустриализацию на основе укрепления смычки путем политики снижения цен, путем освобождения бедноты от налога, налогового облегчения середняка и усиления налогового пресса для кулака, путем всемерной поддержки и финансирования кооперации. Только на основе этой ленинской линии мы добились возможности на деле, а не на словах проводить индустриализацию действительно быстрым и все ускоряющимся темпом.

Когда партия, подготовив все необходимые экономические и политические предпосылки социалистической реконструкции, перешла к осуществлению этой реконструкции на основе быстрого темпа индустриализации, начался обстрел генеральной линии партии со стороны правой оппозиции, развернувшей полностью систему своих взглядов за последние два года и представляющей на данном этапе развития гораздо более серьезную опасность, чем троцкизм, — главную опасность для социалистического строительства.

Если троцкизм, прикрываясь «левыми» фразами, обвинял партию в том, что она проводит слишком медленный «черепаший» темп индустриализации, в отказе от индустриализации, то открыто оппортунистический уклон, правая оппозиция, открыто выступает против быстрого темпа индустриализации.

Правый уклон в период XIV съезда.

Современная правая оппозиция имеет свою «пред'историю» в лице правого уклона в период XIV с'езда партии. И тогда раздавались голоса, осужденные с'ездом, о том, что кулак — это выдумка, именно в этот период т. Бухариным был пущен лозунг «обогащайтесь», от которого он отказался только формально, ибо вся его система взглядов, разобранная нами выше, и защищаемая им теперь политическая линия находятся в полной гармонии с лозунгом «обогащайтесь».

Свое законченное выражение однако правый уклон в период XIV с'езда получил в выступлениях тт. Сокольникова и Шанина.

Доводы их сводились к следующему. Наши хозяйственные затруднения и в особенности товарный голод, возникший к концу восстановительного периода, вытекают не из диспропорции, существующей в народном хозяйстве, и не из того, что мы слабо индустриализованы, а из того, что партия и государство взяли курс на слишком быструю индустриализацию, непосильную для страны, создающую и обостряющую товарный голод [1].

[1] О действительной связи индустриализации с товарным голодом см. выше, стр. 141—145.

Для того чтобы индустриализироваться, — говорят сторонники этой точки зрения, — нам надо на ближайшее время отложить индустриализацию. Мы должны стремиться в первую очередь развить сельское хозяйство, так как для этого необходимы лишь незначительные средства по сравнению с теми, которые требуются для расширения основного капитала промышленности. Средства, вложенные в сельское хозяйство, быстро увеличат массу сельскохозяйственной продукции, мы значительно усилим наш вывоз и сможем быстро удовлетворить растущий спрос крестьянства ввозом из-за границы предметов потребления и средств сельскохозяйственного производства. Товарный голод будет таким образом преодолен. По истечении определенного промежутка времени (длительность которого сейчас невозможно предсказать, так как она зависит в первую очередь от международной обстановки), в течение которого и государство и крестьянское хозяйство накопят значительные средства, — можно будет приступить к быстрой индустриализации без тех затруднений, которые мы испытываем сейчас. У нас к тому времени будет достаточный фонд денежных средств для того, чтобы ввозить товары, в которых будет ощущаться недостаток при широком развертывании капитального строительства. В ближайшее время смычка между промышленностью и сельским хозяйством должна проходить не по линии индустриализации, а через мировой капиталистический рынок.

Совершенно ясно, что изложенная система взглядов по существу ведет к ликвидации социалистического строительства, несмотря на обещания быстрой индустриализации в будущем. В самом деле, как можно будет приступить к этой быстрой индустриализации, если в первое время роль госпромышленности не усилится, а наоборот, уменьшится?

Задержка в развитии промышленности при усиленном росте сельского хозяйства неизбежно приведет, во-первых, к ослаблению руководящей роли пролетариата в стране, ведь промышленность — база пролетариата — будет отставать от роста сельского хозяйства. А в таких условиях руководство трудовым крестьянством будет все больше переходить в руки кулака и капиталиста. Кроме того процесс расслоения крестьянства усилится, а кооперация, не опирающаяся на руководство растущей социалистической промышленности, не сможет задерживать процесса расслоения и постепенно перестанет быть формой социалистического строительства, так как в самой кооперации при падающей роли пролетариата все больше будет увеличиваться засилье кулацких элементов. Таким образом к тому моменту, когда надо будет переходить к «быстрой индустриализации», которая ведь потребует использования крестьянских накоплений, получится соотношение классовых сил в стране, далеко не благоприятное для «скачка», предлагаемого сторонниками изложенных взглядов.

С одной стороны, к моменту этого «скачка» неизбежно резкое ухудшение нашего международного положения. В «подготовительный» к индустриализации период наша зависимость от иностранных рынков и иностранного капитала еще больше увеличится. Пролетарское государство фактически превратится в торгового посредника между нашим крестьянством и иностранным капиталом. Аграризация страны ослабит также и нашу военную мощь, а это приведет к усилению давления мирового империализма на СССР. Ослабление социалистических элементов в нашем хозяйстве задержит процесс революционизирования международного пролетариата и ослабит силу его сопротивления попыткам нападения на СССР.

Как при таких внутренних и международных условиях можно будет перейти сразу к быстрой индустриализации, — даже трудно себе представить. К моменту этого перехода мы превратились бы в колонию империалистических государств.

Вся эта система взглядов была осуждена XIV и XV с'ездами партии. Современная правая оппозиция по существу «углубляет»

и превращает в теорию эти взгляды, уже давно осужденные партией.

Правая оппозиция и темп индустриализации.

Подобно тому как у троцкистов их политическая линия в практических вопросах социалистического строительства, в частности в вопросе индустриализации, вытекает из их теории движущих сил революции, — политическая линия правой оппозиции вытекает из теории врастания кулака в социализм, из ее мелкобуржуазных взглядов на социализм и т. п. Разберем здесь основные моменты платформы правых по вопросу об индустриализации и преодолении хозяйственных затруднений. Выше мы уже ознакомились со взглядами правых на характер и причины товарного голода. Они видят коренную причину товарного голода в быстром темпе индустриализации и предлагают преодолеть товарный голод не путем решительного преодоления нашей технико-экономической отсталости (для чего и нужен быстрый темп индустриализации), а путем замедления темпа индустриализации, путем создания рыночного «равновесия», в действительности не преодолевающего товарный голод, а усиливающего его в будущем. Эта оценка причин товарного голода по существу развита т. Бухариным в его «Заметках экономиста» и ничем существенным не отличается от взглядов правого уклона периода XIV с'езда.

В связи с этим встает вопрос об общем отношении (не только в связи с оценкой причин товарного голода) правой оппозиции к вопросу о темпе индустриализации. В «Заметках экономиста» т. Бухарин делает весьма прозрачный намек на то, что партия отступила от директив XV с'езда о необходимости «исходить не из максимума темпа накопления на ближайший год или несколько лет, а из такого соотношения, которое обеспечило бы длительно наиболее быстрый темп развития»[1]. Выдвигаемое им обвинение против партии т. Бухарин пытается обосновать тем, что в одном из проектов пятилетки ВСНХ (не утвержденном президиумом ВСНХ) прирост капитальных вложений в процентах к предущему году составлял для 1929/30 г. +39,6, для 1930/31 г. +7,3, для 1931/32 г. — 1 и для 1932/33 г. — 8,3. Такое «проектирование» конечно абсурдно. Только буржуазные спецы могли составить план капитальных «вложений», в котором в два последних года не только ничего не вкладывается, но с'едается вложенное в предыдущие годы. Поэтому президиум ВСНХ и отклонил этот «проект». Но т. Бухарин направляет свою критику не против этой бессмыслицы последних двух лет проекта, а против высокого темпа накопления в первый год и считает, что именно отсюда вытекает резкое падение темпа накопления в последующие годы. Поэтому вся аргументация т. Бухарина с таким же правом может быть направлена и против

[1] «Заметки экономиста», стр. 50—51.

нынешнего пятилетнего плана, в котором прирост капитальных вложений в 1929/30 г. составляет те же 40%, что и в отвергнутом проекте ВСНХ, а в 1932/33 г. — только 9,5%. По т. Бухарину мы и в действующей пятилетке имеем на втором году перенапряжение капитальных затрат (даже больше — 40,5% вместо 39,6% по неутвержденной пятилетке ВСНХ). Поэтому не теряют и сейчас, перед лицом новой пятилетки, своего смысла слова т. Бухарина:

«Нельзя ли и здесь, в вопросе о темпе, потребовать точного выполнения решений XV с'езда? Ведь перенапряжение капитальных затрат: 1) не будет сопровождаться реальным строительством такого об'ема, 2) неизбежно через некоторое время поведет к свертыванию уже начатых работ, 3) крайне неблагоприятно отразится на других отраслях производства, 4) обострит товарный голод по всем линиям, 5) в конечном счете снизит темп развития» («Заметки экономиста», стр. 51—52, выделено т. Бухариным).

Наилучший ответ против доводов т. Бухарина может дать сопоставление темпов роста капитальных вложений и темпов роста продукции по пятилетнему плану (см. Пятилетний план, т. I, стр. 162—163).

Темп прироста (в процентах к предшествующему году) по промышленности, планируемой ВСНХ:

	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.	1932/33 г.
1. Капитальные вложения в основные фонды	25,9	40,5	23,6	9,9	9,5
2. Валовая продукция .	21,4	21,5	22,1	23,8	25,2

Смысл этой картины ясен. Именно потому, что в первые годы пятилетки мы имеем наивысшие темпы капитальных вложений, мы имеем длительно высокие и все повышающиеся темпы прироста валовой продукции, т. е. не «обострение товарного голода по всем линиям», а его изживание, не «снижение в конечном счете темпа развития», а его повышение. Ведь ясно, что если в первые годы пятилетки взять меньший темп капитальных вложений, то в последующие годы не получилось бы такого повышения продукции. Откуда взялась бы эта продукция, необходимая для ликвидации товарного голода, если бы мы в первые же два года пятилетки не развернули широкого строительства новых фабрик и заводов? Партия сознательно пошла на напряженный (но не перенапряженный) темп строительства, ибо только на этом пути возможна действительная ликвидация товарного голода, ибо только на этом пути возможно точное выполнение решений XV с'езда.

Тов. Бухарин и вместе с ним вся правая оппозиция, прикрываясь решениями XV с'езда, своими предложениями на деле ревизует эти решения.

Рассматривая вопрос о темпах прироста капитальных вложений, надо еще иметь в виду, что в приведенной табличке темпы по валовой продукции исчислены по ценам 1926/27 г. (т. е. в постоянных ценах), а по капитальным вложениям — по ценам соответствующего года. Поскольку мы из года в год будем иметь снижение цен, то фактические темпы прироста вложений (по их так называемому физическому об'ему, или натуральной величине) будут значительно выше приведенных в таблице. Переход на непрерывную неделю, дающий уже в 1929/30 г. прирост продукции в 35% вместо 21,5% по пятилетке, пересмотр плана в сторону повышения всех заданий дадут в действительности еще более высокие темпы прироста вложений и на этой основе прироста продукции, т. е. «в конечном счете» это поднимет на еще большую высоту общий темп развития и ускорит изживание товарного голода.

Правая оппозиция в вопросе о легкой и тяжелой индустрии.

Выступая за снижение общего темпа индустриализации, оппозиция вместе с тем стремится в особенности к снижению темпа развития тяжелой промышленности, ибо наибольшая доля капитальных вложений приходится на тяжелую промышленность и именно вложения в эту отрасль являются, как мы видели, о д н о й из причин (а не основной) временного, но неизбежного усиления товарного голода.

Но такое отношение к вопросу о темпах роста тяжелой и легкой индустрии свидетельствует о том, что правая оппозиция в лучшем случае недооценивает или не понимает значения новых форм смычки. На деле ослабление темпа развития тяжелой промышленности, вытекающее из общего снижения темпа капитальных вложений, означает отказ от перехода к новым формам смычки, к производственной смычке. Так как основное значение новых форм смычки заключается в переводе сельского хозяйства на рельсы крупного обобществленного хозяйства, на базе крупной машинной техники, то отказ от перехода к этим новым формам (а в современных условиях классовой борьбы даже замедление этого перехода равносильно отказу от него) привело бы к задержке роста производительных сил сельского хозяйства, к действительной деградации его, к усилению капиталистической и значительному ослаблению социалистической тенденции развития сельского хозяйзяйства. Но по теории врастания кулака в социализм все это не так уже страшно. Ведь по этой теории надо сначала поднять бедняка и середняка до уровня «зажиточного», а это можно прекрасно сделать и без новых форм смычки.

В своей борьбе против генеральной линии партии правые выдвигают целый ряд «теорий» и аргументов («теория потребностей

и возможностей», равнение на «узкие» места, неправильная теория равновесия, частично уже затронутая нами выше). Мы в нашем изложении остановились на основных аргументах оппозиции. На всех их лежит печать буржуазной и мелкобуржуазной идеологии, идеологии специалистов, работавших и частично сейчас еще работающих в советских учреждениях и пытающихся изнутри советского аппарата тормозить социалистическое строительство и свести работу нашего аппарата на путь благоприятствования капиталистическим элементам, чтобы в конечном итоге создать условия для капитуляции пролетарской диктатуры перед капитализмом [1].

Обвинение партии в сползании к троцкизму.

Для того чтобы прикрыть свое отступление перед кулаком, правая оппозиция обвиняет партию в том, что своим курсом на быстрый темп индустриализации партия якобы скатилась к троцкистскому «сверхиндустриализму». Правые этим обнаруживают полное непонимание различия между троцкистской «сверхиндустриализацией» и генеральной линией партии.

Партия никогда не выступала и не могла выступать вообще против быстрого темпа индустриализации. Партия боролась и борется против «индустриализации», проводимой за счет подрыва производительных сил сельского хозяйства и ведущей к ослаблению смычки с основными массами крестьянства. Суть политической линии троцкизма заключалась не в быстром темпе индустриализации (это была только «левая» фраза в устах троцкистов наподобие их целого ряда других «левых» лозунгов), а в недооценке, доходящей до пренебрежения, роли крестьянства в революции вообще и в частности роли среднего крестьянства в социалистическом строительстве, в том, что троцкистская оппозиция, как указывает XV с'езд, исходила «из требования максимальной перекачки средств из сферы крестьянского хозяйства в сферу промышленности» и «в полную противоположность Ленину выставляла положение, что с крестьян нужно брать больше, чем брал старый строй, что нужно вести политику повышения и без того очень высоких цен и т. д. и т. д.».

Перефразируя слова Ленина, можно сказать, что мы сомкнулись с крестьянской массой, с рядовым трудовым крестьянством, и двигались вперед неизмеримо, бесконечно медленнее, чем мы мечтали раньше, но зато так, что действительно двигались и дви-

---

[1] Для более подробного ознакомления с аргументацией правых отсылаем читателя к сборнику «Против правой опасности и примиренчества», Гиз, 1929 г. Взгляды буржуазных спецов очень удачно изложены (с приведением многих цитат из их выступлений с указанием источников) и разобраны в упомянутой книге Леонтьева, гл. V, § 2. Из сопоставления аргументов правых и буржуазных идеологов нетрудно убедиться в отсутствии оригинальности у правых, которые ничего нового не прибавили к аргументации Кондратьева и К°.

жется вся масса с нами. Теперь же наступило время такого ускорения этого движения, которое является необходимым условием нашего дальнейшего развития и о котором мы раньше и мечтать не могли. Быстрый темп индустриализации, проводимый партией, «похож» на троцкистскую «сверхиндустриализацию», как пролетарская революция, проделанная по Ленину, похожа на перманентную революцию Троцкого.

Обвинение партии в военно-феодальной эксплоатации крестьянства.

Но для того чтобы «доказать», что партия переняла у Троцкого не только лозунг быстрого темпа индустриализации, но и проведении индустриализации за счет крестьянства, правая оппозиция обвиняет партию в «военно-феодальной эксплоатации крестьянства», в проведении индустриализации ценой деградации сельского хозяйства. В последующих главах (в связи с изложением сельскохозяйственной налоговой политики и политики цен) мы будем иметь возможность ближе ознакомиться с вопросом о «деградации» сельского хозяйства. Теперь же рассмотрим вопрос в общих чертах и с принципиальной стороны.

«Неправильно было бы, — указывает XV с'езд, — отказываться от привлечения средств деревни к строительству индустрии: это в настоящее время означало бы замедление темпа развития и нарушение равновесия в ущерб индустриализации страны».

Но привлечение средств деревни к индустриализации в том виде и в том размере, как это происходит сейчас, представляет в политическом отношении прямую противоположность троцкистскому лозунгу: брать с крестьянства больше, чем царизм. Правые, выдвигая против партии чудовищное обвинение в военно-феодальной эксплоатации крестьянства, тем самым еще раз доказывают, что они отражают классовые требования кулака, противопоставляющего свое хозяйство социалистической индустрии. Это обвинение как нельзя лучше обслуживает агитацию кулака, пытающегося внушить и среднему крестьянству эту мысль о противоположности интересов середняка и индустриализации, о том, что развитие металлургии, химической промышленности, тракторостроение и т. п. идет на пользу только пролетариату, а не крестьянству. Правые в данном случае дают пищу кулацкой агитации, стремящейся задержать социалистическое переустройство мелкого крестьянского хозяйства, переустройство, которое навсегда уничтожает почву эксплоатации и вырывает самые глубокие корни ее.

Но посмотрим, как выглядит эта «военно-феодальная эксплоатация крестьянства» на деле. Вот итоговые данные ориентировочного «Расчетного баланса взаимоотношений государства с деревней за 1928/29—1932/33 гг.» по отправному варианту[1].

[1] Пятилетний план, т. II, ч. 2, стр. 28.

Всего за пять лет государство получает от всех индивидуальных крестьянских хозяйств по налогам и займам 11 710 млн. руб. (14,8% их дохода), а возвращает через бюджет и кредит 8 043 млн. руб. Следовательно чистый приход государства составляет 3 667 млн. руб., или 4,6% прихода всех индивидуальных хозяйств. Но если принять во внимание, что за эти пять лет крестьянство выигрывает 3 931 млн. руб. на снижении промышленных цен и на том, что к концу пятилетия уровень сельскохозяйственных цен будет еще на 2,4% выше, чем в 1927/28 г., мы получаем «военно-феодальную эксплоатацию крестьянства», выражающуюся в 264 млн. руб., которые государство *дает* крестьянству на основании быстрого темпа индустриализации, к которой *привлекаются* (но не отчуждаются) средства крестьянства.

При этом главное заключается в том, что даже с учетом выигрыша на ценах капиталистическая верхушка деревни отдает безвозвратно государству 1 555 млн. руб. (а без учета этого выигрыша — 2 111 млн. руб.), которые распределяются между бедняцко-середняцкими массами крестьянства. Это все относится к индивидуальным хозяйствам. Что касается совхозов и колхозов, то за пять лет государство имеет от них дефицит (т. е. дает больше, чем изымает) в 1 546 млн. руб.

Своими криками о военно-феодальной эксплоатации крестьянства и сползании партии к троцкизму оппозиция пытается маскировать *свой отход* от ленинизма в сторону буржуазной идеологии. Поэтому «партия отвергает этот правый уклон от партийной линии с такой же решительностью, с какой она отвергла несколько лет назад троцкистское извращение партийной линии, ведущее к подрыву союза рабочего класса с „середняком“» (XVI партконференция).

Понимание правыми сущности нэпа.

Разобранная нами политическая линия правой оппозиции, являющаяся развитием ее теории врастания кулака в социализм, как и самая эта теория, свидетельствует о том, что у оппозиции есть свой особый расходящийся с ленинизмом взгляд и на сущность нэпа. Если в самое понятие «социализм» правые вкладывают, как мы видели, иное содержание, чем партия, если у них есть свой «кооперативный план», если они под видом критики *быстрого* темпа индустриализации выступают на деле против самого курса на индустриализацию (ибо в современных условиях индустриализация возможна только при быстром темпе ее) и т. д., — то у них *должен быть свой* взгляд на сущность нэпа.

И совершенно не случайно раздавались голоса со стороны правых, что крестьянин превратился в «сдатчика» хлеба, что мы возвращаемся к методам военного коммунизма, когда крестьянин не продавал, а сдавал свой хлеб (ниже, при разборе методов хлебо-

заготовок, мы увидим, что применяемые нами методы коренным образом отличаются от методов продразверстки).

Отличительной чертой военного коммунизма была не вообще ликвидация рыночных отношений, а ликвидация этих отношений насильственным путем при подавлении экономических стимулов крестьянина. Нэп, с другой стороны, вовсе не означает полной свободы торговли, не означает отказа от государственного регулирования торговли. Такой отказ был бы равносилен прямому отказу от социализма. Как полную свободу торговли нэп понимала только нэповская буржуазия, которая еще в 1923 г., когда государство приступило к усиленному развитию кооперации и вытеснению частника из торгового оборота, стала кричать о возврате к военному коммунизму.

Отражая настроения и чаяния нэповской буржуазии, проф. Л. Юровский писал в 1926 г. («Вестник финансов» № 12): «Мероприятия последнего рода (плановый завоз товаров и другие мероприятия по регулированию товарного и денежного обращения. — *Авт.*) должны либо изживаться в нашей хозяйственной жизни, либо возрастать. Изживание их означает, что существующая хозяйственная система развивается в качестве системы товарно-социалистической, а возрастание их означает, что она неизбежно и быстро эволюционирует в сторону системы с законченным плановым распределением, т. е. системы того типа, построение которого было прервано в 1921 г.» (выделено нами). Итак — или военный коммунизм или «товарный социализм», а что может существовать «система с законченным плановым распределением» не по типу военного коммунизма, система, к которой мы стремимся и идем, — это не укладывается в понятия буржуазной экономической мысли.

Мы уже приводили ряд данных о степени обобществления товарного обращения. «Свободная» рыночная стихия все больше замещается плановым распределением в форме купли-продажи. Как указывает XV с'езд в директивах к составлению пятилетнего плана (т. е. в директивах на ближайшее время), «обобществленный сектор обращения, расширяясь за счет вытеснения частного капитала, внося плановое начало в сферу товарооборота... в дальнейшем, в меру успехов социалистического строительства, преобразуется в аппарат социалистического распределения продуктов» (выделено нами). В частности контрактация например и является одной из ступеней (притом чрезвычайно важной) этого преобразования. Если правые недовольны тем, что крестьянин по контрактации «сдает» хлеб (за деньги, а не в «ссуду» государству, как при военном коммунизме), то они с головой выдают себя как противников перерастания рыночных отношений в плановое распределение. Они этим доказывают, что они видят в нэпе только развитие товарооборота,

как и буржуазные идеологи, но не видят, что нэп — это путь к социализму. Они не понимают, что «рыночные отношения в условиях пролетарской диктатуры, при правильной политике со стороны советского государства, несут в своем развитии собственную гибель: способствуя вытеснению частного капитала, переделке крестьянского хозяйства, дальнейшей централизации и концентрации средств производства в руках пролетарского государства, они способствуют тем самым преодолению рыночных отношений вообще» (программа КИ).

Правая оппозиция и классовая борьба.

Если же правые считают, что крестьянин превратился в «сдатчика» хлеба, что мы возвращаемся к методам военного коммунизма, на том основании, что при хлебозаготовках мы стали применять принудительные меры в отношении кулаков и спекулянтов, то они этим обнаруживают свое непонимание современных условий классовой борьбы, когда маневрирование хлебными излишками в условиях продовольственных затруднений, коренящихся в чрезмерной отсталости сельского хозяйства, становится одним из наиболее острых орудий борьбы кулака против социалистического строительства.

У правых есть другой путь решения зерновой проблемы: «Пока мы, — пишет т. Фрумкин, — испытываем величайшие трудности из-за недостатка хлеба, пока у нас плохо обстоит с сырьем, мы не должны мешать производству и кулацких хозяйств, борясь одновременно с их кабальной эксплоатацией».

Такая постановка вопроса на деле означает решение зерновой проблемы по линии капиталистического развития сельского хозяйства, ибо хлебные затруднения не только вытекают из чрезмерной отсталости сельского хозяйства, они являются и прямым результатом контрнаступления буржуазной верхушки крестьянства против наступления социализма. Предлагать в таких условиях «не мешать производству и кулацких хозяйств», значит на деле уже на первом этапе решительной схватки социализма и капитализма в сельском хозяйстве сделать капитализму уступку, решающую в его пользу исход борьбы, отказаться от директивы XV с'езда об усиленном наступлении на кулака. Предложение т. Фрумкина выражает курс на развитие производительных сил безотносительно к социальному направлению этого развития, а на деле курс на капиталистическое их развитие. Это предложение находится в полной гармонии и вытекает из разобранной выше «теории постоянных уступок», теории, пронизывающей все взгляды правой оппозиции.

«Вопли правых о «деградации» сельского хозяйства, как и антиленинская теория правых о «постоянных уступках» мелкобуржуазным слоям деревни (отказ от регулирующей роли госорганов на рынке, отказ от индивидуального обложения верхних слоев ку-

лачества, отказ от политики нажима на кулачество и применений при известных условиях временных чрезвычайных мер против кулачества и его попыток срыва советской политики цен, с обеспечением при этом общественной поддержки мероприятий советской власти со стороны бедняцко-середняцких масс) на деле являются идеологическим отражением напора на советское государство капиталистических элементов, стремящихся повернуть деревню на капиталистический путь» (XVI партконференция).

Оценка правыми современных условий классовой борьбы обусловлена их общими взглядами на классовую борьбу в переходный период вообще. В брошюре «Путь к социализму» (стр. 53—54) т. Бухарин писал: «Такие случаи (террористические вылазки кулаков, как пример усиления кулацкой активности. — *Авт.*) бывают обычно там, где еще советский местный аппарат является слабым. По мере улучшения этого аппарата, по мере укрепления всех низовых ячеек советской власти, по мере улучшения и усиления местных деревенских партийных и комсомольских организаций, такого рода явления будут, как это совершенно очевидно, становиться все более редкими и в конце концов бесследно исчезнут».

Как раз наоборот, — именно там, где советский и партийный аппарат плох, где он не мешает кулаку обогащаться и врастать в социализм, кулаки не прибегают к открытым и острым формам борьбы. Они становятся активными и переходят в ожесточенное контрнаступление тогда, когда мы наступаем. Обострение кулацкого сопротивления и классовой борьбы является результатом не нашей слабости, а нашего усиления, результатом роста и наступления социализма. Особо острым становится это сопротивление теперь, когда мы вплотную подходим к выкорчевыванию корней капитализма.

Представляя отмирание классовой борьбы в таком виде, правые показывают, что они вопреки решениям XV партийного с'езда стремятся подменить линию партии «на усиление наступления на кулака» политикой мирного сожительства с кулаком и «врастания кулака в социализм». Это на деле означает курс правых элементов на отказ от основной линии партии, направленной к уничтожению классов. Тем самым линия правых ведет к увековечению кулацкой кабалы и эксплоатации бедняцких и середняцких масс крестьянства со стороны кулачества. Отсюда оппортунистическое отрицание правыми факта обострения классовой борьбы в деревне, вопреки неоднократным указаниям Ленина на то, что диктатура пролетариата означает не прекращение классовой борьбы, а ее продолжение в новых формах, иногда в самых острых формах, особенно в связи с успешным вытеснением капиталистических элементов социалистическими в условиях нэпа» (XVI партконференция).

Правая опасность — главная опасность текущего периода социалистического строительства.

Хотя троцкизм и открыто оппортунистическая оппозиция по-разному и с разных сторон критикуют генеральную линию партии, они приходят на деле к одному и тому же результату, — к подрыву самых основ диктатуры пролетариата со всеми вытекающими из этого последствиями. Но основной опасностью в текущий период развития является правая опасность. И не потому только, что троцкизм уже разоблачен перед широчайшими массами пролетариата в СССР и за его пределами, но и потому, что правая оппозиция по характеру и содержанию своих выступлений в современной обстановке классовой борьбы находит гораздо больше, чем троцкисты, сторонников в лагере наших врагов и способна сыграть, пусть и несознательно, роль фактора, мобилизующего и организующего все силы, враждебные пролетарской революции. Кулак, нэпман, вредитель и бюрократ видели в троцкизме прежде всего силу, разрушающую партийное единство, направленную вообще против партийной линии и партийного руководства, в желанной победе троцкистов они видели прежде всего поражение партии. Но их не могли привлечь «левые» лозунги троцкистов.

Иное дело с правой оппозицией; ее линия, ее лозунги не только косвенно, но и прямым образом выражают интересы классовых противников пролетариата. На текущем этапе развития классовый интерес наших противников заключается в том, чтобы заставить партию и советскую власть застыть на начальном этапе нэпа, на позициях восстановительного периода, когда мы делали незначительные капитальные вложения, когда мы были гораздо слабее в деле регулирования рынка, когда налоговый нажим на частника был слабее, когда кооперация и госторговля были слабее, когда в деревне колхозы находились в самом зачаточном состоянии, когда мы не вели усиленного наступления на кулака и на все капиталистические элементы. Если бы мы застыли на этих позициях, победа капитализма была бы обеспечена.

А правая оппозиция своим отрицанием новых форм смычки и вытекающим отсюда фактическим отказом от коллективизации, своими нападками на быстрый темп индустриализации, равносильными отказу от самого курса на индустриализацию, своим вытекающим из этого фактическим отказом от преодоления нашей технико-экономической отсталости, фактическим курсом на увековечение кулацкой кабалы, на ослабление нашей обороноспособности, своими криками о возврате к военному коммунизму, маскирующими отказ оппозиции от необходимости обобществления торговли и их стремления к увековечению рыночных отношений, своими демагогическими выступлениями о «военно-феодальной эксплоатации» крестьянства, своими призывами не мешать развитию кулацкого хозяйства, — одним словом всей своей теорией мирного

врастания кулака в социализм правая оппозиция пытается тянуть партию назад, к первоначальным позициям восстановительного периода, выполняя «социальный заказ» нашего классового врага, давая ему политическую платформу, — одно из необходимейших условий мобилизации и организации его сил.

Борьба против правых и примиренчества как основное условие выполнения пятилетнего плана.

Усиливая позицию классового врага, правая оппозиция в то же время «разоружает рабочий класс перед классовыми врагами, усыпляет его революционную бдительность, ослабляет его боеспособность» (XVI конференция). Вот почему выполнение пятилетнего плана, этой программы великих работ по построению социалистического общества, включает в себе как одну из своих составных задач борьбу против правой оппозиции и примиренческого отношения к ней. Если правая оппозиция открыто выступает с антипартийными лозунгами, то роль примиренчества заключается в том, что оно преуменьшает, маскирует, затушевывает и фактически поддерживает борьбу правой оппозиции. Тем самым она не в меньшей, если еще не в большей, мере, чем правые, способствует разоружению пролетариата в его классовой борьбе.

Но борьба против правой опасности и примиренчества должна заключаться и заключается не только в опровержении и разоблачении взглядов правых, ибо носителями правой опасности являются не только идеологи правой оппозиции. Носителями правой опасности являются и те работники советского административного и хозяйственного аппарата, профсоюзов, кооперации, те члены партии, которые в своей практической работе не проводят достаточно четкой, выдержанной и твердой классовой линии, не дают отпора поползновениям классового врага, отступают перед нажимом с его стороны, поддаются его влиянию и превращаются в его орудие. Вот почему действительная борьба против правой опасности требует прежде всего мобилизации революционной бдительности, энергии и творческой инициативы масс в самом подлинном смысле этого слова. Вот почему одним из центральных лозунгов партии в текущий период является лозунг самокритики, как метода активного творчества самых широких масс в деле искоренения недостатков нашего аппарата и всей нашей работы, недостатков, которые мешают, тормозят нашу работу и помогают противнику. Вот почему наконец одной из крупнейших задач по осуществлению пятилетки является чистка нашего аппарата, имеющая целью создать аппарат, свободный от враждебных элементов и от элементов, которые своей работой фактически помогают классовому врагу, чистка партии, имеющая целью «усилить сопротивление влиянию мелкобуржуазной стихии, сделать партию более однородной, более боеспособной в деле преодоления трудностей социалистической реконструкции народного хозяйства».

Социалистическое строительство вступило в период, когда основным и решающим условием его успеха является действительное творчество, действительная активность действительных масс, освобожденных от капиталистического рабства, в деле борьбы против опасностей и трудностей, стоящих на пути к социализму, в деле построения основы нового общества.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА СОВВЛАСТИ В ОТДЕЛЬНЫХ ОТРАСЛЯХ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА.

Общий план социалистического строительства, изложенный нами в первой части книги, его основные принципы, методы и задачи должны быть осуществлены через целый ряд конкретных мероприятий в различных отраслях народного хозяйства. Социалистическое строительство происходит не в каком-то безвоздушном пространстве, а в реальном народном хозяйстве со всеми его подразделениями, оно должно охватить все отрасли хозяйства и каждую из них преобразовать в требуемом направлении. Здесь, в отдельных отраслях народного хозяйства, социалистическое строительство получает свою конкретную реализацию. Поэтому нашим дальнейшим шагом после изучения общих основ советской экономической политики должно быть изучение советской экономической политики в отдельных отраслях хозяйства.

Все отрасли народного хозяйства (промышленность, сельское хозяйство, торговля, финансы) неразрывно связаны друг с другом, и в то же время каждая отрасль выполняет свое особое назначение и имеет свои особые задачи. Промышленность и сельское хозяйство охватывают все народнохозяйственное производство,—в торговле и финансах мы имеем дело с процессами обращения и распределения. Между промышленностью и сельским хозяйством существует широкое разделение труда, и связь между ними осуществляется через процессы обращения.

Но наряду с этим единством народного хозяйства и происходящих в нем процессов и в связи с этим единством мы имеем еще и единство цели и общего плана социалистического строительства.

Основная задача социалистического строительства, изложенная нами в предыдущих главах, сводится к планомерному и всестороннему обобществлению всего народного хозяйства. Отсюда следует, что наша экономическая политика должна рас-

сматривать и регулировать все отрасли народного хозяйства в их взаимной связи.

Но если в каждой отрасли народного хозяйства и соответственно этому в каждой области нашей экономполитики государство ставит себе одну и ту же цель — социалистическое преобразование всего народного хозяйства, — то все же *задачи*, возникающие в каждой отрасли хозяйства, не могут быть однородными. Наряду с единством народного хозяйства необходимо иметь в виду и различия между отдельными его отраслями, различия между сферой производства и сферой обращения, отраслями производства с высоким уровнем производительных сил и высокой степенью обобществления (промышленность) и отраслями с отсталой техникой, находящимися на начальной стадии обобществления (сельское хозяйство). Отсюда, а также из особой роли каждой отрасли во всем народном хозяйстве, следует, что в каждой данной отрасли хозяйства неизбежны свои особые методы и задачи социалистического строительства.

В дальнейшем мы и разберем, каким образом общие принципы и методы социалистического строительства, изученные нами выше, применяются и осуществляются в различных отраслях нашего советского хозяйства.

При этом мы начнем изучение советской экономполитики по отраслям хозяйства с промышленности. Промышленность, как мы видели, является ведущим началом в нашем хозяйстве. Она представляет собой основной рычаг развития производительных сил *всего* хозяйства, его индустриализации и реконструкции, она является основной материальной базой процесса обобществления всех остальных отраслей народного хозяйства. Политика в области промышленности даст нам таким образом как бы дополнительный к общей теории социалистического строительства ключ для понимания нашей политики в остальных отраслях народного хозяйства.

ГЛАВА VI.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

Задачи экономической политики в области промышленности вытекают, с одной стороны, из общих задач социалистического строительства, а с другой — из роли промышленности во всем народном хозяйстве.

Государство должно постоянно следить за тем, чтобы в промышленном производстве была обеспечена все возрастающая роль за предприятиями последовательно-социалистического типа. Для этого необходимо, во-первых, придать всей государственной промышленности такую организационную форму, которая обеспечила бы ей победу в рыночной борьбе, и во-вторых, регулировать частную промышленность таким образом, чтобы, не приостанавливая роста производительных сил в целом, обеспечить более быстрый рост производительных сил в государственной промышленности. Мы рассмотрим поэтому в настоящей главе организацию государственной промышленности и регулирование взаимоотношений между государственной и частной промышленностью.

Важнейшим вопросом взаимоотношений между промышленностью и сельским хозяйством является вопрос о ценах. От уровня цен зависит также наше положение на мировом рынке, от уровня цен зависит благосостояние рабочего класса и основных слоев крестьянства. Вопрос о проблеме цен на промышленные товары в той части, в которой эти цены зависят от самой промышленности, т. е. вопрос о себестоимости промышленных изделий — эта «центральная проблема промышленности» (резолюция XV с'езда ВКП (б) — является третьим пунктом, подлежащим рассмотрению в настоящей главе.

И наконец четвертая группа вопросов, которые мы должны рассмотреть в связи с изучением советской экономической политики в промышленности, это вопросы капитального строительства. Никакая правильная даже самая совершенная организация госпромышленности не в состоянии сама по себе обеспечить победу над капиталистической промышленностью. Для этого необходим рост госпромышленности, расширение и усовершен-

ствование ее производственно-технического аппарата. Поскольку далее речь идет о снижении себестоимости на основе рационализации, то и здесь решающим в конечном итоге фактором является введение в производство новых крупных предприятий, построенных по последнему слову технической науки. А если мы возьмем основную роль промышленности в деле индустриализации, реконструкции и обобществления всего нашего народного хозяйства и в деле укрепления обороноспособности нашей страны строящегося социализма, то и в этом отношении решающее значение имеет капитальное строительство в госпромышленности. Если проблема себестоимости является на данном этапе центральной проблемой промышленности, то капитальное строительство является центральным пунктом нашей программы по социалистической реконструкции всего народного хозяйства.

§ 1. Организация государственной промышленности.

Одним из условий сохранения за государственной промышленностью господствующей роли в народном хозяйстве является правильная организация управления промышленностью. В 1923/24 г. в СССР было 6 626 действовавших государственных промышленных предприятий, в 1924/25 г. их было 7 386, в 1925/26 г. — 8 313, а в 1926/27 г. — 8 786. Совершенно ясно, что при таком большом числе госпредприятий, разбросанных по всей территории СССР, от правильной организации управления ими зависит успешность работы промышленности и исход ее борьбы за овладение рынком, вытеснение капиталистических элементов хозяйства и социалистическое переустройство мелкокрестьянского хозяйства.

В условиях новой экономической политики при наличии развивающихся рыночных отношений государственная промышленность должна быстро учитывать меняющиеся условия рынка, своевременно приспособляться к ним и использовать их. В противном случае государственная промышленность оказалась бы в невыгодном положении в сравнении с частным капиталом, и, несмотря на то, что она обладает большей и важнейшей частью всех промышленных предприятий в стране, госпромышленность не смогла бы использовать это свое преимущество. Поскольку связь с крестьянским хозяйством устанавливается через рынок, госпромышленность должна овладеть рынком для того, чтобы повести за собой крестьянское хозяйство.

Для успешного выступления на рынке нужны гибкость, уменье маневрировать, нужно быстро принимать решения и выполнять их. Следовательно управление государственной промышленностью не может быть сосредоточено в одном центре,

так как в этом случае она была бы лишена необходимой гибкости и маневренной способности.

Задача овладения рынком является двухсторонней. С одной стороны, необходим своевременный учет условий рынка с целью наилучшего использования и приспособления к ним. Но, с другой стороны, это приспособление должно быть активным, госпромышленность должна воздействовать на рынок и через рынок на крестьянское хозяйство, она должна выступать на рынке, как ведущий, решающий фактор. Отсюда следует, что приспособление к рынку (с целью овладения им) и децентрализация управления промышленностью не должны привести к распылению госпромышленности на отдельные хозяйствующие ячейки, ибо в этом случае была бы неизбежна конкуренция между отдельными государственными предприятиями, которой воспользовался бы частный капитал. Сила государственной промышленности заключается в ее единстве, в том, что она выступает на рынке единым фронтом, как единое целое.

Таким образом задача организации государственной промышленности сводится к тому, чтобы промышленность имела оперативную самостоятельность при централизованном руководстве ею. Эта задача полностью разрешена в современной организации госпромышленности.

Государственные тресты.

Основной организационной единицей государственной промышленности является трест. Декретом 29 июня 1927 г. «государственным промышленным трестом признается государственное промышленное предприятие, организованное на основе особого устава, в виде самостоятельной хозяйственной единицы с правами юридического лица и неделимым на паи капиталом, состоящее в ведении одного, указанного в уставе, государственного учреждения и действующее на началах коммерческого расчета в соответствии с плановыми заданиями, утверждаемыми упомянутым учреждением. Тресту предоставляется, согласно настоящему положению и его уставу, самостоятельность в оперативной деятельности».

Было бы нецелесообразно дать оперативную самостоятельность каждой производственной единице (фабрике, заводу) в отдельности, так как это создавало бы величайшие трудности в деле планового руководства промышленностью. Поэтому самостоятельность управления дается не каждому отдельному заведению, а тресту, об'единяющему несколько однородных или разнородных (комбинированных) предприятий. Все предприятия, входящие в состав треста, представляют собой единое хозяйственное целое, единое предприятие.

Трест получает свое имущество (основной и оборотный капитал) от государства, но пользуется правом самостоятельного

заведывания этим имуществом. Председатель и члены правления треста назначаются государством (в лице ВСНХ) и должны проявлять «необходимую заботливость и предусмотрительность и несут дисциплинарную, уголовную и гражданскую ответственность как за целость вверенного им имущества, так и за хозяйственное ведение дела» (статья 20 декрета о трестах).

Таким образом, если правлению треста предоставляется довольно большая самостоятельность в управлении об'единяемыми им предприятиями и в ведении дела, то законом на него налагается и большая ответственность. Это значит, что управление треста должно все время помнить о том, что оно выполняет дело, порученное ему пролетарским государством.

Это последнее обстоятельство сразу обнаруживает глубокую разницу, существующую между советскими трестами и капиталистическими. Тресты капиталистические, как и наши советские, также представляют собой об'единение предприятий. Но в то время как капиталистический трест является частнохозяйственным предприятием, ставящим себе единственной целью извлечение наибольшей прибыли путем эксплоатации рабочих и взвинчивания цен, советские тресты являются предприятиями пролетарского государства, ставящего себе совершенно иные цели. Мы уже в четвертой главе говорили о том, что в наших государственных предприятиях нет противостоящих друг другу двух классов и поэтому в них нет эксплоатации рабочего класса, так как они принадлежат самому же рабочему классу в лице его государства, — это предприятия, которые Ленин назвал предприятиями «последовательно-социалистического типа». В этом, — в отсутствии эксплоатации, — заключается первое и основное отличие советских трестов от капиталистических.

Члены правления треста, директор завода не являются лицами, стоящими над рабочим классом. Наоборот, они сами поставлены рабочим государством для организации производства. Вот что говорит т. Дзержинский, руководивший советской промышленностью, в одном из своих писем: «Задачи, стоящие перед ВСНХ, смогут быть успешно разрешены лишь при одном условии, — если эти задачи станут задачами самых широких пролетарских масс. Хозяйственник, не привлекший поддержки рабочих, которыми он руководит, не может выполнить поставленных историей перед нами задач. Наши хозяйственники ни на секунду не должны забывать, что они являются исполнителями — работниками диктатуры рабочего класса. Они, по сути своей работы, — вожди рабочих в деле, которое им вручено. И если хозяйственник не знает массы, не умеет стать ее вождем, не сумел завязать с ней постоянных, живых связей, то он не может быть ни хорошим членом партии, ни хорошим хозяйственником».

Для успешной работы промышленности необходимо единоличное управление производством, но поставленные для этого лица являются только исполнителями поручений рабочего государства.

Хозяйственный и коммерческий расчет.

Второе и не менее важное отличие советских трестов от капиталистических заключается в различии целей тех и других. С первого взгляда может показаться, что коммерческий расчет, которым должны руководствоваться в своей деятельности наши тресты, сближает их с капиталистическими трестами. В статье 2 упомянутого декрета о трестах так и сказано, что тресты «действуют на началах коммерческого расчета». Оппозиция на XIV с'езде партии и указывала, что наличие коммерческого расчета превращает наши тресты в госкапиталистические предприятия.

Существует однако глубокая разница между коммерческим расчетом советских трестов и капиталистических. Владельцев капиталистического треста интересует только получение прибыли, а полученная ими прибыль является их личной собственностью и служит орудием еще большей эксплоатации рабочего класса. Между тем для владельца советской национализированной промышленности, т. е. для пролетарского государства, прибыль является не самоцелью, а лишь средством социалистического строительства, т. е. средством для поднятия уровня благосостояния трудящихся.

Отдельные тресты, являющиеся лишь частью госпромышленности, должны, во-первых, вести свои предприятия безубыточно (хозяйственный расчет) и, во-вторых, извлекать прибыль (коммерческий расчет). Но именно в способах получения этой прибыли тресты не пользуются полной самостоятельностью. В цитированной нами статье 2 декрета о трестах трест определяется как учреждение, «действующее на началах коммерческого расчета в соответствии с плановыми заданиями». Трест не может далее назначать какие угодно цены на свои изделия. В своей политике цен трест должен руководствоваться указаниями и постановлениями государства. Статья 39 декрета о трестах гласит: «Допускается занаряживание в пользу государственных органов продукции треста по ценам ниже рыночных, но не ниже себестоимости, с начислением средней прибыли».

Следовательно в своем коммерческом расчете трест оказывается ограниченным другим расчетом — плановым социалистическим расчетом пролетарского государства.

Таким образом хозяйственный и коммерческий расчет, которым должны руководствоваться тресты в своей деятельности, является лишь методом, вызванным рыночными условиями и

денежным хозяйством. Другого метода в этих условиях быть не может, но цель, которая при этом ставится, совершенно другая, чем у капиталистического треста. Коммерческий расчет, применяемый советскими трестами, как мы только что видели, сильно урезан регулирующим воздействием государства и поэтому по существу он перестает быть коммерческим расчетом в полном, т. е. капиталистическом, смысле этого слова.

Советское государство здесь использовывает для социалистического строительства лишь **организационные** методы и формы капиталистического хозяйства, вытекающие из условий рыночной связи с крестьянским хозяйством.

Советские тресты имеют оперативную самостоятельность только в определенных пределах, устанавливаемых государством. Это выражается не только в том, что тресты не могут вести самостоятельной политики цен, но и в том, что они не могут сами устанавливать для себя производственную программу. Эту последнюю они получают в качестве заданий от государства. Трест в пределах установленной для него производственной программы пользуется самостоятельностью только в ее выполнении.

Наши тресты являются государственными организациями, и все их имущество является государственным имуществом. Но оперативная самостоятельность треста распространяется только на часть принадлежащего ему имущества — на оборотный капитал (сырье, полуфабрикаты, готовый товар, топливо, вспомогательные материалы и т. п.). В составе основного капитала (здания, оборудование) трест не имеет права без утверждения вышестоящих органов производить значительные изменения. Трест не имеет также права отчуждать (продавать) вверенный ему государством основной капитал. Точно так же, в случае несостоятельности треста требования его кредиторов могут быть удовлетворены лишь за счет оборотного капитала, но ни в коем случае не за счет основного капитала. Вся эта ограниченность прав правления треста по отношению к основному капиталу вытекает из самой сущности национализации промышленности и из планового хозяйства.

Единым и единственным **хозяином** всей национализированной промышленности является государство. Трестам лишь вручено **управление** государственными промышленными предприятиями. Важнейшее условие ведения планового хозяйства — национализация промышленности — было бы нарушено, если бы тресты имели право распоряжаться основным капиталом так же, как оборотным, так как при этом не была бы исключена возможность перехода части или всего основного капитала треста в руки частных лиц.

Самостоятельность треста также ограничена и в вопросе распределения прибыли. Прибыль, полученная трестом, является

прибылью государства, а потому право распоряжения этой прибылью принадлежит исключительно государству.

В связи с переходом от восстановительного периода к реконструктивному, в связи с усложнением задач управления промышленностью, в связи с тем, что наряду с задачами количественного роста промышленной продукции стали все больше выдвигаться на первый план задачи качественного характера (рационализация, снижение себестоимости, улучшение качества изделий), требующие от предприятий максимальной гибкости и изобретательности, проявления наибольшей инициативы всеми работниками предприятия,—в связи со всем этим выявилась необходимость предоставления большей самостоятельности предприятиям по отношению к тресту. На основании старого (1923 г.) декрета о трестах предприятие почти никакой самостоятельностью не пользовалось, оно находилось под чрезвычайно сильной, подчас мелочной опекой треста. В отношениях между трестом и предприятием сохранилось еще много пережитков времен военного коммунизма, которые мешали выявлению самостоятельной творческой инициативы директора предприятия и всех рабочих и служащих.

Вот почему в новый закон о трестах от 29 июня 1927 г. включен ряд пунктов, значительно расширяющих права предприятий. Для того чтобы материально заинтересовать непосредственно каждое предприятие в отдельности в улучшении производственного процесса, статья 32 закона о трестах дает предприятию право распоряжаться определенной частью прибылей, полученных в результате экономии: «Полученная в результате деятельности предприятия без понижения качества продукции экономия, выражающаяся в разнице между себестоимостью продукции предприятия, установленной в наряде-заказе на основании предварительной калькуляции, и действительной себестоимостью, установленной на основании окончательной калькуляции, в определенной части поступает в распоряжение директора». На основании особой инструкции часть этой экономии поступает на дальнейшее улучшение предприятия, а часть в фонд улучшения быта рабочих и служащих.

Директор предприятия, в качестве доверенного лица треста, имеет право в определенных пределах совершать и торговые и кредитные операции, связанные с выполнением производственных заданий. Этот перевод предприятий в определенных пределах на хозяйственный расчет никоим образом не означает «растрестирования» и распыления госпромышленности, плановое руководство и регулирование в связи с приданием предприятиям большей самостоятельности не ослабевают, а усиливаются и улучшаются. Перевод предприятий на частичный хозрасчет означает только улучшение и создание гибких методов организации производ-

ства, развертывание инициативы работников предприятий, повышение их ответственности за порученное им дело, выдвижение и практическое воспитание новых кадров хозяйственного строительства.

Тресты и ВСНХ. Таким образом в важнейших вопросах деятельности трестов (политика цен, размеры производства, изменения в составе основного капитала, распределение прибылей) решающее слово принадлежит государству в лице Высшего совета народного хозяйства. Этим и осуществляется единое, централизованное руководство ВСНХ национализированной промышленностью. Задача ВСНХ сводится к установлению единого плана для всей государственной промышленности, к согласованию работ ее отдельных отраслей, к установлению наблюдения и контроля за выполнением производственных планов, к руководству работой по улучшению производства и т. д. Выполнение же всех этих задач производится самостоятельно трестами, и ВСНХ не имеет права административного вмешательства в коммерческую и во всю оперативную деятельность трестов, поскольку она не противоречит директивам ВСНХ. Сущность взаимоотношений трестов и ВСНХ, которому они подчинены, можно формулировать следующим образом: руководство и регулирование — центру, управление — трестам. Децентрализация управления и централизация руководства и регулирования — таков основной принцип организации государственной промышленности.

Высшему совету народного хозяйства СССР подчинены непосредственно только тресты, имеющие общесоюзное значение, об'единяющие наиболее крупные предприятия и предприятия особого государственного значения. Кроме общесоюзных трестов, существуют тресты республиканские, подчиненные высшим советам народного хозяйства отдельных республик, входящих в состав СССР, и тресты местного значения, подчиненные местным советам. Такое деление промышленности (и трестов) на общесоюзную, республиканскую и местную вызвано, во-первых, необходимостью наибольшего увязывания работы государственной промышленности с остальными отраслями народного хозяйства. Во-вторых, было бы нецелесообразно руководить из одного центра всеми трестами непосредственно, так как это привело бы к громоздкости аппарата и бюрократической волоките и уменьшило бы самостоятельность отдельных республик. Поэтому ВСНХ СССР осуществляет руководство промышленностью общесоюзного значения непосредственно, а промышленностью республиканского и местного значения он руководит через республиканские и местные государственные органы.

В связи с переходом к социалистической реконструкции в развернутом масштабе и с укреплением системы планирования и руководства промышленностью встала новая задача в области организации промышленности. Основной задачей промышленности в настоящее время является широкая реконструкция ее производственно-технического аппарата. Новое строительство, рационализация существующих предприятий требуют широкого обмена опытом между отдельными предприятиями, трестами, отраслями промышленности. В этом деле нельзя допустить кустарничества и замыкания каждого предприятия или треста в своем узком кругу, — если предоставить каждое предприятие или трест своим собственным силам в деле изыскания новых способов усовершенствования производства, если не организовать широкого

обмена опытом, технического руководства и помощи предприятиям, мы будем иметь очень медленный темп технической реконструкции. Вот почему XVI партконференция дала директиву:

«В работе над улучшением системы управления промышленностью и транспортом исходить из того, чтобы обеспечить:

а) превращение Высшего совета народного хозяйства и НКПС в органы не только планово-экономического руководства, какими они по преимуществу являются до сих пор, но и в органы действительно технического руководства, основанного на достижениях как американской и европейской, так и советской науки и техники;

б) усиление хозяйственной инициативы фабрик, заводов и отдельных цехов при одновременном усилении роли треста в области руководства технической реконструкцией предприятий и таким пересмотром групп предприятий по трестам, который бы обеспечивал осуществление принципа об'единения предприятий прежде всего по признаку специализации;

в) возможность полной мобилизации внутренних ресурсов промышленности;

г) осуществление партийных директив об установлении единоличия в управлении предприятиями, при одновременном и неуклонном развертывании работы производственных совещаний и временных контрольных комиссий, практические предложения которых, поскольку они признаны правильными и приняты администрацией, должны ею неуклонно осуществляться без всяких оттяжек. Система управления предприятиями должна определяться следующим указанием т. Ленина:

«Чем решительнее мы должны стоять теперь за беспощадно твердую власть, за диктатуру отдельных лиц для определенных процессов работы, в определенные моменты чисто исполнительских функций, тем разнообразнее должны быть формы и способы контроля снизу, чтобы парализовать всякую тень возможности извращения советской власти, чтобы вырывать повторно и неустанно сорную траву бюрократизма». (Ленин, Очередные задачи советской власти, т. XV, стр. 223—224.)

Синдикаты. Существенное значение в системе организации государственной промышленности имеют синдикаты.

Ввиду разбросанности государственной промышленности по всей территории СССР и ввиду наличия в отдельных отраслях государственной промышленности предприятий различной величины и мощности в каждой отрасли промышленности существует не один, а несколько трестов. Отсюда возникает опасность борьбы между трестами за покупателя, т. е. опасность конкуренции.

Для того чтобы согласовать свои выступления на рынке, тресты однородной отрасли промышленности об'единяются в

синдикаты, которые берут на себя реализацию (продажу) продукции этих трестов.

Синдикат берет на себя также заготовку сырья для трестов.

Однако не вся продукция трестов реализуется через синдикаты. В одних отраслях промышленности синдикат реализует всю продукцию трестов (например Нефтесиндикат), в других лишь бо́льшую или меньшую часть. Зависит такое разнообразие от степени концентрации производства. Чем больше крупных предприятий имеется в данной отрасли промышленности, тем бо́льшая часть продукции ее реализуется через синдикат.

Рост сбыта продукции трестов через синдикат виден из следующей таблицы:

Отрасли промышленности	Отпущено через синдикаты в проц. ко всему отпуску трестов		
	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.
По 291 трестам разных отраслей . . .	24,5	25,4	31,4
По отраслям промышленности:			
Нефтяная	98,8	98,9	99,2
Кожевенная	39,7	45,8	49,1
Текстильная	31,0	39,9	64,3
Металлическая	19,5	21,3	24,3
Пищевкусовая	1,6	2,2	2,8
Химическая	0,9	1,1	2,9

Организация синдикатов и рост сбыта через синдикаты позволяют осуществить единую политику цен государственной промышленности на рынке, освобождают тресты от части торговых операций и тем самым дают им возможность сосредоточить свое внимание на вопросах организации и улучшения производства. Кроме того сосредоточение торговых операций в синдикатах уменьшает размер средств, необходимых для обращения одной и той же товарной массы; высвобожденные таким образом из торговли средства могут быть использованы для расширения производства.

Синдикаты, как и тресты, не пользуются полной самостоятельностью. Они являются торговыми органами единой государственной промышленности и в своей деятельности подчинены общему руководству, с одной стороны, Высшего совета народного хозяйства, а с другой — Народного комиссариата внутренней и внешней торговли.

Укрепление системы синдикатов, с одной стороны, и наделение ВСНХ новыми функциями (техническое руководство промышленностью), с другой, вызвали необходимость изменения в отношениях между синдикатами и ВСНХ в направлении постепенной передачи синдикатам функций планово-экономического руководства соответствующими отраслями промышленности.

До последнего времени ВСНХ имел в своем составе главные управления по отраслям промышленности, сосредоточившие в своих руках планово-экономическое руководство, синдикаты же имели торговые функции и планировали только сбыт и снабжение по директивам ВСНХ и Наркомторга. Теперь стоит задача, так сказать, сращивания синдикатов и ВСНХ по линии превращения синдикатов в непосредственные органы ВСНХ по планово-экономическому руководству промышленностью. Опыт, проделанный с текстильным синдикатом, полностью себя оправдал и наметил пути этого перехода и для остальных отраслей промышленности.

* * *

Таковы в основных чертах принципы и система организации государственной промышленности. Для согласования работы всей промышленности с остальными областями народного хозяйства (сельским хозяйством, финансами и т. д.) производственные планы промышленности, важнейшие руководящие положения ВСНХ, после рассмотрения их в Госплане, утверждаются Советом труда и обороны.

Описанная сейчас система организации государственной промышленности обеспечивает плановую работу и наибольшее воздействие на рынок, и госпромышленность, выступая на рынке единым фронтом, оказывается сильнее частного, разрозненного предпринимателя.

Эта же система организационно обеспечивает выполнение промышленностью стоящих перед ней задач.

§ 2. Частная промышленность.

Система организации государственной промышленности СССР не в малой мере содействовала тому, что, будучи в начале нэпа в полуразрушенном состоянии, госпромышленность сумела быстро приспособиться к новым условиям и в течение пяти лет достигнуть довоенного уровня, заняв первенствующее положение во всем промышленном производстве страны.

Вот как изменялось соотношение обобществленной и необобществленной промышленности с 1923 г.:

Валовая продукция промышленности по социальным формам

(в процентах)

Годы	Государственная	Кооперативная	Гос. + кооперативная	Частная и концессионная	Всего
1923/24 . . .	70,3	5,0	75,3	24,7	100
1925/26 . . .	71,9	8,2	80,1	19,9	100
1926/27 . . .	73,9	8,9	82,8	17,2	100
1927/28 . . .	76,1	11,2	87,3	12,7	100
1928/29 . . .	77,1	12,2	89,3	10,7	100

Таким образом обобществленная промышленность является господствующей во всей промышленности, государственная, социалистическая промышленность является действительно «ведущим началом» во всем нашем хозяйстве. Тем самым и обеспечивается социалистический характер индустриализации СССР.

Несмотря на господствующее положение социалистической промышленности, было бы однако неправильным относиться безразлично к развитию частной промышленности. В главе IV мы уже указывали, чем вызывается необходимость развития частной промышленности в условиях нашего хозяйства и каковы общие пределы этого развития. В частности, существующая диспропорция между промышленностью и сельским хозяйством требует всемерного увеличения массы промышленных товаров, и поэтому необходимо наряду с развитием госпромышленности допускать и развитие частной промышленности. Но основным принципом регулирования роста частной промышленности является такой рост частной промышленности, который сопровождается ее относительным падением вследствие более быстрого роста обобществленной промышленности.

Таким путем достигается общее повышение уровня производительных сил в стране и рост социалистических элементов нашего хозяйства.

Кустарная промышленность. Из всех видов частной промышленности наибольшее значение имеет мелкая кустарная промышленность. Ее значение определяется, во-первых, тем, что она в массе своей представляет собой тип простого товарного, трудового, неэксплоататорского хозяйства. Кустарная промышленность охватывает огромные массы трудящихся, как это видно из ниже приводимых данных, но

[1] Данные за 1928/29 г. предположительные.

вследствие своего социально-экономического характера (мелкое товарное хозяйство), ей свойственны в условиях пролетарской диктатуры те же две тенденции развития (капиталистическая и социалистическая), что и крестьянскому хозяйству: кустарная промышленность является почвой, питающей рост капиталистических отношений, она представляет собой арену борьбы между капитализмом и социализмом за простого товаропроизводителя, и борьба пролетарского государства за вытеснение капитализма не в малой мере зависит от того, насколько Советскому Союзу удается привлечь на свою сторону и поставить под свое экономическое и политическое руководство миллионные массы трудящихся ремесленников и кустарей.

Исходя из социального характера мелкой кустарной промышленности, пролетарская диктатура должна вести по отношению к ней политику, принципиально отличную от политики по отношению к капиталистической промышленности. «Национализация производства не должна по правилу распространяться на мелкие и средние хозяйства (крестьян, ремесленников, кустарей, мелких и средних торговцев, мелких промышленников и т. п.). Во-первых потому, что пролетариат не может не проводить строгого различия между трудовой собственностью простого товаропроизводителя, которого можно и должно постепенно вовлекать в русло социалистического строительства, и эксплоататорской собственностью капиталиста, ликвидация которой есть непременная предпосылка социалистического строительства». (Программа Коминтерна, гл. IV, § 4. Разрядка наша. *Авт.*)

Другим фактором, определяющим значение кустарной промышленности и политику государства пролетариата по отношению к ней, является роль, которую кустарная промышленность играет в народнохозяйственной жизни страны. Эта ее роль может быть в общих чертах охарактеризована следующими данными:

	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
1. Число хозяйств в мелкой куст. промышленности	1 958 909	2 180 743	2 263 132
2. Число занятых лиц в мелкой промышленности	2 624 758	2 920 603	3 032 661
3. Число рабочих в крупной промышленности	1 852 526	2 347 895	2 468 592
4. Валовая продукция (в тыс. черв. руб.) мелкой промышленности	1 601 564	1 914 417	1 994 379
5. Валовая продукция (в тыс. черв. руб.) крупной промышленности	6 761 193	9 957 099	11 619 412

Мы видим здесь неуклонный рост кустарной промышленности наряду с ростом крупной промышленности. Валовая продукция крупной, преимущественно государственной промышленности, во много раз превышает продукцию кустарной промышленности, несмотря на то, что в этой последней занято больше рабочих, чем в крупной промышленности. Это свидетельствует о необычайно низком уровне техники в мелкой промышленности по сравнению с крупной. Карликовый размер предприятий мелкой промышленности виден из сравнения их числа с числом занятых в кустарной промышленности лиц. Но самое интересное в приведенной таблице — это число занятых в кустарной промышленности работников. Это в массе своей миллионы трудящихся, в подавляющем большинстве случаев, особенно в деревне, находящихся на более низком уровне существования, чем промышленный пролетариат. Ясно поэтому, что политика в отношении этих миллионных масс является очень важной составной частью всей нашей экономической политики.

Особое значение кустарная промышленность имеет для крестьянского хозяйства. Кустарное производство издавна являлось подсобным промыслом для крестьянского хозяйства, давая ему дополнительный заработок. В некоторых районах кустарные промыслы являлись даже основным источником дохода для крестьянства.

После окончания гражданской войны и перехода к нэпу кустарная промышленность постепенно восстанавливалась. Вследствие развития рыночных отношений и слабости кооперации в первые годы нэпа процесс расслоения крестьянства усилился, и в деревне стала сильнее чувствоваться так называемая «скрытая безработица» (подробнее о причинах «перенаселения» см. ниже в главах о труде и с.-х. политике). Поэтому вопрос о предоставлении работы избыточной рабочей силе, не находящей себе непосредственного применения в сельском хозяйстве, стал чрезвычайно важным и экономическим и политическим вопросом. Поскольку городская промышленность еще не в состоянии дать работу всей избыточной рабочей силе, необходимо создать благоприятные условия для развития кустарной промышленности.

Поэтому XIV Всесоюзная партийная конференция и III с'езд советов СССР (в мае — июне 1925 г.) приняли постановление о целом ряде мер содействия развитию кустарной промышленности.

В первую очередь была изменена налоговая политика по отношению к кустарям. В первые годы нэпа, когда государственная промышленность только приступила к своему восстановлению и когда покупательная способность населения была еще низка, существовала опасность конкуренции со стороны кустарной промышленности, так как для восстановления последней требуется меньше средств и времени, чем для восстановления крупной промышленно-

сти. Поэтому налоговая политика по отношению к кустарной промышленности строилась таким образом, чтобы обеспечить крупной государственной промышленности условия для быстрого ее восстановления. Но, как только государственная промышленность укрепилась и были созданы условия для ее дальнейшего развития, налоговая политика, задерживающая рост кустарной промышленности, стала ненужной и даже вредной; вредной постольку, поскольку к 1925 г. значительно выросла покупательная способность населения и в деревне увеличилась «скрытая безработица». Поэтому с 1925 г. были введены налоговые льготы для кустарной промышленности с целью поощрения ее роста.

Но одних только налоговых льгот мало, — для роста кустарной промышленности необходим еще и рынок сбыта кустарных изделий. XIV партконференция указывает на необходимость усиления вывоза кустарных изделий за границу, в особенности тех изделий, которые не рассчитаны на массовое потребление внутри страны. С другой стороны должны быть приняты меры для усиления снабжения кустарной промышленности сырьем, инструментами и материалами.

Все эти директивы вытекают не только из необходимости увеличить для смягчения товарного голода кустарное производство, не только из необходимости уменьшения деревенской безработицы. Они вытекают из о б щ е й линии нашей экономической политики на втягивание простых товаропроизводителей в общий процесс социалистического строительства под руководством пролетарского государства. Уже в программе нашей партии эта общая линия конкретизируется в применении к кустарной промышленности следующим образом: «по отношению к мелкой и кустарной промышленности необходимо широкое использование ее путем дачи государственных заказов кустарям, включение кустарной промышленности в общий план снабжения сырьем и топливом, а также ее финансовая поддержка, при условии об'единения отдельных кустарей, кустарных артелей, производительных кооперативов и мелких предприятий в более крупные производственные и промышленные единицы; поощрение подобных об'единений путем предоставления им экономических преимуществ, направленных наряду с другими мерами к тому, чтобы парализовать стремление кустарей превратиться в мелких промышленников и создать безболезненный переход этих отсталых форм производства к более высокой крупной машинизированной индустрии». (Программа ВКП (б). Раздел «В области экономической», § 4.)

Приходится однако констатировать весьма часто встречающиеся случаи пренебрежительного отношения к кустарной промышленности и невыполнение партийных и правительственных директив в этой области. Эта недооценка роли и значения кустарной промышленности в социалистическом строительстве яв-

ляется еще пережитком военного коммунизма и первых годов нэпа, когда действительно приходилось опасаться в некоторых отраслях промышленности конкуренции мелкой промышленности. Вот почему понадобился после XIV партконференции ряд правительственных декретов о кустарной промышленности для проведения в жизнь нашей линии в этой области. И XV с'езд партии в своих «директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства» указывает:

«При составлении пятилетнего плана необходимо иметь в виду развитие мелкой местной промышленности, кустарной и ремесленной, каковая, служа в настоящее время совершенно необходимым дополнением в государственной промышленности, способствует изживанию товарного дефицита и смягчению безработицы. Необходимо иметь в виду включение этой промышленности в круг влияния государственных и кооперативных органов, кооперирование, об'единение и рационализацию производства мелких промышленных производителей и отвоевание их от частного скупщика, раздатчика, ростовщика».

А постановление Совнаркома СССР о кустарно-ремесленной промышленности и промысловой кооперации (от 21 мая 1928 г.) в числе целого ряда мероприятий предписывает: «К промысловой кооперации должны применяться те же методы снабжения, какие применяются в отношении снабжения предприятий государственной промышленности».

Кустарная промышленность представляет собой благоприятную почву для роста частного капитала. Мелкий кустарь, работающий на широкий рынок, большей частью оторван от этого рынка и нуждается поэтому в посреднике. В роли такого посредника обыкновенно выступает скупщик. Пользуясь оторванностью кустаря от рынка, скупщик платит ему за изделия низкую цену. В особенности эксплоатация кустаря скупщиком усиливается, когда скупщик снабжает его сырьем в кредит. В этом случае кустарь попадает в кабалу к скупщику и уже не может выбиться на самостоятельный путь, так как он становится должником скупщика и вынужден подчиняться его условиям. Фактически такой кустарь уже перестает быть мелким собственником, превращаясь в пролетария, работающего на капиталиста-скупщика. В то же время никаким законом нельзя ограничить эксплоатацию кустаря, так как он сохраняет внешнюю видимость самостоятельного ремесленника, работающего на себя.

В истории капитализма такого рода отношения известны под названием «домашне-капиталистической» системы. Скупщик превращается здесь из торговца в промышленного капиталиста.

Таким образом с ростом кустарной промышленности растет опасность развития частного капитала на основе «домашне-капиталистической» системы.

Единственным средством преодоления этой опасности и уничтожения эксплоатации кустаря является широкое кооперирование кустарной промышленности и установление непосредственной связи ее с госпромышленностью и госторговлей.

Кустарно-промысловая кооперация.

Задача кустарно-промысловой кооперации заключается в том, чтобы связать кустаря с рынком сбыта его изделий. Организуя сбыт без всякого частного посредника, промысловая кооперация получает возможность выплатить кустарям из вырученной цены гораздо больше, чем скупщик. С другой стороны промкооперация должна организовать снабжение и кредитование кустарей. Промкооперация должна также содействовать и помогать организации самого процесса производства путем создания общих мастерских, введения машин, электрификации и т. п.

И при капитализме были попытки кооперирования кустарей, но в конечном итоге кооперация превращала неорганизованную эксплоатацию кустаря в организованную, так как для того, чтобы стать на ноги, промкооперация нуждается в посторонней помощи, а помощь она могла получать только от капиталистических банков и от буржуазного государства.

Для того чтобы промкооперация была в состоянии организовать кустарей и освободить их от эксплоатации, Советское государство должно оказывать ей материальную поддержку. С своей стороны Советское государство также заинтересовано в росте промысловой кооперации, так как при этом ослабляется влияние частного капитала. Организуя производственные артели с механизацией производства, промкооперация создает коллективные предприятия, которые превращают мелкое производство в крупное не капиталистическим путем, а социалистическим. Социалистический характер промысловой кооперации должен обеспечиваться установлением ее непосредственной связи с государственной, социалистической промышленностью. Получая заказы от госпромышленности, промкооперация фактически превращает кооперированных ею кустарей в работников, работающих на государственную промышленность.

В 1927/28 г. было кооперировано 870 тыс. кустарей и ремесленников или 21%. Это значит, что остальная масса кустарей в той или иной мере была в зависимости от капиталиста-скупщика и питала его рост. Но и кооперированная масса кустарей в целом ряде случаев эксплоатируется капиталистическими элементами, проникающими в промысловую кооперацию.

В основном некапиталистический характер промысловой кооперации обеспечивается тем, что на основании Положения о промысловой кооперации, утвержденного ВЦИК и СНК РСФСР 11 июня 1928 г., «об'единяться в промысловые кооперативные

товарищества могут граждане, занимающиеся промыслом в области промышленности как обрабатывающей, так и добывающей, в области транспорта, строительства и другими промыслами при условии, что они непосредственно сами занимаются промыслом единолично или с участием членов своей семьи, или с применением в своем промысле наемного труда не более одного человека» (ст. 2). «Применение промысловым кооперативным товариществом наемного труда допускается только для выполнения вспомогательных работ, не являющихся основным предметом производственной деятельности данного товарищества, а также для работ, требующих специальных познаний, с тем однако, что число лиц, работающих по найму, не может превышать 20% общего числа членов товарищества» (ст. 18).

Однако частный капитал находит много лазеек для того, чтобы под разными масками пролезть в промысловую кооперацию и использовать ее для своих целей, укрыться от налогов и т. д. Поэтому постановление СНК СССР от 21 мая 1928 г. в числе целого ряда мероприятий, специально направленных на «ослабление влияния частного капитала в кустарно-ремесленной промышленности и улучшение социального состава промысловой кооперации», предлагает правительствам союзных республик «установить привлечение к уголовной ответственности предпринимателей, образующих частнокапиталистические предприятия под видом промысловых кооперативных организаций, а также лиц, оказывающих им содействие в деле образования лжекооперативов в качестве учредителей, фиктивных членов и т. п.» (ст. 5).

Этой же цели служит и постановление СНК СССР от 28 декабря 1928 г. о мерах борьбы с лжекооперативами.

Но одной только государственной помощи промысловой кооперации и правительственных декретов недостаточно для борьбы с частным капиталом в этой области. Главная задача этой борьбы ложится на плечи самой промысловой кооперации. Уже XIV партконференция, признавшая необходимым усиление материальной поддержки промкооперации, указала в то же время, что государственная помощь даст действительные результаты только в случае устранения внутренних недостатков промысловой кооперации.

Весьма часты случаи недостаточно внимательного отношения промкооперации к нуждам своих членов, тяжелых условий кредита, невыгодных цен на готовые изделия. Вследствие неумелого ведения дела и больших накладных расходов отдельные кооперативы и их союзы получают убыток вместо прибыли. Совершенно ясно, что такие случаи способствуют не вовлечению, а отталкиванию кустарей от промысловой кооперации и усиливают позиции скупщика-капиталиста.

Поэтому очередной задачей промысловой кооперации является устранение всех своих внутренних недостатков, усиление материальной заинтересованности кустарей в активном участии в промкооперации. Только при этом условии активного участия заинтересованной массы кустарей в кооперации последняя будет способна вести успешно борьбу против частного капитала, растущего на почве неорганизованной кустарной промышленности и использовывающего кооперативные организации. Эта борьба за устранение внутренних недостатков кустарно-промысловой кооперации должна вестись под углом преодоления капиталистических элементов, как борьба против тех взглядов и их проводников, которые способствуют этим элементам. Будучи поставлена на такие рельсы, эта борьба является борьбой против правого уклона, который в кустарно-промысловой кооперации имеет особо благоприятную почву.

Кустарная промышленность в пятилетке.

Задача поддержки кустарной промышленности, ее роста и кооперирования не является какой-либо кратковременной задачей. Кустарная промышленность еще долго будет играть значительную роль в нашем народном хозяйстве. Поэтому XV с'езд партии в цитированной выше директиве предлагает включить в пятилетний план и мероприятия по развитию и кооперированию кустарной промышленности. В какой мере эта директива выполняется, видно из того, что по пятилетнему плану продукция кустарной промышленности вырастает на 139% (без мукомолья). Этот абсолютный рост сопровождается относительным падением удельного веса кустарной промышленности во всей промышленной продукции с 26,6 в 1927/28 г. до 22,4% в 1932/33 г. Эти две последние цифры говорят о том, что абсолютный рост кустарной промышленности не означает «кустаризации» страны, — рост крупной промышленности происходит быстрее. Для того чтобы превратить кустарную промышленность в подсобную по отношению к крупной, пятилетка предусматривает более быстрый рост промыслов, работающих на недефицитном сырье, и замедленный рост промыслов, работающих на дефицитном сырье. Так при общем приросте продукции кустарной промышленности на 139% первая группа промыслов дает прирост на 258%, а вторая группа — на 80%. В связи с этим изменится соотношение обеих групп: удельный вес первой группы во всей продукции кустарной промышленности повысится с 33,1 в 1927/28 г. до 49,6% в 1932/33 г., а второй группы понизится с 66,9 до 50,4%.

Удельный вес продукции кооперированных кустарей подымется по группе недефицитного сырья с 50 до 85%, а по группе дефицитного сырья — с 28,5 до 72%. Будет следовательно значительно ослаблена дезорганизующая роль скупщика-

капиталиста на рынке дефицитного сырья, а подавляющая часть кустарной промышленности будет втянута через кооперацию в сферу влияния и руководства государства. Общий процент кооперированности кустарей поднимется с 21 в 1927/28 г. до 54% в 1932/33 г. Таким образом в течение ближайших пяти лет должны быть приложены все усилия к тому, чтобы организовать под руководством пролетарского государства большую часть миллионных масс распыленных мелких ремесленников и кустарей, и тем самым нанести решающий удар частному капиталу в мелкой промышленности, лишить его одного из основных источников его роста.

Частнокапиталистическая промышленность.

Неорганизованная кустарная промышленность относится к разряду частной промышленности, к которому относятся также и частнокапиталистические предприятия. Но ясно, что политика Советского государства в отношении кустарей и частных предпринимателей не может быть одной и той же. Задача заключается не в борьбе госпромышленности **против** кустаря, а в борьбе с капиталами **за** овладение кустарем, за вовлечение его в кооперацию. Интересы мелкого кустаря совпадают с интересами социалистического строительства; кустарь, не эксплоатирующий наемного труда, живет своим трудом и, будучи кооперирован и находясь через кооперацию под руководством социалистической промышленности, он становится участником социалистического строительства.

Социализм несет кустарю освобождение от капиталистической эксплоатации.

Интересы же частного предпринимателя-капиталиста полностью и целиком расходятся с интересами пролетариата. Капиталист является **врагом** социалистического строительства, так как социализм уничтожает право частной собственности на средства производства и эксплоатацию человека человеком.

По отношению к частнокапиталистической промышленности задача заключается в том, чтобы, использовывая ее для развития производительных сил страны и с этой целью давая ей в известных пределах развиваться, вести линию на вытеснение ее.

Наша статистика еще не располагает достаточно точными данными о частнокапиталистической промышленности в СССР. Те данные, которые мы сейчас дадим, относятся к частному капиталу вообще, занятому в цензовой промышленности как в форме частнохозяйственных предприятий, являющихся полной собственностью соответствующих предпринимателей, так и в форме госкапиталистических предприятий (аренда и концессии). В этих данных совершенно не учтен частный капитал, занятый в мелкокустарной промышленности.

Частный капитал в цензовой промышленности СССР

Годы	Наемный персонал		Валовая продукция	
	В тыс. чел.	В % ко всей цензовой пром.	В млн. руб. по ценам соответств. года	В % ко всей цензовой пром.
1925/26	68	2,5	398	4,0
1926/27	50	1,7	258	2,3
1927/28	40	1,3	230	1,7
1928/29	41	1,3	245	1,6
Данные за 1928 29 г. предположительны				

С 1926/27 г. частный капитал в промышленности уменьшается не только относительно, но и абсолютно. Это об'ясняется тем, что в 1926/27 г. мы имели ослабление товарного голода и следовательно усиление конкуренции со стороны государственной промышленности, а также повышение ставок подоходного налога. Нельзя однако считать, что эти данные полностью отражают применение частного капитала в промышленности. То абсолютное падение частного капитала, которое мы видим в приведенной сейчас таблице, относится к учтенным, зарегистрированным частнокапиталистическим и госкапиталистическим предприятиям; в связи с вытеснением частного капитала из торговли наблюдается приток частного капитала в «домашне-капиталистическую» мелкую промышленность, где он скрывается за разными формами «самостоятельных» мелких кустарей, которых он финансирует, лжекооперативов и так далее, и где он почти не поддается учету.

Нелегальные формы работы частного капитала в промышленности действуют дезорганизующим образом на рынок, так как в этих формах частный капитал ускользает из-под регулирующего воздействия государственной власти. Кроме того эксплоатация этим частным капиталом своих наемных рабочих, выступающих официально в качестве «самостоятельных» хозяйчиков, достигает хищнических размеров. Поэтому, поскольку вообще неизбежно еще существование в известных пределах частнокапиталистической промышленности, выгоднее, чтобы она существовала в легальных, а не в нелегальных формах.

Госкапиталистическая промышленность. Формой, в которой частный капитал, работающий в промышленности, легче всего поддается регулированию, являются госкапиталистические предприятия. Мы уже выше говорили о сущности госкапиталистических предприятий и о той роли, которая им отведена в нашем хозяйственном строительстве.

Рассмотрим итоги и задачи нашей политики в отношении основной формы госкапитализма — к о н ц е с с и й. В общем концессии до сих пор получили слабое развитие.

В первые три года нэпа поступило от иностранных капиталистов 945 концессионных предложений, но концессионных договоров было заключено только 62 (т. е. 6,8%). Об'ясняется этот факт тем, что иностранный капитал надеялся на большие уступки со стороны слабой еще экономически советской власти и выдвигал неприемлемые для нас требования, добиваясь исключений из кодекса законов о труде ограничения прав рабочих организаций на концессионных предприятиях и других привилегий. Однако по мере роста государственной промышленности и всего хозяйства СССР, по мере упрочения нашего международного положения, после того как была создана твердая советская валюта, стали поступать более серьезные предложения. За 1924 и 1925 гг. поступило 564 предложения, из которых было принято 55 (т. е. 9,8%). При этом заключение наиболее крупных концессий (как Ленская и Чиатурская) приходится именно на этот период.

Удельный вес промышленных концессий во всем народном хозяйстве чрезвычайно незначителен. Валовая продукция концессионных промышленных предприятий составляла 19,6 млн. руб. в 1924/25 г., 48,9 млн. руб. — в 1925/26 г. и 70 млн. руб. — в 1926/27 г. По отношению ко всей валовой продукции всей промышленности СССР это составляет в процентах 0,29, 0,49 и 0,63. Незначительны также и платежи в доход государства (считая в том числе и налоги), поступающие от промышленных концессий: 6,8 млн. руб. в 1924/25 г., 14 млн. руб. в 1925/26 г. и около 16 млн. руб. в 1926/27 г.

Было бы однако неправильно оценивать значение концессий только удельным весом их продукции, который, как мы видим, несмотря на общий рост концессий, еще не достиг 1%. В данное время роль концессий определяется не столько этим, сколько тем, что концессии, основываемые крупными иностранными предпринимателями, должны помочь нам реконструировать наше хозяйство на основе последних достижений науки и техники, повысить уровень реконструкции и ускорить ее темп. Именно этим переходом к широкой реконструкции нашей материально-технической базы и вызвана та активизация концессионной политики СССР, которая получила свое выражение в положении, принятом СНК СССР в сентябре 1928 г., о привлечении иностранного капитала и о плане концессионных об'ектов.

В первые годы нэпа наша концессионная политика была в известной мере пассивной в том отношении, что мы сами не делали иностранным капиталистам определенных концессионных предложений, — заключенные нами концессионные договоры были в подавляющем большинстве случаев результатом с о и с к а н и я иностранных капиталистов. Этим, наряду с указанными выше причинами, об'ясняется отчасти слабое развитие нашей концессионной практики. Такая «пассивность» нашей концессионной политики об'ясняется с одной стороны тем, что наша государственная промышленность недостаточно окрепла и поэтому хозяйственные организации несколько опасались конкуренции иностранного капитала, а с другой стороны тем, что реконструкция основного капитала в восстановительный период еще не являлась центральной задачей, задачей дня для промышленности, максимум усилий был сосредоточен на повышении использования существующего основного капитала.

Иное дело в настоящее время, когда быстрый темп индустриализации и реконструкции диктуется всеми условиями международной и внутренней обстановки и когда все наше хозяйство и в особенности промышленность прочно стали на ноги и имеют крупнейшие достижения не только в деле восстановления, но и реконструкции и расширения основного капитала. Более широкое, чем до сих пор, привлечение иностранного капитала может облегчить решение тех крупнейших задач, которые стоят перед нами в настоящее время, и поэтому вполне своевременна начатая нами активизация концессионной политики.

Выражается эта активизация, во-первых, в расширении и создании более гибких и многообразных форм концессий и, во-вторых, в установлении конкретного плана концессионных об'ектов, сдаваемых иностранным капиталистам.

Наряду с существовавшими раньше формами концессии (сдача в концессию существующих предприятий и постройка новых предприятий или эксплоатация естественных богатств) новое положение вводит и следующие формы: 1) смешанные общества с участием советского государства и иностранного капитала (раньше смешанные общества существовали главным образом во внешней торговле), 2) подрядно-кредитная концессия, при которой иностранный капитал принимает участие только в постройке и организации предприятия, а эксплоатация предприятия производится государством. Концессионер вкладывает свой капитал в порядке кредитования и не является собственником (полным или частичным) предприятия, 3) договор технического содействия с одновременным финансированием. Здесь не только эксплоатация, но и постройка предприятия производится нами, 4) простой договор технического содействия, при котором мы просто оплачиваем технические услуги и помощь, оказываемые нам иностранной фирмой. Все эти разные формы имеют своей целью расширение возможностей привлечения иностранного капитала.

План концессионных об'ектов не является обязательным в том смысле, что все намеченные об'екты должны быть сданы нами в концессию. Целый ряд крупных об'ектов строительства включен в пятилетний план развития народного хозяйства СССР, и если какой-либо из этих об'ектов не будет сдан в концессию, то мы сами должны взяться за его осуществление. Это значит, что план концессионных об'ектов должен в связи с этим периодически пересматриваться. При этом основным принципом плана является безусловное сохранение за государством преобладающей роли в основных отраслях хозяйства. Этот принцип сказывается в том, что при капитальных вложениях за пятилетие в 20 млрд. руб. привлечение иностранного капитала предусматривается в размере 0,4 млрд. (2%).

Само собой разумеется, что активизация концессионной политики не означает изменения во взаимоотношениях между рабочими и концессионером, принципы регулирования зарплаты и охрана труда на концессионных предприятиях остаются неизменными. Единственное изменение заключается лишь в том, что расширяется право концессионера на привлечение иностранных рабочих. Концессионер получает также право продажи продукции по устанавливаемым им ценам, за исключением той части продукции, которая на основании договора сдается государству. Активизация нашей концессионной политики, как мы видим, не означает изменения ее принципов, изложенных в резолюции XV с'езда ВКП(б) о директивах по составлению пятилетнего плана: «В области м е ж д у н а р о д н ы х о т н о ш е н и й необходимо исходить не из голого лозунга максимально широкого развития этих отношений (такой лозунг, выдвигаемый оппозицией, при последовательном своем применении, означал бы отмену монополии внешней торговли и капитуляцию — хозяйственную и военную — перед интернациональной буржуазией) и не из свертывания экономических отношений с капиталистическим миром (осуществление этого лозунга означало бы большое замедление темпа нашего хозяйственного развития вообще и темпа всего социалистического строительства). Здесь необходимо исходить из максимально широких связей, п о с к о л ь к у эти связи (расширение внешней торговли, иностранного кредита, концессий, привлечение иностранных технических сил и т. д.) увеличивают хозяйственную мощь Союза, делают его более независимым от капиталистического мира, расширяют социалистическую базу дальнейшего индустриального развития Союза, — только в э т и х пределах можно говорить о максимально широких связях».

Подводя итог всему сказанному о частной промышленности, мы можем установить, что государственная и кооперативная про-

мышленность, в особенности государственная, является ведущим началом в нашем хозяйстве не только потому, что она представляет собой наиболее организованную часть хозяйства, но и потому, что во всей промышленности ей принадлежит наибольшая роль; лишь меньшая, и притом относительно все уменьшающаяся, часть всей промышленной продукции падает на долю частной промышленности. Поэтому, рассматривая в дальнейшем важнейшие задачи, стоящие перед промышленностью, мы будем говорить только о государственной промышленности.

§ 3. Проблема себестоимости в государственной промышленности и рационализация.

После перехода к новой экономической политике перед государством стояли в области промышленности две главные задачи: 1) пустить в ход стоявшие предприятия и увеличить массу выпускаемой промышленной продукции и 2) реорганизовать управление государственной промышленности с целью приспособить его к новым условиям. Мы видели, каким образом была решена организационная задача. И первая задача, — под'ема промышленности, — была решена успешно.

Но поскольку решение этих задач было обеспечено, на первый план все более настойчиво стала выступать другая задача, задача снижения цен промышленных изделий.

Для развития промышленности необходим рост емкости рынка промышленных товаров. Как бы ни развивалось промышленное производство, оно раньше или позже должно будет сократиться, если одновременно с увеличением предложения не будет возрастать спрос на промышленные товары. Поэтому одной из главнейших задач Советского государства является всемерное содействие росту покупательной силы страны, содействие развитию внутреннего рынка.

Размеры емкости рынка зависят от целого ряда условий: от уровня заработной платы, от высоты налогового обложения, от уровня развития сельского хозяйства, от уровня цен на промышленные товары и сельскохозяйственные, от состояния путей сообщения и товаропроводящей сети и т. д. В настоящей главе, рассматривающей советскую промышленную политику, нет надобности останавливаться на разборе всех перечисленных условий емкости рынка. Здесь для нас важно выяснить вопрос о том, что может и должна сделать сама государственная промышленность для обеспечения все растущей емкости рынка на промышленные товары.

Политика цен на промтовары.

Основным орудием, при помощи которого промышленность может с своей стороны влиять на емкость рынка, является уровень цен на промышленные товары. При одной и той же величине поку-

пательной способности населения промышленность сможет сбыть больше товаров при более низких ценах и меньше при высоких ценах. Устанавливая тот или иной уровень цен на свои изделия, промышленность тем самым в известной мере регулирует емкость своего рынка сбыта.

Выше уже было указано, что основным принципом политики цен является их снижение. Политика снижения цен обусловливается не только необходимостью расширения рынка сбыта, она вытекает и из самой сущности социалистического строительства, вытекает из необходимости роста реальной заработной платы рабочего класса и из необходимости укрепления союза рабочего класса и основных масс крестьянства. Снижение цен на промышленные товары является одним из центральных пунктов всей нашей политики.

Однако движение цен в СССР не всегда шло в сторону их снижения.

В движении цен на промышленные товары необходимо различать три периода. Первый — это так называемый период «разбазаривания» промышленной продукции в самом начале нэпа (1921/22 г.). При переходе к рыночным методам работы, к денежному хозяйству и к хозяйственному расчету госпромышленность ощущала острый недостаток оборотных средств. Весь оборотный капитал государственных предприятий состоял преимущественно из остатков товарных запасов. В погоне за оборотными средствами госпредприятия, переведенные на хозяйственный расчет, вынуждены были продавать свои запасы и продукцию по низким ценам. В этот период большинство предприятий работало еще с убытком. Государственная и кооперативная торговля еще были слабы, и продукция госпромышленности попадала в руки частного капитала, который наживал при этом огромные спекулятивные прибыли.

К 1923 г. государственная промышленность накопляет необходимый минимум оборотных средств, заканчивается организация синдикатов, и с этого времени начинается рост цен на промышленные товары. Тресты и синдикаты стремятся вернуть госпромышленности потерянное ею во время «разбазаривания». Почти весь 1923 г. (до октября) проходит под знаком все растущих цен на промышленные товары. К 1923 г. уже сложилась банковая система, и госпромышленность, пользуясь банковым кредитом, расширяет свое производство. Но спрос на промышленные товары увеличивался медленно и то главным образом в городе. Покупательная способность крестьянства, вследствие падения цен на с.-х. продукты, к осени 1923 г. оказалась низкой.

Таким образом государственная промышленность очутилась перед кризисом сбыта: произведенные товары вследствие высоких

цен на них не находили себе покупателей. Так в октябре 1923 г. сбыт изделий государственной промышленности составлял только 72,4% к выработке. При таких условиях дальнейшее расширение производства оказалось невозможным, и встал вопрос о его сокращении. Повышающиеся цены оказались таким образом фактором, тормозящим рост промышленности.

До осени 1923 г. движение цен на промышленные товары происходило в порядке стихийном. До этого времени государство не регулировало промышленных цен. Но кризис 1923 г. обнаружил необходимость активного вмешательства государства в политику цен трестов и синдикатов и установления единой линии в этой области. С осени 1923 г. начинается новый период, период единой политики цен, а именно политики их снижения.

Как только выявился кризис сбыта, тресты вынуждены были сами прибегнуть к снижению цен для того, чтобы быть в состоянии выполнить свои долговые обязательства. Но, будучи предоставлены сами себе, тресты в погоне за покупателем развернули бы сильную конкуренцию друг против друга, а последствием этого было бы закрытие ряда предприятий, банкротства и т. д. Поэтому необходимо было установить планомерное снижение цен.

Последствия принятых государством мер по поднятию покупательной способности крестьянства путем повышения хлебных цен и проведенного планомерного снижения цен на промышленные товары сказались очень скоро. Сбыт продукции стал увеличиваться уже через два месяца после наиболее острого проявления кризиса.

Но снижение цен было произведено не только с целью выхода из кризиса. Состоявшаяся в январе 1924 г. Всесоюзная конференция ВКП(б) указала на необходимость политики планомерного и систематического снижения цен, исходя из основных задач социалистического строительства. Снижение цен было таким образом не временной мерой, а стало одним из основных принципов советской экономической политики, принципом, подтвержденным всеми последовавшими постановлениями партийных и советских органов. Этот принцип не должен нарушаться даже в условиях товарного голода.

Снижение цен на основе снижения себестоимости.

Однако снижение цен на промышленные товары может быть произведено только до определенных пределов. Если снижение цен будет настолько большим, что промышленность не будет получать никакой прибыли, то, несмотря на расширение емкости рынка, промышленность лишится источника своего роста. Поэтому чрезвычайно важно установить, до каких пределов возможно снижение цен и как, на какой основе оно должно происходить.

На емкость рынка влияет не уровень цен вообще, а в конечном счете уровень розничных цен. Розничная цена составляется из отпускной цены треста и всех накидок на нее со стороны

торгового аппарата. Влияние этого последнего на образование цен мы рассмотрим в главе о торговой политике. Сейчас для нас важно выяснить, что́ должна предпринимать сама промышленность для снижения уровня цен, и поэтому займемся рассмотрением вопроса о путях снижения отпускных цен трестов.

Отпускная цена состоит из двух частей: себестоимости товара для треста и некоторого процента к ней, включаемого в цену в виде прибыли. Из этих двух элементов отпускной цены (себестоимости и прибыли) основным является себестоимость.

Если снижение отпускной цены происходит при неизменной себестоимости, то оно совершается за счет уменьшения прибыли. Но если наряду с понижением отпускной цены происходит уменьшение себестоимости, прибыль, приходящаяся на единицу товара, может и не уменьшаться, если себестоимость понижается на такую же величину, как и отпускная цена.

Снижение себестоимости — центральная проблема промышленности.

Понижение отпускной цены на основе понижения себестоимости является самым выгодным способом понижения с точки зрения интересов всего народного хозяйства и с точки зрения непосредственных интересов каждого отдельного треста. На снижение себестоимости должно быть поэтому направлено главное внимание органов управления промышленностью, партийных, профсоюзных организаций и всех рабочих.

Снижение промышленных цен, которое было произведено осенью 1923 г. во время кризиса сбыта, затронуло в первую очередь прибыль промышленности, так как снижение себестоимости не могло произойти сразу — для этого требуются улучшения в организации производства. Но уменьшение прибыли заставило промышленность начать работу по снижению себестоимости своих продуктов, и с того времени задача снижения себестоимости превратилась в одну из основных практических задач социалистической промышленности, в задачу, которая стоит и будет еще в ближайшие годы стоять в центре внимания нашей политики.

«Отпускные цены на продукцию промышленности должны систематически снижаться, обеспечивая последовательное сжатие раствора «ножниц», т. е. изживание диспропорции цен на продукты промышленности, с одной стороны, сельского хозяйства — с другой, и диспропорции между уровнем наших цен и цен мирового рынка.

«Осуществление этих задач возможно лишь при условии решительного снижения себестоимости. Поэтому снижение себестоимости является центральной проблемой промышленности, и решению этой проблемы должны быть подчинены все остальные задачи» (директивы XV с'езда ВКП(б) по составлению пятилетнего плана народного хозяйства).

Помимо того, что снижение себестоимости является основным фактором снижения цен, центральное значение снижения себестоимости заключается еще и в том, что оно является основным показателем работы промышленности и фактором ускорения темпа индустриализации. Задача снижения себестоимости продукции заставляет промышленность улучшать и рационализировать весь производственный процесс. Все достижения в производстве отражаются на себестоимости в сторону ее снижения. Снижение себестоимости дает экономию и возможность выполнить производственную программу с затратой меньшего количества средств, вследствие чего освобождаются средства для выполнения других работ, для расширения производства и т. д.

В условиях, когда стоимость продукции госпромышленности уже приближается к 20 млрд. руб., каждый процент снижения себестоимости означает экономию около 200 млн. руб.

Снижение себестоимости в отраслях, производящих средства производства и строительные материалы, позволяет снизить стоимость капитальных работ и при помощи одного и того же количества средств выполнить бо́льшую сумму капитальных работ. И обратно — снижение стоимости строительства способствует снижению себестоимости продукции, производимой на новом предприятии.

Мы видим таким образом, что выполнение производственных программ и ускорение темпа индустриализации и реконструкции находятся в теснейшей зависимости от снижения себестоимости, что действительно «снижение себестоимости является центральной проблемой промышленности».

Ввиду чрезвычайно важного значения проблемы снижения себестоимости, как центральной проблемы промышленности, остановимся несколько подробнее на ее изучении.

Для выяснения путей и способов уменьшения себестоимости необходимо рассмотреть, из каких элементов складывается себестоимость промышленных товаров и как эти элементы изменялись с развитием нашей промышленности.

Все элементы себестоимости могут быть разбиты на три группы:

1) Сырье, материалы и топливо.
2) Заработная плата.
3) Накладные расходы.

Для выяснения роли каждого из этих элементов рассмотрим элементы себестоимости продуктов трех отраслей промышленности: 1) добывающей (на примере каменноугольной); 2) обрабатывающей промышленности, в которой применяется промышленное сырье (выплавка чугуна) и 3) обрабатывающей промышленности, применяющей сельскохозяйственное сырье (хлопчатобумажное производство).

Рост себестоимости по сравнению с довоенным временем.

По всем этим отраслям себестоимость единицы изделия значительно выросла в сравнении с довоенным временем. Так себестоимость 1 тонны донецкого угля была в 1913 г. 6 руб. 10 коп., а в 1923/24 г. — 12 руб. 56 коп.; 1 тонны чугуна (по заводу им. Петровского) в 1913 г. — 28 руб. 51 коп., а в 1923/24 г. — 74 руб. 29 коп.; 1 килограмма хлопчатобумажной пряжи (по нескольким трестам) в 1913 г. — 1 руб. 31 коп., а в 1923/24 г. — 2 руб. 80 коп. (Мы здесь берем 1923/24 г. потому, что в этом году себестоимость была наивысшая.)

Однако по отдельным отраслям промышленности мы имеем разные причины повышения себестоимости. Сравним роль основных элементов себестоимости по каменноугольной, металлургической и хлопчатобумажной промышленности.

Таблица № 1.

Расходы на сырье и материалы составили:

	1913 г.		1923/24 г.	
	В рублях	В процентах к себестоимости	В рублях	В процентах к себестоимости
На 1 *т* угля	1,43	23,5	2,31	18,3
» 1 » чугуна	10,78	37,8	19,85	26,7
» 1 *кг* пряжи	1,03	78,6	1,93	68,8

Таблица № 2.

Расходы на заработную плату:

	1913 г.		1923/24 г.	
	В рублях	В процентах к себестоимости	В рублях	В процентах к себестоимости
На 1 *т* угля	2,81	46,1	6,25	49,7
» 1 » чугуна	0,81	2,9	2,06	2,7
» 1 *кг* пряжи	0,10	7,4	0,15	5,5

Из этих таблиц видно, что в добывающей промышленности основным элементом себестоимости и до войны являлась заработная плата. В обрабатывающей же промышленности важнейшим элементом себестоимости является сырье.

Вздорожание сырья.

Каковы причины вздорожания сырья, приходящегося на единицу изделия, по сравнению с довоенным временем? Этих причин может быть две: 1) ухудшившееся использование сырья и 2) повышение цен на сырье.

Нормы расхода сырья по пряже в сравнении с довоенным временем у нас изменились незначительно. Так в 1913 г. из одного *кг* хлопка получалось от 0,89 до 0,91 *кг* пряжи, а в 1923/24 г. — 0,88 *кг* пряжи. Такое незначительное изменение не могло повести за собой рост стоимости хлопка на 1 *кг* пряжи в два раза (с 1 руб. 03 коп. до 1 руб. 93 коп.). Следовательно этот рост приходится об'яснить повышением цен на хлопок.

В выплавке чугуна использование сырья в 1923/24 г. также оставалось почти на том же уровне, что и в 1913 г. И здесь вздорожание сырья приходится об'яснить повышением цены самого сырья. Существует однако глубокая разница между причиной вздорожания с.-х. сырья (хлопка) и промышленного (руды и кокса).

Сельское хозяйство за время империалистической войны и в особенности гражданской войны в значительной мере превратилось в натуральное, потребительское хозяйство. Посевы технических культур сокращались за счет расширения посевов зерновых, продовольственных культур. После перехода к нэпу стали постепенно увеличиваться посевы технических культур, но спрос на сырье возрастал еще быстрее. Поэтому возросли и цены на сырье с.-х. происхождения. В частности такой важный для промышленности вид сырья, как хлопок, вздорожал по сравнению с довоенным временем в 2 раза и на мировом рынке, откуда нам приходится ввозить недостающее нам количество хлопка. На стоимость с.-х. сырья для промышленности влияют также и расходы по его заготовке. Например заготовительная цена льна в 1924—1925—1926 гг. была ниже довоенной, но для промышленности, вследствие высоких заготовительных расходов, лен обошелся дороже довоенного.

Таким образом из анализа себестоимости пряжи мы можем сделать следующий вывод. Основной причиной повышения себестоимости продуктов отраслей промышленности, перерабатывающих сельскохозяйственное сырье, являются вздорожание самого сырья и высокие издержки его заготовки. Следовательно повышение себестоимости промышленных товаров зависит не только от состояния промышленности, но и от состояния сельского хозяйства и торгового заготовительного аппарата.

Рост зарплаты.

В отраслях промышленности, использовывающих сырье промышленного происхождения (в нашем примере металлургия), значительное вздорожание сырья имеет своей основной причиной повышение величины заработной платы, приходящейся на единицу продукта в добывающей промышленности.

Из таблицы № 2 видно, что в добывающей промышленности заработная плата составляет главную часть себестоимости продукта. Повышение одной только заработной платы, приходившейся на 1 тонну чугуна в 1913 г., в $2^1/_2$ раза (с 81 коп. до 2 руб. 06 коп.) привело бы к повышению себестоимости 1 тонны чугуна всего на 1 руб. 25 коп. или на $4{,}4^0/_0$ (с 28 руб. 51 коп. до 29 руб. 76 коп.).

Между тем одно только повышение заработной платы, приходящейся на 1 тонну угля, в те же $2^1/_2$ раза (с 2,81 до

6,52 руб.) привело бы к повышению себестоимости 1 тонны угля на целых 50% (с 6,1 до 9,52 руб.). Такое неодинаковое влияние роста зарплаты в добывающей и обрабатывающей промышленности об'ясняется бо́льшим удельным весом зарплаты в себестоимости продукта добывающей промышленности и меньшим ее удельным весом в себестоимости продукта обрабатывающей промышленности. Но продукт добывающей промышленности (уголь, нефть, руда) является сырьем для обрабатывающей промышленности, — поэтому рост зарплаты на единицу продукта в добывающей промышленности в конечном счете влияет на вздорожание продуктов промышленности обрабатывающей.

Чем об'яснить повышение зарплаты, приходящейся на единицу продукта?

Средний месячный заработок рабочего составлял в 1923/24 г. в горной промышленности 46% довоенного, в металлургической — 52% и в текстильной — 87%. Следовательно величина заработной платы в единице продукции выросла в сравнении с довоенным временем не вследствие абсолютного роста заработной платы одного рабочего, а очевидно вследствие падения выработки, приходящейся на одного рабочего, т. е. вследствие падения производительности труда.

Таким образом общее повышение себестоимости промышленных продуктов по отношению к довоенному времени об'ясняется падением производительных сил в сельском хозяйстве (и вздорожанием, вследствие этого, сырья сельскохозяйственного происхождения) и падением производительности в промышленности главным образом добывающей.

Было бы конечно ошибкой считать падение производительности единственной причиной повышения себестоимости. Большое значение имеет также повысившийся расход топлива. Так например расход угля на собственные нужды копей в Донецком бассейне составлял в 1913 г. — 8,2% валовой добычи, а в 1923/24 г. — 16%. Сильно выросли также накладные расходы: по каменному углю — с 1,4 руб. на 1 тонну в 1913 г. до 3,05 руб. в 1923/24 г.; по чугуну — с 66 коп. на тонну в 1913 г. до 5,14 коп. в 1923/24 г. и по пряже — с 0,13 руб. на 1 кило в 1913 г. до 0,68 руб. в 1923/24 г.

Пути снижения себестоимости.

Из сделанного нами краткого разбора основных элементов себестоимости и их влияния на общую себестоимость нетрудно сделать вывод об основном пути снижения себестоимости. Этот путь — повышение производительности труда в широком смысле этого слова. В самом деле, поскольку важным фактором себестоимости промышленных продуктов является сельскохозяйственное сырье, то стоимость и следовательно цены его могут быть понижены при повышении производительности труда в сельском хозяйстве. Поскольку

издержки торговли (заготовок) удорожают для промышленности сырье, топливо и материалы, постольку сокращение излишних расходов в торговле, уменьшение ненужных и излишних затрат труда в товарообороте (и транспорте) должны содействовать понижению себестоимости. Уменьшение доли зарплаты, приходящейся на единицу продукта, может быть достигнуто путем повышения производительности труда промышленных рабочих. Наконец всякого рода экономия на сырье, на топливе, на вспомогательных материалах, правильное и наиболее полное использование помещения, машин, заводского транспорта и т. д. — все это означает уменьшение затраты мертвого труда, овеществленного в средствах производства.

Таким образом общее повышение производительности труда во всем народном хозяйстве — вот основное средство понижения себестоимости.

Но существуют различные способы повышения производительности живого труда и экономии на мертвом труде. Можно повысить производительность труда за счет повышения его интенсивности при неизменных условиях техники, производительность может также увеличиваться в результате усовершенствования техники; она может наконец расти под влиянием обоих факторов. Экономия на средствах производства, т. е. на мертвом труде, может быть результатом как введения новых машин, так и лучшего и более полного использования существующего оборудования, она может быть результатом как введения новых технических способов обработки сырья и использования топлива, так и лучшего использования сырья и топлива при существующей технике.

Движение себестоимости в восстановительном периоде.

Мы уже в предыдущей главе указали, что в восстановительный период происходили частично и процессы усовершенствования техники, процессы реконструкции. Но эта последняя была лишь частичной. Основным содержанием восстановительного периода является рост использования существующего основного капитала.

Этот характер восстановительного процесса не мог конечно не отразиться на факторах движения себестоимости в течение восстановительного периода.

Снижение цен осенью 1923 г., имевшее своей целью преодоление кризиса сбыта, дало сильнейший толчок к снижению себестоимости, которое происходило главным образом по линии более полного использования оборудования и рабочей силы. Важнейшим способом поднятия производительности и снижения себестоимости явилась концентрация государственной промышленности, концентрация, выразившаяся в сосредоточении производства на наилучших и наиболее крупных предприятиях при временной приостановке менее выгодных предприятий.

Вот данные, показывающие ход концентрации:

Месяц и год.	Среднее число действ. предприят. крупной госпромышленности	Среднее число рабочих на одно предприятие
Июль — сентябрь 1923 г.	2 152	505
Октябрь — декабрь 1923 г.	2 291	517
Январь — март 1924 г.	2 261	524
Апрель — июнь 1924 г.	2 119	556
Июль — сентябрь 1924 г.	1 974	641

Эта концентрация производства, происходившая в общем при росте всего числа занятых рабочих, имела своим результатом прежде всего снижение накладных расходов, падающих на единицу изделия.

Вообще накладные расходы в производстве неизбежны. К накладным расходам относятся отопление, освещение и уборка фабричных помещений, страхование имущества, социальное страхование и другие начисления на зарплату (на культурные нужды, коммунальные услуги и т. д.), амортизация основного капитала, расходы правления, налоги и сборы, торговые расходы и т. д. Не может быть конечно и речи о полном уничтожении накладных расходов. Задача заключается в том, чтобы уничтожить излишние накладные расходы, вызываемые неправильной организацией производства и управления. Например плохая система учета движения материалов вызывает необходимость иметь большее количество счетных работников, чем при простой и хорошо поставленной системе учета. Правильная организация конторы завода и треста опять-таки уменьшает количество необходимых служащих, сокращает канцелярские расходы и т. д.

В деле сокращения накладных расходов, падающих на единицу продукта, большое значение имеют размеры производства. Даже уничтожив все излишние накладные расходы, вызываемые неправильной организацией, можно добиться уменьшения накладных расходов на единицу продукта путем увеличения количества выпускаемой продукции, увеличения нагрузки предприятия и концентрации производства.

Если нагрузка завода составляет, скажем, только 50%, то это не значит, что наполовину сокращаются расходы на топливо, по освещению, по содержанию подсобных и обслуживающих рабочих и т. д. Эти накладные расходы сокращаются меньше, чем наполовину, а весьма часто они остаются такими же, как и при стопроцентной нагрузке предприятия.

Общее повышение по сравнению с довоенным временем накладных расходов, падающих на единицу изделия, было вызвано не

только появлением таких расходов, как социальное страхование, расходов на культурные нужды и других так называемых социальных расходов, которые до революции почти или вовсе отсутствовали. В значительной мере накладные расходы повысились вследствие неполной нагрузки предприятий в первые годы восстановления нашей промышленности. Но по мере роста производства и его концентрации, заводские (или иначе — цеховые, производственные) накладные расходы стали падать. Так накладные заводские расходы на 16 *кг* ситца упали с 1 р. 61 к. в 1923/24 г. до 89 коп. в 1924/25 г., на 1 ящик стекла с 6 р. 75 к. в 1923/24 г. до 4 р. 81 к. в 1924/25 г.

Само собой понятно, что уменьшение накладных расходов может быть достигнуто и при существующих размерах производства, если будут устранены недостатки организации производства и управления им. Но важнейшим фактором заводских накладных расходов являются размеры производства, и в течение 1923—1925 гг. концентрация производства сыграла главную роль в деле снижения накладных расходов.

Наряду с этим улучшение использования сырья и топлива в течение этих лет также содействовало снижению себестоимости. Так выход пряжи из хлопка повысился с 87,5% в 1923 г. до 89,5% в 1924 г. На добычу одного миллиона тонн каменного угля требовалось в 1923/24 г. 2013 вагонов лесных материалов, а в 1924/25 г. — 1 708 вагонов.

В металлургии (по прокату) затрачивалось топлива на единицу изделия в 1923/24 г. — 161% по сравнению с 1913 г., а в 1924/25 г. — 119%.

Производительность труда.

Важнейшим фактором, определяющим себестоимость, является производительность труда. Падение производительности в сравнении с довоенным временем видно из следующего ряда цифр:

Валовая выработка одного рабочего в год по довоенным ценам в рублях:

Годы	
1913	2 163
1920/21	663
1921/22	1 201
1922/23	1 342
1923/24	1 589

Производительность труда, начиная с 1920 г., растет, но все же в 1923/24 г. она составляла только 73,5% производительности довоенной. Каковы причины этого падения производительности труда в сравнении с довоенным временем?

Первая причина заключается в ухудшившемся состоянии оборудования и в понижении качества сырья. Восстановление обору-

дования за годы империалистической и гражданской войны не соответствовало его износу. При переходе к новой экономической политике нам пришлось начать восстановление государственной промышленности при ухудшившемся оборудовании. Естественно, что производительность труда не могла поэтому оказаться на довоенном уровне.

Так например в хлопчатобумажной промышленности в 1913 г. на тысячу веретен приходилось от 7 до 9 рабочих, а в феврале 1923 г. — 18 рабочих; на сто ткацких станков приходилось в 1913 г. от 50 до 68 рабочих, а в феврале 1923 г. — 85 рабочих. Если, скажем, ухудшилось состояние ткацких станков или понизилось качество пряжи, то один рабочий уже не может обслуживать то количество станков, которое он обслуживал прежде, и выработка его должна поэтому понизиться. В данном случае рабочий, как бы он ни напрягал своей энергии, не сможет увеличить свою выработку, поскольку эта последняя зависит от состояния оборудования.

Однако не менее важным фактором производительности является и личная интенсивность, напряженность труда рабочего.

Вторая причина падения производительности по сравнению с довоенным временем и заключалась в понижении интенсивности труда. Во время гражданской войны, когда рабочий был в полуголодном состоянии, падение напряженности труда было совершенно естественным явлением.

Сразу по окончании войны нельзя было конечно требовать восстановления прежней интенсивности труда, так как уровень существования рабочего в течение первых лет нэпа оставался все еще низким. Интенсивность труда поднималась постепенно, в той мере, в какой повышался уровень обеспечения потребностей первой необходимости рабочего. Но как только этот уровень (к концу 1924 г.) был достигнут, перед рабочим классом встала, наряду с необходимостью повышения производительности на основе улучшения техники, также и неотложная задача повысить интенсивность труда при существующей технике.

Обследования, произведенные в конце 1924 г., выявили, что во многих государственных предприятиях рабочие фактически работают не 8, а 6 и даже меньше часов. Рабочий день оказался фактически незаполненным. Причины такого неполного использования рабочего дня были разные: простои станков вследствие несвоевременной доставки сырья, материалов или инструментов, недостаточная трудовая дисциплина и т. п.

Большим злом в нашем производстве являлись и отчасти являются и теперь также прогулы, симуляции болезни и т. п. проявления несознательного отношения к производству.

Учитывая все эти обстоятельства, пленум ЦК ВКП(б) августа 1924 г. поставил перед всей партией, перед советскими и

профсоюзными организациями задачу поднятия производительности труда как за счет улучшения техники производства, так и за счет повышения интенсивности труда рабочего, т. е. большего уплотнения рабочего дня и более полного использования рабочей силы.

Соотношение производительности труда и зарплата.

Но одного только повышения производительности для понижения себестоимости промышленных изделий недостаточно: важно еще, в каком отношении находится рост производительности к росту зарплаты. Возьмем следующий пример. Предположим, что рабочим вырабатывается в день 4 единицы какого-либо товара себестоимостью в 1 руб. каждая, заработная плата в день 1 руб., следовательно она составляет 25% себестоимости. Предположим, далее, что производительность увеличилась на 50%, т. е. выработка составляет уже 6 штук в день. Если при этом и заработная плата увеличится на 50% (с 1 руб. до 1 р. 50 к.), то себестоимость единицы изделия не изменится, если не уменьшатся другие элементы себестоимости; так в каждой штуке попрежнему будет заключаться 25 коп. зарплаты и 75 коп. остальных расходов (для большей простоты мы здесь отвлекаемся от уменьшения накладных расходов на единицу изделия), что при выработке в 6 штук составит 6 руб., или 1 руб. каждая штука.

Но если выработка увеличится на 50% (с 4 штук до 6 штук), а зарплата на 20% (с 1 руб. в день до 1 р. 20 к.), мы получим себестоимость единицы изделия в 95 коп. (20 коп. зарплаты+75 коп. остальных расходов). В этой себестоимости зарплата составляет уже не 25%, а 21,5%. Следовательно наиболее выгодным с точки зрения снижения себестоимости является такое соотношение между производительностью и зарплатой, при котором производительность растет быстрее зарплаты и уменьшается процент зарплаты в себестоимости.

В течение 1922/23 и 1923/24 хоз. гг. заработная плата растет быстрее производительности, как видно из следующей таблицы:

Месяц и год	Темп роста в проц. к октябрю 1922 г.	
	Производительность	Зарплата
Октябрь 1922	100	100
Октябрь 1923	137,9	157,8
Сентябрь 1924	168,1	203,0

Такое соотношение роста производительности и зарплаты оправдывалось, как указано выше, необходимостью обеспечения рабочему достаточного уровня существования. В первые годы

нэпа повышение заработной платы должно было служить условием повышения производительности. Иначе и нельзя было, так как, только восстановив истощенные за годы войны силы рабочего, можно было создать основу для дальнейшего под'ема производительности. Поэтому вполне естественно, что до 1924/25 хоз. года заработная плата росла быстрее производительности.

Но, начиная с этого года, необходимо было добиться уже обратного соотношения: более быстрого роста производительности, чем зарплаты. Поэтому августовский (1924 г.) пленум ЦК ВКП (б) указывает, что «длительное состояние такого соотношения между ростом заработной платы и производительности угрожает интересам промышленности и государства. Развитие промышленности, мощь государства, возможность длительного роста самой заработной платы и закрепление ее нынешнего уровня требуют обратного отношения — большего роста валовой продукции, падающей на одного участника производства, рост производительности труда должен обгонять рост заработной платы».

Если рост зарплаты будет происходить быстрее роста производительности, себестоимость промышленной продукции будет не понижаться, а повышаться, реальный уровень зарплаты будет падать, социалистическое накопление замедлится, и возможности развития промышленности сократятся. Между тем основой дальнейшего роста заработной платы являются рост социалистического накопления и расширение социалистической промышленности. Если до 1924 г. рост зарплаты был условием роста производительности, то, начиная с того момента, когда зарплата достигла уровня, обеспечивающего нормальное восстановление рабочей силы, рост производительности становится уже условием роста заработной платы.

Уже с октября 1924 г., благодаря начатой кампании по поднятию производительности труда, выработка стала расти быстрее зарплаты:

Месяц и год	Темп роста зарплаты и производительности в проц. к октябрю — декабрю 1924 г.	
	Выработка	Зарплата
Октябрь — декабрь 1924 г.	100	100
Январь — март 1925 г.	116,2	98
Апрель — июнь 1925 г.	134,0	104,0
Июль — сентябрь 1925 г.	139,8	119,5

Этот рост выработки на одного рабочего и изменившееся с конца 1924 г. соотношение между ростом выработки и ростом заработной платы послужили одной из важнейших причин по-

пижения себестоимости промышленной продукции в 1923/24 и 1924/25 гг.

В общем по всей государственной промышленности себестоимость продукции понизилась с 1923/24 г. до 1925/26 г. на 13,3%. По отдельным продуктам изменение было следующее:

Себестоимость промышленных продуктов в 1923/24 и 1924/25 гг.

Наименование продукта	1923/24 г.	1924/25 г.	Понижение в процентах
	В рублях		
1 *т* донецкого угля	12,6	10,8	14,3
1 » чугуна	74,3	51,5	30,6
100 *кг* пряжи	280,3	233,3	16,8
100 » миткаля	414,9	347,9	16,2
1 ящик стекла	60,2	53,2	11,6

Это понижение себестоимости, позволившее произвести значительное снижение отпускных цен при одновременном росте прибыли госпромышленности, происходило главным образом на основе более полного использования существующего оборудования. Само собой разумеется, что концентрация промышленности неизбежно повышала и производительность труда рабочего, поскольку в работе были наилучше оборудованные и наиболее крупные предприятия. Но одновременно с этим происходило и повышение интенсивности труда, выразившееся главным образом в употреблении рабочего дня: в уменьшении простоя машин, в упорядочении подачи материалов, в поднятии трудовой дисциплины и т. д.

Повышение себестоимости в 1925/26 и 1926/27 гг.

С 1925/26 г., который был последним годом восстановительного периода, наступает длительная заминка в движении себестоимости к понижению. В 1925/26 г. себестоимость повысилась на 1,7% в сравнении с 1924/25 г., а в I полугодии 1926/27 г. себестоимость повысилась на 1,2% по сравнению с I полугодием 1925/26 г.

Важнейшими причинами этого повышения себестоимости были:

1. Вовлечение в производство в 1925/26 г. предприятий, бывших до этого в бездействии, предприятий «консервированных», более мелких и с более отсталым оборудованием. Это конечно не могло не повлиять на себестоимость.

2. Повышение цен на материалы, сырье и топливо, имевшее место в 1925/26 г. в связи с появлением и обострением товар-

ного голода. Это повышение цен свело на-нет те достижения в области использования сырья и топлива, которые были сделаны в 1925/26 г.

Так расход топлива на единицу изделия в процентах к 1913 г. составлял:

Отрасли промышленности	1913 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
Металлургия	100	119,2	105,5	107,5
Каменноугольная	100	144,5	112	101,8
Хлопчатобумажная	100	113	112	109
Шерстяная	100	151	115	113
Сахарная (рафинад)	100	79,5	74	74
Стекольная	100	130,5	107,7	107,7

Тем не менее ввиду вздорожания топлива (в особенности древесного) мы имеем повышение денежных расходов на топливо при сниженных нормах его потребления. По стеклу например на единицу изделия топлива расходовалось (в денежном выражении) в 1925/26 г. на 13,7% больше, чем в 1924/25 г., а в I полугодии 1926/27 г. на 26,5% больше, чем в 1925/26 г.

Если цену на топливо за 1913 г. взять за 100, то в 1924/25 г. она была 162, в 1925/26 г. — 182 и в 1926/27 г. — 190.

Все эти данные показывают, какое огромное значение для себестоимости имеют чисто рыночные факторы: технические достижения промышленности в деле использования топлива были сведены на-нет ростом цен на топливо.

3. Наконец последняя причина ухудшения положения с себестоимостью в 1925/26 г. и отчасти в 1926/27 г. заключалась в отставании роста производительности от роста зарплаты. В 1925/26 г. выработка в день выросла на 11% при росте номинальной зарплаты на 29,5%. За I полугодие 1926/27 г. выработка выросла на 7,8%, зарплата — на 7,3%. Замедление роста производительности здесь об'ясняется вовлечением в производство ранее бездействовавших предприятий, дающих более низкую производительность, вовлечением в 1925/26 г. в производство новых (около 400 тыс.) рабочих, частичным падением вследствие этого трудовой дисциплины, ростом прогулов и т. д.

К 1925/26 г. интенсивность труда в общем по всей промышленности достигла предела, возможного при данном уровне техники. Еще III с'езд советов СССР (май 1925 г.) указал, что «должна продолжаться работа по повышению интенсификации труда там, где она еще не достигла технически возможных пределов». Но по всей промышленности этот предел уже был в

общем достигнут, и в дальнейшем рост производительности труда может происходить главным образом на основе усовершенствования техники.

Из всего изложенного мы можем сделать вывод о том, что, как показали 1925/26 и отчасти 1926/27 гг., в связи с переходом от восстановления к реконструкции исчерпались источники снижения себестоимости, характерные для восстановительного периода, т. е. повышение нагрузки предприятия и увеличение на этой основе производительности и интенсивности труда.

Качество продукции и себестоимость.

В связи с достигнутыми успехами в деле снижения себестоимости и с задачей снижения себестоимости на 35% в течение пятилетия, все более выдвигается задача улучшения качества продукции. Поскольку снижение себестоимости имеет своей задачей в конечном итоге снижение цен, необходимо иметь в виду, что для потребителя не меньшее значение, чем низкая цена, имеет и определенное качество продукта. Если за более низкую цену покупатель будет получать товар худшего качества, то этим не достигается повышение реального уровня существования рабочего класса и трудовых слоев крестьянства. Товар худшего качества быстрее изнашивается, портится и т. д. Потребитель вынужден через некоторый промежуток времени купить другой товар. В результате может оказаться, что при более низкой цене и при худшем качестве, рабочий для удовлетворения одной и той же потребности тратит больше денег, чем когда он покупает товар лучшего качества, за более высокую цену. Следовательно политика снижения цен на основе снижения себестоимости может достигнуть своей цели только при условии, если снижение себестоимости не будет сопровождаться ухудшением качества.

Между тем приходится отметить по ряду товаров, что снижение их себестоимости, поднятие производительности труда, рост количества производимых товаров сопровождались ухудшением их качества. Достижения по снижению себестоимости таким образом иногда сводятся на-нет ухудшением качества. Поэтому борьба за снижение себестоимости должна быть вместе с тем борьбой за повышение качества промышленной продукции.

Но борьба за качество имеет значение не только с этой точки зрения — обеспечения реального уровня существования масс — она еще самым тесным образом связана с уровнем себестоимости и влияет на него. Речь идет о качестве не только готовых предметов широкого потребления, но вообще промышленных продуктов, т. е. также и средств производства. Ухудшение качества продукции отраслей, производящих средства производства, неизбежно должно задержать снижение себестоимости и может даже повысить последнюю.

Например ухудшение качества чугуна неизбежно должно привести к росту брака при изготовлении из этого чугуна других продуктов и к повышению их себестоимости. Также должно отражаться ухудшение качества пряжи на себестоимость ткани. То же с ухудшением качества топлива, вспомогательных материалов и т. д. Следовательно повышение качества промышленной продукции, в особенности качества средств производства, является одним из весьма существенных условий снижения себестоимости.

Рационализация производства.

XV с'езд ВКП (б), определивший снижение себестоимости как центральную проблему промышленности, указал, что «главным методом успешного ее разрешения должна явиться социалистическая рационализация производства. Введение новой техники, улучшение организации труда, повышение квалификации рабочей силы и, при уменьшении рабочего дня, уплотнение его — таковы главные составные части процесса рационализации».

Социалистическая рационализация отличается от капиталистической не только своими социальными целями и своим социальным содержанием. Социалистическая рационализация является единственной действительной рационализацией в смысле планомерного и целесообразного использования сил природы обществом. В капиталистическом обществе с его анархией производства такая рационализация совершенно невозможна.

Сделаем краткий обзор основных мероприятий по рационализации промышленности.

1. Рационализация производственного процесса внутри предприятия. Сюда относится механизация работ, введение лучших машин, лучшая организация труда; такая организация производства, при которой путь сырого материала до его превращения в продукт был бы наиболее коротким, для чего требуется соответственное расположение станков и машин и правильная организация внутризаводского транспорта.

К группе мероприятий по рационализации производственного процесса внутри предприятия относится также улучшение способов сжигания топлива, использования сырья и вспомогательных материалов, использование побочных продуктов и т. п.

К этой же группе мероприятий относится и непрерывный поток производства, введение которого означает коренную реорганизацию предприятия. Непрерывный поток производства основан на принципе конвейера (движущейся бесконечной ленты), по которому движется обрабатываемый предмет и подвергается обработке рядом специальных рабочих, из которых каждый выполняет одну какую-либо часть работы. Процесс производства здесь регулируется машиной (конвейером), каждый рабочий, выполняя одну и ту же часть работы, достигает наивысшей производительности. Введение конвейера предполагает и соответствую-

щую, точную, заранее рассчитанную организацию всех подсобных процессов, как подача материала и т. п. При этой системе получается наибольшая степень взаимозависимости отдельных производственных процессов и отдельных операций.

Если предприятие без конвейерной системы представляет собой систему машин, то конвейер превращает предприятие в единый механизм.

Насколько система непрерывного потока ускоряет весь процесс производства, видно из следующих примеров.

Завод «Электросила», путем введения конвейера, сократил срок прохождения заказа с 3—4 месяцев до 10—14 дней. По фабрике «Скороход» прохождение изделий в производстве сократилось по сандалиям с 12 до 5 дней, по рантовой обуви с 6 до $1^1/_2$ дней. По Ленинградодежде например производство пиджачного костюма сократилось с 30 до 10 дней.

Можно было бы привести еще длинный ряд таких примеров, но и этих достаточно, чтобы убедиться в значении этого метода производства. Совершенно ясно, что он ведет за собой значительное снижение себестоимости.

Но введение системы непрерывного потока возможно лишь при следующих условиях. Во-первых, необходимо массовое производство, во-вторых, специализация рационализируемого предприятия на выработке одного или немногих предметов. Эти два условия выводят процесс рационализации за пределы предприятия, ибо массовое производство одного или немногих предметов требует разделения труда между предприятиями.

Специализация и стандартизация.

Речь идет не столько о специализации предприятий на выработке одного какого-нибудь готового предмета потребления, сколько о специализации, основанной на разделении труда между предприятиями, где каждое предприятие доставляет сырой материал или полуфабрикат для обработки другими предприятиями. Эта специализация выражает собой не обособление специализирующихся предприятий, а их сотрудничество, их производственно-техническое к о о п е р и р о в а н и е. Вместе с тем такого рода специализация означает и концентрацию производства — вместо того чтобы один и тот же предмет производить на многих предприятиях, вместо того чтобы каждое предприятие вырабатывало несколько разных предметов, производство каждого предмета концентрируется в одном или нескольких предприятиях так, что каждое предприятие специализируется на выработке однородных изделий.

Для того чтобы осуществить такое широкое разделение труда между многими предприятиями, необходимо установление стандартов (типов) как для готовых изделий, так и для сырого материала, машин, инструментов, запасных частей и т. д. Необходимо свести разнообразие типов или образцов каждого изделия к

небольшому числу их, для того чтобы создать возможность специализации.

В довоенное время российская текстильная промышленность например вырабатывала 4 тыс. сортов хлопчатобумажного суровья. Ясно, что при таком количестве сортов никакая специализация невозможна. У нас теперь только 300 сортов. Вместо 947 типов сельскохозяйственных машин и орудий мы теперь имеем только 253. Капиталистическая конкуренция делает совершенно невозможным осуществление такой планомерной стандартизации. Только там, где все основные средства находятся в руках одного хозяина — пролетарского государства, возможно прекращение бессмысленного и хищнического расточения производительных сил.

Рационализация промышленности предполагает далее рациональное географическое размещение и создание наиболее благоприятного сочетания условий снабжения сырьем и энергией и рынка сбыта. Отсюда — увязка рационализации, в широком смысле этого слова, с планом электрификации и районирования страны.

Рационализация и капитальное строительство.

Мы видим, что в наших условиях, в условиях пролетарской национализации земли и основных средств производства, рационализация может и должна быть осуществлена, как часть общего плана социалистической реконструкции, т. е. что действительная рационализация все более упирается в новое промышленное строительство. Правда, в старых предприятиях, доставшихся нам от капитализма, еще не исчерпаны все возможности улучшения производства, но этому поставлены довольно узкие пределы. Старые предприятия, в том виде, в каком они существуют сейчас, строились не по плану, а вырастали и расширялись постепенно. У нас нередко можно встретить фабрики и заводы, в которых наряду с цехами с сравнительно передовой техникой, имеются чрезвычайно отсталые цехи и отделы. Расположение цехов зачастую не соответствует требованиям наиболее короткого пути прохождения изделия, а обусловлено совершенно случайными причинами в зависимости от того, когда был выстроен тот или иной цех.

Целый ряд старых предприятий совершенно не приспособлен к введению конвейера и правильной организации внутризаводского транспорта и т. д.

Центр тяжести рационализации следовательно переносится все более на капитальное строительство как в смысле коренного переоборудования и переустройства наилучших из старых предприятий, так и в смысле нового строительства.

Трудности рационализации.

Рационализация производства как главный метод понижения издержек производства и как путь к повышению уровня благосостояния рабочего класса стала одной из центральных проблем социалисти-

ческого строительства. Но на пути рационализации встает ряд трудностей, в основном вытекающих из того, что с рационализацией неизбежно связаны некоторые временные жертвы со стороны отдельных групп рабочего класса.

Во-первых, поскольку рационализация заключается в замене человеческого труда машиной, поскольку вследствие лучшей организации производства часть рабочих рук делается излишней, — рационализация приводит к увольнению части рабочих с рационализируемых предприятий и к временной безработице этих рабочих.

Во-вторых, в связи с рационализацией и в особенности в связи с введением конвейера, который разбивает весь процесс производства на ряд отдельных несложных операций, не требующих длительной выучки и высокой квалификации, — квалифицированный труд вытесняется малоквалифицированным.

В-третьих, в связи с ускорением всего процесса производства, в связи с тем, что работа идет «непрерывным потоком», что движения рабочих все более регулируются движением машин — повышается интенсивность работающих.

Эти временные трудности совершенно неизбежны в ходе рационализации. Но партия, советские и профсоюзные организации должны сделать все возможное для сведения к минимуму всех временных отрицательных последствий, связанных с рационализацией производства.

ЦК ВКП(б) принял в марте 1927 г. постановление, дающее директивы о необходимости осторожного и внимательного отношения к вопросу об увольнении рабочих в связи с рационализацией, о необходимости повышенного обеспечения и особых льгот для рабочих, сокращаемых вследствие рационализации и т. д.

Вот важнейшие пункты этого постановления:

«5) В тех случаях, когда улучшение техники и организации производства не может сопровождаться расширением данного предприятия или когда наличное количество рабочих превышает потребность предприятия, необходимо освобождать предприятие от излишка рабочей силы, причем при сокращении количества рабочих на предприятии должна быть в частности использована естественная убыль рабочей силы и учтены сезоны отлива рабочих на сельскохозяйственные работы. Наряду с этим необходимо возложить на хозорганы больше ответственности за правильное использование ими наличной рабочей силы и за наем новой.

«6) Обязать хозорганы предупреждать органы Наркомтруда об освобождающейся массовой рабочей силе не менее, чем за месяц до ее сокращения, а также своевременно сообщать о потребной рабочей силе, усилив при этом роль Наркомтруда в целях обеспечения своевременного размещения по другим пред-

приятиям рабочей силы, освобождающейся в связи с улучшением техники и организации производства. При наборе рабочей силы на вновь открываемые и расширяемые фабрики и заводы предоставить преимущественное право поступления на работу тем рабочим, которые освобождены или подлежат увольнению в связи с техническими улучшениями.

«8) В тех случаях, когда проведение мероприятий по улучшению техники и организации производства приводит к освобождению части рабочих, не могущих быть использованными на других работах, считать целесообразной выдачу увольняемым рабочим пособия в размере $1^1/_2$ — 3-месячного заработка, в зависимости от района. В планах развертывания промышленности предусматривать такое увеличение производства, чтобы, несмотря на неизбежное сокращение рабочих в отдельных предприятиях в связи с улучшением техники производства, общее количество рабочих по промышленности в целом и в основных промышленных районах не уменьшилось, а увеличилось».

В своем постановлении ЦК ВКП(б) дает специальную директиву о недопустимости какого бы то ни было снижения зарплаты в связи с рационализацией: «В тех предприятиях, где проведены и проводятся организационные и технические улучшения производства, необходимо производить пересмотр норм выработок и сдельных расценок в соответствии с результатами организационных и технических улучшений с тем однако, чтобы этот пересмотр не приводил к снижению существовавшей до введения технических и организационных улучшений дневной зарплаты рабочих, а, наоборот, давал бы возможность при повышении интенсивности труда дальнейшего роста заработной платы рабочих».

Так как в связи с рационализацией повышается интенсивность труда, необходимо усилить мероприятия по охране труда, и ЦК ВКП(б) дает следующую директиву: «Хозорганы, профсоюзы и органы Наркомтруда должны разработать ряд практических мер по оздоровлению и улучшению условий труда, механизации тяжелых и вредных работ с тем, чтобы эти мероприятия одновременно облегчали под'ем производительности труда рабочего (мероприятия по технике безопасности, улучшение освещения, нормальная температура, вентиляция и пр.)».

Социалистическая рационализация и капиталистическая.

Осуществление всех этих мероприятий должно значительно облегчить и ускорить процесс социалистической рационализации, которая таким образом получает черты, глубоко и коренным образом отличающие ее от рационализации капиталистической.

Для капиталистов наивысшим принципом является получение возможно большей прибыли. Поэтому с капиталистической

точки зрения «рациональным» будет все то, что способствует росту прибыли, в том числе и удлинение рабочего дня и сокращение заработной платы и экономия на мероприятиях по охране труда. В капиталистических странах процесс рационализации неизбежно сопровождается ростом безработицы и понижением общего уровня существования трудящихся масс.

Социалистическая рационализация, проводимая в СССР, отличается от капиталистической не только по своим классовым целям. Из различия классовых целей социалистической и капиталистической рационализации вытекает и различие в методах той и другой рационализации. Центр тяжести рационализации в СССР лежит в усовершенствовании техники и организации производства. Наряду с этим должна также повышаться интенсивность труда, но не так, чтобы происходило более быстрое изнашивание организма рабочего, которое наблюдается при капиталистической рационализации.

Повышение интенсивности труда в СССР сопровождается сокращением рабочего дня до 7 часов.

Переход к 7-часовому рабочему дню.

Этот переход к 7-часовому рабочему дню, осуществляемый теперь в промышленности СССР, ярче, чем какие бы то ни было другие обстоятельства, обнаруживает действительно социалистический характер нашего государственного хозяйства вообще и нашей рационализации производства в частности. Этот переход не только значительно облегчит условия труда занятых рабочих, даст толчок к более быстрому под'ему культурного уровня рабочей массы, но позволит также в течение ближайших 5 лет втянуть в производство добавочное количество рабочих (до 500 тыс. человек) и тем самым значительно ослабить безработицу.

Троцкистская оппозиция и рационализация.

В свете всех изложенных нами мероприятий и в особенности введения 7-часового рабочего дня совершенно ничем необоснованными и клеветой на линию партии являются следующие утверждения «платформы оппозиции»: «Повышение зарплаты все более обусловливается требованием поднятия интенсивности труда. Эту новую несовместимую с социалистическим курсом тенденцию закрепил ЦК в своей известной резолюции «О рационализации». И далее: «Проводимая ныне рационализация производства неизбежно ухудшает положение рабочего класса, поскольку не сопровождается таким развертыванием промышленности, транспорта и пр., которое поглощало бы увольняемых рабочих».

В политике в области труда мы рассмотрим вопрос о росте рабочего класса, о движении зарплаты и о безработице в СССР и мы увидим, что утверждения оппозиции совершенно противоречат действительности. Но уже сказанного нами достаточно для того, чтобы видеть, что линия партии в том и заключается, чтобы

проводить рационализацию наряду с возможно более широким развитием социалистической промышленности и ростом рабочего класса. В то время как в капиталистических странах мы имеем все более суживающийся (по сравнению с производством) рынок сбыта и следовательно очень узкие пределы роста сбыта, — в СССР мы имеем постоянно растущее потребление масс и поэтому также растущий сбыт и увеличение производства и числа занятых рабочих.

Троцкистская оппозиция считала «несовместимым с социалистическим курсом» указание ЦК ВКП(б) в его резолюции «О рационализации» о том, что пересмотр норм выработок и сдельных расценок в рационализируемых предприятиях «давал бы возможность, при повышении интенсивности труда, дальнейшего роста заработной платы рабочих». Оппозиция не видела и не учитывала того, что при социалистической рационализации повышение интенсивности компенсируется улучшением условий труда и сокращением рабочего дня.

Оппозиция «колебалась от лозунга «жесткой концентрации» и нажима на рабочих (с закрытием таких гигантов пролетарской индустрии, как Путиловский завод, Брянский завод и т. д.) вплоть до отрицания по существу дела рационализации» (из резолюций XV с'езда ВКП(б).

Рационализация и снижение себестоимости в пятилетке.

Необходимость социалистической рационализации как основы для снижения себестоимости и повышения уровня существования масс как одного из основных методов реконструкции и преодоления нашей технико-экономической отсталости воспринята широкими массами рабочего класса. Под руководством партии рабочий класс добился значительных успехов в деле рационализации. Если в 1925/26 г. и в первой половине 1926/27 г. мы имели некоторое повышение себестоимости, то уже в следующий период начали сказываться результаты рационализаторской работы: за весь 1926/27 г. мы имеем снижение себестоимости по промышленности, планируемой ВСНХ, на 1,8%; за 1927/28 г. — на 5,1% и за 1928/29 г. — на 5%.

Опираясь на дальнейшее развертывание рационализации, на введение в действие новых предприятий, мы к концу пятилетия достигнем следующих улучшений в работе крупной промышленности: расход топлива на единицу продукции понизится на 30%, расход промышленного сырья — на 28%, расход сельскохозяйственного сырья — на 18%, выработка одного рабочего подымется в среднем на 110%. Все это даст возможность снизить себестоимость на 35%.

Но надо иметь в виду, что все эти достижения возможны только при осуществлении строительной программы пятилетки, при под'еме активности широчайших масс.

§ 4. Накопление и капитальные работы в государственной промышленности.

Подобно тому как ключом социалистической реконструкции всего народного хозяйства является крупная государственная промышленность, основным рычагом развития самой госпромышленности, основным средством, обеспечивающим решение стоящих перед госпромышленностью задач (рост продукции, снижение себестоимости и цен на основе рационализации и т. д.), является капитальное строительство, переоборудование существующих и строительство новых фабрик и заводов, реконструкция основного капитала госпромышленности.

Динамика основного капитала промышленности. Довоенная промышленность России по своему техническому уровню отставала от промышленности наиболее развитых капиталистических стран. По исчислению т. С. Г. Струмилина, оборудование крупной промышленности России в 1913 г., за вычетом технического износа, оценивалось в 2 160 млн. довоенных рублей, а за вычетом технического и так называемого морального износа[1] — в 1 590 руб. Таким образом моральная изношенность выражалась в 570 тыс. руб. Иными словами, по своему техническому уровню русская промышленность была на 26,4% (2 160 : 570) ниже иностранной.

Во время империалистической войны основной капитал промышленности увеличился (с 2 160 млн. руб. в 1913 г. до 2 535 млн. руб. в 1917 г., считая только оборудование). Но этот рост основного капитала был вызван исключительно военными нуждами, и он поэтому не может считаться показателем укрепления промышленности. В течение 1914—1917 гг. оборудование, хотя и расширялось, но зато, вследствие почти беспрерывной работы и усиленной нагрузки, оно сильно изнашивалось технически. Строились новые фабрики и заводы, но старое оборудование не ремонтировалось в необходимой степени. Фактически, несмотря на количественный рост основного капитала, он качественно ухудшался. Так например на 100 руб. оборудования приходилось продукции в 1913 г. 260 руб., в 1914 г. — 253 руб., в 1915 г. — 276 руб., в 1916 г. — 285 руб. и в 1917 г. — 171 руб. Следовательно в течение 1915/16 г. происходила усиленная эксплоатация оборудования, разрушение самых основ производственного аппарата. Отсталость техники по сравнению с иностранной, выражавшаяся в 1913 г. в 26,4%, в 1917 г. уже равнялась 29,1%.

Гражданская война потребовала от промышленности небывалого напряжения Если в империалистическую войну, наряду с процессами разрушения оборудования, происходил его количественный рост, то в течение 1918—1920 гг. ни о каком сколько-нибудь заметном расширении и восстановлении оборудования конечно не могло быть и речи.

Начиная с 1921 г., промышленное производство стало увеличиваться, но одновременно с этим происходило дальнейшее изнашивание основного капитала. Поскольку крупная промышленность не имела полной нагрузки, поскольку еще оставались неиспользованные резервы основного капитала, задача заключалась в том, чтобы изыскать средства для приведения в движение бездействующего основного капитала. Иными словами, в первые годы нэпа необ-

---

[1] Моральным износом называется то обесценение машины, которое произошло вследствие изобретения новой, более усовершенствованной, машины. Техническим же износом называется обесценение, происшедшее вследствие употребления машины.

ходимо было увеличить оборотный капитал промышленности. Так в 1924/25 г. на 100 рублей основного капитала приходилось продукции в 186 руб. против 260 руб. в 1913 г., т. е. нагрузка основного капитала составляла только 72%, если принять, что в 1913 г. нагрузка была полная. Следовательно до окончания восстановительного процесса рост промышленности обусловливался в основном не ростом и восстановлением основного капитала, а главным образом ростом оборотного капитала.

Если период 1918—1921 гг. еще является периодом проедания основного капитала, так как никаких капитальных вложений за это время не производилось, то и годы 1921—1925 не могут еще рассматриваться как период расширения основного капитала. Хотя в течение этих лет уже делаются капитальные вложения в промышленность, эти вложения относятся все еще к капитальному ремонту и не намного превышают текущий износ. По тяжелой промышленности например размер капитальных затрат лишь с 1 октября 1925 г. начинает превышать износ. Расширение основного капитала (т. е. капитальные затраты, превышающие износ) начинается с 1925/26 г.

Всю проблему основного капитала госпромышленности необходимо рассматривать с двух точек зрения: 1) с точки зрения источников средств, необходимых для расширения и переоборудования основного капитала, и 2) с точки зрения направления, использования этих средств и характера капитальных работ, т. е. работ по расширению и переоборудованию основного капитала.

Рассмотрим сначала вопрос об источниках средств.

Все средства, идущие на производство капитальных работ и на расширение оборотного капитала, можно разделить на 2 группы: 1) средства самой промышленности (амортизация и прибыль) и 2) средства, притекающие в госпромышленность извне (через госбюджет и кредитную систему).

Амортизация.

Амортизационные отчисления представляют собой ту часть стоимости продукта, которая соответствует изнашиванию основного капитала, и поэтому они могут служить только для восстановления первоначальной стоимости основного капитала, а не для расширения его. Расширение же основного капитала происходит за счет прибыли госпромышленности и за счет средств, получаемых извне.

На практике нельзя конечно установить резкую грань между восстановлением основного капитала до его прежнего размера и его расширением. Обыкновенно, часть амортизационного фонда (составляемого из амортизационных отчислений) расходуется на текущий мелкий, средний и крупный ремонт. Поскольку же имеется в виду произвести переоборудование предприятия на новой технической основе, незачем восстанавливать полностью старый основной капитал, и поэтому другая часть амортизационного фонда присоединяется к прибыли для переоборудования основного капитала. Но и в этом случае расходование амортизационного фонда на производство новых капитальных работ представляет собой не увеличение стоимости основного капитала, а перенесение

части первоначальной стоимости старого, частично уже изношенного, основного капитала в новый основной капитал.

Поэтому амортизационные фонды нашей государственной промышленности не являются источником социалистического накопления, т. е. расширения основного капитала, хотя они служат одним из средств и источников реконструкции.

Для того чтобы восстановить стоимость изношенного оборудования, необходимо чтобы амортизационные отчисления действительно соответствовали текущему износу оборудования. Если отчисления будут делаться в меньшем размере, то очевидно, что к тому моменту, когда оборудование придет в полную негодность, накопленного амортизационного фонда нехватит на его восстановление.

Амортизационные фонды, которые были накоплены русской промышленной буржуазией и иностранными акционерными обществами, имевшими свои предприятия в России, не перешли в руки Советского государства. Поскольку они отлагались в денежной форме, эти фонды вследствие падения валюты обесценились. Кроме того за время наибольшего изнашивания основного капитала, в период военного коммунизма, поскольку советская промышленность перешла от денежного обмена и соответствующих ему форм хозяйственного расчета к натуральному распределению, — никакие амортизационные отчисления вообще не производились. Стоимость изнашиваемой части основного капитала тогда вообще не принимала денежной формы. К началу нэпа у советской промышленности никаких амортизационных фондов, соответствующих износу основного капитала, не могло быть по всем указанным причинам.

С переводом госпромышленности на хозяйственный расчет встал вопрос о нормах амортизационных отчислений, и в период высоких цен на промышленные товары (до осени 1923 г.) тресты в отпускную цену товаров включали высокий процент амортизации. При этом преследовались две цели: 1) создать амортизационный фонд, соответствующий не только текущему изнашиванию, но и тому износу за годы гражданской войны, который в свое время не был возмещен; 2) покрыть текущее изнашивание не только действующих предприятий, но и предприятий консервированных.

Такая политика амортизации привела к росту отпускных цен на промышленные товары и была одной из причин осеннего кризиса сбыта 1923 г. Поэтому когда партия взяла линию на снижение промышленных цен, она в то же время указала на недопустимость включения в цену продукции процента амортизации, превышающего действительную текущую изнашиваемость: «Ошибочно с точки зрения социалистического строительства, когда в цены продуктов, сверх себестоимости и необходимой минимальной прибыли, включаются расходы на такое быстрое восстановле-

ние и расширение основного капитала, которое явно не под силу в данный момент основной массе населения страны» (из резолюции XIII партконференции «Об очередных задачах экономической политики»).

Амортизационные отчисления общесоюзной промышленности составляли 145 млн. руб. за 1922/23 г., 170 млн. руб. за 1923/24 г. и 277 млн. руб. за 1924/25 г. Но не все эти средства могли быть обращены на капитальное строительство к тому моменту, когда выявилась необходимость восстановления и расширения основного капитала. Дело в том, что вследствие недостатка оборотных средств тресты помещали свои амортизационные фонды в оборот. Но из оборота денежные средства не могут быть из'яты в любой момент, так как оборотные средства существуют преимущественно в виде товаров, полуфабрикатов, сырья, топлива и т. д., и лишь в незначительной части в денежной форме. Кроме того, уменьшая оборотные средства, приходится также уменьшить самые размеры оборота и следовательно сократить производство.

Если у одних трестов происходило частичное застревание части основного капитала (в виде амортизационного фонда) в обороте, то у других наблюдалось обратное явление: увязание оборотных средств, полученных в порядке краткосрочного кредита, в капитальное строительство, т. е. в основной капитал.

Отсюда видно, что существует определенная и тесная связь между проблемой основного капитала и вопросом об оборотном капитале. Эту взаимную связь можно формулировать следующим образом: 1) чем больше размеры действующего основного капитала, тем при одной и той же скорости оборота требуется больше оборотного капитала, 2) при ускорении оборота требуется меньше оборотного капитала при неизменяющейся величине действующего основного капитала.

Следовательно, по мере приближения к окончанию восстановительного процесса, государственная промышленность могла вкладывать в оборот все меньшую часть своего амортизационного фонда и должна была извлечь из оборота вложенные туда в первые годы восстановительного периода амортизационные средства.

Прибыль как источник накопления.

Кроме амортизационного фонда, который идет на восстановление изношенного оборудования и одновременную его реконструкцию, промышленность имеет еще один источник средств для реконструкции и расширения основного капитала: свою прибыль. Прибыль государственной, социалистической промышленности образуется из того прибавочного продукта, который создается рабочим классом на социалистических предприятиях.

Какие факторы влияют на величину этого прибавочного продукта, следовательно на величину прибыли?

Прежде всего конечно производительность труда рабочих. В предыдущем параграфе были приведены данные о движении производительности, но там же было показано, какое значение имеет соотношение роста производительности и роста заработной платы. Для того чтобы увеличивался социалистический прибавочный продукт, необходимо чтобы производительность труда росла быстрее заработной платы. С окончанием восстановительного процесса в промышленности производительность труда может

в дальнейшем повышаться главным образом на основе переоборудованной и усовершенствованной техники.

Но и до полной реконструкции основного капитала возможно добиться увеличения прибыли путем уменьшения издержек производства, на основе рационализации производства при существующей технике. Следовательно рационализация производства имеет большое значение в деле увеличения прибыли государственной промышленности, увеличения одного из важнейших источников средств для переоборудования основного капитала.

Прибыль госпромышленности может образоваться и образуется не только из прибавочного продукта рабочего класса, но и из прибавочного продукта крестьянства. Если отпускная цена промышленного товара будет выше суммы издержек производства и прибавочного продукта, созданного рабочими, то ясно, что остальная часть цены продукта образуется из того прибавочного продукта, который покупатель уступает промышленности. Поскольку таким покупателем является крестьянин, государственная промышленность получает часть своей прибыли от крестьянства.

Может ли прибыль госпромышленности значительно увеличиться за счет прибавочного продукта крестьянина?

В предыдущей главе мы уже разбирали «сверхиндустриалистскую» теорию троцкистской оппозиции и мы пришли к выводу, что быстрый рост промышленности за счет крестьянского хозяйства невозможен, хотя некоторая часть прибавочного продукта крестьянства должна быть из'ята в пользу госпромышленности.

Однако из'ятие средств из сельского хозяйства в промышленность должно происходить в таком размере и таким темпом, чтобы не задержалось развитие сельского хозяйства, иначе госпромышленность очутится перед кризисом сбыта. Мы здесь не будем повторять рассмотренные выше политические соображения (необходимость укрепления смычки, как условия пролетарской диктатуры), которые заставляют нас соблюдать определенное соответствие между развитием промышленности и развитием сельского хозяйства.

Прибыль и политика цен.

Повышение отпускных цен ради увеличения прибыли не только грозит ослаблением смычки, кризисом сбыта и т. д. в более или менее отдаленном будущем, — оно не может дать непосредственных выгод промышленности и, наоборот, даже увеличит затруднения промышленности, в конечном счете уменьшая, а не увеличивая ее прибыль.

В самом деле, повышение отпускных цен неизбежно повлечет за собой повышение розничных цен. Но это немедленно же приведет к понижению реальной заработной платы, а для того чтобы этого избегнуть, необходимо будет повысить номинальную

зарплату, т. е. повысить издержки производства. Следовательно увеличение прибыли путем повышения отпускных цен сейчас же влечет за собой уменьшение прибыли в силу повышения зарплаты. Но этого мало. Ведь покупателями промышленных товаров являются не только рабочие и крестьяне, но и сама промышленность. Даже если повысить только отпускные цены недостаточных товаров широкого потребления, оставляя на прежнем уровне отпускные цены на сырье, материалы и др. средства производства, все равно цены на эти товары производственного потребления должны будут повыситься, так как повысится ведь заработная плата рабочих, занятых в отраслях, производящих средства производства. Следовательно и с этой стороны вырастут издержки производства отраслей, производящих предметы потребления и повысивших отпускные цены.

Таким образом повышенная прибыль, полученная путем повышения отпускных цен, свелась бы на-нет вследствие роста зарплаты и прочих издержек производства.

Чтобы все-таки добиться увеличения прибыли, необходимо было бы еще раз повысить отпускные цены и начать таким образом новый круг, чтобы притти опять к тому же плачевному результату. Повышение цен было бы еще усилено неизбежным падением валюты.

Следовательно линия троцкистской оппозиции на повышение отпускных цен не только чревата крупными политическими и экономическими опасностями в будущем, но является кроме того призрачной и неприемлемой даже с точки зрения ближайших непосредственных интересов самой промышленности.

В полной своей силе остается директива XIII партконференции о включении в цену товаров минимальной прибыли, понимая под этой последней такую прибыль, которая не нарушает равновесия всего народного хозяйства и отдельных его частей.

Проводимая партией политика отпускных цен не только не привела к уменьшению прибыли, но, наоборот, содействовала непрерывному росту ее. Чистый доход госпромышленности (валовой доход за вычетом всех издержек производства) составлял:

Годы	Млн. черв. руб.
1923/24	220
1924/25	560
1925/26	705
1926/27	833
1927/28	948

Мы рассмотрели два основных источника реконструкции основного капитала, которыми располагает сама промышленность: амортизационные фонды и прибыль. Из них амортизация только

восстанавливает изношенную стоимость основного капитала, расширение же его происходит за счет прибыли. Но было бы ошибочно думать, что вся амортизация идет на реконструкцию и что вся прибыль идет на расширение основного капитала. Амортизация расходуется на постройку новых фабрик взамен старых и на замену старых машин новыми лишь в той мере, в какой она не тратится на текущий ремонт существующих зданий и машин.

Распределение прибыли госпромышленности.

Что касается расходования прибыли на расширение основного капитала, необходимо иметь в виду, что прибыль, полученная государственным трестом, за исключением отчислений в резервный капитал и в фонд по улучшению быта рабочих и служащих, вносится на основании ст. 46 декрета о трестах в доход казны. Следовательно прибыль госпромышленности используется не каждым трестом в отдельности, а перераспределяется государством между отдельными отраслями промышленности. Было бы нецелесообразно оставлять в руках отдельных трестов полученную ими прибыль, так как в этом случае мы имели бы не плановое, а стихийное развитие промышленности.

В самом деле, в первые годы нэпа наиболее прибыльными были отрасли промышленности, работающие на широкий потребительский рынок, а металлопромышленность работала с убытком. Известно, что легкая промышленность имеет более быстрый оборот своих капиталов, чем тяжелая; уже одно это влияет на размеры прибыли. Кроме того в первые годы восстановительного процесса легкая промышленность имела еще резервы неиспользованного основного капитала, поэтому заказы с ее стороны на оборудование были незначительны. Тяжелая промышленность, в особенности металлопромышленность, наоборот, имела очень узкий рынок сбыта, и в связи с этим нагрузка ее была также незначительна.

Если еще принять во внимание, что тяжелая промышленность подверглась во время гражданской войны гораздо бо́льшим разрушениям, чем легкая, — станет ясным, что убыточность ее в первые годы нэпа была совершенно неизбежна. Но Советское государство не может допустить, чтобы основа всей промышленности — тяжелая промышленность — не имела возможности развиваться. Если предоставить каждой отрасли промышленности распоряжаться самостоятельно своей прибылью, мы бы в конце концов получили разбухание легкой индустрии и упадок тяжелой, и развитие легкой промышленности в конце концов уперлось бы в тупик, так как слабо развитая тяжелая промышленность не была бы в состоянии удовлетворить потребности легкой в оборудовании.

Иначе обстоит дело, когда прибыль трестов поступает в распоряжение государства: тогда возможно перераспределить при-

быль таким образом, чтобы развитие отдельных отраслей промышленности происходило планомерно и в строгом соответствии друг с другом.

Не вся прибыль госпромышленности может быть использована для расширения основного капитала. Часть прибыли треста отчисляется в резервный (запасный) капитал и в фонд по улучшению быта рабочих и служащих.

Резервный капитал (отчисляемый от прибыли в размере 10%) необходим для покрытия возможных убытков, для покрытия непредвиденных расходов и т. д. В предыдущей главе, рассматривая условия планового хозяйства, мы видели, что без резервов невозможно руководить народным хозяйством по определенному плану. Резервы не менее необходимы и для отдельного предприятия: при отсутствии резервного капитала бесперебойная работа предприятия была бы очень затруднена. Резервный капитал не может употребляться полностью на расширение основного капитала, так как в этом случае он перестал бы быть резервным, т. е. готовым к использованию в любое время. Резервный капитал должен поэтому быть подвижным. По существующему закону тресты и другие хозяйственные учреждения обязаны помещать 60% своих резервных капиталов в облигации государственных займов, которые могут быть в случае надобности легко превращены в наличные деньги. Таким образом для народного хозяйства в целом резервные капиталы трестов не остаются неиспользованными.

Ясно, что чем больше размеры предприятия, чем крупнее основные капиталы трестов и их обороты, тем больше должны быть также и резервные капиталы и вместе с этим та часть прибыли, которая не может быть затрачена на расширение основного капитала.

Другая часть прибыли, которая не может быть вложена в основной капитал, — это отчисления в фонд улучшения быта рабочих и служащих в размере 10% всей прибыли. Кроме повышения уровня заработной платы на основе роста производительности труда, рабочие получают еще определенную долю прибыли, но не в индивидуальном порядке, как заработную плату. Фонд улучшения быта расходуется на улучшение общих условий быта рабочих, на такие мероприятия, для которых требуются крупные суммы, например жилищное строительство, школьное и т. п. Через фонд улучшения быта рабочие каждого предприятия становятся непосредственно коллективными потребителями создаваемого ими самими социалистического прибавочного продукта.

Отчисления в резервный капитал и в фонд улучшения быта рабочих и служащих, в размере 20% всей прибыли, представляют собой ту часть прибыли, которая не может итти на расширение основного капитала. Но и остающаяся часть прибыли, перераспределяемая государством между отраслями промышленности, не может быть использована полностью для этой цели. Нельзя увеличивать основного капитала, не увеличивая одновременно и оборотного. Поэтому прибыль, расходуемая на расширение производства, должна быть разделена в определенном соотношении на часть, идущую на расширение основного капитала, и часть, идущую на увеличение оборотного капитала.

Таким образом из всей прибыли, получаемой госпромышленностью, на расширение основного капитала может быть употреб-

лена лишь часть, остающаяся за вычетом отчислений в резервный капитал, в фонд улучшения быта и в оборотный капитал.

Внутренние накопления госпромышленности по пятилетке.

Какую крупную роль в деле реконструкции промышленности должны сыграть ее собственные накопления, видно из следующей таблицы, представляющей в сводном виде пятилетний финансовый план промышленности (в млн. руб.).

Чистая прибыль	12 000
Отчисления от прибыли	6 122
Остаток прибыли	5 878
Амортизация	3 400
Итого внутреннего накопления	9 278
Потребность в средствах	18 700
Требуется средств извне	9 422
В том числе:	
а) Бюджет	6 522
б) Банковский кредит	2 900

Если принять во внимание, что из получаемых от госбюджета 6 522 млн. руб. большая часть (5 390 млн. руб.) представляет собой возврат средств, из'ятых бюджетом у промышленности, и что последняя получает от госбюджета чистых 1 132 млн. руб. (6 522 млн. руб. — 5 390 млн. руб.), то станет ясным, что выполнение пятилетнего плана по промышленности в основном зависит от самой промышленности. Главным же источником прибыли промышленности является снижение себестоимости, опережающее снижение цен. Так при снижении промышленных цен на 24% за пятилетие себестоимость должна снизиться на 35%.

Реализация намеченной пятилеткой прибыли и следовательно выполнение намеченного плана капитальных работ зависит в первую очередь от снижения себестоимости. Мы видим еще раз, что снижение себестоимости является основной задачей, центральной проблемой промышленности. При этом с точки зрения обеспечения выполнения плана капитальных работ, снижение себестоимости имеет двоякое значение. С одной стороны, снижение себестоимости готовой промпродукции является основным источником прибыли госпромышленности. С другой стороны, поскольку прибыль обеспечена, встает задача наиболее экономного ее использования, т. е. задача снижения стоимости строительства. Если каждый процент снижения себестоимости продукции дает сотни миллионов рублей прибыли и расширяет таким образом фонды индустриализации, то каждый процент снижения стоимости строительства означает ускорение темпа строительства и расширение его размеров.

Насколько острой является проблема снижения стоимости строительства, видно из того, что строительный индекс (стоимость строительства по сравнению с довоенным временем) стоит гораздо выше общепромышленного.

Если взять 1913 г. за 100, мы имеем:

Годы	Общепромышл. индекс	Строительн. индекс
1923/24	2,25	2,0
1924/25	2,33	2,26
1925/26	2,00	2,69
1926/27	1,93	2,57
1927/28	1,85	2,47

То, что государственная промышленность выигрывает на снижении себестоимости, она в значительной мере теряет на высоком строительном индексе. Причин высокой стоимости строительства много, но все они в основном могут быть сведены к тому, что мы впервые приступили к строительству в таком широком масштабе. Первые шаги этого строительства уже выявили те направления, по которым необходимо вести работы по снижению стоимости строительства.

Во-первых, необходимо применять более упрощенные конструкции и тратить столько строительного материала, сколько требуется намечаемым сроком эксплоатации строящегося предприятия, а не исходить из расчета на его долговечное существование. Во-вторых, необходимо произвести широкую механизацию строительных работ и преодолеть отсталую технику строительства. Необходимо, в-третьих, ускорить самые сроки окончания начатых строительных работ. Чем больше времени продолжается строительство какого-либо об'екта, тем дороже оно обходится. Укорочение срока строительства зависит, с одной стороны, от механизации работ, а, с другой — от правильности строительного плана, от организации своевременного снабжения строительными материалами. Необходимо поэтому, в-четвертых, завершить создание специальных строительных организаций и из'ятие строительного дела от тех организаций, для которых оно не является главным. Только при таком условии можно будет поднять строительное дело на должную техническую и организационную высоту. Поскольку фактором, значительно удорожающим строительство, является дороговизна строительных материалов, необходимо всемерное расширение их производства и упорядочение самого рынка строительных материалов.

Проведение всех этих основных и целого ряда других мероприятий должно обеспечить правильное использование как внутренних средств промышленности, так и получаемых ею извне для выполнения программы строительных работ.

Бюджетное и банковое финансирование промышленности.

Для выполнения своей программы промышленность получает из госбюджета 6 522 млн. руб. Но из этой суммы, как мы видели, 5 390 млн. руб. представляют собой возврат из'ятых у промышленности бюджетом сумм. Может поэтому возникнуть вопрос о целесообразности операции, заключающейся в том, чтобы брать у промышленности крупные средства для того, чтобы затем вернуть их промышленности же. Такая операция играет однако крупную роль в деле планового руководства промышленностью. Было бы нецелесообразно с точки зрения планового социалистического строительства оставлять у каждой отрасли промышленности всю получаемую ею прибыль. Если легкая промышленность с наиболее быстрым оборотом капитала и наиболее высокой нормой прибыли использовала бы всю свою прибыль для накопления, мы не имели бы более быстрого роста тяжелой индустрии. Одно из основных условий индустриализации было бы таким образом нарушено. Изымая прибыль у одной отрасли промышленности и передавая ее другой отрасли, государственный бюджет выполняет одну из важнейших функций перераспределения внутренних накоплений промышленности сообразно основным задачам социалистической индустриализации. Без этого мы бы имели полустихийное и неравномерное с точки зрения задач социалистического строительства развитие отдельных отраслей промышленности. То, что госпромышленность получает от бюджета не в порядке перераспределения внутренних накоплений промышленности, а в виде добавочных средств (по пятилетнему плану — 1 132 млн. руб.), является частью дохода других отраслей хозяйства, перераспределенной госбюджетом в пользу социалистического накопления в госпромышленность.

Точно так же и средства, получаемые госпромышленностью из кредитной системы, не являются полностью добавочными для промышленности. Если промышленность задолжена банкам, то она в свою очередь является одним из крупнейших вкладчиков в кредитную систему. Мы имеем следовательно перераспределение средств между отраслями промышленности через кредитную систему. Для того чтобы кредитная система была не только перераспределительным аппаратом, а действительно финансировала промышленность, т. е. снабжала ее добавочными средствами, необходимо чтобы задолженность промышленности банкам была больше суммы вкладов, которые промышленность имеет в банках.

Намечая прирост задолженности промышленности по краткосрочному кредиту в 1 300 млн. руб. за пять лет, пятилетка в то же время намечает прирост текущих счетов промышленности в банках в 250 млн. руб. Другими словами, госпромышленность получает добавочных 1 050 млн. руб. через систему краткосроч-

ного кредита. Поскольку для выполнения плана капитальных работ необходим долгосрочный кредит, этот последний должен приобрести все бо́льшую роль в деле кредитования промышленности.

Источниками долгосрочного кредитования промышленности являются, во-первых, средства, отпускаемые через Госбанк и Банк долгосрочного кредита (бывш. Промбанк) из госбюджета. Эти средства нельзя рассматривать как средства, мобилизуемые кредитной системой, они мобилизуются госбюджетом, а банковская система здесь служит как бы распределителем их. Для организации долгосрочного кредита в 1926 г. при Промбанке СССР был создан специальный Отдел долгосрочного кредита (ОДК), через который планомерно используются соответствующие средства, а в 1928 г. Промбанк был реорганизован в Банк долгосрочного кредита (БДК).

На основании статьи 45 Положения о государственных промышленных трестах ВСНХ может обязать трест «помещать амортизационный капитал полностью или в части в учреждения долгосрочного кредита». На основании статьи 46 того же Положения 10% прибыли треста отчисляются на образование специального государственного капитала в учреждениях долгосрочного кредита; кроме того в те же учреждения долгосрочного кредита помещается половина тех 25% прибыли, которые отчисляются в капитал расширения предприятия.

Организация специального фонда долгосрочного кредита дает возможность планомерно и с наибольшей пользой использовать средства долгосрочного кредита.

Например амортизационные фонды трестов должны достигнуть определенного размера прежде, чем они могут быть употреблены на восстановление изношенного оборудования. Будучи собраны в одном месте, амортизационные фонды могут быть использованы для кредитования ими тех отраслей промышленности, которые в данный момент наиболее нуждаются в долгосрочном кредите.

Национализация промышленности и кредита дает таким образом возможность достигнуть наибольших результатов при наличии сравнительно небольших средств. Именно в этом заключается огромное преимущество советского хозяйственного строя перед капиталистическим, в котором частная собственность на крупные средства производства и конкуренция мешают планомерному и с наибольшими результатами использованию имеющихся капиталов. Не подлежит никакому сомнению, что благодаря национализации, благодаря существованию планомерно используемой системы командных высот, мы смогли без иностранной помощи, при крайнем недостатке капиталов в такой сравнительно короткий срок восстановить почти разрушенную промышленность. Эти же основы нашего строя обеспечивают нам

и в дальнейшем темп развития промышленности, более быстрый, чем в капиталистических странах.

Мы рассмотрели основные источники индустриализации и реконструкции: амортизацию, прибыль, бюджетное финансирование и банковское кредитование.

Рассмотрим теперь, как используются все эти средства, в каком направлении ведутся работы по реконструкции промышленности. Так как мы уже в предыдущей главе рассмотрели основные установки пятилетнего плана по электрификации, мы в настоящей главе дадим обзор капитальных работ по промышленности без электрификации.

Реконструкция и новое строительство по пятилетке.

Весь план работ по расширению и переоборудованию основного капитала госпромышленности складывается из двух основных частей: из работ по реконструкции существующих предприятий (реконструкция в узком смысле этого слова) и из нового строительства. Все эти работы вместе взятые являются работами по широкой реконструкции всей госпромышленности.

Как по своим размерам, так и по своему значению работы по реконструкции существующих предприятий занимают значительное место в общем плане капитальных работ. Речь идет не о каких-либо второстепенных преобразованиях существующих предприятий, а о таком полном их переустройстве, в результате которого мы к концу пятилетия будем иметь на деле почти совершенно новые предприятия. Если мы по четырем важнейшим промышленным районам сравним величину основного капитала промышленности на 1 октября 1928 г. и стоимость реконструкции за 5 лет, мы получаем следующую картину:

Районы	Основн. капитал на 1 окт. 1928 г. в млн. руб.	Стоимость реконструкции (за 5 лет) в млн. руб.
Урал	302,4	753,7
Ленинград	705,4	639,0
ЦПО	2 182,3	1 571,3
УССР	1 755,0	2 662,0

На реконструкцию металлургических заводов мы затрачиваем 1 600 млн. руб., т. е. сумму, равную стоимости старого основного капитала этой отрасли на 1 октября 1928 г. После реконструкции существующие металлургические заводы удваивают свою продукцию с 3,2 млн. *т* в 1927/28 г. до 6,9 млн. *т* в 1932/33 г. Такой же результат реконструкции мы имеем и по Донбассу, где

реконструируемые шахты дадут в 1932/33 г. 17,2 млн. *m* угля вместо 7,2 млн. *m* в 1928/29 г. По целому ряду крупных заводов стоимость реконструктивных работ во много раз превышает стоимость их основного капитала, действовавшего до реконструкции.

Каких бы крупных результатов мы ни достигли реконструктивными работами, они все же уступают новому строительству в том отношении, что на реконструируемых предприятиях мы в большей или меньшей мере зависим от условий, созданных старым основным капиталом. Строя же новое предприятие, мы свободны в выборе наиболее совершенного типа предприятия, наиболее благоприятных экономико-географических условий и т. д. Центр тяжести переустройства основного капитала госпромышленности лежит поэтому в новом строительстве. Если в 1927/28 г. новое строительство составляло 29,5% всей суммы капитальных вложений, то в 1932/33 г. оно достигнет 59,7%.

Структурные изменения основного капитала.

Вместе с количественным ростом основного капитала мы будем иметь его качественное изменение не только с чисто технической точки зрения, но и с точки зрения его так сказать социального происхождения. В составе основного капитала госпромышленности все больше будет отступать на задний план часть, доставшаяся нам от капитализма. Вот данные, иллюстрирующие этот процесс:

Действующий основной капитал госпромышленности.

Отрасли промышленности	1 октября 1925 г.			1 октября 1928 г.			1 октября 1933 г.		
	Весь капитал в млн. руб.	В том числе дореволюц. капиталы		Весь капитал в млн. руб.	В том числе дореволюц. капиталы		Весь капитал в млн. руб.	В том числе дореволюц. капиталы	
		В млн. руб.	В %		В млн. руб.	В %		В млн. руб.	В %
Группа А . .	4 263	3 639	85,0	5 430	2 900	53,0	14 855,6	2 900	19,5
Группа Б . .	3 702	3 490	94,0	4 320	3 230	75,0	6 905,3	3 230	46,8
Вся госпромышленность .	7 965	7 129	89,0	9 750	6 130	63,0	21 770,9	6 130	28,1

Если принять во внимание, что износ основного капитала будет происходить главным образом за счет дореволюционного капитала, то фактический удельный вес дореволюционного капитала будет гораздо меньше, чем показано в таблице. Это значит, что к концу пятилетия основной капитал госпромышленности в подавляющей своей части будет социалистическим и по своему происхождению, что мы почти полностью осуществим директиву

XIV с'езда ВКП(б) о превращении СССР в «самостоятельную экономическую единицу, строящуюся по-социалистически».

Самым интересным в приведенной таблице является то, что роль старого дореволюционного капитала уменьшается наиболее быстро в отраслях, производящих средства производства. Это говорит как об осуществлении курса на наиболее быстрое развитие тяжелой промышленности, так и о том, что в течение пятилетия мы почти заново создадим основной рычаг индустриализации.

Наряду с почти полным обновлением основного капитала мы будем иметь ряд совершенно новых производств, многие из которых сыграют решающую роль в деле социалистического переустройства СССР. Важнейшие из этих новых производств: тракторостроение, авиастроение, ряд химических и электротехнических производств, производство точных и сложных машин и наиболее важного оборудования для разных отраслей промышленности. Мы здесь не станем, за отсутствием места, перечислять все новые производства [1]. И без этого перечня ясно, что, создавая новые производства, мы все более и более освобождаемся от экономической зависимости от мирового капиталистического хозяйства и становимся все более могучим фактором мировой пролетарской революции.

Выполнение плана капитальных работ в промышленности даст значительное изменение размеров предприятий, мы будем иметь высокую степень концентрации производства. Вот как рисует этот процесс пятилетний план [2]:

«Во всем новом строительстве предприятий стоимостью выше 20 млн. руб. всего лишь 72, но на их долю приходится 3 824 млн. руб. из 7 833 млн. руб., т. е. на 2,9% предприятий приходится 49% вложений. Еще ярче будет картина, если учесть, что почти все эти гиганты относятся к группе А—61 об'ект поглощает 3 474 млн. руб., что составляет 58% всего нового строительства по группе А. Стоимостью выше 150 млн. руб. каждый, строится 9 металлургических гигантов, которые обойдутся свыше 1,5 млрд. руб., т. е. больше, чем все капитальное строительство 1927/28 г. (1 306 млн.).

Каждый из этих заводов по стоимости равен Днепрострою, Волховстрою, Турксибу, Волго-Дону. Эти 9 крупнейших вышек социализма в металлургии строятся почти стандартного типа на 650 тыс. *т* чугуна каждый...

... В конце пятилетия процессы концентрации во всех отраслях примут огромные размеры. При вступлении в эксплоатацию даже нескольких об'ектов на долю сотен старых останется ничтож-

---

[1] Подробный перечень их дан в пятилетнем плане, т. II, ч. 1, стр. 86—87.

[2] Там же, стр. 90.

нейший процент производства. Процесс ликвидации мелких предприятий, крайне плохо использующих сырье, идет и сейчас, но еще более усилится к концу пятилетия. На смену мелким предприятиям приходит новая фабрика, социалистическая не только по принадлежности рабочему классу, но и по высокой производительности». (Подчеркнуто нами. *Авт.*)

Мы не станем рассматривать другие структурные изменения промышленности. И рассмотренных достаточно для доказательства того, что к концу пятилетия мы будем иметь промышленность, коренным образом отличающуюся не только от дореволюционной промышленности, но и от той, которую мы имели к началу реконструктивного периода. Это будет крупнейшим достижением на пути преодоления нашей технико-экономической отсталости и создания материально-технического фундамента социализма.

Рассмотрим еще вкратце основные, наиболее характерные показатели новой промышленности с точки зрения тех результатов, которые должно дать выполнение плана капитальных работ.

Результаты капитальных затрат.

Одним из «узких мест» народнохозяйственного строительства и показателем нашей технической отсталости является недостаток чугуна, — этого важнейшего средства индустриализации. В результате капитальных работ по металлургии производство чугуна должно достигнуть 10 млн. *т* в 1932/33 г., т. е. почти утроиться по сравнению с 1927/28 г.

Это означает, что к концу пятилетия будет полностью решена проблема снабжения металлом и что будет создана база для дальнейшего развития в последующие пятилетия. Не меньшее развитие получит и производство цветных металлов, в особенности меди, которая имеет особое значение для электрификации. Так производство меди увеличится с 28,3 тыс. *т* в 1927/28 г. до 85 тыс. *т* в 1932/33 г., цинка — с 31,5 тыс. *т* — до 77 тыс., свинца — с 29,7 тыс. до 38,5 тыс. *т*.

Выполнение этой производственной программы является наилучшим опровержением выдвигаемой правыми теории «узких мест», по которой мы должны приспосабливать наши строительные программы к недостающим строительным материалам (а одним из важнейших строительных материалов является металл) вместо того, чтобы расширить производство этих дефицитных материалов. Пятилетний план исходит не из сокращения строительных программ, а из расширения «узких мест». Только при таком подходе оказываются возможными намеченные в пятилетке темпы машиностроения, которое должно создать совершенно новую техническую базу для всего народного хозяйства.

Так котлостроение вырастает с 114 тыс. кв. *м* в 1927/28 г. до 300 тыс. кв. *м* в 1932/33 г., дизелестроение — с

65,9 тыс. лош. сил до 202 тыс., турбостроение с 60 тыс. *квт* до 650 тыс. *квт*. Создается заново автостроение в виде крупного автомобильного завода в Нижнем-Новгороде с годовым выпуском в 100 тыс. машин. Выпуск сельскохозяйственных машин повышается со 153 млн. руб. в 1927/28 г. до 610 млн. руб. в 1932/33 г. Строится сталинградский тракторный завод производительностью в 50 тыс. тракторов и приступлено к проектировке завода такой же мощности в Челябинске. Такие же крупные достижения мы будем иметь и в области паровозо- и вагоностроения, станкостроения, производства машин для строительных работ и т. д. По химической промышленности производство химических удобрений должно достигнуть 8 млн. *т* вместо теперешнего производства около полмиллиона.

Рост производства средств производства и расширение производства предметов потребления уже в текущем пятилетии ведет к повышению потребления масс рабочего класса и крестьянства. Так душевая норма потребления хлопчатобумажных тканей растет с 15,2 *м* в 1927/28 г. до 21,27 *м* в 1932/33 г., шерстяных тканей — с 0,48 *м* до 1,17 *м*, сахару — с 7,74 *кг* до 13,9 *кг*. Быстрый темп индустриализации и в связи с этим особо усиленный темп развития тяжелой индустрии, как видим, ведет не к усилению, а к ослаблению товарного голода.

Возможны ли однако такие темпы развития по промышленности? Не являются ли они только благими пожеланиями, осуществлению которых препятствует целый ряд об'ективных условий, как это думают правые?

Выполнение промышленной пятилетки.

Мы имеем уже опыт первого года пятилетки, который неопровержимо доказывает не только возможность ее выполнения, но и возможность еще более высоких темпов, возможность выполнения пятилетки в гораздо более короткий срок.

Прирост валовой продукции планируемой промышленности в 1928/29 г. намечался пятилеткой в 21,4%, фактический же прирост был 23,7%. Прирост капитальных вложений по планируемой промышленности намечался на 1928/29 г. в 25,9%, фактический прирост — 26,7%. Недостаточные результаты мы имеем по выработке одного рабочего, которая вместо намеченных 16,4% прироста дала только 14,8%, и по себестоимости, которая вместо 7% снизилась только на 4,5%. Что же касается количественных показателей плана, то они выполнены с превышением. И это превышение плана сопровождалось не обострением дефицита, как это предсказывали правые, а наоборот, его ослаблением. Так строительство 1928/29 г. поглотило в $2^1/_2$ раза больше кирпичей, чем в 1927/28 г., а дефицит по кирпичу не увеличился, а уменьшился с 19 до 11%. Такое же уменьшение дефицита мы имеем и по всем другим строительным материалам.

Исходя из опыта первого года пятилетки, Советское государство наметило для 1929/30 г. еще большее превышение заданий пятилетки:

Планируемая промышленность	1929/30 год в % к 1927/28 г.	
	По пятилетнему плану	По контрольным цифрам на 1929/30 г.
Валовая продукция	147,5	163,4
в том числе группа А	158,4	191,3
» » Б	140,1	145,4
Число рабочих	108,1	115,6
Выработка годовая на 1 рабочего	136,5	141,6
Себестоимость	—14,0	—15,0
Капитальные вложения	176,9	245,0
в том числе группа А	185,3	253,5
» » Б	132,1	135,3

Особо крупное превышение заданий пятилетнего плана можно отметить по машиностроению. Так прирост общего машиностроения намечался планом в 30,1% в 1929/30 г. по сравнению с 1928/29 г., на самом деле прирост составит (по контрольным цифрам на 1929/30 г.) 44,5%. По с.-х. машиностроению — 75,1 вместо предположенных по плану 31,0%, по тракторостроению 268,1 вместо 66,5%.

Мы здесь видим особо быстрые темпы развития тяжелой промышленности. Как мы уже показали в предыдущей главе, высокие темпы капитальных вложений в первые годы пятилетия обеспечивают ускоряющиеся темпы прироста валовой продукции в конце пятилетия. Намеченное контрольными цифрами еще большее ускорение темпов капитальных вложений для второго года пятилетия является гарантией выполнения пятилетнего плана в более короткий срок. Если выполнение всего плана требует огромных усилий и напряжения энергии всего рабочего класса, то особенного напряжения требует второй, самый трудный год пятилетия. Для выполнения задач второго года необходима еще большая мобилизация и развертывание активности масс рабочего класса, уже превысившего задания первого года. Не может быть поэтому никакого сомнения в том, что и задания второго года будут выполнены с намеченным контрольными цифрами превышением.

ГЛАВА VII.

ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА.

Основными участками фронта социалистического строительства являются промышленность и сельское хозяйство. Промышленность представляет собой наиболее обобществленную часть нашего хозяйства, основу движения к социализму («ведущее начало»); она является материальной базой диктатуры пролетариата. Сельское хозяйство—наименее обобществленная часть нашего хозяйства. Вопросы взаимоотношений между этими двумя основными секторами нашего хозяйства являются поэтому вопросами взаимоотношений двух классов—пролетариата и основной массы крестьянства, на союзе которых зиждется диктатура пролетариата,—это самое общее условие и орудие социалистического преобразования.

Наиболее трудные задачи социалистического строительства возникают не в концентрированной социалистической промышленности, а в распыленном крестьянском сельском хозяйстве. Задача построения социализма не будет нами в основном решена до тех пор, пока не будет обобществлено крестьянское хозяйство, сельскохозяйственное производство, ибо основой всякого хозяйственного строя является господствующий в нем способ производства. Обмен и торговля, денежное обращение вытекают из наличия частного хозяйства и общественного разделения труда. Они смогут быть заменены плановым распределением, когда частное хозяйство будет превращено в общественное. Промышленность и сельское хозяйство представляют собой два основных подразделения производства, и поэтому здесь лежит центр тяжести социалистического строительства. Торговля и финансовая политика являются как бы вспомогательными орудиями для: 1) увеличения мощи и распространения влияния социалистической промышленности, 2) социалистического преобразования сельскохозяйственного производства.

Хотя наша торговая и финансовая политика имеют сильнейшее влияние на развитие сельского хозяйства, мы их все же не включаем в совокупность мероприятий, называемую сельскохозяйственной политикой. В настоящей главе мы будем

рассматривать сельскохозяйственную политику советской власти в тесном смысле этого слова, т. е. лишь те мероприятия, которые непосредственно направлены на социалистическое переустройство сельского хозяйства, как одного из основных подразделений общественного производства.

Во всей нашей сельскохозяйственной политике и во всей работе по ее проведению наиболее ярко выступает классовый характер нашей экономической политики. Если взять работу по технической реконструкции крупной государственной промышленности, то при всем ее колоссальном классовом значении она не так непосредственно связана с преодолением сопротивления классовых врагов, как в сельском хозяйстве, где каждый шаг на пути преодоления технико-экономической отсталости мы делаем в процессе острейшей классовой борьбы, где переход на многополье, применение трактора, землеустройство и все остальные мероприятия вызывают бешеное сопротивление кулака.

Мы поэтому должны начать изучение сельскохозяйственной политики советской власти с анализа классовых отношений в советской деревне в условиях нэпа.

§ 1. Классы и классовая борьба в советской деревне.

В условиях советского хозяйственно-политического строя коренным образом меняются соотношения классов в деревне и пути развития крестьянского хозяйства. Если при господстве капитализма основным законом развития сельского хозяйства является его капиталистическое развитие, то при советском строе мы имеем социалистическую тенденцию развития, все более вытесняющую капиталистическую тенденцию. Если при капитализме основным «руководящим» классом является буржуазия, эксплоатирующая многомиллионные массы крестьянства, то в СССР руководящим по отношению к крестьянству классом является пролетариат, в борьбе против капиталистических элементов преобразовывающий мелкое крестьянское хозяйство по-социалистически.

Но этот путь развития противоречив и протекает в обстановке острой классовой борьбы, только меняющей свои формы, но не свое основное классовое содержание. Поскольку в сельском хозяйстве мы еще имеем преобладание мелкого крестьянского хозяйства, переход к нэпу в условиях, когда государственное хозяйство только начало оправляться от разрухи, означал неизбежное временное усиление капиталистической тенденции развития сельского хозяйства по сравнению с периодом военного коммунизма.

Расслоение крестьянства.

Рост товарности крестьянского хозяйства является одним из важнейших условий под'ема его производительных сил и его индустриализации. Но тот же рост товарности обусловливает более быстрый под'ем

наиболее крепких и сильных хозяйств и более медленный под'ем маломощных хозяйств. Более того, на основе роста товарности, при меньшей приспособленности маломощного хозяйства к меняющимся условиям рынка, оно может разориться. Даже если бы все крестьянские хозяйства были совершенно одинаковы по своей мощности, некоторые из них должны были бы в условиях рыночной конкуренции развиваться быстрее, другие — медленнее, а третьи — разоряться. Тем более, когда уже существуют различия между отдельными крестьянскими хозяйствами, эти различия являются исходным пунктом для еще большего расслоения крестьянства.

В условиях капиталистического общества расслоение крестьянства означает отделение производителей от средств производства, концентрацию этих средств производства в руках наиболее сильных буржуазных хозяйств деревни и превращение разорившихся крестьян в пролетариев. Но в СССР процесс расслоения глубоко отличается от расслоения деревни при господстве капитализма.

Происходившее усиленным темпом после революции 1905 г. расслоение крестьянства было совершенно приостановлено Октябрьской революцией. С середины 1918 г. начинается экспроприация деревенской буржуазии, раскулачивание деревни. Буржуазная верхушка деревни была лишена большой посевной площади, часть инвентаря была конфискована, распределена между остальным крестьянством. За годы гражданской войны деревня выравнялась: с одной стороны, значительно уменьшилось число крупных крестьянских хозяйств, а с другой стороны — уменьшилось также число бедняцких хозяйств.

С 1917 по 1920 гг. больше чем вдвое сократилась доля хозяйств с посевами до 2 *га* и при стабилизации групп с посевом от 2 до 4 *га* уменьшилась почти в 2 раза доля хозяйств с посевом от 4 до 10 *га*, а доля хозяйств с посевом свыше 10 *га* уменьшилась в 7 раз. Такой же процесс поравнения крестьянства мы имеем и по рабочему скоту.

После перехода к нэпу вновь стали обнаруживаться те экономические различия, которые существовали между отдельными группами крестьянства и которые оставались как бы скрытыми в период гражданской войны. Революция дала крестьянской бедноте землю, но хозяйственные условия периода гражданской войны не дали возможности Советскому государству обеспечить бедноту живым и мертвым инвентарем. Поэтому после перехода к нэпу это отсутствие инвентаря у бедняцких хозяйств и недостаток его в середняцких хозяйствах стали сказываться в том, что наиболее зажиточные и кулацкие хозяйства, которые были значительно урезаны в своей мощности, все же оказались в условиях рынка хозяйственно более сильными.

Эти различия и послужили исходным пунктом расслоения, которое началось после перехода к нэпу.

Для того чтобы получить правильное представление о характере расслоения крестьянства в СССР (а процесс расслоения является наиболее характерным проявлением капиталистической тенденции развития крестьянского хозяйства), мы должны тщательно проанализировать условия, в которых оно происходит. Вся сумма этих условий складывается из двух групп — из условий или факторов, способствующих расслоению, и из факторов, задерживающих его и так сказать парализующих капиталистическую тенденцию развития.

Условия, способствующие расслоению.

Общие условия первого периода нэпа, переход к рыночно-денежным отношениям при слабости госторговли и кооперации создали обстановку, благоприятствующую процессу расслоения. Но необходимо учесть еще целый ряд других условий, действовавших в том же направлении. Сюда относятся:

1. Неравномерное распределение живого и мертвого инвентаря среди отдельных слоев крестьянства. Зажиточный крестьянин и кулак используют свой инвентарь для эксплоатации бедноты и маломощного середняка. Беря от кулака во временное пользование инвентарь, бедняк или маломощный крестьянин вынужден платить за это значительной частью своего урожая и попадает в зависимость от кулака.

2. Общая технико-экономическая отсталость крестьянского хозяйства при крайне незначительном в среднем его размере является весьма важным условием расслоения. Целый ряд статистических обследований по разным районам показывает, что чем мельче хозяйство, тем меньше производительность труда. В качестве иллюстрации возьмем данные по Издешковской волости бывш. Смоленской губ., приведенные т. Калининым в его докладе на V с'езде советов СССР:

На 1 *га* в различных хозяйствах приходилось:

Крестьянское хозяйство	Затрата труда в днях	Доход в день в копейках
Мелкое	66	40
Среднее	50	75
Крупное	34	125

Мелкое крестьянское хозяйство, затрачивающее очень много труда и получающее при этом скудный доход, не может не попасть в зависимость от крепкого хозяйства, если государство и кооперация не окажут ему помощь. С другой стороны, крупное

кулацкое хозяйство с более высокой производительностью имеет возможность обратить свой доход на эксплоатацию других слоев крестьянства.

3. Фактором, понижающим производительность мелкого хозяйства, является неземлеустроенность, доставшаяся Советскому государству от царской России и до сих пор полностью еще не ликвидированная. В различных частях СССР, в особенности в Поволжьи, на юго-востоке и в Центрально-черноземной области, можно встретить очень много хозяйств, земля которых расположена на расстоянии больше 5 *км* от усадьбы. В Поволжьи и на юго-востоке одна треть всех крестьянских хозяйств имеет землю на расстоянии свыше 10 *км* от усадьбы. Наряду с дальноземельем следует отметить и другое наследие царизма—чересполосицу. В северо-западном районе например около трех четвертей крестьянских хозяйств имеет больше 20 полос на двор, в северном районе—почти все хозяйства. Разбросанность земли и дальноземелье вызывают излишние расходы по переезду, непроизводительное использование рабочего скота, времени и т. д. Это особенно тяжело ложится на хозяйства, не имеющие рабочего скота.

Неземлеустроенность создает поэтому особо благоприятные условия для кулацкой эксплоатации.

4. В условиях дореволюционной России аренда земли являлась, с одной стороны, способом сосредоточения земли в руках буржуазной верхушки деревни в случае, когда маломощный крестьянин сдавал свою землю в аренду кулаку, а с другой стороны—способом закабаления крестьянства помещиком и деревенской буржуазией, когда крестьянин брал землю в аренду.

В условиях советского государства аренда земли носит совершенно другой характер, так как: 1) уничтожено помещичье землепользование, и вместо сдачи в аренду излишков земли богатым крестьянином бедняку мы имеем обратное явление: сдачу в аренду земли бедняком высшим слоям крестьянства, и 2) аренда допускается только в том случае, когда крестьянин, сдающий землю в аренду за отсутствием инвентаря или при недостаточном количестве работоспособных членов семьи, не может сам обрабатывать полагающийся ему по трудовой потребительской норме надел. Самая сдача земли в аренду может быть произведена только на определенный срок: не более как один севооборот, но не свыше 6 лет.

Арендатор может взять в аренду землю только при условии, если он сам и трудоспособные члены его семьи будут ее обрабатывать и если наемные рабочие будут в его хозяйстве лишь как подсобные. Таким образом аренда земли в советских условиях поставлена в довольно узкие пределы и идет навстречу

в первую очередь тем бедняцким хозяйствам, которые не могут быстро стать на ноги.

Мы ниже увидим, что основная масса арендуемой земли арендуется середняками, но тем не менее аренда является источником роста и кулацкого хозяйства. Аренда земли поставлена в узкие пределы, но запретить ее нельзя. Необходимость допущения аренды была особенно настоятельной в первый период нэпа, когда государство еще не могло оказывать широкую поддержку маломощному крестьянству.

5. Такое же значение, как аренда земли, имеет и применение наемного труда в крестьянском хозяйстве. Крестьянское землепользование является в основном трудовым землепользованием: каждое крестьянское хозяйство получает надел, который может быть обработан собственными силами этого хозяйства. Но так же, как и с арендой земли, допускаются исключения, главным образом для того, чтобы дать приработок бедняцким хозяйствам, которые за недостатком инвентаря не могут полностью использовать свою рабочую силу в своем же хозяйстве. С другой стороны, к наемному труду прибегают и те середняцкие и бедняцкие хозяйства, которые временно лишены работоспособных членов семьи (болезнь, служба в Красной армии и т. д.). Применение наемного труда в кулацких хозяйствах обставлено особо жесткими ограничениями и, как мы увидим ниже, главная масса наемного труда применяется не в кулацких хозяйствах. Тем не менее допущение наемного труда вообще в крестьянском хозяйстве благоприятствует росту кулацкого хозяйства.

Таковы основные условия как общего, так и частного характера, которые способствуют процессу расслоения и питают капиталистическую тенденцию развития крестьянского хозяйства. Характеризуя эти условия, необходимо постоянно иметь в виду, что при всем своем сходстве с аналогичными условиями при господстве капитализма они коренным образом отличаются от этих последних, ибо они конкретно существуют в совершенно иной хозяйственно-политической системе. Это — условия, представляющие собой остатки прежнего хозяйственного строя и ограниченные всей советской системой. Мы поэтому не должны брать капиталистическую тенденцию развития крестьянского хозяйства в ее «чистом» виде, а должны рассматривать ее в ее конкретной связи с противоположной, ограничивающей ее и господствующей в нашем хозяйстве социалистической тенденцией.

Факторы, противодействующие расслоению.

Этот социалистический путь развития является результатом политики пролетарской диктатуры, направленной к полному преодолению капитализма и построению социалистического общества. Но пролетариат приступает не сразу к непосредственному социалистическому переустройству мелкого крестьянского

хозяйства. Мы в СССР приступили к этому переустройству в широком масштабе только на десятом году пролетарской революции и на седьмом году нэпа. Да и самый процесс непосредственного социалистического переустройства сельскохозяйственного производства представляет собой целый период развития, полный острой борьбы с отмирающим капитализмом, процесс, охватывающий не все крестьянские хозяйства сразу. Поэтому политика пролетарского государства должна предусмотреть и проводить ряд мероприятий, имеющих своей целью противодействовать капиталистической тенденции развития крестьянского хозяйства и в период, предшествующий массовой социалистической реконструкции сельского хозяйства. Эта массовая социалистическая реконструкция оказалась бы невозможной, если бы советская власть предоставила полную свободу развития капиталистической тенденции в подготовительный к реконструкции период, если бы партия рассуждала примерно так: «Поскольку мы сейчас не в состоянии непосредственно переделать крестьянское хозяйство, пусть оно развивается как может, а мы будем пока готовить материальные средства для того, чтобы потом сразу приступить к его социалистической переделке». Такой подход к социалистическому строительству на деле означал бы отказ от этого строительства, ибо «самостоятельное» развитие крестьянского хозяйства — это капиталистическое развитие. Нэп допускает в определенных пределах развитие капитализма, но именно в определенных пределах, которые не должны допускать превращения капиталистической тенденции и развития крестьянского хозяйства в господствующую. Советская власть проводит ряд мероприятий, задерживающих и ослабляющих капиталистическую тенденцию развития и подготовляющих основную массу крестьянства к широкой социалистической реконструкции.

Основными в ряду этих мероприятий являются национализация земли и советская политика землепользования.

Национализация земли и принципы землепользования.

Национализация земли, проведенная советской властью в феврале 1919 г. [1], является одним из основных устоев политики пролетарской диктатуры. В «Общих началах землепользования и землеустройства», утвержденных ЦИКом СССР в 1928 г., национализация земли определяется как «отмена навсегда частной собственности на землю и установление на нее исключительной государственной собственности Союза ССР. Всякого рода сделки, нарушающие в прямой или скрытой форме начало национализации земли (купля-продажа, залог, дарение, завещание земли, самовольный противозаконный обмен землей и т. п.) недействительны и влекут за собою уголовную ответственность участников

[1] См. выше, стр. 27—32.

этих сделок, вплоть до лишения их по суду права пользования землей» (ст. 1 «Общих начал»). На основании ст. 8 «преимущественное право на получение земли в трудовое пользование имеют сельскохозяйственные коллективы, а также бедняцкое и середняцкое безземельное и малоземельное население. Такими же преимуществами указанные группы населения пользуются в отношении качества и расположения предоставляемых им земель (право на лучшие и более удобно расположенные земли)».

Таким образом национализация земли пролетарским государством полностью исключает возможность капиталистической концентрации земли, этого основного условия капиталистического развития сельского хозяйства. Этим самым заранее даны пределы развития капиталистических элементов в сельском хозяйстве СССР.

Свобода выбора форм землепользования и землеустройство

Экономическая политика пролетарского государства исходит из необходимости вести мелкое крестьянское хозяйство к социализму не против его личного интереса, а в связи с его интересом. Это предполагает предоставление крестьянину свободы (в пределах национализации земли) выбора форм землепользования.

Нашим законодательством предусматриваются следующие основные формы крестьянского землепользования: 1) общинная, 2) участковая (отрубная и хуторская) и 3) товарищеская и коллективная. Из всех этих форм, само собой разумеется, только коллективная форма землепользования (колхозы, коммуны, артели) создает наилучшие условия для социалистического переустройства сельского хозяйства. Однако огромнейшая часть крестьянства привыкла веками к единоличному ведению хозяйства. Для того чтобы крестьянство добровольно перешло от этих форм хозяйства к коллективным, необходимо, чтобы оно на практике убедилось во всех преимуществах коллективного хозяйства. Если бы мы стали создавать препятствия единоличному землепользованию с целью вынудить крестьянство вступить на путь коллективизации хозяйства, это конечно ослабило бы союз пролетариата и крестьянства и повело бы к упадку производительных сил сельского хозяйства.

Поэтому необходимо предоставлять крестьянину свободу выбора между единоличным и коллективным землепользованием, втягивая его в коллективное землепользование не принудительной силой, а активной государственной помощью, содействием обобществленному хозяйству и мерами убеждения бедняцко-середняцких масс в преимуществах крупного коллективного земледелия.

Единоличное землепользование возможно в двух формах: в форме участковой и общинной. Общинное земле-

пользование является еще остатком феодально-крепостнических отношений. Община со своим принудительным севооборотом, который в огромном большинстве случаев является отсталым трехпольным севооборотом, затрудняет для отдельных крестьянских хозяйств, желающих покончить с этой отсталой техникой, переход к многопольному севообороту, который поднимает производительные силы сельского хозяйства.

Хотя участковое землепользование (отруба и хутора) имеет перед общинным значительное преимущество, выражающееся в том, что все работы сосредоточиваются на одном небольшом участке и что вследствие этого возможно вести интенсивное хозяйство, однако участковое землепользование создает большие трудности для кооперирования, разобщает крестьян, делает часто непосильным для одного хозяйства покупку сложных машин.

Главная же отрицательная сторона участкового землепользования заключается в том, что оно укрепляет индивидуально-собственническое начало в крестьянском хозяйстве и благоприятствует развитию капиталистических элементов.

Свобода выбора формы землепользования имеет своей основной целью дать возможность крестьянству на национализированной пролетарским государством земле проявить наибольшую инициативу в деле под'ема производительных сил сельского хозяйства. Но принцип свободы выбора форм землепользования вовсе не означает, что Советское государство остается безразличным к вопросу о том, по какому пути этот выбор пойдет. Постановление III с'езда советов СССР (1925 г.) по этому вопросу гласит: «Строго соблюдать право свободного выбора форм землепользования, согласно Земельному кодексу, не ставя административных преград выделению на отруба и хутора, принимая одновременно меры, направленные к росту таких форм землепользования, которые более благоприятны для развития механизации сельского хозяйства и кооперирования его (поселки, выселки и пр.)».

А «Общие начала землепользования и землеустройства» (декабрь 1928 г.) идут еще дальше в этом направлении. Ст. 15 «Общих начал» указывает, что «землеустройство, организуя земельную площадь с соблюдением права населения на свободный выбор форм землепользования, должно способствовать общему под'ему сельского хозяйства, кооперированию и коллективизации его». Государство воздействует на выбор форм землепользования главным образом экономическими мероприятиями, содействующими развитию коллективного сельского хозяйства. Но в тех случаях, когда свободный выбор форм землепользования ведет к укреплению капиталистических элементов, государство применяет и внеэкономические меры. «Землеустройство по заявкам, направленным на образование хуторских и отрубных хозяйств, производится в пос-

леднюю очередь, вплоть до полного оставления этих заявок без исполнения в тех случаях, когда образование хуторов ведет к росту и укреплению кулачества» (ст. 18 «Общих начал»). На основании ст. 19 «коллективным хозяйствам, а также маломощным крестьянским хозяйствам при землеустройстве предоставляются, преимущественно перед другими трудовыми землепользователями, земли, более удобно расположенные, допускающие облегченную обработку и обеспеченные необходимыми для ведения правильного хозяйства земельными угодьями, водою и дорогами». «Землеустройство всех бедняцких, маломощных середняцких и коллективных хозяйств принимается на государственный счет» (ст. 20).

Мы видим, что в области регулирования земельных отношений Советское государство не ограничивается одним только установлением принципа национализации земли. Установив национализацией земли пределы развитию капиталистических отношений в сельском хозяйстве, пролетарская диктатура идет еще дальше и устанавливает дальнейшие, еще более узкие, пределы этому развитию своей активной политикой воздействия на выбор форм землепользования. Даже в том случае, когда землеустраиваемый середняк или бедняк не идет в коллективное хозяйство, когда он остается при индивидуальном хозяйстве, землеустроительная политика государства ограничивает возможности эксплоатации бедняка и маломощного середняка кулаком. Мы видели выше, что дальноземелье и чересполосица понижают производительность труда в мелком хозяйстве. Уничтожая землеустройством (при котором маломощные слои крестьянства получают ряд льгот) дальноземелье и чересполосицу, Советское государство укрепляет бедняцкое и середняцкое хозяйство и ослабляет тем самым их зависимость от кулака. Еще больше ограничивается рост кулацкого хозяйства, когда ему ставятся преграды в выделении на хутора или отруба.

Аренда земли и наемный труд.

Так же, как и в вопросах землепользования и землеустройства, проводится целый ряд специальных ограничительных мер для кулацких хозяйств в области аренды земли. Кулацким хозяйствам вообще запрещено сдавать землю в аренду, а в случае сдачи ими земли в аренду эта земля у них изымается (ст. 37 «Общих начал»). Воспрещается субаренда (передача арендованной земли арендатором другому лицу). Воспрещается аренда, если условия ее являются кабальными для маломощного крестьянства.

XV с'езд ВКП(б) дал директиву провести «постепенное сокращение площади земли, сдаваемой в аренду в тех районах, где аренда земли ведет к росту кулацких элементов».

Такого же характера специальные ограничения для кулаков проводятся и в регулировании наемного труда. Вообще на-

емный труд в крестьянском хозяйстве регулируется особыми «Временными правилами об условиях применения подсобного наемного труда в крестьянских хозяйствах» от 18 апреля 1925 г. Эти правила предусматривают некоторые отступления от Кодекса законов о труде, вытекающие из особых условий производства в сельском хозяйстве и учитывающие экономические особенности мелкого крестьянского хозяйства. Но «в отношении всех кулацких хозяйств применение наемного труда регулируется Кодексом законов о труде и распоряжениями об охране и нормировке труда в сельском хозяйстве» (ст. 45 «Общих начал»).

Соблюдение в кулацких хозяйствах Кодекса законов о труде, связанное с взносами на социальное страхование, предоставлением отпусков, повышенной оплатой сверхурочных работ, выплатой зарплаты за время болезни и т. д. и т. п., ставит определенные пределы применения наемного труда в кулацком хозяйстве и ограничивает эксплоататорские возможности.

Мы видим таким образом, как пролетарское государство, допуская аренду земли и наемный труд в крестьянском хозяйстве как временную меру, вместе с тем рядом мероприятий ограничивает развитие капиталистических отношений, возникающих на почве допущения аренды и наемного труда.

Общая социальная характеристика арендных отношений в советской деревне видна из имеющихся статистических данных.

Как показывает статистическое обследование ЦСУ за 1925—1926 гг., основной оборот арендуемых земель происходит среди среднего и маломощного крестьянства. Так в потребляющей полосе СССР число хозяйств с посевом до 4,3 *га* составляло в 1926 г. 86,7%. Из всех хозяйств, арендовавших землю, 82,5% приходилось на хозяйства с посевом до 4,3 *га*. Из всей арендованной земли на них приходилось 74%. Из всех хозяйств, сдававших землю в аренду, 94,5% приходилось на хозяйства с посевом до 4,3 *га*, на них же приходилось 93,8% всей сданной в аренду земли. Такие же приблизительно данные мы имеем и по всем остальным районам СССР.

Эти цифры достаточно наглядно показывают, что основной массой арендаторов и сдатчиков земли в аренду является маломощное и среднее крестьянство. С другой стороны, эти же данные показывают, что группы хозяйств с посевом до 4,3 *га* больше сдают земли в аренду, чем берут, т. е. что группы хозяйств с посевом свыше 4,3 *га* больше берут, чем сдают в аренду: поэтому мы имеем расширение посевов кулацких и зажиточных хозяйств на арендованной земле. Однако ¾ арендных сделок происходят внутри основной массы крестьянства.

Статистическое обследование арендных отношений в 1927 г. производилось ЦСУ иным, более уточненным методом, и они несопоставимы полностью с данными за 1925 и 1926 гг. Кроме того это обследование не дает прямого ответа на вопрос о распределении всей арендованной земли между отдельными группами крестьянства. По нашим приблизительным подсчетам мы имеем следующую картину арендных отношений в 1927 г. по всему СССР.

Хозяйств со средствами производства до 800 руб. по всему СССР было 82,9% ко всему числу крестьянских хозяйств. Эти 82,9% хозяйств арендовали 47,2% всей сданной в аренду земли. 52,8% всей сданной в аренду земли арендовалось хозяйствами, имеющими средств производства свыше 800 руб. и со-

ставляющими 17,1% всего числа крестьянских хозяйств. Эти данные только приблизительные и средние по всему СССР, но они достаточны для общей характеристики распределения арендуемой земли. Они говорят о том, что по сравнению с предшествующими годами значительно повысилась доля верхушечных слоев крестьянства в арендуемой земле. Об'ясняется это тем, что именно в 1927 г. стали сказываться результаты облегчения условий аренды, проведенные XIV партконференцией и III с'ездом советов СССР в 1925 г. С другой стороны, мы видим, что и в 1927 г. около половины всей арендуемой земли арендовалось основными массами крестьянства. У нас еще нет статистических данных за 1928 г., но нет никакого сомнения в том, что с этого года начался обратный процесс, т. е. уменьшение доли верхушечных слоев крестьянства в арендуемой земле, ибо уже в 1928 г. и особенно в 1929 г. арендные отношения развивались под влиянием политики усиленного наступления на кулака, провозглашенной XV с'ездом партии (декабрь 1927 г.) и выражающейся наряду с другими мероприятиями также и в специальных мероприятиях по ограничению аренды и наемного труда в кулацких хозяйствах.

К тому же периоду 1925—1927 гг. относятся и статистические данные о наемном труде в крестьянском хозяйстве, выявляющие только процессы, происходившие до начала развернутого наступления на кулака.

По потребляющей полосе в 1926 г. из числа всех хозяйств, отпускавших на сторону рабочую силу (батраков), 93,5% принадлежали к хозяйствам с посевом до 4,3 *га*. Эти же хозяйства с посевом до 4,3 *га* составляли в 1926 г. 92,4% числа хозяйств, пользующихся наемной рабочей силой.

Среди всех хозяйств, нанимавших в 1926 г. сроковых или годовых рабочих, 76,6% относились к хозяйствам с посевом до 4,3 *га*. Приблизительно такую же картину мы видим и в производящей полосе СССР.

В 1927 г. 82,9% всех крестьянских хозяйств по СССР (со средствами производства до 800 руб.) нанимали 68,1% всей нанятой в крестьянских хозяйствах рабочей силы. Остальные 31,9% наемной рабочей силы приходились на 17,1% хозяйств (с инвентарем свыше 800 руб.). И в области найма рабсилы надо ожидать сокращения найма кулацкими хозяйствами в 1928 г. и в особенности в 1929 г.

Советская земельная политика является фактором, задерживающим процесс расслоения и ограничивающим рост капиталистических отношений в крестьянском хозяйстве. Но одной этой политики недостаточно, — поскольку капиталистические отношения все же растут, необходимы добавочные мероприятия, ограничивающие этот рост. К таким мероприятиям относится в первую очередь наша налоговая политика, прямым образом урезывающая накопление в кулацких хозяйствах. Сюда же относятся и методы хлебозаготовок, применяемые специально в отношении кулацких хозяйств. Об этих мероприятиях мы подробно будем говорить ниже, в соответствующих главах. В настоящей же главе рассмотрим те мероприятия, которые имеют своей целью сокращение базы роста капиталистических отношений в сельском хозяйстве. Напоминаем при этом, что речь идет не о таких мероприятиях, как массовая коллективизация, которую мы начали проводить сравнительно недавно, а о мероприятиях, которые должны задержать расслоение в период подготовительный к массовой коллективизации и которые пролетарская диктатура проводила на протяжении всего периода нэпа.

Помощь бедноте.

Основным в ряду этих мероприятий является помощь бедноте. Мы уже видели, что и в общей политике землепользования и в проведении землеустройства Советское государство предоставляет деревенской бедноте целый ряд преимуществ и льгот. Но помощь бедноте одним этим не ограничивается. Она идет и по линии налоговой, — беднота полностью освобождается от сельскохозяйственного налога. Помощь бедноте, поскольку она ставит своей задачей поднять бедняцкое хозяйство, идет главным образом по руслу кооперирования и коллективизации бедняцких хозяйств, ибо только таким путем возможно коренным образом изменить экономические условия существования бедноты. Для облегчения вступления бедноты в кооперацию ей оказывается специальная денежная помощь через фонды кооперирования бедноты, из средств которых выдаются долгосрочные ссуды (от 3 до 5 лет) бедноте для внесения пая в кооперацию.

Однако не вся беднота втянута в колхозы, и было бы неправильным ограничить государственную помощь помощью только тем беднякам, которые вступают в колхозы. Также и те индивидуальные бедняцкие хозяйства, которые состоят в кредитной или сбытовой кооперации, нуждаются в особой дополнительной помощи для укрепления своего хозяйства. Такого рода помощь индивидуальным бедняцким хозяйствам оказывается из особого фонда льготного кредитования бедноты. Совхозы и колхозы, имеющие недогрузку инвентаря в своем хозяйстве, должны использовать этот инвентарь для помощи окрестной бедноте на льготных условиях (постановление СНК СССР от 7 сентября 1928 г.). Государственные прокатные пункты должны в первую очередь обслуживать безынвентарные хозяйства. Целый ряд льгот и преимуществ для бедноты установлен и при отпуске сельскохозяйственных машин и орудий.

Задача хозяйственной помощи деревенской бедноте стоит в центре политики советской власти на протяжении всего периода ее существования. И не только потому, что беднота представляет собой единственную прочную опору пролетариата в крестьянстве, но и потому, что, помогая бедноте, мы суживаем базу кулацкой эксплоатации, до того момента, когда завершится процесс коллективизации всего сельского хозяйства и будет уничтожена самая почва для роста капитализма в сельском хозяйстве.

Рост кооперации, как фактор, противодействующий расслоению.

Еще до перехода к массовой коллективизации кооперирование крестьянства в простейших формах является средством значительного сокращения базы кулацкой эксплоатации. Уже простейшие формы кооперации подымают уровень индивидуальных хозяйств. Без этого простейшие формы кооперирования не являлись бы подготовительной ступенью к коллективизации.

Подымая уровень индивидуальных хозяйств на пути обобществления, кооперация является главным орудием ограничения экономической базы эксплоатации и роста кулацких хозяйств. Об этом свидетельствуют следующие данные о развитии кооперированных и некооперированных хозяйств.

Развитие кооперированных и некооперированных хозяйств

(в процентах к 1922 г.).

Группа хозяйств		Посевная площадь на 1 хозяйство		Рабочего скота (голов) на 1 хозяйство	
		1924 г.	1926 г.	1924 г.	1926 г.
Безлошадные	Некооперированные	161,7	250,8	100,0[1]	225,0[1]
	Кооперированные	221,5	313,1	100,0	225,0
С 1 лошадью	Некооперированные	138,4	166,0	121,7	145,1
	Кооперированные	160,4	204,2	135,3	145,3
» 2 лошадьми	Некооперированные	135,7	177,8	95,5	100,0
	Кооперированные	142,9	186,1	101,5	104,4
» 3 и более	Некооперированные	131,2	174,9	94,6	92,0
	Кооперированные	110,0	137,7	83,1	79,2
Всего	Некооперированные	136,9	177,0	103,9	113,2
	Кооперированные	140,5	181,3	103,4	107,2

Наиболее быстрые темпы под'ема дают кооперированные хозяйства, а среди этих хозяйств быстрее всего подымаются хозяйства безлошадные и однолошадные, т. е. бедные и маломощные. Если безлошадный крестьянин, организованный в кооперацию, через нее обзаводится средствами производства и расширяет свою посевную площадь, он избавляется от необходимости обращаться за «помощью» к кулаку, а кулак лишается об'екта эксплоатации. Рост кооперации даже в ее простейших формах означает таким образом ограничение роста кулацких хозяйств (за исключением конечно тех случаев, когда кулак пробирается в кооперацию и использует ее для своих целей, о чем ниже).

Мы видим, что хотя процесс расслоения крестьянства и капиталистическая тенденция развития крестьянского хозяйства

[1] Для 1922 г. данных нет, поэтому данные за 1926 г. представляют собой процентное отношение к 1924 г., а не к 1922 г.

неизбежны на известном протяжении переходного периода — советская власть всей своей политикой, всей суммой проводимых ею мероприятий ставит пределы расслоению и тормозит капиталистическую тенденцию развития. Мы видим, что нельзя рассматривать эту тенденцию как «чистую» тенденцию, совершенно тождественную с капиталистическим развитием сельского хозяйства при господстве капитализма. Там мы имеем не только тенденцию, но господствующий закон капиталистического развития сельского хозяйства. В СССР мы говорим только о тенденции, вытекающей из переходного характера нашей экономики, тенденции не господствующей, а ограничиваемой, подавляемой, преодолеваемой и побеждаемой социалистическим строительством.

Это глубочайшее коренное различие необходимо иметь в виду при рассмотрении всех основных проблем советской экономики и экономической политики и в частности советской сельскохозяйственной политики. Если это различие упустить из виду, если отождествлять капиталистическую тенденцию развития сельского хозяйства в СССР с капиталистическим развитием сельского хозяйства в капиталистических странах, то легко скатиться к троцкистскому пониманию и оценке политики партии и к тому неправильному (тоже троцкистскому) взгляду, будто партия только теперь, с переходом к массовой коллективизации, начала борьбу против капиталистической тенденции в сельском хозяйстве, а до этого она вела политику благоприятствования кулаку.

Без понимания указанного различия между условиями расслоения в СССР и в капиталистических странах нельзя также понять и действительный ход процесса расслоения и изменения соотношения классовых сил в деревне.

Динамика расслоения и ее характерная особенность в СССР.

Статистика не может дать совершенно точную картину социальных группировок в деревне, так как формы эксплоатации разнообразны, эксплоатация часто происходит в скрытом виде и поэтому не всегда поддается учету. Все же статистические данные могут показать в основном, в какую сторону идет развитие крестьянского хозяйства, и выявить характерные черты процесса расслоения. Основной чертой этого процесса в СССР является не распад среднего крестьянства и выделение из его среды, с одной стороны, небольшой группы деревенской буржуазии, а с другой — пролетаризуемого крестьянства, а «экономический под'ем основных крестьянских масс, в том числе и значительной части бедняцких масс крестьянства (сокращение безлошадных и малопосевных хозяйств). В политических и экономических условиях СССР особенностью диференциации крестьянства является то, что, наряду с ростом кулацких элементов деревни и пролетаризацией некоторой части бедняцких хозяйств, происходит экономический подем другой части бедняцких хозяйств» (из резолюции

XV конференции ВКП(б) о хозяйственном положении страны и задачах партии).

Так же характеризует особенности расслоения в СССР и XV сезд ВКП(б): «Эти особенности заключаются в том, что в противоположность капиталистическому типу развития, который выражается в ослаблении (в «вымывании») среднего крестьянства при росте крайних групп — бедноты и кулачества — у нас, наоборот, налицо имеется процесс усиления группы середняков, при некотором пока еще росте кулацкой группы за счет зажиточной части середняков и при сокращении групп бедноты, из которых некоторая часть пролетаризируется, а другая, более значительная часть постепенно передвигается в группу середняков... Своеобразие процессов диференциации у нас приводит к дальнейшему росту середняцкого слоя, что лишний раз подтверждает известное положение т. Ленина о том, что середняк является «центральной фигурой земледелия» (из резолюции XV сезда о работе в деревне).

Вот данные ЦСУ по 35 губерниям о группировке крестьянских хозяйств по посеву с 1922 по 1925 гг.

Группировка крестьянских хозяйств по посеву

(в процентах).

	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.
Без посева	6,9	5,3	4,8	4,2
С посевом до 2 *га*	46,0	40,7	36,6	33,0
От 2 до 6,5 *га*	40,3	44,0	46,7	49,3
От 6,5 до 10,9 *га*	5,6	7,8	9,0	10,2
Свыше 10,9 *га*	1,2	2,2	2,9	3,3

Эта таблица показывает, что процент хозяйств с посевом до 2 *га* уменьшается, в то время как процент хозяйств от 2 до 6,5 *га* увеличивается. Происходит, правда, и рост удельного веса хозяйств с посевом свыше 10 *га*, но в гораздо меньшей мере, чем рост удельного веса середняцких хозяйств. Основной вывод из приведенной таблицы тот, что часть хозяйств, которые были раньше беспосевными или малопосевными, перешла в высшие по посеву группы.

Другие данные ЦСУ также показывают передвижки в более высокие посевные группы по всем районам СССР. Так по потребляющему району из всех хозяйств, бывших в 1924 г. беспосевными, в 1925 г. осталось 64,7% беспосевных, 20,2% хозяйств в 1925 г. оказались в группах с посевом от 1 *га* и выше.

В этом же районе из хозяйств, которые имели в 1924 г. от 4,3 до 6,5 *га*, при этом посеве в 1925 г. осталось только 62,5%, 17% перешло в низшие посевные группы, 13,5% — в высшие посевные группы. Такое же явление мы наблюдаем по всем остальным районам СССР [1].

Можно установить, как общее правило, что по всем районам СССР в низших посевных группах происходит переход в высшие посевные группы в большем количестве, чем переход в более низкие посевные группы; в высших же посевных группах преобладает переход в низшие группы над переходом в более высокие посевные группы. Это видно из следующей таблицы:

Передвижка в посевных группах в 1925 г. по сравнению с 1924 г. (по данным выборочного наблюдения ЦСУ) [2].

Группы хозяйств 1924 г.	Из них к 1925 г. в процентах перешло в группы											
	Потребляющий район		Производящий район		Северн. Кавказ		Сибирь		УССР		БССР	
	Высшие	Низшие	Высшие	Низшие	Высшие	Низшие	Высшие	Низшие	Высшие	Низшие	Высшие	Низшие
Без посева	20,2	—	34,1	—	30,8	—	32,7	—	31,5	—	38,5	—
С посевом до 2,1 *га* .	14,1	1,1	24,1	2,0	35,4	6,9	23,3	3,9	25,4	3,2	28,8	0,1
От 2,1 до 4,3 *га* . .	11,1	9,2	20,8	9,5	34,6	13,5	25,9	15,0	17,2	11,3	13,5	6,9
» 4,3 » 6,5 » . .	13,4	17,5	19,2	18,0	32,9	21,2	27,5	22,7	20,7	20,5	13,6	13,2
» 6,5 » 10,9 » . .	5,0	19,9	9,0	21,0	19,6	22,5	14,8	25,5	15,4	18,4	6,5	16,2
» 10,9 » 17,4 » . .	4,1	32,0	7,8	31,8	16,0	29,9	11,7	27,8	12,9	25,4	3,7	32,5
» 17,4 » 27,3 » . .	—	12,5	7,1	35,1	15,2	32,4	16,5	30,6	14,0	24,9	—	8,3
Свыше 27,3 *га*	—	50,0	—	32,9	—	20,7	—	26,3	—	33,3	—	50,0
Итого	13,2	5,0	19,8	11,3	29,0	15,2	24,3	11,7	19,7	12,7	18,6	6,1

Наряду с переходом низших посевных групп в высшие происходит, правда, и ликвидация части маломощных хозяйств. Так с 1924 г. к 1925 г. по потребляющей полосе временно выселилось 5,1% и ликвидировалось 8,5% беспосевных хозяйств, перешло в высшие группы — 20,2%. Из хозяйств с посевом до 2,1 *га* временно выселилось 1,4%, ликвидировалось — 1,5%, перешло в высшие посевные группы — 14,1%, в низшие — 1,1%. По производящей полосе из беспосевных хозяйств временно выселилось 6,2%, ликвидировалось — 10,8%, перешло в высшие группы — 34,1%. Из хозяйств с посевом до 2,1 *га* временно выселилось 2,6%, ликвидировалось — 2,0%, перешло в высшие группы — 24,1%, в низшие — 2,0%. На Северном Кавказе из беспосевных хозяйств временно выселилось 2,3%, ликвидировалось — 14,1%,

[1] Статистический справочник Союза ССР 1927 г., издание ЦСУ, стр. 66—73.
[2] Там же, стр. 66—73.

перешло в высшие группы — 30,8%. Из хозяйств с посевом до 2,1 *га* временно выселилось 1,1%, ликвидировалось — 3,8%, перешло в высшие группы — 35,4%, в низшие — 6,9%. По Сибири мы имеем соответственные цифры: для беспосевных хозяйств — 5,9%, 15,8% и 32,7%; для хозяйств с посевом до 2,1 *га* — 1,9%, 4,1%, 23,3% и 3,9%. По УССР для беспосевных — 2,4%, 9,9% и 31,5%; для хозяйств с посевом до 2,1 *га* — 1,0%, 1,6%, 25,4% и 3,2%.

Мы видим, что по всем районам процент ликвидируемых хозяйств среди маломощных крестьян был в 1924/25 г. значительно меньше процента переходящих в высшие группы. Таким образом данные о ликвидируемых хозяйствах не меняют основного положения, что в СССР «особенностью диференциации крестьянства является то, что наряду с ростом кулацких элементов деревни и пролетаризацией некоторой части бедняцких хозяйств происходит экономический подем другой части деревни».

Начиная с 1925 г. процесс расслоения усиливается, как это уже мы отчасти видели из приведенных выше данных об аренде и наемном труде в крестьянском хозяйстве. К этому времени уже значительно восстановились производительные силы сельского хозяйства, но этот под'ем происходил в подавляющей своей части на базе мелкого индивидуального хозяйства и имел черты, только что характеризованные данными о расслоении (под'ем всех социальных групп крестьянства). Если рассматривать этот под'ем сельского хозяйства в связи с общехозяйственным под'емом, мы можем констатировать противоречивость всего этого процесса, следующим образом выраженную в резолюции XV партс'езда о работе в деревне: «Произошла на базе роста производительных сил вообще и социалистической промышленности в первую очередь перегруппировка сил и хозяйственных форм в сторону усиления роли социалистических элементов. Роль командных высот (госпромышленность, банки, транспорт, госторговля и т. д.) поднялась, хотя еще не настолько, чтобы достигнуть прочного союза с середняком и решительно повести его за собою, оторвав его от кулака» (подчеркнуто нами. — *Авт.*).

Кооперация и госторговля сделали значительные успехи в деле охвата процессов обращения в сельском хозяйстве, но госпромышленность, хотя и сделала громадный шаг вперед по сравнению с 1921 г., еще не настолько выросла, чтобы быть в состоянии в широком масштабе двинуть крестьянское хозяйство на путь производственного кооперирования, коллективизации. Но задерживать дальнейший рост индивидуального середняцкого хозяйства, — значило бы толкать середняка в сторону кулака. Поэтому «XIV партконференция и XIV партс'езд пошли на ряд мероприятий, чтобы достигнуть прочного союза с середняком» (из той же резолюции XV с'езда).

Решения XIV партконференции и XIV партс'езда.

Решения XIV партконференции и III с'езда советов СССР, одобренные XIV с'ездом, сводились в общем к отмене пережитков военного коммунизма, еще оставшихся в деревне (затруднения базарной торговли крестьян, административные методы борьбы с частной торговлей, административные методы борьбы с зажиточным крестьянином, отпугивавшие середняка и лишавшие его стимула для расширения хозяйства, и т. п.) и задерживавших рост индивидуального середняцкого хозяйства, и к расширению пределов аренды и применения наемного труда в крестьянском хозяйстве. В своих решениях XIV конференция исходила из необходимости поднятия товарности крестьянского хозяйства на основе ускорения и развития товарооборота. Кроме того в 1925 г. обнаружились сильнее, чем в предыдущие годы, деревенская безработица и необходимость найти применение для относительно излишней рабочей силы в самой деревне, поскольку промышленность не в состоянии ее поглотить. С этой целью, наряду с созданием благоприятных условий для развития деревенской кустарной промышленности, были также удлинены сроки аренды земли, расширены размеры разрешаемой аренды и найма рабочей силы.

Само собой разумеется, что проведенные в 1925 г. мероприятия не могли не повлиять на процесс расслоения, так как зажиточные и кулацкие хозяйства быстрее воспользовались новыми возможностями, чем середняцкие, и поэтому, расширяя возможности аренды и применения наемного труда, уничтожая препятствия к развитию товарооборота, партия и государство ставили своей задачей одновременно с этим усиление и развитие кооперации всех видов, усиление помощи деревенской бедноте, организацию батрачества и т. д.

Эти меры помогали развитию хозяйства середняцких масс крестьянства.

Постановления XIV партконференции и III с'езда советов имели своей целью удовлетворить очередные насущные интересы под'ема середняцкого хозяйства и тем самым оторвать середняка от кулака, не допустить возможности блока между середняком и кулаком и полностью изолировать кулака. Хозяйственный рост, расширение аренды и применение наемного труда, ликвидация пережитков военного коммунизма не могли конечно не привести к некоторому усилению кулацкого хозяйства. Но этот рост кулацкого хозяйства не означал *перелома* в развитии процесса расслоения, как утверждала троцкистская оппозиция. Основная характерная черта процесса расслоения в СССР осталась. Об этом говорят следующие данные [1].

[1] Статистический справочник СССР 1928 г., стр. 42.

Удельный вес социальных групп крестьянства

(в процентах).

	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
Бедняки	28,7	26,1	24,9
Середняки	67,6	69,1	70,6
Предприниматели	3,7	4,6	4,5

Несмотря на рост удельного веса кулацких хозяйств, мы имеем не распад, не ослабление середняцких, а их рост и сокращение бедняцких, которые, с одной стороны, пролетаризируются, а с другой — переходят в высшие группы. Если часть середняков перешла в высшую кулацкую группу, то середняцкая группа увеличилась за счет бедняцкой: переход из бедняцкой в середняцкую был большим, чем переход из середняцкой в кулацкую группу. Поэтому XV партс'езд (1927 г.) с полным правом мог констатировать ту же характерную особенность расслоения в СССР, какую констатировала XV партконференция в 1926 г. Несмотря на рост кулака, середняк остается «центральной фигурой земледелия» и укрепляется в этой своей роли.

XV съезд ВКП(б) и усиление наступления на кулака.

Перелом в соотношении классовых сил в деревне наступил не с XIV партконференции (1925 г.), а после XV с'езда, который взял курс на усиление наступления на кулака и на решительную широкую коллективизацию крестьянского хозяйства. Но линия XV с'езда оказалась возможной только на основе предварительного проведения решений XIV партконференции.

Если в период, непосредственно последовавший за введением нэпа, развитие сельского хозяйства происходило в условиях, когда все командные высоты пролетарского государства были сравнительно слабы, если в следующий период мы имеем значительные успехи в области обобществления процессов обращения и укрепления госпромышленности, но «еще не настолько, чтобы достигнуть прочного союза с середняком», и если для укрепления этого союза понадобились решения XIV партконференции, — то после проведения этих решений и на основе их проведения мы вступили в новый период в области классовых отношений в деревне.

«Третий период, — говорит XV с'езд, — характеризуется дальнейшим ростом социалистического хозяйственного сектора и еще большей перегруппировкой сил в сторону еще большего усиления базы социалистического строительства.

«В области хозяйства, на основе дальнейшего хозяйственного под'ема, госпромышленность не только перешагнула довоенный уровень, но и перешла уже к своему переоборудованию и росту на новой технической базе. В области обращения госторговля и кооперация вытеснили частника из целого ряда важнейших областей, став почти монопольными хозяевами рынка. С точки зрения классов партия может констатировать рост и консолидацию пролетариата, укрепление, на основе решений XIV конференции и XIV с'езда, его союза с середняком и усилившееся наступление на частный капитал. Одновременно этот процесс сопровождался ростом сельскохозяйственной продукции, организацией бедняцких групп, повышением организованности батрачества, оживлением советов и возрастающим в новых условиях отпором кулачеству. Эти предпосылки создают возможность более широкого охвата кооперацией бедняцких и середняцких слоев деревни, дальнейшего усиления планового воздействия на крестьянское хозяйство и более решительного наступления на кулака, на основе достигнутых успехов по закреплению союза пролетариата и деревенской бедноты с середняком» (резолюция XV с'езда о работе в деревне).

Если XV партконференция могла констатировать наличие благоприятных условий для того, чтобы «вести решительную борьбу за ограничение эксплоататорских стремлений кулачества», то XV с'езд, учитывая успехи, достигнутые политикой партии в деревне, дает директиву «принять ряд новых мер, ограничивающих развитие капитализма в деревне».

К числу этих мер, намеченных XV с'ездом, относятся: 1) ограничение снабжения сельскохозяйственными машинами кулацких элементов, 2) постепенное сокращение площади земли, сдаваемой в аренду, в тех районах, где аренда земли ведет к росту кулацких элементов, 3) ограничение практики выделения на отруба и особенно хутора и совершенное прекращение ее в тех случаях, где они ведут к росту кулацких элементов, и ряд других мероприятий.

Такое наступление на кулака было бы невозможно, если бы партия не укрепила, на основе решений XIV с'езда и XIV конференции, союза рабочего класса и бедноты с середняком, оторвав последнего от кулака.

Обострение классовой борьбы в деревне и ее формы.

С переходом к широкой социалистической реконструкции хозяйства СССР неминуемо должна была обостриться классовая борьба в стране (см. гл. V, стр. 151—154), но особенно она должна была обостриться в деревне, где капитализм имеет наиболее глубокие корни своего роста. Дальнейший под'ем сельского хозяйства по линии его обобществления уничтожает самую возможность не только развития, но и существования кулацкого

хозяйства. Поэтому кулак ответил на развернувшееся социалистическое наступление бешеным контрнаступлением, мобилизацией своих сил на всех участках борьбы. Сила кулачества определяется не численностью кулацких хозяйств и их количественным удельным весом в составе всех крестьянских хозяйств. Если численно кулацкие хозяйства составляют всего 4,5% всех крестьянских хозяйств, то их экономическая и политическая роль гораздо более значительна. Она определяется в первую очередь удельным весом кулацких хозяйств в сельскохозяйственной продукции. Верхушечный слой крестьянства (кулаки и зажиточные) составляет 10% всех хозяйств, и в его руках сосредоточено около 40% всего товарного хлеба. И кулак в первую очередь направляет свои удары против советской власти по линии хлебозаготовок, пытаясь сорвать весь план социалистического строительства. Кулак через ростовщический кредит, путем сдачи в наем своего инвентаря держит в зависимости часть бедняков и маломощных середняков и пытается использовать их в борьбе против социалистического строительства, против советской власти. Кулак прибегает ко всевозможного рода способам давления на середняка и бедняка, вплоть до спаивания и застращивания, чтобы заставить их итти против мероприятий по социалистической реконструкции сельского хозяйства.

Поскольку ростки крупного социалистического сельского хозяйства были еще в самом зачаточном состоянии, идеалом крупного хозяйства для середняка было крепкое единоличное хозяйство кулацкого типа. Это усиливало роль и значение кулацкого хозяйства. Но с переходом к строительству крупных социалистических хозяйств в земледелии (совхозы, крупные колхозы, машино-тракторные станции), середняк уже имеет на практике пример крупного хозяйства, стоящего гораздо выше кулацкого и кладущего конец отсталости мелкого хозяйства, коренным образом улучшающего положение середняка. Социалистической реконструкцией сельского хозяйства мы даже и колеблющегося середняка полностью отрываем от кулака. Поэтому кулак всячески мешает коллективизации. Для этого еще мало уговаривать и запугивать середняка, чтобы удержать его от вступления в колхоз, — надо разложить колхозы, мешать их развитию, мешать выявлению положительных сторон крупного социалистического хозяйства. Отсюда террористические и вредительские выступления кулачества (убийство инициативных колхозников, поджоги колхозного имущества, порча колхозных машин и инвентаря и т. д.), с одной стороны, и попытки кулачества разложить колхозы изнутри — с другой. Кулаки стараются пробраться в колхозы, чтобы изнутри мешать их развитию, действуют через своих подставных лиц («подкулачники»).

Кулаки пытаются исподтишка, а там где можно, и открыто завладеть сельским советским аппаратом и заставить его работать в свою пользу. Кулаки доходят даже до «активного участия» в чистке партии, пытаясь опорочить классово-сознательных и настойчиво проводящих линию партии деревенских коммунистов и всячески обелить разложившихся коммунистов, живущих в мире с кулаком. Кулак прекрасно понимает, что для него значит партийная ячейка, очищенная от всяких примазавшихся и переродившихся элементов и усиленная притоком новых членов-батраков, бедняков и наиболее близких к партии середняков. Он знает, что такая ячейка всей своей энергией поведет борьбу за окончательное преодоление кулацкого хозяйства.

Мы видим разнообразные формы и приемы борьбы со стороны кулака. В ряде случаев кулак достигает частичного успеха, а именно там, где низовые партийные и советские организации слабы, там, где беднота плохо организована.

Организация бедноты и проблема кадров для социалистического переустройства деревни.

Для отпора кулаку еще недостаточно, чтобы центральные партийные и советские органы принимали решения экономического и политического характера. Необходимо еще правильное проведение этих решений. А для этого опять-таки необходимо организовать бедноту для того, чтобы она в союзе с середняком в процессе отпора кулаку и наступления на него проводила эти решения в жизнь под руководством партийной организации. Советский строй, который является строем, борющимся за социализм против всех сил капитализма, имеющего вековой опыт, отличается той особенностью, что в нем проблема кадров, проблема воспитания людской массы для правильного осуществления принципов и методов социалистического строительства, имеет решающее значение, в особенности в деревне. Зачастую бедняк попадает в зависимость от кулака не потому, что советская власть не заботится об интересах бедняка, а потому, что бедняк не знает соответствующих советских законов. Зачастую бедняк не получает кредита из кредитного товарищества или получает его на тяжелых условиях не потому, что советская власть или центральные органы сельскохозяйственного кредита не выделяют специальных фондов льготного кредитования бедноты, а потому, что об этих фондах на местах бедняк ничего не знает, что эти фонды используются засевшими в кредитном товариществе ставленниками кулака для кредитования кулацкого хозяйства.

Если бедняк не организован, если в деревне нет классово выдержанной партийной ячейки, середняк попадает под влияние кулака, и беднота совершенно бессильна в борьбе против извращения классовой линии партии и советской власти в деревне.

В таких случаях советский аппарат в деревне на деле работает не за, а против социализма. Совершенно ясно таким образом колоссальное значение организации деревенской бедноты для создания прочного союза с середняком и для изоляции и отпора кулаку.

Вот почему XIV партконференция и предшествовавший ей пленум ЦК ВКП(б) приняли ряд практических решений о создании групп деревенской бедноты не в качестве параллельных советским органам и не по типу «комбедов», а в качестве групп, имеющих целью мобилизовать общественные силы деревенской бедноты для того, чтобы вместе с середняком через советские органы вести борьбу против кулака.

Особо крупное значение организация бедноты имеет в современных условиях решительного боя с капиталистическими элементами. Теперь организация бедноты и союз организованной бедноты с середняком являются одним из основных условий, от которых зависит весь исход развернувшейся борьбы за социалистическое переустройство сельского хозяйства.

Но организация групп бедноты (полупролетарских элементов крестьянства) и правильная их работа немыслимы без укрепления партийных организаций и без роста влияния пролетарских организаций вообще. Поэтому чистка партии и укрепление ее в деревне имеют первостепенное значение для осуществления задач социалистического переустройства сельского хозяйства. Не меньшее значение имеют рост и укрепление профессиональных организаций в деревне, в особенности профсоюза работников земли и леса. Пролетарское влияние должно усилиться и работой шефских обществ, рабочих бригад, посылаемых в деревню. В связи с ростом крупных механизированных сельских хозяйств, с развитием предприятий по переработке сельскохозяйственных продуктов мы имеем все возрастающее организующее значение кадровых пролетариев, вливающихся в новое крупное социалистическое земледелие.

Совокупностью всех этих мероприятий партия и Советское государство должны добиться решения задач социалистического строительства в деревне, которые на современном этапе сводятся к усилению развернутого наступления на кулачество и широкому обобществлению сельского хозяйства.

Троцкизм о классовой борьбе в деревне.

Свою классовую линию в деревне партия проводила и проводит в борьбе против всех тех, кто, прикрываясь ленинизмом, на деле проводит антиленинские взгляды, осуществление которых привело бы неминуемо к капитуляции пролетарской диктатуры перед капитализмом. В период XIV с'езда и после него линия партии подвергалась особенно острым нападкам со стороны троцкистской оппозиции.

Троцкистская оппозиция обвинила партию в том, что XIV конференция своими решениями об аренде и наемном труде сделала уступку кулаку, что партия отошла от пролетарской линии и поставила ставку на кулака, на капиталистическое развитие сельского хозяйства, что партия перерождается, превращаясь в партию, проводящую мелкобуржуазную политику, что партия наконец сознательно ведет политику реставрации (восстановления) капитализма («Термидор»).

На XIV с'езде партии т. Каменев заявил: «Мы утверждаем: тот, кто говорит, что облегчение аренды земли, льготные условия найма рабочей силы есть уступка середняку, тот скрывает действительность и извращает перспективы, потому что на деле мы сделали уступку кулаку. Если вы считаете дальше, что середняк — это тот, кто нанимает рабочую силу, что это тот, кто арендует землю, то у нас, дорогие товарищи, есть расхождение в понимании классовых соотношений в нашей стране... и пускай с'езд скажет, а мы его решению будем подчиняться, но будем отстаивать свое мнение. Так вот пускай с'езд скажет: XIV партийная конференция, установив новые условия найма рабочей силы в деревне и расширив аренду земли, сделала уступку середняку».

Выше мы привели данные, которые показывают, что $^3/_4$ всей арендуемой земли находятся у крестьян с посевом до 4,3 *га* и что большая часть наемной рабочей силы занята также в этих хозяйствах. Более того, из всех хозяйств, пользующихся наемной рабочей силой вообще, 71,4% в 1925 г. и 67,5% в 1926 г. принадлежали к хозяйствам с посевом до 2,1 *га* (маломощные) по потребляющей полосе, а по производящей полосе СССР из всех хозяйств, пользующихся наемной рабочей силой вообще, 61,3% в 1925 г. и 60,5% в 1926 г. принадлежали к хозяйствам с посевом до 4,3 *га* (опять-таки маломощные).

Следовательно с точки зрения троцкистской оппозиции, изложенной т. Каменевым, необходимо будет все крестьянство зачислить в кулаки. Оппозиция этого, правда, не говорила открыто, но в своей теории невозможности построения социализма в СССР собственными силами пролетариата в союзе с основной массой крестьянства она исходит из наличия непримиримых противоречий между пролетариатом и крестьянством, исходит из того, что крестьянское хозяйство неизбежно развивается к капитализму. В системе взглядов оппозиции не существует принципиального различия между частным хозяйством (первые два из 5 укладов хозяйств СССР) и частно-капиталистическим хозяйством. Говоря, что решения XIV партконференции были уступкой кулаку и только кулаку, оппозиция тем самым затушевывает роль середняка как центральной фигуры нашего земледелия. Практические выводы, которые отсюда следуют, ведут неизбежно

к срыву рабоче-крестьянского блока и следовательно диктатуры пролетариата. Эти ошибки вытекают из общей троцкистской системы взглядов, освещенной в гл. IV.

В самом деле, если благодаря уступкам, которые XIV партконференция якобы сделала кулаку, кулак вырос в силу, угрожающую прямым срывом наших планов и всего социалистического строительства, то необходимо было сейчас же после XIV с'езда начать наступление на кулака, отняв у него эти «уступки», т. е. сократить права аренды и наемного труда. Но это означало бы для основной массы крестьянских хозяйств возврат к тому положению, которое существовало до XIV конференции и которое тормозило развитие середняцкого хозяйства. Тем самым партия толкнула бы среднее крестьянство в об'ятия кулачества. Но это вызвало бы недовольство и бедноты: суживая возможности найма рабочей силы, мы тем самым сузили бы для бедняка возможность получения заработка путем продажи своей рабочей силы, поскольку государство все еще оказывает ему недостаточную материальную помощь.

Троцкистская оппозиция таким образом не только в теории, но и своими практическими предложениями недооценивает середняка и не понимает всей важности сохранения блока между рабочим классом и основной массой крестьянства. Вот почему XIV с'езд партии, осудив уклон, не видящий опасностей, связанных с ростом кулачества, уклон, по существу выражающий стремления кулацкой части крестьянства, «с такой же решительностью осуждает попытки затушевать основной вопрос коммунистической политики в деревне, — вопрос о борьбе за середняка как центральную фигуру земледелия и о кооперации как основной организационной форме движения деревни к социализму.

«С'езд особенно подчеркивает необходимость борьбы с этим последним уклоном. При относительно большой подготовленности партии к непосредственной борьбе с кулаком и к преодолению первого уклона, гораздо более трудную задачу представляет преодоление второго уклона, ибо его преодоление требует более сложных приемов борьбы по сочетанию методов политической изоляции кулачества с методами вовлечения основной массы крестьянства в русло социалистического строительства. Тем более, что в настоящих условиях этот второй уклон грозит возвратом к политике раскулачивания, срывом нынешней линии партии в деревне, линии, уже обеспечившей серьезные политические успехи, срывом смычки между пролетариатом и крестьянством, и стало быть срывом всей нашей строительной работы» (из резолюции XIV с'езда ВКП (б) по отчету ЦК).

В результате роста товарооборота, роста товарности крестьянского хозяйства происходит расслоение крестьянства, частичный рост кулацких хозяйств, но приостановить развитие кулаче-

ства необходимо не задержкой развития товарооборота и товарности крестьянского хозяйства. «Борьба против кулачества должна итти как путем организации бедноты против кулака, так и путем укрепления союза пролетариата и бедноты с середняком на предмет отрыва середняка от кулачества в целях изоляции кулака» (резолюция XIV с'езда ВКП (б)).

То частичное усиление процесса расслоения, которое мы имели в 1925—1927 гг., никоим образом не означает, как мы уже видели, изменения основной характерной особенности расслоения в СССР. Мы видели, что наряду с ростом кулака происходило укрепление середняцкого и под'ем бедняцкого хозяйства. Одновременно с этим госпромышленность перешла к реконструкции и подготовила материальные условия для усиления наступления на кулака. XV с'езд партии не потому отменил некоторые решения XIV конференции (ограничение аренды и наемного труда), не потому провозгласил форсированное наступление на кулака, что троцкисты оказались правы, что партия якобы сползла на троцкистскую линию (как это утверждают и троцкисты и правые), а потому, что решения XIV партконференции полностью себя оправдали, что осуществление этих решений в борьбе против троцкизма достигло поставленных целей.

«Таким образом цели, которые ставились партией в период XIV конференции и XIV с'езда, нужно считать в основном достигнутыми. Партия добилась этих успехов, ведя борьбу как с недооценкой кулацкой опасности, так и в особенности с антисередняцким уклоном оппозиции. Партия не могла бы добиться этих успехов, если бы она не сосредоточила огня против оппортунистического антисередняцкого уклона оппозиции, ибо этот уклон, подрывая смычку пролетариата с середняцкими массами и затрудняя отрыв середняка от кулачества, ведет на деле к усилению кулацкого влияния в деревне» (резолюция XV с'езда ВКП (б) о работе в деревне).

Троцкистская оппозиция не поняла и не могла понять всего значения решений XIV с'езда и всей политики партии в этот период, не поняла и не могла понять особенности и пределы процесса расслоения в СССР, потому что «она механически переносит закономерность развития крестьянского хозяйства при капитализме целиком и полностью на эпоху диктатуры пролетариата, плетясь таким образом в хвосте буржуазных идеологов. Оппозиция не видит того, что пути развития деревни определяются развитием города и что капиталистическим элементам в деревне противостоят в наших условиях не только батрак, бедняк и середняк, но и вся система диктатуры пролетариата с ее мощными экономическими командными высотами (в первую голову — социалистической индустрией), кооперацией и другими рычагами планового воздействия на сельское хо-

зяйство. Тем самым оппозиция ревизует важнейшие теоретические положения марксизма и ленинизма о соотношении крупного и мелкого производства города и деревни, индустрии и сельского хозяйства и возвращается к буржуазно-ревизионистским теориям о «термидорианском» перерождении пролетарского государства и победе мелкого капиталиста-кулака и частного капитала над крупной и централизованной, как нигде, машинной индустрией социалистического пролетариата, ведущей за собой все народное хозяйство» (резолюция XV с'езда о работе в деревне).

Правая оппозиция о классовой борьбе в деревне.

В борьбе против троцкизма и на основе его преодоления партия подготовила переход к широкому социалистическому наступлению в сельском хозяйстве. На этом этапе строительства линия партии обстреливается правой, открыто оппортунистической оппозицией. Еще в период XIV с'езда наметился правый оппортунистический уклон в партии, осужденный XIV с'ездом и ныне продолженный и углубляемый правой оппозицией. Уже после XIV партконференции часть членов партии истолковывала решения этой конференции в том смысле, что нет вообще надобности давать отпор кулачеству и ограничивать его эксплоататорские стремления экономическими методами и сплочением и организацией бедноты. Этот уклон, исходя из необходимости ускорения роста производительных сил в сельском хозяйстве, в то же время «забыл», что не всякое развитие производительных сил ведет к социализму, а лишь то, которое связано с обобществлением хозяйства. Поэтому XIV с'езд ВКП(б) постановил:

«С'езд решительно осуждает уклон, состоящий в недооценке диференциации в деревне, не видящий опасностей, связанных с ростом кулачества и различных форм капиталистической эксплоатации, не желающий понять всей необходимости отпора кулачеству и ограничения его эксплоататорских стремлений, не видящий обязательности для партии пролетариата организовать и сплачивать бедноту и батрачество против кулака и в борьбе с ним».

С преодолением троцкизма и переходом в широко развернутое социалистическое наступление правый уклон — в новых уже условиях — возродился и развернул всю систему своих взглядов. Мы уже в главе V дали анализ теории правых и в частности их понимание классовой борьбы в деревне (теория врастания кулака в социализм). Остановимся еще вкратце на характеристике взглядов правых в связи с рассмотренными нами особенностями процесса расслоения в СССР и линии партии в этом вопросе.

Если троцкисты не видят особенностей, отличающих процесс расслоения в СССР от расслоения в капиталистических странах, то правые не видят, что, хотя этот процесс имеет свои особенности,

он все-таки остается процессом расслоения и выражает собой капиталистическую тенденцию развития крестьянского хозяйства. Если троцкисты, исходя из теории невозможности построения социализма в СССР, переоценивают процесс расслоения и рассматривают факт обострения классовой борьбы в деревне не как контрнаступление, а как наступление кулака и отступление социализма, то правые, оставаясь на почве своей теории врастания кулака в социализм, недооценивают процесс расслоения и силы кулака и зовут к отказу от социалистического наступления. Они видят источник всех переживаемых трудностей в самом факте социалистического наступления и предлагают пойти на уступки кулаку («теория уступок», «не мешать развитию и кулацкого хозяйства»).

«Отсюда оппортунистическое отрицание правыми факта обострения классовой борьбы в деревне, вопреки неоднократным указаниям Ленина на то, что диктатура пролетариата означает не прекращение классовой борьбы, а ее продолжение в новых формах, иногда в самых острых формах, особенно в связи с успешным вытеснением капиталистических элементов социалистическими в условиях нэпа» (XVI партконференция).

Правые считают, что обострение классовой борьбы в деревне возможно только там, где мы имеем слабый низовой аппарат. Мы уже выше показали, и все факты последнего времени, в особенности факты, обнаружившиеся в связи с чисткой, показывают, что кулак остается «спокойным» как раз там, где мы имеем слабый аппарат. Как только мы беремся за укрепление нашего аппарата и за борьбу с извращением классовой линии, кулак усиливает направленную против нас активность.

Отказываясь от социалистического наступления, призывая к уступкам кулаку, проводя свою теорию врастания кулака в социализм, правые выдвигают лозунг: «Назад к XIV с'езду». Этот лозунг означает не что иное, как отказ от линии XV с'езда, начавшего широкое социалистическое наступление. Противопоставление XV и XIV с'ездов показывает, что правые и в период XIV с'езда вкладывали в решения этого с'езда свое, совершенно иное, чем у партии, понимание. Партия провела решения XIV конференции и XIV с'езда для укрепления союза с середняком и для подготовки социально-политических и материальных условий перехода в широкое социалистическое наступление. Правые видят только одну сторону этих решений, а именно ту, которой больше всего воспользовался кулак. В полном согласии со своей теорией врастания кулака в социализм, правые стремятся увековечить расширение аренды и наемного труда. «Линия правых ведет к увековечению кулацкой кабалы» (XVI конференция). Правые считают, что одним только расширением товарооборота обеспечен автоматический переход крестьянства к

социализму. Да, обеспечен, но переход не к социализму, а к «социализму», в который может врастать и кулак, т. е. переход к капитализму.

Но если кулак может мирно врастать в социализм, если надо приостановить социалистическое наступление для того, чтобы успокоить кулака, тогда и не нужна организация бедноты для отпора кулачеству, ибо именно там, где беднота наилучше организована, кулак переходит в открытое контрнаступление.

«Правые уклонисты пытаются замазать роль и значение самостоятельной организации широких масс бедноты. Попытки замазывания или умолчания этой важнейшей задачи партии на деле направлены не только против бедняка, но и против середняка, поскольку организация бедняцкого крестьянства имеет своей целью усиление опоры советской власти в деревне, усиление отпора кулаку, укрепление на почве этого отпора союза бедняка и середняка-крестьянина. Партия решительно отвергает эти попытки тянуть партию в оппортунистическое болото политики отказа от укрепления опоры партии в деревне, политики развязывания кулака в его борьбе с беднотой» (XVI партконференция).

Социальная база правой опасности сильнее всего в деревне, и потому проведение линии партии в деревне предполагает ведение самой беспощадной борьбы против правого уклона, который выступает открыто, а зачастую и замаскированно против социалистического наступления. Нет ни одного вопроса социалистического строительства в деревне, практическое решение которого не было бы связано с преодолением сопротивления кулака и его идеологов — правых оппортунистов. Подобно тому, как в свое время в борьбе против «левого» оппортунизма партия подготовила переход к широкому социалистическому наступлению, так теперь партия победоносно проведет и закончит это наступление в решительной борьбе против правых.

§ 2. Под'ем производительных сил и процессы обобществления сельского хозяйства в восстановительном периоде.

Переход к нэпу означал собою отказ от принудительных методов воздействия на крестьянское хозяйство, но не отказ от обобществления его. Новая экономическая политика создает личную заинтересованность основной массы крестьянства в деле поднятия производительных сил сельского хозяйства, точно так же социалистическое преобразование крестьянского хозяйства должно опираться на заинтересованность в этом основных масс крестьянства. Нэп представляет собою единственно правильную политику социалистического строительства. И если советская власть только

в 1928 г., т. е. спустя 7 лет после перехода к нэпу, приступила к широкому социалистическому преобразованию самых основ сельского хозяйства, то это ни в коем случае не означает, что в первый период нэпа сельскохозяйственная политика советской власти не ставила себе практически и не проводила задач обобществления растущего крестьянского хозяйства и что восстановление крестьянского хозяйства в первый период нэпа происходило совершенно самостоятельно, стихийно и независимо от развертывавшихся в самой деревне процессов обобществления.

Сельское хозяйство восстанавливалось на базе мелкого индивидуального хозяйства. Так еще в 1927/28 г. посевная площадь обобществленного сектора составляла 1,8% всей посевной площади, а остальные 98,2% составляла посевная площадь индивидуальных хозяйств. Но восстановление индивидуального крестьянского хозяйства произошло под непосредственным руководством государства и в значительной мере через кооперацию. Восстановление индивидуального крестьянского хозяйства шло в основном по руслу обобществления, но преимущественно в формах обобществления процессов обращения. Восстановление индивидуального крестьянского хозяйства было бы немыслимо без непосредственной материальной помощи пролетарского государства, без широкого развития государственно-кооперативного сельскохозяйственного кредита и снабженческо-сбытовой кооперации.

Следовательно восстановительный период в сельском хозяйстве отличается от реконструктивного не тем, что в первом развитие сельского хозяйства шло не по пути обобществления, а во втором — по пути обобществления, а тем, что в первый период процесс обобществления охватил главным образом рыночные отношения крестьянского хозяйства и подводил подымающееся мелкое крестьянское хозяйство к обобществлению самого производства, а во второй период началось широкое обобществление сельскохозяйственного производства. Восстановительный период является подготовительным к реконструктивному не только в том смысле, что в течение первого периода произошел вообще под'ем производительных сил крестьянского хозяйства, но и в том смысле, что этот под'ем происходил по руслу обобществления. Иначе мы имели бы к началу реконструктивного периода настолько далеко зашедшее развитие капиталистических отношений в деревне, что мы не могли бы втянуть в коллективное движение такие огромные массы крестьянства, как нам удалось это уже на первоначальном этапе реконструкции сельского хозяйства. Иначе мы не имели бы огромных масс крестьянства, уже подготовленных к широкой социалистической реконструкции на предыдущем этапе обобществления.

Землеустройство. Огромное значение для под'ема производительных сил сельского хозяйства имеет правильная организация земельной территории, в первую очередь — уничтожение дальноземелья и чересполосицы, которые вызывают колоссальные непроизводительные затраты и мешают перейти на рациональную систему ведения хозяйства.

Как сберегаются труд и деньги при уничтожении дальноземелья, видно из следующего: по данным обследования НК РКИ, в Самарской губ. хозяйство, для которого среднее расстояние от усадьбы до поля было 9 *км* до землеустройства и 2 *км* после землеустройства, должно было совершать общее количество ежегодных переездов при сельскохозяйственных работах до землеустройства 2 025 *км*, а после землеустройства 506 *км*. Стоимость всех этих переездов, считая стоимость километра в 3 коп., равнялась до землеустройства 56 р. 94 к., а после землеустройства — 14 р. 22 к. Таким образом уничтожение дальноземелья дало сокращение затрат на 75%.

Значение землеустройства для роста производительных сил видно еще из следующей таблицы:

Процент землеустроенных и неземлеустроенных хозяйств по группам урожайности.

Урожайность	8 *ц*	10 *ц*	13 *ц*	16 *ц*	20 *ц*	Итого
Землеустроенные хозяйства . . .	7,9	42,3	41,0	6,7	2,1	100,0
Неземлеустроенные хозяйства . . .	13,5	53,2	26,2	1,6	5,5	100,0

В низших по урожайности группах находятся преимущественно неземлеустроенные хозяйства, а в высших — преимущественно землеустроенные.

С точки зрения социального направления землеустройство, как мы видели, проводится так, чтобы препятствовать развитию капиталистических отношений и содействовать росту обобществленных форм хозяйства. С точки зрения под'ема производительных сил сельского хозяйства наиболее целесообразными являются коллективные формы землепользования. Но в отношении тех индивидуальных бедняцко-середняцких хозяйств, которые еще не входят в коллективы, необходимо поощрять такие формы землеустройства, которые облегчают переход от индивидуального к коллективному хозяйству. Такими формами являются поселковое и выселковое землеустройства, т. е. выделение из состава земель-

ных обществ поселков, при которых уничтожается дальноземелье и чересполосица, облегчается переход к многополью и в то же время переход к обобществлению.

Огромное значение проведения землеустройства вытекает из того, что на 1 января 1928 г. только 34% всей площади трудового пользования было подвергнуто межселенному землеустройству и всего 19% — внутриселенному.

Для ускорения землеустройства проведен ряд мер по упрощению его, по механизации землеустроительных работ (декрет ЦИК СССР о мерах к поднятию урожайности). Ускорению землеустройства должно способствовать и начавшееся широкое движение крестьянства к коллективизации, в особенности сплошная коллективизация целых районов, при которой отпадает необходимость внутриселенного землеустройства.

Под'ем товарности сельского хозяйства.

В условиях нэпа, когда связь между промышленностью и сельским хозяйством осуществляется через рынок, рыночное воздействие на крестьянское хозяйство имеет огромное значение для его развития. При помощи регулирования цен на сельскохозяйственные продукты оказывается влияние одновременно на огромную массу крестьянских хозяйств, соприкасающихся с рынком; регулирование крестьянского хозяйства через рынок является массовым регулированием его.

Одна из важнейших задач сельскохозяйственной политики советской власти заключается в том, чтобы превратить огромную массу полунатуральных крестьянских хозяйств в товарные хозяйства, ибо натуральное хозяйство, будучи замкнутым в себе, имеет очень мало точек соприкосновения с государственным хозяйством, в особенности с промышленностью. Для того чтобы обобществить натуральное и полунатуральное крестьянское хозяйство, необходимо его связать через рынок с государственным хозяйством. Кроме того уничтожение полунатурального характера крестьянского хозяйства и поднятие его товарности являются чрезвычайно важными факторами роста производительных сил сельского хозяйства, так как рост товарности крестьянского хозяйства и уничтожение его потребительского характера означают специализацию крестьянского хозяйства по отдельным видам сельскохозяйственной продукции, по отдельным районам и т. д., т. е. лучшее использование как природных условий, так и средств производства и рабочей силы. Специализация крестьянского хозяйства и увеличение товарности одновременно означают рост трудоемкости крестьянского хозяйства, большую занятость рабочей силы и следовательно рост доходности крестьянского хозяйства (см. гл. IV, стр. 76).

Рост внутреннего рынка обеспечивается, с одной стороны, ростом городов и городского населения (рынок сбыта продуктов

питания), ростом промышленности, перерабатывающей сельскохозяйственное сырье (кожевенная, текстильная и др.), а с другой стороны — ростом товарности и специализации самого сельского хозяйства. Специализация крестьянского хозяйства вызывает усиление обмена не только между городом и деревней, но и внутри деревни, внутри сельского хозяйства, между отдельными его районами. Так как специализация и рост товарности крестьянского хозяйства повышают общую его доходность, то и потребление крестьянством продуктов сельского хозяйства, ставших рыночными продуктами, будет гораздо выше, нежели потребление этих же продуктов крестьянским хозяйством натурально-потребительского типа.

Основные принципы политики цен на с.-х. продукты.

Расширение рынка сбыта сельскохозяйственных продуктов находится в сильнейшей зависимости от политики цен. Здесь важно прежде всего соотношение цен на промышленные товары и сельскохозяйственные товары. Чем ниже будут цены на промышленные товары, тем выгоднее будет крестьянину переходить от хозяйства потребительского типа к хозяйству товарного типа. Поэтому наша политика снижения цен должна привести к увеличению товарности сельского хозяйства. Уровень же цен на сельскохозяйственные продукты должен быть таким, чтобы, во-первых, эти цены были достаточно выгодны (рентабельны) для крестьянского хозяйства; во-вторых, в то же время обеспечили бы устойчивость реальной заработной платы и жизненный уровень рабочего класса, а также развитие промышленности, и, в-третьих, чтобы эти цены обеспечили бы выгодность экспорта. Эти основные принципы регулирования цен сельскохозяйственных продуктов, проводимые Советским государством, обеспечивают рост и развитие крестьянского хозяйства и интересы всего народного хозяйства и социалистического строительства в целом.

Советская политика цен на сельскохозяйственные продукты имеет значение не только для под'ема товарности крестьянского хозяйства, но и для регулирования развития различных отраслей сельского хозяйства путем регулирования цен на различные продукты сельского хозяйства. Проиллюстрируем эту роль политики цен на следующем примере.

В льноводных районах цена на лен понизилась с сентября 1925 г. до апреля 1926 г. на 29%, а цена на рожь за тот же промежуток времени поднялась на 103%, цена на овес поднялась на 127%, а цена на картофель — на 142%. На Северном Кавказе в сентябре 1926 г. цена на подсолнух была ниже довоенной цены на 13%, а на пшеницу выше довоенной цены на 3%. На Украине в сентябре 1926 г. цена на подсолнух была ниже довоенной на 11%, а на пшеницу выше довоенной на 9%. Это несоответствие цен привело к тому, что крестьянству стало

менее выгодно расширять посевы технических и трудоемких культур и вследствие этого приостановился рост товарности крестьянского хозяйства. Так в 1924 г. по всему СССР посевная площадь под зерновые культуры составляла 83,4% к 1916 г., а посевная площадь под технические культуры 105,4% к 1916 г. В 1925 г. посевная площадь зерновых культур составляла 88,5%, а технических культур — 130,2% к 1916 г. Это значит, что в течение 1924 и 1925 гг. мы имели довольно значительный рост интенсификации и товаризации сельского хозяйства. Однако в 1926 г., в силу невыгодного движения цен на технические культуры по сравнению с зерновыми культурами, посевная площадь под зерновые культуры составляла 97% (увеличение за год на 8,5%), а под технические культуры — 123,4% (уменьшение за год на 6,8%) к 1916 г. Продукция маслосемян, составлявшая в 1925 г. 228,5% к 1916 г., в 1926 г. составляла уже только 192,1%. Продукция льна в 1925 г. — 101,3%, в 1926 г. — 98,3% к 1916 г.

В результате этого заготовки льна для промышленности и для экспорта за первое полугодие 1926/27 г. составляли только 67,4% по сравнению с первым полугодием 1925/26 г. Все эти данные показывают, какое колоссальное значение для развития и промышленности и сельского хозяйства имеет правильное соотношение цен на отдельные сельскохозяйственные продукты. Начиная с 1926/27 г., после того как обнаружились описанные неблагоприятные явления, наша политика цен и регулирования рынка поставила своей задачей путем регулирования завоза хлеба в районы технических культур выравнять цены на технические культуры и зерновые и таким образом создать условия для дальнейшего развития приостановившегося было в 1926 г. роста товарности и интенсивности сельского хозяйства. Эта политика дала реальные результаты уже в 1927/28 г.

Такое же регулирующее влияние на расширение производства зерновых продуктов сыграло повышение цен на хлеб в 1928 г., когда создалось неблагоприятное для хлеба соотношение цен на хлеб и на другие сельскохозяйственные продукты.

При всем значении, которое имеет политика цен на сельскохозяйственные продукты для регулирования сельского хозяйства, она не должна быть переоценена. Она не может служить единственным средством регулирования сельского хозяйства, она только косвенно влияет на сельскохозяйственное производство. Политика цен может стимулировать развитие крестьянского хозяйства, но не может сама по себе стимулировать его развитие по социалистическому пути. Точно так же и рост товарности крестьянского хозяйства, хотя и является чрезвычайно важной предпосылкой для обобществления крестьянского хозяйства (подымая товарность, мы тем самым подымаем производительные

силы крестьянского хозяйства и связываем его через рынок с государственным хозяйством), но не может сам по себе вести крестьянское хозяйство к социализму. Необходимо, чтобы растущая товарная масса сельскохозяйственной продукции охватывалась кооперацией. Если бы рост товарности проходил мимо кооперации, он привел бы к усилению капиталистической тенденции развития крестьянского хозяйства. С другой стороны, рост товарности был бы невозможен без развития соответствующих видов сельскохозяйственной кооперации.

Развитие товарности и с.-х. кооперация.

Сельскохозяйственные кооперативные об'единения делятся на общую и специальную сельскохозяйственную кооперацию. Общие сельскохозяйственные кооперативы выполняют целый ряд функций по обслуживанию кооперированного ими крестьянского хозяйства; специальные же кооперативные товарищества сосредоточивают свою работу на обслуживании одной какой-либо отрасли крестьянского хозяйства. К числу специальных товариществ относятся молочные товарищества, артели льноводческие, картофельные, яичные, специальные товарищества по сбыту и т. д.

Общие, или универсальные, сельскохозяйственные товарищества, как показал опыт, отстают в темпе своего развития в сравнении со специальными кооперативами. Так как общие кооперативы не сосредоточивают своего внимания и своих средств на одной какой-либо отрасли крестьянского хозяйства, то в тех случаях, когда в районе, охватываемом общими кооперативами, выделяется одна какая-либо специальная отрасль или культура крестьянского хозяйства, растет товарность этой культуры, сейчас же происходит выделение специального об'единения из состава общего (универсального) кооператива. Для под'ема товарности крестьянского хозяйства необходима организация в первую очередь специальных сельскохозяйственных кооперативов, так как, сосредоточиваясь на выполнении одной узкой, ограниченной задачи, они в состоянии в кратчайший срок дать выгодный хозяйственный результат и тем самым заинтересовать материально крестьянство в их работе.

Вообще универсальные сельскохозяйственные кооперативы преобладают в тех районах, где еще слабо развита специализация крестьянского хозяйства и где общая товарность крестьянского хозяйства находится на низком уровне. Резолюция XIV партконференции о кооперации указывает, что «сельскохозяйственная кооперация должна развиваться, с одной стороны, в направлении специальных сельскохозяйственных товариществ, с другой стороны, — в направлении сельскохозяйственных кредитных товариществ». Оставляя пока в стороне вопрос о сельскохозяйственном кредите, который будет нами рассмотрен ниже, мы можем уста-

норить, что директива XIV партконференции идет в направлении развития не универсальной кооперации, а специальной сельскохозяйственной кооперации. Если рост товарности крестьянского хозяйства приводит к соответствующему росту специальной сельскохозяйственной кооперации, то и обратно — содействие росту специальной сельскохозяйственной кооперации должно служить средством, толкающим крестьянское хозяйство к специализации и увеличению товарности.

Что рост товарности сельского хозяйства находится в течение восстановительного периода в неразрывной связи с ростом сельскохозяйственной кооперации вообще и усиленным ростом специальной сельскохозяйственной кооперации видно из сопоставления следующих таблиц:

I. Товарность сельского хозяйства

(процент товарной части к валовой с.-х. продукции).

1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
16,4	16,5	16,8	18,2	20,1

II. Развитие сельскохозяйственной кооперации.

	1/X 1924 г.	1/X 1925 г.	1/X 1926 г.	1/X 1927 г.	1/X 1928 г.
Число с.-х. кооперативов .	31 551	33 520	46 446	61 585	91 368
Число членов в них (в тыс.). .	2 562	5 301	6 802	9 154	11 172
Удельный вес специальных товариществ в числе всех с.-х. кооперативов (в процентах)	15,0	20,5	41,0	42,9	45,2

Чрезвычайно быстрый рост сельскохозяйственной кооперации, и в особенности специальных видов сельскохозяйственной кооперации, является одной из важнейших причин роста товарности сельского хозяйства за указанный период. Рост товарности следовательно происходит в формах, ведущих крестьянское хозяйство к обобществлению.

Контрактация. Начиная с 1927 г., стал применяться новый метод воздействия на индивидуальное крестьянское хозяйство, имеющий целью непосредственно содействовать под'ему производительных сил в крестьянском хозяйстве и в то же время направлять этот под'ем по руслу обобществления. Это — контрактация, т. е. заключение договоров (контрактов) с крестьянством на предмет выполнения определенных заказов государства через кооперацию. Метод контрактации получил широкое распространение в последние два года и не применялся в восстановительном периоде. Он появился как результат широкого развития сельскохозяйственной кооперации и в особенности укрепления системы сельскохозяйственного кредита. Хотя контрактация — явление реконструктивного периода, мы ее рассмотрим в настоящем параграфе с точки зрения под'ема производительных сил индивидуального хозяйства в направлении его обобществления.

Постановление СНК СССР от 7 октября 1929 г. следующим образом определяет сущность контрактации и содержание договора контрактации:

«Контрактация продуктов сельского хозяйства является договором между сельскохозяйственной кооперацией, действующей по заданиям государства, и об'единениями крестьянских хозяйств.

«Заключая договор контрактации, крестьянство принимает на себя обязательство: а) выполнить заказ государства о производстве продуктов сельского хозяйства в определенном количестве и обусловленного качества; б) сдать эти продукты в установленные сроки на предусмотренных договором условиях; в) выполнить системы мероприятий, имеющих целью под'ем и реконструкцию сельского хозяйства, его производственное кооперирование и коллективизацию.

«Заключая договор контрактации, контрактующие организации принимают на себя обязательство: а) выполнить заказ об'единений крестьянских хозяйств о снабжении их средствами производства и по возможности предметами потребления в пределах планов снабжения соответствующих районов и сел; б) организовать всестороннее агротехническое обслуживание крестьянских хозяйств и производственное кредитование их, а также оказать им организационное содействие в осуществлении установленных договором мероприятий».

Путем контрактации государство через кооперацию воздействует на производственный процесс в индивидуальном хозяйстве и ведет его под'ем по руслу обобществления.

«Для облегчения борьбы с кулачеством и преодоления его сопротивления социалистической реконструкции сельского хозяйства должны быть признаны обязательными для всех членов земельных обществ и производственных об'единений постановления

их бедняцко-середняцкого большинства о заключении контрактационных договоров. При этом должна быть установлена коллективная ответственность всех членов производственных об'единений и земельных обществ, заключивших договор о контрактации, за выполнение условий договора» (там же).

Какую огромную роль должна сыграть контрактация, видно из того, что к концу пятилетия контрактация охватит всю товарную массу технических культур, около $^2/_3$ всей товарной части зерна и не менее 50% товарной части животноводства.

Массовые агрикультурные мероприятия.

Под'ем производительности сельского хозяйства развертывается и путем проведения ряда простейших агрикультурных мероприятий, которые в относительно короткий срок могут повысить производительность мелкого крестьянского хозяйства. Техническая отсталость крестьянского хозяйства выражается не только в том, что оно обладает отсталыми орудиями производства, но и в том, что оно применяет чрезвычайно отсталые методы земледелия. Конечно решающий перелом в развитии производительных сил сельского хозяйства может произойти лишь на основе социалистического преобразования массы мелких хозяйств в крупное механизированное обобществленное хозяйство. Но и в мелком крестьянском хозяйстве еще имеются значительные возможности роста производительности. Так например посев чистосортными семенами в крестьянском хозяйстве дает прирост урожайности до 70%, рядовой посев повышает урожайность до 100%, улучшение паров — до 166%. Борьба с сорняками путем обкашивания межей дает прирост урожайности в 0,8 *ц* на 1 *га*, протравливание семян формалином — от 0,8 до 0,3 *ц* на 1 *га*.

Значительный прирост урожайности получается и от ранней вспашки, от применения минеральных удобрений, от правильного использования навозного удобрения. Все это такие мероприятия, которые можно применять и в индивидуальном крестьянском хозяйстве, не прибегая к коренной его ломке.

Декрет ЦИКа СССР о мерах к поднятию урожайности (15 декабря 1928 г.), поставивший задачей повышение урожайности в течение пятилетия на 30—35%, указывает, что «успешное решение этой задачи возможно только при условии широкого применения в ближайшие годы основной массой бедняцких и середняцких хозяйств простейших, доступных и мелким хозяйствам, агрикультурных мероприятий, которые могут обеспечить значительный под'ем урожайности в относительно короткий срок. Таковы например посев чистосортными семенами; очистка и сортировка всех семян; рядовой посев; уничтожение межей; борьба с вредителями и сорняками, убытки от которых достигают миллиарда рублей ежегодно; распространение улучшенных приемов обработки почвы; прекращение пастьбы скота на озими;

улучшение условий содержания и кормления скота; более правильное использование навоза как удобрения; более полное использование наличного инвентаря крестьянских хозяйств, колхозов, совхозов, прокатных пунктов, ремонтных мастерских; возможно более широкое применение фосфоритной муки, извести и золы в качестве удобрения, а также зеленого удобрения и т. п.».

Целый ряд этих мероприятий проводился под руководством и при содействии государства (материальном и организационном) и до издания декрета от 15 декабря 1928 г., по разрозненно, не планомерно и не всеми крестьянскими хозяйствами. В настоящее время ставится задача массового внедрения простейших агрикультурных мероприятий во все бедняцкие и середняцкие хозяйства. Для осуществления этого нужна прежде всего мобилизация масс крестьянства, широкая работа по раз'яснению выгодности проведения простейших агрикультурных мероприятий. Но поскольку отсталые элементы крестьянства благодаря своей косности задерживают процесс их проведения в практику массового крестьянского хозяйства, поскольку кулацкие слои сознательно препятствуют их проведению, необходимо также и применение общественных мер воздействия принудительного характера.

Декрет ЦИКа от 15 декабря 1928 г. указывает:

«В целях побуждения наиболее осталых элементов крестьянства к введению улучшенных приемов земледелия поставить на всех ближайших районных, волостных, окружных и уездных с'ездах советов особым пунктом порядка дня вопрос об издании постановлений, обязывающих население проводить определенные простейшие агрикультурные мероприятия (очистка семян, уничтожение межей, протравливание семян, прекращение пастьбы скота на озими, уборка камней, кустарников и т. п.)».

Такие же постановления о проведении всеми крестьянскими хозяйствами обязательного агроминимума должны издаваться (на основе предварительной раз'яснительной кампании) советами народных комиссаров союзных республик.

Вторым условием проведения массовых агрикультурных мероприятий является соответствующая перестройка работы советских, кооперативных и партийных организаций в деревне; они должны стать органами, непосредственно руководящими, в действительном смысле этого слова, всей этой работой.

Наконец последнее и важнейшее условие — организация снабжения сельского хозяйства необходимыми средствами для проведения массовых агрикультурных мероприятий: зерноочистительными машинами, рядовыми сеялками, химическими удобрениями и т. д. Необходима подготовка агрономического персонала, издание массовой агрономической литературы. Все это требует не

только затраты денежных средств, но и развития соответствующих отраслей промышленности.

Мы видим таким образом, что быстрый темп индустриализации необходим не только для проведения коренной, социалистической реконструкции сельского хозяйства, — он необходим и для под'ема массы мелких крестьянских хозяйств. Борясь против быстрого темпа индустриализации, исходя из тех соображений, что быстрый темп индустриализации отвлекает слишком много средств в промышленность и тем самым задерживает рост индивидуального хозяйства, — правая оппозиция обнаруживает, что она фактически выступает не только против социалистического переустройства сельского хозяйства, но что она на деле стремится увековечить отсталое мелкое хозяйство. Ибо даже развитие мелкого хозяйства невозможно без мощной индустрии.

Проведение простейших агрикультурных мероприятий должно привести к использованию заложенных в мелком хозяйстве и не использованных еще полностью возможностей роста. Но и этот рост мелких хозяйств не означает ставки государства на индивидуальное хозяйство. Наоборот, он невозможен без развития простейших форм кооперирования. Речь идет не о самостоятельном проведении простейших агромероприятий каждым крестьянским хозяйством в отдельности, а о массовом проведении их при помощи и через кооперирование. Уже очистка семян предполагает общественное пользование зерноочистительной машиной. Также невозможна индивидуальная борьба с вредителями. Приобретение минеральных удобрений также предполагает рост кооперированности крестьянства. Мы видели, что договор контрактации содержит в себе обязательство крестьянства «выполнить системы мероприятий, имеющих целью под'ем и техническую реконструкцию сельского хозяйства, его производственное кооперирование и коллективизацию». Эти два момента неразрывно между собой связаны.

Мы видим таким образом, что не только в области землеустройства, не только в развитии товарности крестьянского хозяйства, но и в проведении простейших агромероприятий Советское государство ведет под'ем мелкого крестьянского хозяйства по пути его обобществления.

Машиноснабжение. Рост товарности крестьянского хозяйства, его интенсификация, рост его трудоемкости создают необходимость замены старых, в значительной мере износившихся и отсталых орудий производства новыми, более усовершенствованными. Переход от трехполья к многополью, в который вовлекаются все большие и большие массы крестьянства, создает у последнего тягу к механизации процессов производства в сельском хозяйстве, т. е. к созданию такой материально-технической базы, которая повышает производительность труда крестьянина. Механизация сельского хозяй-

ства должна итти по двум направлениям: во-первых, по линии замены существующих орудий более усовершенствованными и более сложными орудиями (плуги, уборочные машины и т. п.) и по линии замены конской тяговой силы механической тягой.

Однако применение машин, в особенности сложных, в мелком крестьянском хозяйстве наталкивается на непреодолимые препятствия. Не говоря уже о том, что самая покупка сложной машины, в особенности трактора, непосильна для мелкого хозяйства, даже коллективная покупка машины не всегда дает необходимый хозяйственный результат, поскольку сохраняется индивидуальный характер крестьянского хозяйства. Наиболее полно и выгодно крупная машина может быть использована только на большой земледельческой площади. Если употреблять трактор для вспашки отдельных, небольших клочков земли индивидуальных хозяйств, то иногда работа трактора, как показал целый ряд случаев, оказывается дороже, чем работа лошади.

Следовательно внедрение машины в сельское хозяйство является фактором, сильнее всех других толкающим крестьянское хозяйство к укрупнению через кооперирование и коллективизацию. Укрупнение мелкого хозяйства возможно и на капиталистической основе — путем разорения огромной массы мелких хозяйств и концентрации их земель в руках небольшой верхушки крестьянства. Но мы уже видели, как пролетарская диктатура всей своей политикой препятствует такому пути развития крестьянского хозяйства. Такую же политику Советское государство проводит и в машиноснабжении сельского хозяйства, снабжая машинами в первую очередь государственные и коллективные хозяйства и обусловливая машиноснабжение индивидуальных хозяйств общественным использованием машин.

Электрификация сельского хозяйства.

Еще более революционизирующее влияние на крестьянское хозяйство имеет электрификация. Сельская электрификация обнаруживает тенденцию непрерывного роста. В 1926 г. работало 532 сельских станции, мощностью в 9 535 киловатт, что в среднем для одной станции составляет около 18 киловатт. За пятилетие 1910—1915 гг. прирост мощности сельской электрификации составлял 15%, за 1915—1920 гг. — 23%, а за 1920—1925 гг. прирост по отношению к предыдущему пятилетию составлял 28%. В развитии сельской электрификации большую долю участия принимало само крестьянство как своими средствами, так и трудом при постройке станций. Само собой разумеется, что такая самодеятельность крестьянства в деле электрификации может проявляться только в формах коллективных, и поэтому тяга крестьянства к электрификации представляет собой значительный стимул к созданию товарищеских об'единений в деревне.

Ход развития сельской электрификации обнаружил, что построенные станции зачастую не могут окупить себя и поэтому должны ликвидироваться. Происходит это в тех случаях, когда электрическая станция строится только для освещения. Дальность расстояния передачи энергии в деревне, редкая сеть потребителей в деревне приводят к тому, что единица энергии обходится довольно дорого. Но если станции строятся не только для освещения, но и для снабжения энергией различных производственных установок (молотилки, маслобойные заводы, льнотрепальные и другие предприятия), тогда стоимость единицы энергии значительно понижается, и станции могут себя окупить.

Очевидно, что электрификацию сельского хозяйства надо развивать с таким расчетом, чтобы создавать в электрифицируемых районах отрасли производства по переработке сельскохозяйственных продуктов, а также кустарные промыслы, т. е. создавать сельскохозяйственно-промышленные комбинаты. Именно в этом направлении сейчас проводится работа теми учреждениями, на которые возложена электрификация сельского хозяйства. Электрификация сельского хозяйства, проведенная в таком направлении, превращается в средство индустриализации сельского хозяйства.

* * *

Заканчивая обзор мероприятий по восстановлению крестьянского хозяйства, мы можем констатировать, что по всем видам этих мероприятий Советское государство вело и ведет под'ем мелких крестьянских хозяйств по линии втягивания их в общественные формы хозяйства. Процесс восстановления крестьянского хозяйства (основные данные см. гл. V, стр. 125) развивался под непосредственным воздействием государства через кооперацию. Если мы имели на протяжении восстановительного периода растущее расслоение крестьянства (хотя и сдерживаемое в определенных пределах государством), то оно происходило постольку, поскольку процесс кооперирования охватил лишь постепенно массы крестьянства и поскольку кооперировалась преимущественно сфера обращения.

Основной итог восстановительного процесса в сельском хозяйстве.

Сельское хозяйство восстановилось как мелкое и мельчайшее крестьянское хозяйство, доказательством чему служит тот факт, что в 1927/28 г. только 1,8% всей посевной площади приходилось на обобществленный сектор.

При этом происходил процесс дробления крестьянских хозяйств (до революции было 17 млн. дворов, в 1925 г. — 24,0 млн., в 1926 г. — 24,6 млн., в 1927 г. — 25,0 млн. и в 1928 г. — 25,6 млн. дворов) на основе главным образом семейно-имущественных разделов, при той же валовой продукции, как до войны. Отсюда — падение товарности крестьянского хозяйства по сравнению с до-

военным временем. Если в общем за весь восстановительный период происходил заметный под'ем крестьянского хозяйства, — рост урожайности и товарности, — то дробление хозяйств задерживало этот под'ем. Мы в V главе привели данные о падении товарности зерновых культур по сравнению с довоенным временем (см. стр. 150). Такую же картину мы имеем и по молочным продуктам. Так по Сибири, главному району маслоделия, мы имели следующие изменения:

Удельный вес хозяйств по Сибири (в %)

	1907 г.	1927 г.
Хозяйства с 1 коровой	7,3	33
» » 2—3 коровами	35,5	58,3
» » 4 коровами и выше	57,2	16,2 (в 1928 г.)

По вологодскому, другому маслодельному району, в 1911—1912 гг. четырехкоровные хозяйства составляли 25%, теперь только 3,4%. Все эти данные говорят о резком изменении классовой структуры деревни по сравнению с дореволюционным временем. Но вместе с тем они свидетельствуют о неизбежном падении товарности. По всему СССР теперь коров на 14% больше, чем до войны, а товарность молока меньше.

Вследствие этих же причин мы имеем меньший товарный выход мяса. Уменьшение и неустойчивость товарности мяса зависят еще от неустойчивости кормовой базы, от урожайности лугов.

Мы видим, что продовольственные затруднения страны коренятся в технико-экономической отсталости крестьянского хозяйства. На определенной ступени развития, а именно при окончании восстановительного процесса, сельское хозяйство, в целом растущее и подымающееся, но в то же время подверженное дроблению, оказалось не в состоянии удовлетворить значительно выросшие требования, пред'являемые сельскому хозяйству быстрой индустриализацией страны. Получилось, что растущее сельское хозяйство чрезмерно отстало от общего темпа развития народного хозяйства.

Мы имеем таким образом противоречия, во-первых, между общим ростом сельского хозяйства и фактором, задерживающим этот рост (дробление), и, во-вторых, между ростом сельского хозяйства и потребностями индустриализации. Несмотря на процесс расслоения, центральной фигурой нашего земледелия остается середняк. В течение восстановительного периода удалось обобщест-

вить основные процессы обращения в бедняцко-середняцком хозяйстве, но производственная база осталась индивидуальной, не только мелкой, но мельчайшей и мельчающей. Здесь таким образом налицо другое противоречие — между производственной базой крестьянского хозяйства и его общим движением к обобществленным формам хозяйства через кооперацию.

Дальнейший рост сельского хозяйства возможен только при разрешении всех этих противоречий. Этого требуют не только интересы основных масс крестьянства, этого требуют и интересы пролетариата. Решение продовольственной проблемы невозможно без решительного под'ема сельского хозяйства, но такой под'ем невозможен на старой технической основе, а коренное изменение техники невозможно при сохранении старой экономической формы мелкого крестьянского хозяйства, ибо крупная техника не укладывается в рамки мелкого хозяйства. Завершение восстановительного периода подвело вплотную бедняцко-середняцкие массы к решению величайшего исторического вопроса — к социализму или капитализму? Оставаться дальше при отсталой технике и отсталых экономических формах невозможно, — это грозит увековечением низкой производительности труда и низкого уровня существования, это грозит застоем и действительной деградацией. Путь к крупному единоличному капиталистическому сельскому хозяйству означает разорение, нищету, капиталистическую эксплоатацию многомиллионных масс, потерю всех завоеваний революции. Единственный путь — это путь крупного социалистического хозяйства в борьбе со всеми остатками капитализма за их окончательное преодоление.

Последние два года на практике показали, что бедняцко-середняцкая масса крестьянства сознательно становится на путь массового социалистического переустройства. Но такой ответ крестьянской массы на великий исторический вопрос — к капитализму или социализму — был бы невозможен, если бы партия, и под ее руководством пролетарское государство, в предшествующий период не вели бы крестьянского хозяйства в русло обобществления. Широкое кооперирование процессов обращения не только задерживало процесс расслоения и тормозило капиталистическую тенденцию развития крестьянского хозяйства, — оно давало бедняцко-середняцким массам хозяйственную школу, подготовку к обобществлению производства, оно показало им путь к обобществленному хозяйству и подвело их вплотную к решению этой задачи в тот момент, когда пролетарское государство, закончив восстановление промышленности, перешло к быстрой индустриализации, и обеспечивает таким образом материально-технические условия для решения величайшей исторической задачи социалистического переустройства многомиллионных масс крестьянского хозяйства и изгнания капитализма из его последнего убежища.

Теория правых о «деградации» крестьянского хозяйства.

Прежде чем перейти к рассмотрению задач и методов социалистической реконструкции сельского хозяйства, необходимо еще разобрать ту оценку, которую правые дают состоянию сельского хозяйства. То состояние сельского хозяйства, которое партия характеризует как чрезмерную его отсталость, правые считают «деградацией», т. е. упадком. Если т. Фрумкин это прямо заявлял, то т. Бухарин в своих «Заметках экономиста» проводил по существу тот же самый взгляд. Об'ясняют правые эту мнимую деградацию неправильной политикой партии: «Установка, взятая в последнее время, — говорит т. Фрумкин, — привела основные массы середняка к беспросветности и бесперспективности». Отсюда лозунг: «Назад, к XIV с'езду», уже разобранный нами выше.

Если бы партия на самом деле лишала середняка заинтересованности в расширении хозяйства, то это прежде всего отразилось бы на состоянии посевной площади в индивидуальных хозяйствах. Между тем мы имеем не сокращение, а рост посевной площади в единоличных крестьянских хозяйствах. Так по данным ЦСУ общая площадь посева индивидуальных хозяйств по всему СССР изменялась следующим образом:

Годы	в тыс. га
1925	103 790,7
1926	109 727,6
1927	112 452,4
1928	112 269,8

Сокращение посевной площади в 1928 г. является результатом гибели 1 089,7 тыс. *га* озимых посевов, оставшихся непересеянными. Не будь этого стихийного бедствия, посевная площадь 1928 г. составляла бы 113 359,5 тыс. *га*, т. е. была бы больше посевной площади 1927 г.

Движение посевных площадей показывает, что основные массы крестьянства, наперекор «бесперспективности» правых, расширяют свое хозяйство. Бесперспективно положение кулака, который начал уже сокращать свои посевы, но тем не менее посевная площадь 1929 г. дала дальнейший рост на 5% — сокращение посевной площади кулацких хозяйств покрывается и перекрывается расширением посевной площади бедняцко-середняцких индивидуальных хозяйств, совхозов и колхозов. Итоги 1928/29 г. окончательно доказали банкротство правой оппозиции. «Правые утверждали о «деградации» сельского хозяйства. На самом деле мы имели дальнейший рост бедняцко-середняцких хозяйств, общий рост посевных площадей, рост машиноснабжения и повышение материально-технического и агрономического уровня развития сельского хозяйства»(из резолюции ноябрьского (1929 г.) пленума ЦК ВКП(б). Говоря о деградации крестьянского хозяйства, пра-

вые на деле заботятся об интересах и защищают интересы кулака, который под напором развернутого наступления социализма очутился в беспросветном положении. Обвиняя партию в том, что она своей политикой привела крестьянское хозяйство к деградации, и требуя ослабления темпа индустриализации, правые на деле предлагают политику, которая неминуемо должна привести к действительной деградации сельского хозяйства, к увековечению технико-экономической отсталости крестьянского хозяйства и кулацкой эксплоатации.

Отношение партии к индивидуальным и коллективным хозяйствам.

В связи с теорией «деградации» стоит другое обвинение, которое правая оппозиция выдвигает против партии, а именно, что усиленным развитием колхозов и совхозов партия тормозит и задерживает рост, ведет к деградации бедняцко-середняцкого хозяйства. Этим противопоставлением бедняцко-середняцких хозяйств обобществленному сельскому хозяйству правые выполняют прямым образом заказ кулачества, которое в своей борьбе против коллективизации прибегает к такому же противопоставлению, пытаясь таким путем настроить бедняцко-середняцкие слои против коллективизации.

Взяв решительный курс на коллективизацию, партия нисколько не отказалась от под'ема и индивидуальных (но только бедняцких и середняцких) хозяйств. Эта линия партии закреплена во всех решениях партийных и советских органов и во всей практике их. Мы видели, что мелкое крестьянское хозяйство еще не исчерпало всех возможностей своего роста, именно поэтому взят курс на внедрение простейших агромероприятий в бедняцко-середняцкие хозяйства. Если бы партия отказалась совершенно от помощи индивидуальному мелкому хозяйству, тогда, спрашивается, зачем тратится так много средств и усилий на проведение агроминимума?

Партийная линия в вопросе об отношении индивидуального и коллективного хозяйства совершенно ясно изложена в решениях XVI партконференции, которые легли в основу решений и V с'езда советов СССР:

«Развитие крупного общественного хозяйства в Советской стране происходит не путем пожирания, разрушения, уничтожения и разорения мелких и мельчайших хозяйств, не путем борьбы с ними, а путем экономического под'ема, роста, подтягивания их к высшему уровню техники, культуры и организации. Крупное общественное хозяйство не противопоставляется индивидуальным бедняцким и середняцким хозяйствам как враждебная им сила, а смыкается с ними как источник помощи им, как пример преимущества крупного хозяйства, как организатор содействия им в деле постепенного об'единения их в крупное хозяйство. В соответствии

с этим партия ведет свою практическую работу в деревне, сочетая экономическую, техническую и агрикультурную помощь индивидуальному бедняцкому и середняцкому хозяйству на основе роста его непосредственной заинтересованности в улучшении своего хозяйства с укреплением и расширением позиции крупного государственного и коллективного земледелия.

«Поскольку решающим методом абсолютно необходимого повышения производительности земледельческого труда является создание крупного социалистического земледелия, партия и советская власть неуклонно из года в год в соответствии с ростом материальной базы, создаваемой промышленностью, должны содействовать организации и росту коллективов, оказывая им все возрастающую финансовую и материальную поддержку.

«Вместе с тем, учитывая то, что и при максимально возможном развитии совхозов и колхозов основной прирост сельскохозяйственной продукции в ближайшие годы падет на индивидуальное бедняцкое и середняцкое хозяйство, что мелкое хозяйство далеко еще не исчерпало и не скоро исчерпает имеющиеся у него возможности, партия должна во все расширяющемся размере содействовать преодолению технической, культурной и организационной отсталости бедняцкого и середняцкого индивидуального хозяйства, повышению урожайности и расширению посевных площадей этих хозяйств.

«Только таким образом, сочетая работу над решением коренной и важнейшей задачи—организации крупного социалистического земледелия с повседневной широкой организационной, технической и экономической помощью рядовому индивидуальному бедняцкому и середняцкому хозяйству, и с усиливающимся ограничением роста кулачества,—партия может выполнить стоящую перед ней задачу—стать организатором и руководителем дела повышения производительности сельскохозяйственного труда». (Из резолюции XVI конференции ВКП(б) о путях под'ема сельского хозяйства.)

Ставка на колхозы и совхозы означает не отказ от помощи индивидуальным бедняцко-середняцким хозяйствам, а, наоборот, является единственным условием действительной, а не на словах, помощи им и подготовки их перехода к высшим формам социалистического сельского хозяйства.

Противопоставляя коллективное и индивидуальное бедняцко-середняцкое хозяйство, правые в решительном курсе партии на коллективизацию усматривали угрозу смычке. «Правые утверждали о якобы имеющейся «размычке» бедняцко-середняцких масс с рабочим классом. На самом деле мы имели дальнейшее укрепление смычки рабочего класса с крестьянством и усиление

в этом союзе руководящей роли пролетариата, что нашло свое выражение в бурном росте коллективизации и строительстве совхозов». (Из резолюции ноябрьского пленума ЦК ВКП(б).)

§ 3. Пути социалистической реконструкции сельского хозяйства.

В течение восстановительного периода сельское хозяйство восстановилось в основном как мелкое индивидуальное крестьянское хозяйство. Но этот процесс восстановления направлялся пролетарским государством в русло кооперирования, которое в течение восстановительного периода подготовляло крестьянское хозяйство к коллективизации.

Было бы неправильно рассматривать восстановительный процесс в сельском хозяйстве как исключительно восстановительный. В социальном отношении сельское хозяйство восстановилось при совершенно других условиях и с совершенно другим социальным результатом, чем до революции. В техническом отношении мы в течение восстановительного периода имели и некоторые реконструктивные процессы в сельском хозяйстве — переход на многополье индивидуальных хозяйств (так по РСФСР в 1926 г. под многопольными севооборотами было занято 11,4% всей пашни), рост колхозов (уже в 1926 г. насчитывалось по СССР около 15 тыс. колхозов), рост количества применяемых в сельском хозяйстве тракторов (22 325 на 1 октября 1926 г.) и т. п. Но не эти реконструктивные процессы были характерны для восстановительного периода в сельском хозяйстве.

Точно так же и в реконструктивном периоде мы имеем хотя и массовый и все более расширяющийся процесс социалистической перестройки крестьянского хозяйства, но этот процесс не сразу охватывает все крестьянские хозяйства. Хотя основное содержание наступившего реконструктивного периода характеризуется процессом социалистической перестройки, но наряду с этим мы будем иметь и развитие огромной массы индивидуальных хозяйств.

Подобно тому, как мы в предыдущем параграфе рассматривали некоторые методы под'ема индивидуальных хозяйств, которые стали применяться после восстановительного периода (контрактация, обязательный агроминимум), мы и в настоящем параграфе рассмотрим не только те методы социалистической перестройки сельского хозяйства, которые начали применяться в реконструктивном периоде (машино-тракторные станции, крупные совхозы, сплошная коллективизация), но и методы обобществления, которые применялись и в восстановительном периоде и применяются также сейчас (кооперирование процессов обращения, простейшие производственные об'единения и т. д.).

Основной формой движения крестьянского хозяйства к социализму является кооперация, руководимая пролетарским государством.

Выше, в главе IV, мы уже подробно разобрали место и значение кооперации во всей системе социалистического строительства. Поэтому мы здесь будем говорить не о принципиальном значении кооперации, не о принципах самой кооперации, а о методах осуществления этих принципов.

В настоящей главе мы рассмотрим методы и задачи кооперативного строительства в сельском хозяйстве. При этом мы будем говорить только о сельскохозяйственной кооперации, оставляя пока в стороне все остальные виды кооперации, так как для обобществления сельского хозяйства коренное значение имеет именно сельскохозяйственная кооперация.

С.-х. кооперация и ее место в общей системе кооперации.

Кооперация потребительская обобществляет процесс распределения предметов потребления. Обобществление сельского хозяйства зависит от обобществления средств производства, необходимых для крестьянского хозяйства, и распределения продуктов сельского хозяйства, являющихся средствами производства для промышленности, — во-первых, и от обобществления самого процесса производства, — во-вторых.

Точно так же и кустарно-промысловая кооперация, хотя она и является кооперацией производственной и хотя основная масса кустарной промышленности расположена в деревне, все же не имеет непосредственного отношения к обобществлению сельского хозяйства.

Под сельскохозяйственной кооперацией следует подразумевать лишь ту, которая кооперирует все процессы, непосредственно связанные с сельским хозяйством как определенной отраслью народного хозяйства. Таким образом потребительская кооперация, работающая в деревне, может быть отнесена к деревенской кооперации, но не к сельскохозяйственной, поскольку она кооперирует только распределение предметов личного потребления.

Конечно существует определенная связь между всеми видами кооперации (потребительской, промысловой и сельскохозяйственной), и нельзя поэтому рассматривать наше кооперативное строительство в целом как строительство, развивающееся по трем обособленным друг от друга руслам. Все виды кооперации, поскольку они выступают на рынке как покупатели и продавцы, должны согласовывать свои выступления, планы своей работы и т. д. Но в то же самое время каждый из видов кооперации должен иметь свою сферу деятельности. Только при таком условии может успешно развиваться кооперативное строительство в целом. Особой сферой деятельности сельскохозяйственной ко-

операции являются организация и кооперирование крестьянского хозяйства.

Организация с.-х. кооперации.

Основным организационным принципом кооперативного строительства является принцип добровольного вступления членов в кооперацию на основе заинтересованности их в работе кооперации. Добровольные об'единения отдельных крестьянских хозяйств представляют собой низовые ячейки сельскохозяйственной кооперации, организуемые в виде товарищеских об'единений различного рода. При всем разнообразии низовых кооперативных организаций они должны все быть увязаны в единую систему. Низовые кооперативные товарищества, поскольку они остаются вне этой системы распыленными, не могут служить формой социалистического переустройства крестьянского хозяйства по следующим причинам: во-первых, разрозненные кооперативные об'единения не могут обладать достаточным количеством средств, не могут использовать условий рынка, т. е. они не в состоянии значительно поднять производительные силы об'единенных в них хозяйств. Но самым главным недостатком таких кооперативов, не об'единенных в единую систему, являлось бы то, что они не имели бы прямой связи с государственным хозяйством (госпромышленность, госторговля, кредит и т. д.), а, с другой стороны, государство не было бы в состоянии руководить этими кооперативными об'единениями.

Распыленные, неорганизованные в единую систему кооперативные товарищества в большинстве случаев представляют собой скрытую форму капиталистического развития крестьянского хозяйства. Одним из непременных условий социалистического характера кооперации в СССР является об'единение низовых кооперативных единиц в союзы и связь через эти союзы с государственным хозяйством.

Низовые сельскохозяйственные кооперативы об'единяются в союзы сельскохозяйственной кооперации по районам, губерниям и областям, а союзы в свою очередь создают республиканские центры. Эти союзные об'единения сельскохозяйственной кооперации представляют собой органы связи кооперированного крестьянства с социалистической государственной промышленностью. Через свои союзные об'единения кооперированное крестьянство сбывает свои продукты государству или рабочей потребительской кооперации, а, с другой стороны, через эти же союзы государство оказывает плановое воздействие на хозяйства кооперированных крестьян, оказывает материальную помощь сельскохозяйственным кооперативам и направляет всю их работу в сторону укрепления коллективных начал в сельском хозяйстве.

Несмотря на все многообразие сельскохозяйственных кооперативных товариществ они могут быть разбиты на два круп-

ных подразделения: 1) сбытовая—закупочная и 2) производственная.

Кооперирование процессов обращения в сельском хозяйстве.

Само собой разумеется, что с точки зрения обобществления сельского хозяйства решающее значение имеет производственная кооперация. Но для огромного большинства крестьянских хозяйств подготовительной ступенью к производственному кооперированию является сбытовая и закупочная кооперация.

Во-первых, необходимо, чтобы рабочий класс и крестьянство в своих экономических взаимоотношениях находились в непосредственной связи друг с другом без всякого посредничества со стороны частного торгового капитала. В этом отношении предпосылкой построения социализма в сельском хозяйстве является непосредственная связь между социалистической госпромышленностью и рабочим классом, с одной стороны, и мелким крестьянским сельским хозяйством, — с другой. Эта предпосылка и осуществляется развитием закупочно-сбытовой и кредитной сельскохозяйственной кооперации.

Во-вторых, кооперирование процессов обращения является наиболее доступной для массы крестьянских хозяйств формой кооперации вообще. Исходя из принципа материальной заинтересованности крестьянства в работе кооперации, необходимо вовлекать крестьянство в такие кооперативы, которые в кратчайший срок могут дать ему непосредственно ощутимую материальную выгоду без коренной ломки его хозяйства. Крестьянин прежде всего заинтересован в выгодной продаже продуктов своего производства и в выгодной покупке средств производства для своего хозяйства. Это наиболее близко и понятно крестьянину.

Но кооперирование процессов обращения в крестьянском хозяйстве не является самоцелью, а лишь средством к достижению другой цели — кооперирования процессов производства. Об'единяясь в товарищества с закупочно-сбытовыми функциями, крестьянство делает только первый шаг к дальнейшей организации более высокого типа. Например крестьянские хозяйства, об'единяясь вокруг общей закупки трактора (кооперирование процесса обращения), неизбежно приходят к кооперированию отдельных сторон процесса производства. Точно так же и коллективный сбыт толкает крестьянство по той же линии. Например создается молочное товарищество, которое на первое время ставит себе только задачу кооперативного сбыта молока. При правильной постановке работы это увеличивает доходность от молочного хозяйства, ведет к повышению удойности, к улучшению корма скота и т. д. Но это приводит неизбежно к необходимости организации переработки молока на месте в масло, сыр и другие продукты. Поскольку сбыт молока на кооперативных началах уже налажен, самую организацию переработки молока будет

выгоднее поставить также на кооперативных началах, построив для этой цели маслобойный или сыроваренный завод. Таким образом кооперирование сбыта продуктов сельского хозяйства непосредственно приводит к кооперированию переработки этих продуктов, а от кооперирования переработки прямой шаг к кооперированию добывания самих продуктов.

Кредитная кооперация.

В деле организации процессов обращения и производственного кооперирования огромную роль играет кредитная кооперация, которая является органической составной частью всей системы сельскохозяйственной кооперации.

Для поднятия производительных сил и переустройства крестьянского хозяйства требуются огромные средства. Само собой разумеется, что если каждый крестьянин в отдельности будет тратить только имеющиеся у него для этой цели наличные средства, то, даже при условии отпуска средств государством, дело поднятия производительных сил сельского хозяйства будет продвигаться очень медленно. Но при экономном и расчетливом использовании имеющихся в стране крестьянских и государственных средств мы можем добиться больших результатов. Такой цели экономного и коллективного использования денежных средств служит система сельскохозяйственного кредита. Всякий кредит, и в том числе сельскохозяйственный кредит, основывается на том, что выданная ссуда, будучи вложена в хозяйство, не только себя окупит, но принесет еще и прибыль. Поэтому те средства, которые государство может отпустить на помощь сельскому хозяйству, не должны носить характера безвозвратного пособия отдельным крестьянам или группам крестьянства, так как в таком случае средств у государства явно нехватит. Кредитование же крестьянства имеет то преимущество, что одной и той же суммой можно последовательно обслуживать большой круг хозяйств: выполнив свою роль в одном хозяйстве, ссуда обращается на помощь другим.

Но главная задача системы сельскохозяйственного кредита заключается не столько в том, чтобы служить аппаратом распределения государственных кредитов, а в том, чтобы собирать имеющиеся у крестьянства свободные, временно не находящие себе применения сбережения и обратить их на кредитование крестьянского хозяйства. Если крестьянин держит свои мелкие сбережения в кубышке, то они в это время никакой пользы не приносят, но, будучи одолжены банку или кредитному товариществу, они приносят доход (проценты) вкладчику и в то же время все вместе составляют огромный капитал, который не пропадает бесследно для народного хозяйства, а чрезвычайно способствует его росту.

Сельскохозяйственный кредит не только является одним из самых мощных средств поднятия сельского хозяйства, — он слу-

жит также орудием защиты бедняка и маломощного, которые в поисках средств вынуждены весьма часто обращаться за кабальной ссудой к кулаку-ростовщику.

Наряду с этим сельскохозяйственный кредит является также средством воздействия на крестьянское хозяйство в сторону его обобществления. Помогая единоличным хозяйствам, учреждения сельскохозяйственного кредита должны при этом особенно поощрять образование всевозможного рода товарищеских, кооперативных об'единений и содействовать таким образом переходу от единоличных форм хозяйства к коллективным. В нашем хозяйственном строительстве в деревне сельскохозяйственный кредит является одним из основных рычагов социалистического переустройства.

Организация системы с.-х. кредита.

Успешное выполнение всех этих задач в значительной мере зависит от правильного построения всей системы сельскохозяйственного кредита, которая должна быть настолько разветвленной и гибкой, чтобы иметь возможность охватить распыленное крестьянское хозяйство, привлечь его средства и организовать выдачу ссуд и в то же время быть централизованной, чтобы проводить единую финансово-кредитную политику, вытекающую из задач социалистического переустройства сельского хозяйства.

Вся система сельскохозяйственного кредита является государственно-кооперативной системой, в которой низовое звено является чисто кооперативной организацией, высшие звенья (центральный и республиканские банки)—государственными организациями, а средние (общества сельскохозяйственного кредита)—смешанным типом. Этот государственно-кооперативный характер системы сельскохозяйственного кредита наиболее ярко отражается в строении капиталов отдельных звеньев: капиталы центрального и республиканских банков составляются из средств государственных хозяйственных органов, капиталы низовой сети—из паевых взносов крестьян, членов кредитной кооперации, а капиталы обществ сельскохозяйственного кредита—из паевых взносов низовой сети и средств государственных. Такая организация сельскохозяйственного кредита обеспечивает привлечение средств и самодеятельность крестьянства, а также широкую помощь и единое руководство со стороны государства.

Контрактация как метод кооперирования.

Сельскохозяйственный кредит является в руках пролетарского государства мощным рычагом кооперирования крестьянского хозяйства. Таким же рычагом является и контрактация, сущность которой изложена нами выше.

Контрактацию нельзя противопоставлять кооперации. Нельзя также думать, что контрактация заменяет собой кооперацию.

Было бы нелепо полагать, что государство могло бы, минуя кооперацию, вступить в договорные отношения с многомиллионными распыленными крестьянскими хозяйствами. Контрактация в широком масштабе применима только там, где уже существует развитая сеть сельскохозяйственной кооперации. Там же, где эта сеть слабо развита, контрактация является фактором ее развития. Контракция также втягивает в кооперацию еще не кооперированные крестьянские хозяйства. Там, где кооперация еще находится на первоначальных этапах своего развития, контрактация служит методом, толкающим кооперацию к переходу на более высокую ступень, — от кооперирования обращения к производственному кооперированию.

Государство заключает контрактационный договор не непосредственно с крестьянством, а через кооперацию. Отсюда следует, что контрактация является не только методом кооперирования, но и методом самой кооперативной работы. Значение контрактации выражается не в том, что она якобы замещает кооперацию, а в том, что она вносит планомерность и организованность в торговую и производственную деятельность кооперации. Через контрактацию планируется самое производство в крестьянских хозяйствах. Кооперация уже не просто закупает у крестьянина то, что он произвел, а дает, по поручению государства, заказ крестьянину на производство определенного продукта, определенного качества и количества к определенному сроку и по определенной цене. С наступлением договоренного срока крестьянин уже не просто продает свой продукт, он уже не ищет покупателя, а сдает свой продукт заказчику. Мы имеем следовательно глубочайшее изменение самого характера этой продажи: это уже не обыкновенное рыночное отношение, а отмирающее рыночное отношение, превращающееся в организованное распределение. Еще более меняется характер такой продажи, когда при заключении договора контрактации крестьянству выдается целевая ссуда для выполнения взятых на себя обязательств.

Контрактация как метод кооперирования и как метод кооперативной работы является в современных условиях уже отмирающих, но еще существующих рыночных отношений, высшей формой обобществления процессов обращения между сельским хозяйством и промышленностью, формой, толкающей крестьянство от низших форм кооперирования к высшим.

От кооперирования обращения к кооперированию производства.

Хотя вся совокупность условий, в которые поставлено крестьянское хозяйство в СССР, толкает крестьянство к кооперированию, однако процесс кооперирования не есть автоматический процесс. Инициатором и руководителем этого процесса кооперирования является партия и руководимое ею пролетарское госу-

дарство. Без этого кооперация не достигла бы той высокой ступени развития, на которой оно сейчас находится.

«Каждый общественный строй, — говорит Ленин, — возникает лишь при финансовой поддержке определенного класса. Нечего напоминать о тех сотнях и сотнях миллионов рублей, которых стоило рождение «свободного» капитализма. Теперь мы должны сознать и претворить в дело, что в настоящее время тот общественный строй, который мы должны поддерживать сверх обычного, есть строй кооперативный». (Ленин, О кооперации.)

Точно так же и переход от кооперирования процессов обращения к производственному кооперированию не совершается автоматически. Решающую роль здесь играют инициатива, организационная и материальная помощь государства (через сельскохозяйственный кредит, контрактацию) и раз'яснительная и организационная работа партии и рабочего класса.

Представление о том, что закупочно-сбытовая кооперация может сама автоматически перерасти в производственную, исходит из неправильной односторонней оценки как природы крестьянского хозяйства, так и самой кооперации. Мы уже выше (см. гл. IV, стр. 94) говорили о понимании правыми сущности мелкого крестьянского хозяйства как только трудового. Правые не видят, что, являясь трудовым, крестьянское хозяйство вместе с тем является и собственническим хозяйством, откуда и вытекает капиталистическая тенденция его развития. Если мелкий крестьянин идет в кооперацию, он при этом исходит прежде всего из своего частного торгового интереса. Мы должны за этот интерес зацепиться и обобществлять процессы обращения в крестьянском хозяйстве. Но одно только кооперирование обращения не превращает индивидуальное крестьянское хозяйство в «звено единой цепи социалистического хозяйства», как это утверждал т. Бухарин. Поскольку при кооперировании только обращения крестьянское хозяйство остается индивидуальным хозяйством, оно имеет возможность индивидуального накопления (даже при полном обобществлении его процессов обращения) и на этой основе возможность дальнейшего роста в формах индивидуальных.

И кулацкое хозяйство, являющееся членом какого-нибудь закупочно-сбытового или кредитного товарищества, пользуясь всеми преимуществами своего участия в кооперации, может процветать и развиваться как кулацкое, поскольку не затронуты основы его способа производства.

Поэтому кооперация обращения сама по себе еще не представляет собой социализма, она является формой движения бедняцко-середняцкого крестьянства к социализму. «При нашем существующем строе, — говорит Ленин, — предприятия кооперативные отличаются от предприятий частно-капиталистических, как пред-

приятия коллективные, но не отличаются от предприятий социалистических, если они основаны на земле при средствах производства, принадлежащих государству, т. е. рабочему классу». *(Подчеркнуто нами.)*

Правда, в целом ряде случаев мы имеем непосредственное перерастание закупочно-сбытовой кооперации в производственную. Так например товарищества по сбыту молока и молочных продуктов организуют маслодельную артель, товарищество по сбыту льна организует предприятие по первичной обработке льна и т. п. В таких случаях мы имеем уже производственное кооперирование — более высокую ступень обобществления, чем кооперация обращения. За восстановительный период такие простейшие производственные об'единения получили широкое распространение. Но и они еще не являются высшей ступенью обобществления крестьянского хозяйства.

Отличительной особенностью этих простейших производственных об'единений является то, что они кооперируют только одну из сторон производства в крестьянском хозяйстве, но не весь процесс производства, который в основном остается единоличным. Развитие всех видов простейших производственных об'единений вплотную подводит крестьянское хозяйство к коллективизации всего хозяйства, но опять-таки этот переход от простейших производственных об'единений на высшую ступень к коллективному хозяйству не совершается сам собой, автоматически. Ибо и при простейших производственных об'единениях основой их является индивидуальное хозяйство. А мелкое единоличное хозяйство не может перерасти, т. е. постепенно и незаметно превратиться в коллективное. Поскольку остается индивидуальное хозяйство, простейшее производственное об'единение (скажем мелиоративное товарищество, семенноводческое, молочное и т. д.) не меняет его характера. Это индивидуальное хозяйство может использовать и использует простейшее производственное объединение для своего роста и развития в форме индивидуального хозяйства. Переход от индивидуального к коллективному хозяйству возможен только в результате отказа крестьянина от единоличного хозяйствования, в результате уничтожения индивидуального хозяйства путем добровольного перехода крестьянина в коллектив. Это не незаметный процесс, а скачок.

В корне ошибочна точка зрения т. Бухарина, который утверждает, что «само крестьянское хозяйство будет незаметно для себя и все время с выгодой для себя постепенно и медленно переделываться и перерабатываться... Крестьянские хозяйства постепенно переделывают свою собственную природу, смыкаются вместе и срастаются в одно, еще более громадное целое с государственной промышленностью». («Путь к социализму», стр. 38—39. *Подчеркнуто нами.)*

Крестьянское хозяйство не может само переделывать свою собственную природу. Ни закупочно-сбытовая кооперация, ни простейшая производственная кооперация (поскольку она кооперирует только некоторые стороны производства) не переделывают природы крестьянского хозяйства. Они только *подготовляют* крестьянина (может быть и незаметно для него самого) к переделке мелкособственнической природы его хозяйства. Но самая *эта* переделка, т. е. превращение мелкособственнических хозяйств в коллективные, не есть и не может быть «незаметным», «медленным» и «постепенным» процессом.

Путь крестьянского хозяйства к социализму через кооперацию идет не гладко и не незаметно, а через противоречия. Обобществляя процессы обращения в крестьянском хозяйстве, мы подводим крестьянина (т. е. государство, а не крестьянин сам себя подводит) к образованию всевозможного рода простейших производственных объединений. Тем самым мы вовлекаем крестьянина в школу общественного хозяйства, развиваем производительные силы его хозяйства по линии обобществления, но на определенной ступени этого развития оно (развитие) впадает в противоречие со своей основной производственной базой — мелкособственнической формой хозяйства. Тогда наступает момент уничтожения этой формы — не перерастания мелкого хозяйства в крупное коллективное, а *замены* (добровольной, а не путем принуждения) мелкого хозяйства коллективным путем *отказа* от единоличного хозяйства для перехода к коллективному. Только в этом смысле кооперирование обращения и простейшие производственные об'единения подводят крестьянство к коллективизации, т. *е.* к высшей форме кооперирования.

Противопоставление колхозов и кооперации правыми.

Весь смысл ленинского кооперативного плана в том и заключается, чтобы вести мелкого крестьянина наиболее легким и доступным ему путем к социализму. Без колхозов нет ленинского кооперативного плана. Противопоставление колхозов кооперации есть поэтому полнейшее извращение ленинского кооперативного плана. Неудивительно, что правые оппортунисты, представляя себе путь крестьянского хозяйства к социализму как путь автоматической незаметной самопеределки, как постепенное и незаметное перерастание мелкособственнического в крупно-коллективное хозяйство, вместе с тем противопоставляют колхозное движение кооперации.

Мы уже выше привели цитату, показывающую, как т. Бухарин противопоставляет кооперацию колхозам (см. стр. 99). По Бухарину, выходит, что крестьянство придет к социализму *не* через колхозы, что столбовой дорогой к социализму является кооперация, а *не* колхозы. Эта точка зрения неразрывно связана с представлением об автоматической самопеределке крестьянского

хозяйства. Ведь если крестьянин должен притти к социализму незаметно, сам себя переделывая, то в этом пути действительно нет места колхозам, в которые крестьянин не может попасть незаметно и в которые он не может сам себя превратить. Тогда колхозы выступают как чужеродное тело на этом автоматическом пути, тогда они противостоят автоматическому движению крестьянства к социализму.

Политический смысл этого противопоставления заключается в отказе от действительной социалистической переделки крестьянского хозяйства. Для того социализма, в который может врастать и кулак, не нужны колхозы, для этого достаточно развить закупочно-сбытовую кооперацию, даже и простейшие производственные об'единения и оставить нетронутой самую основу основ крестьянского хозяйства — надел, свои орудия производства.

В кооперативном плане Ленина нет и не может быть противопоставления кооперации колхозам, ибо целью кооперативного строительства в пролетарском государстве и является коллективизация. Но переход от индивидуального хозяйства к коллективному через кооперацию совершается не автоматически и не незаметно. Здесь нужно активное руководство пролетарского государства и «скачок» от индивидуального хозяйства к коллективному, но скачок, постепенно подготовляемый кооперацией обращения и простейшими формами производственного кооперирования.

Не понимая своеобразного пути движения крестьянского хозяйства к социализму через кооперацию, не понимая противоречивости этого пути, представляя себе этот путь как постепенную незаметную эволюцию, как простое перерастание, правая оппозиция неизбежно приходит к выводу о «мирном» характере этого пути, к затушевыванию внутренних классовых противоречий и классовой борьбы, происходящей в самой кооперации. Правые неизбежно должны скатиться и скатываются ко взгляду на коллективизацию как на возврат к военно-коммунистическим методам (еще в 1925 г. т. Бухарин, противопоставляя кооперацию коллективизации, говорил, что «некоторые товарищи и посейчас склонны по военно-коммунистическому переоценивать роль коллективных производственных объединений в деле приобщения крестьянства к социализму». «Большевик», 1925 г., № 9—10, стр. 12).

Без понимания противоречивого характера движения крестьянского хозяйства к социализму через кооперацию нельзя понять ни действительного хода развития сельскохозяйственной кооперации в СССР, ни современной полосы развития кооперации — массовой коллективизации и всей развертывающейся вокруг нее классовой борьбы.

Развитие с.-х. кооперации в СССР.

Общее развитие сельскохозяйственной кооперации по СССР представлено следующими данными:

Годы	Число товариществ	Число членов в них	Число членов на 1 товарищество
1920	12 850	—	—
1921	24 060	—	—
1922	22 021	—	—
1923	31 187	—	—
1924	37 872	2 868 654	76
1925	54 813	6 588 862	122
1926	62 047	7 904 940	127
1927	70 271	9 887 534	140

Мы видим стремительный рост сельскохозяйственной кооперации, которая охватывает все более широкие слои крестьянства. Вместе с тем укрупняются и самые размеры сельскохозяйственных кооперативных товариществ. Процент кооперированности крестьянства поднялся с 27,5% в 1925 г. до 39,5% в 1927 г., т. е. уже в 1927 г. больше одной трети всех крестьянских хозяйств было вовлечено во все виды сельскохозяйственной кооперации.

Не менее значительны достижения сельскохозяйственной кооперации в области охвата сбыта продуктов крестьянского хозяйства. Охват сбыта продуктов крестьянского хозяйства кооперацией наиболее широко развивается в специальной кооперации. Так в молочной кооперации централизованный, т. е. проходящий через кооперативные центры, сбыт повысился с 44 в 1924/25 г. до 53% в 1925/26 г. и до 58% в 1926/27 г. В льноводной кооперации централизованный сбыт за соответствующие годы возрос с 16,2 до 26% и до 31% в 1926/27 г. По картофелю удельный вес кооперации поднялся с 24 в 1924/25 г. до 29% в 1925/26 г., по табаку — с 60 до 72%. Если же взять сбыт, проходящий через всю низовую кооперативную сеть, то процент сбыта товарной продукции крестьянского хозяйства выразится по маслу около 90%, по катрофелю около 85%, по свекле около 80%, по хлебу около 30%. Общий оборот сельскохозяйственной кооперации возрос с 1,5 млрд. руб. в 1925/26 г. до 1,8 млрд. руб. в 1926/27 г. и 2,1 млрд. руб. в 1927/28 г.

Если взять состав всей массы кооперированных хозяйств по основным видам кооперации, то преобладающее число их находится в снабженческо-сбытовой кооперации.

Распределение кооперированных хозяйств по видам кооперации

Годы	Колхозы	Простейшие производственные объединения	Снабж.-сбытовая	Всего
1926 — всего хозяйств . .	280 725	1 008 788	6 615 309	7 904 940
В процентах к итогу . . .	3,5	12,8	83,7	100,0
927 — всего хозяйств . .	310 565	1 268 820	8 308 149	9 887 534
В процентах к итогу . . .	3,1	12,9	84,0	100,0

Эти данные показывают, с одной стороны, очень быстрый темп кооперирования крестьянства, а с другой, — что быстрее всего в течение восстановительного периода развивалось кооперирование обращения. Это является косвенным доказательством того, что кооперация обращения не перерастает сама в производственную. XV с'езд ВКП (б), учтя успехи, достигнутые сельскохозяйственной кооперацией в области кооперирования обращения, констатировал вместе с тем, что замедление в переводе сельскохозяйственной кооперации на рельсы массового производственного кооперирования может отрицательно отразиться на дальнейшем развитии ее:

«Развитие сельскохозяйственной, потребительской, а также кустарно-промысловой кооперации и охват ими важнейших позиций в области товарооборота между городом и деревней приводит к экономической необходимости и экономической возможности проникновения сельскохозяйственной и кустарно-промысловой кооперации из области операций по сбыту и снабжению в область производства. Там, где монопольными или почти монопольными заготовителями являются государственные и кооперативные организации, переход к производственному кооперированию, т. е. прямое содействие под'ему хозяйства самого кооперированного крестьянства, стоит особенно остро, так как в противном случае кооперированное население не получает преимущества перед некооперированным. Развитие самой кооперации в современных условиях приводит таким образом к тому, что крестьянские хозяйства, об'единенные в кооперации, могут иметь добавочные преимущества перед некооперированными хозяйствами, прежде всего в том случае, если они от кооперирования по линии сбыта и снабжения все больше переходят — на основе технической реконструкции и об'единения распыленных крестьянских хозяйств — к крупному коллективному хозяйству». (Из резолюции XV с'езда о работе в деревне.)

Как на один из важнейших способов перевода сельскохозяйственной кооперации на производственные рельсы, с'езд ука-

зывает на контрактацию, которая «может и должна служить в дальнейшем одним из важнейших средств кооперирования самого крестьянского производства в подлинном смысле этого слова, т. е. добровольного об'единения мелких производителей, связанных через кооперацию с социалистической промышленностью».

Охват до 40% крестьянских хозяйств кооперацией представляет собой уже такую ступень развития кооперации, которая позволяет перейти к массовому производственному кооперированию. Но в связи с этим должна быть перестроена и вся система работы сельскохозяйственной кооперации, она должна быть приспособлена к новым задачам. В особом постановлении «Об организационном построении сельскохозяйственной кооперации» (июнь 1929 г.) ЦК ВКП (б) следующим образом определяет новые организационные задачи сельскохозяйственной кооперации:

«В соответствии с тем особым значением, которое приобретает сельскохозяйственная кооперация в деле под'ема и социалистического переустройства сельского хозяйства, организационная структура и методы работы сельскохозяйственной кооперации, в особенности ее первичных образований, должны быть приспособлены к задачам производственного кооперирования и коллективизации крестьянского хозяйства и максимального вовлечения в кооперативное строительство средств самого крестьянского населения.

Разрешение этих задач должно итти по линии:

а) образования специальных систем сельскохозяйственной кооперации по основным отраслям сельскохозяйственного производства для каждого района, опирающихся на свою собственную низовую сеть производственных кооперативов;

б) усиления и углубления производственной работы специальных систем сельскохозяйственной кооперации путем сосредоточения в их ведении основных рычагов реконструкции крестьянского хозяйства (производственное кредитование, снабжение орудиями и средствами производства, снабжение семенами, производственные предприятия, агрообслуживание);

в) развития на основе контрактации массовых форм производственного кооперирования крестьянских хозяйств и развертывания строительства крупных колхозов;

г) соответственной перестройки на началах специализации низовых и союзных звеньев системы сельскохозяйственного кредита;

д) усиления руководства деятельностью сельскохозяйственной кооперации со стороны партийных и советских органов и укрепления внутрикооперативной хозяйственной дисциплины.

Исходя из этого, ЦК ВКП (б) считает, что в основу организационного строительства сельскохозяйственной кооперации должны быть положены следующие основные положения:

1. Массовой низовой производственной ячейкой сельскохозяйственной кооперации должно явиться производственное товарищество специального направления (зерновое, хлопководческое, свекловодческое т-во и т. п.) поселкового типа с оформленным уставом и паевым капиталом. Соответствующая производственная система сельскохозяйственной кооперации должна добиваться охвата этих об'единений коллективными договорами о контрактации посевов и осуществления предусматриваемых договорами мероприятий по переустройству и поднятию крестьянского хозяйства на основе кооперирования и коллективизации производства и сбыта крестьянской продукции.

Организуя бедняцко-середняцкие массы деревни для борьбы с кулачеством и преодоления его сопротивления мероприятиям по социалистической реконструкции сельского хозяйства, сельскохозяйственная кооперация должна ставить своей важнейшей задачей всемерное содействие перерастанию простейших производственных об'единений в более сложные формы производственного кооперирования и организации на этой основе крупного коллективного производства. Производственные т-ва, накопляя и усиливая элементы обобществленного хозяйства, должны стать базой для массового строительства крупных колхозов».

Дальше идут пункты, конкретизирующие эту основную директиву.

Охватив процессы обращения, сельскохозяйственная кооперация должна перестроиться и перенести центр тяжести своей работы на подготовку масс крестьянства через массовое развитие простейших форм производственной кооперации и их усложнение к массовому переходу от мелкого индивидуального хозяйства к крупному коллективному.

Партия осуществляет ленинский кооперативный план не по Бухарину, не дожидаясь медленного, незаметного самопревращения индивидуального хозяйства в коллективное, — партия активно ведет бедняцко-середняцкие массы крестьянства к социализму по кооперативному пути с одной ступени на другую и подводит эти массы к ступени, на которой необходимость разрыва с вековым укладом мелкого индивидуального хозяйства становится для них совершенно ясной, а самый этот разрыв и переход к крупному коллективному хозяйству — возможным и доступным.

Но для того чтобы сделать возможным массовый переход крестьянства к крупному коллективному хозяйству, необходимо еще одно условие. Нужно, во-первых, на практике показать осуществимость крупного машинизированного сельского хозяйства; нужно, во-вторых, создать материально-технические средства для образования из крестьянских хозяйств крупных коллективных хозяйств. Это условие партия выполняет путем строительства крупных совхозов и машино-трактор-

ных станций. Именно первыми решающими успехами в строительстве крупных совхозов и машино-тракторных станций следует об'яснить то стихийное массовое движение крестьянства к образованию колхозов, которое мы наблюдаем за последние два года.

Совхозы. В период гражданской войны перед совхозами была поставлена цель — главным образом снабжать хлебом рабочие районы. Совхозы являлись как бы государственными фабриками хлеба. Вследствие общей разрухи хозяйства в период гражданской войны и невозможности снабжать совхозы улучшенными орудиями производства и другими материальными средствами совхозы не могли дать достаточной помощи окружающему крестьянству.

После перехода к нэпу многие совхозы пришли в упадок, так как государство имело перед собой гораздо более важную задачу быстрейшего под'ема и восстановления промышленности. Замена продразверстки продналогом и восстановление рыночных связей обеспечивали снабжение рабочего класса продуктами питания со стороны крестьянского хозяйства. Роль совхозов как фабрик хлеба при таких условиях могла быть чрезвычайно незначительной. Недостаток средств у государства не позволял обращать достаточно внимания на развитие других функций совхозов. После кризиса, пережитого совхозами в первые годы нэпа, часть из них была ликвидирована, и земля, принадлежащая совхозам, передана крестьянским земельным обществам, а другая часть, наиболее устойчивая, укреплена и превращена в очаги агрикультурной помощи окружающему крестьянству.

«В общем балансе социалистических элементов в сельском хозяйстве существенную роль играют совхозы как формы крупного государственного социалистического земледелия и животноводства. Система совхозов, точно так же переживавшая острый кризис, в настоящее время стала уже рентабельной и начинает играть все большую роль как культурно-агрономический показательный фактор, воздействующий на крестьянское хозяйство, и как образец, демонстрирующий превосходство крупного обобществленного производства перед мелкокрестьянским хозяйством». (Из резолюции XV с'езда ВКП о работе в деревне.)

Точно так же определяется роль совхозов «Общими началами землепользования и землеустройства».

В 1928 г., когда обнаружилась чрезмерная отсталость сельского, в особенности вернового, хозяйства, когда решение зерновой проблемы стало одной из центральных практических задач хозяйственной политики советского государства, ЦК ВКП (б) принял решение об организации новых крупных зерновых совхозов, которые к концу пятилетия должны дать 16 млн. *ц* хлеба и сыграть решающую роль в решении зерновой проблемы.

Новые совхозы строятся на неосвоенных крестьянством землях как полностью механизированные крупные хозяйства. Для того чтобы судить о размерах новых совхозов и вообще об их типе, достаточно указать на совхоз «Гигант», имеющий площадь в 125 тыс. *га*, из которых в 1930 г. будут засеяны до 95 тыс. Строительство этого совхоза и первые результаты его работы в 1930 г. являются одной из крупнейших побед социализма. Крупнейшее капиталистическое зерновое хозяйство в САСШ имеет только 35 тыс *га*. Следовательно в области строительства крупных сельскохозяйственных предприятий мы уже перегнали наиболее развитую капиталистическую страну.

Опыт «Гиганта» — блестящее опровержение всех утверждений буржуазной экономической науки о невозможности крупного машинного хозяйства в земледелии. «Гигант» уже на первых шагах своего развития опрокинул все «предсказания», исходившие из лагеря буржуазных специалистов и правых о нерентабельности таких крупных хозяйств в земледелии: практика показала, что зерно «Гиганта» стоит на много дешевле, чем в индивидуальных хозяйствах. Героизм всех работников «Гиганта» обусловил и решение всех огромной трудности организационных задач по созданию величайшей в мире фабрики хлеба. Опыт «Гиганта» выявил перед всем миром те преимущества и колоссальные возможности, которые таятся в советской хозяйственной системе.

По пятилетнему плану все совхозы вместе взятые, как старые, так и новые, должны к концу пятилетия иметь посевную площадь в 3,4 млн. *га* (3,1% всей посевной площади) и дать 34 млн. *ц* товарного хлеба (17,3% всего товарного хлеба), т. е. количество, необходимое для обеспечения городов, армии, промышленности и накопления резервов.

Уже в ходе осуществления плана строительства совхозов этот план был пересмотрен: посевная площадь в одних только совхозах Зернотреста должна достигнуть к концу пятилетия 7 млн. *га*.

С 1930 г. государство, на основе вполне оправдавшего себя опыта строительства крупных зерновых совхозов, приступает к строительству крупных сырьевых и животноводческих совхозов.

Развитие совхозов наносит решающий удар кулачеству, выбивая из его рук его важнейшее орудие — маневрирование хлебными излишками.

Но роль совхозов не исчерпывается ролью крупных государственных зерновых фабрик. Июльский (1928 г.) пленум ЦК ВКП (б), принявший решение об организации новых совхозов, указывает, что «новые совхозы должны строиться по такому плану и с таким расчетом, чтобы в будущем могли превратиться в индустриальные центры переработки сельскохозяйственных продуктов окружающего крестьянского насе-

ления и стать мощными рычагами обобществления крестьянского земледелия». (Пример украинского совхоза имени Шевченко.)

Межселенные машино-тракторные станции.

Опыт совхоза имени Шевченко открыл новые пути массовой коллективизации крестьянского хозяйства и дал сильнейший толчок коллективному движению. Какое колоссальное значение межселенные машино-тракторные станции (МТС) имеют для социалистической реконструкции, видно из того, что, опираясь на опыт МТС совхоза им. Шевченко, государство развертывает в течение 5 лет сеть в 500 МТС с охватом 20 млн. *га* посевов. В течение 1929/30 г. развертывается 102 МТС с посевной площадью в 2 млн. *га*. Ввиду исключительного значения МТС для социалистической реконструкции крестьянского хозяйства, мы изложим сущность и основные моменты работы МТС на примере Шевченковского совхоза.

МТС представляет собой государственное предприятие в составе около 100 тракторов со всеми прицепными к ним орудиями для вспашки полей, посева и снятия урожая. Обязательной составной частью МТС является соответственно организованная и оборудованная ремонтная мастерская. Наличие ремонтной мастерской отличает МТС от тракторных колонн, которые, не имея ремонтной мастерской, не могут быстро исправить испортившийся в процессе работы трактор. Если учесть, что полевые работы должны быть проведены в максимально кратчайший срок, то выход из строя одного или нескольких тракторов во время работы может затянуть, а иногда и сорвать посев. Для того чтобы выполнить свое назначение, тракторные отряды должны работать бесперебойно, а для этого необходима хорошо налаженная организационная и техническая база.

Размер МТС строго определяется производственными условиями. Для того чтобы выявить все премущества крупного механизированного производства по сравнению с индивидуальным хозяйством, необходимо, чтобы стоимость выполненных МТС работ была наименьшей. Опыт показал, что работа МТС наиболее дешева, когда она охватывает посевную площадь в 40—60 тыс. *га* при радиусе действия станции около 12—15 *км*. При снижении размеров обрабатываемой площади расходы по постройке и содержанию МТС, падающие на 1 *га*, резко повышаются. Поэтому МТС должны строиться сразу как крупные предприятия, как межселенные, ибо только в этом случае возможно достичь наибольшей эффективности их работы.

Все крестьянские наделы, обрабатываемые МТС, соединяются в одно сплошное поле, уничтожаются межи между ними.

Но не в этом заключается основная особенность МТС, ибо дело не столько в уничтожении межей, сколько в реорганиза-

ции материально-технической базы для обработки сплошного поля. Современные крестьянские хозяйства сами являются источниками двигательной энергии, каждое из них в отдельности имеет свою лошадь и орудия обработки. Это распыление двигательной энергии и является технической базой мелкого индивидуального хозяйства, это же является одним из главных препятствий для перехода к крупному коллективному хозяйству. Для того чтобы создать действительно обобществленное крупное хозяйство, которое уже не может распасться, необходимо коренным образом реорганизовать добывание двигательной энергии.

«Современные формы сельского хозяйства с непременной интегральной усадьбой не дают нам организационных возможностей переустройства мелкого индивидуального крестьянского хозяйства в крупное механизированное сельскохозяйственное производство.

Этот вывод не находится ни в каком противоречии с нашей действительностью и в частности с практикой коллективизации сельского хозяйства. Наше колхозное строительство в значительной своей части, как уже сказано было выше, пошло не по линии организации крупного сельскохозяйственного производства, а преимущественно по линии создания кустарных «сельскохозяйственных мастерских», в которых производительность труда и использование средств производства значительно выше, чем в мелком крестьянском хозяйстве, но неизмеримо ниже тех величайших возможностей, какие связаны с подлинным крупным сельским хозяйством.

Где же выход из создавшегося противоречия между существующими производственными формами и организационными формами и организационными требованиями современной техники?

В создании новой формы производства, в создании крупных межселенных энергетических станций, в изъятии добывания двигательной энергии не только из отдельных хозяйств, но и из целых сел, в технической концентрации усовершенствованных орудий производства в одном мощном производственном кулаке за пределами отдельных сел, в преодолении современной интегральной усадьбы — в организации машино-тракторных станций». (Маркевич, Межселенные машино-тракторные станции, стр. 28—29.)

При организации крупного совхоза дело сводится к финансовым, техническим и организационным вопросам, но не к ломке хозяйственного уклада, ибо совхозы создаются на свободной, незанятой земле. Между тем МТС имеют перед собой задачу побудить крестьян (сотни и тысячи их, целые десятки сел) об'единить свои поля, отказаться от энергетической самостоятельности своего двора и перейти к работе, организуемой и руководимой из одного центра — МТС. Что же побуждает крестьян

не только согласиться на это, но, как показал опыт последнего года, самим просить создания в их районе МТС? Побудителем может быть только колоссальное преимущество и выгоды, связанные с МТС.

Технико-экономическое значение МТС.

Прежде всего резко повышается урожайность. Средний прирост урожая в районах, обслуживаемых МТС, уже в первые 2—3 года ее деятельности составляет 40—45% урожайности крестьянских полей. При этом создаются условия, обеспечивающие устойчивость урожайности. В договорах, заключаемых МТС с крестьянскими об'единениями, обусловливается проведение ряда агрикультурных мероприятий. МТС имеют агротехнический персонал, руководящий осуществлением этих мероприятий. Но основная причина устойчивости урожаев при организации МТС заключается в том, что МТС обеспечивают наличие постоянной двигательной энергии. В случае неурожая в крестьянском хозяйстве и невозможности вследствие этого содержать свой скот, крестьянин на несколько лет лишается двигательной энергии и не может восстановить свое хозяйство даже при наличии благоприятных климатических условий; МТС сразу создают устойчивую энергетическую базу, являющуюся основным условием устойчивости урожаев.

МТС дают возможность значительно увеличить производительно используемую посевную площадь. Когда двигательной силой является скот, значительную часть всей посевной площади надо обрабатывать под корм скоту. Бюджетные обследования по Украине показали, что на содержание лошадей в крестьянском хозяйстве расходуется почти столько же, сколько на содержание всей крестьянской семьи. Так по степной Украине на содержание всей семьи уходит 319 руб., а на содержание лошадей — 292 руб.; по лесостепной Украине — 184 и 163 руб. Организация МТС сразу освобождает значительную площадь для засева хлебными и другими культурами, выпадают затраты на содержание дорого стоящей и мало производительной двигательной силы — лошади. Лошадь остается как транспортное средство, но лишь до тех пор, пока на ее место не придет автомобильный транспорт, организация и развитие которого в деревне становится неотложной практической необходимостью.

С другой стороны, замена двигательной силы лошади трактором позволяет расширить продуктивное животноводство (молочный скот, скот для убоя).

Расширение посевной площади получается и за счет уничтожения межей, которое кладет конец засариванию полей сорными травами и тем самым повышает урожайность.

МТС резко понижает расходы по земледелию и так же резко повышает доходность крестьянства.

В крестьянском хозяйстве, по данным шевченковской МТС, расход на 1 *га* пахотной площади составляет 20 руб. 58 коп., а при МТС — 14 руб. 13 коп. Приход в крестьянском хозяйстве составляет 31 руб. 43 коп. на 1 *га*, а при МТС — 69 руб. 21 коп. Себестоимость центнера зерна в крестьянском хозяйстве составляет 5 руб. 36 коп., а в условиях МТС — 1 руб. 86 коп. Нет поэтому ничего удивительного, что крестьянские об'единения соглашаются на пункт договора с МТС, согласно которому МТС за все свои услуги берут 25—30% всего урожая. Даже и при такой оплате работы МТС крестьянин получает гораздо больший доход, чем в случае самостоятельного единоличного хозяйствования на своем клочке земли.

Социальное значение МТС.

Такие технико-экономические преимущества МТС и толкают массы крестьянских хозяйств к организации крупных коллективов при МТС и отказу от единоличного ведения хозяйства.

МТС не принадлежат самим крестьянам. На основании постановления СТО от 5 июня 1929 г. все существующие и вновь организуемые МТС находятся в непосредственном ведении акционерного общества «Всесоюзный центр машино-тракторных станций», в котором участвуют государственные и центральные кооперативные организации. Крестьянские об'единения, обслуживаемые МТС, обязуются на основании договора ежегодно приобретать акции Всесоюзного центра из расчета 2 руб. с *га* на бедняцкие дворы и 3 руб. с *га* на середняцкие дворы (кулаки в об'единения обслуживаемые МТС, не принимаются). Приобретаемые акции являются неделимым фондом об'единения и хранятся в правлении об'единения. При МТС существует совет в составе представителей МТС и обслуживаемых крестьянских об'единений. Все работы выполняются самими крестьянами без применения наемного труда. МТС обучает крестьян управлению тракторами и другими машинами и уходу за ними. Все работы выполняются крестьянами по строго составленному плану. Таким образом мы здесь имеем коллективно организованный труд. Каждый двор обязан выполнить работу пропорционально приходящемуся на его долю количеству земли (величина надела, вошедшего в состав общего поля). Пропорционально этому же каждый двор участвует в урожае.

В условиях МТС происходит коренной переворот в состоянии бедняцких слоев. Землепользование в СССР — уравнительное. Нормы наделов одинаковы для всех крестьянских хозяйств (по числу едоков). Бедняцкое хозяйство не потому бедняцкое, что у него меньше земли, а потому, что при одинаковом с середняком количестве земли оно не имеет средств производства. МТС, замещая все индивидуальные средства производства крупными механизированными, полностью решает проблему средств производства

для бедняка и маломощного середняка. Тем самым уничтожается база кулацкой эксплоатации.

В машино-тракторных станциях мы имеем уже новый тип производственных отношений. Крестьянское хозяйство в основной своей отрасли уже перестает быть крестьянским, т. е. мелкособственническим хозяйством. Об'единяемые МТС крестьянские хозяйства превратились в кооперативное предприятие, основанное «на земле, при средствах производства, принадлежащих государству, т. е. рабочему классу». (Ленин.)

Характер сращивания крестьянских об'единений при МТС с государственным, социалистическим хозяйством укрепляется еще и тем, что помимо 30% урожая, которые крестьянство отдает МТС за обслуживание, «все свои товарные излишки об'единение обязано сдать станции непосредственно из-под молотилки по ценам, устанавливаемым государственными и кооперативными хлебозаготовителями. Размер товарного излишка устанавливается ежегодно по соглашению об'единения со станцией». (§ 21 типового договора МТС с крестьянскими об'единениями.) Товарный хлеб поступает таким образом не на рынок, а идет непосредственно по руслу планового распределения.

Вслед за коллективизацией через МТС полеводства наступает очередь коллективизации остальных отраслей крестьянского хозяйства — животноводства, разведения технических культур и т. д. Постепенно должен измениться и весь бытовой уклад об'единяемых МТС крестьян. МТС вносит таким образом в крестьянское хозяйство не только технико-экономический переворот: поскольку произошла революция в технико-экономической базе, неминуемо должен наступить переворот и в социальных и в бытовых отношениях в деревне.

Было бы неправильно полагать, что с организацией МТС уничтожаются всякие социальные различия между крестьянами, об'единяемыми МТС, и что МТС снимает с порядка дня классовую борьбу. Не говоря уже о том, что вокруг организации МТС разгорается самая ожесточенная классовая борьба, — она происходит и в тех об'единениях — колхозах, — организуемых при МТС, в которые удается проникнуть кулакам. Социалистическое переустройство крестьянского хозяйства через МТС есть процесс сложной и острой классовой борьбы.

Разворачиваемая в течение пятилетия сеть в 500 МТС на площади в 20 млн. *га* вносит переворот в миллионы крестьянских хозяйств. Машино-тракторные станции на практике показывают миллионным массам бедняцко-середняцкого крестьянства путь к освобождению от нищеты через социализм и обеспечивают решение труднейшей задачи социалистической революции — социалистического переустройства сельского хозяйства — и тем самым победу социализма.

Это величайшее историческое значение МТС уже сказалось в том толчке, который они дали коллективному движению. Если кооперирование процессов обращения и развитие всех форм простейшего производственного кооперирования подвели бедняцко-середняцкие массы к коллективизации, то строительство совхозов и машино-тракторных станций необычайно ускорило это движение и придало ему необычайно широкий размах, почти стихийный характер.

Прежде чем заняться рассмотрением проблем колхозного строительства, необходимо вернуться к уже рассмотренным нами видам сельскохозяйственной кооперации и изучить сельскохозяйственную кооперацию с точки зрения ее классового состава и происходящей вокруг нее и в ней самой классовой борьбы. Без этого мы не сможем понять основных вопросов колхозного строительства, а именно развертывающейся в связи с ним классовой борьбы.

Социальный состав с.-х. кооперации.

Сельскохозяйственная кооперация в СССР является в основном бедняцко-середняцкой, основная масса ее членов состоит из бедняков и середняков. Но если сравнить удельный вес отдельных групп крестьянства во всем крестьянстве с их удельным весом в кооперации, то обнаруживается ряд отрицательных моментов. Вот данные ЦСУ о социальном составе сельскохозяйственной кооперации:

Группы по размерам средств производства	Виды с.-х. кооперации				Уд. вес группы в общей массе хозяйств
	Вся с.-х. кооперация	По переработке и сбыту	Подсобн. производ-отд.	Кредитная	
I. Без средств производства . . .	0,7	0,3	0,5	0,8	3,1
II. Со ср. производства до 100 р.	5,4	5,7	5,4	6,0	10,8
III. » » » от 101 р. до 200 р.	9,4	10,2	8,9	10,1	12,4
IV. » » » от 201 р. до 400 р.	23,5	24,6	22,2	25,6	26,5
V. » » » от 401 р. до 800 р.	35,4	36,4	36,2	34,4	30,9
VI. » » » от 801 р. до 1 600 р.	20,0	19,2	21,0	18,4	13,4
VII. » » » свыше 1 600 р. . .	4,6	3,6	5,8	4,7	2,0
Итого	100	100	100	100	100

Хотя основную массу членов кооперации составляют бедняцко-середняцкие массы (I—V группы), все же мы имеем совершенно недостаточный процент кооперированности бедноты и слишком высокий процент кооперированности зажиточной и кулацкой верхушки.

Слишком высокий удельный вес верхушечных слоев крестьянства в сельскохозяйственной кооперации конечно не может не отразиться и на составе правлений низовых ячеек кооперации и на их работе.

Участие отдельных групп крестьянства в выборных органах сельскохозяйственной кооперации видно из следующих данных ЦСУ:

Группы хозяйств по стоимости средств производства	В процентах к итогу	Уд. вес х-в с членами семьи в выборных органах кооперации
I. Без средств производства	3,0	1,5
II. Со ср. производства до 100 р.	10,8	3,1
III. » » » от 101 » до 200 р.	12,3	5,6
IV. » » » » 201 » » 400 »	26,3	15,1
V. » » » » 401 » » 800 »	30,8	35,1
VI. » » » » 801 » » 1 600 »	13,6	29,3
VII. » » » свыше 1 600 р. . .	3,2	10,3
Итого	100	100

Мы имеем следовательно и здесь слишком незначительную роль бедняцких слоев в низовых выборных органах сельскохозяйственной кооперации и непомерно большую роль верхушечных слоев крестьянства.

Как отражается этот состав правлений низовой кооперации на ее работе, видно из того, что по кредитной кооперации например размер отпускаемых кредитов растет от низших групп к высшим: в то время как по II группе (со средствами производства до 100 руб.) средний размер выданных ссуд составляет 29 руб., он по VII группе достигает 174 руб. Правда, основная сумма выданных ссуд падает на бедняцко-середняцкие слои, но все же мы имеем явное извращение в низовой кредитной кооперации классовой линии партии и государства. Нередки случаи, когда отпускаемые вышестоящими органами сельскохозяйственного кредита специальные суммы для кредитования бедноты используются для кредитования кулацких хозяйств.

Все эти факты как нельзя лучше разбивают теорию правой оппозиции о врастании кулака в социализм. Кулак идет в кооперацию для того, чтобы использовать ее преимущества в целях расширения своего кулацкого хозяйства. Он стремится пролезть в кооперацию для того, чтобы превратить ее в орудие своего укрепления, а иногда ему удается и через кооперацию эксплоатировать бедняка. Отсюда следует, что кооперация является не автоматическим путем крестьянского хозяйства к социализму, а что бедняцко-середняцкие слои пойдут и идут через кооперацию к социализму только в процессе классовой борьбы против капиталистических элементов под руководством партии пролетариата.

XIV с'езд партии в своей резолюции по докладу ЦК говорит, что «основной путь строительства социализма в деревне заключается в том, что при возрастающем экономическом руководстве со стороны социалистической госпромышленности, государственных кредитных учреждений и других командных высот, находящихся в руках пролетариата, вовлечь в кооперативную организацию основную массу крестьянства и обеспечить этой организации социалистическое развитие, используя, преодолевая и вытесняя капиталистические ее элементы». Капиталистические элементы, имеющиеся в кооперации, необходимо преодолеть как путем усиления активности основной массы, входящей в сельскохозяйственную кооперацию, так и путем сосредоточения руководства в руках этой массы.

Из фактов искривления классовой линии в низовой кооперации нельзя сделать и того вывода, который сделали в свое время троцкисты, что сельскохозяйственная кооперация в СССР не является бедняцко-середняцкой, что она «не ослабляет, а усиливает процесс расслоения деревни» (см. гл. IV, стр. 108). Этот вывод троцкизма целиком вытекает из троцкистской теории перманентной революции и находится в полном противоречии с советской действительностью. Из таблицы, приведенной нами на стр. 278, явствует, что кооперация в СССР является орудием хозяйственного под'ема бедняцко-середняцких масс. Она бедняцко-середняцкая и по своему составу. То обстоятельство, что в ней слишком высок удельный вес кулаков и что вследствие этого имеются искривления классовой линии в низовой сети, не меняет основного характера кооперации, а только указывает на необходимость организованной борьбы с этими искривлениями и с капиталистическими элементами в кооперации.

XV с'езд ВКП(б) учел все эти недостатки сельскохозяйственной кооперации и наметил пути борьбы с ними:

«В самой кооперации наблюдается ряд нездоровых явлений, сигнализирующих искривление партийной политики. Состав кооперации, в общем и целом безусловно бедняцко-середняцкий,

тем не менее нередко обнаруживает относительно слабую кооперированность бедноты и непропорционально высокую кооперированность зажиточной верхушки деревни. Состав выборных органов кооперации обнаруживает, несмотря на решение о недопущении кулака в эти органы, те же недостатки. В силу этого в области машиноснабжения нередки случаи относительно лучшего снабжения именно верхних слоев деревни. То же самое нужно сказать о распределении кредитов. Необходимо также отметить невыполнение директив партии кооперативными органами, зачастую не использовавшими фондов, предназначенных для кооперирования бедноты, по прямому назначению. Несмотря на имеющийся за последнее время перелом в сторону уменьшения такого рода фактов и вопреки прямым директивам ЦК ВКП(б), указанные выше искривления партийной линии все еще имеют место».

Для преодоления этих искривлений классовой линии необходимо в первую очередь оздоровить те низовые партийные и советские организации в деревне, которые на практике проводят не партийную, а правую линию. Необходимо усилить руководящий состав работников низовой кооперации и, самое главное, вовлечь в кооперацию бедноту.

Вовлечение бедноты в кооперацию.

Без наличия специальной помощи бедноте она не сможет быть вовлечена в кооперацию. Для того чтобы вступить в кооперацию, необходимо уплатить членский взнос, который не всегда имеется у бедняка. В таких случаях необходимо оказать бедняку помощь с целью облегчения доступа его в кооперацию. В октябре 1925 г. пленум ЦК в своей резолюции о работе партии среди деревенской бедноты, утвержденной XIV партс'ездом, указывает следующие мероприятия, направленные к обеспечению участия бедноты в сельскохозяйственной кооперации: «В работе кооперации усилить внимание к вовлечению бедноты, разработав дополнительные меры по облегчению доступа бедняков в сельскохозяйственную и кредитную кооперацию (помощь государства при внесении паев и т. п.) и по увеличению материальной помощи беднейшим слоям деревни путем расширения сельхозкредита (удлинение сроков кредитования для бедноты, организация при сельхозтовариществах предприятий, обслуживающих главным образом бедноту, как например прокатных пунктов и тому подобное)».

На основании особого постановления СНК СССР «в целях кооперирования и вовлечения деревенской бедноты и батрачества в коллективные хозяйства при организациях всех степеней и видов кооперации и при учреждениях системы сельскохозяйственного кредита образуются фонды кооперирования и коллективизации деревенской бедноты и батрачества».

Наряду с материальной помощью бедноте в деле вовлечения ее в кооперацию, необходимо оказывать ей и организационную помощь с целью обеспечения ее участия в правлениях сельскохозяйственных товариществ.

Вовлечение бедноты в кооперацию, ее активное участие в работе кооперации имеет решающее значение для того, чтобы сельскохозяйственная кооперация могла выполнять свои задачи по социалистическому переустройству крестьянского хозяйства.

Без организации батрачества и бедноты и блока их с середняком в кооперации борьба за преодоление капиталистических элементов будет безуспешна.

Доказательством того, что сельскохозяйственная кооперация в СССР, несмотря на имеющиеся на отдельных ее участках искажения классовой линии, является бедняцко-середняцкой и ведет основные массы крестьянства не к капитализму, как утверждают троцкисты, а к социализму, — доказательством этого является факт массового вовлечения не только бедняцких, но и середняцких слоев крестьянства в коллективное движение.

При вовлечении бедноты в кооперацию нельзя исходить из взглядов правых, которые утверждают, что, так сказать, естественной формой кооперирования бедноты являются колхозы, ибо для того, чтобы вступить в сбытовую кооперацию, бедняку сначала надо иметь что сбывать. В связи с этим стоит другое утверждение правых, что основная масса крестьянства придет к социализму не через колхозы, а через кооперацию. Что в колхозы шли в течение восстановительного периода преимущественно бедняки, не подлежит никакому сомнению. Это видно из следующих данных:

Социальный состав членов колхозов (в %)
по РСФСР

Социальные группы	Коммуны		Артели		Товарищества	
	1920/21 г.	1925 г.	1920/21 г.	1925 г.	1920/21 г.	1925 г.
Бедняки	71,0	85,7	60,0	73,6	55,0	50,2
Середняки	23,3	12,8	36,4	25,2	42,4	48,7
Зажиточные	5,7	1,5	3,6	1,2	2,6	1,1
Итого	100	100	100	100	100	100

Как видим, бедняки составляют 85% числа членов коммун и 73% числа членов артелей. В товариществах же, т. е. в колхозах, являющихся наиболее простым и доступным видом коллективного хозяйства, число бедняков составляло в 1925 г.

только половину. Процент середняков в коммунах за 5 лет уменьшился, а в товариществах вырос. Это показывает, что и среднее крестьянство в течение восстановительного периода вовлекалось в колхозную кооперацию и что коллективные хозяйства, организуемые по преимуществу из бедняцких хозяйств, уже тогда оказывали свое влияние и на середняцкие хозяйства. По мере укрепления колхозов это влияние все более усиливается.

Из того, что колхозная кооперация опирается главным образом на бедняцкие слои деревни, нельзя сделать вывода о ненужности вовлечения бедноты в остальные виды сельскохозяйственной кооперации. Нельзя создавать отдельную середняцкую и отдельно бедняцкую кооперацию. Задача укрепления бедняцко-середняцкого блока для преодоления капиталистических элементов в деревне требует все большего проникновения и усиления роли бедноты во всей системе и во всех видах сельскохозяйственной кооперации.

Это нужно не только для обеспечения социалистического характера кооперации вообще, но и для обеспечения успехов колхозного движения, ибо в своей борьбе против коллективизации кулачество прибегает не только к открытой борьбе против колхозов, но пытается пропикнуть в самые колхозы для того чтобы разложить их изнутри.

В особенности эта борьба кулачества против колхозов обострилась в 1928 г., когда началось массовое коллективное движение.

Развитие колхозов до 1928 г.

При анализе движущих сил современного колхозного движения нельзя ни в коем случае пренебречь предшествующим развитием колхозов, ибо они сыграли не последнюю роль в подготовке того массового коллективистического движения, которое мы имеем теперь. На протяжении восстановительного периода колхозы развивались неравномерно. После перехода к нэпу в 1921 г., и в особенности в связи с обеспечением устойчивости и свободы выбора форм землепользования (законами 1921 и 1922 гг.), много коммун и артелей, созданных во время гражданской войны и служивших нередко для некоторых слоев крестьянства средством спасения от тягот продразверстки и даже раскулачивания, распалось естественным образом при первом же дуновении рыночной стихии. Наиболее здоровые и крепкие, нераспавшиеся коммуны и артели, не будучи приспособленными к условиям рыночного оборота, переживали острый финансовый кризис, из которого они выбрались с помощью государства. Нельзя конечно упустить из виду и того, что в первые 2—3 года нэпа государство по необходимости вынуждено было уделить главное внимание организации не колхозной кооперации, для того чтобы не упустить из-под своего влияния развивающуюся основную массу крестьянских хозяйств.

С 1924 г. начинается рост коллективных хозяйств из года в год и укрепление всей колхозной системы:

Движение числа колхозов по СССР

Годы	Коммуны	Артели	Т-ва по совместной обработке земли	Всего колхозов
1920	1 759	8 067	695	10 521
1921	3 015	9 777	2 497	16 628
1922	1 943	8 459	5 038	15 440
1923	1 874	6 809	5 319	14 002
1924	1 571	7 381	4 571	13 523
1925	1 829	8 802	4 547	15 178
1926	1 460	8 271	4 929	14 660
1927	1 328	7 866	8 290	17 484

Эти данные выявляют чрезвычайно характерную особенность колхозного движения — преобладание и наиболее устойчивое развитие простейших форм колхозов; коммуны же (высшая форма колхоза) имеют наименьший удельный вес и выявляют значительные количественные колебания. Несмотря на это, колхозы уже в течение восстановительного периода выявили все свои преимущества перед мелким индивидуальным крестьянским хозяйством. Как показывает ряд статистических данных, колхозы имели бо́льшую урожайность и доходность, чем мелкое бедняцкое и середняцкое хозяйство, но меньшую, чем зажиточное и кулацкое хозяйство. В связи с этим стоит другое отрицательное явление — текучесть состава и распад колхозов.

Разумеется, что колхозы, уступающие по своей производительности крепким индивидуальным хозяйствам, лишь частично могли служить примером для бедняцко-середняцкого хозяйства, поскольку колхозы давали более высокую урожайность, чем в мелких хозяйствах.

Основной причиной этих недостатков колхозов являлся и в значительной мере и сейчас является их малый размер и отсталая техническая база.

Задача укрупнения колхозов.

Подобно тому как мелкое крестьянское хозяйство менее производительно, чем колхоз, так и мелкий колхоз менее производителен, чем крупный. Если в колхоз об'единяются всего несколько хозяйств, то разумеется результат будет не очень показательный. Если даже они приобретают трактор, но площадь их посева равна нескольким десяткам *га*, то работа трактора может оказаться неren-

табельной. Отсюда необходимость укрупнения колхозов путем слияния мелких в более крупные.

Укрупнение колхозов вызывается также и соображениями классового характера. Как показала практика, в целом ряде случаев в мелких колхозах скрываются кулацкие элементы, которые используют колхозную фирму для получения ряда льгот по налогу, по закупке средств производства и т. д. Против таких лжеколхозов должна вестись самая решительная борьба.

Иногда бывает, что в мелкие колхозы вступают различной мощности хозяйства, — в таких случаях кулацкие элементы внутри колхоза эксплоатируют середняков и бедняков. Вот один из типичных примеров. В колхозе «Парижская коммуна» (т-во по общественной обработке земли), на Урале, размер месячного заработка безлошадных членов колхоза в мае 1929 г. равнялся нулю, однолошадников — 16 руб. 66 коп., двухлошадников — 39 руб. 27 коп., с тремя и больше лошадьми — 49 руб. 34 коп.

Мелкие колхозы с очень низкой степенью обобществления средств производства при отсутствии массы организованной бедноты в них являются скрытой формой индивидуального, зачастую кулацкого накопления.

Отсюда вытекает, что задача укрупнения колхозов прямым образом переплетается с необходимостью перехода от низших форм колхозов к высшим, с более высокой ступенью обобществления капиталов. В связи с этим стоит создание неделимых капиталов колхозов.

Классовая борьба в колхозном движении.

Когда эта задача была поставлена перед колхозами XVI партконференцией и V с'ездом советов СССР, кулачество усилило свою активность, в особенности когда колхозное движение приняло массовый характер. Нередки стали случаи, когда кулаки сами выступают инициаторами образования колхозов, продают свой рабочий скот и прибегают ко всевозможного рода ухищрениям. Было бы иллюзией думать, что кулак отказывается от своей классовой природы и собирается врасти в социализм. Практика показывает, что кулак, пробравшийся в колхоз, прежде всего начинает организовывать сопротивление всем мероприятиям по созданию неделимых капиталов, по укрупнению колхозов путем слияния мелких колхозов. Кулак прекрасно понимает, что укрупнение колхоза означает сплочение бедняцко-середняцкой колхозной массы, неизбежный переход к высшей форме колхоза, ибо крупный колхоз дает возможность применять высшую технику. А это в свою очередь означает высшую ступень обобществления средств производства. Кулак всеми средствами пытается задержать колхозное движение на его первоначальном этапе, разложить и дискредитировать его в глазах середняка.

Было бы опаснейшим самообманом, на который толкает правая оппозиция, думать, что внутри колхоза уничтожаются классовые различия и противоречия. Колхозное строительство — это классовая борьба в очень сложных формах, усложняющаяся и углубляющаяся тем более, чем шире становится коллективное движение. Это есть борьба не только до образования колхоза, не только вокруг, но и внутри колхозного движения.

И колхозное движение только в том случае выполнит свою задачу социалистического переустройства сельского хозяйства, когда бедняцко-середняцкие слои под руководством партии, в процессе непримиримой и решительной борьбы против кулака, завершат процесс укрупнения и поднимут колхозы от низших к высшим формам.

Новейший этап колхозного движения.

С 1929 г. усиливается движение за укрупнение колхозов. Появляются районы сплошной коллективизации целых округов, строятся крупные колхозы с посевными площадями в десятки тысяч гектаров.

Следующие данные характеризуют размах движения:

	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.
Количество колхозов	33 200	54 380	103 200
Количество крест. хозяйств в колхозах (в тыс.)	415	979	3 129
Посевы (в тыс. *га*)	1 388	4 262	15 000
В том числе зерновых	1 056	3 420	11 365
Крупного рогатого скота (в тыс. гол.)	147	335	3 350
Урожай (в центнерах с *га*)	8,7	8,5	9,1
Товарный хлеб (в тыс. *ц*)	3 952	12 615	48 785

Из этих данных легко вывести показатели укрупнения колхозов. Однако эти показатели не столь характерны, так как они говорят лишь о среднем размере колхозов. На деле мы имеем и крупные колхозы свыше 1 тыс. *га* на каждый. Удельный вес посевной площади этих колхозов во всей колхозной посевной площади поднялся с 2% в 1927/28 г. до 22,7% в 1929/30 г. В об'единяемых крестьянских хозяйствах их удельный вес составляет в 1929/30 г. 15,5%, в количестве тракторов — 68,5%, в количестве рабочих лошадей — 13,6%, в количестве коров — 31%, в валовой продукции — 24%, в товарной продукции зерна — 28%.

За последний год мы имеем значительные сдвиги и в обобществлении капиталов внутри колхозов: обобществление посевов поднялось с 51 в 1928 г. до 76% в 1930 г., лошадей — с 25 до 55%, коров — с 14 до 50%, свиней — с 20 до 40%, овец — с 20 до 41%, хозяйственных построек — с 82 до 40%.

Необходимо однако иметь в виду всю условность этих данных: колхозное движение растет таким бурным темпом, что опрокидывает все плановые предположения. Еще в начале 1929 г. Госплан проектировал к 1933/34 г. 94 тыс. колхозов, а уже в 1929/30 г. их — 103 тыс. Второй год пятилетки дает уже 57% выполнения всего пятилетнего плана по количеству коллективизируемых хозяйств, 65% выполнения по посевной площади и 60% выполнения пятилетнего плана по валовой продукции.

Но приведенных нами цифр достаточно для того, чтобы выявить самый размах и темп колхозного строительства.

Практика опрокинула все теории правой оппозиции не только по линии количественного размаха и темпа колхозного движения, но и по линии качественных достижений. Как на одно из таких достижений, следует указать еще на то, что по пятилетке предполагалось на 1 руб. государственных вложений в колхозы получить в 1932/33 г. 85 коп. товарной продукции, между тем уже в 1929/30 г. на 1 руб. государственных вложений колхозы дают 1 руб. 17 коп. товарной продукции.

«Правые заявляли о нереальности взятых темпов коллективизации и строительства совхозов, об отсутствии необходимых материально-технических предпосылок и нежелании бедняцко-середняцкого крестьянства переходить к коллективным формам земледелия. На самом деле, мы имеем столь бурный рост коллективизации, столь стремительную тягу бедняцко-середняцких хозяйств к социалистическим формам хозяйства, что колхозное движение уже начало на практике перерастать в сплошную коллективизацию целых районов. Это знаменует собою новый этап, новую полосу в переходном от капитализма к социализму периоде». (Из резолюции ноябрьского (1929 г.) пленума ЦК ВКП (б).)

Условия развития массовой коллективизации.

Что обусловило такой бурный рост колхозов? Во-первых, вся политика партии и советской власти на протяжении всего периода существования пролетарской диктатуры особо поощряла рост коллективных хозяйств. Льготы и преимущества колхозам закреплены во всех основных законах советского государства, во всех решениях партии и государства и во всей их практике.

Во-вторых, правильная линия партии в деле осуществления ленинского кооперативного плана, тот решительный отпор, который партия и массы рабочего класса дали троцкистским попыткам свернуть партию с ленинского пути и повести рабочий класс на разрыв союза с середняком. Осуществляя ленинский кооперативный план, ведя массы крестьянства через простейшие формы кооперирования к более высоким, партия столь же решительно дает отпор попыткам правой оппозиции задержать

движение на этапе кооперирования обращения, разоружиться перед лицом кулака и увековечить кулацкую кабалу. Организуя вопреки и против правых бедноту, партия прочно ведет за собой середняка и всколыхнула огромную энергию масс для социалистического переустройства.

В-третьих, преодолев троцкистский «сверхиндустриализм», партия взяла курс на быстрый темп индустриализации, осуществляя его против и вопреки правой оппозиции и создавая тем самым материально-техническую основу массовой социалистической реконструкции сельского хозяйства.

Если быстрый темп индустриализации является основным условием социалистической реконструкции сельского хозяйства, то уже первые два года этой реконструкции выявили абсолютно неотложную необходимость еще большего ускорения темпа индустриализации. То количество тракторов, которое намечено к производству пятилетним планом, уже сейчас оказывается недостаточным для удовлетворения потребностей развернувшейся массовой коллективизации. Отсюда тот крупный рост и превышение пятилетнего плана по промышленности, которые мы имеем на втором году пятилетия.

Для того чтобы закрепить успехи коллективизации, ускорение темпа индустриализации необходимо во что бы то ни стало.

Это закрепление идет по линии развертывания машинотракторных станций в первую очередь в районах наиболее развитого строительства коллективных хозяйств (§ 5 постановления СТО об организации МТС). Но каждая вновь созданная МТС еще больше ускоряет и расширяет процесс коллективизации, в которую будут втягиваться все новые и новые бедняцко-середняцкие массы. Это вызывает необходимость еще большего ускорения темпа индустриализации.

Столь же необходимой для закрепления успехов колхозного движения и для его дальнейшего развития является непримиримая классовая борьба против капиталистических элементов. «На нашей революции больше, чем на всякой другой, подтвердился закон, что сила революции, сила натиска, энергия, решимость и торжество ее победы усиливают вместе с тем силу сопротивления со стороны буржуазии. Чем мы больше побеждаем, тем больше классовые эксплоататоры учатся об'единяться и переходят в более решительное наступление». (Ленин, том XVI, стр. 347.) Классовая борьба прекратится только тогда, когда исчезнут классы.

А одним из основных, на данном этапе, решающих условий успеха пролетариата в обостряющейся классовой борьбе является непримиримая борьба против сознательных и невольных идеологов капиталистических элементов, против правой оппози-

ции в партии и группирующихся вокруг нее элементов вне партии.

Социалистическая реконструкция сельского хозяйства по пятилетнему плану.

Не ослабляя, а, наоборот, усиливая поддержку, оказываемую индивидуальным бедняцко-середняцким хозяйствам, и вовлекая их на путь обобществления, партия основные средства и усилия направляет на быстрейшее развитие и укрепление обобществленного сектора сельского хозяйства. Преодоление технико-экономической отсталости сельского хозяйства возможно только по линии строительства крупных совхозов и коллективизации широких слоев бедняцко-середняцкого крестьянства. Тем самым наносится решающий удар развитию кулацкого хозяйства и капиталистической тенденции развития крестьянского хозяйства. Уже первые два года пятилетия привели к сокращению посевной площади кулацких хозяйств. Но это сокращение не привело к общему сокращению всей посевной площади. Вся посевная площадь расширилась за счет расширения посевной площади бедняцко-середняцких хозяйств и главным образом совхозов и колхозов.

Пятилетний план намечает крупные темпы подъема производительных сил сельского хозяйства на основе его социалистической реконструкции. Но эти темпы в первые два года пятилетия значительно превзойдены, и нет никакого сомнения в том, что в дальнейшем они будут еще более превышены.

Мы приведем основные показатели социалистической реконструкции сельского хозяйства по пятилетнему плану для того, чтобы выявить общее направление развития.

Вся посевная площадь увеличивается с 115,6 млн. *га* в 1927/28 г. до 146,1 млн. *га* в 1933/34 г. [1], т. е. на 26,4%. Но при этом посевная площадь индивидуальных хозяйств увеличивается только на 6,4%, а колхозов — на 1245% и совхозов — на 316,6%. Удельный вес обобществленного сектора во всей посевной площади поднимается с 2% в 1927/28 г. до 20,3% в 1933/34 г.

При общем росте всей посевной площади на 26,4% посевная площадь зерновых вырастает на 16%, а технических культур — на 72,6%.

Урожайность зерновых культур с 1 *га* подымается на 35%. Этот рост урожайности идет главным образом за счет обобществленного сектора: в совхозах прирост урожайности — 56%, в колхозах — 34%, а в индивидуальных хозяйствах — 16%.

---

[1] Последний год действующего пятилетнего плана — 1932/33 г. Но так как с.-х. год начинается за полгода раньше, чем кончается общехозяйственный год, то последним годом пятилетия для сельского хозяйства надо считать 1933/34 г.

При общем росте всей сельскохозяйственной валовой продукции на 71,4% валовая продукция индивидуальных хозяйств дает прирост в 40,6%, колхозов — 3375%, совхозов — на 382%. При общем приросте всей зерновой продукции на 60% ее прирост по индивидуальному сектору составляет 28%, по колхозам — 1646%, по совхозам — 524%. Удельный вес обобществленного сектора во всей сельскохозяйственной валовой продукции увеличивается с 1,8% в 1927/28 г. до 19,5% в 1933/34 г., а в валовой продукции зерновых — с 2,1 до 21,1%.

Товарная часть сельскохозяйственной продукции растет гораздо быстрее валовой. Так вся товарная часть растет на 119,3% при росте валовой продукции на 71,4%. Товарная часть зерновых растет на 142,7% при росте валовой продукции зерновых на 60%.

Удельный вес обобществленного сектора во всей товарной продукции подымается с 4,4 до 25,3%, а в товарной части зерновых — с 7,5 до 42,6%.

Уже при таком темпе роста обобществленного сектора мы бы к концу пятилетия свели на-нет роль кулацких хозяйств в хлебоснабжении страны (кулацкие и зажиточные хозяйства в 1929 г. держали в своих руках около 40% всего товарного хлеба). Но действительный ход социалистической реконструкции сельского хозяйства дает все основания рассчитывать на гораздо больший удельный вес обобществленного сектора к концу пятилетия.

Так пятилетний план наметил посевную площадь обобществленного сектора в 1933/34 г. в 29,7 млн. *га*. Между тем мы уже в 1929/30 г. имеем 19,5 млн. *га* в этом секторе, т. е. 65% осуществления плана за первые два года пятилетия. Такой темп дает возможность осуществить к концу пятилетки не 20% удельного веса обобществленного сектора во всей посевной площади, а 50—60%. Удельный вес обобществленного сектора в товарном хлебе может быть доведен не до 42%, а до 60—70%.

Все это представляет собой такой коренной перелом и такие крупнейшие социальные и экономические сдвиги в сельском хозяйстве и в стране в целом, значение которых трудно переоценить. Это означает создание прочнейшей базы для завершения социалистической реконструкции и создания социалистического общества уже в течение ближайшего пятилетия, следующего за текущим пятилетием.

ГЛАВА VIII.

ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ ТРУДА.

Социалистическое строительство невозможно без активного участия в нем самых широких слоев рабочего класса. Рабочий класс, установив свою диктатуру, перестраивает все хозяйственные и другие общественные отношения.

Активное участие масс — важнейшее условие социалистического строительства.

Самым характерным для Советского государства, для нашего хозяйственного строительства является участие в нем широчайших масс рабочего класса и трудящегося крестьянства. Уже установление диктатуры пролетариата произошло в результате массового восстания рабочего класса и беднейшего крестьянства. Первые шаги советской власти в области закрепления своей политической победы и первые шаги ее на хозяйственном фронте сводились к тому, чтобы руками самой массы создать новый государственный аппарат и овладеть хозяйством (вспомним рабочий контроль). Почти трехлетняя гражданская война не могла бы закончиться победоносно, если бы массы рабочего класса и трудового крестьянства под его руководством не были втянуты не только в непосредственные боевые действия, но и в хозяйственное и политическое обслуживание армии.

«Созидателями этого (т. е. социалистического. — *Авт.)* общества могут быть только многомиллионные массы; как сотни были этими созидателями в эпоху крепостного права, как тысячи и десятки тысяч строили государство в эпоху капитализма, так теперь социалистический переворот может быть создан только при активном, непосредственном практическом участии в управлении государством десятков миллионов». (Из речи т. Ленина на II с'езде профсоюзов в 1919 г., т. XVI, стр. 23.)

Здесь Ленин подразумевал конечно не только управление государственным аппаратом, так как наше государство есть не только орган господства, но и орган переустройства общества на социалистических началах. Советское государство владеет довольно значительной частью всего народного хозяйства, и поэтому активное, непосредственное практическое участие в упра-

влении государством десятков миллионов означает также и участие их в социалистическом хозяйственном строительстве.

Без активного участия масс мы не смогли бы овладеть хозяйством, так быстро восстановить его и таким небывалым темпом разрешать огромные задачи реконструкции и индустриализации, которые стоят перед нами в настоящее время.

Профсоюзы — массовая организация рабочего класса.

Само собою разумеется, что участие массы рабочего класса в социалистическом строительстве должно происходить организованно. Профессиональные союзы и являются теми массовыми организациями рабочего класса, которые призваны организовать его поголовно и втянуть в дело социалистического строительства. Именно как массовое, поголовное об'единение рабочего класса профсоюзы являются организациями, через которые массы активно участвуют в социалистическом строительстве.

Что профсоюзы представляют собой действительно массовую организацию, видно из того, что например на 1 апреля 1925 г. профсоюзы об'единили 6 950,4 тыс., на 1 апреля 1926 г. — 8 768,2 тыс., а на 1 января 1928 г. — 10 381,4 тыс. рабочих и служащих. Эти цифры показывают, что в профсоюзах организованы огромные массы, почти все лица наемного труда.

Задача партии и союзов заключается в том, чтобы организованно втягивать эти массы в социалистическое строительство.

X с'езд ВКП.(б) (1921 г.) определил основную задачу профсоюзов в период переходный от капитализма к социализму следующим образом: «Профсоюзы — школа коммунизма».

Разумеется, что профсоюзы не смогут выполнить своей задачи — школы коммунизма, если они не будут охватывать подавляющее большинство рабочего класса. Если бы в союзы было организовано незначительное меньшинство рабочего класса, они не могли бы выполнить задачу вовлечения всей массы пролетариата в строительство социализма. Это предварительное условие превращения союзов в школу коммунизма, т. е. поголовное вовлечение рабочей массы в союзы, у нас выполнено почти полностью.

Профсоюзы и организация производства.

Важнейшая задача профсоюзов как школы коммунизма сводится к тому, чтобы вовлекать весь рабочий класс в организацию производства. Необходимо добиться того, чтобы каждый отсталый рабочий чувствовал и понимал, что с уничтожением господства капиталистов фабрики и заводы являются общественной собственностью его класса, что он должен относиться к производству, как к своему родному делу. Не все рабочие способны сразу, на второй день после свержения буржуазии, проникнуться этим сознанием до конца. Каждый рабочий знает, что государствен-

ное хозяйство является хозяйством обобществленным, работающим на благо трудящихся. Но не всякий способен претворить это сознание в действие. «Надо убедить в новых задачах, — говорил т. Ленин, — сотни миллионов людей, живших из поколения в поколение в рабстве и угнетении, подавлении всякой самодеятельности; миллионы рабочих, состоящих в профсоюзах, но несознательных еще политически, не привыкших видеть себя хозяевами; надо их организовать не для сопротивления власти, а для поддержки, для развития мероприятий своей рабочей власти, для проведения их до конца». (Речь на VIII с'езде советов в 1920 г.) Рабочий на предприятии должен почувствовать себя коллективным хозяином; в этом одна из основных задач профсоюзов.

«Профессиональные союзы, — указывает XV с'езд ВКП (б), — должны помочь отсталым слоям пролетариата осознать до конца, что именно пролетариат как класс является хозяином индустрии, что перед ним раскрываются огромные перспективы, если будут неустанно и неуклонно итти вперед индустриализация страны, рационализация ее хозяйства, строительство социализма».

Каким же способом профсоюзы должны учить массы управлению государством и организации социалистического хозяйства? Ленин отвечает: «Не из книжек, не из митингов, не из речей, а из практического управления». «Профессиональные союзы должны знать, что рядом с теми задачами об'единения организаций, которые частью ставятся, а частью отпали, но которые, во всяком случае, если бы даже они остались, не могут не остаться для нас мелкими, ставится более высокая задача: научить массу управлению, не по-книжному, не лекциями, не митингами, научить на опыте делать так, чтобы на место передового слоя, который пролетариат дал из своей среды, который он поставил командовать и организовывать, вступали все новые и новые слои рабочих. Чтобы на место одного деятеля из этого нового слоя пришло десять таких же». (Речь на II с'езде профсоюзов.) Это не значит, что профсоюзы должны взять непосредственно в свои руки управление производством, — это значит, что, участвуя во всех органах, руководящих хозяйством, профсоюзы должны в то же время выдвигать из среды рабочей массы новые слои для практического обучения управлению.

Производственные совещания.

Практика последних лет показала, что организационной формой, наиболее приспособленной для вовлечения широкой массы рабочих в хозяйственное строительство и для обучения рядовых рабочих делу управления производством, являются производственные совещания. Эти последние организуются непосредственно на предприятии, по цехам и по предприятию в целом, и в них могут прини-

мать участие все рабочие. Производственные совещания обсуждают ход работы на предприятии, ее недостатки и меры к их исправлению. Задача производственных совещаний заключается в том, чтобы выявить весь опыт рабочих, непосредственно занятых в производстве, и на основе этого опыта проводить ряд улучшений. Рабочий, стоящий у станка, видит ряд таких недостатков в организации производства, которые часто ускользают от взора администрации предприятия или треста. Поэтому производственные совещания должны сыграть крупную роль в деле реконструкции промышленности.

Администрация предприятия и правление треста при проведении того или иного мероприятия по улучшению производства должны предварительно ознакомить рабочих с целью этого мероприятия, так как без сознательного отношения и широкого содействия рабочих мероприятия по улучшению производства не будут иметь должного успеха. Производственные совещания призваны проводить в рабочую среду это сознательное отношение к нововведениям в производстве.

В круг деятельности производственных совещаний входят все вопросы, имеющие непосредственное отношение к производственной жизни предприятия: выполнение производственных программ, обсуждение всех мер по рационализации производства, по снижению себестоимости, по заготовке сырья и материалов, по производительности труда и т. д.

Привлекая низовые слои рабочих к обсуждению этих вопросов, производственные совещания тем самым становятся «наилучшей формой втягивания широких масс в дело практического строительства советского хозяйства, воспитания в них сознания тесной зависимости интересов трудящихся от степени хозяйственных успехов социалистического государства, выдвижения и воспитания новых кадров хозяйственников и администраторов из среды рабочих». (Из резолюции XIV с'езда ВКП (б) «О работе профсоюзов».)

Производственные совещания, организуемые и руководимые профсоюзами, превращают эти последние в действительную, практическую школу коммунизма.

Для успешности работы производственных совещаний необходимо одно существенное условие: чтобы широкие слои рабочих действительно были заинтересованы и принимали активное участие в этой работе. Производственные совещания должны являться массовой организацией, в противном случае они не будут в состоянии выполнять свою основную задачу. А активное участие и интерес рабочей массы к производственным совещаниям будут обеспечены в том случае, когда рабочие увидят, во-первых, что производственные совещания не только обсуждают вопросы, но что их предложения действительно проводятся в жизнь, и, во-

вторых, что на основе этого поднимается хозяйство и улучшается положение рабочих.

Производственные совещания не имеют никаких административных прав, и выдвигаемые ими предложения официально не являются обязательными для заводоуправления и правления треста. Но эти последние должны внимательно прислушиваться к голосу рабочих. В том и заключается последовательно-социалистический характер наших госпредприятий, что администрация предприятий не противостоит рабочим, а является только исполнителем воли и проводником политики рабочего класса. Рабочие предприятия и его правление работают над одним и тем же делом: над построением социализма. Поэтому хотя производственные совещания и не имеют административных прав, но их решения обязательны для администрации в том смысле, что она сможет успешно проводить свою работу только при условии поддержки со стороны рабочих, занятых в предприятии. Игнорирование хозяйственниками производственных совещаний означало бы утерю этой поддержки.

На практике однако наблюдались случаи невнимательного отношения хозяйственников к производственным совещаниям, волокита при осуществлении предложений последних. В результате получались заминки в работе производственных совещаний и некоторое падение интереса к ним со стороны рабочей массы. Поэтому ВСНХ и ВЦСПС в своем циркуляре от 18 июля 1926 г., подтвержденном XV конференцией ВКП (б), вменяют в обязанность низовым хозяйственным и профессиональным органам строго следить за выполнением предложений, принятых производственными совещаниями.

А обращение ЦК ВКП (б) «Ко всем членам партии, ко всем рабочим» (июнь 1928 г.) дает директиву:

«Оживление работы производственных совещаний, обеспечение на деле возможно более быстрого проведения в жизнь практических предложений рабочих. Привлечение к ответственности и примерное наказание всех виновных в саботаже этого дела. Превращение производственных совещаний в органы массового контроля, в органы втягивания рабочих масс в активное и сознательное социалистическое строительство, в могучее воспитательное средство, в рычаг действительной перестройки всех общественных отношений на фабрике и заводе, в шахте и руднике, в железнодорожном депо и в магазине. При этом необходимо обеспечить всемерное содействие производственным совещаниям со стороны органов РКИ и помощь Наркомату РКИ со стороны производственных совещаний как органов массового контроля».

Но не всегда осуществление предложений производственных совещаний зависит только от администрации предприятия. Для

того чтобы эти предложения могли проводиться в жизнь, необходимо, чтобы производственные совещания не выносили неосуществимых предложений. Поэтому надо так поставить работу производственных совещаний, чтобы каждый вопрос обсуждался всесторонне, чтобы решения принимались после надлежащего изучения вопроса.

Необходимо, чтобы административно-технический персонал предприятия выступал с достаточно обстоятельными и доступными для рабочих докладами и раз'яснениями.

Контрольные комиссии.

Для подготовки решений производственных совещаний последние должны выделять специальные производственные комиссии. XV партконференция предложила организовать в виде опыта временные контрольные комиссии из состава производственного совещания и фабзавкома; задача этих комиссий должна заключаться в том, чтобы за 2—3 месяца до доклада заводоуправления ознакомиться со всей работой предприятия и на пленуме совещания доложить результаты своего обследования наряду с докладом заводоуправления. Эти временные контрольные комиссии должны помочь производственным совещаниям с бо́льшим пониманием дела относиться к докладу заводоуправления, должны дать действительно обоснованную критику работы заводоуправления и обеспечивать принятие производственными совещаниями вполне жизненных и осуществимых предложений. А чем выше будет процент осуществленных предложений, тем активнее будут участвовать в производственных совещаниях все более широкие слои рабочих.

Первый опыт работы временных контрольных комиссий полностью себя оправдал, и контрольные комиссии получили широкое распространение.

Но одного только повышения процента осуществленных предложений еще мало для поднятия активности производственных совещаний. Необходимо также, чтобы рабочие ощутили непосредственное облегчение условий труда и улучшение уровня существования в результате проведения в жизнь решений производственных совещаний. Если, скажем, работа производственного совещания способствовала понижению себестоимости продукции, экономии накладных расходов и т. д. и следовательно увеличению прибыли предприятия и треста, необходимо, чтобы рабочие это ощутили в виде увеличения фонда по улучшению быта рабочих. Конечно не всякое осуществленное предложение производственного совещания или отдельных рабочих может непосредственно привести к повышению реальной заработной платы. Но в общей своей сумме и за определенный промежуток времени правильно поставленная работа производственных совещаний должна неизбежно привести к понижению цен на пред-

меты потребления рабочих и следовательно к повышению реальной заработной платы, к увеличению прибыли госпромышленности и следовательно к росту фондов по улучшению быта рабочих и также к повышению номинальной заработной платы.

В целях же создания непосредственной заинтересованности рабочих в работе по улучшению производства практикуется индивидуальное премирование авторов принятых предложений на основании «Положения о фонде содействия рабочему изобретательству и усовершенствованиям», изданного ВСНХ и ВЦСПС 22 января 1927 г.

Правильно поставленное премирование принятых предложений должно, наряду со всеми остальными мероприятиями, несомненно в сильной степени содействовать углублению работы производственных совещаний, вовлечению низовых слоев рабочих в активную творческую работу по реконструкции производства и «выдвижению новых кадров хозяйственников и администраторов из среды рабочих».

Реконструктивный период поставил перед рабочим классом ряд задач, неизмеримо более сложных и трудных, чем задачи восстановительного периода.

Осуществление этих задач требует максимальной мобилизации масс в частности вокруг работы производственных совещаний. Но профсоюзные организации недостаточно быстро перестроили весь темп и методы своей работы соответственно новым задачам. Весьма часто работа профсоюзных органов отставала от творческого под'ема масс.

Какие колоссальные творческие возможности заложены в массах и как можно эти возможности развернуть при правильном руководстве, показал всесоюзный смотр производственных совещаний, проведенный в начале 1929 г. В течение этого смотра, продолжавшегося всего несколько месяцев, рабочими через производственные совещания было внесено в несколько раз больше предложений, чем за весь 1928 г.:

Число внесенных предложений

	За время смотра	За весь 1928 г.
Днепропетровск	39 900	3 390
Северный Кавказ	19 620	3 450
Луганск	67 905	9 500
Иваново-Вознесенск	60 000	8 000
Артемовский округ	23 876	7 960
Баку	12 740	4 480

Всесоюзный смотр производственных совещаний выявил, что основная причина недостатков в работе производственных совещаний — недостаточное руководство этой работой со стороны профсоюзных органов. Смотр оживил работу производственных совещаний, представляя собой поворотный пункт в их развитии.

Социалистическое соревнование.

В настоящее время мы имеем новую форму втягивания широчайших масс в социалистическое строительство. Эта форма — социалистическое соревнование, идея которого была выдвинута т. Лениным в ряде его статей и выступлений еще в первые годы революции и которое стало уже неот'емлемым методом социалистического строительства, основным и решающим условием выполнения великих задач социалистического переустройства Советской страны.

«Соревнование есть коммунистический метод строительства социализма на основе максимальной активности миллионных масс трудящихся. На самом деле соревнование есть тот рычаг, при помощи которого рабочий класс призван перевернуть всю хозяйственную и культурную жизнь страны на базе социализма» (Сталин).

В социалистическое соревнование вступают между собой отдельные фабрики одной и той же отрасли промышленности или разных отраслей, соревнование развертывается между отдельными городами, между районами. В соревнование вступают цехи одного и того же предприятия, отдельные группы рабочих, отдельные рабочие. Социалистическое соревнование началось в феврале 1929 г. на ленинградском заводе «Красный выборжец» по инициативе комсомольской ячейки и в течение немногих месяцев распространилось по всей стране, вызвав небывалый под'ем инициативы многомиллионных масс на фронте хозяйственного строительства. Из многочисленных форм социалистического соревнования масс особое значение и распространение приобрели ударные бригады, первый всесоюзный с'езд которых открылся 5 декабря 1929 г. в Москве.

ЦК ВКП(б) в своем постановлении «О социалистическом соревновании фабрик и заводов» (от 9 мая 1929 г.) намечает следующие конкретные задачи социалистического соревнования: «Выполнение и превышение промфинпланов, выполнение и превышение намеченных норм по снижению себестоимости и поднятию производительности труда, улучшение качества продукции, борьба с прогулами и браком, уменьшение накладных расходов, достижение образцовой производственной дисциплины, активное проведение технических усовершенствований и рационализация производства с широким привлечением рабочего изобретательства».

Нельзя противопоставлять производственные совещания и социалистическое соревнование. Производственные совещания пред-

ставляют собой организационную форму втягивания масс в социалистическое строительство, а соревнование есть метод этого втягивания и метод самого социалистического строительства через массы. Производственные совещания обсуждают мероприятия по улучшению производства, на них массы выдвигают ряд предложений. Методом социалистического соревнования сами массы осуществляют намечаемые мероприятия. Соревнование идет между массами рабочих в самом процессе производства, оно означает всесторонний под'ем производственной активности масс в повышении производительности, улучшении качества, снижении себестоимости продукции и т. д.

Основное в соревновании заключается в том, что это социалистическое соревнование, в котором соревнующиеся рабочие ставят своей целью прежде всего достижение общеклассовой цели — скорейшего построения социализма. При проведении соревнования премируются лучшие рабочие, лучшие ударные бригады, цехи и т. д. Но это премирование не является просто прибавкой к зарплате, это — премия, выдаваемая по конкурсу как награда от пролетарского государства за примерную работу. Разлившееся широкой волной по всей Советской стране социалистическое соревнование показало, что не эти материальные премии являются двигательной силой соревнования. В большинстве случаев соревнование не связывается с непосредственной материальной выгодой для участвующих в нем рабочих, оно является результатом выросшего чувства ответственности широких масс рабочего класса за судьбу социализма, результатом роста классового сознания на основе предшествующих достижений социалистического строительства.

Достижения восстановительного периода и первого этапа реконструктивного периода показали широчайшим массам рабочего класса те грандиозные перспективы, которые открываются перед нами. Конкретизация этих перспектив в виде пятилетнего плана усилила трудовой под'ем масс и решимость во что бы то ни стало преодолеть все трудности и в кратчайший срок выполнить первый план великих работ по построению социалистического общества.

«Коммунизм начинается там, где появляется самоотверженная, преодолевающая тяжелый труд, забота рядовых рабочих об увеличении производительности труда» (Ленин).

Эта «забота рядовых рабочих об увеличении производительности труда» для ускорения социалистической реконструкции и составляет важнейшую особенность социалистического соревнования.

Вместе с тем социалистическое соревнование миллионных масс есть борьба за искоренение всех недостатков нашей работы, работы на производстве, работы государственного аппарата, куль-

турно-бытовых учреждений. Уже один тот факт, что в соревновании участвуют огромные массы, придает соревнованию характер массовой борьбы против бюрократических извращений.

«Социалистическое соревнование есть выражение деловой революционной самокритики масс, опирающейся на творческую инициативу миллионов трудящихся. Всякий, кто стесняет, сознательно или бессознательно, эту самокритику и эту творческую инициативу масс, должен быть отброшен прочь с дороги как тормоз нашего великого дела.

Опасность бюрократизма выражается конкретно прежде всего в том, что он связывает энергию, инициативу и самодеятельность масс, он держит под спудом колоссальные резервы, таящиеся в недрах нашего строя, в недрах рабочего класса и крестьянства, он не дает использовать эти резервы в борьбе с нашими классовыми врагами. Задача социалистического соревнования состоит в том, чтобы разбить эти бюрократические путы, открыть широкое поприще для развертывания энергии и творческой инициативы масс, выявить колоссальные резервы, таящиеся в недрах нашего строя и бросить их на чашку весов в борьбе с нашими классовыми врагами как внутри, так и вне нашей страны» (Сталин).

Втягивая широчайшие массы в социалистическое соревнование, партия сплачивает силы рабочего класса и беднейшего крестьянства для того, чтобы в прочном союзе с середняком преодолеть сопротивление классовых врагов. XVI конференция ВКП(б) в своем обращении ко всем рабочим и трудящимся крестьянам Советского Союза призывает массы к соревнованию «для преодоления трудностей социалистического соревнования, для развертывания дальнейшего наступления на капиталистические элементы в городе и деревне, для выполнения пятилетнего плана».

Начавшись на фабриках и заводах, социалистическое соревнование перекинулось на сельское хозяйство (соревнование совхозов, колхозов, деревень и округов), на государственный и профсоюзный аппарат. Рабочие массы об'явили войну всем неполадкам на производстве, такая же беспощадная война должна вестись и с недостатками аппарата, обслуживающего производство, обслуживающего массы. «Соревнование должно вести к перестройке форм и методов работы наших общественных и государственных организаций, в первую очередь профсоюзов и хозорганов, способствуя широкому вовлечению масс в управление хозяйством и всем государством» (воззвание XVI конференции ВКП(б).

Явившись, в известной мере, результатом создания пятилетнего плана великих работ, соревнование стало основным и решающим условием выполнения этого плана. «Соревнование и пятилетка, —

указывает XVI конференция, — неразрывно связаны между собой. Под знаком выполнения этих задач пролетариат СССР идет в дальнейшее наступление на классовых врагов пролетарской диктатуры».

Социалистическое соревнование не является какой-то кратковременной переходящей «кампанией». Это — «коммунистический метод социалистического строительства» (Сталин), который должен не только обеспечить решение задач пятилетки, но создать совершенно новые общественные отношения внутри предприятий и во всей стране. Социалистическим соревнованием мы не просто выполняем и превышаем производственные программы, мы их выполняем таким образом, что создаем «новый тип социалистического рабочего на советских фабриках и заводах» (XVI конференция). Через социалистическое соревнование происходит социалистическое перевоспитание масс, то перевоспитание, без которого немыслим социализм.

Упорядочение управления производством и единоначалие.

Усложнение задач социалистической реконструкции, втягивание огромных масс в практическое решение этих задач с особой силой выдвигает необходимость упорядочения управления производством и установления единоначалия. Необходимо так организовать всю работу на предприятии, чтобы при бурном росте активности масс достигнуть четкого разграничения функций между внутризаводскими организациями в целях четкого и быстрого выполнения стоящих перед предприятием задач. В своем постановлении об установлении единоначалия (7 сент. 1929 г.) ЦК ВКП(б) указывает:

«Успешное проведение курса партии на индустриализацию, успешное развитие промышленности, особенно в сложных условиях ее технической реконструкции, зависит от правильной организации производства и управления им, т. е. от обеспечения твердого порядка и крепкой внутренней дисциплины на производстве. Между тем ЦК ВКП(б) вынужден констатировать, что, несмотря на большие достижения в области развития промышленности, до сих пор мы еще не добились необходимого порядка в деле управления предприятиями: нет четкого и достаточно строгого разграничения функций и обязанностей между заводскими организациями — между директором, завкомом и партячейкой; на предприятиях все еще имеет место непосредственное вмешательство партийных и профсоюзных органов в оперативно-производственную работу заводоуправлений. Следствием этого является случайное и подчас ошибочное решение хозяйственных вопросов, фактическое прикрытие различных ошибок и недочетов в руководстве и управлении производством решениями ячеек и завкомов и ослабление ответственности директоров за производство. С другой стороны, имеют место факты

совершенно недопустимого отношения заводской администрации к парт- и профорганизациям, бюрократического игнорирования совершенно правильных, основанных на директивах партии решений партячеек и заводских комитетов, а также производственной инициативы масс.

Сложность хозяйственной работы в нынешний период, введение новых методов и процессов производства, громадное развертывание производства и строительства требуют решительного устранения этих ненормальностей, так как без этого невозможно обеспечить укрепление трудовой дисциплины, поднятие производительности труда, улучшение организации производства и осуществление режима экономии — этих важнейших задач рабочего класса. Необходимо уяснить себе, что каждая ошибка, каждая неслаженность в предприятии в конце концов бьет по интересам рабочего класса, по интересам пролетарской диктатуры. Поэтому необходимо установить такой порядок управления производством, который гарантировал бы подчиненность и ответственность каждого занятого в производстве лица — от директора до рядового рабочего — за порученное ему дело и который исключал бы безответственность, путаницу и фактическое безначалие на производстве, вытекающее из вмешательства одного органа в функции другого».

Такое разграничение функций означает прежде всего укрепление единоначалия на предприятии. Директор предприятия отвечает за выполнение задания, стоящего перед предприятием, и пользуется для этого определенными правами. «Все его оперативно-хозяйственные распоряжения как для нижестоящей администрации, так и для рабочих безусловно обязательны, какое бы положение они ни занимали в партийных, профессиональных и иных органах» (Постановление ЦК ВКП(б). Но во всей своей работе администрация предприятия должна «уметь сочетать методы всей своей организационно-административной деятельности с необходимостью развития творческого почина рабочих масс».

Партийные ячейки на предприятиях, не вмешиваясь в распоряжения администрации, руководят «общественно политической и хозяйственной жизнью предприятий таким образом, чтобы обеспечить выполнение профессиональными и хозяйственными органами основных директив партии». «Профессиональные организации на предприятиях, непосредственно отстаивая и защищая повседневные культурно-бытовые и экономические нужды рабочих, должны в то же время быть энергичными организаторами производственной активности и самодеятельности рабочих масс».

Для того чтобы обеспечить полное использование инициативы рабочих масс и установить бо́льшую связь администрации

предприятия с органами рабочей самодеятельности, ЦК постановил в виде опыта на ряде предприятий назначить «председателей производственных совещаний на время их выборности помощниками директоров специально по реализации решений производственных совещаний и комиссий и предложений рабочих».

На современном этапе социалистического строительства укрепление единоначалия и разграничение функций между внутризаводскими организациями при максимальном укреплении связи между ними означает значительный шаг вперед в деле перестройки всех общественных отношений на фабрике.

Социалистическое соревнование, охватывающее все более широкие массы рабочего класса, создающее у них новое отношение к производству, не снимает с порядка дня одной из основных задач нашей политики и, в частности, работы профсоюзов.

Это — задача сочетания личных интересов отдельных рабочих и групп рабочих с общеклассовым интересом скорейшего построения социализма.

Временные групповые и длительные общеклассовые интересы.

Рабочий класс неоднороден. Наряду с передовыми классово сознательными рабочими, организованными в партию, мы имеем широкие массы, идущие за партией, все более вовлекающиеся в самоотверженную социалистическую работу; мы имеем отсталые слои, вливающиеся из деревни в ряды рабочего класса и приносящие с собой мелкособственническую психологию и взгляд на государственную, социалистическую промышленность, как на хозяйство, с которого надо урвать побольше и которому нужно дать поменьше. Одним словом, мы имеем в рабочем классе слои, которые свои временные групповые интересы ставят выше длительных общеклассовых интересов. Задача партии, профсоюзов, задача всей нашей работы заключается в том, чтобы перевоспитать эти слои. Но «одним махом» нельзя создать в сознании всех рабочих понимания полной тождественности личных, непосредственных интересов и интересов строящегося социализма. Поэтому нужно в переходный период не отказываться и от мер личного поощрения. «Мы должны помнить, что к производственной пропаганде, которую мы твердо решили проводить, присоединяется еще способ воздействия иного рода: это — премирование натурой... Мало говорить крестьянам и рабочим: напрягайте трудовую дисциплину. Надо кроме того им помочь, надо вознаградить тех, которые после неизмеримых бедствий продолжают проявлять героизм на трудовом фронте». Это т. Ленин говорил на VIII с'езде советов в декабре 1920 г., когда гражданская война была уже закончена и когда уже стала вырисовываться необходимость перехода к новой экономической политике.

Нэп, по выражению Ленина, является той политикой, в которой мы нашли форму и степень соединения, сцепления частного хозяйственного интереса мелкого товаропроизводителя с государственным интересом обобществления хозяйства. Это относится не только к крестьянскому хозяйству, но отчасти (в меньшей конечно мере) и к рабочему. Необходимо использовать полностью личную заинтересованность отдельных рабочих в целях повышения производительности труда. Это не значит конечно, что с переходом к нэпу мы отказываемся от формы и методов коллективного воспитания, — это только значит, что создание коллективной психологии и коллективной заинтересованности должно опираться также на личную, индивидуальную заинтересованность. «Рабочий никогда не был отделен китайской стеной от старого общества. У него сохранилось много традиционной психологии капиталистического общества» (речь на II с'езде профсоюзов).

Но такой путь, путь соединения частного интереса и общественного, в условиях рынка может вызвать и столкновение этих интересов. Рабочий нанимается на работу в государственном предприятии, работающем на основах хозрасчета, т. е. стремящемся к прибыльному ведению хозяйства. По существу нет абсолютно никаких противоречий между интересами этого рабочего и интересами госпромышленности: рабочий нанимается к своему же классу. Однако перевод госпредприятий на коммерческие основания, «в связи с настоятельнейшей необходимостью повысить производительность труда, добиться безубыточности и прибыльности каждого предприятия, в связи с неизбежным ведомственным интересом и преувеличением ведомственного усердия, неминуемо порождает известную противоположность интересов по вопросам условий труда в предприятии между рабочей массой и директорами, управляющими госпредприятий или ведомствами, коим они принадлежат. Поэтому по отношению к социализированным предприятиям на профсоюзы безусловно ложится обязанность защищать интересы трудящихся, способствовать, по мере возможности, повышению материального их быта, постоянно поправляя ошибки и преувеличения хозяйственных органов, поскольку они вытекают из бюрократического извращения госаппарата» (резолюция XI с'езда ВКП (б).

Само собой разумеется, что задача профсоюзов на предприятиях частнокапиталистических и госкапиталистических, существующих у нас при нэпе, заключается во всемерной защите интересов рабочего класса. Но и в государственных предприятиях эта задача, как мы сейчас видели, не отпадает, но она сводится не к классовой борьбе между пролетариатом и его государством, а к борьбе с недостатками, вытекающими из нашей отсталости. «Наше теперешнее государство таково, что поголовно организованный пролетариат защищать себя должен, а мы должны эти

рабочие организации использовать для защиты рабочих от своего государства и для защиты рабочими нашего государства» (Ленин, О профсоюзах, о текущем моменте и об ошибке т. Троцкого). Защита рабочих от своего государства и защита ими своего государства — вот чрезвычайно своеобразное и противоречивое положение профсоюзов в переходный период. Рабочие должны не просто участвовать в управлении государством, в организации производства, — они должны это делать, одновременно защищая свои интересы, интересы наемного труда, от бюрократических извращений того же самого государства, которым они сами же и управляют. В этом и заключается вся трудность работы профсоюзов.

Нельзя понимать цитированные слова Ленина односторонне, как их понимают правые элементы в профдвижении, т. е. только как защиту рабочих от своего государства. Профсоюзы должны быть использованы и «для защиты рабочими нашего государства». «И та и другая защита осуществляются через своеобразное сплетение наших государственных мер и нашего соглашения, «сращивания» с нашими профсоюзами» (Ленин, там же).

С другой стороны, политическая неразвитость и культурная отсталость отдельных слоев трудящихся масс часто и неизбежно приводят к тому, что эти слои рабочих не хотят и не умеют поступиться своими временными интересами ради интересов государства, ради интересов своего класса в целом. Наиболее яркое выражение это получает в вопросах заработной платы. Советское государство должно создать такой уровень материального благополучия рабочего класса, которого не было и не могло быть при капитализме, но этого невозможно достигнуть сразу. Необходимо всегда сообразовать рост заработной платы с фактическими возможностями, с интересами развития производства, с интересами индустриализации. Если темп роста заработной платы таков, что задерживает рост промышленности, — необходимо замедлить рост зарплаты, так как без развивающейся промышленности невозможно ни построение социализма, ни улучшение положения рабочего класса в ближайшем будущем. Но эта необходимость сочетать, увязать рост зарплаты с необходимостью быстрого развития промышленности, — воспринимается иногда отсталыми слоями рабочих как нежелание со стороны государства удовлетворить требования рабочих. И в глазах отсталых масс государство выступает как враждебная интересам рабочих сторона. В этом деле на долю профсоюзов выпадает сугубо ответственная роль: с одной стороны, всемерно защищать интересы рабочих от действительных бюрократических извращений государственного аппарата, а с другой — доказать рабочим, убедить самых отсталых в необходимости подчинения индивидуальных интересов интересам общеклассовым.

«Из всего вышеизложенного вытекает ряд противоречий между различными задачами профсоюзов. С одной стороны, — их главный метод действия — убеждение, воспитание, с другой — они не могут отказаться, как участники госвласти, и от участия в принуждении. С одной стороны, их главная задача — защита интересов трудящихся масс в самом непосредственном и ближайшем смысле слова. С другой — они не могут отказаться от нажима, как участники госвласти и строители всего нархозяйства в целом. С одной стороны, они должны работать по-военному, ибо диктатура пролетариата есть самая ожесточенная, самая упорная, самая отчаянная война классов. С другой — именно к профсоюзам всего менее применимы специфически военные методы работы. С одной стороны, они должны уметь приспособляться к массе, к ее данному уровню, с другой — они никоим образом не должны потакать предрассудкам и отсталости массы, а неуклонно поднимать ее на уровень все более и более высокий и т. д. и т. д. Эти противоречия не случайны и не устранимы в течение ряда десятилетий. Ибо пока есть остаток капитализма и мелкого производства, неизбежны противоречия во всем общественном строе между этими остатками и ростками социализма» (резолюция XI партс'езда).

Борьба с правой опасностью в профсоюзах.

Поскольку профсоюзы охватывают почти поголовно не только рабочий класс, но и всех лиц наемного труда, и поскольку в рабочем классе имеются разные прослойки, то в самой массе членов профсоюзов не могут не иметь места мелкобуржуазные влияния. Задача руководящих органов профсоюзов заключается в преодолении этих влияний. На настоящем этапе развития социалистического строительства, этапе, характеризуемом в первую очередь быстрым темпом индустриализации и социалистического переустройства сельского хозяйства, профсоюзы должны более чем когда-либо перестроиться по линии решения и вовлечения всей членской массы в борьбу за решение стоящих перед социалистическим строительством задач. В настоящее время более чем когда-либо необходимо усилить раз'яснительную работу среди отсталых слоев рабочего класса с целью подчинения временных групповых интересов длительным общеклассовым интересам. «Лицом к производству» — таков лозунг профсоюзов на современном этапе.

Всякое умаление значения этого лозунга, всякое замедление в перестройке работы союзов в этом направлении есть не что иное, как проявление правого уклона. Поскольку иногда в рядах рабочего класса проявляются мелкобуржуазные влияния, они в настоящее время выражаются в противодействии или, в лучшем случае, в безразличном отношении к быстрому темпу индустриализации, который может быть осуществлен только при максимальном напряжении всех сил. Профсоюзный работник, не

дающий отпор рваческим настроениям отдельных групп рабочих, плетущийся в хвосте этих настроений, на деле проводит не линию партии, а линию правых. Такой работник, вместо того чтобы превратить профсоюз в школу коммунизма, тормозит социалистическое строительство; отказываясь от мобилизации масс для преодоления трудностей, он тем самым обезоруживает пролетариат перед лицом классового врага, ибо современная обстановка классовой борьбы повелительно диктует нам не вообще индустриализацию, а индустриализацию, проводимую быстрым темпом.

В профсоюзной практике приходится встречать противопоставление защитных функций профсоюзов лозунгу «лицом к производству». Задача профсоюзов заключается-де только в обеспечении уровня зарплаты, условий охраны труда и т. д. Такой взгляд обнаруживает полное непонимание или, вернее, узкоцеховое понимание задач профсоюзов в СССР вообще и особых задач профсоюзов в период социалистической реконструкции. Профсоюзы должны защищать интересы рабочих от бюрократических извращений, от чрезмерного «ведомственного усердия» отдельных хозяйственников, которые стремятся выполнять программы путем ухудшения положения рабочих. Но эту защитную работу профсоюзы должны вести, борясь одновременно против этих извращений именно путем вовлечения всей рабочей массы в дело улучшения производства, хозяйственного и всего государственного аппарата. Именно теперь, когда миллионные массы рабочих вовлечены в социалистическое соревнование и через широкую самокритику под руководством партии выправляют все недостатки производства и управления, противопоставление лозунга «профсоюзы — лицом к производству» защитной работе профсоюзов — означает прямой отказ от осуществления тех задач социалистического строительства, которые должны покончить со всякого рода бюрократическими извращениями нашего аппарата. Противопоставление защитных и производственных задач профсоюзов есть на деле отрицание социалистического характера советской госпромышленности и всего нашего строительства.

Профработник, который думает, что можно повысить зарплату, не борясь одновременно за повышение производительности труда, т. е. не усиливая производственной работы союзов, не усиливая руководства социалистическим соревнованием и т. д., — этот профработник не понимает, что главным условием коренного улучшения положения рабочего класса в СССР является преодоление нашей технико-экономической отсталости на путях быстрой индустриализации.

Правый уклон в профсоюзной работе проявляется еще в форме пренебрежения так называемой деревенской работой профсоюзов. На современном этапе социалистического строительства непосредственная помощь организованных в профсоюзы масс де-

ревенской бедноте и середняцкому крестьянству абсолютно необходима. В первую очередь необходимо вовлечение в профсоюзное движение сельскохозяйственного пролетариата, и не только для защиты батрака от кулацкой эксплоатации, но и для организации крупного социалистического сельского хозяйства. Подобно тому как работа государственной промышленности не мыслима без активного участия масс индустриального пролетариата, так и организация и работа крупных совхозов невозможна без организованного участия занятых в совхозах рабочих. Организация сельскохозяйственного пролетариата является основным условием организации и правильной работы групп бедноты, о которых мы уже говорили в предыдущей главе.

Особой задачей деревенской работы профсоюзов является усиление работы среди сезонных рабочих, которые значительную часть года проводят в деревне (преимущественно строительные рабочие).

Кроме усиления союза работников земли и леса и работы среди сезонников, деревенская работа профсоюзов заключается и в прямой помощи всех союзов колхозному движению, в активной помощи членов профсоюзов проведению хлебозаготовительной кампании и т. д.

Очень многие рабочие до сих пор имеют в деревне свои хозяйства. Часть из них держит постоянных батраков. Совершенно понятно, что рабочие, имеющие в деревне свои хозяйства, не могут остаться в стороне от колхозного движения. Наоборот, они должны показать пример остальным крестьянам и быть застрельщиками коллективизации. Перед профсоюзами стоят задачи повести в этом направлении соответствующую работу.

В развернувшейся классовой борьбе по социалистическому переустройству сельского хозяйства рабочие массы должны принимать прямое участие, ибо без такого участия невозможно осуществление союза пролетариата и деревенской бедноты с середняком против кулака, невозможно, следовательно, массовое социалистическое переустройство мелкого крестьянского хозяйства. Ноябрьский (1929 г.) пленум ЦК ВКП(б) признал необходимым послать в деревню для укрепления колхозного движения не менее 25 тыс. рабочих с достаточным организационно-политическим опытом. «В выборе этих рабочих профсоюзы должны принять активнейшее участие, выделяя наиболее передовых рабочих». «Пленум ЦК констатирует растущую тягу промышленных рабочих к активному участию в коллективизации деревни, выражающуюся в массовой организации рабочих бригад, в выдвижении инициаторов и организаторов колхозного строительства, в участии рабочих в производственных совещаниях колхозов, проведении «Дня урожая и коллек-

тивизации» и т. д. Эта массовая инициатива рабочих фабрик и заводов должна быть всемерно поддержана и развита, особенно на основе взаимной производственной заинтересованности. Должна быть усилена работа шефских обществ по коллективизации деревни, ускорена организация новых обществ содействия коллективизации земледелия, усилено участие рабочих в проведении в колхозах контрактации для снабжения промышленности сырьем и рабочих центров продовольствием, расширена практика заслушивания докладов колхозов на предприятиях, посылка рабочих бригад в колхозы и т. д.» (из резолюции пленума ЦК ВКП(б) о колхозном строительстве).

Поэтому игнорирование деревенской работы профсоюзов означает на деле отказ от руководства классовой борьбой в деревне и от социалистической реконструкции сельского хозяйства, означает проведение не партийной линии, а линии правой оппозиции.

Таким же проявлением правого уклона в профсоюзном движении является недостаточно внимательное отношение к самокритике, рассматривание критики снизу как посягательство на авторитет руководства. Недостаточное развертывание самокритики означает торможение инициативы и самодеятельности масс, которые полны решимости преодолеть все препятствия и трудности, стоящие на пути быстрого темпа индустриализации.

Совершенно ясно, что преодоление правого уклона в профдвижении является такой же настоятельной задачей, как и во всех остальных областях социалистического строительства. Профсоюзы не смогут выполнить свою великую роль массовой школы коммунизма, если они в развернувшейся борьбе за коммунизм не преодолеют всех колебаний и шатаний отдельных прослоек рабочего класса, не разоблачат и не преодолеют правую опасность в своих собственных рядах.

Политика заработной платы.

Важнейшим вопросом, при решении которого необходимо каждый раз с особой тщательностью сочетать временные групповые и частные интересы отдельных групп рабочих с длительными и общепролетарскими интересами социалистического строительства, — является вопрос о регулировании уровня заработной платы.

Задача профсоюзов, партии и государства в политике заработной платы (или — иначе — тарифной политике) сводится к тому, чтобы, повышая уровень заработной платы, не перешагнуть тех пределов, за которыми начинается замедление социалистического накопления и подрывается, следовательно, материальная основа коренного улучшения условий жизни рабочего класса в будущем. Таков основной принцип регулирования заработной платы в Союзе советских социалистических республик.

Чтобы этот принцип был понят каждым, даже самым отсталым рабочим, недостаточно раз'яснять его только общими соображе-

ниями об интересах социалистического строительства, — необходимо еще каждый раз показать рабочим на конкретных, наиболее близко их затрагивающих вопросах, как этот принцип осуществляется. При установлении тарифных ставок путем коллективного договора между профсоюзом и трестом необходимо выносить предварительно эти ставки на обсуждение рабочих данного предприятия. Надо показать, что состояние производства в данном предприятии или тресте позволяет установить только определенный уровень заработной платы, что если перешагнуть этот уровень, предприятие перестанет развиваться, что угрожает ухудшением условий труда в будущем. Все эти соображения о возможных пределах увеличения зарплаты должны быть строго обоснованы для того, чтобы масса рабочих могла действительно убедиться в их правильности. Поэтому правильная постановка обсуждения коллективного договора всеми рабочими, непосредственно в этом договоре заинтересованными, имеет первостепенное значение в деле сочетания временных и групповых интересов с длительными общеклассовыми интересами.

Коллективный договор налагает не только на хозяйственные органы, но и на профсоюз и на рабочих, от имени которых профсоюз заключает договор, ряд обязательств, особенно в части соблюдения трудовой дисциплины, повышения производительности труда, бережного обращения с оборудованием и т. д. При обсуждении коллективного договора рабочими оба ряда обязательств как хозоргана, так и рабочих, должны быть тесно увязаны и взаимно обусловлены: намечаемая зарплата должна быть поставлена в тесную связь с определенным повышением производительности. Такая увязка является наилучшим способом сочетания временных, личных интересов отдельных рабочих и общеклассовых интересов.

Из всего сказанного выше о сущности социалистического строительства и его основных задач (см. главу IV), о социалистическом характере нашей госпромышленности и об основном принципе регулирования заработной платы видно, что, несмотря на необходимость личного поощрения рабочих и на возможные конфликты между рабочими и администрацией предприятия по вопросам зарплаты, — уровень зарплаты в госпредприятиях СССР в основном обусловливается совершенно другими причинами, чем в капиталистическом строе.

Уже по самому своему существу зарплата, получаемая рабочими в наших государственных предприятиях, коренным образом отличается от зарплаты рабочих, работающих в капиталистическом предприятии. В капиталистическом обществе рабочий продает свою рабочую силу капиталисту, а зарплата, по существу, есть цена этого единственного товара, принадлежащего рабочему, — цена его рабочей силы. Все, что рабочий класс создает, принадлежит целиком и полностью классу капиталистов, у которых рабочий должен покупать на получен-

ную зарплату предметы существования. Совсем иначе обстоит дело у нас, в государственных предприятиях. С внешней стороны кажется, что рабочий у нас тоже продает свою рабочую силу. Но ведь он ее продает своему же классу. Рабочий же класс в целом не может самому себе продавать свою же рабочую силу. Очевидно, что у нас зарплата является старой формой какого-то нового содержания. Новое здесь заключается в том, что, в то время как при капитализме за получаемую зарплату рабочий класс в целом (а не только отдельные рабочие) отчуждает свою рабочую силу другому, эксплоатирующему его классу, — у нас рабочая сила фактически перестает быть товаром, так как товаром является только то, что отчуждается за известную цену. У нас же рабочий класс в целом (здесь не принимается во внимание та часть пролетариата СССР, которая работает в частных предприятиях) свою рабочую силу не отчуждает (ибо нельзя же отчуждать самому себе), а потребляет, использует ее сам. Хотя по внешней своей форме зарплата, получаемая каждым рабочим в отдельности, еще является платой за проданную рабочим госпредприятию (т. е. своему же классу) рабочую силу, но фактически, по существу, она уже есть форма, при помощи которой устанавливается доля участия отдельных рабочих в потреблении созданного рабочим же классом продукта.

Далее, в то время как в капиталистическом обществе весь продукт, создаваемый рабочим классом, принадлежит классу капиталистов — пролетариат получает в нем свою долю, соответствующую полученной им зарплате, — продукт, создаваемый рабочим классом в наших госпредприятиях, весь принадлежит ему же в лице его государства, и, за вычетом личного потребления рабочего класса, этот продукт поступает в фонд социалистического накопления. Вот почему т. Ленин назвал советские госпредприятия предприятиями «последовательно-социалистического типа».

Уровень зарплаты в капиталистическом строе есть результат классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией и зависит от соотношения сил борющихся сторон. У нас зарплата устанавливается путем согласования возможностей личного потребления и социалистического накопления; при этом происходит не борьба классовых интересов (так как строительство социализма и есть наиболее общий и наивысший интерес рабочего класса), а борьба рабочего класса в целом за подчинение цеховых интересов отдельных прослоек рабочего класса общеклассовым интересам.

Указанные особенности зарплаты в наших госпредприятиях, отличающие ее от зарплаты рабочих в капиталистических странах, подтверждаются и данными о движении заработной платы в СССР. Выше, в главе о промышленности, мы видели ту связь, которая должна существовать между производительностью труда и заработной платой: интересы социалистического строительства требуют того, чтобы производительность росла быстрее зарплаты. Если в первый период нэпа, в период восстановительный, и в особенности в первые годы этого периода, рост зарплаты был условием роста производительности, то по мере приближения к окончанию восстановительного периода, по мере того как рабочий восстановил истощенную во время гражданской войны свою рабочую силу, рост производительности являлся и является условием роста зарплаты.

Мы видели также, что, начиная с 1924 г., с того момента, как основным принципом нашей тарифной политики стал принцип более быстрого роста производительности, фактическое отношение роста производительности и роста зарплаты менялось: то производительность росла быстрее зарплаты, то зарплата росла быстрее производительности. Но, несмотря на то, что в некоторые моменты мы имели приостановление роста и даже падение производительности, все же мы не наблюдали падения заработной платы (номинальной). Конечно такие явления, как падение производительности наряду с ростом зарплаты или рост производительности, отстающий от роста зарплаты, ненормальны, так как это удорожает продукцию промышленности, понижает, следовательно, реальную зарплату, ослабляет смычку и т. д.

Но, с другой стороны, рост зарплаты, даже в тех случаях, когда производительность отставала от этого роста, указывает на то, что в основе тарифной политики советской власти лежит стремление к неуклонному повышению уровня существования рабочего класса.

Движение дневной зарплаты в промышленности с 1922 г.

(В среднем за год)

Годы	Номинальная (в черв. коп.)	Реальная (в бюдж. коп.)
1922/23	—	63,7
1923/24	155	91,5
1924/25	190	109,8
1925/26	228	124,8
1926/27	254	134,0
1927/28	276	145,9
1928/29	298	148,8

Мы здесь видим неуклонный рост из года в год как номинальной, так и реальной заработной платы. Но движение реальной заработной платы не идет таким же ровным темпом, как номинальной. Так в первые три квартала 1925/26 г. наблюдалось падение средней дневной реальной заработной платы с 127,7 коп. до 121,3 коп., несмотря на рост номинальной зарплаты с 214,4 коп. до 239,7 коп.

Это падение реальной зарплаты, наряду с ростом номинальной, было вызвано тем под'емом цен на средства существования, который явился результатом хозяйственных затруднений и обострения товарного голода в 1925/26 г. В таких условиях рост

номинальной заработной платы не мог сопровождаться ростом реальной зарплаты. Скорее наоборот: повышение номинальной зарплаты должно было содействовать росту цен на товары и, следовательно, повлечь за собой дальнейшее понижение реальной зарплаты.

Важнейшим в тогдашних условиях методом удержания достигнутого уровня зарплаты могло быть не огульное повышение номинальной заработной платы, как то предлагала троцкистская оппозиция, ибо это неминуемо повлекло бы за собой крушение нашей валюты и фактическое снижение зарплаты. Основным путем к удержанию уровня зарплаты могло быть только усиление борьбы за удержание цен от дальнейшего под'ема и за их снижение. Мероприятия, проведенные правительством во второй половине 1925/26 г. (сокращение эмиссии денег, усиление регулирования цен, увеличение выпуска продукции и частичное повышение зарплаты наиболее низко оплачиваемых категорий рабочих), приостановили падение реальной зарплаты, которая поднялась с 121,3 коп. в день в третьем квартале до 127,8 коп. в четвертом квартале 1925/26 г.

Эти данные наилучшим образом подтверждают правильность решения ЦК ВКП(б), который на апрельском пленуме 1926 г. отверг демагогические предложения троцкистской оппозиции об огульном повышении зарплаты. Для действительного — не на словах, а на деле — под'ема уровня благосостояния рабочего класса нужна выдержанная политика, учитывающая все состояние народного хозяйства.

Значительные колебания реальной зарплаты при устойчивом росте номинальной мы имеем и в 1928/29 г.:

	Номинальная дневная (в черв. руб.)	Реальная месячная в % к средней за 1926/27 г.
1928 г. Октябрь	2,90	114,6
Ноябрь	2,94	102,7
Декабрь	2,93	105,2
1929 г. Январь	2,97	105,4
Февраль	2,98	100,9
Март	3,04	104,9

За весь 1928/29 г. реальная зарплата повысилась на 2%, при росте номинальной на 8%. Значительные колебания реальной зарплаты вызваны затруднениями в продовольственном снабжении рабочих, коренящимися, с одной стороны, в технико-экономической отсталости сельского хозяйства, превратившейся при быстром

темпе индустриализации в чрезмерную его отсталость, а с другой стороны — в обострившейся классовой борьбе в деревне, выражающейся в активном противодействии кулацкой верхушки заготовкам продовольственных продуктов.

Для того чтобы обеспечить устойчивый рост реальной зарплаты, необходимы, следовательно, не только снижение себестоимости, но и решительная борьба за быструю социалистическую реконструкцию сельского хозяйства на основе быстрого темпа индустриализации, борьба за снижение цен в торговле и за улучшение работы торгово-распределительного аппарата.

До сих пор профсоюзами не обращалось на это должного внимания: главная их забота была направлена по линии увеличения номинальной зарплаты. Что же касается рационализации торгового аппарата, организации огородов, молочных ферм, играющих очень крупную роль в деле повышения реальной зарплаты, то профсоюзами до сих пор в этом отношении ничего не предпринималось.

Но все это опять-таки предполагает решительную борьбу не только против правой оппозиции, выступающей против быстрого темпа индустриализации и коллективизации, но и против правоуклонистских элементов в профсоюзах, пытающихся свернуть работу профсоюзов на цехово-ограниченную защитную работу, задержать поворот профсоюзов «лицом к производству» и удержать профсоюзы от активного участия в классовой борьбе, происходящей в деревне.

Пестрота в зарплате и борьба с ней.

Наряду с работой по осуществлению мероприятий, которые должны обеспечить под'ем заработной платы в связи с реконструкцией и ростом всего хозяйства СССР и, в первую очередь, социалистического сектора, перед партией, советскими и профсоюзными органами стоит задача «подтягивания в зарплате наиболее низко оплачиваемых групп рабочих и более отсталых по зарплате отраслей вообще как первый и важный шаг в направлении изжития явно ненормальной разницы в оплате различных категорий трудящихся» (из резолюции XV партконференции об итогах работы и очередных задачах профсоюзов).

По отраслям легкой промышленности зарплата в 1922/23 г. была ближе к своему довоенному уровню, чем заработная плата рабочих тяжелой промышленности (металлообрабатывающая и горная промышленность). Далее, в то время как в 1925/26 г. зарплата в тяжелой промышленности еще не достигла своего довоенного уровня, во всех остальных отраслях она уже перешагнула за свой довоенный уровень.

Конечно было бы ошибочно полагать, что Советское государство должно сохранить довоенные отношения между зарплатой различных категорий рабочих. Довоенный уровень зарплаты

в отдельных отраслях зависел не только от наличия в данной отрасли большего или меньшего количества квалифицированных рабочих. На уровень зарплаты в значительной мере влияла еще и степень организованности рабочих. Так, например, в текстильной промышленности большой процент рабочих составляют женщины-работницы и подростки. Пользуясь слабой сопротивляемостью их, фабриканты-текстильщики держали заработную плату на низком уровне. Задачей советской власти с первых же шагов восстановления промышленности было улучшить условия существования тех слоев рабочего класса, которые были в наихудших условиях при капитализме. Если до войны зарплата текстильщика была в два раза меньше зарплаты металлиста, то уже в 1922/23 г. она была в 1,4 раза меньше зарплаты металлиста. Этим и об'ясняется тот факт, что в 1922/23 г. зарплата металлиста в 17,57 руб. составляла 39,6% к довоенной, а абсолютно меньшая зарплата текстильщика в 12,3 руб. составляла 56,4% к довоенной.

Хотя в соотношении заработных плат различных категорий рабочих мы не можем и не должны вернуться к довоенному положению, все же то соотношение, которое у нас создалось, нельзя считать нормальным. Например в 1922/23 г. и еще в 1924/25 г. зарплата металлистов была ниже зарплаты рабочего пищевой промышленности, между тем как до войны она была выше ее в 2 раза. Мы имеем не только пестроту заработной платы в легкой и тяжелой промышленности, но и значительную пестроту внутри легкой промышленности между отдельными ее отраслями.

Эта пестрота, неравномерность зарплаты, наблюдаемая еще и сейчас, хотя и в гораздо меньшей степени, является наследием предшествующего, восстановительного периода.

При переходе к нэпу, в связи с переводом промышленности на хозяйственный расчет, а также в связи с необходимостью согласовать уровень зарплаты с производительностью труда, уровень зарплаты стал регулироваться коллективными договорами, заключаемыми между профсоюзами и хозяйственными органами. Государство, в лице Народного комиссариата труда, устанавливает только минимум зарплаты, ниже которого никто не имеет права платить рабочему и выше которого она может быть установлена коллективными договорами.

Так как различные отрасли промышленности имеют различную доходность и, следовательно, неодинаковые возможности увеличения зарплаты, то последняя оказалась неодинаковой в разных отраслях промышленности. В прибыльных отраслях зарплата оказалась выше, чем в менее прибыльных или убыточных отраслях. Так как легкая промышленность восстановилась быстрее и стала прибыльной раньше тяжелой, то зарплата

в тяжелой промышленности отставала от роста зарплаты в легкой промышленности.

Этими же условиями об'ясняется и тот факт, что рабочие одной и той же квалификации, но работающие в разных отраслях промышленности или даже в разных трестах одной и той же отрасли, получали неодинаковую зарплату. Так слесарь, работая в ремонтной мастерской кондитерской фабрики, получал больше слесаря, работающего на машиностроительном заводе.

В первые годы нэпа, когда заработная плата вообще была очень низка, необходимо было, в целях быстрейшего поднятия зарплаты, дать возможность отдельным группам и слоям рабочего класса использовать благоприятно складывающиеся условия в их отраслях или предприятиях, и поэтому тогда можно было еще в некоторой степени мириться с пестротой в зарплате. Но по мере приближения к довоенному уровню зарплаты, по мере приближения к окончанию восстановительного процесса, пестрота в зарплате стала фактором, мешающим организации хозяйства.

Одним из наиболее отрицательных последствий пестроты в зарплате является текучесть состава рабочих на предприятиях: рабочие переходят из одного предприятия на другое в поисках более высокого заработка. Текучесть рабочей силы не может не повлечь за собой общего уменьшения производительности. Но если бы заработная плата зависела только от квалификации рабочего, если бы рабочий одной и той же квалификации всюду и везде получал одинаковую зарплату, меняющуюся только в зависимости от большей или меньшей интенсивности, тогда не было бы такой текучести состава рабочих.

Разрыв, существующий между зарплатой рабочих в легкой и тяжелой промышленности, вредно отражается на притоке квалифицированной рабочей силы в тяжелую промышленность. В реконструктивный период первенствующее значение приобретает именно тяжелая промышленность, и соответственно этому ее значению должна повышаться и заработная плата рабочих в тяжелой промышленности.

Наконец третий разрыв, существующий в зарплате, — это слишком большая разница в оплате рабочих различной квалификации. Так, например, в марте 1926 г. зарплата рабочих по производству и ремонту транспорта составляла в среднем в месяц: для модельщиков — 97,12 черв. руб., для литейщиков-формовщиков — 90,34 руб., для слесарей — 82,10 руб., для токарей по металлу — 79,66 руб., для молотобойцев — 62,94 руб., для чернорабочих-мужчин — 42,62 руб. и для чернорабочих-женщин — 29,24 руб. Само собой разумеется, что не может быть сейчас речи о полном уравнении зарплаты рабочих различной квалификации. До тех пор, пока существуют рыночные отношения, пока производительность труда зависит от личной заинтересованности рабочего, пока еще существует неравенство в культурном уровне отдельных групп рабочего класса и т. д., — неизбежно существо-

вание различий в оплате труда. Если бы сейчас уравнять зарплату всем рабочим, то через некоторое время у нас не было бы квалифицированных рабочих, ибо отпало бы побуждение к тому, чтобы повышать свою квалификацию.

Однако тот разрыв, который сейчас существует между зарплатой рабочих разной квалификации и между квалифицированными и неквалифицированными рабочими, слишком велик. Об'ясняется он отчасти тем, что рабочие более низкой квалификации и неквалифицированные не могут быть, по характеру своей работы, переведены на сдельную оплату, вследствие чего они лишены возможности получать приработок к своей основной ставке. Регулирование зарплаты должно сблизить уровень зарплаты различных категорий рабочих, — разумеется, не путем срезывания зарплаты наилучше оплачиваемых рабочих, а путем поднятия зарплаты наихудше оплачиваемых рабочих.

Понятно, что задача уничтожения пестроты в зарплате по отраслям промышленности, уничтожения резкой пестроты зарплаты по квалификациям и по сдельной и повременной работе, — эта задача требует централизованного планирования в распределении фондов, идущих на повышение зарплаты. Если в первые годы нэпа такое планирование было не нужно и оказалось бы даже вредным, то сейчас задачи реконструкции промышленности делают это планирование необходимым.

Период реконструкции вообще требует усиления плановости в нашем хозяйстве, а планирование заработной платы должно быть неот'емлемой составной частью планирования промышленности; оно является одним из условий, могущих обеспечить рост заработной платы.

Перспективы роста зарплаты по пятилетке.

Вопрос о заработной плате является одним из центральных вопросов пятилетнего плана. Рост заработной платы — один из главных признаков правильности пятилетнего плана — как плана развернутого социалистического строительства. Если огромный рост производительных сил является основой значительного под'ема уровня существования масс, то и обратно: рост зарплаты служит одним из важнейших стимулов под'ема производительности. То напряжение сил, которое рабочий класс делает для осуществления пятилетки, должно уже на протяжении этого же пятилетия дать значительный под'ем уровня благосостояния рабочего класса.

В основу регулирования зарплаты в течение пятилетнего периода, пятилетний план кладет следующие принципы [1]:

«1) обеспечение непрерывного под'ема уровня благосостояния рабочего класса;

2) более быстрый темп роста доходов пролетариата по сравнению с доходами других классов;

[1] «Пятилетний план», т. II, ч. 2, стр. 185—186.

3) обеспечение таких темпов снижения себестоимости продукции и повышение темпов накопления, которые открыли бы реальную возможность осуществления задачи — «догнать и перегнать»;

4) стимулирование ростом заработной платы запроектированного под'ема производительности труда;

5) обеспечение развития дефицитных и новых квалификаций и правильного распределения рабочей силы по районам, отраслям и предприятиям;

6) сохранение равновесия между предложением товаров и спросом на них».

Проектируемый за пятилетие рост индивидуальной номинальной зарплаты выражается в 44%. Стоимость средств существования понижается на 14%. Поэтому при росте номинальной зарплаты на 44% реальная — вырастет на 66%. Рост реальной часовой платы (в связи с сокращением рабочего дня) выразится в 75% за пятилетие. Мы видим, что в большой мере рост зарплаты зависит от повышения производительности труда, снижения себестоимости и снижения розничных цен.

Наряду с индивидуальной зарплатой растет и фонд социализированной зарплаты (фонд рабочего просвещения) на 3,5%.

«Фонд социализированной зарплаты, составляющий за пятилетие 1 130 млн. руб., имеет целью обеспечить рабочему классу быстрейшее овладение наиболее трудными в материальном отношении ступенями школы, а также обеспечить детям рабочих дошкольное воспитание» (там же).

Кроме фонда рабочего просвещения к социализированной зарплате должно быть отнесено и социальное страхование, общая сумма которого увеличится с 969,2 млн. руб. в 1927/28 г. до 1 949,7 млн. руб. в 1932/33 г.

Вместе с социализированным фондом вся заработная плата должна увеличиться больше чем на 66%.

Рост зарплаты идет темпом, не одинаковым для всех категорий наемного труда, как видно из следующей таблицы (стр. 376).

Мы видим, что наибольший прирост дает группа работников социально-культурных учреждений, наименьший — занятых в торговых и кредитных учреждениях. Высокий темп роста зарплаты работников социально-культурных учреждений вызван крайней отсталостью зарплаты квалифицированных кадров этих учреждений. По абсолютной величине наиболее высокий уровень средней зарплаты мы имеем по промышленности, строительству, транспорту и связи.

Но и внутри промышленности темп роста зарплаты не одинаков по отдельным отраслям (см. таблицу на стр. 377).

Мы здесь видим ярко выраженный курс на особый под'ем зарплаты рабочих тяжелой промышленности и вместе с тем подтягивание отсталых по уровню зарплаты категорий рабочих

Среднегодовая зарплата лиц наемного труда в СССР с 1927/28 по 1932/33 г.

	В червонных руб.			1932/33 г. в % к 1927/28 г.	
	1927/28 г.		1932/33 г.		
	Индивидуальная		Вся (включая социализированную)	Индивидуальная	Вся (включая социализированную)
I. Промышленность	836	1 187	1 229	142,0	147,0
II. Строительство	1 026	1 334	1 381	130,0	134,6
III. Транспорт и связь	833	1 160	1 201	139,3	144,2
IV. Торговля и кредит	871	1 120	1 159	128,6	133,1
V. Социально-культурные учреждения	624	1 042	1 078	167,0	172,8
VI. Прочие государственные и общественные учреждения	790	1 067	1 104	135,0	139,7
VII. Прочие (прислуга и переменноподенная)	383	490	507	128,0	132,4
В среднем (I — VII)	783	1 123	1 162	143,4	148,4
VIII. Сельское и лесное хозяйство	286	415	421	145,0	147,2
В среднем (I — VIII)	690	994	1 027	144,1	148,8

к общему уровню зарплаты. В то время как по всей промышленности реальная зарплата к концу пятилетия удваивается по сравнению с 1913 г., она больше чем удваивается для групп, которые до революции получали самую низкую зарплату.

В результате общего роста зарплаты и роста численности пролетариата и всех лиц наемного труда доля пролетариата во всем доходе населения увеличивается с 33,2% в 1927/28 г. до 37,5% в 1932/33 г.

Таковы основные данные о движении зарплаты в течение пятилетия. Такой значительный рост возможен только на основе быстрого темпа индустриализации и преодоления нашей технико-экономической отсталости.

Регулирование заработной платы является важнейшим центральным вопросом всей нашей политики в области труда. От уровня заработной платы в первую очередь зависит уровень существования рабочего класса. Однако одними только вопросами зарплаты не исчерпывается вся совокупность мероприятий, направленных к под'ему благосостояния рабочего класса.

Рабочее время.

При сравнении материального положения рабочего класса до и после революции необходимо исходить не только из дореволюционного и современного уровня зарплаты, — надо еще принять во внимание

Среднемесячная зарплата (индивидуальная и социализированная) рабочих крупной промышленности СССР за пятилетие

	В рублях соответствующих лет			1932/33 г. в % к 1927/28 г.	Реальная зарплата в % к 1913 г.[1]	
	1913 г.	1927/28 г.	1932/33 г.		1927/28 г.	1932/33 г.
Вся промышленность	25	66,90	98,28	146,9	122,5	209,2
В том числе:						
Металлисты	35	80,56	123,94	153,8	104,3	186,5
Горнорабочие	33	61,60	98,50	159,9	91,1	169,4
Деревообделочники	22	62,89	86,18	137,0	126,4	201,4
Писчебумажники	18	61,83	86,13	139,3	157,5	255,2
Печатники	32	90,34	116,99	129,5	123,0	185,2
Текстильщики	17	55,82	80,03	143,4	146,3	243,9
Кожевники	25	86,50	108,38	125,3	153,5	223,6
Пищевики	20	79,29	101,02	127,4	189,3	280,4
Химики	20	67,36	90,94	135,0	151,6	238,0

и продолжительность рабочего дня. 8-часовой рабочий день являлся одним из краеугольных камней всей нашей политики. 8-часовой рабочий день был введен явочным порядком рабочим классом в первые же дни Февральской революции. Но совершенно ясно, что только Октябрьская революция и диктатура пролетариата могли обеспечить его осуществление и незыблемость. То наступление на рабочий класс, которое мы имели за последние годы в капиталистических странах и которое начинает теперь сменяться контрнаступлением рабочего класса, выразилось всюду в удлинении рабочего дня до 9—10 и даже до 11 часов. Это еще раз показывает, что только диктатура пролетариата в состоянии обеспечить нормальный рабочий день.

«Введение 7-часового рабочего дня, — отмечает ноябрьский (1928 г.) пленум ЦК ВКП (б), — лишний раз подчеркивает коренное отличие экономики советского хозяйства и социалистический характер его рационализации, направленной ко всемерному и неуклонному улучшению экономического положения и культурному росту рабочего класса, и сопровождается непосредственным

[1] С учетом коммунальных услуг и культурно-просветительных расходов.

улучшением положения рабочего класса в отличие от капиталистической системы и ее методов рационализации, покоящейся на эксплоатации и угнетении рабочего класса, на дальнейшем ухудшении его экономического положения (удлинение рабочего дня, понижение зарплаты и т. д.)».

Введение 7-часового рабочего дня должно значительно изменить условия существования рабочего в сторону их повышения. 7-часовой рабочий день с заработной платой не меньшей, чем при 8-часовом, означает уменьшение изнашиваемости организма рабочего, рост культурного уровня рабочего класса, повышение его квалификации, оздоровление условий его быта и т. д.

Вместе с тем введение 7-часового рабочего дня является фактором роста производства и сокращения безработицы в связи с переходом к большему числу смен. С переходом к 7-часовому дню не только зарплата, но и выработка не должна снизиться по сравнению с 8-часовым днем. Отсюда следует, что 7-часовой рабочий день является фактором улучшения техники и организации производства, фактором, ускоряющим рационализацию.

Введение 7-часового дня началось в 1928 г. на основании манифеста ЦИК СССР к десятилетней годовщине Октябрьской революции и должно быть закончено к 1 октября 1933 г. В каждом отдельном случае перевод предприятия на 7-часовой день должен быть тщательно подготовлен технически, организационно и политически (раз'яснительная работа среди рабочих). В противном случае переход на 7-часовой рабочий день, как показал опыт, может дать отрицательные результаты.

Еще до перехода к 7-часовому дню, некоторые категории рабочих имели сокращенный рабочий день (вредные и горячие цеха, подростки и малолетние).

Выше мы привели данные, показывающие, что уже в 1926 г. средняя зарплата рабочих в СССР превысила довоенный уровень. Но если принять во внимание, что этот рост зарплаты сопровождался сокращением рабочего дня, то уровень существования рабочего класса по сравнению с дореволюционным временем окажется еще более высоким.

Рабочий день

Годы	Количество часов
1904	10,60
1913	9,87
1927/28	7,71
1932/33	6,86

По сравнению с 1913 г. рабочий день к концу пятилетия будет на 3,21 часа, или почти на $^1/_3$, меньше.

Рабочий день в СССР также значительно ниже, чем в капиталистических странах. Так в САСШ рабочий день в фабрично-

заводской промышленности составлял в 1927 г. 8,27 часа, в шерстяной — 8,22 часа, в хлопчатобумажной — 8,9 часа. В производстве стали в САСШ в 1928 г. рабочий день — 9,1 часа, в германской металлургии в том же году — от 8,66 часа до 9,3 часа, а в советской металлургии в 1927/28 г. — 7,45 часа и в 1932/33 г. будет 6,6 часа.

Перевод всех рабочих на 7-часовой рабочий день (с одновременным выравниванием рабочего дня рабочих и служащих) даст возможность, на основе роста производительных сил в первом пятилетии, перейти во втором пятилетии к 6-часовому рабочему дню и осуществить таким образом один из важнейших пунктов программы ВКП (б).

Не менее, чем введением 7-часового рабочего дня, положение рабочего класса улучшается с переходом на непрерывную рабочую неделю. Более частое чередование дней отдыха (пятидневная неделя вместо семидневной) при том же общем количестве рабочих часов способствует меньшему изнашиванию организма рабочего. Переход на непрерывное производство (при котором работает непрерывно не каждый рабочий, а только оборудование благодаря определенной системе смен) производит революцию во всем быту, нанося серьезнейший удар религии, улучшая культурное обслуживание рабочих и еще более чем 7-часовой рабочий день способствуя культурному под'ему масс.

Переход на непрерывное производство является серьезнейшим фактором изживания безработицы. Уже сейчас в целом ряде отраслей в связи с переходом на непрерывное производство ощущается острый недостаток рабочей силы, подготовка которой стала одной из актуальнейших задач социалистического строительства.

Охрана труда. Наряду с сокращением рабочего времени советское трудовое законодательство устанавливает ряд других положений по охране труда, как то: запрещение сверхурочных работ, допускаемых только в исключительных случаях, предоставление всем рабочим двухнедельного отпуска в году, отпуска роженицам, лечебная помощь, пособия по болезни и т. д.

Наше трудовое законодательство является самым передовым во всем мире. Однако те предприятия, которые были построены до революции, не дают возможности полностью осуществить охрану труда от вредных условий производства и от несчастных случаев во время работы. Условия освещения, вентиляции, расстановки машин и т. п. на предприятиях, строившихся буржуазией, не соответствуют требованиям гигиены и охраны здоровья рабочих. Те средства, которые тратятся нашей промышленностью для улучшения этих условий, не всегда могут достигнуть цели, так как иногда для этого требуются полная перестройка и переоборудование предприятия.

Существенной причиной несчастных случаев на производстве является также изношенность оборудования на старых заводах. Очевидно, что задача создания вполне гигиеничных и безопасных условий работы может быть решена полностью только капитальным строительством.

Но и при существующих условиях количество несчастных случаев и заболеваний может быть значительно сокращено, ибо они зависят не только от об'ективных технических условий производства, но и от целого ряда суб'ективных причин. Сюда относится культурный уровень самих рабочих. Показательно, что количество несчастных случаев на производстве увеличилось одновременно с пополнением предприятий новыми рабочими, пришедшими из деревни. Неопытность и слабая трудовая дисциплина влекут за собой рост несчастных случаев.

Немаловажную роль в состоянии охраны труда играет и отношение заводской администрации к этому делу. Ряд несчастных случаев вызывается халатным отношением администрации к технике безопасности. Борьба с этим должна вестись не только привлечением к судебной ответственности и наказанием виновных лиц, не только усилением работы инспекции труда, но главным образом привлечением массы рабочих к улучшению и оздоровлению условий труда на предприятии.

Выше было указано, что по пятилетнему плану реальная зарплата за ближайшие пять лет должна вырасти на 66%. Если еще принять во внимание, что в течение пятилетия будут вложены и значительные средства на улучшение условий охраны труда (313 млн. руб., а с учетом снижения цен — 420 млн. руб.), что наряду с ростом промышленного строительства мы имеем и рост рабочего и коммунального строительства, что расширяется и улучшается и сеть лечебных, курортных и т. п. учреждений, — то необходимо притти к тому выводу, что общее улучшение условий существования рабочего класса выразится в цифре, превышающей указанные 66% повышения реальной зарплаты.

Все изложенные нами до сих пор мероприятия касаются рабочих, занятых в производстве. Не менее важной и серьезной является задача помощи безработным и борьба с самой безработицей.

Безработица в СССР и ее особенности.

Безработица в СССР имеет своеобразный характер, резко отличающий ее от безработицы в капиталистических странах. При господстве капиталистического способа производства безработица является неизбежным спутником его развития. Рост техники, вытеснение человеческого труда машиной, создает относительное перенаселение в виде так называемой «резервной» армии безработных. При этом рост безработицы обычно связан с уменьшением количества занятых рабочих.

У нас, в СССР, мы имеем следующую особенность безработицы: число безработных растет не вследствие уменьшения числа занятых рабочих, а наряду с ростом этих последних.

Так общее число лиц наемного труда в СССР (кроме сельскохозяйственных рабочих) было:

Годы	Тыс. чел.
1924/25	6 715,3
1925/26	8 162,7
1926/27	8 862,3
1927/28	9 303,4
1928/29	9 563,0

Число же безработных, зарегистрированных на биржах труда, изменялось следующим образом:

Годы	Тыс. чел.
1925/26	1 017,2
1926/27	1 241,5
1927/28	1 289,8

Эти данные показывают, что основной причиной безработицы является не вытеснение рабочих с производства, а какие-то другие условия. Этой причиной является приток в города рабочей силы из деревни, имеющейся там в относительно избыточном количестве. Хотя в этой массе рабочих, идущих из деревни в город, имеются и рабочие, осевшие в деревне во время гражданской войны, все же основную часть этой массы составляет рабочая сила, впервые ищущая своего применения вне сельского хозяйства.

По данным Наркомтруда, безработные, прибывшие из деревни, составляли на 1 января 1926 г. 11,5%, на 1 марта 1926 г. — 15,1%, на 1 апреля 1926 г. — 16,2% всего числа зарегистрированных безработных. В 1926/27 и в 1927/28 гг. они составляли около 24% в общей массе городских безработных. Больше всего пришельцы из деревни устремляются в горную промышленность (35,2% в общей массе предложения труда в этой отрасли), в строительство (54% предложения), в сахарную промышленность (24%), меньше — в остальные отрасли.

О характере безработицы в СССР дают представление еще и следующие цифры: удельный вес индустриальной группы безработных (без неквалифицированных) составлял в 1925/26 г. 15,5%, в 1926/27 г. — 16,4%, в 1927/28 г. — 14,8%. Эти данные показывают, что промышленных рабочих среди безработных значительное меньшинство.

При оценке характера безработицы в СССР большое значение имеет вопрос о длительности безработицы. По данным обследования безработных, произведенного ВЦСПС в ноябре 1927 г.,

средняя длительность безработицы составляет 9,1 мес. (среди женщин — 12,4 мес., а среди мужчин — 6,3 мес.). При этом для большинства безработных длительность безработицы колеблется в пределах от 1 до 6 мес.

Группы по длительности безработицы	В % к числу безработных		
	Мужчин	Женщин	Обоего пола
1 — 6 мес.	68,0	46,3	58,0
6 — 12 »	16,0	16,6	16,2
1 — 2 года	11,5	19,5	15,2
Свыше 2 лет	4,5	17,6	10,6

Текучесть состава рабочей силы на предприятиях, переход рабочих из одного предприятия в другое, не могут конечно не привести к тому, что в производство просачиваются новые рабочие, прибывшие из деревни, а ранее работавшие остаются за бортом. Для уменьшения безработицы среди промышленных рабочих необходимо, следовательно, создать условия для уменьшения текучести рабочей силы, о которой было сказано выше, а с другой стороны, вести борьбу против найма рабочих помимо бирж труда.

Приведем наконец данные о проценте безработных среди членов профсоюзов (1927 г.): среди всех членов союза металлистов безработных было 9,4%, у текстильщиков — 5,7%, у химиков — 10,4%, у печатников — 18,1%, у пищевиков — 25,7%, у совторгслужащих — 16,9%, медикосантруд — 14,6%, нарпит — 32,9%. Наименьший процент безработных мы видим в профсоюзах основных отраслей производства.

Все приведенные нами данные показывают, что безработицей меньше всего затронуты промышленные рабочие. Тем не менее вопрос о безработице остается одним из наиболее острых и больных вопросов нашего строительства.

Борьба с безработицей выдвигает перед нами двоякого рода задачи: 1) задачу помощи безработным и 2) задачу изживания самой безработицы.

Помощь безработным. Помощь безработным оказывается в разной форме: в виде пособий, выдаваемых органами социального страхования и профсоюзами, организацией артелей и коллективов безработных, посылкой безработных на временные работы, организацией общественных работ и тому подобное.

На все эти виды помощи безработным было израсходовано в 1926 г. 60 млн. руб., не считая помощи со стороны профсоюзов

своим безработным членам в размере около 9 млн. руб. Кроме того трудовые коллективы безработных выплатили своим членам в течение 1925/26 г. около 40 млн. руб.

В 1927 г. помощь безработным (не считая заработков коллективов безработных) выразилась в цифре 85 млн. руб., а в 1928 г. — 175 млн. руб.

Помощь безработным имеет своей целью облегчить положение безработных и смягчить безработицу, но уничтожить безработицу она, разумеется, не в состоянии. Для того чтобы изжить безработицу, надо уничтожить причины, ее вызывающие.

Перспективы изживания безработицы.

Каковы же перспективы изживания безработицы?

В 1927/28 г. было около 200 тыс. безработных промышленных рабочих. В одной только крупной госпромышленности (планируемой ВСНХ) прирост занятых рабочих (без служащих) за пять лет (с 1928/29 г. по 1932/33 г.) составит 703 тыс. человек. Следовательно уже задолго до окончания пятилетия безработица среди промышленных рабочих будет полностью изжита ростом промышленности.

Рост числа промышленных рабочих в крупной госпромышленности на 703 тыс. человек составляет 33,4% к числу рабочих в 1927/28 г., а производительность труда за это же время увеличивается на 110%. Это показывает, что рационализация (выражающаяся в большем росте производительности, чем числа рабочих) не приведет к увеличению безработицы, — наоборот, среди промышленных рабочих безработица будет совершенно изжита.

Большой процент среди безработных составляют необученные рабочие, в то время как уже сейчас наша промышленность ощущает недостаток в квалифицированной рабочей силе. Уже в 1926 г. впервые было организовано обучение безработных, пока только в количестве 1 200 человек. Это обучение имеет своей целью пополнить недостаток в квалифицированной рабочей силе и уменьшить безработицу. Опыт показал, что в течение 4 месяцев можно подготовить вполне квалифицированного слесаря и токаря по металлу. Это обучение безработных должно быть расширено, — оно должно превратиться в один из способов уменьшения безработицы.

Среди безработных имеется около 15% подростков. Поскольку они являются неквалифицированными работниками, встает задача их обучения.

«Наркомтруд, профсоюзы и хозорганы должны приступить к организации в рабочих районах ускоренных производственных курсов и школ, дающих возможность безработным детям рабочих приобрести элементарную квалификацию, облегчая для них тем самым возможность получения работы» (из резолюции XV парт-конференции о профсоюзах).

Пятилетний план предусматривает значительное расширение сети учебных заведений и вовлечение в них молодежи для поднятия ее культурного уровня и повышения ее квалификации. Это даст возможность не только полностью ликвидировать безработицу подростков, но и уменьшить к 1932/33 г. число занятых в различных отраслях труда подростков (15—17 лет) на 100—200 тыс. человек.

В 1927/28 г. биржами труда было зарегистрировано 1 290 тыс. безработных. По пятилетнему плану число лиц наемного труда во всем народном хозяйстве и в государственных и общественных учреждениях увеличится с 11 350 тыс. чел. в 1927/28 г. до 15 764 тыс. человек в 1932/33 г., т. е. на 4 414 тыс. человек. Следовательно, если бы не было притока новой рабочей силы из деревни, то безработица была бы совершенно изжита в течение текущего пятилетия.

Однако приток рабочей силы из деревни превысит потребность промышленности, транспорта, строительства и т. д. в новой рабочей силе, ибо в самой деревне перенаселение к 1932/33 г. еще не будет изжито.

То перенаселение деревни, которое мы имеем в настоящее время, является результатом условий развития и состояния сельского хозяйства до революции.

Процесс расслоения крестьянства, который ускорился в начале XX в., развивался в сторону концентрации земли и остальных средств производства в руках буржуазии и превращения основной массы крестьянства в пролетариев и полупролетариев. Успехи капитализма, распространение машин в сельском хозяйстве, процесс превращения натурального крестьянского хозяйства в товарное — все это приводило к выделению все возрастающего количества «избыточной» рабочей силы в деревне.

Как было показано в предыдущей главе, расслоение крестьянства в СССР глубоко отличается от расслоения в капиталистических странах.

Наряду с превращением части бедняков и пролетариев основная масса бедняцких хозяйств поднимается (главным образом через кооперацию) на более высокую ступень хозяйственного развития. У нас наблюдается рост благосостояния всех слоев крестьянства. При этом происходит пролетаризация лишь меньшей части бедняцких хозяйств.

Большая же часть бедняцких хозяйств превращается в более устойчивое середняцкое, а в большинстве переходит в коллективное хозяйство.

Благодаря этому основная масса той рабочей силы, которая приходит из деревни в город, — это не разорившийся бедняк. Отходят на промысловые заработки не только бедняки, но и середняки, а также дети зажиточных слоев деревни.

Основной причиной перенаселения деревни в настоящее время является не расслоение крестьянства, а низкий уровень развития производительных сил в сельском хозяйстве. Несмотря на то, что до войны капитализм в сельском хозяйстве России развивался сравнительно быстро, производительные силы крестьянского хозяйства развивались очень медленно. Помещичье землевладение, высокая арендная плата за землю, налоги, общинное землепользование — все это задерживало переход от экстенсивных форм земледелия к интенсивным, от хозяйства полунатурального к товарному.

А какое значение имеет развитие товарных отраслей сельского хозяйства (технических культур, корнеплодов, животноводства) видно из следующих цифр. Зерновые культуры требуют 22,6 дней на 1 *га* посева для вспашки, засева, сбора, молотьбы и всех других работ, необходимых для приведения зерна в готовое к продаже состояние. Между тем для производства и предварительной обработки прядильных и других технических культур на 1 *га* требуется 128 дней, для корне-клубнеплодных — 85 дней на 1 *га*.

Отсюда очевидно, что, чем интенсивнее сельское хозяйство, чем менее оно сохраняет свой потребительский характер, тем более трудоемким оно является, тем больше оно требует рабочей силы. Следовательно мероприятия, направленные к интенсификации и увеличению товарности крестьянского хозяйства, являются тем самым мероприятиями, ведущими к уменьшению аграрного перенаселения. Этому же содействует и развитие кустарной промышленности в деревне, развитие предприятий по первичной обработке сельскохозяйственных продуктов и по их переработке в готовые продукты.

Каковы ближайшие перспективы изживания аграрного перенаселения?

Вследствие роста производительных сил сельского хозяйства на основе его социалистической реконструкции, а также в результате поглощения части деревенской рабочей силы промышленностью и строительством, аграрное перенаселение уменьшится с 8,49 млн. чел. в 1927/28 г. до 2,63 млн. чел. в 1932/33 г., несмотря на естественный прирост населения. Этот коренной перелом в движении аграрного перенаселения позволит в следующее пятилетие поставить практически задачу его полной ликвидации.

Число безработных в городе в 1932/33 г. будет составлять 500 тыс. человек.

«Это, — как отмечает пятилетний план, — примерно численность того свободного р е з е р в а, который и в системе советского хозяйства необходим для нормального оборота рабочей силы» [1].

---

[1] «Пятилетний план», т. II, ч. 2, стр. 178.

При этом норма пособий, выдаваемых безработным, увеличится на 84%.

Удельный вес безработных среди работоспособного населения понизится с 6,4% в 1927/28 г. до 2,4% в 1932/33 г., а среди лиц, работающих по найму, удельный вес безработных понизится с 16,6% до 5,6%.

Все эти расчеты составлены Госпланом в начале 1929 г. Но уже первый год пятилетия и в особенности второй год дали значительное превышение намеченных планом темпов развития. Поэтому и перспективы преодоления безработицы на деле значительно улучшаются. Уже сейчас, в связи с ускорением темпов и переходом на непрерывный производственный год в ряде отраслей ощущается недостаток рабочей силы, в особенности квалифицированной. В связи с итогами 1928/29 г. и планом на 1929/30 г. ноябрьский пленум ЦК ВКП(б) отмечает, что уже в текущем 1929/30 г. «не только остановится рост безработицы, но и абсолютно уменьшатся ее размеры». Есть все основания поэтому предполагать, что безработица будет изжита уже в пределах текущего пятилетия.

Это будет одной из величайших побед строящегося социализма. В то время как загнивающий мировой капитализм увеличивает из года в год армию безработных, которая в некоторых странах (САСШ, Германия, Англия) принимает ужасающие размеры, страна пролетарской диктатуры развивает невиданным в истории темпом свои производительные силы для удовлетворения все растущих потребностей трудящихся масс и с корнем вырывает одну из самых больных язв, доставшихся ей от капитализма, — безработицу.

Проблема кадров.

Одной из крупнейших проблем социалистического строительства на современном его этапе является проблема кадров. Строительство, которое мы развертываем в таком грандиозном масштабе, невыполнимо, если одновременно с этим строительством не будут подготовлены кадры как для осуществления постройки новых предприятий, так и для использования этих предприятий, когда они будут пущены в ход. Но одним этим вопрос о квалифицированных кадрах не исчерпывается.

Мы строим новые заводы, фабрики, шахты, железные дороги, крупные колхозы и совхозы, применяя последние достижения современной технической науки. Поэтому подготовка кадров должна происходить по линии достижения определенных, не только количественных, но и качественных результатов. Необходимо создавать инженеров, техников и квалифицированных рабочих гораздо более высокой квалификации, чем то было раньше. Этого требует не только новое строительство, но и переоборудование и рационализация существующих предприятий.

Насколько остро стоит проблема квалифицированных кадров, видно из следующих данных. Инженеров в государственной промышленности было в 1927/28 г. 20,2 тыс. чел. (в том числе 13,1 тыс. на производстве и 7,1 тыс. в управленческом и проектном аппарате). В 1932/33 г. потребуется по пятилетнему плану 41,5 тыс. (32,3 тыс. и 9,2 тыс.). На деле потребуется больше в связи с превышением пятилетки. На транспорте в 1928 г. при общем числе должностей, которые должны быть заняты инженерами, в 9,6 тыс. фактически на них приходилось только 3,3 тыс. инженеров. За пятилетие это число должно быть по крайней мере удвоено. В сельском хозяйстве было в 1927/28 г. 9,5 тыс. агрономов разной квалификации, к концу пятилетия их должно быть не меньше 23 тыс. Кроме этого в связи с механизацией сельского хозяйства потребуется значительное число инженеров-механизаторов. Техников в промышленности имелось в 1928 г. около 20 тыс., потребуется к концу пятилетия около 60 тыс. На транспорте вместо 10 тыс. техников потребуется 20 тыс.

Не менее остро стоит вопрос о квалифицированных рабочих. В крупной госпромышленности в 1927/28 г. было 869,7 тыс. квалифицированных и 1 208,9 тыс. неквалифицированных рабочих. Такое соотношение уже перестает соответствовать потребностям реконструируемой промышленности. Чем выше технический уровень промышленности, тем больше должен быть удельный вес квалифицированной рабочей силы. В то время как в нашей крупной госпромышленности отношение квалифицированной и неквалифицированной рабочей силы составляет 41,3% и 58,7%, в крупной промышленности Германии это соотношение составляло в 1926 г. 62,6% и 37,4%. Мы должны подготовить для одной только промышленности 1—1,3 млн. квалифицированных рабочих. Для строительства — 230 тыс. квалифицированных строительных рабочих, 500 тыс. чел. для транспорта, 250 тыс. (200 тыс. трактористов и 50 тыс. механиков) для сельского хозяйства. Кроме того в связи с социалистической реконструкцией сельского хозяйства необходимо поднять агрономическую квалификацию по крайней мере 5—6 млн. крестьян-колхозников.

Такова проблема кадров в ее количественном выражении — около 2,5 млн. новых инженеров, техников, агрономов и квалифицированных рабочих. Для этого необходимо не только расширить существующие учебные заведения, но и создать новые. В течение пятилетия должны быть построены 47 новых высших технических учебных заведений и 172 техникума, т. е. столько же, сколько существует сейчас. Вместе с тем должна быть расширена сеть учреждений фабрично-заводского ученичества, вечерние курсы всякого рода; должна быть поставлена на широкую ногу переподготовка рабочих на самом производстве.

Социалистическая реконструкция требует огромных кадров с повышенной не только технической квалификацией, но и общественной. Мы строим фундамент социалистического общества и изменяем в процессе этой напряженной стройки общественные отношения (колхозы, социалистическое соревнование). Наша стройка является одновременно процессом сложной и острой классовой борьбы. Не случайно за последние годы в связи с переходом от восстановления к реконструкции началась дифференциация среди старых специалистов. Часть инженеров и других буржуазных специалистов осталась верной буржуазии и вместе со всеми капиталистическими элементами перешла в контрнаступление на развертывающееся социалистическое наступление (вредительство). Другая часть — большинство — отмежевалась от контрреволюционных специалистов, и перед нами стоит задача «приобщения десятков тысяч советски настроенных техников и специалистов к социалистическому строительству» (Сталин).

Наряду с этим, работая над приобщением старых специалистов к социалистическому строительству, мы должны поставить как боевую, не терпящую никакого отлагательства задачу подготовки новых кадров красных специалистов из среды рабочего класса, преданных до конца своему классу, знающих массу и умеющих руководить ею. Социалистическая реконструкция — это процесс, в котором участвуют миллионные массы, процесс сложной и острой классовой борьбы на хозяйственном, производственном фронте. Тот инженер или техник, который не умеет руководить массами в деле рационализации, под'ема производительности труда, в социалистическом соревновании, тот агроном, который при проведении агроминимума остается «нейтральным» по отношению к развертывающейся вокруг этого классовой борьбе, — такие специалисты не выполняют своего назначения квалифицированных кадров социалистического строительства. Необходимо поэтому во все расширяющемся размере готовить красных специалистов из недр рабочего класса, из среды наиболее сознательных, наиболее опытных и способных рабочих.

На последнем ноябрьском (1929) пленуме ЦК вопрос о кадрах стоял специальным вопросом повестки дня пленума. В своей резолюции пленум отметил: «что темп подготовки новых кадров не идет ни в какое сравнение с темпами индустриализации и социалистического переустройства сельского хозяйства», что «работа по обеспечению пятилетки кадрами поставлена совершенно неудовлетворительно и проходит без сколько-нибудь обоснованных планов, без реальных потребностей и возможностей их удовлетворения».

Вынесенные пленумом решения касаются коренной перестройки работы втузов, улучшения руководства втузами и улучшения социального состава втузов.

Наряду с задачей подготовки технических кадров стоит задача подготовки организаторских кадров для госаппарата, для торговли, кооперации, для колхозного движения и т. д. Основным методом решения этой задачи является решительное, широкое и организованное выдвижение рабочих, батраков, бедноты и наиболее близких к партии середняков. Орабочение аппарата — вот путь решения этой задачи.

Задача подготовки квалифицированных кадров стоит в теснейшей связи с под'емом культурного уровня рабочих масс. Во-первых, известная ступень культуры является необходимой предпосылкой для того, чтобы из среды рабочего класса черпать новые квалифицированные кадры. Во-вторых, новые задачи социалистической реконструкции требуют более высокого культурного уровня масс. Новая машина, новые методы производства в промышленности, строительстве, в сельском хозяйстве требуют больше культуры, больше знаний и от неквалифицированного рабочего. Преодоление нашей технико-экономической отсталости немыслимо без преодоления культурной отсталости.

«Главное, — говорит Ленин, — чего нам нехватает, — культурности, умения управлять. Экономически и политически нэп вполне обеспечивает нам возможность постройки фундамента социалистической экономии. Дело «только» в культурных силах пролетариата и его авангарда» (Ленинский сборник, VIII, стр. 68).

Социалистическое строительство на его современном этапе ставит в порядок дня культурную революцию, вытекающую из реконструкции и обусловливающую в свою очередь ее успех.

ГЛАВА IX.

ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ ТОРГОВЛИ.

Связь между различными отраслями производства (промышленностью и сельским хозяйством) и между отдельными отраслями внутри промышленности и внутри сельского хозяйства в условиях нэпа осуществляется через торговлю. В процессе торговли происходит обмен продуктами между различными частями народного хозяйства.

В условиях существования частной собственности на средства производства без торговли было бы невозможно разделение труда в народном хозяйстве. Но в торговле мы должны различать два момента: 1) то, что необходимо при всяком общественном строе с широко развитым разделением труда, т. е. переход продуктов из одной отрасли производства в другую и из производства в личное потребление, и 2) то, что этот переход, или этот обмен веществ внутри общества, происходит в формах анархических, рыночных, в форме обмена товаров, а не в форме планового распределения. Социализм будет отличаться от капитализма и от товарного хозяйства вообще не тем, что при социализме не будет разделения труда, не будет общественного обмена веществ, а тем, что не будет частной собственности на средства производства и неорганизованного рыночного обмена продуктами — товарами, что будет организованное распределение.

Поскольку у нас в СССР сейчас в силу наличия многомиллионных крестьянских хозяйств связь между отдельными отраслями народного хозяйства не может осуществляться иначе как через товарооборот, задачей нашей экономической политики вообще и нашей политики в области торговли должно быть постепенное превращение товарооборота в плановое распределение. Значительная часть всего народного хозяйства СССР (вся крупная и большинство средней промышленности, весь транспорт) уже обобществлена пролетарским государством; поэтому уже сейчас возможно осуществление планового товарооборота внутри государственного хозяйства. Поскольку наше сельское хозяйство является в подавляющей своей части не капиталистическим, а простым товарным и полунатуральным хозяйством, — то и процессы обмена между сельским хозяйством и промышленностью

можно организовать через установление прямой (через кооперацию и госторговлю) связи между ними. Вся трудность заключается здесь в вытеснении и преодолении капиталистических элементов как в самом сельском хозяйстве, так и в товарообороте. Но в той мере, в какой мы уже сейчас имеем плановый товарооборот между отдельными отраслями государственной промышленности и между государственным хозяйством и трудовым крестьянским, а также между потребителем и государственным производством, — в этой мере наш товарооборот, хотя он еще является товарооборотом, уже начинает терять те особенные черты, которые свойственны товарообороту в капиталистическом обществе, и наша торговля перестает быть торговлей в подлинном смысле этого слова. В той мере, в какой происходит товарооборот между предприятиями последовательно-социалистического типа и в какой крестьянское хозяйство также обобществляется (колхозы и вообще кооперированное простое товарное хозяйство, вступающее в непосредственную связь с государственным хозяйством), — в этой мере наш товарооборот все больше превращается и будет превращаться в организованное плановое распределение, которое в социалистическом обществе окончательно сбросит с себя товарную форму.

«Важнейшей задачей социалистического строительства в области организации обмена является преодоление анархии рынка и расточительности в расходовании материальных средств, свойственной капиталистическому способу распределения, путем дальнейшего развития и рационализации обобществленного сектора товарооборота.

«Обобществленный сектор обращения, расширяясь за счет вытеснения частного капитала, внося плановое начало в сферу товарооборота путем рационализации торговой сети, максимального сокращения непроизводительных затрат в сфере обмена, закрепит все громадные экономические преимущества новой социальной системы распределения и в дальнейшем, в меру успехов социалистического строительства, преобразуется в аппарат социалистического распределения продуктов» (из директив по составлению пятилетнего плана народного хозяйства XV с'езда ВКП(б). Рассмотрим пути и методы разрешения этой основной задачи торговой политики.

§ 1. Государственная, кооперативная и частная торговля.

Сферы деятельности государственной и кооперативной торговли.

Организация обобществленной части товарооборота имеет две формы: государственную торговлю и кооперативную. Хотя оба эти вида торговли ставят себе одни и те же цели и оба они находятся под непосредственным регулирующим руководством государства, они все же отличаются друг от друга

по методам работы и отчасти по своей сфере деятельности. В то время как государственные торговые предприятия являются непосредственной составной частью государственного хозяйства и находятся в непосредственном ведении государства, — кооперациия является самодеятельной организацией кооперированного населения, стоящей под контролем масс и не находящейся в ведении государства, а лишь работающей под его руководством. Капиталы госторговли являются непосредственной собственностью государства, капиталы же кооперации представляют собой коллективную собственность кооперированных масс населения. Кооперация управляется органами, избираемыми кооперированным населением, лица же, управляющие государственными торговыми предприятиями, назначаются государством.

Сферой деятельности госторговли является весь товарооборот между государственными предприятиями, а в области снабжения населения предметами потребления и сельского хозяйства средствами производства госторговля обслуживает главным образом оптовый оборот и лишь в незначительной мере розничный оборот. Кооперация же является основным проводником предметов потребления (потребительская кооперация) и основной организацией по обслуживанию товарооборота между городом и деревней. Такое разграничение сфер деятельности между госторговлей и кооперативной торговлей необходимо потому, что охват розничного товарооборота госторговлей, строящейся сверху, невозможен. Для этого потребовалось бы слишком много государственных средств вложить в торговлю и уменьшить соответственно средства, идущие на развитие промышленности.

Организация розничного товарооборота исключительно в форме госторговли была бы совершенно нецелесообразна, так как вследствие этого осталась бы неиспользованной самодеятельность масс в деле социалистического строительства и борьбы с частным капиталом. Для того чтобы розничная торговля была действительно обобществлена, необходимо непосредственное участие заинтересованных в этом масс, а такое участие возможно только в форме кооперации. Государство же должно оставить в своих руках только решающие позиции в области торговли, т. е. оптовую торговлю, при помощи которой можно непосредственно влиять на торговлю розничную.

В начале нэпа, когда торговая сеть была вообще очень слабо развита, когда большую роль в торговле играл частный капитал, вопрос о разграничении сфер деятельности госторговли и кооперации не мог иметь существенного практического значения. Но по мере роста госторговли и кооперации, после того как была создана широкая сеть государственных и кооперативных торговых учреждений, необходимо должен был встать вопрос о том, чтобы их дальнейший рост не привел к взаимной борьбе и паралле-

лизму. XIII с'езд ВКП(б) (1924 г.) поэтому постановил, что «розница, как правило, должна стать делом кооперации по мере ее укрепления. Государственная же торговля по мере укрепления кооперации должна все более сосредоточиваться в пределах оптовой и оптово-розничной торговли».

Государственная торговля.

Основными государственными торговыми организациями являются: 1) торговые учреждения и предприятия государственных трестов, 2) синдикаты и 3) так называемые «торги», представляющие собой торговые организации чисто местного характера.

В первые годы нэпа торговые предприятия трестов были главными торговыми организациями госпромышленности. Тресты организовывали не только оптовую, но и розничную продажу своих изделий. Развитие сети трестовской торговли не могло не привести к конкуренции между ними, особенно в тот период, когда госпромышленность сильно нуждалась в оборотных средствах. С целью уничтожения конкуренции между трестами необходимо было создать синдикаты для об'единения торговой деятельности трестов.

Синдикаты организуются самими трестами, — правление синдиката избирается представителями трестов, входящих в синдикат, капитал синдиката образуется из взносов треста. Синдикаты подотчетны Высшему совету народного хозяйства и находятся в прямом ведении последнего.

В первые годы существования синдикатов они не имели значительного влияния на рынок, так как бо́льшая часть продукции трестов продавалась не через синдикаты. Синдикаты стали охватывать реализацию трестовской продукции лишь постепенно, в меру роста их капиталов и торговой сети. Так в 1923/24 г. сбыт 291 треста лишь на 24,5% проходил через синдикаты, в 1924/25 г. — на 28%, а в 1925/26 г. — на 31,4%.

В 1927/28 г. синдикаты уже охватили 82,2% сбыта всей продукции госпромышленности.

Рост удельного веса синдикатов в сбыте промышленной продукции имеет двоякое значение. Во-первых, этим тресты освобождаются от торговых функций и получают возможность сосредоточивать свое внимание и средства на организации производства. Во-вторых, с усилением роли синдикатов в сбыте промышленной продукции государство получает в лице синдикатов мощные торговые организации, при помощи которых оно может проводить единую политику регулирования рынка и цен. Синдикаты являются тем торговым аппаратом, которым государство (в лице ВСНХ и Наркомторга) оказывает непосредственное влияние на розничную торговлю.

Правда, в деятельности синдикатов могут обнаруживаться и не раз обнаруживались и отрицательные стороны: явля-

ясь по важнейшим отраслям почти монополистами по продаже продуктов госпромышленности, синдикаты могут, исходя из своих узких интересов получения возможно большей прибыли, воспользоваться своим монопольным положением для повышения цен. Однако эти отрицательные тенденции синдикатов устраняются тем, что синдикаты в своей политике цен подчинены Наркомторгу. Синдицирование сбыта промпродукции в значительной мере облегчает регулирование оптовых цен, так как контролировать деятельность небольшого числа синдикатов легче, чем большого количества трестов.

Стремясь к возможно полному синдицированию сбыта продукции общесоюзной промышленности, необходимо избежать опасности создания слишком громоздкого и потому мало подвижного и негибкого торгового синдикатского аппарата. Эта опасность была бы совершенно реальна, если бы синдикаты стремились проводить продукцию госпромышленности до окончательного ее потребителя, т. е. если бы они держали в своих руках не только оптовую, но и розничную торговлю продукцией госпромышленности. Линия на сосредоточение розничной торговли в руках кооперации и является гарантией против создания громоздкого аппарата синдикатской розничной торговли.

В предыдущих главах мы уже рассмотрели основные задачи и организационные принципы сельскохозяйственной и промысловой кооперации. В настоящей главе, рассматривающей вопросы исключительно торговли, мы поэтому будем останавливаться главным образом на потребительской кооперации, деятельность и задачи которой лежат исключительно в области торговли, в отличие от сельскохозяйственной и промысловой кооперации, имеющих еще и производственные функции.

Потребительская кооперация.

Основная задача потребительской кооперации заключается в кооперировании обращения предметов потребления. Потребительская кооперация, об'единяя трудовое население на почве удовлетворения его потребительских нужд, должна постепенно овладеть всем снабжением населения предметами потребления и вытеснить шаг за шагом частный капитал из этой области. В этом заключается основная функция потребительской кооперации в общем процессе социалистического строительства.

Для выполнения этой задачи необходимы: 1) такое организационное построение потребительской кооперации, при котором было бы обеспечено вовлечение населения в активное участие в кооперативном строительстве, 2) общее и централизованное руководство работой потребительской кооперации и 3) гибкость и приспособленность кооперативного аппарата к всестороннему удовлетворению потребительских нужд кооперированного населения.

Основными ячейками потребкооперации являются единые потребительские общества, в состав которых входят членами отдельные потребители.

Потребительские общества об'единяются в районные союзы (райсоюзы), которые в свою очередь создают свои центральные объединения республиканского масштаба (по РСФСР — Центросоюз, по УССР — Вукоспилка). В первые годы нэпа вся система потребительской кооперации строилась на началах строгой централизации. Центросоюз не только руководил райсоюзами и низовой сетью, но был также почти единственным поставщиком для всей кооперации. Понятно, что по мере роста кооперативной сети и ее оборотов такая строгая централизация становилась фактором, значительно удорожающим товары и препятствующим дальнейшему развитию потребкооперации. Поэтому XIII съезд ВКП (б) (1924 г.) постановил, что одним из первых мероприятий по улучшению работы кооперации должно быть: «Проведение децентрализации в области как организационной и торговой, так и кредитной деятельности, с предоставлением максимальной самостоятельности низовой кооперации и ее первичным и районным объединениям, ибо только в этом случае обеспечивается самодеятельность кооперируемых рабочих и крестьянских масс. Кооперативные центры должны разгрузить себя от задачи непосредственной закупки и снабжения всей кооперативной сети всеми видами товаров и должны построить свою работу на совершенно необходимом посредничестве между низовой кооперацией и государственными хозяйственными и торговыми органами и на действительном организационном руководстве низовой кооперацией».

Взаимоотношения кооперации и госпромышленности.

Реализация продукции госпромышленности через потребительскую кооперацию растет из года в год. Так за 1924/25 г. кооперация закупила через тресты и синдикаты 31,5% всей товарной продукции госпромышленности, в 1925/26 г. — 36,1%, в 1926/27 г. — 41,3%. Поскольку сбыт самих трестов все больше концентрируется через синдикаты, синдикаты становятся организациями, в которых все более сосредоточиваются закупки кооперации у госпромышленности. Это обстоятельство, с одной стороны, значительно упрощает связь кооперации с госпромышленностью и понижает коммерческие издержки кооперации по закупкам, так как вместо того чтобы иметь дело со многими трестами кооперация все больше переходит к сделкам по закупке с небольшим количеством синдикатов. Но, с другой стороны, это же обстоятельство может вести и к росту издержек по прохождению товаров от госпромышленности к кооперации, так как на пути этого прохождения становится промежуточное звено — синдикат, который имеет свои накладные расходы и ко-

торый должен получить еще определенную прибыль; кроме того прохождение продукции госпромышленности к кооперации через синдикаты может вести еще и к замедлению быстроты товарооборота.

Во избежание этих вредных последствий взаимоотношения кооперации и госпромышленности строятся на основе генеральных договоров между ними, которые получили широкое распространение, начиная с 1925/26 г., и целиком оправдались практикой. Сущность генеральных договоров заключается в том, что синдикат обязуется доставить кооперации к определенным срокам определенные количества товара определенного ассортимента. В генеральных договорах оговариваются также цены и условия расчета. Зная таким образом заранее, какие именно товары и в какие сроки нужно будет доставить кооперации, синдикат может организовать отправку товаров со складов трестов, а иногда и со складов фабрики, прямо в районы, указываемые кооперацией. Этим ускоряется путь прохождения товара (так называемое транзитное прохождение товара), уменьшаются время его обращения и накладные расходы, так как синдикат ограничивается только комиссионным вознаграждением по посредничеству.

Постановлением СТО от 18 августа 1926 г. генеральные договоры признаются основной формой взаимоотношений госпромышленности и кооперации. «Взаимоотношения госпромышленности и кооперации должны все больше и больше строиться на изучении местными кооперативными органами емкости и потребности обслуживаемых рынков и дачи государственным промышленным и торговым организациям соответствующих заявок и заказов» (из директивного письма Центросоюза, август 1926 г.). Организованные взаимоотношения между госпромышленностью и кооперацией не только прямым образом содействуют вытеснению частного капитала из товарооборота, они ведут также к уничтожению элементов рыночной анархии внутри обобществленной части товарооборота.

«Кооперация должна превратиться в наиболее дешевый и рациональный аппарат движения товаров от производителя к потребителю. Через организованное вовлечение масс в хозяйственную работу она должна способствовать учету потребительского спроса населения и планомерному покрытию этого спроса путем своевременного предъявления промышленности заявок через систему заказов» (из директив XV с'езда ВКП (б).

Практика генеральных договоров и их дальнейшее развитие представляют собой крупный шаг вперед в деле организации товарооборота и превращения его в плановое распределение.

Описанная нами система организации потребкооперации обеспечивает наибольшую гибкость кооперативной организации в це-

лом, тесную связь между госпромышленностью и кооперацией и единое руководство во всей потребительской кооперации.

Рост потребительской кооперации.

Потребительская кооперация достигла очень больших результатов в своей работе. Торговые обороты всей системы потребкооперации выросли с 853 млн. руб. в 1922/23 г. до 10 070 млн. руб. в 1926/27 г. Удельный вес потребительской кооперации в розничном обороте СССР в 1927/28 г. составляет 63%. Уже в 1926/27 г. потребительская кооперация реализовала 57% продукции текстильной промышленности, 74% продукции соляной промышленности, 65% сахарной промышленности и 60% керосина. Мы видим, что потребительская кооперация действительно является основным проводником главнейших промышленных товаров. Чрезвычайно важным является то обстоятельство, что 38% всех реализованных потребительской кооперацией промышленных товаров (а по основным товарам — до 58%) получено ею от госпромышленности в порядке генеральных договоров. Это значит, что значительная часть оборота промышленных товаров уже происходит по определенному плану. Кооперация является не только основным проводником продукции госпромышленности, она в значительной мере уже осуществляет практически свою роль как орудие планового распределения продукции и планомерной связи между госпромышленностью и потребительской массой.

Не менее значительны успехи потребительской кооперации и в отношении кооперирования населения, что видно из следующей таблицы:

По всему СССР было	На 1 окт. 1923 г.	На 1 окт. 1924 г.	На 1 окт. 1925 г.	На 1 окт. 1927 г.
1. Городских рабочих потребительских обществ.	1 897	1 560	1 469	1 402
2. В них членов-пайщиков.	2 599 000	3 027 000	3 667 000	5 467 000
3. Сельских потребительских обществ	16 105	21 023	24 028	27 173
4. В них членов-пайщиков.	2 297 000	3 529 000	5 041 000	9 684 000

Среднее число членов-пайщиков на одно общество в городе увеличилось с 1 370 в 1923 г. до 3 900 в 1927 г., а в деревне — с 143 в 1923 г. до 355 в 1927 г. Мы видим, что как в деревне, так и в городе происходит укрепление обществ, что при росте оборотов низовой сети означает также и рост оборотов каждого общества и следовательно уменьшение торговых расходов по низовой сети. Но в среднем каждое городское общество по количеству членов-пайщиков в 10 раз крупнее, чем каждое сельское потребительское общество. Причины этого явления заключаются

в том, что в городе население более плотно, чем в деревне; кроме того рабочий класс вообще более организован, чем крестьянство.

Отсталость сельской потребительской кооперации в сравнении с городской и рабочей выражается также в средней величине оборотов одного общества. Так средний оборот на одно общество вырос в городской и рабочей кооперации с 130,8 тыс. руб. в 1922/23 г. до 1 295,6 тыс. руб. в 1925/26 г., а в сельской — с 8,6 тыс. руб. до 61,9 тыс. руб.

Несмотря однако на всю отсталость сельской потребительской кооперации по сравнению с городской и рабочей, ее успехи и значительный рост несомненны. Об этом свидетельствуют и рост числа сельских потребительских обществ, и рост числа пайщиков, и укрупнение обществ, и рост их оборотов.

Все изложенные нами достижения потребительской кооперации как в организационном, так и в торговом отношении были бы немыслимы без поддержки, которую государство оказывает потребительской кооперации.

Потребительская кооперация в СССР пользуется целым рядом льгот по сравнению с частной торговлей. Сюда относятся льготные условия кредитования как по размеру кредита, так и по срокам, налоговые льготы, право преимущественного перед другими покупателями получения товаров у госпромышленности и т. п. Кооперация получает также и ассигнования по госбюджету в порядке долгосрочных ссуд. Такое отношение государства к кооперации (не только потребительской, но и к кооперации в целом) вытекает из основных принципов социалистического строительства.

Но одной только поддержки государства для развития кооперации недостаточно, необходимо еще максимальное развитие самодеятельности кооперированных масс. «Под этой поддержкой, — говорит дальше В. И. Ленин, — недостаточно понимать поддержку любого кооперативного оборота; под этой поддержкой надо понимать поддержку такого кооперативного оборота, в котором действительно участвуют действительные массы населения. Давать премию тому крестьянину, который участвует в кооперативном обороте, это — формула безусловно верная, но при этом проверять это участие и проверять его сознательность и его доброкачественность — вот в чем гвоздь вопроса».

Осуществление этого принципа «действительного участия действительных масс» является важнейшим условием дальнейшего роста кооперации и ее успехов в борьбе за вытеснение частной торговли.

Частная торговля.

Выше не раз было показано, что существование частной торговли в той мере, в какой товарооборот еще не может быть охвачен госторговлей и кооперацией, совершенно неизбежно. Частная торговля должна

быть вытеснена постольку, поскольку ее место может быть занято кооперацией, так как вытеснение частной торговли без замещения ее кооперацией (или госторговлей) привело бы к сокращению товарооборота.

«Дальнейшее вытеснение частника с рынка кооперацией и государственной торговлей должно происходить в меру их действительных организационных и материальных возможностей, так чтобы это вытеснение не влекло за собой бреши в товаропроводящей сети и перебоев в снабжении рынка» (из директив XV с'езда ВКП (б).

Наша задача по отношению к частной торговле таким образом имеет двойственный характер: с одной стороны, борьба с ней и вытеснение ее из товарооборота, а с другой, — использование ее в целях развития товарооборота.

В первые годы нэпа частная торговля занимала преобладающее место в розничной торговле и держала в своих руках около половины всего оптово-розничного оборота. Начиная с 1923/24 г., когда уже достаточно окрепла государственная и кооперативная торговля, роль частной торговли все более и более падает. Правда, если судить по количеству торговых заведений, роль частной торговли может показаться еще и сейчас чрезвычайно крупной. Так в 1927/28 г. 71% всех торговых предприятий были частными. Однако действительное значение частной торговли определяется не числом ее торговых пунктов, а суммой ее оборотов. Как изменялся удельный вес частной торговли по величине ее оборотов, видно из следующей таблицы:

Отношение частной торговли (по оборотам) во всем торгово-посредническом обороте

(В процентах)

Годы	Во всем обороте	В оптовом обороте	В розничном обороте
1923/24	41	21,8	58,6
1924/25	27	9,4	42,7
1925/26	24	7,1	38,9
1926/27	17	3,3	32,6
1927/28	9	1,3	23,4
1928/29	6,6	1,0	18,6

Мы наблюдаем таким образом неуклонное падение частной торговли как в оптовом, так и розничном товарообороте. Это сокращение доли частного капитала в товарообороте до 1925/26 г.

происходило при абсолютном росте оборотов частной торговли: по розничному товарообороту частная торговля имела оборот в 2 946 млн. черв. руб. в 1923/24 г., что составляло 58,6% всего розничного товарооборота, а в 1925/26 г. оборот частной розницы составлял 5 155 млн. руб., или 32,6% всей розницы.

Но с 1926/27 г. падение удельного веса частной торговли сопровождается значительным сокращением ее оборотов (4 460 млн. руб. в 1926/27 г., 3 090 млн. руб. в 1927/28 г. и 2 830 млн. руб. в 1928/29 г.).

Частный торговый капитал играет меньшую роль в торговле продуктами промышленности, чем в торговле продуктами сельского хозяйства. Мы видели выше (см. стр. 397), что кооперация реализует подавляющую часть продуктов основных отраслей промышленности, производящих предметы потребления; в торговле этими продуктами роль частного капитала совершенно незначительна, и в этой области можно считать позиции государственной и кооперативной торговли окончательно завоеванными. Хуже обстоит дело в торговле предметами потребления, производимыми кустарной промышленностью. Как было показано выше, в главе о промышленности, частный скупщик является пока еще в значительном масштабе посредником между кустарем и потребителями кустарных изделий. Большую сравнительно роль частный капитал играет также в торговле некоторыми сельскохозяйственными продуктами.

Вытеснение частного капитала из этих отраслей торговли дело гораздо более трудное, чем его вытеснение из торговли продуктами госпромышленности. Но эта задача облегчается в связи с переходом к реконструкции сельского хозяйства. С одной стороны, развитие контрактации, рост сети сельскохозяйственной кооперации устанавливают прямую связь между промышленностью и сельским хозяйством и между городским потребителем — рабочим и крестьянским хозяйством. С другой стороны, развитие совхозов, крупных колхозов и машино-тракторных станций все больше вводит товарную массу селькохозяйственных продуктов в русло организованного обмена и распределения.

§ 2. Регулирование рынка и цен.

Охват товарооборота государством и кооперацией и систематическое вытеснение частной торговли имеют огромное значение не только в том отношении, что этим путем мы устанавливаем прямую связь между пролетариатом и основной массой крестьянства и вырываем крестьянство из-под влияния капитализма. Овладение государством и кооперацией важнейшими, решающими позициями в товарообороте, правильная организация государственной и кооперативной торговли имеют еще и то значение, что в

лице госторговли и кооперации государство имеет материальную базу и орудие регулирования всего товарооборота. Государство не могло бы регулировать товарооборот в необходимой мере, не могло бы руководить планомерным распределением товаров по стране и вести определенную политику цен, если бы решающие позиции на рынке находились в руках частного капитала

Через товарооборот устанавливается связь между отдельными частями народного хозяйства, поэтому регулирование товарооборота является одним из самых сильных орудий регулирования всего народного хозяйства и в особенности сельского хозяйства. Устанавливая тот или иной уровень цен на сельскохозяйственные и промышленные товары, государство тем самым регулирует взаимоотношения между промышленностью и сельским хозяйством. Осуществляя определенный план завоза промышленных товаров в хлебозаготовительные районы или хлеба в районы технических культур, государство тем самым поддерживает и содействует дальнейшему росту товарности и специализации сельского хозяйства. Через регулирование цен государство влияет на благосостояние рабочего класса и основных масс крестьянства. Отсюда видно, какое огромное не только экономическое, но и чисто политическое значение имеет регулирование рынка и цен в деле социалистического строительства.

Мы рассмотрим методы, достижения и задачи регулирования рынка сначала в отношении промышленных, а затем сельскохозяйственных товаров.

а) Государственное регулирование рынка промышленных товаров.

Регулирование движения товарных масс.

В этой области одной из основных задач является регулирование движения товарных масс. В условиях полного насыщения рынка товарами, в особенности товарами широкого потребления, эта задача в общем почти отпала бы. Иное дело, когда мы имеем налицо товарный голод.

Поэтому государство, в первую очередь в лице Народного комиссариата торговли, должно следить за тем, чтобы имеющиеся товары планомерно распределялись торгующими организациями по различным районам, чтобы не получилось такого положения, когда в один район промышленных товаров направлено много, а в другой слишком мало.

Наиболее всего нуждаются в промышленных товарах отдаленные от промышленных центров районы. Возьмем, например, среднеазиатские республики, производящие хлопок. Если туда, наравне с хлебом, не будут доставлены промышленные товары по доступным ценам и в достаточном количестве, заготовка хлопка

будет затруднена, а посевы хлопка будут неизбежно сокращаться. Но продажа промышленных товаров в эти районы означает для продающих организаций медленный оборот капитала, и поэтому если бы синдикаты, тресты и др. организации были полностью предоставлены сами себе в выборе своих покупателей, они бы (в условиях товарного голода) направляли свои товары не в отдаленные, а в ближайшие районы. Регулирование движения товарных масс через установление порайонных планов завоза промышленных товаров приводит в соответствие частный коммерческий интерес отдельных хозяйственных организаций с общими интересами социалистического строительства. Это регулирование возможно только в условиях хозяйственного строя СССР, где подавляющая часть промышленности находится в руках государства, а бо́льшая часть товарооборота — в руках государства и кооперации.

Регулирование движения товарных масс имеет своей задачей не только рациональное, с точки зрения социалистического строительства в целом, использование товарных масс. Это регулирование должно ввести вообще плановость в распределение произведенной продукции и тем самым добиться «преодоления анархии рынка и расточительности в расходовании материальных средств, свойственной капиталистическому способу распределения» (XV с'езд ВКП (б). У нас в СССР уже нет капиталистического способа распределения, но этим не создается автоматически плановое распределение. Регулирование движения товарных масс является одним из важнейших средств преодоления рыночной анархии.

Регулирование цен.

Важнейшей задачей в области регулирования рынка промтоваров является снижение цен.

В первой части этой книги мы уже показали, почему снижение цен является одним из основных и руководящих принципов политики советской власти. Далее, в главе о промышленности, мы рассматривали методы, которыми промышленность может и должна содействовать снижению цен, — методы снижения себестоимости. Себестоимость товара для треста является важнейшей составной частью отпускной цены, а отпускная цена треста в свою очередь является основой розничной цены на промтовары. Снижение себестоимости и отпускных цен на промтовары, которое было произведено, начиная с 1923 г., выразилось в 30% с лишком. Снижение оптовых цен на промтовары с сентября 1923 г. до июня 1925 г. выразилось также в 30%, снижение же розничных цен за этот же период времени выразилось только в 24%. Вздорожание промтоваров по сравнению с довоенным временем выразилось по оптовым ценам (которые вообще не на много превышают отпускные цены), например на 1 января 1925 г. в 1,94 раза, а по розничным — в 2,36 раза; на 1 октября

1926 г. оптовые цены на промтовары были в 2,04 раза выше оптовых цен 1913 г., а розничные — в 2,49 раза выше розничных цен 1913 г.

Все эти данные показывают, что уровень розничных цен зависит не только от уровня себестоимости и отпускных цен госпромышленности, и что поэтому путь к снижению розничных цен (а ведь снижение цен вообще имеет значение главным образом постольку, поскольку снижаются розничные цены) лежит не только через снижение себестоимости и отпускных цен. Снижение розничных цен зависит в значительной мере и от самой торговли.

Оптово-розничные «ножницы».

Само собой разумеется, что розничная цена должна быть на определенный процент выше оптовой, накидка на оптовую цену должна окупить расходы, связанные с розничной торговлей, и дать определенный процент прибыли на вложенный в розничную торговлю капитал. Эта розничная накидка должна быть во всяком случае не очень большой, она не должна вызывать значительной разницы между оптовой и розничной ценой. Однако до сих пор розничная накидка у нас была слишком высокой, расхождение между оптовыми и розничными ценами было слишком значительным. В особенности эти оптово-розничные «ножницы» стали расходиться, начиная с 1925 г., т. е. с того времени, когда на рынке стал обнаруживаться и обостряться товарный голод. Товарный голод вызвал повышение цен в первую очередь в частной торговле, однако и в кооперации и в госторговле наблюдалось повышение цен, хотя и не такое сильное, как в частной торговле. Накидки частной торговли к отпускным ценам госпромышленности в 2 раза превышали на протяжении двух 1925—1927 гг. накидки кооперации; это конечно вполне естественно, ибо частная торговля руководствуется прежде всего наживой, но это нисколько не оправдывает высокого уровня розничной накидки кооперации и госторговли. Специальными обследованиями Наркомторга в 1927 г. установлено, что в целом ряде случаев кооперация использовывала обстановку товарного голода для получения чрезмерных прибылей. Правда, прибыль кооперации идет на расширение ее деятельности, часть прибыли в виде премии на забор выдается кооперированному потребителю. Но этим ни в коем случае нельзя оправдывать чрезмерные прибыли кооперации.

«Социалистическое накопление может и должно происходить не путем удержания высокого уровня цен или политики их повышения, а путем достижений в деле сокращения торговых и накладных расходов, рационального построения аппарата и экономного ведения дела» (из резолюции ЦК ВКП (б) от февраля 1927 г. о снижении цен).

Основное назначение кооперации — это обслуживание организованного потребителя. Кооперация будет тем сильнее и бы-

стрее развиваться, чем больше в ней будет организовано рабочих и крестьянских масс, а степень организованности населения в кооперации зависит в значительной степени от того, насколько кооперации удается заинтересовать потребителя. Снижающиеся цены являются самым действительным средством привлечения населения в кооперацию. Пренебрегая этим путем и становясь на нездоровый путь накопления главным образом за счет высоких прибылей, получаемых от высоких розничных цен, кооперация не только уклонялась бы от выполнения своего прямого назначения — наилучшего обслуживания потребителя, но поступила бы нецелесообразно даже с точки зрения своих узко коммерческих интересов. Если прибыль (и притом еще высокая) будет получаться вследствие высоких цен, кооперация и госторговля не будут иметь непосредственных побудителей к улучшению своего торгового аппарата, к сокращению торговых расходов. В случае, когда условия, позволяющие брать с потребителя высокие цены, исчезнут, когда товарный голод ослабеет, высокая прибыль также исчезнет и может смениться убытком. Накопление за счет высоких розничных цен превратило бы кооперацию и госторговлю в организации, лишенные гибкости и подвижности, необходимые для того, чтобы приспособляться к меняющимся условиям рынка.

Регулирование торговых накидок.

Для того чтобы удержать розничную государственную и кооперативную торговлю от этого нездорового и гибельного для нее пути, необходимо регулировать ее прибыль. Февральский 1927 г. пленум ЦК ВКП (б) в резолюции о снижении цен предлагает Наркомторгу «установить предельный процент прибыли, включаемой в калькуляцию госторговли и кооперации, сведя этот предельный процент для промежуточных и высших звеньев кооперации и госторговли до крайнего минимума».

Устанавливая предельный процент прибыли государственной и кооперативной розничной торговли, государство регулирует только один из элементов, образующих розничную накидку к оптовой цене. Для удержания цен на определенном уровне необходимо еще установление предельной розничной накидки в целом по всем ее элементам. Конечно, было бы почти невозможно установить предельные накидки для всех товаров. Торговые расходы неодинаковы для всех видов товаров, они зависят от целого ряда меняющихся условий. Да и нет надобности регулировать накидки абсолютно на все товары: важно регулировать цены на важнейшие товары широкого потребления и в особенности на те из них, предложение которых меньше спроса на них, на так называемые недостаточные товары.

По отношению к некоторым товарам (папиросы, чай, спички и т. д.), которые могут быть выпущены с фабрики уже в готовой упаковке, применяются этикетные цены, выше которых товары

никем не могут быть проданы. Но этикетные цены, хотя они должны быть расширены на все больший круг товаров, не могут применяться ко всем главнейшим товарам широкого потребления. Розничная цена здесь не нормируется, а регулируется путем установления Наркомторгом и его органами обязательных предельных накидок в процентах к оптовой цене. Если на какой-либо товар понижается отпускная и оптовая цена, то, при существовании твердой нормы накидки, сама собой понизится и розничная цена, и таким образом снижение оптовых цен будет доведено до потребителя.

Установление предельных накидок имеет огромное значение для снижения цен и усовершенствования всего кооперативного и государственного торгового аппарата. Выше, в главе о промышленности, мы видели, каким образом установление обязательных предельных отпускных цен на промышленные товары и неоднократное их снижение дали сильнейший толчок госпромышленности к уменьшению себестоимости на основе улучшения техники и организации производства. Такое же значение должны иметь для товаропроводящего аппарата предельные накидки. В эти предельные накидки кооперация и госторговля должны уложить все свои торговые расходы и прибыль. Если торговые расходы какого-либо кооператива по какому-либо товару равны установленной для него предельной накидке, то этот кооператив никакой прибыли от торговли данным товаром не получит; если же торговые расходы превысят обязательную предельную накидку, то этот кооператив будет торговать в убыток. Обязательные предельные накидки должны, следовательно, заставить госторговлю и кооперацию улучшить свой торговый аппарат, уменьшить в нем излишние расходы, усовершенствовать самую технику торговли. Через установление предельных накидок по главнейшим товарам государство заставляет торгующие организации провести широкую рационализацию торговли, такую рационализацию, которая должна стать самой прочной основой снижения розничных цен, поскольку эти цены зависят не от производства, а от обращения.

Рационализация торговли.

Рационализация торговли должна проходить по двум линиям. Во-первых, по линии упрощения товаропроводящей сети, во-вторых, по линии улучшения и усовершенствования самой торговой техники. Вся торговая сеть как государственная, так и кооперативная должна быть построена так, чтобы в ней не было излишних звеньев, замедляющих и удорожающих прохождение товара. Путь товара от фабрики к потребителю должен быть максимально коротким. Как мы видели в предыдущем параграфе настоящей главы, практика генеральных договоров и транзитное прохождение товара значительно этому содействуют. Однако генеральные договоры лишь частично решают задачу удешевления прохожде-

ния товаров — без правильно построенной торговой сети значение генеральных договоров может быть сведено на-нет.

Рационализация торговой сети является одним из средств уменьшения накладных торговых расходов. Другим, не менее важным, является рационализация работы каждого звена торговой сети, каждой конторы, склада, магазина, лавки. Упрощение всего делопроизводства, отчетности и контроля и в связи с этим сокращение излишних штатов, улучшение техники отпуска товаров, упаковки и перевозки его, лучшее хранение товара во избежание порчи, подбор правильного ассортимента товаров, не загружающего магазины большим количеством малоходового товара, — все эти и целый ряд других крупных и мелких вопросов организации торговли должны постоянно быть в поле зрения торговых учреждений и заведений, ни одна возможность, как бы малозначительной она ни казалась, не должна быть упущена в деле усовершенствования торговой техники и сокращения торговых расходов. Только при этом условии рационализация торгового аппарата и его работы даст возможность кооперации и госторговле получать прибыль и накоплять при все уменьшающихся розничных ценах, регулируемых предельными накидками.

Предельный процент прибыли, этикетные и твердые цены и предельные накидки устанавливаются Народным комиссариатом торговли и его органами и обязательны для всей государственной и кооперативной торговли.

Борьба за правильное осуществление линии партии и соввласти.

Но где гарантия того, что они действительно будут проводиться в жизнь? Конечно, первая и основная гарантия заключается здесь в том, что эти административные постановления Наркомторга распространяются на государственные и кооперативные (а не частные) торговые учреждения, во главе которых стоят люди, обязанные руководствоваться прежде всего интересами социалистического строительства.

Однако часто бывает так, что работники госторговли и кооперации ложно понимают эти интересы и оправдывают высокие прибыли социалистическим накоплением, тем более что гораздо легче накоплять за счет потребителя, чем за счет усовершенствования торговой техники.

Исходя из этого ложно понятого лозунга накопления, работники кооперации и госторговли могут (в особенности в условиях товарного голода) обходить предельные накидки и нормы прибыли. Конечно, прямое и очевидное нарушение обязательных цен является преступлением, которое карается по суду, и поэтому, по мере развития борьбы путем судебных репрессий против нарушителей установленных цен, такое прямое неподчинение обязательным постановлениям будет исчезать. Гораздо более серьезным является скрытое противодействие политике снижения цен,

которое выражается в переименовании сортов товаров, в отказе торговать товаром, цены которого снижены, и т. д. За такое скрытое превышение установленных цен не всегда можно привлечь к судебной ответственности. Здесь способами воздействия на торговую организацию, кроме административных, могут быть ухудшение условий кредита, как банковского, так и товарного, полное лишение соответствующей торговой организации кредита, прекращение отпуска ей товара, по которому она нарушила предельные цены, и другие мероприятия экономического воздействия.

Но все эти административные и экономические мероприятия по регулированию розничной торговли окажутся бессильными, если не будут опираться на широкий контроль масс над торгующими организациями. Без активного участия масс и всех советских, партийных и профессиональных организаций в деле регулирования цен политика снижения цен не может дать должных результатов. Кооперация — этот основной проводник промышленных товаров — является организацией масс, и только как массовая организация, осуществляющая «действительное кооперирование действительных масс», она сможет быть проводником одной из важнейших задач социалистического строительства — задачи снижения цен.

Описанные нами сейчас методы регулирования цен на промтовары относятся только к государственной и кооперативной торговле. Именно для них могут быть обязательны предельный процент прибыли, предельные накидки и т. д. Для частной торговли обязательны только этикетные цены. Какими методами в таком случае могут быть регулированы цены в частной торговле?

Регулирование цен в частной торговле.

Хотя частная торговля охватывает лишь меньшую и все уменьшающуюся часть розничного товарооборота, она все же продолжает оставаться фактором, оказывающим влияние на общий уровень цен. Если госторговля и кооперация сознательно ставят себе задачу снижения цен и если превышение отдельными государственными или кооперативными организациями установленных цен является извращением их задач, извращением, с которым само же государство и кооперация в целом ведут борьбу, — то движущей силой частной торговли является погоня за наибольшей прибылью, а способом достижения этой цели является повышение цен, поскольку оно возможно и допускается состоянием конкуренции.

Основным методом регулирования цен в частной торговле является конкуренция со стороны государственной и кооперативной торговли. Если бы подавляющая часть розничного товарооборота проходила через частную торговлю, как это было в начале нэпа, то, конечно, никакими мероприятиями не удалось бы повлиять на цены в частной торговле в желательном для советской

власти направлении. Поскольку же бо́льшая часть розницы сосредоточена в госторговле и кооперации, то конкуренция этих последних заставляет и частную торговлю продавать свои товары дешевле.

Однако это влияет только на уровень цен достаточных товаров, которыми рынок насыщен. В условиях товарного голода по отношению к недостаточным товарам конкуренция отпадает; в том и заключается особенность товарного голода, что не продавцы конкурируют друг с другом, а покупатели. Раз какой-нибудь товар становится недостаточным и госторговля и кооперация не могут удовлетворить спроса на него, то потребитель будет платить частнику втридорога, лишь бы получить нужный предмет. В особенности частник повышает цены в тех местах, где кооперация и госторговля слабо развиты.

Один из методов заставить частного торговца снизить цены на недостаточный товар, если этот товар является продуктом госпромышленности, заключается в том, чтобы отпускать ему товар с условием продажи его не выше определенной цены.

Проведенные еще в 1925 г. опыты такого снабжения частных торговцев дали в общем благоприятные результаты. В случае нарушения частником установленных по договору цен он штрафуется, и ему прекращается отпуск товара.

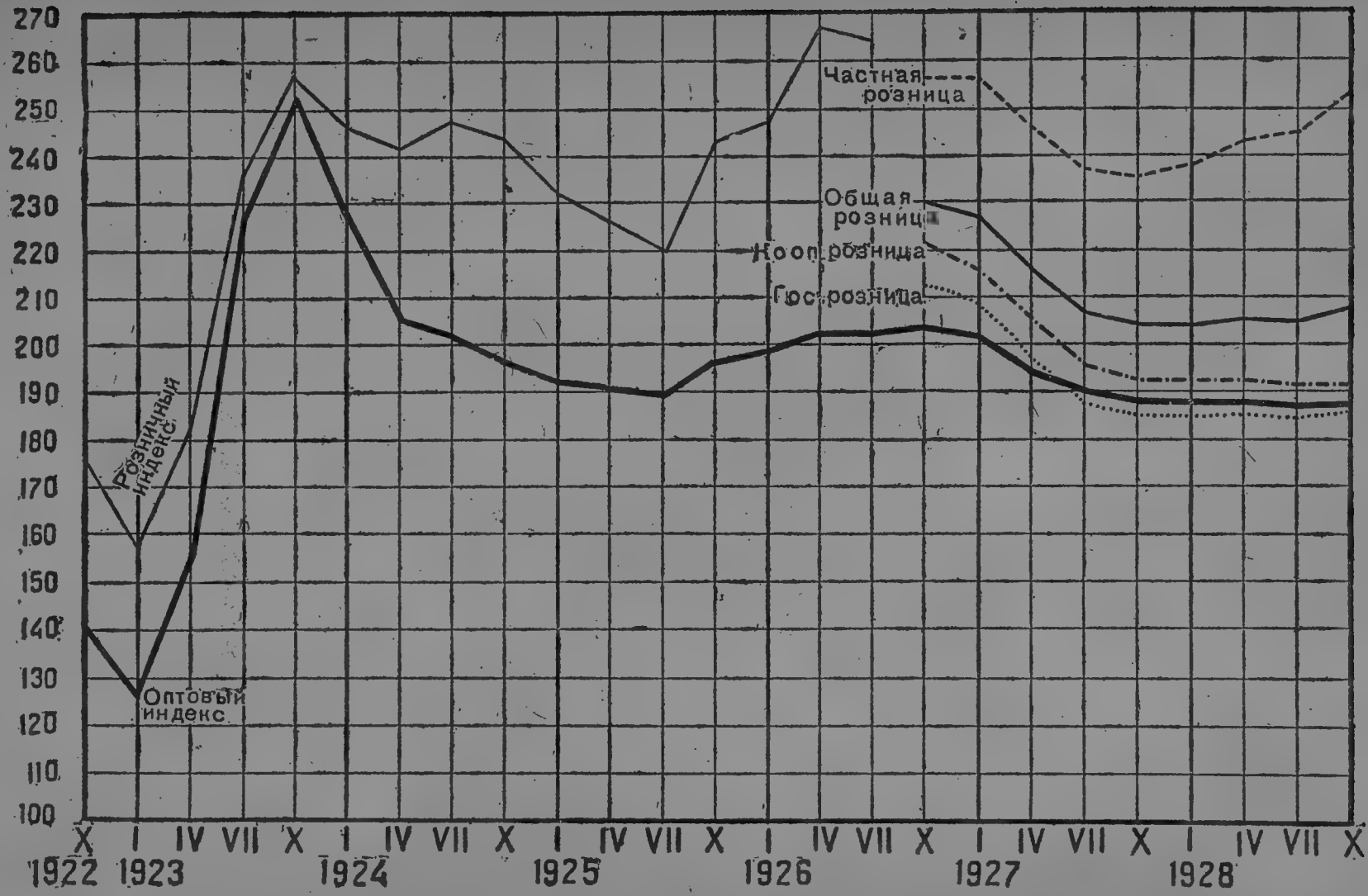
Само собой разумеется, что такое регулирование цен на недостаточные товары в частной торговле возможно только там, где широко развита государственная и кооперативная торговля, т. е. главным образом в крупных городах. В остальных районах, где частная торговля имеет больший удельный вес, регулирование цен в частной торговле чрезвычайно затруднено, и здесь необходимо прежде всего укрепить и развить кооперацию для того, чтобы удерживать цены на необходимом уровне. Существенную роль может сыграть и административно-судебное воздействие на явно спекулятивные операции частника.

Что касается регулирования цен на те достаточные товары, торговля которыми преимущественно сосредоточена в руках частников, как ряд сельскохозяйственных продуктов (овощи, мясо, масло, яйца и др.) и продуктов кустарной промышленности (в особенности обувь), — то здесь основная задача заключается в овладении со стороны госторговли и кооперации торговлей этими продуктами.

Таковы основные методы и задачи регулирования цен на промышленные товары.

Движение цен на промтовары.

Движение цен на промышленные товары за годы нэпа претерпело ряд существенных изменений (см. диаграмму). Весь 1922/23 г. проходит под знаком резкого под'ема промышленных цен. Это был период, когда тресты путем под'ема цен старались вернуть себе


270
260
250
240
230
220
210
200
190
180
170
160
150
140
130
120
110
100
Частная розница
Общая розница
Кооп розница
Гос розница
Розничный индекс
Оптовый индекс
X I IV VII X I IV VII X I IV VII X I IV VII X I IV VII X I IV VII X
1922 1923 1924 1925 1926 1927 1928

то, что они потеряли в первый год нэпа на «разбазаривании» своей продукции. Государство еще не выступило с активной политикой регулирования цен. Лишь после кризиса сбыта 1923 г. начинается политика планомерного снижения цен. Оптовые цены снижаются до 1927/28 г., но розничные цены не идут в ногу с этим снижением. В конце 1925/26 г. начинается товарный голод, под влиянием которого увеличивается расхождение между оптовыми и розничными ценами. В первую очередь идет резкий под'ем розничных цен в частной торговле. Но процесс повышения розничных цен захватил также государственную и кооперативную торговлю (на диаграмме это не отражено) [1], которые вопреки регулирующему воздействию государства использовывали обстановку товарного голода. И в оптовой торговле мы наблюдаем эту же тенденцию повышения цен.

Повышательное движение цен стало угрожающим фактором для равновесия нашего хозяйства, вызвало волну спекуляции, частичное обесценение валюты, понижение реального уровня зарплаты, понижение товарности сельского хозяйства и т. п. Борьба за снижение цен должна была поэтому стать в центре мероприятий по изживанию хозяйственных затруднений. Партия в трудных условиях того года поставила эту задачу в центре всей хозяйственной политики.

Совершенно иначе расценивала положение троцкистская оппозиция. В предыдущих главах мы рассмотрели совершенно расходящуюся с линией партии линию оппозиции в вопросе о политике отпускных цен, — оппозиция видела исход из создавшихся затруднений в повышении отпускных цен, которое должно было якобы дать огромные средства для индустриализации. Мы видели, что повышение цен ничего иного фактически не означает, как уничтожение политических и экономических предпосылок и условий индустриализации.

Как обстояло дело у оппозиции с вопросом о розничных ценах?

Свои предложения о повышении отпускных цен оппозиция мотивировала, между прочим, и тем, что повышением отпускных цен будет отнята у частного торгового капитала та высокая кон'юнктурная прибыль, которую он наживает на товарном голоде. При этом оппозиция в лице Преображенского говорила «о таком повышении цен, которое не может отразиться в смысле дальнейшего увеличения цен в рознице» (Е. Преображенский, Экономические заметки, «Большевик» № 6 за 1926 г.). Всякому должно быть ясно, что если в условиях товарного голода повысить отпускные цены, то это неминуемо повело бы к резкому повышению и розничных цен.

Один только намек на повышение отпускных цен вызвал бы под'ем спекуляции, повышение спроса, так как каждый хотел бы запастись товаром, прежде чем повышена его цена. Розничные цены повысились бы не только в частной торговле, но и в кооперации.

Другой экономист оппозиции, Майзлин (В. Смирнов), прямо предвидит повышение розничных цен в результате повышения отпускных цен (см. статью Майзлина в «Большевике» № 18, 1926 г.).

---

[1] На нашей диаграмме движение розничных цен до июля 1926 г. относится только к частной торговле, так как движение розничных цен до этого момента учитывалось только по частной торговле. Начиная с октября 1926 г. мы даем движение розничных цен отдельно по государственной, кооперативной и частной розничной торговле, а также общий уровень розничных цен.

Тов. Пятаков, бывш. третий экономист оппозиции, в сентябре 1926 г. предлагал, в целях ускорения индустриализации, из'ять часть капиталов у кооперации и направить их в капитальные работы (см. «Вестник Комакадемии» № 17, стр. 217). Практическим следствием такого мероприятия были бы сокращение оборотов кооперации, рост за ее счет оборотов частной торговли, увеличение роли частной торговли и, следовательно, распространение высоких розничных цен, существующих в частной торговле, на большую часть товарооборота.

Таким образом предложения оппозиции шли по линии повышения не только отпускных, но и розничных цен. Хотя на февральском (1927 г.) пленуме ЦК ВКП(б) оппозиция голосовала за резолюцию о снижении цен, она всеми своими предыдущими выступлениями, а также тем фактом, что она ни разу не признала ошибочности этих выступлений, всячески тормозила и мешала той кампании за снижение цен, которую партия упорно проводила и проводит

Вопреки всем предсказаниям оппозиции о невозможности снижения розничных цен в условиях товарного голода партия добилась того, что средний уровень розничных цен стал понижаться с I квартала 1926/27 г., несмотря на то, что в частной торговле розничные цены продолжали расти. Это показывает, что снижение цен произошло не только вследствие ослабления товарного голода, но и в результате воздействия государства и на кооперацию. С марта 1927 г. на борьбу за снижение цен была мобилизована вся советская общественность, в кампанию были вовлечены массы трудящихся, и это, в конечном счете, и обеспечило успех кампании, выразившийся в том, что средний уровень розничных цен значительно понизился.

Эта кампания выявила целый ряд недостатков кооперации и госторговли, но одновременно с этим успех кампании, являющийся крупным не только экономическим, но и политическим достижением, выявил практически методы снижения цен, методы вовлечения масс в это дело.

Перелом в движении промцен в 1926/27 г. произошел не только в розничной, но и в оптовой торговле. С 1928/29 г. начинается новое повышательное движение розничных цен, но на этот раз уже только в частной торговле. В государственной и кооперативной торговле мы имеем стабильный уровень цен. Повышение общего уровня розничных цен происходит только в результате повышения цен в частной розничной торговле. То обстоятельство, что в условиях товарного голода обобществленный сектор торговли удерживает промышленные цены на устойчивом уровне, свидетельствует о крупнейшей победе социалистического строительства над рыночной стихией, о значительных достижениях в регулировании рынка и организации распределения. Окончательное вытеснение частника из торговли промтоварами должно обеспечить устойчивое и планомерно направляемое движение цен, которые из орудия стихии рынка должны превратиться в орудие планомерного организованного распределения.

б) Регулирование рынка сельскохозяйственных продуктов.

Регулирование рынка сельскохозяйственных продуктов представляет собой гораздо больше трудностей, чем регулирование рынка промышленных продуктов. В этом последнем случае государство само является хозяином-производителем, так как основная масса важнейших промышленных продуктов производится в государственной промышленности, крупной и концентрированной.

Задача регулирования рынка с.-х. продуктов.

На рынке промышленных товаров задача сводится к тому, чтобы продукцию этой промышленности распределить частью внутри промышленности, частью между огромной массой потребителей. На рынке же сельскохозяйственных продуктов

задача стоит совершенно обратная: собрать распыленную по многим миллионам крестьянских хозяйств сельскохозяйственную продукцию, сконцентрировать ее в руках государства для нужд госпромышленности и для вывоза и в руках кооперации — для распределения среди населения, главным образом городского.

Из этого различия путей и условий движения промышленных и сельскохозяйственных товаров вытекают и различные условия для регулирования цен на эти два подразделения товарной массы.

При регулировании цен на промышленные товары исходная цена, отпускная и оптовая, устанавливается самим государством (конечно на основе калькуляции себестоимости и других факторов), как хозяином главнейшей части всей массы промышленных товаров. Дальнейшая задача регулирования заключается в том, чтобы по пути движения товара его цена возросла бы лишь на минимальную, действительно необходимую и неизбежную величину. На рынке же сельскохозяйственных продуктов первоначальным хозяином товара, в громадном большинстве является не государство, а многомиллионное распыленное крестьянское хозяйство; здесь государство уже не может установить заготовительную цену на сельскохозяйственные продукты так просто, как оно устанавливает отпускные цены на промтовары, здесь нужна сложная система мероприятий, чтобы сделать приемлемой для крестьянского хозяйства цену, предлагаемую государством. Трудность регулирования цен на рынке сельскохозяйственных продуктов усугубляется еще и тем, что здесь частный капитал имеет гораздо более благоприятные условия деятельности, чем на рынке промтоваров: если важнейшие промышленные товары частный торговый капитал должен получать от госпромышленности и госторговли, то сельскохозяйственные товары он покупает в частном же крестьянском хозяйстве, к которому он нередко может быстрее и лучше приспособиться, чем разветвленный и подчас громоздкий государственный заготовительный аппарат.

Из всего сказанного следует, что на рынке сельскохозяйственных товаров перед государством стоят гораздо более трудные и сложные задачи, чем на рынке промышленных товаров. Это обстоятельство придает особую важность и значение работе по регулированию рынка сельскохозяйственной продукции: овладев рынком сельскохозяйственных продуктов, государство тем самым вытесняет рыночную стихию плановым началом на том участке рынка, где стихия имеет больше всего корней.

Практически задачи регулирования рынка сельскохозяйственных продуктов в основном сводятся к следующему: 1) заготовка государственными и кооперативными организациями достаточного количества продовольствия и сырья по определенным ценам и 2) продажа (распределение) заготовленного по определенным це-

нам. Мы таким образом имеем здесь регулирование заготовительного и потребительского рынка сельскохозяйственных продуктов.

Хлебозаготовки. На заготовительном рынке важнейшей задачей является регулирование хлебозаготовок, во-первых, потому, что хлеб занимает важнейшее место во всей сельскохозяйственной продукции, а во-вторых, потому, что хлеб является главным предметом питания, и от бесперебойного и по доступным ценам снабжения хлебом рабочих, Красной армии и крестьянства потребляющих районов зависит устойчивость экономических и отчасти политических условий всего нашего строительства.

За последние два года значение хлебозаготовок выросло в связи с обострением классовой борьбы, которая в деревне концентрируется наряду с коллективизацией, главным образом, вокруг хлебозаготовок.

Выше, в главе о сельскохозяйственной политике, мы уже говорили об основном принципе нашей политики цен на сельскохозяйственные продукты: это — достаточная выгодность этих цен для крестьянского хозяйства, сохранение устойчивости реальной зарплаты, обеспечение промышленности достаточно дешевым сырьем и создание выгодных условий для экспорта. Здесь мы рассматриваем методы, при помощи которых мы осуществляем нашу политику регулирования сельскохозяйственного рынка.

Заготовительный аппарат. Для овладения хлебным рынком необходим прежде всего достаточно разветвленный и правильно работающий хлебозаготовительный аппарат. Основными хлебозаготовительными организациями до 1927 г. были: акционерное общество «Хлебопродукт», Госбанк, Центросоюз и «Хлебоцентр» (входящий в состав сельскохозяйственной кооперации), из которых важнейшую роль в заготовках играли первые два. Кроме этих основных организаций, которые заготовляют хлебопродукты по единому плану, хлебозаготовками занимаются еще и местные кооперативные организации вне общегосударственного плана. Для того чтобы заготовить нужное количество хлеба по устанавливаемой государством цене, необходимы согласованность действий всех хлебозаготовительных организаций, отсутствие конкуренции между ними и гибкость их работы.

В 1926/27 г. на основе опыта первых лет хлебозаготовок число заготовителей было сокращено, и достигнута в общем согласованность в их действиях, о чем свидетельствует в первую очередь совершенно устойчивый уровень заготовительных цен на протяжении всего 1926/27 г. Затруднения хлебозаготовительной кампании 1927/28 г. выявили необходимость еще большей централизации руководства хлебозаготовками. С 1928/29 г. на рынке будет только одна хлебозаготовительная организация («Союзхлеб»),

созданная из существовавших до этого организаций, опирающаяся на низовые звенья с.-х. кооперации и достаточно разветвленная для охвата огромного и многообразного рынка хлебозаготовок.

Стимулирование предложения.

Чрезвычайно важным фактором заготовок является снабжение деревни промышленными товарами. Если в районах заготовок промышленных товаров, необходимых крестьянству, будет недостаточно, крестьянство воздержится от выбрасывания на рынок больших количеств хлеба и других сельскохозяйственных продуктов. Поэтому одной из важнейших задач регулирования заготовок является плановое снабжение хлебозаготовительных районов промтоварами.

Другой фактор, влияющий на размеры выбрасываемого крестьянством на рынок хлеба и других продуктов, — это сроки взимания сельскохозяйственного налога. Если, скажем, необходимо в первый же квартал заготовить большее количество хлеба, то к этому же периоду должны быть приурочены первые налоговые взносы, для уплаты которых крестьянство продаст соответствующее количество хлеба. Как снабжение деревни промтоварами по определенной цене и в периоды наиболее крупных и спешных заготовок, так и сроки взимания сельскохозяйственного налога оказывают значительное влияние и на уровень заготовительных цен. Это относится и ко всякого рода другим платежам деревни.

Выравнивание цен по сезонам.

Регулирование заготовительного рынка ставит своей задачей удержание цен на приемлемом для рабочего класса и основных масс крестьянства уровне: само собой понятно, что для этого необходима устойчивость хлебных цен на протяжении всего года. Крупным недостатком ряда хлебозаготовительных кампаний было то, что заготовительные цены сильно повышались к весне, в результате чего получался значительный разрыв между осенними и весенними ценами. Разница между весенними и осенними ценами в среднем за пятилетие 1909—1914 гг. составляла по ржи 3,66 руб., а по пшенице — 6,1 руб. на тонну, в 1924/25 г. разница была по ржи 42,12 руб., по пшенице — 51,28 руб., в 1925/26 г. — 10,98 руб. и 3,66 руб.

Разрыв осенних и весенних цен показывает, что хлебозаготовительные организации недостаточно овладели рынком, что стихийное соотношение спроса и предложения имело бо́льшую силу, чем регулирующее, плановое начало государства. Следствием этого разрыва является падение покупательной способности валюты к весне, следовательно, и относительное падение зарплаты и т. д. Большинство крестьянства, в особенности бедняки и маломощные середняки, от повышения цен к весне только проигрывают, так как они обыкновенно продают свой хлеб осенью, когда цены стоят низкие, а весной вынуждены покупать хлеб

по высокой цене. Выигрывают от разрыва весенних и осенних цен на хлеб только зажиточные и кулаки, которые могут выждать с продажей своего хлеба до весны. Поэтому уничтожение этого разрыва имеет значение не только в смысле усиления планового начала на рынке, оно имеет еще непосредственное крупное социально-политическое значение. Из приведенных сейчас данных видно, что уже в 1925/26 г. разрыв весенних и осенних цен значительно уменьшился по сравнению с 1924/25 г.

Чрезвычайно крупным достижением советского хозяйственного строительства является полное уничтожение этого разрыва уже в 1926/27 г., в течение которого осенние цены на рожь были 43,34 руб., а весенние — 43,95 руб., на пшеницу — 62,88 руб. и 63,49 руб. за тонну.

Одной из причин разрыва весенних и осенних заготовительных цен являлась разница между ценами на заготовительных рынках и ценами на потребительских рынках. Чем больше разница между ценой центнера хлеба, скажем, в Москве и на Северном Кавказе или Сибири, тем больше частный капитал будет устремляться в заготовительные районы и взвинтит там цены на хлеб. Необходимо поэтому, чтобы в потребляющих районах хлебные цены были не на много выше, чем в заготовительных, и чтобы они не повышались к весне.

Иными словами: для того чтобы успешно регулировать заготовительный рынок, государство должно держать в своих руках рынок потребительский, — регулирование продажных цен на хлеб и другие сельскохозяйственные продукты является условием регулирования их заготовительных цен.

Особо большое значение для регулирования цен на потребительском рынке имеет образование государственного резервного хлебного фонда: в случае обнаружения недостатка хлеба в каком-либо районе этот фонд может быть использован для снабжения данного района и таким образом помешать подъему хлебных цен.

Хлебозаготовки и классовая борьба.

Описанные нами методы регулирования хлебозаготовок вполне себя оправдали ходом самих хлебозаготовок, которые выросли с 5 248 370 *m* в 1924/25 г. до 11 615 960 *m* в 1926/27 г. Но начиная с 1927/28 г. наступает серьезный перелом в хлебозаготовках, выразившийся в значительном сокращении хлебозаготовок в начале кампании и вызвавший продовольственные затруднения.

В основе хлебозаготовительных затруднений лежал ряд причин, как об'ективного, так и суб'ективного характера. Пленум ЦК ВКП(б) в апреле 1928 г. дает подробный анализ этих причин.

«В основе этих затруднений лежало резкое нарушение рыночного равновесия, причем обострение диспропорции в рыночных отношениях (платежеспособный деревенский спрос, с одной

стороны, предложение промышленных товаров — с другой) об'ясняется повышением доходности деревни.

«Повышение платежеспособного спроса деревни, взятого сравнительно с промышленно-товарным предложением, об'ясняется рядом причин неодинакового значения: понижением промышленных цен при одновременном повышении цен на продукты технических культур и животноводства; повышением удельного веса этих отраслей внутри сельского хозяйства вообще; значительно возросшей суммой заработков от отхожих промыслов, что связано с расширением строительства в первую очередь. Это возрастание покупательных фондов деревни не было сбалансировано ни соответствующим ростом товарного предложения (которое по расчету на деревню выросло в своей массе, но благодаря снижению цен не выросло по своему ценностному выражению), ни соответствующим повышением налогового обложения зажиточных слоев деревни, ни обложением доходов неземледельческого характера. С другой стороны, имелось резкое несоответствие цен на зерновой хлеб и цен на продукты технических культур и животноводства, причем с точки зрения налогового обложения производство зерна было поставлено в условия, менее выгодные по сравнению с другими отраслями сельского хозяйства. Все эти причины, взятые вместе, понизили стимулы к реализации именно хлебных излишков: производственно-натуральное потребление хлеба, образование хлебных запасов и т. д. поднялись за счет сокращения предложения хлеба на рынке. Эта экономическая обстановка неразрывно была связана со своим социально-классовым выражением.

«В связи с дальнейшим расслоением деревни она дала возможность кулачеству, удельный хозяйственный вес которого возрос, хотя главная масса хлеба и не находится у него в руках, использовать свои позиции на рынке и оказать вместе с частником довольно значительное влияние на всю рыночную кон'юнктуру.

«Кулачество могло использовать эту кон'юнктуру, тем более, что заготовительные организации, как государственные, так и кооперативные, не обнаружили ни единства выступления на рынке (вместо этого была ожесточенная конкуренция и, следовательно, об'ективная помощь частнику и кулаку), ни необходимого темпа в развертывании работ; вместе с тем не было развернуто своевременно широких операций по завозу промышленных товаров в надлежащие сроки, соответственно условиям спроса со стороны основных хлебозаготовительных районов. С другой стороны, парторганизации, в особенности в связи с дискуссией, прошли мимо важнейших очередных задач, связанных с хлебозаготовками, в расчете, что хлебозаготовки автоматически будут давать положительный результат, а некоторые отдельные

элементы партии, в особенности в деревне, не оказались способными проводить достаточный отпор кулачеству и соответственно подымать к активной роли бедняцко-середняцкие слои деревни» (из резолюции апрельского (1928 г.) пленума ЦК ВКП(б) о хлебозаготовках).

В ходе кампании хлебозаготовок партия выправила допущенные партийным и советским аппаратом ошибки, мобилизовала энергию партийной организации и бедняцко-середняцких слоев для проведения чрезвычайных мер против кулачества (конфискация излишков, а в некоторых случаях и всего имущества кулаков, активно противодействующих хлебозаготовкам).

В ходе применения чрезвычайных мер был допущен на местах ряд извращений и перегибов, выражавшихся в применении этих мер не только по отношению к кулакам, но в отдельных случаях и к середнякам. Апрельский об'единенный пленум ЦК и ЦКК (1928 г.) категорически осудил эти извращения партийной линии, как не имеющие «ничего общего ни с партийном курсом вообще, ни с теми экстраординарными мероприятиями, которые ЦК проводил в жизнь в связи с особыми трудностями, обнаружившимися во время текущей хлебозаготовительной кампании».

ЦК констатировал, что хлебозаготовительные затруднения не случайны, что они связаны с трудностями быстрого темпа индустриализации. «Поэтому, поскольку затруднения в хлебозаготовках могут еще появиться в будущем, партия с тем большей настойчивостью должна добиваться того, чтобы неослабно выполнялся лозунг XV с'езда партии о «дальнейшем наступлении на кулачество», о регулировании частного рынка и систематическом вовлечении единоличного крестьянского хозяйства со стороны кооперативных и государственных органов в русло социалистического строительства. Вместе с тем об'единенный пленум считает, что по мере ликвидации затруднений в хлебозаготовках должна отпасть та часть мероприятий партии, которая имела экстраординарный характер».

Июльский (1928 г.) пленум ЦК отменил применение экстраординарных мер и постановил увеличить заготовительную цену хлеба, не ослабляя организованного наступления на кулака. Повышение хлебных цен имело своей целью уничтожить диспропорцию цен на хлеб и на другие с.-х. продукты и стимулировать предложение хлеба в условиях частичной гибели озимых посевов в 1928 г.

Борьба вокруг хлебозаготовок вступила в новую полосу, ознаменованную усилением сопротивления кулачества, которое активно выступило против всех государственных мероприятий, связанных с развертыванием социалистического строительства. Маневрируя своими хлебными излишками, кулачество стремилось

сорвать не только план хлебозаготовок, но и весь план социалистического строительства. В условиях чрезмерной технико-экономической отсталости, длительный и острый недостаток продовольствия в городах привел бы неизбежно к свертыванию строительства. Борьба за хлеб стала непосредственно борьбой за социализм. Хлебозаготовки переросли в решительную и решающую классовую борьбу между пролетариатом и деревенской беднотой в союзе с середняком, с одной стороны, и капиталистическими элементами — с другой.

Наступление на капиталистические элементы в связи с хлебозаготовками развилось по двум линиям: во-первых, мобилизация бедняцко-середняцких слоев деревни для выполнения плана хлебозаготовок. Крестьяне выбирают комиссии содействия хлебозаготовкам, которые должны выполнить план продажи излишков отдельными дворами. Самый план устанавливается общим собранием крестьян. При этом особое значение имеет сплочение всех сил бедняцко-середняцких слоев для преодоления сопротивления кулачества.

А кулаки прибегают ко всевозможного рода ухищрениям, чтобы не сдавать свой хлеб государству. Нередки случаи, когда кулак уничтожает имеющиеся у него хлебные излишки, лишь бы только этот хлеб не пошел на пользу социалистического строительства. В таких условиях, когда кулачество совершенно сознательно, с риском и прямым для себя уроном, выступает на хлебозаготовительном фронте, сплочение бедняцко-середняцких слоев под руководством партии абсолютно необходимо. Классовая борьба в области хлебозаготовок органически связана с борьбой на другом фронте социалистического строительства в деревне — на фронте преодоления чрезмерной отсталости сельского хозяйства путем его решительной социалистической реконструкции.

Для того чтобы полностью обеспечить бесперебойное снабжение продовольствием, необходимо проведение всех тех мероприятий социалистической реконструкции сельского хозяйства, о которых мы говорили в главе VII. Социалистическая реконструкция сельского хозяйства обеспечивает продовольственную и сырьевую базу индустриализации и тем самым выбивает из рук кулачества возможность маневрирования хлебными излишками. Вот почему борьба на хлебозаготовительном фронте есть только один из участков общей борьбы за полное преодоление капиталистических элементов.

Линия правых в хлебозаготовительной политике. Правые выступали и выступают против применяемых партией методов хлебозаготовок. В период применения чрезвычайных мер они были против этих мер. Лозунг т. Фрумкина «не мешать развиваться и кулацкому хозяйству» выражал собою требование отказа от наступления на кулака. Правые по поводу применения чрезвы-

чайных мер обвиняли партию в том, что она отменяет нэп и возвращается к методам военного коммунизма. Правые, наравне со всеми нэпманскими элементами считают, что нэп — это полная свобода торговли и развития капиталистических отношений. На деле же нэп означает свободу торговли лишь в определенных границах, которые вовсе не исключают чрезвычайных мер административного воздействия на капиталистические элементы, пытающиеся сорвать социалистическое строительство. А такие попытки неизбежно должны наступить на определенном этапе социалистического наступления, на том этапе, когда это наступление угрожает самым основам капиталистических отношений. Только с точки зрения теории врастания кулака в социализм возможно избежать чрезвычайных мер.

Правые усматривают возврат партии к военно-коммунистическим методам не только в чрезвычайных мерах, но и в общественных методах хлебозаготовок, в организованном выполнении крестьянами плана хлебозаготовок. Правые, рассматривая нэп как только свободу рыночных отношений, выступая против быстрого темпа индустриализации, отказываясь на деле от коллективизации крестьянского хозяйства, не видят того, что в условиях хозяйственных затруднений первого этапа реконструкции чисто рыночное стимулирование хлебозаготовок недостаточно. Когда около 40% товарного хлеба сконцентрировано в руках кулацкой и зажиточной верхушки крестьянства, исключительно рыночное (через цены, завоз товаров и т. д.) стимулирование предложения хлеба только усиливает капиталистические элементы, в то время как задача заключается в их преодолении.

Как в промышленности быстрый темп индустриализации невозможен без социалистического соревнования масс, так и в сельском хозяйстве ни успешный ход хлебозаготовок, ни социалистическая реконструкция невозможны без организованной борьбы бедняцко-середняцких слоев против кулака. Правые не понимают и не могут понять нового этапа, в который вступило социалистическое строительство и который является отнюдь не возвратом к военному коммунизму, а переходом, в процессе острого и последнего боя с внутренним капитализмом, на более высокую ступень. В процессе этой борьбы под руководством партии пролетариата сплачиваются бедняцко-середняцкие элементы деревни для социалистического переустройства сельского хозяйства. Только с точки зрения правых, которые считают возможным автоматическую постепенную и незаметную самопеределку крестьянского хозяйства, возможно обойтись без общественных методов хлебозаготовок.

Не только своими общими выступлениями, но и своими практическими предложениями по вопросу о хлебозаготовках правые клонят к усилению кулачества и к свертыванию индустриали-

зации. Правые взамен чрезвычайных мер предлагали ввезти значительное количество хлеба из-за границы. Фактически это означает отступление перед кулаками и ухудшение положения рабочего класса, ибо при напряженности внешнеторгового баланса ввоз значительного количества хлеба возможен только за счет сокращения ввоза сырья и оборудования, что должно, с одной стороны, привести к закрытию части работающих фабрик из-за нехватки сырья, а с другой, — к свертыванию капитального строительства.

Другое предложение правых — установление заготовительных цен не на весь период хлебозаготовок, а от квартала к кварталу. Мы уже выше говорили о значении устойчивого уровня цен в течение всего периода заготовок. Только зажиточная верхушка крестьянства имеет возможность попридержать свой хлеб до нового урожая. Применение квартальных цен означало бы повышение их к весне и усиление накопления кулачества. Поквартальные заготовительные цены есть отказ от нажима на кулака, отказ от наступления на него, это в иной формулировке — «не мешать развиваться и кулацкому хозяйству».

Основные итоги хлебозаготовительной политики.

Вопреки правой оппозиции и в борьбе с ней партия вела и ведет хлебозаготовки не по линии наименьшего сопротивления, ведущей к капитуляции перед кулаком, а по линии организации наступления на кулака на основе социалистической реконструкции сельского хозяйства. На этом пути партия добилась уже значительных и серьезных успехов, выразившихся прежде всего в том, что в основном хлебозаготовительные планы выполнены. Особенно велики достижения хлебозаготовительной кампании 1929/30 г. В этой кампании партия поставила задачей выполнить весь заготовительный план к 1 января 1930 г. с тем, чтобы, во-первых, после этого бросить силы на организацию весенней посевной кампании, и, во-вторых, заставить кулака продать свои излишки до весны с целью лишить его возможности взвинчивать весной хлебные цены. Опираясь на опыт предыдущей заготовительной кампании, партия добилась того, что уже к ноябрю 1929 г. было заготовлено зерна больше, чем за весь предшествующий заготовительный год. Заготовки хлеба за первый квартал заготовительного года составляли (в тоннах):

Годы	Все зерновые хлеба	Продовольств. (пшеница и рожь)
1925/26	2 304 690	1 605 439
1926/27	2 413 623	2 013 761
1927/28	2 624 286	2 322 676
1928/29	2 067 699	1 495 919
1929/30	5 686 850	3 185 280

На 1 декабря 1929 г. годовой план всех заготовок выполнен на 99,3%.

Важнейшим, с политической точки зрения, моментом этого успеха является то, что хлебозаготовки превращены в массовую политическую кампанию, в которой дается решающий бой капиталистическим слоям деревни, бой, исход которого в пользу пролетариата не может уже подлежать никакому сомнению.

Хуже обстоит дело с движением заготовительных цен. Средняя заготовительная цена по 4 зерновым культурам (рожь, пшеница, овес и ячмень) составляла за центнер: в 1925/26 г.—7,07 руб., в 1926/27 г.—5,67 руб. и в 1927/28 г.—5,97 руб. Следующий 1928/29 г. дал резкое повышение заготовительных цен—вместо намеченных по плану 16% повышения, оно составило на деле 41%. Пятилетний план намечал стабильный уровень заготовительных цен, поэтому их резкое повышение в первом году пятилетия ставит перед нами задачу энергичной работы для достижения уровня цен, намеченного пятилеткой. Эта задача облегчается тем, что уже в 1930 г. около 50% всего товарного хлеба будет произведено совхозами и колхозами. Как задача овладения всей массой товарного хлеба, так и задача снижения заготовительных цен до уровня, на котором они находились в 1928 г., может быть решена только на пути быстрого темпа социалистической реконструкции сельского хозяйства.

Заготовки других с.-х. продуктов.

Рынок других сельскохозяйственных продуктов, в особенности скоропортящихся (мясо, яйца, масло, овощи), в гораздо меньшей мере, чем хлебный рынок, охвачен государственными и кооперативными органами. Затруднения, испытываемые в деле снабжения городов этими продуктами, коренятся в тех же условиях, что и затруднения на хлебном рынке—малая степень товарности, мелкое производство и обострение классовой борьбы. Но, в отличие от хлебного рынка, мы имеем на рынке скоропортящихся продуктов больший удельный вес частника. Хотя роль частника из года в год понижается, она все же остается слишком высокой. Так на мясном рынке удельный вес частника был: 82,7% в 1925/26 г., 70,3% в 1926/27 г., 56,2% в 1927/28 г. и 47,1% в 1928/29 г. Если при повышении заготовительных цен на хлеб продажная цена печеного хлеба не испытала изменений, ибо заготовки и хлебопечение сконцентрированы в руках государства и кооперации, то на рынке скоропортящихся продуктов государство и кооперация, не имея в своих руках решающих позиций, не могут удерживать на устойчивом уровне цены этих продуктов. Главным образом ростом цен на скоропортящиеся продукты, на рынке которых частный торговец играет еще значительную роль, и об'ясняется тот факт, что при

повышении номинальной зарплаты в 1928/29 г. на 8% — реальная зарплата повысилась только на 2%.

Какое значение скоропортящиеся продукты имеют в бюджете рабочего, видно из структуры расхода рабочего на питание в 1927/28 г. (в процентах):

Расходы на хлеб, муку и крупу от	. . . . .	23	до 28
» » мясо от	. . . . .	20	» 25
» » молочные продукты от	. . . . .	15	» 20
» » овощи и фрукты от	. . . . .	8	» 12

Наиболее чувствительным для рабочего бюджета является, следовательно, уровень цен на скоропортящиеся продукты, а не на хлебные.

Решение продовольственной проблемы в целом должно итти по тем же направлениям, что и решение проблемы хлебоснабжения: 1) вытеснение частника с рынка скоропортящихся продуктов, овладение государством и кооперацией этим рынком и в связи с этим усиленное капитальное строительство холодильников, консервных заводов, складов и т. д., 2) социалистическая реконструкция производственной базы этих продуктов — строительство крупных животноводческих совхозов и колхозов, организация продуктивного животноводства в колхозах и совхозах, строительство специальных крупных молочных ферм и т. д.

Регулирование потребления и улучшение снабжения.

В связи с временным обострением товарного голода и продовольственной проблемы необходимо было провести жесткое регулирование потребления. Поскольку платежеспособный спрос превышает потребление, у потребителя возникает стремление покупать не для непосредственного потребления, а про запас. В первые месяцы хлебных затруднений наблюдался особо повышенный спрос на муку и хлеб. Началась также спекуляция хлебом. Это еще более обострило положение. Отсюда возникла необходимость нормированного распределения хлеба, что сразу привело к значительной экономии его при достаточном снабжении. Точно так же должно регулироваться и потребление других предметов потребления.

Нельзя видеть в этом мероприятии возврата к военному коммунизму. Тогда мы имели нормирование потребления при падающем хозяйстве, а сейчас мы имеем продовольственные затруднения и товарный голод при бурно растущем хозяйстве. Тогда мы имели нормированное потребление при падающем потреблении, сейчас у нас происходит непрерывный под'ем жизненного уровня масс. Вся обстановка первого этапа коренной социалистической реконструкции хозяйства требует экономного расходования всех материальных ресурсов, в том числе и предметов потребления.

Наряду и в тесной связи с этим стоит задача упорядочения снабжения. Часто происходят задержки в снабжении не потому, что нет соответствующих продуктов, а от несвоевременной их доставки, от плохого хранения и порчи этих продуктов; очереди в магазинах образуются из-за неразвитости торговой сети и из-за отсталой плохо организованной торговой техники. Отсюда — задача вовлечения кооперированных масс не только в борьбу за снижение цен, но и в дело упорядочения снабжения.

Пятилетний план по товарообороту.

Как и во всех областях, пятилетний план намечает крупные сдвиги и в области торговли [1].

Прежде всего мы будем иметь дальнейшее вытеснение частного капитала из торгово-посреднического оборота. Удельный вес частной торговли во всем торгово-посредническом обороте понизится с 9,3% в 1927/28 г. до 3,2% в 1932/33 г., а в розничном обороте — с 23,4% до 8,9%.

Общий рост сети потребительской кооперации намечается в следующих размерах [2].

	Сельская сеть		Городская сеть	
	1/X 1928 г.	1/X 1933 г.	1/X 1928 г.	1/X 1933 г.
Число лавок	58 596	98 560	19 946	32 000
» ларьков	—	—	3 866	12 030
» жителей на лавку	2 148	1 401	1 434	1 070
» крестьянских хозяйств на лавку	437	284	—	—

Наряду с ростом обобществленной торговой сети и вытеснением частника пятилетний план намечает систему мероприятий по рационализации товарооборота с целью удешевления издержек обращения и понижения цен. Общая экономия издержек обращения намечается: от рационализации транспортирования товаров — 18—20%, от сокращения оптовой торговли в связи с развитием системы генеральных договоров и укорочения путей товаропродвижения — 5%, экономия на накладных расходах в розничной торговле — 16%, экономия в розничной сети расходов на персонал в связи с рационализацией торговой техники — 8,5%. В результате торговая накидка снижается с 32 до 27%, т. е. на 15,5%.

[1] Необходимо иметь в виду, что приводимые нами основные показатели по торговле на деле будут изменены в связи с общим превышением пятилетнего плана.

[2] Данные о росте с.-х. и кустарно-промысловой кооперации см. в VI и VII главах.

Общее движение индекса цен намечено следующее (1913 г. = = 100).

	1927/28 г.	1932/33 г.	Изменение в %
Индекс оптовых цен ЦСУ:	177	147	— 17,0
а) сельскохозяйственный	156	150	— 4,0
б) промышленный	187	144	— 23,0
Индекс розничных цен (общеторговый):	207	161	— 22,0
а) сельскохозяйственный	209	166	— 20,6
б) промышленный	205	158	— 22,9
Бюджетный индекс: [1]	217,3	178,0	— 18,0
а) сельскохозяйственный	217,0	182,0	— 16,0
б) промышленный	217,5	172,0	— 21,0
Бюджетный индекс с учетом коммунальных услуг	205,0	176,0	— 14,0

Это движение цен, обеспечивающее значительное повышение уровня благосостояния масс, может быть достигнуто только на основе выполнения быстрых темпов социалистической реконструкции, ибо зависит оно в первую очередь от подъема производительности во всем народном хозяйстве, перестраивающемся на социалистических началах.

§ 3. Внешняя торговля.

Необходимость внешней торговли.

В нашем социалистическом строительстве довольно значительную роль играет внешняя торговля, через которую наше хозяйство устанавливает связь с мировым, пока еще капиталистическим, хозяйством. Наша техника по сравнению с передовой европейской и в особенности американской техникой чрезвычайно отстала. Наша страна пока еще бедна техническими силами, которые могли бы в короткий срок довести уровень нашей техники до уровня иностранной. Для того чтобы построить технический фундамент социализма (электрификация, новые крупные и усовершенствованные фабрики и заводы и т. д.), нам необходимо использовать опыт и наилучшие достижения развитой иностранной техники как путем изучения этого опыта и этих достижений, так и путем ввоза для наших строящихся заводов, фабрик, сооружений и т. д. нового усовершенствованного оборудования.

Этим делу индустриализации дается сильный толчок: минуя необходимость проделывать весь путь технического развития, который проделывала иностранная техника, мы в техническом отно-

[1] Индекс цен продуктов, потребляемых рабочими.

шении начинаем двигаться дальше с того высокого уровня, на каком находится иностранная техника.

Наша промышленность, далее, нуждается в таких видах сырья и материалов, которые в недостаточном количестве или совсем не производятся внутри страны и которые могут быть доставлены промышленности только путем ввоза их из-за границы (хлопок, некоторые сорта шерсти, краски и ряд других товаров).

С другой стороны, мировое капиталистическое хозяйство представляет собой рынок сбыта для нашего сельского хозяйства и отчасти для промышленности. Рост товарности нашего сельского хозяйства в сильной степени зависит от роста вывоза за границу его продуктов и обратно.

Мы видим, что связи с мировым рынком нужны не только для реконструкции нашего хозяйства, но и для поддержания текущего потребления и производства, — ввоз и вывоз товаров представляют собой существенный элемент равновесия нашего хозяйства в целом. Само собой разумеется, что с ростом нашего хозяйства должны расти и его связи с мировым хозяйством, должна расти внешняя торговля.

Развитие связей с мировым хозяйством содействует росту производительных сил нашего народного хозяйства. Но не таит ли оно в себе опасностей для социалистического роста производительных сил? Ведь окружающее нас мировое хозяйство — капиталистическое хозяйство, которое гораздо сильнее нас в техническом отношении и в котором мы занимаем видное место только по продукции сельскохозяйственной и совершенно незначительное по промышленной продукции; так в 1926 г. в СССР было собрано 19,9% всего мирового сбора пшеницы, 42,6% ржи, 16,1% ячменя, 21,5% овса, но зато было добыто только 2,3% всей мировой добычи угля, 4,5% (1925 г.) нефти, произведено 3,4% чугуна и 3,6% стали. Правда, у нас имеются колоссальные, пока еще в очень небольшой мере используемые, естественные богатства, и наше хозяйство имеет блестящие перспективы. Но пока по уровню производства мы значительно отстали. Спрашивается: не ведет ли рост наших связей с мировым хозяйством ко все более усиливающейся зависимости от него? Если внешняя торговля укрепляет и содействует росту наших производительных сил, то не толкает ли она эти растущие производительные силы по линии капиталистического развития? Не теряем ли мы больше на внешней торговле, чем выигрываем?

Троцкизм о зависимости СССР от мирового капитализма.

Как известно, троцкизм отвечает на этот вопрос таким образом, что хотя зависимость наша и мирового хозяйства взаимная, но все же в конечном итоге мировой капитализм контролирует нас. На VII пленуме ИККИ Троцкий в своей речи заявил следующее: «Индустриализация нашей стра-

ны, поставленная XIV партийным с'ездом как важнейшая задача партии, означает для ближайшего и достаточно длительного периода не уменьшение, а, наоборот, возрастание наших связей с внешним миром, что означает, следовательно, и нашу возрастающую зависимость (взаимную, конечно!) от мирового рынка, от капитализма, от его техники и экономики, и возрастающую борьбу с мировой буржуазией». Значит зависимость как будто взаимная. Но вот дальше Троцкий говорит следующее: «В действительности же наше социалистическое государство стоит всегда — прямо или косвенно — под сравнительным контролем мирового рынка. В этом корень дела. Темп развития не произволен. Он задается нам всем мировым развитием, потому что в последней инстанции (подчеркнуто Троцким) мировое хозяйство контролирует каждую из своих частей, даже если эта часть стоит под пролетарской диктатурой и строит социалистическое хозяйство».

Социализм, строящийся под контролем капитализма, — это, конечно, не социализм, и поэтому приведенные сейчас мысли Троцкого являются составной частью его теории невозможности победы социализма в СССР. Но действительно ли внешняя торговля является инструментом, при помощи которого происходит односторонний контроль над хозяйством СССР со стороны мирового капитализма? Это было бы так, если бы у нас не было монополии внешней торговли и если бы мы не вели политики использования внешней торговли для индустриализации, т. е. для освобождения от иностранной зависимости.

Монополия внешней торговли и ее организация.

Монополия внешней торговли «состоит в том, что государство само осуществляет ведение внешней торговли через специально созданный орган (НКВТ); устанавливает, какие организации, в каких отраслях и в каком об'еме могут вести непосредственные операции по внешней торговле; определяет, исходя из задач под'ема хозяйства и социалистического строительства, посредством экспортно-импортного плана, что́ и в каких количествах может быть вывезено из страны и что ввезено в нее; посредством системы лицензий и контингентов [1] оно непосредственно регулирует ввоз и вывоз и операции внешторговых организаций» (из постановления ЦК ВКП(б) — октябрь 1925 г. — о внешней торговле).

Величайшей опасностью для Советского государства была бы свобода внешней торговли; в течение короткого времени наша

---

[1] Лицензией называется разрешение, выдаваемое Наркомторгом или его органами за границей, на ввоз или вывоз товара. Контингент — заранее устанавливаемое для каждого вида товара количество, в котором он может быть ввезен или вывезен.

крупная промышленность, являющаяся материальной опорой советского строя, была бы разрушена под влиянием конкуренции дешевых иностранных товаров, пролетариат распылился бы и деклассировался, наша страна превратилась бы в колонию мирового империализма. Никакие высокие таможенные пошлины не помогли бы нашей госпромышленности защититься от иностранной конкуренции: мировой капитализм не пожалел бы никаких средств для того, чтобы преодолеть наши таможенные барьеры и наводнить наш рынок иностранными товарами. Любой из богатых промышленных стран для этого «достаточно ввести вывозную премию за ввоз в Россию тех товаров, которые обложены у нас таможенной премией. Денег для этого у любой промышленной страны более чем достаточно, а в результате такой меры любая промышленная страна сломит нашу туземную промышленность наверняка. Ни о какой серьезной таможенной политике сейчас, в эпоху империализма, не может быть и речи, кроме системы монополии внешней торговли». Так писал В. И. Ленин декабрьскому пленуму ЦК 1922 г. У нас сейчас существуют и таможенные пошлины, но их назначение не столько в том, чтобы регулировать ввоз и вывоз, сколько в том, чтобы служить добавочным источником налогового дохода для государственного казначейства.

Регулирование внешнеторгового товарооборота производится системой монополии внешней торговли.

Организация внешней торговли по мере роста этой последней все более и более усложняется. Если в первые годы после гражданской войны, когда обороты внешней торговли были незначительны, можно было сосредоточить все операции по ввозу и вывозу в руках одного органа Наркомвнешторга, ее экспортно-импортной конторы «Госторг», то сейчас уже это невозможно, ибо такое сосредоточение тормозило бы развитие внешней торговли. Производство экспортно-импортных операций своим аппаратом, но под контролем Наркомторга и в пределах устанавливаемого контингента разрешается наиболее крупным торговым и промышленным организациям, как Центросоюз, Сельскосоюз, Текстильный синдикат, Азнефть и др.

Постепенно, по мере роста экспорта и импорта организуются специально экспортные и импортные акционерные общества по экспорту и импорту однородных товаров. Аппарат по внешней торговле, таким образом, специализируется и делается более подвижным. Но это, конечно, ни в коей мере не означает ослабления монополии внешней торговли, так как все эти общества работают под руководством Наркомторга, под контролем которого находятся все операции по внешней торговле.

Монополия внешней торговли почти совершенно устраняет из внешнеторговых оборотов частный капитал. Последний принимает в них участие лишь как концессионный капитал, который ввозит из-за границы не товары для торговли ими внутри страны, а средства производства для своих концессионных предприятий. Частный иностранный капитал участвует также в смешанных экспортно-

импортных акционерных обществах, но по закону в таких обществах государство должно иметь больше половины акций для того, чтобы сохранить руководство в своих руках. Следовательно частный капитал во внешней торговле принимает участие в госкапиталистических формах и никакой самостоятельной роли в ней не играет и играть не может. Исключения делаются для торговли с Востоком (Персия, Афганистан, Монголия, Западный Китай), откуда по определенным товарам местного производства купцам этих стран разрешается безлицензионный ввоз в СССР, а также и вывоз. Наша торговая политика не может быть одинаковой по отношению к развитым капиталистическим странам Запада и молодым, в экономическом отношении, странам Востока. Со стороны этих последних никакая конкуренция нашей промышленности не грозит, наоборот, они сами являются рынком сбыта для продуктов нашей промышленности. Поэтому нам необходимо, исходя как из этих экономических соображений, так и из политических соображений укрепления связи с полуколониальными странами Востока, всемерно развивать и поощрять торговые сношения с ними.

Эти две существеннейших черты монополии внешней торговли: 1) сосредоточение подавляющей части внешнего товарооборота в руках государственных организаций и 2) контроль и единое плановое руководство государством внешнеторговыми операциями — эти обе черты делают монополию могущественным орудием, при помощи которого пролетарское государство противостоит экономическому (и, следовательно, политическому) влиянию мирового капитализма и попыткам этого последнего путем экономического давления помешать росту социализма в нашей стране. Монополия внешней торговли является одной из самых существенных командных высот в руках Советского государства, отказ от нее был бы равносилен отказу от социалистического строительства. Вот почему заветной мечтой современного империализма является разрушение монополии нашей внешней торговли и вот почему мы должны всеми силами и средствами эту монополию защищать.

Если вообще при торговле создается взаимная зависимость между обеими торгующими сторонами, то монополия внешней торговли в СССР, при отсутствии ее во всех остальных странах (ибо в капиталистической стране государственной монополии внешней торговли не может быть), придает взаимозависимости особый характер, а именно такой, который исключает контроль мирового капитализма над нашим хозяйством.

Монополия внешней торговли ставит нас в гораздо более независимое положение, чем любую капиталистическую страну в ее торговле с другими капиталистическими странами. В каждой стране, с которой мы торгуем, все наши торговые операции производятся под контролем нашего торгового представительства или

другой заменяющей его организации. Этим самым, а также общим руководством Наркомторга, совершенно устраняется всякая возможность конкуренции каких-либо советских однородных организаций на иностранном рынке. Капиталисты каждой страны имеют фактически дело только с одним покупателем и одним продавцом с нашей стороны. Это ставит нас в чрезвычайно выгодное положение пред лицом конкурирующих друг с другом иностранных капиталистов, и мы получаем возможность с наибольшей для себя выгодной вести наши внешнеторговые операции.

Монополия внешней торговли и плановое хозяйство.

То обстоятельство, что на всех иностранных рынках все наши торгующие там организации выступают единым фронтом, делает нас наименее уязвимыми по отношению к колебаниям мирового капиталистического рынка, как колебания спроса и предложения и цен. Монополия внешней торговли нас в значительной мере ограждает от кризисов мирового капиталистического рынка. Само собой разумеется, что решающую роль здесь играет тот факт, что подавляющая часть нашей промышленности и торговли, весь транспорт, кредитная система находятся в руках государства и что весь обобществленный сектор нашего хозяйства представляет собой единое целое и ведется по определенному плану. Если бы этого условия не было, никакая монополия внешней торговли не могла бы защищать наше хозяйство от колебаний мирового рынка.

Монополия внешней торговли не может, однако, совершенно устранить влияния на наше хозяйство кризисных колебаний мирового рынка, и в этом лежит одна из главнейших трудностей, вытекающих из роста внешнего товарооборота. Если, например, мы намечаем к вывозу определенное количество леса, хлеба, нефти и т. д., мы при этом исходим из вероятного уровня цен на мировом рынке, но если наши предположения не оправдаются, если цены падут ниже ожидавшегося нами уровня, или если спрос значительно сократится, то в том и другом случае общая выручка за вывезенный товар будет меньше той, которую мы предполагали. Но это приведет и к нарушению плана импорта, так как (как мы увидим ниже) между импортом и экспортом должно существовать определенное соответствие. Уменьшение же ввоза из-за границы машин или сырья неминуемо должно отразиться на производственном плане соответствующих отраслей промышленности и т. д. Можно было бы привести еще примеры, но и приведенного достаточно для того, чтобы показать неизбежность влияния колебаний мирового рынка на наше хозяйство. Но эти влияния отнюдь не превращаются в контроль мирового рынка над нашим хозяйством. Монополия внешней торговли и плановое руководство нашим хозяйством позволяют нам избегать отрицательных последствий этих влияний. Большую роль здесь должны сыграть резервы. Как на

внутреннем рынке наличие хлебного, скажем, резерва позволяет нам поддерживать хлебные цены на определенном, заранее установленном уровне, так и во внешней торговле наличие резервов иностранной валюты, в случае изменения кон'юнктуры мирового рынка, позволяет нам все же выполнить наши импортные планы.

В капиталистической стране промышленность состоит из ряда хотя и весьма крупных и трестированных, но все же разрозненных и конкурирующих друг с другом предприятий, и поэтому вся промышленность в целом и вместе с ней все народное хозяйство данной страны не обладают и не могут обладать той степенью сопротивляемости кризисам мирового рынка, какой обладает единая, принадлежащая одному хозяину — пролетарскому государству — и опирающаяся на монополию внешней торговли советская государственная промышленность, система финансов и государственной и кооперативной торговли.

Мы видим таким образом, что Советское государство и советское хозяйство отнюдь не являются такими частями мирового хозяйства, над которыми это последнее осуществляет свой контроль. После Октябрьской революции мировое хозяйство уже перестало быть единым мировым капиталистическим хозяйством. Внутри мирового хозяйства происходит уже борьба не только разных капиталистических государств, но и борьба двух социально-экономических систем — социалистической и капиталистической, борьба, которая, по мере роста нашего хозяйства, все более и более разрушает это единство.

Само собой понятно, что в планировании нашего хозяйства возможны ошибки (как это было в 1925/26 г.), такие ошибки, которые увеличивают нашу зависимость от мирового рынка. Но по мере нашего роста, накопления резервов и опыта, эта зависимость будет все более и более уменьшаться.

Внешняя торговля и индустриализация.

Характер нашего хозяйства и монополия внешней торговли дают нам возможность уже сейчас, на основе нынешней нашей техники и нынешнего уровня производительных сил, в значительной мере обезвредить влияние на наше хозяйство мирового рынка. То, что позволит нам в будущем совершенно свести на-нет это влияние, это тот экономический курс, который осуществляют партия и государство, курс индустриализации, одним из орудий которого является сама внешняя торговля.

XIV с'езд партии, который установил, что «растущие связи нашего хозяйства с мировым капитализмом повышают нашу зависимость от этого последнего», в то же самое время поставил задачу индустриализации как практическую задачу дня, задачу, имеющую своей целью превратить СССР в «самостоятельную экономическую единицу, строящуюся по-социалистически». Реконструкция всего нашего хозяйства, которая происходит и будет происходить

при все растущих связях с мировым хозяйством, должна вестись под таким углом зрения, чтобы создать свою собственную тяжелую индустрию, производящую те средства производства, в которых мы больше всего зависели и до сих пор еще зависим от капиталистических стран. И хотя рост нашей внешней торговли, расширяя наши связи с капиталистическими государствами, увеличивает, с одной стороны, нашу зависимость от мирового капитализма, этот же рост, с другой стороны, ослабляет нашу зависимость. Конечно, если вести внешнюю торговлю так, как это предлагала группа т. Сокольникова-Шанина (см. стр. 184—185), в период XIV с'езда и как по существу предлагает современная правая оппозиция, т. е. под углом зрения аграризации страны, то наша зависимость будет все время расти. Все дело заключается в том, что́ мы вывозим и что́ мы ввозим. Рассмотрим поэтому вкратце структуру нашей внешней торговли.

Строение импорта. Вот данные, характеризующие строение нашего импорта.

Процент промышленного импорта во всем импорте.

Годы	Процент всего промышленного импорта	В том числе	
		Сырья, полуфабрикатов и пр.	Оборудования и орудий производства
1913	55	43	12
1923/24	77	72	5
1924/25	60	52	8
1925/26	68	56	12
1926/27	83	62	21

Мы видим, что по своему составу наш современный импорт более индустриализован, нежели довоенный; удельный вес оборудования и орудий производства для промышленности уже превзошел довоенный уровень.

Задача заключается в дальнейшем увеличении доли промышленного оборудования в импорте, освободив этот последний от таких товаров, которые могут быть произведены внутри страны.

В части ввоза промышленного сырья наш импорт уже значительно перестраивается в сторону уменьшения нашей зависимости от иностранного сырья. Увеличение ввоза оборудования, в особенности оборудования для тяжелой индустрии, означает, что внешняя торговля становится все больше орудием нашего освобождения от иностранной зависимости.

Чрезвычайно показательно в этом отношении изменение взаимоотношения между внутренним производством машин и их ввозом.

По основным группам машиностроения соотношение это было (в процентах):

	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г
Внутренняя продукция	61,4	71,9	76,2
Ввоз	38,6	29,1	23,8

При общем росте ввоза оборудования и машин мы имеем еще более быстрый рост внутреннего производства.

В абсолютных цифрах наш ввоз еще значительно отстает от довоенного, несмотря на то, что по внутренней продукции мы уже перешагнули довоенный уровень. Это вполне понятно: ведь довоенная внешняя торговля широко пользовалась иностранными кредитами, которые в нашей торговле играют незначительную роль.

Торговый баланс. Развитие нашего импорта находится в теснейшей зависимости от развития экспорта. Поскольку иностранные кредиты очень незначительны, приходится почти весь импорт оплачивать наличными деньгами и притом в золоте или иностранной валюте; следовательно — размеры импорта ограничены количеством имеющейся у нас валюты, источником же валюты для нас является вывоз. Но не вся наличная валюта может быть употреблена для импорта, так как необходимо иметь постоянный валютный резерв. Для образования этого резерва, а также для удержания устойчивости курса нашего червонца, наш торговый баланс должен быть активным, вывоз должен превышать ввоз. Для того чтобы увеличить ввоз оборудования, необходимо таким образом всемерно расширить размеры нашего экспорта.

Несмотря на непрерывное возрастание нашего экспорта за все годы нэпа, внешнеторговый баланс только в 1923/24 г. был активным. В 1921/22 г., когда вследствие небывалого неурожая мы вынуждены были ввозить много продовольствия из-за границы, мы имели пассив по внешней торговле в 218,5 млн. золотых руб. В следующем 1922/23 г. этот пассив был доведен до 14,7 млн. зол. рублей. XIII конференция ВКП(б), состоявшаяся в январе 1924 г., постановила вести политику активного баланса. 1923/24 г. дал уже активный баланс в 125 млн. довоенных рублей.

В 1924/25 г. мы опять имели пассив в 36 млн. довоенных руб. в результате частичного неурожая, а в 1925/26 г. — пассив в 27,8 млн. руб., — пассив, связанный с ошибками в составлении экспортно-импортного плана, о которых мы уже говорили выше.

В 1926/27 г. мы добились активного баланса, который в следующем, 1927/28 г., сменился опять пассивным балансом в связи с выпадением хлебного экспорта.

Мы видим, что наш экспорт в сильнейшей мере зависит от колебаний сельскохозяйственного производства. Для того чтобы обеспечить устойчивый рост импорта, необходимо придать устойчивый характер и экспорту. Это выдвигает задачу изменения самой структуры экспорта.

Строение экспорта. Вот данные, показывающие строение экспорта до войны и за годы нэпа:

Процентное отношение продуктов сельского хозяйства и продуктов промышленности в экспорте.

Годы	С.-х. продуктов	Промышленн. продуктов
1913	76	24
1921/22	42	58
1922/23	63	37
1923/24	66	34
1924/25	57	43
1925/26	61	39
1926/27	57	43
1927/28	46	54

Наш экспорт, как видим, является по преимуществу сельскохозяйственным, однако удельный вес сельскохозяйственных продуктов в экспорте теперь меньше, чем до войны. Для того чтобы сделать экспорт устойчивым, необходимо повысить в нем удельный вес промышленных товаров.

Из промышленных товаров необходимо экспортировать те, которые имеются в достаточном для удовлетворения внутренних потребностей количестве, как лес, нефть, руда, некоторые готовые фабрикаты и т. д. Но итти далеко по этой линии нельзя, так как нам необходимо в первую очередь обеспечить удовлетворение внутренних потребностей в промышленных товарах.

Необходимо одновременно с увеличением, в пределах возможного, промышленного экспорта всемерно расширять сельскохозяйственный экспорт, сделав его при этом более устойчивым. Необходимо увеличить в составе экспорта технические культуры и продукты животноводства, вывозить предварительно обработанные сельскохозяйственные продукты вместо сырых, хлебный экспорт должен быть улучшен по качеству. Все это предполагает расширение сети элеваторов, холодильников, заводов по предварительной обработке сельскохозяйственных продуктов, улучшение транспорта скоропортящихся продуктов и т. д. Создание этих условий дает толчок к интенсификации сельского хозяйства, к устойчивости урожаев, к повышению ценности продуктов и, следовательно, обеспечивает устойчивость экспорта.

Таким образом, регулируя (путем монополии внешней торговли) экспорт и импорт в сторону повышения в них роли промышленности, Советское государство тем самым использует внешнюю торговлю как орудие для превращения СССР в «самостоятельную экономическую единицу, строящуюся по-социалистически».

ГЛАВА X.

ФИНАНСЫ И КРЕДИТ.

§ 1. Денежное обращение и его регулирование.

Устойчивость денежного обращения имеет огромное значение для всего нашего социалистического строительства. В условиях товарного хозяйства деньги являются орудием связи между отдельными хозяйственными единицами, и через регулирование денежного обращения можно регулировать в известной мере отношения между различными частями народного хозяйства, в особенности между промышленностью и сельским хозяйством. Устойчивость денежного обращения является одним из важнейших условий равновесия народного хозяйства, без этой устойчивости невозможно никакое планирование в обстановке товарного хозяйства. Все это выдвинуло задачу поддержания устойчивости валюты, задачу регулирования денежного обращения как одну из важнейших задач всей экономической политики советской власти сейчас же после перехода к новой экономической политике.

Падение валюты. Из периода гражданской войны и военного коммунизма с его натурально-хозяйственными отношениями советская страна вышла с почти совершенно обесценившейся валютой, падение которой началось еще в период империалистической войны, до революции (см. главу I). Еще в самом начале войны был прекращен размен банковых билетов на золото, кредитные билеты стали выпускаться во все большем и большем количестве для покрытия дефицита государственного бюджета, и они полностью превратились в падающие бумажные деньги. Во время войны народное хозяйство несет большие непроизводительные расходы, сокращается товарооборот, дефицит государственного бюджета покрывается выпуском бумажных денег, покупательная сила и курс которых при сокращающемся товарообороте все более и более падают.

После Октябрьской революции советская власть сделала попытку приостановить падение валюты, введя чрезвычайный денежный налог на буржуазию (контрибуция). Однако продолжавшийся по указанным уже во II главе причинам упадок производительных

сил обрек эту попытку на неудачу. Начавшаяся вскоре гражданская война заставила советскую власть перейти к военно-коммунистическим методам хозяйства, методам, при которых значение денег свелось к минимуму, так как и государственные доходы и зарплата рабочего натурализовались, точно так же натурализовалось и крестьянское хозяйство.

Деньги выполняли лишь подсобную и притом совершенно незначительную роль.

После перехода к нэпу эмиссия бумажных денег не могла быть сразу прекращена, поскольку эта эмиссия составляла главную доходную статью денежной части госбюджета. Но с переходом к нэпу стал постепенно расширяться товарооборот, и это действовало сдерживающим образом на падение покупательной силы денежных знаков. Осенью 1921 г. к моменту реализации урожая курс рубля даже стабилизировался кратковременно, несмотря на продолжающуюся эмиссию. Но разразившийся голод, который вызвал необходимость больших закупок хлеба и других предметов питания за границей и который резко увеличил расходы государства, привел к еще большему несоответствию между денежными доходами и расходами государства и к срыву наметившейся было стабилизации рубля. XI с'езд ВКП(б), состоявшийся в марте 1922 г., констатировал, что имевшийся тогда «бюджетный дефицит исключает возможность немедленной денежной реформы, направленной к созданию устойчивой валюты» и что «невозможность немедленной денежной реформы обусловливается голодом, влияние которого особо сказывается в росте цен и в обесценении денег». Стало ясно, что денежную реформу необходимо подготовить путем целого ряда мероприятий.

Подготовка к денежной реформе.

В основном мероприятия, намеченные XI с'ездом, сводились к увеличению государственных доходов как путем увеличения доходности всех государственных предприятий, так и путем системы налогов и займов и к уменьшению государственных расходов путем сокращения административного аппарата, снятия с госбюджета местных учреждений и передачи их на местный бюджет, введения платности по коммунальным услугам и т. д. Но с'езд при этом указывает, что «все мероприятия финансовой политики, направленные к упорядочению бюджета, увеличению доходов, корректированию денежного обращения, организации кредита, сами по себе являются лишь паллиативами, поскольку они не в состоянии преодолеть экономического кризиса, составляющего основу кризиса финансов. Выход лежит только в плоскости поднятия производительности труда в сельском хозяйстве и промышленности, только в увеличении емкости рынка как за счет крупного производства, так и за счет увеличения товарного предложения со стороны крестьянских и кустарных хозяйств».

Подготовка к проведению денежной реформы проходила на основе укрепления всего народного хозяйства, постепенного восстановления сельского хозяйства и промышленности и роста товарооборота. Только это восстановление народного хозяйства, начавшее особенно сильно развиваться после удовлетворительного урожая 1922 г., позволило приступить к созданию системы денежных налогов и к выпуску в обращение советских банковых билетов, червонцев, появление которых ознаменовало собой фактически начало денежной реформы.

Государственный банк РСФСР был основан в ноябре 1921 г. и вплоть до октября 1922 г., он работал при помощи падающих совзнаков. Но это обстоятельство чрезвычайно тормозило деятельность Государственного банка и всей начавшей к тому времени складываться кредитной системы. Кредит не может развиваться при падающей валюте, так как банк много теряет на падении денег, которые у него хранятся. Но кредит и развитие банковских операций стали необходимыми в связи с развитием товарооборота и переводом промышленности на хозрасчет. Выходом из этого противоречия и было создание новой банковской валюты.

Выпуск червонца. На основании декрета от 11 октября 1922 г. Госбанку предоставляется право эмиссии банковых билетов, или банкнот, которые должны иметь обеспечение золотом и другими устойчивыми ценностями (первоклассной иностранной валютой) в размере не менее 25%, а в остальной части — векселями и другими товарными документами. Тем самым количество выпускаемых банкнот было, с одной стороны, ограничено наличием золотого и валютного фонда Госбанка, а с другой — выпуск банкнот был поставлен в тесную связь с товарооборотом. Государство признало червонец законным платежным средством при уплате налогов, сборов и т. д., для частных же лиц прием червонцев был необязателен. Однако червонец стал скоро приниматься всеми и широко проник в обращение, несмотря на то, что размен червонцев на золото еще законом не установлен. Это показывает, что червонец с первого же года его появления стал той устойчивой валютой, в которой так нуждались развивающийся товарооборот и восстанавливающаяся промышленность.

Если денежная реформа была невозможна без восстановления хозяйства, то и обратно, восстановление хозяйства, дойдя до определенной ступени, не могло итти дальше, не имея своим орудием устойчивую валюту. Госбанк выпускает свои деньги (червонцы) не для целей покрытия дефицита государственного бюджета, а для кредитования промышленности, сельского хозяйства, транспорта, торговли и т. д. Всякий кредит предполагает возврат кредитору, в данном случае — банку, выданной ссуды. Ясно, что Госбанк кредитовал с самого же начала преимущественно кре-

дитоспособные предприятия, а такими в первые годы нэпа были предприятия и отрасли промышленности, наиболее быстро восстанавливающиеся. Таким образом проникновение в оборот червонца было, с одной стороны, результатом восстановительных процессов, происходивших в народном хозяйстве, а, с другой стороны, червонец превратился в орудие, ускоряющее эти процессы. Червонец потому оказался с самого же начала устойчивой валютой, что кроме золотого обеспечения он был связан с восстановительными процессами в народном хозяйстве.

Червонец, который выпускался билетами достоинством не меньше 10 руб., был предназначен для обслуживания преимущественно оптового и оптово-розничного оборота. В рыночном обороте продолжал обращаться падающий совзнак. Несмотря на постепенное сокращение бюджетного дефицита, который с суммы около 400 млн. зол. рублей в 1922/23 г. уменьшился до 180 млн. в 1923/24 г., несмотря на расширение розничного оборота, падение совзнака не только не приостановилось, но, наоборот, все более ускорялось. Об'ясняется это тем, что эмиссия совзнаков в каждый данный месяц зависит от размеров всей выпущенной прежде денежной массы: чем больше прежде было выпущено денег, тем больше надо (вследствие роста цен) выпустить новых денег для извлечения с рынка одной и той же суммы реальных ценностей. Но вновь выпущенные деньги, увеличивая общую массу денег, находящихся в обращении, еще больше поднимают цены, и поэтому следующий выпуск денег должен быть еще большим и т. д. Обесценение совзнака усиливалось еще и ускорением его обращения: так как каждый держатель совзнаков стремился скорее превратить их в товары для того, чтобы не потерять на их падении (ибо падающие деньги не могут служить средством сбережения ценности), совзнак стал обращаться очень быстро. Масса денег, необходимая для товарного обращения, обратно пропорциональна скорости обращения денег: чем скорее деньги обращаются, тем меньше их нужно для товарооборота. Но падающий совзнак из оборота не мог уходить, и поэтому ускорение его обращения было равносильно увеличению его массы, что еще более ускоряло его обесценение.

Все это приводило к тому, что эмиссия совзнаков ускорялась не только в период военного коммунизма, но и в первые годы нэпа, когда рынок стал оживать, количество обращающихся товаров стало возрастать, когда товарооборот стал нуждаться в деньгах, а дефицит госбюджета стал сокращаться. Эффективность эмиссии, т. е. ее реальная ценность, все уменьшалась. Так выпущенные в январе 1923 г. 634,7 млн. руб. в совзнаках (образца 1923 г.) имели ценность в 35,4 млн. довоенных рублей, а выпущенные в сентябре того же года 6 017,4 млн. руб. в совзнаках равнялись уже только 15,2 млн. руб. довоенных. Быстрому обесценению совзнака немало содействовало и то обстоятельство, что в оптовом обороте совзнак вытеснялся червонцем.

К концу 1923 и началу 1924 гг. падение совзнака достигло такой почти катастрофической быстроты, что немедленная денежная реформа стала насущной необходимостью. Заработная плата, несмотря на то, что она исчислялась в довоенных рублях, все же не могла быть удержана на устойчивом уровне, так как совзнак падал с каждым днем, а зарплата выдавалась не ежедневно, а каждые 2 недели. В деревню червонец проникал очень медленно, фактически он оставался городской валютой, деревня же много теряла на падении совзнака,

и это угрожало разрывом экономических связей между городом и деревней, возвратом к натурально-потребительскому хозяйству со всеми вытекающими отсюда последствиями. Быстрое падение совзнака поколебало и устойчивость червонца, так как товары дорожали не только в совзнаках, но и в червонном исчислении.

Все это сделало немедленное проведение денежной реформы не только экономической, но и политической необходимостью. Подобно тому как закон о замене разверстки налогом в 1921 г. был издан до начала весенних полевых работ, для того чтобы крестьянство имело побуждение расширить запашки, так и сейчас денежная реформа и внедрение в деревню устойчивой валюты должны были быть проведены в 1924 г. до начала весенних полевых работ, для того чтобы крестьянство не сокращало своих посевов.

Денежная реформа 1924 г.

Предпосылка для денежной реформы была создана уже тем фактом, что к началу 1924 г. на 1 января во всей массе обращающихся денег было только 19% совзнаков; 80%, т. е. подавляющая часть всей денежной массы, состояли из устойчивой, червонной, валюты. Важнейшим препятствием к проведению реформы был все еще неизжитый бюджетный дефицит, который в 1923/24 г. составлял 15 млн. руб. в месяц и который не чем иным, кроме эмиссии, не мог покрываться. Выпускать червонцы для покрытия дефицита нельзя было, так как это превратило бы червонец из банковых кредитных денег в бумажные и лишило бы их устойчивости. Задача проведения денежной реформы заключалась, следовательно, в том, чтобы заменить падающий и совершенно обесценившийся совзнак не червонцем, а другой бумажной казначейской валютой, но устойчивой. Эта задача могла быть решена только в том случае, если общая сумма вновь выпускаемых для покрытия бюджетного дефицита новых казначейских денег не превысит потребность товарооборота в деньгах. Приступая к проведению денежной реформы в феврале 1924 г., правительство учитывало, что в феврале, и особенно в марте, произойдет обычное предвесеннее сезонное расширение товарооборота, который потребует добавочного количества денег, и что кроме того потребность в новых деньгах обусловливается уже тем обстоятельством, что старые деньги-совзнаки уже совершенно отказались выполнять роль денег.

Декреты от 5 февраля 1924 г. о выпуске в обращение казначейских билетов в 1, 3 и 5 руб. и 14 февраля того же года о прекращении выпуска совзнаков и исходили из учета этих обстоятельств. Фактически оказалось, что новых денег может быть выпущено больше, чем требуется для покрытия ежемесячного бюджетного дефицита, так как скорость обращения денег сразу

после выпуска новых денег замедлилась и потребовались также деньги для размена червонцев.

Новые казначейские деньги с первого же дня их появления обменивались беспрепятственно на червонцы, и этот свободный размен явился одним из важнейших факторов, обеспечивающих одинаковую с червонцем устойчивость новой валюты.

Для того чтобы полностью обеспечить успех проводимой реформы, необходимо было добиться того, чтобы с первого же дня появления новой валюты приостановилась скачка цен на товары, чтобы в новой валюте цены не повышались. В противном случае внедрение новой валюты в обращение как валюты устойчивой не произошло бы, и новые деньги стали бы падать, потянув за собой и червонец. Для предотвращения этого одновременно с проведением денежной реформы была проведена массовая кампания по регулированию розничных цен (первая кампания с начала нэпа). В результате всех приведенных мероприятий советская страна получила валюту не менее устойчивую, как мы увидим ниже, чем первоклассные валюты других стран.

Значение реформы. Знаменательнее всего факт проведения нами денежной реформы раньше всех европейских стран (Германия провела денежную реформу спустя несколько месяцев после нашей реформы, Польша — тоже, Англия — в 1925 г., Франция только — в 1928 г.) и без всякой помощи извне, в то время как стабилизация европейских валют произошла с помощью золота САСШ, в руках которых фактически находится судьба как германской марки, так и английского фунта стерлингов. Мы же провели нашу реформу на свои собственные средства, сохранив при этом полностью нашу самостоятельность.

Все европейские страны после своих валютных реформ пережили кризисы, у нас же реформа не только не привела к кризису, но, наоборот, послужила мощным фактором к ускорению нашего хозяйственного роста. 1924/25 хозяйственный год, первый год после денежной реформы, был годом частичного неурожая; тем не менее продукция крупной промышленности дала прирост в 53% по сравнению с предшествующим годом. Это оказалось возможным в результате того, что был уничтожен эмиссионный налог и поднята покупательная способность рабочего класса и крестьянства, в противоположность капиталистическим странам, в которых переход к твердой валюте сопровождался сокращением зарплаты, удлинением рабочего дня и безработицей.

Переход к новой валюте ознаменовал собой поворотный пункт в восстановлении нашего хозяйства, денежная реформа покончила с важнейшим препятствием, оставшимся от периода войны и мешавшим хозяйственному росту, — с падающей валютой. После денежной реформы восстановительный процесс нашего хозяйства стал развиваться исключительно бурным темпом. Если падающая

валюта угрожала ослаблением связей между сельским хозяйством и промышленностью, то новая валюта послужила орудием значительного укрепления смычки. Сохранение твердой валюты, обеспечение ее устойчивости является одним из важнейших условий нашего хозяйственного строительства.

Устойчивость валюты не может быть обеспечена раз навсегда одной только удачно проведенной денежной реформой. Для сохранения устойчивости валюты необходимо постоянное регулирование денежного обращения подобно тому, как для достижения устойчивости цен необходимо постоянное регулирование рынка товаров.

Говоря об устойчивости валюты, необходимо различать устойчивость ее покупательной способности и устойчивость ее курса. Покупательная способность валюты измеряется количеством товаров, которые можно получить за единицу данной валюты, или уровнем цен: чем выше уровень цен на товары, тем ниже покупательная сила валюты и наоборот. Курс валюты — это та же покупательная сила, но не по отношению к товарам, а к иностранной валюте и золоту.

Регулирование покупательной силы валюты.

Если мы будем рассматривать устойчивость нашей валюты с точки зрения ее покупательной силы (см. таблицу), то увидим два характерных

Движение покупательной силы червонца с 1923/24 г.

Даты	По оптовым ценам	По розничным ценам [1]
Довоенный уровень . .	100	100
1 октября 1923 г. . . .	63,9	59,9
1 апреля 1924 » . . .	55,3	48,3
1 октября 1924 » . . .	60,9	48,5
1 апреля 1925 » . . .	51,4	46,1
1 октября 1925 » . . .	57,4	46,5
1 октября 1927 » . . .	58,8	50,3
1 апреля 1928 » . . .	58,4	48,8
1 октября 1928 » . . .	56,8	46,7
1 апреля 1929 » . . .	55,5	42,3

явления: 1) покупательная сила червонца все время стоит ниже покупательной силы довоенной десятирублевки и 2) покупательная сила червонца проделывает довольно значительные колебания как по оптовому, так и (в особенности) по розничному

[1] До апреля 1926 г. по ценам частной розницы, с 1 октября 1926 г. по средним ценам государственной, кооперативной и частной розницы.

индексу. Нельзя, конечно, рассматривать оба эти явления как показатели неустойчивости червонца. Покупательная сила самой устойчивой в мире валюты, доллара САСШ, стоит после войны на более низком уровне, чем до войны.

Вот табличка, иллюстрирующая изменение покупательной силы доллара (в процентах к довоенному) в оптовой торговле:

Годы	Доллары
1917	57
1920	44
1923	65
1925	63
1926	66

Более низкая, чем до войны, покупательная способность доллара (как и червонца), об'ясняется не тем, что бумажный доллар обесценился, а тем, что упала покупательная сила золота по сравнению с довоенным временем.

Покупательная сила золота вообще после войны понизилась, это общее явление мирового рынка; поэтому неудивительно, что понизилась и покупательная сила банкнот, основывающихся на золоте.

Не может служить доказательством неустойчивости нашей валюты и тот факт, что ее покупательная сила все время колеблется. Колебания покупательной силы валюты отражают колебания цен; так же как не может быть абсолютно устойчивых цен на товары, так и не может быть абсолютно устойчивой покупательной силы валюты. Цены товаров колеблются в зависимости от сезонных колебаний спроса и предложения, в зависимости от кон'юнктурных условий внутреннего и внешнего рынков. Такие колебания валюты, которые не выходят за определенные пределы, не представляют опасности для ее устойчивости.

Банкноты, как сказано, должны выпускаться в обращение в строгом соответствии со всей хозяйственной обстановкой. Именно это является основным условием их устойчивости.

Пределы кредитной эмиссии в восстановительный и реконструктивный период.

В восстановительный период эмиссия червонцев могла быть сравнительно широко использована в качестве средства для расширения производства, так как для этого требовалось только расширение оборотного капитала. Если текстильной, например, промышленности нужно было расширить производство при наличии еще неиспользованного основного капитала, Госбанк мог выпустить новые банкноты для кредитования под векселя текстильной промышленности; за полученные в кредит деньги соответствующие тресты покупали сырье, топливо, материалы и нанимали рабочих, а через сравнительно короткое время выбрасывали на рынок уже

готовую продукцию и погашали свою задолженность. Таким образом выпущенные Госбанком деньги содействовали расширению товарооборота, возвращались сравнительно быстро в банк и могли быть вновь выпущены в обращение. Эмиссия таким образом служила одним из орудий расширения товарооборота, необходимого для устойчивости вновь эмиттируемых (выпускаемых) денег; в восстановительный период кредитная эмиссия как бы сама, в известной мере, создавала условия устойчивости валюты.

Иначе обстоит дело в реконструктивный период, когда все резервы старого основного капитала уже использованы и когда расширение продукции может происходить только путем расширения существующих и постройки новых фабрик и заводов. Если Госбанк будет выпускать новые банкноты специально для кредитования капитального строительства, то выпущенные таким образом в обращение новые деньги лишь через длительный период возвратятся в Госбанк. Кроме того расширение товарооборота произойдет лишь тогда, когда вновь выстроенные фабрики будут пущены в ход. Поэтому эмиссия банкнот для долгосрочного кредитования капитальных работ может привести к излишку этих банкнот в обращении.

Таким образом в реконструктивный период кредитная эмиссия может расти в гораздо более узких пределах, чем в восстановительный период.

По мере перехода к реконструкции мы наблюдаем падение темпа прироста денежной массы в обращении:

На 1 октября	Общая денежная масса в млн. руб.	Изменения за год	
		В млн. руб.	В %
1923 г.	264,4	—	—
1924 »	627,2	362,8	137,2
1925 »	1 142,9	515,7	82,2
1926 »	1 291,3	217,6	20,3
1927 »	1 628,3	337,0	26,1
1928 »	1 971,4	343,1	21,1

Денежное обращение в пятилетнем плане.

Прирост денежной массы за все пятилетие намечен в 62%. По сравнению с предшествующим пятилетием, когда денежная масса увеличилась более чем на 600% (с 264,4 млн. руб. в 1923 г. до 1 971,4 млн. руб. в 1928 г.), этот прирост чрезвычайно мал. С другой стороны, он ниже общих темпов роста народного хозяйства. Так товарная масса сельскохозяйственных продуктов вырастает за пятилетие на 90%, товарная масса промпродуктов широкого потребления на — 84%, денежные доходы сельского

населения — на 89%, денежные доходы городского населения — на 70%, а денежная масса — на 62%.

Меньший темп роста денежной массы, чем других показателей народного хозяйства, стоит в тесной связи с реконструктивными сдвигами, которые должны произойти за пятилетие, в особенности — с ростом обобществления, который позволяет перейти к более широкому замещению денежных расчетов безденежными.

Наряду с замедлением роста денежной массы пятилетний план намечает образование валютного резерва в 400—500 млн. руб.

Все это в сочетании с предстоящим снижением цен на основе снижения себестоимости промышленной продукции и рационализации торговли даст возможность поднять покупательную силу валюты на 20%.

§ 2. Кредит и кредитная политика.

Кредитная система в СССР является одним из самых мощных орудий регулирования всего народного хозяйства. Через систему кредита собираются временно свободные средства как государственных и кооперативных предприятий и учреждений, так и средства (сбережения и накопления) населения. Все эти сосредоточиваемые в кредитной системе средства направляются по определенному плану в отдельные отрасли народного хозяйства. Через кредитную систему происходит таким образом использование накоплений, имеющихся в стране, сообразно с задачами социалистического строительства. Через кредит, через банки государство оказывает непосредственно регулирующее воздействие на все рыночные процессы. Например сокращая кредит торговым организациям, которые не выполняют или слабо проводят политику снижения цен, банки тем самым содействуют осуществлению этой политики. Точно так же путем сокращения или расширения кредита банки могут содействовать выполнению торговыми и производственными организациями определенного планового завоза товаров. Таким образом кредитная система является одним из орудий как текущего, так называемого кон'юнктурного, регулирования рынка, так и всего процесса социалистического строительства в целом.

Необходимо различать два вида кредита: 1) банковый кредит и 2) государственный кредит (государственные займы).

Система банкового кредита в СССР.

Большое значение имеет кредит банковый, благодаря широко разветвленной сети своих отделений, филиалов, агентств и т. д., через которые происходит собирание временно свободных средств и кредитование ими тех или иных отраслей народного хозяйства. В СССР вся система банкового кредита представляет собой совокупность банков, являющихся, за исключением лишь небольшой части (общества взаимного кредита), государственными кредит-

ными учреждениями. Во главе всей системы банков стоит Государственный банк СССР. Кроме того существуют еще специальные банки (Банк долгосрочного кредита (БДК, бывший Промбанк), Центральный сельскохозяйственный банк, Банк внешней торговли, Центральный банк коммунального и жилищного строительства и Всекобанк). Как Государственный, так и каждый из всесоюзных центральных банков имеют свои отделения, конторы и т. д. в республиках, областях, губерниях, уездах и т. д.

Основной капитал Госбанка является непосредственно государственным капиталом, отпущенным Госбанку Народным комиссариатом финансов для ведения соответствующих операций. Капиталы всех остальных банков являются также государственными капиталами, но образуются иначе, чем основной капитал Госбанка. Эти банки являются акционерными банками, в образовании которых и общем руководстве которыми принимают участие заинтересованные в работе данного банка учреждения. Например: акционерами БДК являются Госбанк и наиболее крупные тресты и синдикаты; акционерами Центрального сельскохозяйственного банка являются опять-таки Госбанк и все заинтересованные в работе Центрального сельскохозяйственного банка организации, как то: Союз союзов сельскохозяйственной кооперации, отдельные специальные центры сельскохозяйственной кооперации (Маслоцентр, Союзкартофель, Льноцентр и др.). Капиталы центральных банков образуются из взносов акционеров — участников этих банков.

Для того чтобы работа всей системы банков Союза ССР происходила согласно, чтобы не было конкуренции между отдельными банками, чтобы планы кредитования отдельных отраслей народного хозяйства через специальные банки и через Госбанк не противоречили друг другу, — необходимо общее и единое руководство деятельностью всей кредитной системы. О б щ е е регулирование всей банковской системой осуществляется Народным комиссариатом финансов через комитет по делам банков, председателем которого является Народный комиссар финансов Союза ССР, а членами — представители отдельных банков. Н е п о с р е д с т в е н н о е руководство деятельностью всех банков возложено на Госбанк СССР. Закон о кредитной системе в СССР возлагает на Госбанк обязательное участие в качестве пайщика во всех центральных специальных банках. Этим своим участием в качестве акционера Госбанк уже приобретает определенное руководящее влияние в советах и правлениях банков. Далее, специальные банки сами кредитуются Государственным банком, и закон обязывает Госбанк СССР иметь контроль над использованием специальными банками отпущенных им кредитов. Это значит, что кредитные планы отдельных специальных банков не могут быть установлены без соответствующего участия и контроля Госбанка.

Госбанк является самым мощным, по количеству сосредоточенных в нем средств, кредитным учреждением. Во-первых, основной капитал Госбанка самый крупный по сравнению с основными капиталами остальных банков. Во-вторых, Госбанк может сам создавать средства, при помощи которых он оказывает кредит, так как он является центральным и единственным в СССР эмиссион-

ным банком (банком, выпускающим свои банкноты). В-третьих, по закону все средства Народного комиссариата финансов должны храниться в Госбанке, который является как бы кассой государственного казначейства. Государственные трудовые сберегательные кассы также обязаны хранить свои свободные средства в Госбанке. Эта финансовая мощь Госбанка является одним из главных условий того, чтобы Госбанк мог действительно регулировать деятельность всех остальных специальных банков.

Вся система кредитных учреждений представляет собой большую экономическую силу во всем народном хозяйстве, благодаря своему единству, благодаря тому, что все эти банки являются государственными кредитными учреждениями и вся их деятельность протекает по единому плану, устанавливаемому государством. В то же самое время эта система, именно вследствие своего разнообразия (наличие Госбанка и ряда специальных банков), обладает достаточной гибкостью для того, чтобы наилучшим образом приспособиться к нуждам и потребностям отдельных специальных отраслей народного хозяйства.

Рост системы кредита в СССР представлен следующими данными (на 1 октября каждого года).

	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г	1928 г.
Число банков. учреждений .	179	304	436	442	411
Число оперативных единиц .	5 473	8 583	13 410	15 622	16 887
Сводный баланс (без низовой сети с.-х. кредита в млн. руб.)	1 750,5	3 417,4	4 356,2	6 269,4	8 466,3

Наибольшая часть всей итоговой суммы баланса всех банков приходится на семь центральных кредитных учреждений общесоюзного значения. Удельный вес обществ взаимного кредита (частных кредитных учреждений) в СССР составляет чрезвычайно незначительную величину по сравнению с государственной кредитной системой. Вот данные о развитии обществ взаимного кредита в СССР.

Общества взаимного кредита в СССР.

	На 1/X 1924 г.	На 1/X 1925 г.	На 1/X 1926 г.
Число обществ	94	176	283
» оперативных единиц .	94	176	283
Итог баланса всех обществ в млн. руб.	14,9	59,6	93,2

Из сопоставления данных обеих таблиц совершенно ясно видно, что вся кредитная система в СССР обобществлена.

Расширение низовой сети банков показывает степень проникновения кредитной системы и охвата ею народнохозяйственной жизни. Рост балансовых сумм всей системы показывает рост всех оборотов банков. Как тот, так и другой показатели говорят о возрастающем значении кредитной системы. О деятельности и о задачах кредитных учреждений необходимо, однако, судить не только с точки зрения общих данных о балансе, но также с точки зрения того, каким образом кредитная система выполняет свое основное назначение, т. е. собирание временно свободных средств, имеющихся в стране, и их планомерное использование.

Соотношение учетно-ссудных и вкладных операций.

Наилучшим показателем того, как кредитная система выполняет свое назначение, служит соотношение отдельных статей баланса и в особенности соотношение тех средств, которые притекают в банки (главным образом вклады и текущие счета), и тех средств, которые банками распределяются в виде кредита (учетно-ссудные операции). В балансе всей кредитной системы (без низовой сети с.-х. кридита) учетно-ссудные операции составляли на 1 октября 1923 г. 64,6%, на 1 октября 1924 г. — 66,2%, на 1 октября 1925 г. — 72,9%, на 1 октября 1926 г. — 78,5%, на 1 октября 1927 г. — 81,9% и на 1 октября 1928 г. — 86,1%.

Мы видим таким образом, что банки все больше и больше использовывают свои средства по своему прямому назначению. Если мы обратимся к вопросу о том, какую роль в балансе играют средства, привлеченные банками со стороны, то эти привлеченные средства составляли по всему балансу на 1 октября 1923 г. 39,1%, а на 1 октября 1928 г. — 52,9%. И здесь мы видим повышение роли привлеченных средств в балансе кредитной системы.

Если сравнить по соответствующим годам удельный вес в балансе учетно-ссудных операций, с одной стороны, и удельный вес привлеченных средств — с другой, мы увидим неблагоприятное соотношение, заключающееся в том, что сумма учетно-ссудных операций составляет больший процент в балансе, нежели сумма привлеченных средств. Это значит, что, несмотря на рост как сети банков, так и увеличения их оборотов, все же банки еще недостаточно вовлекают временно свободные средства, имеющиеся в стране, и кредитование банками отдельных отраслей народного хозяйства происходит в значительной мере как за счет собственных средств банка, так и за счет средств, непосредственно отпускаемых через банки государством для тех или иных определенных целей (так называемый целевой кредит). Конечно поскольку основная часть нашего хозяйства, крупная промышленность, транспорт, значительная часть торговли обобществлены,

роль государства в кредитовании народного хозяйства должна быть большой, и поэтому и в дальнейшем чисто государственные средства будут иметь большое значение в балансе нашей кредитной системы.

В составе средств кредитной системы значительную роль играет и эмиссия банковых билетов Государственным банком (около 21% сводного баланса кредитной системы). Мы уже в предыдущем параграфе видели, что в связи с переходом к реконструктивному периоду эмиссия должна развиваться замедленным темпом. Это обстоятельство, а также и то, что привлеченные банками средства малы по сравнению с размерами учетно-ссудных операций, выдвигает задачу увеличения доли чужих средств в балансах банков. В особенности в связи с теми задачами, которые выдвигаются политикой реконструкции и индустриализации народного хозяйства (крупные капитальные вложения), использование всех накоплений, имеющихся в стране, стало неотложной, практической необходимостью, и внимание экономической политики советской власти вообще и в особенности внимание кредитных учреждений должно быть направлено на усиление притока средств в кредитную систему. Само собой разумеется, что, как и все остальные крупные задачи, стоящие на пути социалистического строительства, и эта задача не сможет быть решена без вовлечения широких масс трудящихся.

Большое значение в деле мобилизации средств населения имеют сберегательные кассы.

Сберегательные кассы.

Аппаратом, наиболее приспособленным для мобилизации сбережений населения, являются государственные трудовые сберегательные кассы. Система государственных займов имеет тот недостаток, что деньги, вкладываемые покупателем в облигацию, не могут быть получены им в любой срок. Вклады же в сберегательную кассу (так называемые бессрочные, которые вносятся на неопределенный срок) могут в любой момент быть востребованы обратно полностью или частями.

Вот данные, характеризующие рост сберегательных касс:

Развитие сберегательных касс в СССР.

	На 1/X 1924 г.	На 1/X 1925 г.	На 1/X 1926 г.	На 1/X 1927 г.
Число сберкасс всех типов	4 544	7 362	11 982	14 428
Число вкладчиков	537 402	817 735	1 315 519	2 211 700
Сумма вкладов (в тыс. рублей)	11 247	33 493	90 468	186 969
Средний размер одного вклада (в рублях) . . .	21	41	68	85

Развитие сберегательного дела происходит, как видим, довольно интенсивно. Но общий размер вкладов совершенно недостаточен по сравнению с довоенным временем, когда на 1 января 1914 г. остаток вкладов в сберкассы составлял 1,5 млрд. руб.

Для усиления массовой работы по мобилизации сбережений во всех предприятиях и учреждениях по постановлению ЦИК и СНК от 15 мая 1929 г. создаются постоянные комиссии содействия государственному кредиту и сберегательному делу «с целью организации общественного содействия индустриализации народного хозяйства СССР посредством укрепления внутреннего государственного кредита и сберегательного дела».

Задача увеличения привлеченных средств, увеличения вкладов в кредитную систему самым тесным образом связана с другой крупной задачей нашей кредитной политики — с задачей организации долгосрочного кредита. Мы уже видели в предыдущем параграфе, при рассмотрении вопроса о пределах эмиссии, что в восстановительный период задача кредита сводилась главным образом к снабжению промышленности и других отраслей народного хозяйства оборотными средствами. Теперь же для развития народного хозяйства требуется расширение основного капитала, который оборачивается медленно; поэтому народное хозяйство в гораздо большей степени, чем раньше, нуждается в долгосрочном кредите.

Источниками организации долгосрочного кредита для банков являются: 1) средства, специально отпускаемые из государственного бюджета для капитальных работ в промышленности, сельском хозяйстве и т. д. и 2) средства самой промышленности, транспорта и т. д., которые эти последние вкладывают в банки на долгий срок. Сюда относятся часть резервных капиталов, амортизация, прибыль промышленности и торговли и т. д. Эти средства и образуют источник долгосрочного кредитования со стороны банков. Банки здесь только перераспределяют имеющиеся внутри самого государственного хозяйства средства для долгосрочного кредитования. Само собой разумеется, что, поскольку использование этих средств совершается по определенному плану, поскольку главная масса средств для долгосрочного кредитования промышленности сосредоточивается в одном месте (Банк долгосрочного кредита), постольку полезный эффект имеющихся в распоряжении банков средств долгосрочного кредитования значительно увеличивается.

Однако те крупнейшие задачи, которые у нас стоят в области реконструкции, делают необходимым наряду с правильным перераспределением и использованием для долгосрочного кредитования средств самого государственного хозяйства также и привлечение значительных средств со стороны главным образом средств населения. Эта задача и должна быть разрешена в форме увеличения вкладов в кредитной системе.

Вклады населения, в особенности мелкие вклады рабочих, служащих и крестьянства, собираются не непосредственно в системе банковского кредита, а в системе государственных трудовых сберегательных касс. Но сами сберегательные кассы должны хранить свои средства в банках.

Государственные займы.

Наряду с банковской кредитной системой существует еще система государственных займов (иначе называемый государственный или публичный кредит), которая также ставит своей целью использование накоплений, имеющихся в стране. Но отличие системы государственных займов от системы банковского кредита заключается в том, что в то время как средства, привлекаемые в банки, использовываются самими же банками для кредитования народного хозяйства, средства, мобилизуемые выпуском займов, идут непосредственно в государственный бюджет. В системе банковских учреждений кредит является как бы двусторонним: банки, с одной стороны, одалживают деньги у населения и у народного хозяйства, а, с другой стороны, сами этими же деньгами кредитуют народное хозяйство. Государственный кредит является в известной степени односторонним кредитом. Здесь государство одалживает деньги у населения и полученные деньги вкладывает в промышленность, сельское хозяйство и т. д., но уже на долгий срок. Государственные займы являются одним из важнейших источников долгосрочного кредитования промышленности и, следовательно, одним из важнейших орудий использования накоплений, имеющихся в стране, в целях индустриализации народного хозяйства.

В первые годы новой экономической политики государственные займы в значительной мере размещались принудительным путем. Весь год, предшествовавший денежной реформе, требовал от государства всемерного сокращения бюджетного дефицита с целью подготовки условий для денежной реформы. Поэтому было необходимо размещать государственные займы также и принудительным путем. Один из займов, второй золотой выигрышный заем, был размещен целиком принудительно среди буржуазии. Частично, в период, предшествовавший денежной реформе, и заработная плата выдавалась облигациями государственных займов. Но такое принудительное размещение государственных займов могло быть только временным. Основывать всю систему государственных займов на принципе принудительности было бы равносильно уничтожению основных условий развития и роста государственного кредита. Принудительное размещение государственных займов оправдывало себя только как мера временная, вызванная исключительными обстоятельствами.

Начиная с 1924 г., принцип принудительности отступает на задний план, и с 1925 г. размещение займов уже производится исключительно в порядке добровольном. Для развития государ-

ственного кредита на основе добровольной покупки облигаций государственных займов необходима, конечно, устойчивость валюты. В тот период, когда покупательная сила нашей валюты стала понижаться (1925/26 г.), уменьшилось размещение государственных займов. Так превышение реализации займов над их погашением выражалось для 1922/23 г. в 77,5 млн. руб., для 1923/24 г.—в 116 млн. руб., для 1924/25 г.—в 93,3 млн. руб., для 1925/26 г.—в 48,5 млн. руб. Только после того, как путем целого ряда мероприятий удалось приостановить падение покупательной силы червонца, вызванное хозяйственными затруднениями 1925/26 г., путем напряженной работы по снижению цен повысить покупательную силу червонца,—только после этого превышение реализации займов над их погашением делает значительный скачок вперед; это превышение в 1926/27 г. составляет около 200 млн. руб.; таким образом, если выпуск займов является одним из способов поддержания устойчивости валюты, то и обратно, всемерная охрана устойчивости валюты является одним из условий успешности государственных займов и использования этим путем накоплений для индустриализации.

Другим условием роста государственного кредита является снижение уровня процента на вольном денежном рынке. Чем ниже будет этот процент, чем ближе он будет к проценту, выплачиваемому по государственным займам, тем больше этих займов сможет быть размещено среди нэповской буржуазии. Через систему государственных займов сможет быть таким образом использовано частное капиталистическое накопление в целях социалистического строительства. Наша политика по регулированию частного денежного рынка через общества взаимного кредита, путем частичного кредитования частного капитала с целью снижения вольного процента,—эта политика уже нашла свое оправдание в том, что спрос частного денежного рынка на облигации государственных займов повысился. Если облигации государственных займов еще в 1925 г. на рынке оценивались в 50% номинальной стоимости, то уже сейчас некоторые облигации и притом облигации крупные (как, например, по выигрышному займу 1926 г., которые находятся главным образом в руках частных капиталистов) оцениваются выше их номинальной стоимости.

Главным покупателем наших займов является не частный капитал. Из всех обращавшихся на 1 октября 1926 г. облигаций государственных займов в 413 млн. руб. только около 40 млн. руб. (т. е. 10%) находилось в руках частных лиц и организаций, которые принадлежали к нетрудовым слоям населения.

Основным держателем наших займов являются государственные трудовые сберегательные кассы, которые на 1 октября 1926 г. имели 22,3% номинальной стоимости займов, обращающихся на рынке. Сберегательные кассы покупают эти займы в счет тех

средств, которые к ним притекают в виде мелких вкладов от населения. Непосредственно же трудящиеся слои города — рабочие, служащие, отчасти лица свободных профессий, — а также крестьянство участвовали в 1926 г. в государственном кредите в размере около 20—25%. Таким образом мы видим, что значительная часть государственных займов как прямым, так и косвенным путем мобилизует мелкие сбережения трудящихся слоев города и деревни.

За период с мая 1922 г., когда был выпущен первый советский государственный заем, по 1 октября 1928 г. государство выпустило 20 займов (не считая займа хозяйственного восстановления), при помощи которых было мобилизовано в разные сроки 2 920 млн. руб. Если мы возьмем остаток государственного долга (опять-таки без займа хозяйственного восстановления, а также без платежных обязательств НКФ), то он выражался:

На 1/X	В млн. руб.
1923 г.	79,8
1924 »	196,0
1925 »	289,4
1926 »	338,1
1928 »	636,2

Однако все эти успехи государственного кредита нельзя считать достаточными. В то время как внутренний долг царского правительства составлял в 1914 г. 6 136,3 млн. руб., государственный долг СССР составлял на 1 октября 1928 г. всего 636,2 млн. руб. (в червонных рублях.) При сравнении этих величин надо иметь в виду, что размещались царские займы среди буржуазии и зажиточного крестьянства, и что проценты по ним выплачивались и самое погашение займов производилось за счет налогового обложения трудящихся. Царские займы имели непроизводительный характер и заключались с целью укрепления режима; они были таким образом одной из форм эксплоатации трудящихся. Советские займы имеют своей целью долгосрочное кредитование народного хозяйства, они содействуют росту производства и, следовательно, под'ему уровня благосостояния масс.

Основным слоем, на который рассчитано размещение советских займов, является рабочий класс и трудящееся крестьянство, которые будут иметь и отчасти имеют уже и сейчас бо́льшую возможность накоплять и сберегать, чем это было в дореволюционной России. Вся наша хозяйственная система, весь советский строй в целом обеспечивает под'ем уровня жизни основных масс нашего государства. И поэтому сбережения рабочего класса, служащих, трудового крестьянства в такой стране, как СССР, с своим многомиллионным населением, должны составить огромные суммы, которые могут быть использованы для ускорения индустриализации. Как на всех участках фронта социалистиче-

ского строительства, так и в области мобилизации средств для индустриализации и реконструкции, активное участие масс имеет решающее значение. Дело сводится не только к режиму экономии и рационализации промышленности, транспорта, торговли и т. д., — огромнейшую роль тут должен сыграть и режим экономии в личном быту трудящихся, режим экономии, ставящий своей целью не понижение уровня существования путем отказа от удовлетворения насущных потребностей, а режим экономии в быту, который приводит к сбережениям, т. е. к прямой и непосредственной возможности поднятия уровня существования в близком будущем.

Широкие массы рабочего класса осознали значение займов как средства ускорения темпа индустриализации и социалистической реконструкции. Второй заем индустриализации, выпущенный в 1928 г. на сумму в 550 млн. руб., был покрыт полностью, и вслед затем, в 1929 г., по инициативе рабочих масс, охваченных волной социалистического соревнования, был выпущен третий заем индустриализации на сумму в 750 млн. руб., который был реализован на сумму в 790 млн. руб. Успех этого займа является поворотным моментом в деле мобилизации средств населения для индустриализации. Решимость масс рабочего класса и беднейшего крестьянства во что бы то ни стало преодолеть в кратчайший срок трудности, стоящие на пути построения социализма, является лучшей гарантией осуществимости намеченной пятилеткой мобилизации путем займов 6 млрд. руб. в течение 5 лет.

Кредитование народного хозяйства. Росту производительных сил народного хозяйства в течение восстановительного периода не в малой мере содействовала мобилизация средств через кредитную систему. Задолженность отраслей народного хозяйства кредитной системе росла следующим образом (в миллионах рублей на 1 октября каждого года):

Отрасли	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.
Промышленность	369,8	696,2	1 227,9	2 006,2
Транспорт	12,3	25,8	199,4	266,0
Сельское хозяйство	117,5	301,4	408,6	568,3
Торговля	330,6	788,7	827,9	1 124,4
Прочие	12,2	23,2	54,5	146,9
Всего	842,4	1 835,3	2 718,3	4 111,8
В том числе (в процентах)				
Государственный сектор	69,3	68,6	71,6	74,1
Кооперативный »	25,2	25,4	22,8	21,0
Частный »	5,5	6,0	5,6	4,9

Мы здесь видим ярко выраженный курс на индустриализацию: кредитование промышленности растет быстрее, чем кредитование других отраслей хозяйства.

За пятилетие прирост кредита составит в млн. руб.:

Отрасли	По краткосрочному кредиту	По долгосрочному кредиту
Промышленность и транспорт	1 400	3 800
Торговля и кооперация	850	—
Сельское хозяйство	350	2 000
Жилищное строительство	100	2 750
Коммунальное хозяйство	100	550

§ 3. Бюджет и налоговая политика.

Государственный бюджет не в меньшей степени, чем кредитная система, является орудием перераспределения народного дохода в сторону социалистического накопления, а также орудием планирования народного хозяйства.

Сущность бюджета. Бюджетом вообще называется роспись доходов и расходов государства. Каждое государство как буржуазное, так и пролетарское, должно иметь свой бюджет. Но между бюджетом буржуазного и бюджетом пролетарского государства, бюджетом СССР, существует коренное различие. В капиталистических странах государственный бюджет представляет собой средство для поддержания буржуазного порядка и почти весь расходуется на содержание государственного аппарата, на содержание армии и отчасти также на культурно-социальные нужды. Государственный же бюджет СССР, не говоря уже о том, что он служит средством укрепления пролетарской, а не буржуазной диктатуры, отличается от бюджетов буржуазных стран еще тем, что в нем наряду с расходами на содержание государственного аппарата и на культурно-социальные нужды имеется еще ряд крупнейших расходов на финансирование народного хозяйства; в СССР государство является не только органом господства и управления, но и хозяйствующим суб'ектом. У нас важнейшие отрасли хозяйства, как промышленность и транспорт, обобществлены и принадлежат государству. В капиталистических странах государственный бюджет представляет собой часть всего народного хозяйства, главным образом в смысле из'ятия из народного хозяйства определенных средств для административных и военных целей. В СССР же бюджет гораздо более тесно связан с народным хозяйством: государство не только изымает из народного хозяйства определенную сумму средств, но и направляет в народное хозяйство, в различные его отрасли,

получение средства по определенному плану. Бюджет в СССР является орудием перераспределения средств внутри народного хозяйства, орудием планового социалистического строительства.

Судьба бюджета самым тесным образом связана с судьбой всего народного хозяйства. Размеры бюджета не могут не находиться в соответствии с общим об'емом производства, с об'емом народного дохода в стране. По мере восстановления и роста народного хозяйства за годы нэпа мы имеем также и значительный рост государственного бюджета, что видно из следующей таблицы:

Рост единого госбюджета (по доходной части):

Годы	Млн. руб.	В процентах к нар. доходу
1922/23	1 460	—
1923/24	2 267	16,5
1924/25	2 929	16,6
1925/26	3 948	16,3
1926/27	5 277	21,4
1927/28	6 008	24,4
1928/29	7 940	26,6

(В 1913 г. бюджет составлял 19% всего народного дохода).

Бюджет последнего года пятилетки должен составить 13 669 млн. руб. (31,1% народного дохода).

Что касается внутреннего строения бюджета, т. е. тех источников, из которых составляются доходы государства, а также строения расходов государства, то они коренным образом изменились по сравнению с довоенным временем. В бюджете чрезвычайно наглядно отражаются те крупнейшие классовые изменения, которые наступили в результате Октябрьской революции.

Мы рассмотрим сначала строение доходной части государственного бюджета, а затем строение его расходной части.

Соотношение налоговых и неналоговых доходов.

Доходная часть государственного бюджета образуется из налогов и из так называемых неналоговых доходов (доходы от железных дорог, от государственных имуществ и предприятий, доходы от займов). Соотношение налоговых и неналоговых доходов в госбюджете представляется в следующем виде (без местного бюджета):

	1913 г.	1927/28 г.	1932/33 г.
	(В процентах)		
Налоговые	61,7	48,1	48,3
Неналоговые	38,3	51,9	51,7

Эта таблица показывает, что роль налоговых доходов, по сравнению с довоенным временем, в бюджете СССР уменьшилась и что соответственно этому значительно выросла роль неналоговых доходов.

В этом изменении сказывается выросшая роль самого государственного хозяйства, с одной стороны, и налоговая политика Советского государства, глубоко отличающаяся от налоговой политики царского правительства, — с другой.

Неналоговые доходы Советского государства также значительно отличаются от неналоговых доходов царского правительства. Если не считать дохода от транспорта и связи, то доходы государственных имуществ и предприятий выражались в следующих процентах по отношению ко всему государственному бюджету:

1913 г.	1923/24 г.	1927/28 г.	1932/33 г.
	(В процентах)		
7,2	10,4	12,1	14,1

Государственным имуществом и предприятиями в 1913 г. были небольшое число казенных заводов, главным образом оружейных, затем леса. В СССР же в состав государственных имуществ и предприятий входят вся крупная национализированная промышленность, государственная торговля, банки и т. д. Из приведенных данных мы видим, что удельный вес государственных имуществ и предприятий в советском бюджете в два раза вырос по сравнению с довоенным временем.

Приведенные данные о соотношении налоговых и неналоговых доходов относятся к бюджету, в состав которого входят и доходы от транспорта и связи. Транспорт и связь, хотя и работающие на началах хозяйственного расчета, не отделены от государственного бюджета, как отделены от него промышленность и торговля. Все доходы транспорта и связи считаются составной частью доходов государственного бюджета. Иначе обстоит с промышленностью. В составе доходов госбюджета промышленность участвует только отчислениями от своей чистой прибыли. В составе же расходов госбюджета промышленность фигурирует только в качестве получателя кредита или субсидии. Таким образом расходы и доходы от транспорта и связи, которые имеются в государственном бюджете, представляют собой так называемые оборотные статьи, и для того чтобы более правильно определить строение бюджета, надо отвлечься от этих оборотных статей. Если взять удельный вес налоговых доходов в государственном бюджете, очищенном от оборотных доходов и расходов транспорта и связи (так называемый бюджет-нетто), — то мы получим для 1926/27 г., что 73% всех доходов госбюджета представляли собой налоговые доходы, в 1927/28 г. — 67,9%, а в 1932/33 будет 64,6%.

Таким образом и в бюджете-нетто мы имеем падение удельного веса налоговых доходов.

Прямые и косвенные налоги.

Все налоги делятся на две крупные группы: на прямые и на косвенные налоги. Прямыми называются те налоги, которые уплачиваются непосредственно (прямо) государству тем лицом или учреждением, на которое налог наложен. В большинстве эти налоги не могут быть переложены налогоплательщиками на других лиц. Косвенными являются те налоги, которые налагаются на определенный товар и включаются в цену этого товара. Налог уплачивает непосредственно государству фабрика или трест, производящий данный товар, но получает его обратно от покупателя товара. Налог таким образом уплачивает в данном случае в конечном итоге покупатель товара, но не непосредственно, а косвенно, через цену товара. В налоговой политике Советского государства отчетливо выражается классовая линия политики государства пролетарской диктатуры.

Главнейшими прямыми налогами в СССР являются: единый сельскохозяйственный налог, промысловый и подоходный налоги.

Единый с.-х. налог.

Чрезвычайно большое не только экономическое, но и непосредственно политическое значение имел и имеет до сих пор единый сельскохозяйственный налог. После перехода к новой экономической политике, после замены продразверстки натуральным налогом сельскохозяйственный налог уплачивался крестьянством в форме натуральной по целому ряду продуктов сельского хозяйства. Фактически существовал не один натуральный налог, а ряд натуральных налогов (около 14). В 1922 г. вместо множества натуральных налогов был введен так называемый единый натуральный налог. Крестьянин имел право уплачивать налог тем продуктом, который он считал для себя целесообразным; так как по декрету 1922 г. о натуралоге была установлена заменяемость одних продуктов другими при уплате сельскохозяйственного налога. В 1923 г. был издан новый закон о сельскохозяйственном налоге, который разрешал вносить налог также и деньгами. Наконец в 1924 г. сельскохозяйственный налог был установлен только в форме денежного налога.

Мы видим таким образом, что прямое обложение деревни постепенно освобождалось от своей натуральной формы. Это было, с одной стороны, результатом роста товарности крестьянского хозяйства, а с другой стороны, введение единого денежного сельскохозяйственного налога само в свою очередь послужило толчком к дальнейшему росту товарности сельского хозяйства. Сельскохозяйственный налог называется единым не потому только, что он уплачивается в денежной форме, а главным образом потому, что кроме этого налога сельское хозяйство никаким другим

прямым налогом не может быть обложено. Это — единый налог в том смысле, что он является единственным прямым налогом в сельском хозяйстве. При помощи этого налога, путем увеличения ставок налога на одни сельскохозяйственные культуры и уменьшения их для других, главным образом для технических культур, Советское государство может регулировать сельскохозяйственное производство. Например, когда выявился недобор льна в 1926 г., когда вследствие этого понизилась товарность льна, законом об едином сельскохозяйственном налоге на 1927/28 г., изданным весною 1927 г., были понижены налоговые ставки, приходящиеся на посевы льна, и в результате этого мы имели уже к осени 1927 г. значительное увеличение сбора льна. Точно так же в 1929 г. в связи с чрезмерной отсталостью сельского хозяйства, в особенности зерновой отрасли, была понижена общая сумма сельскохозяйственного налога, прирост посевной площади совершенно освобожден от налога на два года, дано 10% скидки для хозяйств, проведших простейшие агромероприятия, и целый ряд других льгот.

До 1926 г. единым сельскохозяйственным налогом облагалось только земледельческое хозяйство крестьянства. При обложении, например, скота, скот рассматривался исключительно с точки зрения его значения для полеводства. Те самостоятельные доходы, которые крестьянство извлекало от животноводства, не принимались в расчет при исчислении окладов сельскохозяйственного налога. Это приводило к неравенству обложения как различных групп крестьянства, так и различных сельскохозяйственных районов. По произведенному Центральным статистическим управлением (ЦСУ) обследованию крестьянского хозяйства оказалось, что, например, на крайнем севере 30% дохода крестьянства составляли доходы от земледелия и 70% — доходы от других источников. В таких районах, как Северный, Северо-западный и Западный, роль земледельческих доходов крестьянства выражается в 45—47%. В Московской губернии они также равны 47%. Таким образом видно, что если бы облагался только земледельческий доход, то сельскохозяйственный налог не мог бы в необходимой степени регулировать как сельскохозяйственное производство, так и классовые отношения в деревне. Поэтому с 1926 г. единый сельскохозяйственный налог взимается со всего (а не только с земледельческого) дохода крестьянства. Он берется не с гектара пашни, а с рубля дохода.

Эта реформа единого сельскохозяйственного налога, проведенная в 1926 г., имела своей целью перераспределение тяжести налога между отдельными слоями крестьянства. До реформы наименьшая тяжесть обложения была для маломощных хозяйств — 4% условно-чистого дохода, а наибольшая для богатой верхушки деревни в хозяйствах, имеющих более 200 руб. на

душу, — 12% [1]. После реформы 1926 г. тяжесть налога для маломощных хозяйств снизилась до 2%, причем 25% всех крестьянских хозяйств освобождается от налога совершенно, а для высших слоев крестьянства тяжесть налога поднялась до 25%. Распределение тяжести налога между отдельными слоями крестьянства в 1926/27 г. видно из этой таблицы:

Относительное распределение крестьянских хозяйств, дохода и налога по группам с различной доходностью на едока в 1926/27 г.

Группы доходности на едока	Число хозяйств в процентах	Размер облагаемого дохода в процентах	Размер налога в процентах
До 25 руб.	19,67	4,30	0,17
От 25 до 40 руб.	26,60	21,50	8,94
» 40 » 60 »	33,02	40,83	31,69
» 60 » 80 »	13,12	18,53	25,95
» 80 » 100 »	4,20	7,05	13,43
» 100 » 120 »	1,66	3,35	7,61
» 120 » 150 »	1,11	2,39	6,11
» 150 » 200 »	0,62	2,05	6,10
	100,00	100,00	100,00

Мы видим из приведенной таблицы, что единый сельскохозяйственный налог является рычагом, при помощи которого урезывается накопление буржуазной верхушки деревни и оказывается содействие развитию маломощных хозяйств.

Особые льготы устанавливаются для колхозов. Наша политика в обложении сельского хозяйства регулирует следовательно классовые отношения в деревне не только в смысле ограничения роста капиталистических элементов, но и в смысле уничтожения самой почвы роста этих элементов, поскольку сельскохозяйственный налог стимулирует коллективизацию.

Индивидуальное обложение кулацких хозяйств.

Политика прямого обложения крестьянства на всем ее протяжении носила ярко выраженный классовый характер, выражавшийся и выражающийся в том, что процент обложения более высок для высших групп крестьянства и более низок для низших. Число крестьянских хозяйств, совершенно освобождаемых

[1] Условно чистым доходом называется доход за вычетом потребленных семян и корма для скота.

от налога, увеличено в 1928 г. с 25 до 35% всего числа крестьянских хозяйств.

Однако практика показала, что кулацкие хозяйства, несмотря на больший процент обложения, все же недооблагаются. Дело в том, что обложение по единому сельскохозяйственному налогу производится по внешним признакам облагаемого хозяйства. Крестьянин, имеющий лошадь, которая стоит 100 руб., и крестьянин, имеющий лошадь в 500 руб., облагались по этому внешнему признаку доходности одинаково. Кроме того сумма налога исчислялась на основании норм доходности, устанавливаемых в зависимости от условий данного района. Например норма доходности с лошади устанавливается по РСФСР в 20 руб. Если кулак отдает свою лошадь в наем бедняку и эксплоатирует его, этот доход ускользал от обложения. Поэтому закон вводит с 1928/29 г. индивидуальное обложение кулацких хозяйств. Ст. 28 положения о едином сельскохозяйственном налоге на 1928/29 г. так формулирует сущность индивидуального обложения: «В отношении единоличных хозяйств, особо выделяющихся из общей крестьянской массы в данной местности своей доходностью и притом нетрудовым характером своих доходов, волостные и районные налоговые комиссии исчисляют не по нормам, а на основании общих имеющихся у них сведений — сумму облагаемого дохода этих хозяйств от всех источников в соответствии с их действительной доходностью». Индивидуальное обложение кулацких хозяйств сохранено и в законе о сельскохозяйственном налоге на 1929/30 г. Индивидуальное обложение имеет целью полностью выявить доходы кулака и повысить его обложение. Это создает еще большую передвижку тяжести сельскохозяйственного налога на кулачество.

Первый год (1928/29) применения индивидуального обложения выявил правильность его, но в то же время обнаружил ряд искривлений партийной линии, выражавшихся в том, что индивидуальному обложению подвергались и середняцкие хозяйства, а ряд кулацких хозяйств ускользал от индивидуального обложения. Большую роль в этом сыграло состояние низового партийного и советского аппарата в тех местах, где кулаку удавалось пролезать в налоговые комиссии, склонить на свою сторону социально-переродившиеся элементы аппарата и т. д.

Новый закон точно определяет признаки хозяйств, облагаемых в индивидуальном порядке, а партийные директивы предписывают строго соблюдать принцип применения индивидуального обложения только к кулацким хозяйствам. Но на пути осуществления этой директивы приходится преодолеть сопротивление правой оппозиции.

Правая оппозиция выступает против индивидуального обложения. Этим самым она, во-первых, выступает против уси-

ленного наступления на кулака, против решений XV с'езда партии, ибо индивидуальное обложение кулацких хозяйств является наиболее полным и наиболее совершенным из всех существующих в области налоговой политики способов усиления наступления на кулака. Во-вторых, своим выступлением против индивидуального обложения правые поддерживают те элементы низового аппарата, которые на практике искажают линию партии и соввласти, не желая ссориться с кулаком. Наконец этим своим выступлением правые прямым образом идут навстречу требованиям кулака. Вот почему XVI партийная конференция заклеймила отказ правых от индивидуального обложения как «идеологическое отражение напора на Советское государство капиталистических элементов, стремящихся повернуть деревню на капиталистический путь».

Промысловый налог. Вторым по значению прямым налогом является промысловый налог. Этим налогом облагаются все промышленные и торговые предприятия как государственные и кооперативные, так и частные. Промысловый налог состоит из двух частей: из патентного сбора и из уравнительного сбора. Патентный сбор уплачивается в начале окладного года по определенным разрядам в зависимости от величины предприятия. К концу же операционного года взимается уравнительный сбор в зависимости от действительных оборотов, которые были произведены за истекший операционный год. Поскольку уравнительный сбор берется в конце операционного года, т. е. уже после того, как оборот совершен и товары были проданы, то он с большим трудом может быть переложен на покупателя товаров. Патентный же сбор, который известен заранее, до начала оборота, перелагается целиком на покупателя.

В промысловом налоге проводится определенная классовая линия. По действующему закону о промысловом налоге, кооперация облагается промысловым налогом несколько выше госторговли, а частный капитал выше, нежели кооперация. Особенно большие ставки промыслового налога берутся с тех предприятий, которые изготовляют и которые торгуют предметами роскоши.

При помощи промыслового налога также регулируется частнокапиталистическое накопление. Увеличивая ставки промыслового налога на частный капитал, мы тем самым держим его деятельность в определенных рамках; увеличивая ставки промыслового налога для торговли одними товарами и уменьшая их для торговли другими товарами, мы можем направить деятельность частного капитала в определенное русло.

Подоходный налог. Не менее важное значение для регулирования частного накопления имеет подоходный налог. Если промысловым налогом облагаются все виды предприятий как государственные и кооперативные, так и частные,

то подоходный налог является преимущественно налогом на население.

Как показывает само название, это — налог на доходы, а не на оборот и не на капитал. Подоходный налог берется в конце хозяйственного года, после того как доход уже получен, и берется не вперед, а за прошлое время. Поэтому подоходный налог не может быть переложен налогоплательщиками на других лиц. При обложении промысловым налогом частный капитал может значительную часть уплаченного им налога переложить на покупателя (это относится, конечно, прежде всего к недостаточным товарам). Иное дело с подоходным налогом, который не может быть переложен. Поэтому подоходный налог является в высшей степени совершенным орудием для регулирования накопления частного капитала.

В 1925/26 г. число плательщиков подоходного налога было 2 330 тыс. человек. После реформы подоходного налога (сентябрь 1926 г.) число плательщиков сократилось до 1 370 тыс. человек, т. е. почти на один миллион; но одновременно с этим произошло повышение общей суммы собираемого подоходного налога с 96 млн. руб. в 1925/26 г. до 103 млн. в 1926/27 г. До реформы подоходного налога внимание налоговых органов весьма часто распылялось на взимание налога с мелких плательщиков, а крупные плательщики ускользали. Освобождение ряда мелких плательщиков от подоходного налога, повышение необлагаемого минимума для рабочих и служащих не уменьшило доходы государства, так как одновременно с этим были повышены налоговые ставки для высших групп плательщиков. Обложение нетрудовых элементов налогом было увеличено до 30%. В отдельных же группах наиболее крупных капиталистов обложение подоходным налогом было доведено до 45% всего дохода.

В первом полугодии 1925/26 г. подоходный налог следующим образом распределялся между отдельными группами плательщиков: основная масса плательщиков (89,8%) принадлежала к плательщикам, имевшим годовой доход до 3 200 руб., и уплатила 35,4% всей суммы налога. Группа плательщиков с доходом от 6 тыс. руб. и выше составляла 3,2% плательщиков и уплачивала 46,4% всего налога.

Эти данные достаточно ярко вскрывают классовый характер подоходного налога в СССР.

Кроме подоходного налога на отдельных лиц и частные предприятия существует еще подоходный налог на государственные и кооперативные предприятия, который, на основании закона от 15 октября 1926 г., устанавливается в 8% для всех предприятий с прибылью не менее 1 500 руб. в год.

Отличительной особенностью подоходного налога является не его прогрессивность вообще. И в капиталистических странах

существует подоходный налог. Но там он не носит классового характера, ибо прогрессия обложения устанавливается только в зависимости от размера дохода и независимо от источника этого дохода. Скажем, если рабочий получает в год дохода 3 тыс. руб. и такой же доход получает торговец, то они облагаются одинаково. В СССР же для различных социальных групп устанавливается различная прогрессия обложения.

Налог на сверхприбыль.

К подоходному налогу примыкает налог на сверхприбыль, который был введен в 1926 г. в качестве временного налога и в 1927 г. в качестве постоянного налога. Этим налогом имеется в виду урезать те большие прибыли, которые получаются частными торговцами и промышленниками в результате взвинченных цен в условиях товарного голода. Цель этого налога на сверхприбыль заключается как в регулировании частнокапиталистического накопления, так и в том, чтобы заставить частную торговлю и частную промышленность держать цены на определенном уровне. Налог на сверхприбыль является таким образом также и орудием регулирования цен в частной торговле.

Из сделанного нами обзора системы прямых налогов в СССР мы можем сделать определенный вывод о том, что все эти налоги проникнуты резко выраженным классовым подходом. Троцкистская оппозиция часто обвиняла партию в том, что партия и государство не используют всех возможностей налогового обложения и недостаточно урезывают частно-капиталистическое накопление. Но если принять во внимание, что в сельском хозяйстве в высших группах крестьянства налог уже в 1926/27 г., т. е. до усиления наступления на кулака, составлял 25% условно-чистого дохода, что от подоходного налога в городе у высших групп нэповской буржуазии из'ятие доходит до 45%, то станет совершенно ясным, что наша налоговая система значительно срезывает частно-капиталистическое накопление.

Косвенные налоги.

В гораздо меньшей мере, чем при помощи прямых налогов, возможно регулирование частно-капиталистического накопления при помощи косвенных налогов. Косвенные налоги падают только на предметы потребления. У нас существуют высокие ставки налога на те предметы потребления, которые потребляются главным образом зажиточными и буржуазными слоями населения. Так установлено высокое акцизное обложение дорогих тканей, дорогих сортов табака и вин. Однако при помощи косвенных налогов много из'ять из доходов буржуазных слоев невозможно. Из'ятие путем косвенных налогов ограничено пределами потребления промышленных товаров. В нашей стране крупная буржуазия уничтожена, а средняя буржуазия составляет небольшой процент населения; доходы нетрудовых групп городского населения, включая сюда и лиц

свободных профессий, в 1926 г. составляли около 12% всех доходов всего населения. Основной группой населения как по своей численности, так и по своим доходам, так и по размерам потребления являются рабочий класс и трудящееся крестьянство. Поэтому вполне естественно, что в условиях СССР главная часть всех косвенных налогов уплачивается этими трудовыми слоями. И в капиталистических странах косвенные налоги падают главным образом на рабочий класс и трудовые слои крестьянства. Но существует глубокая разница между системой косвенных налогов в СССР и системой косвенных налогов при господстве капитализма. В довоенной России косвенные налоги составляли более $^3/_4$ всех налогов. Прямые же налоги падали опять-таки главным образом на рабочий класс и крестьянство, поскольку все они были налогами переложимыми. Таким образом вся масса налогов падала, главным образом, на рабочий класс и крестьянство. В системе же налогов СССР соотношение между прямыми и косвенными налогами совершенно другое, что видно из следующей таблицы:

Соотношение прямых и косвенных налогов в процентах.

	1913 г.	1923/24 г.	1927/28 г.	1932/33 г.
Прямые налоги	22,9	57,1	43,9	55,5
Косвенн. »	77,1	42,9	54,1	44,7

Поступления по косвенным налогам находятся в самой тесной связи с уровнем цен на облагаемые товары. Чем ниже будут цены, тем больше будет продано товаров и, следовательно, тем более по этим товарам поступит косвенного налога. С другой же стороны, сами косвенные налоги являются фактором, определяющим уровень цен: налог повышает цену на товар. В тех случаях, когда это повышение значительно, может произойти даже сокращение сбыта данного товара. Поэтому при косвенном обложении следует всегда иметь в виду границы обложения, за которыми начинается сокращение спроса и следовательно сбыта. Точно так же как в области прямых налогов, так и в области косвенных налогов существуют определенные пределы обложения.

Мы рассмотрели основные статьи доходной части государственного бюджета. Мы видели, что налоговая политика самым тесным образом связана с государственным бюджетом. Через эту политику государство регулирует как хозяйственные процессы, происходящие в стране, так и в значительной мере социально-классовые. Не меньшее значение в этом отношении имеет и строение расходной части государственного бюджета. Именно в этой расходной части получают определенное использование средства,

собранные по доходной части бюджета. Если бюджет в целом является орудием перераспределения средств, орудием регулирования накопления, то это осуществляется практически через расходную часть бюджета.

Строение расходного бюджета.

Мы уже выше, в начале этого параграфа, указали на существенное отличие между бюджетом СССР и бюджетами капиталистических государств, отличие, заключающееся в том, что, во-первых, у нас бюджет перераспределяет средства в сторону социалистического накопления, в то время как в капиталистических странах бюджет является средством эксплоатации рабочего класса и трудовых слоев крестьянства в пользу буржуазии, во-вторых, в нашем бюджете имеются расходные статьи на финансирование народного хозяйства, которые играют совершенно незначительную роль в бюджетах капиталистических государств. У нас бюджет является одним из мощных орудий социалистического строительства.

Рассмотрим расходную часть бюджета по основным его статьям.

Расходы на оборону государства. В царском бюджете эти расходы составляли 30%. У нас же в СССР они составляли в 1923/24 г. $17^1/_2$%, а в 1928/29 г.—11%. Расходы на оборону у нас меньше не только по сравнению с царской Россией, но и с современными капиталистическими государствами. Так в бюджете современной Франции расходы на армию и флот и на подготовку войны составляют почти 60%. В бюджете Польши эти расходы составляют 40%, САСШ—50%. В СССР на душу населения падает 7 руб. военных расходов ежегодно. В Англии же—100 руб. [1], во Франции—62 руб., в САСШ—32 руб.

Основным стремлением нашего государства является всемерное использование бюджета для под'ема культурного и хозяйственного уровня страны путем его социалистической реконструкции. Это видно не только из падения удельного веса военных расходов в бюджете, но также и из уменьшения удельного веса административных расходов, т. е. расходов на содержание аппарата управления. Эти расходы составляли в 1923/24 г. 14%, а в 1928/29 г.—6%. Мы видим здесь таким образом относительное уменьшение административных расходов. В бюджете 1932/33 г. расходы административные и на оборону составят вместе 11,5% всех расходов.

Падение удельного веса расходов на оборону и на управление дало возможность поднять значение расходов на культурно-социальные нужды и на финансирование народного хозяйства. В общегосударственном бюджете расходы на культурно-социальные нужды составляли только 5,3% (120 млн.

[1] Включая расходы по уплате военных долгов.

руб.) в 1923/24 г., а в 1926/27 г.—5,9% (295,6 млн. руб.). Эта сумма чрезвычайно недостаточна. Но если принять во внимание, что очень большая доля средств на культурно-социальные нужды расходуется по местным бюджетам, то удельный вес этих расходов будет гораздо больше. Так в общей сумме государственного и местного бюджетов культурно-социальные расходы составляли 12,8% в 1923/24 г. и 21,6% в 1927/28 г., превысив таким образом 14,1% довоенных расходов на культурно-социальные нужды.

Расходы по финансированию народного хозяйства—это такие статьи, которые совсем отсутствовали в довоенном бюджете. В бюджете же СССР эти расходы растут не только абсолютно, но и относительно, в процентах, что видно из следующих данных:

Бюджетное финансирование народного хозяйства по госбюджету:

Отрасли	1924/25 г.		1927/28 г.		1932/33 г.	
	В млн. руб.	В % к бюджету	В млн. руб.	В % к бюджету	В млн. руб.	В % к бюджету
Все хозяйство . .	421,8	17,8	1 942,7	29,5	5 533	39,3
В том числе:						
1. Промышленность и электростроительство	174,6	7,4	786,5	12,0	2 111	15,1
2. Вложения по транспорту . . .	—	—	557,0	8,5	2 070	14,7
3. Сельское хозяйство	66,3	2,8	195,6	3,0	596	4,2
4. Остальные отрасли	180,9	7,6	403,6	6,0	756	5,3

Еще рельефнее рост доли расходов на финансирование народного хозяйства (в % ко всему расходному бюджету) выступает в сводном бюджете (включающем общегосударственный и местные бюджеты):

Годы	В процентах
1924/25	27,9
1927/28	41,1
1932/33	48,8

Финансовый план пятилетки.

Особенностью пятилетнего плана в отличие от прежних годовых планов (контрольных цифр) является наличие единого финансового плана по финансированию всего народного хозяйства. Финансирование социалистического строительства из различных

источников увязано в единую систему, в которой отдельные составные части находятся в теснейшей зависимости друг от друга.

Сводный план финансирования народного хозяйства и социально-культурных учреждений за пять лет составлен в сумме 86 005 млн. руб., в том числе на народное хозяйство — 53 929 млн. руб., на социально-культурные нужды — 21 396 млн. руб., на управление и оборону — 9 980 млн. руб. и на систему краткосрочного кредита — 700 млн. руб. При этом из 53 929 млн. руб. расходов на финансирование хозяйства только 23 390 млн. руб. идут по бюджету, 19 686 млн. руб. — это собственные средства народного хозяйства (прибыль, амортизация и собственные средства долгосрочного кредита), остальная сумма в 10 853 млн. руб. мобилизуется из других источников. То обстоятельство, что финансирование народного хозяйства производится в значительной мере за счет мобилизации его внутренних, неперераспределяемых бюджетом ресурсов (около 36%), ставит выполнение всего финансового плана в зависимость от результатов работы, в первую очередь, промышленности и транспорта, ибо на них приходится львиная доля средств, вкладываемых в народное хозяйство (30 211 млн. руб. из 53 929 млн. руб., а по линии внутренних ресурсов — 15 806 млн. руб. из 19 686 млн. руб.). Это значит, что осуществление финансового плана индустриализации зависит в огромной степени от под'ема производительности труда и снижения себестоимости в промышленности и на транспорте.

Финансовый план в последнем году пятилетки мобилизует больше половины (53%) всего народного дохода. Это значит, что перераспределение народного дохода будет все больше происходить по руслу обобществленной части хозяйства. На деле этот процент значительно повысится, во-первых, в связи с общим превышением пятилетнего плана и, во-вторых, в особенности благодаря широкому размаху коллективизации, которая втягивает доход индивидуальных крестьянских хозяйств в сферу дохода обобществленного сектора.

Уже в 1929/30 г. мы имеем значительное превышение заданий пятилетки: финансовый план 1929/30 г. составляет 17,6 млрд. руб. вместо 14,2 млрд. руб. по пятилетке, а бюджет — 11,4 млрд. руб. вместо 7,5 млрд. руб. по пятилетке. Бюджет второго года пятилетия уже сейчас равен бюджету, предусмотренному для последнего года пятилетия. В конце пятилетия мы приблизимся к охвату единым финансовым планом подавляющей части всего народного дохода. Это будет одной из крупнейших побед планового хозяйства и социализма.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Октябрьская революция открыла эпоху мировой социалистической революции. Пролетариат СССР, отвоевавший у капитализма одну шестую часть мира, проделал сложный и тяжелый путь. В течение трех лет пролетарская диктатура отбивалась от многочисленных врагов, пытавшихся повернуть назад колесо истории и задушить начавшуюся социалистическую революцию. Эта попытка окончилась всемирно-исторической победой пролетариата. Руководимый коммунистической партией, вооруженный испытанным и могучим оружием марксизма-ленинизма пролетариат СССР, опираясь на деревенскую бедноту и установив прочный союз с средним крестьянством, при поддержке мирового революционного пролетариата отстоял свою диктатуру и взялся всеми силами за восстановление своего разрушенного хозяйства, за построение нового общества.

Но одновременно с этим и мировой капитализм, вступивший в свою последнюю фазу, загнивающий и раздираемый противоречиями, при активной помощи социал-демократии отстоял на время свое существование, разбил первую волну революционного под'ема и вступил в полосу относительной стабилизации. Создалось положение относительного, неустойчивого равновесия между двумя враждебными, взаимно исключающими системами — дряхлеющим, загнивающим, но все еще сильным капитализмом и молодой страной пролетарской диктатуры, строящей новое общество, свободное от эксплоатации, — социализм.

История поставила первую страну пролетарской диктатуры перед величайшим испытанием: впервые показать всем угнетенным и эксплоатируемым мира практическую осуществимость социализма; показать, что освобожденный от капиталистического рабства пролетариат в состоянии не только разрушить господство буржуазии, разбить свои цепи, но что он в состоянии развернуть гигантские творческие силы, строить самостоятельно свою жизнь; что он в состоянии преодолеть величайшие препятствия, стоящие на пути к построению нового общества, что он наконец в состоянии разрешить труднейшую задачу социалистической революции, задачу социалистической перестройки мелкого крестьянского хозяйства.

Восстановительный период — первый этап этого исторического экзамена — в части взаимоотношений с капиталистическим окружением ознаменован установлением торговых и вообще экономических связей между СССР и внешним капиталистическим миром. Но это не является примирением двух систем. Период относительной стабилизации капитализма был одновременно периодом растущей, действительной стабилизации, укрепления строящегося социализма, следовательно периодом нарастания противоречий (а не их ослабления) между социализмом и капитализмом в мировом масштабе.

С окончанием восстановительного периода перед пролетариатом СССР встала еще более трудная задача — построения нового фундамента социализма, задача, являющаяся решающей для судеб революции. Если пролетариат СССР разрешит эту задачу — пролетариат всего мира в лице СССР будет иметь наглядный пример, указывающий ему практический путь к освобождению. «Если этот эксперимент удастся хоть на три четверти, тогда уже нельзя будет сомневаться в окончательной победе», писала влиятельная газета немецкой буржуазии «Берлинер Тагеблат» в июне 1929 г. по поводу пятилетнего плана. Теперь уже ясно всем, что этот «эксперимент» удался не только на три четверти. Пятилетка уже превращается в четырехлетку. Мы имеем невиданный в истории человечества темп хозяйственного роста. Социализм уже становится реальностью, мы приближаемся к нему семимильными шагами. Кто мог еще в начале 1929 г., когда утверждался пятилетний план, полагать, что уже в 1930 г. мы выполним пятилетний план коллективизации? Кто мог предвидеть, что в течение ближайших 6—7 лет сельское хозяйство будет полностью коллективизировано? Кто мог мечтать о том, что в течение ближайшего десятилетия Россия наповская будет превращена в Россию социалистическую? А между тем это уже реальнейшая из реальных перспектив.

Эта перспектива в кратчайший исторический срок догнать и перегнать передовые в техническом отношении капиталистические страны вполне реальна, и на практике ее реальность уже доказана. Победа эта коренным образом меняет соотношение сил в мировом масштабе и ускоряет темп мировой революции. Как внутренние противоречия капитализма, так и противоречия между победоносным социалистическим строительством и мировым капитализмом кладут конец хваленой стабилизации капитализма. Становится ясным для всех, что «третий период» послевоенного развития капитализма является третьим периодом всеобщего кризиса капитализма — кризиса, в котором наша пятилетка сыграла немаловажную роль.

В течение стабилизационного периода производительные силы капитализма выросли за счет ухудшения положения рабочего

класса. Но в результате рационализации наступил не период процветания, как в этом пыталась уверить рабочие массы социал-демократия, изо всех сил старавшаяся вывести капитализм из тупика, — наступил, наоборот, период новых сотрясений. Проблема рынков обостряется с каждым днем. В самой «организованной», в самой «цветущей» капиталистической стране, в САСШ, в момент самого высокого «процветания» разразился глубочайший кризис, охватывающий все мировое капиталистическое хозяйство. В Англии, Германии и САСШ безработица к концу 1929 г. уже охватила 9 млн. рабочих. Это — в самом начале кризиса.

А рядом с этим — СССР с бурно развивающимся хозяйством, с неуклонно растущим уровнем существования масс, с абсолютным сокращением безработицы. Теперь, в «третий период», пролетариат, вступающий в новую полосу крупнейших классовых боев, в отличие от первой полосы революционного подъема непосредственно после мировой войны, уже видит, что единственным выходом из тупика является путь, по которому пошел пролетариат России в 1917 г. Эти новые бои отличаются от революционных боев 1918—1921 гг. тем, что теперь мы имеем глубокую брешь в капитализме, пробитую победоносно строящимся социализмом, который стал одним из могущественнейших факторов революционного подъема во всем мире, «могучим средством революционизирования рабочих всех стран и угнетенных народов колоний и полуколоний» [из резолюции XIV съезда ВКП (б)].

«Развитие социализма в СССР и рост его международного влияния не только мобилизуют против него ненависть капиталистических держав и их социал-демократической агентуры, но и пробуждают величайшие симпатии к нему со стороны широких трудящихся масс всего мира, готовность угнетенных классов всех стран биться всеми средствами за страну диктатуры пролетариата в случае империалистического нападения.

Таким образом развертывание противоречий современного мирового хозяйства, развитие общего капиталистического кризиса, военное нападение империалистов на Советский союз приведут неизбежно к могучему революционному взрыву, который должен похоронить капитализм в ряде так называемых цивилизованных стран, развязать победоносную революцию в колониях, в громадной степени расширить базу пролетарской диктатуры и сделать тем самым гигантский шаг вперед, в сторону окончательной мировой победы социализма» (программа Коминтерна).

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Предисловие к IV изданию 3

Часть первая

Введение. Маркс и Энгельс об экономике и экономической политике переходного периода 5

Глава I. Программа экономической политики, намеченная партией накануне Октябрьской революции 15

Глава II. Первый период экономической политики советской власти (от октября 1917 г. до периода «военного коммунизма») . 28

Глава III. Период военного коммунизма 41

Глава IV. Новая экономическая политика 56

§ 1. Переход к новой экономической политике . . . . . —

§ 2. Новая экономическая политика — путь к социализму . . 66

§ 3. О возможности победоносного социалистического строительства в СССР 102

Глава V. Два периода новой экономической политики и очередные задачи социалистического строительства 124

§ 1. Восстановительный период 125

§ 2. Реконструктивный период 133

§ 3. Пятилетний план как программа социалистической реконструкции на основе быстрого темпа индустриализации . . 155

§ 4. Борьба с уклонами от партийной линии, в особенности с правым уклоном — необходимое условие осуществления пятилетнего плана 180

Часть вторая

Экономическая политика совласти в отдельных отраслях народного хозяйства 198

Глава VI. Промышленность 200

§ 1. Организация государственной промышленности 201

§ 2. Частная промышленность 210

§ 3. Проблема себестоимости в государственной промышленности и рационализация 223

§ 4. Накопление и капитальные работы в государственной промышленности 247

		Стр.
Глава VII.	Политика в области сельского хозяйства	265
§ 1.	Классы и классовая борьба в советской деревне	266
§ 2.	Под'ем производительных сил и процессы обобществления сельского хозяйства в восстановительном периоде	294
§ 3.	Пути социалистической реконструкции сельского хозяйства	313
Глава VIII.	Политика в области труда	348
Глава IX.	Политика в области торговли	390
§ 1.	Государственная, кооперативная и частная торговля	391
§ 2.	Регулирование рынка и цен	400
	а) Государственное регулирование рынка промышленных товаров	401
	б) Регулирование рынка сельскохозяйственных продуктов	411
§ 3.	Внешняя торговля	424
Глава X.	Финансы и кредит	434
§ 1.	Денежное обращение и его регулирование	—
§ 2.	Кредит и кредитная политика	443
§ 3.	Бюджет и налоговая политика	453
Заключение		467

ОБ'ЕДИНЕННАЯ БИБЛИОТЕКА И. К. П.

БИБЛИОТЕКА Аграрного ИНСТИТУТА

ИСТОРИЧЕСКАЯ